ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Tagastage raamat õigeaegselt! 5229
Возвратите книгу вовремя!
96

1 В-142

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Х. А. МООРА

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1956

Est. B N
Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
90496
5229

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сложные вопросы этногенеза изучаются представителями ряда научных дисциплин: языковедения, археологии, палеоантропологии, этнографии и др. Процессы этнического формирования племен и народов восходят к весьма далекому прошлому, по которому каждая из названных отраслей науки в отдельности располагает лишь очень скудными и отрывочными данными. Поэтому неоднократно высказывалась мысль, что изучение вопросов этногенеза может дать положительные результаты лишь при условии, если ими будут заниматься соответствующие отрасли науки не обособленно, а совместно.

Требование комплексного, т. е. совместного и согласованного, изучения научных проблем, в том числе и вопросов этногенеза, наиболее последовательно выдвигалось советскими учеными. В 1951 году в Москве состоялась специальная научная сессия, посвященная комплексному исследованию вопросов этногенеза. В ней приняли участие языковеды, археологи, этнографы и антропологи, которые пытались объединенными усилиями осветить процесс формирования разных этнических групп, в том числе и финно-угорских народов. Одновременно перед сессией был поставлен ряд теоретических и организационных вопросов, связанных с комплексным изучением проблем этногенеза.

Перед советскими учеными открыты значительно более широкие возможности для успешного решения этих проблем, чем перед учеными буржуазных стран. В нашей стране все отрасли науки базируются на единой научной основе — на марксистском учении о развитии человеческого общества, — в то время как в буржуазных странах не только каждая отрасль науки, но часто даже отдельные ученые исходят из весьма разнородных позиций. Это не может, разумеется, способствовать их плодотворному сотрудничеству и, следовательно, достижению единых, всесторонне обоснованных результатов.

Издавая настоящий сборник, авторы стремятся положить начало комплексному изучению этногенеза и этнической истории эстонского народа. В основу публикуемых ниже статей лег богатый материал, накопленный на протяжении десятков лет при содействии широких народных масс как в области эстонского языка, так и по материальной и духовной культуре эстонского народа и его антропологическому составу. Прежние материалы в значительной степени пополняют данные, собранные за последние годы Прибалтийской объединенной комплексной экспедицией. В работе экспедиции участвуют ученые Института истории материальной культуры и Института этнографии Академии наук Союза ССР, а также научные сотрудники академий наук Эстонской, Латвийской, Литовской и Белорусской ССР.

Настоящий сборник статей имеет целью, с одной стороны, удовлетворить запросы широкого круга читателей, интересующихся этнической историей эстонского народа. С другой стороны, сборник ставит перед собой задачу ознакомить исследователей различных специальностей с результатами, достигнутыми в изучении данной проблемы, и одновременно наметить некоторые вопросы, ожидающие дальнейшей совместной разработки. Такая взаимная информация является необходимой предпосылкой для дальнейшего успешного сотрудничества.

Публикуемые ниже статьи обсуждены и по возможности согласованы авторским коллективом. Однако характер материала и состояние исследования в области разных дисциплин не всегда давали возможность провести такое согласование, а поэтому читатель неизбежно столкнется с известными расхождениями по отдельным вопросам.

Нельзя не отметить, что в сборнике отсутствуют некоторые статьи, которые способствовали бы более полному освещению этнической истории эстонского народа. Так, например, нет статьи по топонимике Эстонии, не освещен также на основании письменных источников вопрос формирования эстонского народа в XIII—XVIII вв. Изучение этих вопросов стоит на повестке дня, и в недалеком будущем появятся, надеемся, соответствующие специальные исследования.

Некоторые статьи в русском издании сборника, по сравнению с эстонским, несколько сокращены, с другой же стороны, в текст внесены отдельные дополнения и ссылки на новую литературу, добавлено также несколько рисунков.

Иллюстрации к тексту настоящего сборника выполнены художниками Л. Ю. Кальво, К. Ю. Мей, В. О. Пильтер и Р. А. Рааматом.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ И ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД ИХ РАЗВИТИЯ

П. А. АРИСТЭ

В семью современных прибалтийско-финских, или прибалтийских, языков входят ливский, эстонский, водский, финский, ижорский, карельский и вепсский языки. Из них первые три языка составляют отдельную группу — южную, ибо как их словарный состав, так и грамматический строй заключают в себе целый ряд общих черт, отсутствующих или редко встречающихся в других прибалтийских языках. Остальные четыре языка, в свою очередь, также имеют между собой много общего, объединяясь, таким образом, в другую группу — северную. Тем не менее, все эти языки настолько близки друг к другу, что представители всех прибалтийско-финских народов до некоторой степени понимают друг друга. Современные прибалтийско-финские народности (ливы, водь, ижорцы, карелы, вепсы) и нации (эстонцы, финны) с их языками не представляют собой точного соответствия тем этническим и языковым группировкам, которые существовали прежде. На протяжении веков здесь происходили различные процессы дифференциации и интеграции, изменявшие первоначальные взаимоотношения этих языков.

Относительно степени родства прибалтийских языков и соответствующих им древних племен существовали различные представления и теории. Уже в первой половине XVII в. языковедами осознавался тот факт, что эстонский и финский языки находятся между собой в близком родстве. В предшествующем столетии на обоих этих языках стали печататься книги, в результате чего материалы по этим языкам стали более доступными для широких кругов ученых. Одним из первых ученых, занимавшихся в первой половине XVII в. сопоставлением лексики эстонского и финского языков и утверждавших, что эти языки весьма близки друг к другу, был уроженец г. Тарту Г. Шернъельм. До него было только упомянуто, что эстонский и карельский языки являются диалектами финского языка. Шернъельм практически знал южноэстонский диалект, на что указывают записанные им различные образцы народного разговорного языка. Сравнивая эстонский язык с финским, он пришел к выводу, что финский язык является диалектом эстонского языка. Относительно самого эстонского языка Шернъельм полагал, что он образовался в результате смешения некоторых восточных языков, а также сарматского, греческого и кельтских языков.[1]

[1] E. N. Setälä, Lisiä suomalais-ugrilaisen kielitutkimuksen historiaan, Helsinki 1891, стр. 41. E. Schroderus, Lexicon Latino-Scandicum, Holmie Sueonum 1637, предисловие. L. Posti, Itämerensuomalaisen kielentutkimuksen tehtävistä. Virittäjä 1954, стр. 345.

Несколько позднее финн М. О. Векшониус более подробно останавливается в своих работах наряду с лексикой и на вопросах грамматики эстонского и финского языков, а именно на вопросах изменения и образования слов, констатируя в этой области полную общность. Векшониус являлся для своего времени весьма выдающимся исследователем, так как его метод сопоставления языков был близок к современному сравнительно-историческому методу.[2] По мнению Векшониуса, финский язык является самостоятельным, самобытным языком, в близком родстве с которым находятся эстонский и саамский языки. На протяжении всей второй половины XVII в., а также позднее, частично даже и в наше время, саамский язык ошибочно считался одним из прибалтийско-финских языков. Однако уже в XVII в. правильно указывали на тот факт, что в одну группу с эстонским и финским языками входил и ливский язык.[3] В течение продолжительного времени эти три языка и являлись теми единственными близко родственными языками данной группы, о которых упоминали и примеры из которых приводили ученые, не будучи, однако, в состоянии более подробно выяснить подлинные взаимоотношения даже этих языков.

В 1770 г. Я. Шайнович, один из непосредственных предшественников основателей сравнительно-исторического метода, опубликовал свой известный труд «Demonstratio», посвященный вопросу о родстве венгерского и саамского языков. В этом труде венгерский язык сравнивается и с финским языком, причем указывается на тот факт, что в близком родстве с финским языком, кроме ливского и эстонского, находится также и карельский язык.[4]

В следующем году, после выхода в свет труда Шайновича, А. Л. Шлецер опубликовал общую историю северных стран, где он подробно описывает народы, живущие в Северной Европе и в Сибири, а также рассматривает их языки. Из прибалтийских языков он знает уже пять, а именно: эстонский, ливский, финский, карельский и ижорский.[5]

В конце XVIII в. ученые ознакомились и с водским языком. Уроженец Нарвы Л. Трефурт опубликовал в начале 80-х годов этого столетия очерк, посвященный води, где он вполне правильно показал, что водский язык является самостоятельным прибалтийским языком.[6]

Последними в поле зрения исследователей появились вепсы и их язык. Академик А. И. Шёгрен был первым ученым, который «открыл» вепсов, показав, что они являются прямыми потомками исторической веси.[7] Равным образом, Шёгрен доказал, что язык вепсов представляет собой самостоятельный язык, отличающийся от других прибалтийских языков, хотя

---

[2] M. O. Wexionius, Epitome descriptionis Sueciae, Gothiae, Fenningiae, Aboae 1650.

[3] E. N. Setälä, Lisiä suomalais-ugrilaisen kielitutkimuksen historiaan, стр. 22.

[4] Joannis Sajnovics, S. J. Ungari Tordasiensis e comitatu Alba-Regalensi Regiae Scientiarum Societatis Hafniensis et Nidrosiensis socii Demonstratio idioma Ungarorum et Lapponum idem esse, Tyrnaviae 1770, стр. 121 и сл. Цитата приводится из второго издания этого труда, как более полного по сравнению с изданием, вышедшим в том же году в Копенгагене.

[5] A. L. Schlözer, Allgemeine Nordische Geschichte. Aus den neuesten Nordischen Schriftstellern und nach eigenen Untersuchungen beschrieben, und als eine Geographische und Historische Einleitung zur richtigern Kenntniss aller Skandinavischen, Finnischen, Slavischen, Lettischen und Sibirischen Völker, besonders in alten und mittleren Zeiten, Halle 1771.

[6] Fr. K. Gadebusch, Versuche in der livländischen Geschichtskunde und Rechtsgelehrsamkeit I, 5, Riga 1783.

[7] A. J. Sjögren. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der tschudischen Völker in Russland, Mémoires de l'Académie Impériale de Sciences de St.-Pétersbourg, VI-me série, tome I, 3-me livraison. St.-Pétersbourg 1830, стр. 272 и сл.

этому автору и были свойственны ошибочные взгляды на далекое прошлое вепсского языка.

Подлинно научное исследование древних прибалтийско-финских племен и их языков началось с деятельности уроженца г. Тарту академика А. К. Лерберга. Им была написана специальная работа о первоначальных местах поселения еми, где он говорит и о территориях других прибалтийских племен.[8] По Лербергу, к числу прибалтийско-финских племен, или чуди, принадлежали кревинги, жившие в южной Латвии, в окрестностях города Бауска, ливы, эсты, ингерманландцы (die Ingermannländer), которых он считал потомками древней води и ижорцев, а также карелы и финны (die Finnländer). К чуди Лерберг относил также вымершую мерю, заволочскую чудь и даже весь, так как в его время еще не указывалось на тождественность вепсов и веси. Лерберг ошибался и в том, что переселенную в 1444—1447 гг. в качестве военнопленных водь, или так называемых кревингов, он считал самостоятельной прибалтийско-финской народностью.

Ошибочным было и его предположение, что водь и ижорцы якобы слились в одну народность и продолжают жить в лице современных ингерманландцев. Как известно, ингерманландцами обычно назывались финны, жившие в нынешней Ленинградской области и поселившиеся здесь главным образом в течение XVII в. на территории ижоры и води. Однако Лерберг правильно указал на тот факт, что в русских летописях емью назывался племенной союз «хяме» (*häme*) в западной и южной частях современной Финляндии. Далее, он полагал, что к северу от еми жили близкие к ней каяны и что карелы занимали обширную область к востоку и северо-востоку от еми. Лерберг правильно указал, что первоначальным местом поселения ижорцев и води была территория между Невой и Нарвой, причем в западной ее части жила водь, а к востоку от нее — ижорцы. Равным образом, Лербергом были правильно определены старые области поселения ливов и эстов. Но одна из крупных ошибок Лерберга состояла в том, что народ, называемый в русских летописях сумью, он считал саамским и не видел, что под этим названием следует понимать живших в юго-западной части Финляндии финнов (*suomi*).

Академик А. И. Шёгрен написал новый труд по вопросу о происхождении и древних местах поселения еми, в котором он подвергает критике работу Лерберга.[9] Его возражения во многом ошибочны, но, поскольку он пользовался в Финляндии значительным авторитетом, его взгляды получили большее признание, чем взгляды Лерберга. Даже в настоящее время теория Шёгрена о происхождении еми имеет среди финских ученых немало сторонников, как мы это увидим ниже. По мнению Шёгрена, емь первоначально жила в окрестностях Ладожского озера. Теснимая карелами, она впоследствии якобы переселилась на территорию нынешней Финляндии, тогда как сами карелы захватили все области, расположенные вокруг Ладожского озера. Шёгрен полагал даже, что вепсы и емь представляли собой вначале одно племя. Поэтому он пытался доказать, что вепсский язык и емский диалект финского языка — прежний племенной язык еми — находятся между собой в близком родстве (стр. 279). Относительно вепсов Шёгрен полагал, что их поселения распространялись даже на тверские и ярославские земли.

В опубликованном несколькими годами позже исследовании Шёгрена о прибалтийско-финских народностях Петербургской губернии вышеизло-

---

[8] A. C. Lehrberg. Ueber die Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte Neu-Finnlands. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. St.-Petersburg 1816, стр. 103 и сл.

[9] A. J. Sjögren, Über die älteren Wohnsitze der Jemen.

женные гипотезы получили дальнейшее развитие.[10] Говоря об ижорцах, он правильно указал, что они ответвились от карел (стр. 36 и сл.). Однако Шёгрен ошибочно считал, что и водь является потомком еми и окончательно сформировалась в результате сильного карельского наслоения на емский субстрат. Возводя как вепсов, так и водь к общему предку — еми, Шёгрен называл вепсов северной чудью, а водь — южной чудью (стр. 53).

Таким образом, согласно Шёгрену, древними прибалтийско-финскими племенами якобы были, наряду с эстами и ливами, емь и карелы, причем наиболее обширную территорию занимала емь. Поскольку порочность емской теории Шёгрена уже вскрыта покойным Д. В. Бубрихом, нет оснований подробно на ней останавливаться.[11]

Чтобы дать более полное представление о трактовке рассматриваемой проблемы в различные времена, следовало бы коснуться еще нескольких старых теорий о родстве прибалтийских народов и их языков. Один из основателей сравнительно-исторического языкознания — Р. Раск делил «финские народы» на три группы. К южной группе он относил финнов, ижорцев (у Раска ингерманландцев), карел, олонецких карел, эстов и ливов, к северной — саамов, а к восточной — марийцев (= черемисов) и мордву,[12] причем под южной группой он понимал прибалтийские народы. Как и некоторые позднейшие исследователи, Раск считал карел, говорящих на олонецком диалекте, самостоятельной народностью.

В своем первом исследовании о финно-угорских народах Ф. И. Видеман высказал мнение, что к южноэстонскому диалекту якобы особенно близок язык «новгородской чуди», т. е. вепсский язык, и что между южными эстами и вепсами имели место прямые сношения до того, как они были отделены друг от друга поселениями славян.[13]

Более подробному изучению подверг прибалтийские народы и их языки, а также их прошлое М. А. Кастрен в читанном им в 1851 г. в Хельсинкском университете курсе лекций, которые были впоследствии опубликованы в печати.[14] По мнению Кастрена, северная часть Европы, от Урала до Балтийского моря, являлась с давних времен областью поселения финно-угорских народов. В бассейнах рек Камы и Вятки жили пермяки, а к западу от них весь, или чудь, т. е. вепсы. Область к северу от пермяков, между Уралом и Ладожским озером, занимала емь, а еще дальше к северу жили карелы. Кастрен делил прибалтийские народы на две большие группы. В первую группу, по его мнению, входили карелы, ответвлением которых якобы были финны, говорящие на савоском диалекте, и каяны в северной Финляндии. Ядро второй группы составляла емь и находящаяся с нею в близком родстве весь, или чудь, т. е. вепсы, водь, эстонцы и ливы. Кастрен считал и саамов прибалтийской народностью. О родстве саамского, финского и эстонского языков им был уже ранее написан замечательный труд.[15]

Основатель финно-угорского языкознания в Венгрии П. Хунфалви

---

[10] A. J. Sjögren, Ueber die finnische Bevölkerung der St.-Petersburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermannland. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, VI-me série, tome II, St.-Pétersbourg 1833.

[11] Д. В. Бубрих, Не достаточно ли емских теорий? Известия Карело-Финского филиала Академии наук СССР, № 1, 1950, Петрозаводск, 1950, стр. 80 и сл. И. П. Шаскольский, О емской теории Шегрена и его последователях. Там же, стр. 13.

[12] R. Rask, Samlede Afhandlinger I, København 1834, стр. 13 и сл.

[13] F. J. Wiedemann, Ueber die früheren Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandschaft mit den Völkern Mittelhochasiens. Einleitung zur öffentlichen Prüfung im hiesigen Gymnasium am 27-sten und 28-sten Juni 1838, Reval 1838.

[14] M. A. Castrén's ethnologiska föreläsningar öfver altaiska folken. Nordiska resor och forskningár af M. A. Castrén IV, Helsingfors 1857, стр. 151 и сл.

[15] M. A. Castrén, De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica. Helsingforsiae 1839.

считал самостоятельным «финскими народами», кроме «собственно финнов», также эстонцев, карел, водь, вепсов и ливов.[16] По мнению этого автора, вепсы и ливы в языковом отношении особенно близки друг к другу, тогда как Ю. Коскинен весьма близко родственными считал ливский и карельский языки.[17]

Упомянутыми исследователями, как и некоторыми другими, были выдвинуты ошибочные гипотезы именно потому, что при определении взаимного родства языков они исходили из наличия в том или другом языке отдельных сходных черт, а не подвергали языки сравнительному изучению в целом. Единственное исключение среди исследователей более раннего периода составляет Ф. И. Видеман, который на основе детального анализа языкового материала окончательно установил, что водский и эстонский языки находятся между собой в ближайшем родстве.[18]

Новый период в исследовании вопроса о родстве прибалтийско-финских и финно-угорских языков вообще открылся с выходом в свет обширного труда О. Доннера.[19] Сравнивая фонетику, морфологию и лексику прибалтийско-финских языков и опираясь при этом отчасти на работы венгра Ю. Будендца, Доннер пришел к следующим выводам. Из общей финно-угорской прародины в Азии якобы первыми пришли в Европу предки «финнов», т. е. пермяков, поволжских финно-угров, саамов и прибалтийских финно-угров, причем в пути некоторые из этих племен отстали, а именно в первую очередь пермяки, затем поволжские финно-угры. В начале нашей эры «прибалтийские финны» проникли так далеко на запад, что вошли в тесное соприкосновение с германцами. Саамы же обитали в это время к востоку от «прибалтийских финнов». Языковое родство «прибалтийских финнов» и саамов Доннер представлял себе следующим образом. От западной ветви общего «финно-угорского родословного дерева» прежде всего отделились саамы и финны, причем первые двинулись по направлению к северу, а вторые — к югу. Затем откололись вепсы и карелы, из которых первые направились на юг, вторые — на север. В дальнейшем от других племен отделились эсты и, наконец, разошлись в разные стороны водь и финны. Как видно из вышеизложенного, у Доннера не было все же правильного представления о взаимоотношениях прибалтийских языков. Без достаточного основания он считал саамский язык одним из прибалтийских языков, близким к которому был якобы и ливский язык. Ошибочной является также его гипотеза о близком родстве ливского и вепсского языков. Ошибки Доннера обусловлены главным образом тем, что в то время ни один из современных прибалтийских языков еще не был исследован в достаточной мере. К значительно более правильным выводам пришел через несколько десятков лет Э. Н. Сетяля.

Опираясь на данные о древних соприкосновениях индоевропейских и финно-угорских языков, Э. Н. Сетяля создал теорию, согласно которой «финно-угорская эпоха» длилась, возможно, до 2500 года до н. э., с оговоркой, однако, что эта эпоха может быть отнесена и к более глубокой древности. По мнению Сетяля, выделение отдельных племен должно было начаться уже в «финно-угорскую эпоху». В это время угры якобы окончательно отделились от остальных угро-финнов. После ухода угров нача-

---

[16] P. Hunfalvy, Magyarország ethnographiaja, Budapest 1876, стр. 224. P. Hunfalvy, Ethnographie von Ungarn, Budapest 1877, стр. 146.

[17] Y. Koskinen, Sur l'antiquité des Lives en Livonie. Acta Societatis Scientiarum Fennicae VIII, Helsingfors 1866, стр. 389.

[18] F. J. Wiedemann, Über das Wotische in seiner Stellung zum Ehstnischen. Bulletin de la Classe Historico-philologique de l'Académie Impériale de Sciences de St.-Pétersbourg XIII. St.-Pétersbourg 1856, стр. 299 и сл.

[19] O. Donner, Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-ugrischen Sprachen. Acta Societatis Scientiarum Fennicae XI, Helsingfors 1879, особенно стр. 155 и сл.

лась, по теории Сетяля, «финно-пермская эпоха», которая длилась примерно до 1000 года до н. э. В это время выделились пермские финны, и продолжали жить вместе лишь предки современных поволжских финно-угров и прибалтийских финнов. «Финно-волжская эпоха» закончилась, по-видимому, в последние века до нашей эры. Затем предки позднейших прибалтийских финнов приблизились к землям, расположенным у Балтийского моря. Тогда образовался здесь «прибалтийско-финский праязык». В первые века н. э. стали складываться отдельные прибалтийские племена, и лишь в VIII столетии эти племена достигли территории, на которой до настоящего времени живут их потомки. Географическое расположение древних прибалтийских племен Сетяля представлял себе следующим образом. На крайнем севере (т. е. в северной и северо-западной частях современной Финляндии) жили квены, или каяны. На юго-западе от них обитала емь, а еще юго-западнее жили финны. К последним по языку весьма близка была водь. К югу от води находилась территория, заселенная эстами. Ливы были, с одной стороны, ближе к эстам, с другой же стороны — к вепсам, которые, по мнению Сетяля, были когда-то восточными соседями ливов. Область к северу и северо-востоку от территории вепсов занимали карелы.[20]

Как видно из вышеизложенного, Сетяля предполагал существование восьми прибалтийско-финских племен. В силу большого авторитета этого ученого его теория считалась на протяжении нескольких десятков лет правильной. Сторонником этой теории был в основном и крупный советский финно-угровед Д. В. Бубрих. Бубрих также полагал, что в I тысячелетии до н. э. предки прибалтийских финнов достигли земель, прилегающих к Балтийскому морю. В первом тысячелетии н. э. к северу от 60-го градуса широты сформировались четыре племени: сумь, ямь, или емь, корела и весь, тогда как к югу от 60-го градуса широты осели водь, несколько эстонских племен и ливы. Относительно квенов, или каянов, Бубрих полагал, что они являлись потомками еми, тогда как ижорцы первоначально составляли часть карел.[21]

Однако данные, полученные в результате дальнейшего исследования истории прибалтийско-финских языков, не подтверждают во всех отношениях теорию Сетяля.

Прежде всего, археологи указали на тот факт, что их данные не соответствуют предположениям языковедов.[22] Наконец, и сами языковеды стали критиковать теорию Сетяля. Против его взглядов особенно решительно выступил Л. Кеттунен, предложивший свою схему древних прибалтийско-финских племен и их языков. На деле же Кеттунен сделал большой шаг назад, так как исходил в основных чертах из вышеизложенных ошибочных взглядов Шёгрена. Порочность теории Сетяля объяснялась главным образом отсутствием в его время объективных языковых и археологических данных, вследствие чего не было возможности прийти к более правильным выводам. Новая же теория Кеттунена в некоторых своих пунктах представляет собой сложную систему недоказуемых предположений.

Согласно теории Кеттунена, жившее к югу от Финского залива «прафинское» население якобы стало примерно 2000 лет тому назад распа-

---

[20] E. N. Setälä, Suomensukuisten kansojen esihistoria. Suomen suku I, Helsinki 1926, стр. 163. E. N. Setälä, Soome sugu rahvaste eelajalugu, Tartu 1932, стр. 44.

[21] Д. В. Бубрих, Историческая фонетика финского-суоми языка, Петрозаводск, 1948, стр. 11 и сл. Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа, Петрозаводск, 1947, стр. 10 и сл.

[22] A. Vassar, Soomlaste Soome siirdumise lähteruumist. Ajalooline Ajakiri № 2, 1938, стр. 49 и сл., где имеется обширная библиография по данному вопросу.

даться на отдельные племена. В бассейне Западной Двины сформировались ливы. К северу от них осели эстонцы, которые фактически делились на две ветви — южную и северную. В ближайшем соседстве с ними на востоке обитала емь, а еще дальше на восток — вепсы. Таким образом, по Кеттунену, существовало всего только четыре древних прибалтийско-финских племени. По его мнению, карелы сформировались лишь позже в результате смешения пришедших с запада емских переселенцев с вепсами. Сама же емь пришла несколько ранее из западной части нынешней Ленинградской области через Финский залив, а водь образовалась в результате смешения оставшейся на прежних местах еми с эстами, причем здесь возможно участие и вепсских элементов. Относительно ижорцев Кеттунен также полагал, что они первоначально являлись лишь частью еми.[23] Целью работ Кеттунена было показать, что емь, как основной этнический элемент в формировании современных финнов, являлась наиболее жизнеспособным центральным племенем, принявшим участие в процессе образования многих других прибалтийских племен.

Дав краткий обзор важнейшей литературы прошлого, посвященной данной проблеме, перейдем к рассмотрению вопроса о том, что говорят фактические языковые данные о наиболее ранних, а также о позднейших племенных и языковых группировках прибалтийских финно-угров. Советские ученые, в особенности А. Я. Брюсов, Х. А. Моора, П. Н. Третьяков, Л. Ю. Янитс и другие, на основе богатого нового археологического и антропологического материала убедительно показали, что значительную часть древнего охотничье-рыболовческого населения, которое в III и II тысячелетиях до н. э. занимало лесную зону Восточной Европы, в том числе и Прибалтику, составляли финно-угорские племена.[24] Археологические данные подтверждаются данными языкознания. Повсюду на той территории, где археологами и антропологами установлено существование в древности финно-угорских поселений, распространена топонимика финно-угорского происхождения. Древнейшие пласты основного словарного фонда финно-угорских языков ясно говорят за то, что финно-угры уже искони населяли лесную полосу Восточной Европы, так как многие общие финно-угорские названия растений и животных, а также другие слова указывают именно на эту географическую область.[25]

Расселившись на обширной территории, члены всего финно-угорского коллектива, конечно, уже не могли постоянно общаться друг с другом. Тесные сношения, несомненно, сохранили бы языковое единство. Слабость контакта и связей, а тем более их прекращение повели к последователь-

---

[23] L. Kettunen, Suomen murteet II, Helsinki 1930. L. Kettunen, Über das Verhältnis der ostseefinnischen Sprachen und die vorgeschichtliche Gruppierung der entsprechenden Völker. OES Aastaraamat 1938, Tartu 1940, стр. 100 и сл. L. Kettunen, Karjalaisen heimon ja „karjalan kielen" iästä ja alkuperästä. Virittäjä 1940. стр. 129 и сл. L. Kettunen, Suomen asutushistoria kielimaantieteen valossa. Suomen Tiedeakatemian Esitelmät ja Pöytäkirjat 1946. Helsinki 1947, стр. 81 и сл.

[24] А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, Москва, 1952. стр. 164 и сл. H. Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā 1952, стр. 25 и сл. Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР XII, 1950, стр. 29 и сл. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена. Издание второе, Москва, 1953, стр. 30 и сл., стр. 44 и сл. Л. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги (Эстонская ССР). Автореферат диссертации, Тарту, 1953, стр. 19 и сл.

[25] I. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker. Acta Linguistica I, Budapest 1952, стр. 273 и сл. П. Хайду, К этногенезу венгерского народа. Acta Linguistica II, Budapest 1953, стр. 274 и сл. Y. H. Toivonen, Suomalais-ugrilaisesta alkukodista, Virittäjä 1953, стр. 5 и сл.

ному углублению различий между отдельными племенными диалектами, пока они не стали вполне самостоятельными новыми языками, предшественниками современных угорских, пермских, марийского, мордовских и прибалтийских, или прибалтийско-финских, языков. Наиболее западную часть раскинувшихся с востока на запад финно-угорских родовых общин, а впоследствии племен составляли предки современных прибалтийских финно-угров, которые уже в III тысячелетии до н. э. заселяли земли у Балтийского моря и к востоку от него. В эту эпоху они, разумеется, еще не говорили на языке, который можно было бы безоговорочно назвать прибалтийским языком-основой. Однако представляется вполне вероятным, что финно-угорский язык-основа уже имел тогда различные диалекты. Одним из таких диалектов был язык-предшественник современных прибалтийских языков, обладавший как своей особой лексикой, так и особыми фонетическими и морфологическими чертами. По данным археологии и антропологии, во II тысячелетии до н. э. в восточной части Прибалтики появились балтийские племена, предки современных латышей и литовцев.[26] В течение некоторого времени финно-угры и балтийцы жили на обширной территории в соседстве друг с другом и вперемешку, пока, наконец, на юге не одержал верх балтийский, а на севере финно-угорский элемент. В смешанных областях имели место тесные соприкосновения между обеими этническими группировками, оставившие весьма глубокие следы в языках. Подобно тому, как в балтийских языках имеется большое количество финно-угорских элементов, так и во всех прибалтийско-финских языках можно констатировать языковое влияние балтийских племен, которое сказывается не только в лексике, но в некоторой мере и в грамматическом строе и в фонетике. Так, в грамматике прибалтийско-финских языков имеется целый ряд таких черт, которые вообще не свойственны финно-угорским языкам, но для которых мы находим прямые соответствия в балтийских языках; сюда относится, например, согласование атрибутивного имени прилагательного с именем существительным (эст. *uus maja* 'новый дом', *uuele majale*, *uued majad*, ср. в эрзянском: *од кудо*, *од кудонень*, *од кудот*, в венгерском: *új ház*, *új háznak*, *új házak*,[27] а в латышском языке мы имеем, например, *jauna māja*, *jaunai mājai*, *jaunas mājas*); сложные формы прошедшего времени (эстонское *olen lugenud*, *olin lugenud* 'я читал' латышское *esmu lasījis*, *biju lasījis*) и некоторые другие грамматические явления.

Во всех прибалтийско-финских языках имеется большое количество лексических заимствований из балтийских языков. Они встречаются и в северных языках — карельском и вепсском. Этот факт свидетельствует о том, что новые поселенцы, говорившие на балтийском языке-основе, проникали почти во все тогдашние места поселений прибалтийских финно-угров. Древние балтийские заимствования получили более или менее равномерное распространение во всех прибалтийских языках. Правда, имеются и некоторые такие заимствования, которые свойственны лишь современным североприбалтийским языкам, каковы финское *kurpponen* 'поршень из недубленой кожи', ср. латышское *kurpe* 'башмак', литовское *kurpė* 'женский башмак', *keli* 'санная, зимняя дорога', ср. литовское *kelias*, латышское *ceļš* 'дорога'; *karsina* 'загородка; часть комнаты между стеной и печкой'; карельское *karžina* 'подполье', вепсское *karzin* 'подполье', литовское *gardynis* 'загородка', причем, однако, таких слов немного. В то

[26] См. вышеприведенные работы по археологии.

[27] Относительно согласования имени прилагательного с именем существительным существует и другой взгляд, согласно которому эта своеобразная черта прибалтийских языков является результатом самостоятельного развития.

же время представляется возможным, что эти слова бытовали и в южноприбалтийских языках, но с течением времени они здесь вымерли. В современном водском языке, т. е. в одном из прежних североэстонских диалектов, имеется, например, слово *sūra*, что означает 'сыр', тогда как другие прибалтийские языки этого слова не знают. В балтийских же языках ему соответствует прусское *suris* и литовское *suris*.[28] В эстонском языке, где это слово прежде, по-видимому, имелось, оно с течением времени было заменено словом скандинавского происхождения *juust* и заимствованным из русского языка словом *sõir*.

О том, насколько тесны и продолжительны были связи между прибалтийскими финно-уграми и балтийцами, убедительно говорит значительное количество заимствованных слов, относящихся к самым различным областям жизни. Из слов, связанных с природой, можно, например, назвать эст. *hall* 'заморозки', *härm* 'иней', *luht* 'пойма', *salu* 'роща', *taevas* 'небо', *hein* 'сено', *kääbas* 'холмик', *takjas* 'чертополох'. К частям тела человека или животного имеют отношение такие заимствования, как *hammas* 'зуб', *hari* 'щетина', *karv* 'шерсть', *kael* 'шея', *lauk* 'отметина на лбу лошади', *naba* 'пуп', *reis* 'бедро'. Как эти заимствования, так и те, которые обозначают общественные и родственные отношения, каковы *hõim* 'племя', *kaim* 'тезка', *mõrsja* 'невеста', *sõber* 'друг', *sõsar* 'сестра', *tütar* 'дочь', *talgud* 'толока', свидетельствуют о том, что заимствования могли проникать даже в область самых общих и наиболее близких для человека понятий. А это говорит за то, что среди прибалтийских финно-угров встречалось, по-видимому, немало лиц, владевших двумя языками. На двуязычие указывают и многочисленные финно-угорские заимствования в балтийских языках, которые также относятся ко всем областям жизни и, казалось бы, заимствовались иногда без всякой надобности.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что прибалтийские финно-угры заимствовали у балтийцев и некоторые слова, связанные с земледелием и скотоводством, каковы эст. *härg* 'бык', *oinas* 'баран', водское *voho*, финское *vuohi* 'коза' (последнее сохранилось в эстонском языке в названии растения *võhumõõk* 'касатик'), *vill* 'шерсть', *vaha* 'воск', *seeme* 'семя', *hernes* 'горох', *uba* 'боб', *vagu* 'борозда', *äke* 'борона', *paimendama* 'быть в пастухах', финское *paimen* 'пастух' и т. д. Приведенные заимствования говорят о том, что прибалтийские финно-угры, возможно, кое-чему научились у балтийцев в области скотоводства и земледелия, хотя эти виды занятий в примитивной форме существовали у них самих еще до установления тесных связей с балтийцами.[29] От балтийцев были переняты также различные слова из области техники: эст. *ais* 'оглобля', *kirves* 'топор', *luud* 'метла', *niis* 'нити', *ratas* 'колесо', *tael* 'трут', *tõrv* 'деготь', *tõri* 'пастушья труба', *vai* 'свая', *õrs* 'насест', *sein* 'стена', *sild* 'мост', *tara* 'ограда, загородка' и т. д.

Среди других прибалтийских языков ливский язык занимает несколько обособленное место, так как в нем имеется ряд таких очень старых балтийских заимствований, непосредственно связанных с природой или отдельными областями техники, какие неизвестны в других близко родственных языках.[30] Этот факт объясняется тем, что ливы с древнейших времен были ближайшими соседями балтийцев. Однако уже относительно

---

[28] J. Endzelīns, Senprušu valoda, Rīgā 1943, стр. 259.

[29] P. Ariste, Vanimast läänemerelaste põllundusest keeleliste andmete põhjal. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vihik nr. 38. Ajaloo-Keeleteaduskonna töid. Tartu 1955, стр. 193—203

[30] П. Аристэ, К вопросу о развитии ливского языка. Труды Института языкознания АН СССР IV, 1954, стр. 293 и сл.

эстонцев нельзя сказать, чтобы их предками было заимствовано у балтийцев явно больше слов, чем, например, предками карел или вепсов. Поэтому трудно предполагать, чтобы заимствованные у балтийских народов языковые элементы начали распространяться прежде всего только где-то на юге и лишь оттуда постепенно проникли на север.[31]

Тесные связи между финно-угорскими и балтийскими племенами существовали еще до того времени, когда предки нынешних саамов, или так называемые протосаамы, восприняли финно-угорский язык, так как в саамском языке имеется значительное число тех балтийских заимствований, которые встречаются в прибалтийско-финских языках. Как известно, протосаамы первоначально говорили на языке, близком к современным самодийским языкам. Живя к северу от прибалтийских и поволжских финно-угров, они находились с последними в течение продолжительного времени в весьма тесных сношениях, в результате чего ими был усвоен и язык прибалтийских финно-угров. От прежнего языка в современных саамских диалектах все же сохранился очень сильный субстрат. К прибалтийскому языку протосаамы перешли постепенно на протяжении ряда веков, причем этот процесс завершился не позднее начала I тысячелетия до н. э.[32] В дальнейшем саамский язык пошел по самостоятельному пути развития, вследствие чего в настоящее время его уже нельзя относить к числу прибалтийских языков. В ту эпоху, когда саами восприняли язык прибалтийских финнов, последний стоял значительно ближе к поволжско-финскому языку, чем в настоящее время, однако уже и тогда он представлял собой особый, с самостоятельным словарным составом, со своим грамматическим строем и фонетическими особенностями, финно-угорский язык. Представляется вероятным, что уже в то время не существовало прямых связей между прибалтийскими и поволжскими финно-уграми. Хотя современные прибалтийские и мордовские языки находятся между собой в сравнительно близком родстве, они все же отличаются друг от друга в столь значительной мере, что их связи, как следует полагать, прекратились уже в очень далеком прошлом.

После того, как саами восприняли от предков прибалтийских финно-угров их язык, в прибалтийском языке-основе произошел ряд крупных изменений, каковы переход *š* в *h* (эстонское *täht*, финское *tähti*, но эрзя-мордовское *теште*), переход *ti* в *si* (эстонское и финское *käsi*, эрзя-мордовское *кедь*, норвежско-саамское *gieđta*), изменение *kt* в *ht* или *tt* (эстонское *kahte-*, *katte-*, водское *kahtę-*, финское, карельское, вепское *kahte-*, эрзя-мордовское *кавто*, саамское *guokta*, марийское *коктыт* 'два'), исчезновение палатилизованных *ń* и *ś* путем замены их *n* и *s* (эстонское *nool*, финское *nuoli*, норвежско-саамское *njuollâ*, венгерское *nyil*; эстонское *sada*, финское *sata*, норвежско-саамское *čuötte*, где *č* < *ś*) и ряд других важных изменений.

На основании археологических данных можно считать установленным, что в середине I тысячелетия до н. э. в Прибалтике уже существовали и развивались дальше отдельные племена. Можно с уверенностью сказать, что в середине последнего тысячелетия до н. э. племена-предше-

[31] О балтийских заимствованиях см. V. Thomsen, Berøringer mellen de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog, København 1890; J. Kalima, Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat, Helsinki 1936.

[32] Y. H. Toivonen, Zum Problem des Protolappischen. Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1949, Helsinki 1950, стр. 161—189. П. Хайду, К этногенезу венгерского народа. Acta Linguistica II, Budapest 1953, стр. 308. I. S. Sebestyén, Beiträge zum Problem der protolappischen Sprache. Acta Linguistica III, Budapest 1953, стр. 291 и сл. См. также E. Moór, Ausbildung des urungarischen Volkes im Lichte der Laut- und Wortgeschichte. Acta Linguistica VI, Budapest 1956, стр. 337 и сл.

ственники эстонцев уже жили на местах, занятых ныне их потомками. В дальнейшем в этих местах поселений уже не происходило существенных сдвигов.[33] В ту же эпоху начали формироваться и прибалтийские племенные языки. Подобно тому, как отдельные роды объединились в племена, а племена — в племенные союзы, так и близкие друг другу языки прибалтийских родов сформировались с течением времени в племенные языки, а эти, в свою очередь, в языки племенных союзов, которые легли в основу современных прибалтийских языков. Согласно языковым данным, древнейшими прибалтийскими группировками являлись ливы, южные и северные эсты, карелы и вепсы. Язык каждой из этих пяти этнических группировок имел свою основную лексику и свой грамматический строй с его специфическими особенностями.

В основном словарном фонде ливского языка мы находим весьма много таких слов, которые не являются заимствованиями, но для которых не имеется все же соответствий в других прибалтийских языках или которые имеют в других языках совсем иное значение или фонетическую форму, например: *kāla* 'остров', *kā̮lõ* 'пытаться, пробовать', *pägiŋ* 'много', *ruja* 'больной', *salandõ* 'украсть', *sēmda* 'молоко', *tūrgõz* 'перо', *tõva* 'глубокий', *umaŕ* 'яблоко', *ärdõ*, *irdõ* 'привыкнуть' и т. д. В грамматическом строе ливского языка также имеются черты, свойственные именно этому языку, каковы формы дательного падежа (*lapsõn* 'ребенку, у ребенка', *minnõn* 'мне, у меня') и развивающееся из названия действующего лица косвенное наклонение (*ta tundiji* 'он якобы знает'). Ливский язык обладает такими старыми фонетическими особенностями, которые резко отличают его от других прибалтийских языков; сюда относится, например, развившееся особым путем чередование ступеней, сохранение конечного гласного *a* в таких словах, как *sāra* 'рог' (<**sarva*), *tāla* 'зима' (<**talva*), *jāra* 'озеро' (<**jarva*) и т. д., тогда как в других прибалтийских языках эти слова имеют гласные основы *e* и в конце слова *i*, ср. финское *sarvi*, род. *sarven*, *talvi*, род. *talven*, *järvi*, род. *järven*, эстонское *sarv* (< *sarvi*), род. *sarve*, *talv* (< *talvi*), род. *talve*, *järv* (< *järvi*), род. *järve* и т. д. Весьма своеобразный характер носит в ливском языке сравнительно мало развившееся здесь чередование ступеней. В этом языке закону чередования ступеней в основе подчиняются лишь двойные взрывные (*vaǩkə̀* : *vaǩkà*, эст. *vakka* : *vaka*) и аффрикаты (*mę̀tsə̀* : *mę̀tsà* эст. *metsa* : *metsa*), тогда как простые взрывные этому чередованию не подвергаются (*ärgə̀* : *ärgaᴅ*, эст. *härg* : *härjad*). В ливском языке разумеется, получили развитие и различные фонетические явления позднейшего происхождения, как это наблюдается во всех прибалтийских языках.

Древнее племя ливов осело к югу от эстов. Позднее главным местом поселений ливов была территория современной Латвийской ССР вокруг Рижского залива, в бассейнах рек Западной Двины и Гауи, а также на Курземском полуострове.

К северу от ливов жила другая древняя племенная группировка — южные эсты, которые в I тысячелетии до н. э. отделились от остальных прибалтийских финно-угров, но позднее стали опять сближаться с северными эстами. Этот процесс сближения продолжается и в наше время и будет развиваться до тех пор, пока не произойдет окончательная интеграция южноэстонской языковой формы с североэстонской. Южноэстонские и североэстонские племена вместе составили основу эстонского народа и эстонской нации. Из слов, составляющих особую южноэстонскую лексику,

---

[33] Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии стр. 29 и сл.

можно назвать *anum* 'сосуд, орудие', *hõõlas* 'борозда', *kesv* 'ячмень', *kähr* 'барсук', *man* 'у, при', *mõskma* 'мыть', *puhm, puhmas* 'куст', *ruhim* 'пригоршня', *siug* 'змея', *tsuug* 'поршень', *tännitämä* 'кричать', *ubin, upin* 'яблоко', *vagel, vagõl* 'червяк' и т. д. В морфологическом отношении южноэстонский племенной язык был вообще близок к североэстонскому племенному языку, однако наблюдаются и такие явления, которые типичны для южноэстонского языка; сюда относится, например, широкое употребление признаков третьего лица **-ksẹn, *-ksen* и **-ksẹk, *-ksek* вместо североэстонских **-pi* и **-βat, *-βät* (*kiŕoťtaš* 'он пишет', <**kirjaiťtakseṇ kiŕoťtazẹ?* 'они пишут' <**kirjaiťtakseḳ*, ср. североэстонское *kirjutab* <**kirjaittapi* и *kirjutavad* <**kirjaittaβat*); окончание абессива **-ntak* и **-ltak* вместо общего прибалтийского окончания абессива **-ttak* (*rahalɒa?, rahanɒa?* 'без денег', финское *rahatta*, водское *rahattaɑ* и т. д.); признак номинатива множественного числа *-k* вместо общего прибалтийского *-t* (*kala?* <**kalak*, североэстонское *kalad*, финское *kalat*, ливское *kalàɒ*, карельское *калат*, вепсское *калад* и т. д.). В южноэстонском племенном языке имели место и такие старые фонетические изменения, которые не встречаются ни в одном другом прибалтийском языке (даже в североэстонском), как, например, переход финно-угорского **kt* в *tt*; в других близко родственных языках это сочетание взрывных перешло в *ht* (*kõtt*, североэстонское *kõht*; *vatt*, североэстонское *vaht*, финское *vaahto*); развитие сочетания согласных **pts* прибалтийско-финского языка-основы в сочетание *ts* вместо *ps* других родственных языков (*lats*, североэстонское *laps*, финское *lapsi*, карельское *лапśи* ~ *лапши*, вепсское *лапś* и т. д. <**laptsẹ*). В южноэстонском племенном языке мы находим и еще ряд фонетических изменений, свойственных только этому языку. Эти древние фонетические особенности говорят за то, что язык южноэстонской племенной группировки весьма рано отошел от прибалтийско-финского языкового единства, возможно даже ранее, чем другие языки этой группы.

Граница между южными и соверными эстами проходила примерно там же, где в настоящее время проходит граница между южноэстонской и североэстонской диалектной областью. Однако на юге и юго-востоке территория племенного южноэстонского языка простиралась далее, чем современная южноэстонская диалектная область. По сравнению с положением в III тысячелетии до н. э. граница распространения южноэстонского языка в известной мере отодвинулась, уступив место балтийской речи. По данным археологии, в I—IV веках н. э. южноэстонские племена еще полностью занимали территорию, простирающуюся от границы современной Эстонской ССР до черты, которую можно провести от города Цесиса в юго-восточном направлении до северного берега Лубанского озера. Латгалы начали селиться здесь лишь с V века, после чего этническая картина этой территории, где поселения эстов представляли собой отдельные языковые островки, приобрела пестрый характер.[34] Лейвуский островок является здесь последним остатком когда-то простиравшейся далее на юг области южноэстонского языка.

Третьей племенной группировкой прибалтийских финно-угров были северные эсты. В лексическом отношении язык этой группировки также обладал особенностями, которые продолжают жить в современном

[34] D. Zemzare, Valodas liecības par Lejasciema novadu, Rīgā 1940. A. Bielenstein, Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert, St.-Petersburg 1892. J. Endzelīns, Latviešu valodas grammatika, Rīgā 1951, стр. 5 и сл. См. также статью Х. А. Моора в настоящем сборнике.

североэстонском диалекте и в эстонском национальном языке. В его словарный состав входят такие слова, как *vaatama* 'смотреть', *juurde* (послеслог), *allikas* 'источник', *ale* 'пожог', *õde* 'сестра', *vend* 'брат', *riie* 'материя, одежда', *nõlv* 'скат, склон' и множество других. К числу морфологических особенностей этого языка относится, например, окончание инессива **-sa*, **-sä* вместо встречающегося во всех других языках **-sna*, **-snä* (*nurkas* <**nurkkasa* 'в углу', *lautas* < *lauttasa* 'в хлеву', ср. финское *nurkassa*, эстонское *nurgas* <**nurkkasna*, эстонское *laudas* <**lauttasna*. Североэстонскому племенному языку были свойственны также своеобразные явления в области чередования ступеней и фонетические изменения, неизвестные в других языках. Такие соотношения в чередовании ступеней, как *pime* (<**pimeδä*), но *pimeda* (<**pimetän*), (*kaks*) *kala* (<**kalaδa*), но *kalade* (<**kalaten*) присущи только североэстонскому языку (ср. финское *pimeä*, *pimeän*; *kalaa*, *kalain*, *kalojen* <**pimeδä* : *pimeδän*; *kalaδa, **kalaδen*, **kalaiδen*). В североэстонском и южноэстонском языках вообще выработалось весьма сложное чередование ступеней, развившееся в более широкую систему количественных и качественных чередований, чем в любом другом прибалтийском языке. Из числа ранних фонетических изменений, характерных для североэстонского языка, можно указать еще на переход *o* в *õ*: *õppida* 'учиться', ср. южноэстонское *oppi*, финское *oppia*, ливское *oppõ*, карельское *oppie* и т. д.

Северные эсты жили вообще на той же территории, где в настоящее время говорят на североэстонском диалекте. Однако североэстонская племенная область была обширнее, простираясь отчасти на восток, за реку Нарву. Но северная прибрежная часть этой области весьма рано обособилась в языковом отношении, и здесь образовался самостоятельный диалект, для которого характерно неизвестное в других эстонских диалектах чередование ступеней с двумя долготами вместо трех. Здесь имеется и своя лексика, куда входят такие слова, как *karbal* 'клюква', (финское *karpalo*); *riug* 'жердь' (финское *riuku*), *kiur* 'жаворонок', (финское *kiuru*), *süri* 'склон' (финское *syrjä*), *mogomane* 'такой' (финское *mokoma*) и др. Северный прибрежный, или северовосточный, диалект до настоящего времени значительно отличается от других эстонских диалектов, будучи фактически третьим основным диалектом эстонского языка.

К северо-восточному эстонскому диалекту близок финский язык, который базируется в основном на племенном языке еми. В старейших пластах емского племенного языка не имеется почти ничего такого, что не было бы свойственно северо-восточному диалекту эстонского языка (и водскому языку). Поэтому следует полагать, что язык еми находился в непосредственной генетической связи с указанным эстонским диалектом. Не исключена возможность, что на территории современной Финляндии, помимо саамов, жили также и прибалтийские финны, пришедшие сюда с востока, с карельской территории, или же проникшие через залив с территории современной Эстонии. Однако более интенсивное проникновение североэстонских элементов через Финский залив должно было произойти в то время, когда северо-восточный диалект уже получил свой специфический облик в рамках племенного североэстонского языка. Такое массовое переселение северных эстов через залив, насколько об этом можно судить по языковым данным, имело место, по всей вероятности, уже в I тысячелетии до н. э. В финно-угорском языкознании вообще господствует мнение, что протосаамы, говорившие первоначально на языке, близком к самодийским, стали пользоваться прибалтийско-финским языком также в I тысячелетии до н. э. Но это могло произойти и в более раннюю эпоху. Языковой ассимиляции протосаамов могли способствовать главным образом именно те прибалтийско-финские элементы, которые находились к

северу от Финского залива, а также карелы и вепсы. Следует отметить, что в языке вепсов имеется целый ряд протосаамских заимствований, которые неизвестны в других прибалтийско-финских языках.

За то, что большие массы переселенцев могли перейти через Финский залив из восточной части североэстонской языковой области, говорит, помимо языковых данных, и тот факт, что в начале нашей эры эта часть области была сравнительно густо заселена и население ее достигло значительного общественно-экономического развития. Наличие известного излишка продуктов для обмена повело к оживлению сношений с соседними землями.[35]

Из племенных языков прежних прибалтийских элементов и североэстонских переселенцев образовался шестой древний прибалтийско-финский язык — язык е м и. На то, что в племенном составе еми значительная роль принадлежала североэстонским элементам из древней земли Вирумаа, указывает, возможно, и то обстоятельство, что финны до настоящего времени называют всех эстонцев *virolaiset*, как их называют также ижорцы и водь, поселившиеся к востоку от земли Вирумаа.

Здесь будет уместно остановиться на древних сношениях прибалтийских племен с германцами, поскольку они были общими у предков ливов, эстонцев, карел, вепсов и еми. Сношения с германцами носили совершенно иной характер, чем сношения с древними балтийскими племенами. Имеется целый ряд таких германских заимствований, которые являются общими для всех прибалтийских языков; сюда относятся, например, эст. *lammas* 'овца', *kana* 'курица', *leib* 'хлеб', *raud* 'железо', *katel* 'котел', *sõel* 'решето', *rand* 'берег', *arg* 'робкий', *arbuma* 'колдовать' и много других. Однако значительная часть древних германских заимствований была свойственна лишь определенным племенным группировкам, в частности языку еми. Менее всего германских заимствований мы находим в языке ливов, и это не может быть объяснено лишь тем обстоятельством, что до нас не дошел старый словарный состав этого языка. В вепсском языке германских заимствований также сравнительно мало. Больше их в эстонском, водском и карельском языках. Интересно отметить, что в карельском языке имеется значительное число именно таких германских заимствований, которые были распространены в древнем языке племенного союза еми. Можно полагать, что через посредство еми они и проникли в карельский язык. Имеющиеся у нас языковые данные говорят за то, что емь находилась в более тесных сношениях с германцами, чем другие прибалтийские племена, и, к тому же, в течение весьма продолжительного времени. Назовем здесь лишь некоторые древние германские заимствования, характерные для сложившегося именно на емской базе финского языка. Таковы, например, слова: *etana* 'улитка', *turilas* 'навозный жук', *lattia*, *laattia* 'пол', (карельское *lat'e*, *lat't'ie*), *ruhtinas* 'князь', *marhaminta* 'упряжь', *saippua* 'мыло', *rauna* 'морское течение', *lanne* 'бедро', *kupari* 'медь', *juhla* 'праздник', *vuokra* 'рента, наемная плата', *sairas* 'больной', *laupias* 'милостивый' и т. д.

Говоря о древних связях прибалтийских финно-угров с германцами, следует отметить, что в прибалтийских языках можно выделить два различных пласта германских заимствований. Здесь имеются, прежде всего, такие древние заимствования, формы которых указывают на источник,

---

[35] M. S c h m i e d e h e l m, Rauaaja algus ja viljakasvatuse kujunemine põhiliseks elatusviisiks Kirde-Eesti alal. С резюме: М. Х. Ш м и д е х е л ь м, Начало железного века и переход к земледелию как основному занятию населения в северо-восточной части территории Эстонии. Известия Академии наук Эстонской ССР, I, № 3, 1952, стр. 13 и сл. М. Х. Ш м и д е х е л ь м, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.), Таллин, 1955, стр. 209 и сл.

весьма близкий по своей природе к германскому языку-основе. Сюда относятся, например, такие слова, как эст. *rikas* 'богатый', *lammas* 'овца', *kuningas* 'король', *ainus* 'единственный', *varas* 'вор'. Для другой же части древних германских заимствований характерна такая фонетическая специфика, что их можно считать словами, воспринятыми у германцев Скандинавии. Заимствования этого рода имеются во всех прибалтийских языках, однако не в одинаковом количестве. Так, в ливском языке слов, заимствованных у скандинавов меньше, чем в эстонском или водском языке. В то же время в финском языке их значительно больше, чем в эстонском. На основе языковых данных можно заключить, что собственно финны и емь поддерживали в свое время более тесные отношения со скандинавами, чем другие древние прибалтийцы. Германские заимствования, полученные через посредство скандинавов, относятся к весьма различным областям повседневной жизни.[36]

Поскольку в том же тысячелетии, к которому относятся первые соприкосновения с германцами, в прибалтийских языках произошел ряд фонетических изменений, в результате чего они в этом отношении стали сильно отличаться от других финно-угорских языков, финский языковед Л. Пости выдвинул недавно теорию, согласно которой эти фонетические изменения имели место именно под воздействием германских языков.[37] Пости предполагает, что до появления финно-угров в землях, прилегающих к Балтийскому морю, здесь якобы уже обитали германцы. Финно-угры якобы победили германцев, после чего последние постепенно усвоили язык победителей. Поскольку, однако, языку германцев была свойственна совершенно иная фонетическая система, то они усвоили язык своих победителей с неправильным произношением, на германский лад. Впоследствии же финно-угры якобы сами перешли на неправильное произношение германцев, обладавших более высокой культурой, вследствие чего финно-угры будто бы подпали под их общественное влияние. Эта теория Л. Пости представляется во всех отношениях надуманной и искусственной. Несмотря на проникновение германских заимствований уже в последнем тысячелетии до н. э. и в первые века н. э. в течение продолжительного времени, нельзя все же утверждать, что под влиянием германцев изменился весь фонетический строй прибалтийских языков. Фонетическая структура языка не может с такой быстротой и в таких размерах подвергаться чужому влиянию; не следует, к тому же, забывать, что оказывавший влияние элемент был таким же малочисленным, как и предполагаемый германский субстрат на территории позднейших прибалтийских финнов. Языковые соприкосновения прибалтийских финно-угров с балтийцами имели, несомненно, более широкий и разносторонний характер, чем соприкосно-

---

[36] О древних германских заимствованиях см. V. Thomsen, Den gotiske Sprogklasses Indflydelse paa den finske, København 1869. W. Thomsen, Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Halle 1870. E. N. Setälä, Bibliographfischen verzeichnis der in der literatur behandelten älteren germanischen bestandteile in den ostseefinnischen sprachen. Finnisch-ugrische Forschungen XIII, Helsingfors 1913. E. N. Setälä, Zur herkunft und chronologie der älteren germanischen lehnwörter in den ostseefinnischen sprachen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja XXIII, Helsinki 1906. T. E. Karsten, Germanisch-finnische Lehnwortstudien, Helsingfors 1915. Bj. Collinder, Die urgermanischen lehnwörter im finnischen I, II, Uppsala 1932, 1941. T. E. Karsten, Germanerna. En inledning till studiet av deras språk och kultur, Helsingfors 1925. T. E. Karsten, Zum Anfangsterminus der germanisch-finnischen Berziehungen. Ergänzungen. Societas Scientiarum Fennica. Commentationes Humanarum Litterarum I, 2, Helsingfors 1922. L. Hakulinen, Suomen kielen rakenne ja kehitys II, Helsinki 1946, стр. 40 и сл. Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка II, М., 1955, стр. 43 и сл.

[37] L. Posti, From Pre-Finnic to Late Proto-Finnic. Finnisch-ugrische Forschungen XXXI, Helsingi 1953, стр. 1 и сл.

вения с германцами, но все же и о языке балтийцев никак нельзя утверждать, что он коренным образом изменил всю фонетическую структуру прибалтийских языков.

Возвращаясь к вопросу об окончательном формировании финнов, можно на основании языковых данных констатировать, что переселение северных эстов через Финский залив происходило и позднее в различные времена.[38] Позднейшие переселенцы приходили в значительном числе из разных частей северной Эстонии, в том числе, судя по языковым данным, и с запада. Эти позднейшие переселенцы направлялись в основном в юго-западную часть современной Финляндии. Но здесь уже ранее осели емские переселенцы, успевшие сплотиться в единое целое, со своим особым племенным языком, который хотя и был близок к эстонскому северо-восточному диалекту, но все же являлся самостоятельным языком прибалтийской племенной группировки. Между тем и в северной Эстонии язык за это время в известной мере изменился, так что новые переселенцы, направлявшиеся главным образом в юго-западную Финляндию, приносили с собой язык, значительно отличавшийся от языка еми. Победителем оказался здесь этот последний, но в нем сохранились заметные следы языка новых североэстонских переселенцев. При этом новый этнический элемент был настолько сильным, что в юго-западной Финляндии сформировалась новая прибалтийская племенная группировка — финны, которые, продолжая жить по соседству с емью, стали все же самостоятельными в языковом отношении. На тот факт, что в племенной состав финнов, или так называемых собственно финнов, в значительной мере вошли именно позднейшие эстонские переселенцы, указывает и в наше время юго-западный финский диалект, содержащий много общих с эстонским языком черт, которых не знают другие финские диалекты, даже и те из них, которые базируются на племенном языке еми.[39] К таким общим с эстонским языком чертам относится, например, форма прошедшего времени с признаком *-s* (*istus* 'сидел', *astus* 'вошел', в финском национальном языке: *istui*, *astui*), слова с окончанием *-nen* на слабой ступени (*kullane* 'золотой', *pakane* 'мороз', в финском национальном языке: *kultainen*, *pakkanen*), конечная синкопа (*suurest metsäst* 'из большого леса', *maald* ja *mereld* 'с земли и с моря', в финском национальном языке: *suuresta metsästä*, *maalta* ja *mereltä*), внутренняя синкопа (*tapleva* 'бьются', *tütre* 'дочери', *kukros* 'в кошельке', в финском национальном языке: *tappelevat*, *tyttäret*, *kukkarossa*).

С течением времени собственно финны, емь и западные карелы объединились в финскую народность и впоследствии в финскую нацию. Поскольку в средние века на территории племени финнов образовался политический, экономический и культурный центр страны, емь и часть карел также стали называть финнами, а сформировавшийся мало-помалу общий язык — финским языком. Еще в середине XVI века реформатор финского литературного языка и писатель М. Агрикола считал как финнов и емь, так и западных карел самостоятельными этническими единицами, а их языки — самостоятельными языками.[40]

Та часть северных эстов, которая осела к востоку от реки Нарвы, обо-

---

[38] А. Яюряпяя. Доисторические поселения Финляндии. Финляндия. Географический сборник. Сокращенный перевод с финского. Общая редакция Д. Н. Кожевникова, Москва, 1953, стр. 277.

[39] L. Kettunen, Suomen murteet II, стр. 1 и сл. A. Saareste, Länsi-Viron sanaston suhteesta suomen kieleen, Helsinki 1953, особенно стр. 38. Некоторые исследователи прибалтийских языков, например Л. Пости, отрицают древность общих черт собственно финского диалекта с эстонским языком.

[40] Предисловие к изданию Нового Завета 1548 г. M. Rapola, Suomen kirjakielen historia I, Helsinki 1933, стр. 8, 35 и сл.

собилась от остальных северных эстов в течение I тысячелетия н. э., а частично, возможно, и раньше. Важным фактором, усилившим это обособление, было то обстоятельство, что жившие далее всего на северо-востоке эсты вошли в более тесный контакт с новгородскими славянами, чем остальные северные эсты. С течением времени говор северных эстов, живших по ту сторону реки Нарвы, развился в самостоятельный язык. Так образовались водь и водский язык,[41] который и в настоящее время настолько близок к эстонскому языку, что северные эстонцы и водь без труда понимают друг друга. Южноэстонский диалект, являющийся потомком южноэстонского племенного языка, до сих пор более отличается от основанного на северных говорах эстонского национального языка, чем водский язык. Обращает на себя внимание и тот факт, что водь и теперь еще называет свой язык *mā tšēli*, т. е. «язык нашей земли», как ранее называли свой язык и эстонцы. Ввиду того, что водский язык в некоторых отношениях находится на более архаической ступени развития, его изучение представляет огромный интерес с точки зрения освещения истории эстонского языка. Многое говорит за то, что впоследствии, когда водь уже сформировалась в самостоятельную этническую единицу, немало представителей этой племенной группировки вернулось в эстонскую среду. В местах смешанных эстонско-водских поселений образовался тогда особый диалект эстонского языка, так называемый кодавереский, или восточноэстонский, диалект, в котором имеется много особенностей явно водского происхождения.[42]

Возвращаясь к рассмотрению древнейших прибалтийских племенных группировок, необходимо остановиться на карелах и их языке. Карелы (летописная корела) были четвертой группой прибалтийских финно-угров. В словарном составе карельского языка имеется много своеобразных элементов, как и в лексике других старых племенных языков. Типично карельскими являются, например, слова: *ailas*, *ailaš* 'боль, горе', *jakšoa* 'раздевать', *kül'ü* 'баня', *mitüš* 'какой', *mutšoi* 'молодка', *pövü* 'шуба', *reŋgi* 'ведро', *ruohka* 'сырой', *šalgu* 'мешок', *šuorita*, *šuoriettšie* 'одеваться', *vīda* 'густой ельник' и т. д. Из характерных для карельского языка морфологических особенностей можно назвать множественное число с признаком *-l-* (*kukолла*, *kukoilla* 'у петуха', *kukkoloilla* 'у петухов'), различные формы второго лица множественного числа настоящего и прошедшего времени (*annatta* 'вы даете', но *antija*, *andija* 'вы давали'), особые способы образования возвратных глаголов и т. д. В карельском языке встречаются и только ему свойственные фонетические изменения, как, например, переход *s* в *š* (*šūrešta* 'из большого', финское *suuresta*), переход *ts* в *tš* (*mettšä* 'лес', *kutšun* 'зову', фин. *metsä kutsun*), особенности в чередовании ступеней (например, *potata* : *potkoan* 'бить ногой : бью ногой', *mušta* : *muššan* 'черный : чёрного') и т. д.

Первоначальной областью поселения племени карел был Карельский перешеек, а также территории вокруг Ладожского озера и по реке Неве. К западу от Невы карельский язык непосредственно соприкасался с той

---

[41] H. Moora, Wotische Altertümer aus Estland. Eurasia Septentrionalis Antiqua IV, Helsinki 1929, стр. 172 и сл. П. Аристэ, Происхождение водского языка. Ученые записки Тартуского государственного университета. Филологические науки 4. Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Тарту, 1947, стр. 35 и сл.

[42] L. Kettunen, Vatjan kielen äännehistoria, II painos, Helsinki 1930. стр. 173. L. Kettunen, Lautgeschichtliche untersuchung über den Kodaferschen dialekt. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XXXIII, Helsinki 1913, особенно стр. 205 и сл. П. Аристэ, Происхождение водского языка, стр. 44 и сл.

областью распространения североэстонского языка, где позднее сформировался водский язык. Карелы, осевшие на берегах Невы и к юго-западу от нее, впоследствии обособились от своих соплеменников и образовали самостоятельную этническую единицу — племя ижоры. Это обособление произошло, по-видимому, в конце первого тысячелетия н. э. На то, что ижорцы были первоначально карелами, указывает и их самоназвание. Дело в том, что и в настоящее время ижорцы почти повсюду называют себя карелами.[43] Поскольку впоследствии, особенно в XVII веке, на территорию, занятую ижорцами, переселилось много финнов, или так называемых ингерманландцев, ижорский язык испытал на себе весьма сильное влияние финского языка. Этим обстоятельством объясняется и указанное выше ошибочное мнение, согласно которому современный ижорский язык является лишь одним из диалектов финского языка.

Со своей первоначально сравнительно ограниченной территории карелы мало-помалу расселились далеко на север, восток и северо-запад. Главным образом в XVII столетии они массами переселялись в новгородские и тверские земли, чтобы освободиться от экономического и культурного давления шведских завоевателей. Оказавшаяся под шведским владычеством западная часть карельской территории в связи с этим заметно опустела. Оставшиеся здесь карелы постепенно ассимилировались с переселившимися сюда финнами, тогда как ассимиляция с емью происходила уже раньше. Однако в тех местах, где когда-то говорили на карельском языке, в финских говорах до сих пор сохранился сильный карельский субстрат. Прошлое карельского племени и карельского народа было детально изучено Д. В. Бубрихом, который, со своей стороны, убедительно показал, что карелы являются одной из древнейших прибалтийских племенных группировок.[44]

Пятый прибалтийский племенной язык — вепсский — был в свое время распространен на весьма обширной территории, простиравшейся на юг от перешейка между Ладожским и Онежским озером. На востоке поселения вепсов достигали, возможно, области пермских финно-угров,[45] как на это указывают вепсские заимствования в коми-зырянском языке. На перешейке между Ладогой и Онежским озером большинство вепсов восприняли карельский язык. В олонецком, или ливвиковском, диалекте карельского языка и в настоящее время имеется сильный вепсский субстрат. В людиковском диалекте этот субстрат настолько силен, что относительно некоторых говоров трудно даже сказать, входят ли они в состав карельского или в состав вепсского языка.[46]

О том, что и в вепсском языке искони имелась лексика, свойственная только этому языку, свидетельствуют такие слова основного словарного фонда, как *el'geta* 'понимать', *kend* 'берег', *komb* 'колено', *tšapta* 'рубить', *varastada* 'ждать', *übuz* 'снежный сугроб' и т. д. Вепсский язык отличается от всех других прибалтийских языков в том отношении, что в нем не по-

---

[43] V. Porkka, Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte, Helsingfors 1885, стр. 2 и сл. A. Sovijärvi, Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta, Helsinki 1944, стр. 214 и сл. E. A. Tunkelo, Inkeroismurteiston asemasta, Helsinki 1952. V. Ruoppila, Äyrämöismurteiden äännehistoria, Helsinki 1955, стр. 9 и сл. P. Ariste, Isuri keel. Emakeele Seltsi Aastaraamat II, Tallinn 1956, стр. 32 и. сл.

[44] Д. В. Бубрих, Происхождение карельского народа. Д. В. Бубрих, Не досточно ли емских теорий?, стр. 80 и сл.

[45] А. И. Попов, Топонимика белозерского края. Ученые записки Ленинградского государственного ордена Ленина университета. Серия востоковедческих наук 2, Ленинград, 1948, стр. 164 и сл.

[46] A. Turunen, Lyydiläismurteiden äännehistoria I, II, Helsinki 1946, 1950.

лучило развития чередование ступеней (*härg* 'бык', множ. ч. *härgad*, *härgäd*, эст. *härg* : *härjad*, фин. *härkä* : *härät*; *magadan* 'сплю', эст. *magan* 'сплю', фин. *makaan* 'лежу'; *pimed* 'темный', множ. ч. *pimedad*, эст. *pime*, *pimedad*, фин. *pimeä* : *pimeät* и т. д.). Следует отметить также ряд древних и более поздних фонетических изменений, присущих только вепсскому языку. Сюда относится, например, переход долгих звуков в краткие (*mad* 'земля', эст. *maad*, фин. *maat*; *śön* 'ем', эст. *söön*, фин. *syön*; *samал* 'мох', эст. *sammal*, фин. *sammal*; *налad* (партитив) 'заморозки', эст. *halla*, фин. *hallaa*); палатализация *s* после *i* и затем переход в *š* (*ištun* 'сижу', эст., фин. *istun*) и т. д. Из числа морфологических особенностей вепсского языка можно назвать суффиксы возвратных глаголов (*peźemoi* 'моюсь', *peźetoi* 'моешься'), суффикс инхоативных глаголов (*lugęškandęn* 'начинаю читать', *lugęškańźiń* 'я начал читать'), суффикс модеративной формы сравнительной степени (*suŕembahk* 'немного больше', ср. *suŕemb* 'больше') и еще ряд других аффиксационных элементов.

Как видно из вышеизложенного, три древние прибалтийские группировки сохранились как таковые до настоящего времени: это ливы, карелы и вепсы. Южные и северные эстонцы объединились в эстонскую народность, которая в дальнейшем явилась основой эстонской нации. Несколько позднее сформировавшееся племя емь вместе с образовавшимися еще позднее финским племенем и частью карел легло в основу финского народа. Консолидация финского народа происходила в течение II тысячелетия н. э. Финская нация, как и эстонская, сложилась во второй половине минувшего столетия. Представители водской и ижорской народности никогда не были многочисленными. Под влиянием различных исторических факторов число их стало уменьшаться уже несколько веков тому назад. Водский язык в настоящее время окончательно вымирает, и лиц, говорящих на ижорском языке, осталось совсем немного. Малочислен и ливский народ.

Остановимся здесь вкратце также на каянах северной Финляндии и северной Скандинавии, которые упоминаются в средневековых грамотах. Общераспространенным является мнение, согласно которому каяны составляли лишь часть племени финнов со значительным карельским субстратом. И в настоящее время в тех диалектах финского языка, на которых говорят в области, заселенной когда-то каянами, встречаются следы карельского языка.[47]

Дав обзор древних и более новых прибалтийских племенных группировок и народов, необходимо остановиться на их соприкосновениях со славянскими племенами, так как во всех прибалтийских языках имеются слова и другие элементы, заимствованные у славян, независимо от того, возникли ли эти языки на базе древних племенных языков или позднее.

Имеются такие славянские заимствования, которые являются общими для многих прибалтийских языков; сюда относятся эст. *värten* 'веретено', *sirp* 'серп', *saabas* 'сапог', *aken* 'окно', *värav* 'ворота', *lusikas* 'ложка', *vaba* 'свободно', *rist* 'крест' и др. Эти заимствования проникли, возможно, сначала в один из прибалтийских языков, а оттуда перешли и в другие близко родственные языки. В некоторых же случаях одно и то же заимствование проникло в отдельные прибалтийские языки в различное время и в различных местах. Таково, например, эст. *saabas* 'сапог', которому в ливском языке соответствует *sāpkõz*, в водском — *sāppuga*, в финском *saapas*, в вепсском *sapug* и т. д. Хотя все эти слова славянского происхождения, они все же имеют в отдельных прибалтийских языках настолько

[47] I. Kettunen, Suomen murteet II, стр. 55 и сл.

различные в фонетическом отношении соответствия, что нельзя предположить, чтобы все они восходили к общему славянскому источнику.

Существуют некоторые славянские заимствования, которые являются весьма ранними, так как восходят к очень древним славянским исходным формам. К таким словам относятся, например, эст. *ike* 'иго' (фин. *ies*, род. *ikeen*), эст. *hirs* 'жердь' (фин. *hirsi* 'бревно'), эст. *koonal* 'кудель' (фин. *kuontalo*), южноэстонское диалектное *luhits* 'ложка'. Эти слова указывают на то, что между славянами и прибалтийскими финно-уграми имелись связи уже в то время, когда славянские языки были еще весьма близки к общему языку-основе, от которого они произошли. Эти первые соприкосновения имели место уже в последние века до н. э., т. е. еще до того времени, когда *š* в прибалтийско-финском языке-основе перешло в *h* и сочетание *ti* изменилось в *si* (ср. *hirs* $<$* *hirsi* $<$* *hirti*, чему в русском языке соответствует *жердь*, в древнерусском *жьрдь*, и *luhits* $<$ *лъжьца*).[48] Таким образом, эти соприкосновения являются даже более ранними, чем сношения с германцами. На основе археологических данных мы знаем, однако, что восточные славяне в это время еще не жили в непосредственном соседстве с прибалтийскими финно-уграми.[49] Здесь они поселились несколько позднее. Существует один языковый факт, заставляющий предполагать, что из соприкосновений прибалтийских финно-угров со славянами наиболее ранними были соприкосновения с западными славянами в бассейне Вислы. Дело в том, что в старых латинских источниках привислинские славяне называются *venedi* или *veneti*. Во всех прибалтийских языках, за исключением ливского, для обозначения восточных славян употребляются слова, несомненно, связанные с этим названием; таковы эстонское *vene*, *venelane*, водское *venäi*, *venälain*, финское *venäjä*, *venää*, *venäläinen*, карельское *veneä*, *veńäl'äińi*, вепсское *veńäńik*, *veńälaińe* 'русский' и т. д., причем корень этих слов восходит к прежней форме $<$**venědä* или **venedä*, т. е. к точному фонетическому соответствию *venedi*. Указанными словами в настоящее время обозначают русских. Однако представляется вероятным, что ранее они служили названием западных славян. В дальнейшем же это название было перенесено на родственных по языку восточных славян.

С восточными славянами, т. е. с кривичами и новгородскими славянами, у прибалтийских финно-угров возникли связи несколько позднее, однако в ту эпоху, когда в языке восточных славян еще сохранялись общеславянские носовые и редуцированные гласные. Так, эстонские слова *und* 'жерлица' и *sundima* 'принуждать' восходят не к соответствующим формам современного русского языка *уда* и *судить*, а к древним формам *ѫда* и *сѫдити* (с носовой гласной *ѫ*). Эстонское слово *lusikas* и финское *lusikka* указывают на тот факт, что в то время, когда данное слово было заимствовано, оно имело не свою современную форму *ложка*, а более старую форму *лъжька* с редуцированными *ъ* и *ь*. Древнейших во-

[48] Относительно старых славянских заимствований см. М. Веске, Славяно-финские культурные отношения по данным языка, Казань, 1890, J. J. Mikkola, Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen sprachen I. Slavische lehnwörter in den westfinnischen sprachen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne VIII, Helsingfors 1894. J. J. Mikkola, Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch, Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne LXXV, Helsinki 1938. J. Kalima, Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista, Helsinki 1952. P. Ariste, Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keelelisist kokkupuuteist. Looming 1952, стр. 698 и сл. K. Vilkuna, När kommo östersjöfinnarna till Baltikum? Folk-Liv XII—XIII, 1948—1949, Stockholm 1949, стр. 22 и сл.

[49] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 103 и сл.

сточнославянских заимствований в эстонском языке имеется больше, чем в других прибалтийских языках. Особенно много встречается их в южноэстонском диалекте. Таким образом, южноэстонская область являлась, по-видимому, именно теми воротами, через которые эсты, соприкасаясь с кривичами, перенимали славянскую лексику и постепенно передавали ее дальше. Относительно более позднего времени можно констатировать, что восточнославянские заимствования проникли в отдельные прибалтийские языки по различным направлениям. В вепсский, карельский, ижорский и водский языки заимствования проникали в основном из новгородских земель, тогда как в эстонский язык они проникали как из тех же земель, так и с юга, т. е. из области кривичей и их потомков.[50]

В процессе окончательного формирования многих прибалтийских языков, в особенности же карельского и вепсского, русский язык сыграл выдающуюся роль. Менее сильное влияние оказал русский язык на развитие водского, ижорского и других прибалтийских языков. В карельском и вепсском языках влияние русского языка сказывается не только в наличии большого числа заимствований, но также в фонетике и синтаксисе этих языков.

Предшественник всех современных прибалтийских языков — прибалтийский язык-основа, по-видимому, существовал как таковой уже в IV—III тысячелетиях до н. э. Во втором, а возможно, уже и в третьем тысячелетии до н. э. этот язык имел такие диалектные различия, которые легли в основу позднейших прибалтийских языков. Выше было указано, что во II тысячелетии возникли тесные связи между прибалтийскими и балтийскими племенами. Как можно заключить на основе языковых данных, предки прибалтийских финно-угров уже до этого представляли собой самостоятельную финно-угорскую группировку. В прибалтийском языке-основе этой эпохи имелись свои фонетические черты, своя морфология и своя лексика. Связи прибалтийских финно-угров с другими финно-уграми прекратились не сразу, а постепенно. Однако до прекращения этих связей существовала особая финно-угорская языковая форма, из которой впоследствии развились современные прибалтийские языки. Предки прибалтийских финно-угров переселились в своем большинстве в Прибалтику и в соседние с ней области, по-видимому, с востока.[51] Переселение происходило постепенно, на протяжении многих веков. В течение некоторого времени предки прибалтийских финно-угров продолжали поддерживать контакт с другими финно-уграми. Поскольку в эту эпоху отдельные финно-угорские группировки стояли по языку друг к другу еще весьма близко, то они, возможно, оказывали взаимное влияние и имели в известной мере общий путь развития. Прямые связи между предками прибалтийских финно-угров и другими финно-уграми, жившими на юго-востоке, сохранялись и тогда, когда существовали тесные сношения между прибалтийскими и балтийскими племенами; эти связи продолжали фактически существовать до тех пор, пока меря находилась в непосредственном соседстве с прибалтийскими, с одной стороны, и поволжскими финно-уграми, с другой. Предполагалось наличие балтийских заимствований в мордовских и марийском языках. Если в поволжских языках действительно существовали балтийские заимствования и если они не были восприняты из какого-либо другого индоевропейского языка, то эти немногочисленные заимствования, по-видимому, проникли в поволжские языки именно через посред-

---

[50] P. Ariste, Slaavlaste ja läänemerelaste vanimaist keelelisist kokkupuuteist, стр. 698 и сл.

[51] Л. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги, стр. 19.

ство прибалтийских языков и языка мери. В то же время некоторые так называемые иранские заимствования, возможно, при посредничестве поволжских финно-угров вошли в язык предков прибалтийских финно-угров.

Непосредственные сношения прибалтийских и мордовских языков прекратились все же раньше, чем это полагал в своей теории Сетяля. Современные прибалтийские и мордовские языки настолько далеки друг от друга, что не может быть и речи о взаимном понимании между говорящими на этих языках. Родство этих языков носит примерно такой же характер, как и родство между славянскими и балтийскими языками, будучи все же скорее более дальним, чем близким. Таким образом, начало отделения друг от друга прибалтийских и поволжских языков можно и хронологически приурочить к отделению славянских языков от балтийских. А относительно балтийских племен археологи указывают, что уже во II тысячелетии до н . э. они отошли от балтийско-славянского этнического и языкового единства.[52]

Несмотря на достаточно далекое родство, прибалтийские и мордовские языки стоят все же друг к другу ближе, чем прибалтийские языки к пермским и угорским языкам. Мордовские языки также не являются близкими к пермским и угорским языкам, во всяком случае их родство с последними более дальнее, чем с прибалтийскими языками. Поэтому можно думать, что языковое единство западных и восточных финно-угров прекратилось в еще более далеком прошлом.

В ту эпоху, когда образовались племена прибалтийских финно-угров и сформировался прибалтийский язык-основа, как особая ветвь финно-угорских языков, финно-угры занимали весьма обширную территорию.[53] Однако вполне вероятно, что у живших на крайнем западе финно-угров и не могло быть прямых связей с финно-уграми, которые жили на крайнем востоке и уже сложились в самостоятельные этнические группировки со своими особыми языками. Формирование восточных финно-угров в отдельные самостоятельные группировки, по-видимому, происходило в те же тысячелетия, когда формировались прибалтийские финно-угры, или даже раньше, что в особенности относится к уграм.

Процесс дифференциации финно-угорского языка-основы начался, во всяком случае, еще до возникновения новых самостоятельных этнических группировок, а также до распадения единой территории финно-угров.[54] Когда финно-угры из первоначальных мест поселения переселились на юг (предки венгров), на север (предки манси и ханты) или на запад (прибалтийские финно-угры) и т. д., они, по-видимому, уже распадались в языковом отношении на несколько различных единиц. По мнению О. Доннера, Э. Н. Сетяля и других вышеназванных финноугроведов, возникновение групп современных финно-угорских языков было вызвано одними только миграциями или периодическими переселениями с одного места на другое. Главной причиной возникновения современных групп финно-угорских языков было непрерывное расширение территории финно-угров. В результате этого связи между отдельными частями финно-угров все более ослабевали, и диалекты языка-основы становились все более независимыми друг от друга, постепенно формируясь в совершенно самостоятельные языки. Возникновение финно-угорских языковых групп и отдельных языков явилось, таким образом, результатом не переломного, а постепен-

---

[52] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 37 и сл.

[53] Там же, стр. 44.

[54] I. Sebestyén, Zur Frage des alten Wohngebietes der uralischen Völker, стр. 273 и сл. П. Хайду, К этногенезу венгерского народа, стр. 247 и сл.

ного развития. Общие старые языковые элементы постепенно отмирали и возникали новые элементы, пока из диалектов языка-основы не образовались новые самостоятельные языки.

В течение последнего десятилетия созданную Сетяля хронологию формирования прибалтийских финно-угров (и других финно-угров) стали подвергать критике и сами ученики этого исследователя. Крупнейший финский исследователь финно-угорских языков Ю. Х. Тойвонен выдвинул гипотезу, согласно которой поволжский и прибалтийский языки-основы якобы отделились друг от друга примерно за 1000 лет до н. э. Лишь в это время, по мнению Тойвонена, предки прибалтийских финно-угров отошли от предков поволжских финно-угров и направились в Прибалтику.[55] Археология не знает каких-либо массовых переселений в Прибалтику около 1000 года до н. э., однако предки нынешних прибалтийских финно-угров уже жили в эту эпоху примерно на тех же местах, где мы застаем их и позднее. Таким образом, Тойвонен исправил ошибку Сетяля лишь частично, когда он понял, что самостоятельное существование прибалтийских финно-угров следует отнести к более далекому прошлому.

Венгерскими финноугроведами И. С. Шебестьен и П. Хайду был опубликован ряд обстоятельных трудов по вопросу о прародине и древнейшем периоде существования финно-угров.[56] Однако в этих трудах обойден вопрос о процессе формирования прибалтийских языков. Одной из важнейших задач наших финноугроведов является детальное исследование вопроса об образовании всех финно-угорских языковых групп, так как на территории Советского Союза говорят на всех финно-угорских языках и результаты исследований советских археологов и антропологов по-новому освещают далекое прошлое финно-угорских народов.

---

[55] I. H. Toivonen, Suomalais-ugrilaisesta alkukodista, стр. 32.
[56] См. ссылки на их работы в сноске 54.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ И ГРУППИРОВКЕ ЭСТОНСКИХ ДИАЛЕКТОВ

А. Х. КАСК

Несмотря на то, что эстонский язык распространен на сравнительно ограниченной территории, он делится, как известно, на большое число диалектов и говоров. Это явление обусловлено всем ходом исторического развития эстонского языка.

Дело в том, что эстонский язык образовался на языковой базе не одного, а нескольких прибалтийско-финских племен. Различия, например, между южными и северными его диалектами настолько велики, что в таком происхождении эстонского языка не может быть сомнений.

Сложный процесс формирования эстонских диалектов еще ждет детального исследования. На протяжении многих веков древние племена и их диалекты распадались; в то же время одни племена переходили на территорию других, объединялись или смешивались с ними. Образование местных говоров происходило отчасти еще в сравнительно позднее время, даже в эпоху феодализма. Однако основные диалекты эстонского языка, несомненно, являются весьма ранними и восходят к диалектам древнейших племен.

Только в условиях капитализма, во второй половине прошлого столетия, в связи с формированием эстонского национального языка начал все более развиваться противоположный процесс, т. е. постепенное отмирание диалектных черт и ассимиляция отдельных говоров под воздействием общенародного национального языка. Хотя процесс этот продолжался в течение всего XX столетия и стал особенно интенсивным в советскую эпоху, все же основные черты исторически сложившихся диалектов сохранились вплоть до нашего времени, причем главным образом в южной Эстонии и в периферийных районах.

Деление территории распространения эстонского языка на отдельные диалектные области нашло отражение уже в катехизисе Ванрадта-Кёлля, т. е. в первой книге, напечатанной на эстонском языке (1535). Здесь констатируется, что в различных местах, например в Таллине, Тарту, Нарве, Вильянди и т. д., говорят по-разному. Наличие многочисленных диалектов в эстонском языке подчеркивается и в первой эстонской грамматике, изданной Х. Шталем в 1637 году.[1] Последующие грамматики также говорят об эстонских диалектах, ограничиваясь все же главным образом указанием на особенности двух основных диалектов.[2] Только

[1] См. H. Stahl, Anführung zu der Esthnishen Sprache, Revale 1637, стр. 2.

[2] См. H. Göseken, Manuductio ad Linguam Oesthonicam, Reval 1660, стр. 5. A. Thor Helle, Kurtzgefasste Anweisung zur Ehstnischen Sprache. Halle 1732, стр. 80.

А. В. Хупель в своей работе, посвященной грамматике как таллинского, так и тартуского диалектов, упоминает и некоторые другие диалекты. Так, во втором издании своей книги (1818)[3] из диалектов северной Эстонии он называет, кроме пярнуского, также харьюский, ляанеский, пыльтсамаский и пейпсиский диалекты, а из числа южноэстонских, кроме тартуского, еще рыугеский диалект.

Более основательное исследование эстонских диалектов началось лишь во второй половине прошлого столетия, причем в первую очередь здесь следует назвать академика Ф. И. Видемана, который предпринял ряд поездок для изучения эстонских диалектов на местах. Видеман подразделял южноэстонские диалекты на тартуский и выруский, считая последний наиболее чистым и типичным южным диалектом.[4] В особой статье об эстонских диалектах,[5] а также в соответствующей главе своей грамматики эстонского языка[6] он рассматривает и северные диалекты, подразделяя их на северо-восточные и юго-западные, причем границей между этими двумя группами диалектов является, по его мнению, линия, проведенная от Таллина к Пыльтсамаа. В юго-западной группе он выделяет островные говоры, охватывающие и западное побережье материковой части страны, а в северо-восточной группе — алутагусеский говор на северном побережье и юго-восточный говор в северной части бывшего уезда Тартумаа. Поскольку Видеман во время своих исследовательских поездок не мог детально проследить границы диалектных областей, созданная им схема страдает неточностью, особенно в отношении группировки северо-эстонских диалектов.

Следующим исследователем эстонских диалектов был Михкель Веске, который поставил себе задачей выяснить прежде всего область распространения говоров, лежащих в основе эстонского литературного языка. Хотя М. Веске принимает в общих чертах группировку диалектов, предложенную Видеманом (например, подразделение южноэстонского наречия на тартуский и выруский диалекты, выделение говоров северного побережья и Причудья и т. д.), он с полным основанием отвергает диалектную границу по линии Таллин — Пыльтсамаа и указывает, что лежащий в основе литературного языка так называемый «среднеталлинский язык» распространен в западной части Вирумаа, в Ярвамаа и Харьюмаа.[7] Однако общей характеристики и подразделения эстонских диалектов не дает и М. Веске.

Изучение отдельных диалектов оживилось в первые десятилетия XX века, когда вышли обстоятельные исследования Л. Кеттунена по исторической фонетике кодавереского диалекта,[8] но по вопросу общей

---

[3] Ср. A. W. Hupel, Ehstnische Sprachlehre für die beyden Hauptdialekte... nebst einem vollständigen ehstnischen Wörterbuche. Mitau 1818, стр. 15—16.

[4] F. J. Wiedemann, Versuch ueber den Werroehstnischen Dialekt. Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, VII-me série, tome VII, n° 8. St.-Petersburg 1864.

[5] F. J. Wiedemann, Ueber ehstnische Schriftsprache und Dialekte. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, VII Bd., Dorpat 1871.

[6] F. J. Wiedemann, Grammatik der ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte, St.-Petersburg 1875.

[7] M. Veske, Eesti keele healte õpetus ja kirjutuse viis. Tartu 1897, стр. IV.

[8] L. Kettunen, Lautgeschichtliche untersuchung über den Kodaferschen dialekt. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XXXIII, Helsinki 1913. L. Kettunen, Lautgeschichtliche darstellung über den vokalismus des Kodaferschen dialekts mit berücksichtigung anderer estnicher mundarten. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia — Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XXXIV, Helsinki 1914.

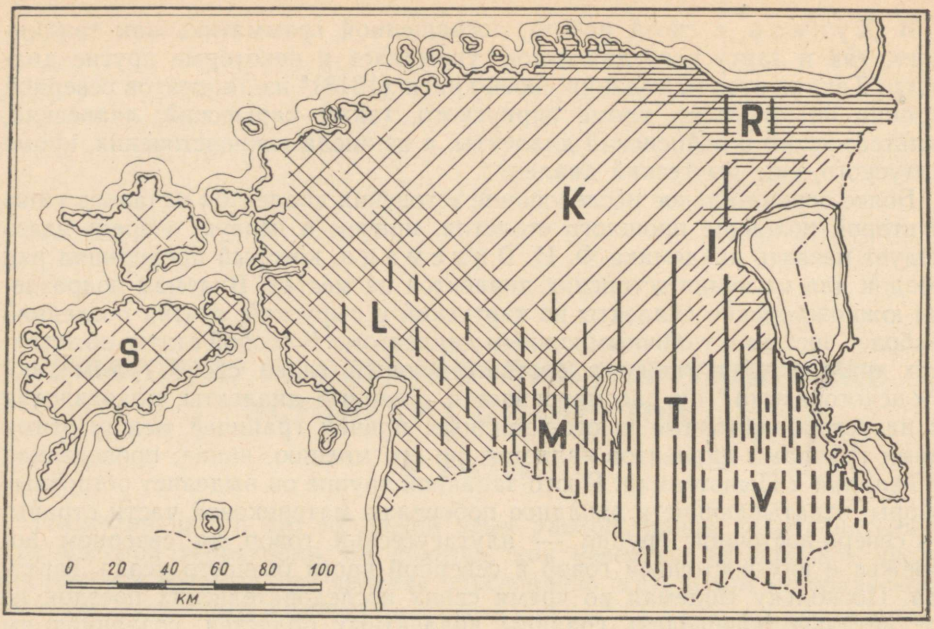


Рис. 1. Диалекты эстонского языка.

R — северный прибрежный диалект; *K* — средний североэстонский диалект; *I* — восточный североэстонский диалект; *L* — западный североэстонский диалект; *S* — островной североэстонский диалект; *M* — западный южноэстонский диалект; *T* — тартуский южноэстонский диалект; *V* — выруский южноэстонский диалект.

группировки эстонских диалектов и в это время либо придерживались установок Видемана (И. Йыгевер),[9] либо касались этого вопроса лишь мимоходом. Так, Л. Кеттунен в предисловии к своей исторической фонетике [10] указывает без ближайшей мотивировки, что среди южноэстонских диалектов можно различать тартуский, вырумаский, сетуский и вильяндимаский, а среди североэстонских — островной, западный, центральный, прибрежный, алутагусеский и кодавереский диалекты. Более подробный обзор эстонских диалектов мы встречаем за этот период в работе Х. Оянсуу,[11] который по сравнению со своими предшественниками дает в значительной мере иное подразделение. Так, в части южных диалектов он различает вильяндиский, выруский и сетуский, а в части северных — восточный, центральный и западный диалекты, относя к последнему и островные говоры. Оянсуу сделал, таким образом, заметный шаг вперед в разрешении вопроса о группировке эстонских диалектов.

Систематическое изучение диалектов эстонского языка развивается в последующие десятилетия. Под руководством Общества родного языка за последние тридцать лет было собрано большое количество языковых материалов, что позволило точнее установить границы распространения отдельных эстонских диалектов. Хотя диалектологической работе в буржуазной Эстонии был свойствен ряд существенных недостатков, поскольку собирались в основном лишь данные по лексике и фонетике и не учитывалась связь языковых явлений с историей общественного развития, было все же

[9] J. Jõgever, Eesti keele häälikute ajalugu, Tartu 1918, стр. 10—11.

[10] L. Kettunen, Viron kielen äännehistorian pääpiirteet. Helsinki 1917, стр. X.

[11] H. O[jansuu], Viron kieli ja kirjallisuus. I. Kieli. Tietosanakirja X, Helsinki 1919, стр. 1354—1358.

собрано множество материалов, на основе которых в 30-х годах была разработана система подразделения эстонских диалектов,[12] в общих чертах принятая и в настоящее время.

Согласно этой системе эстонские диалекты делятся на две основные группы: северную и южную. К первой из них относятся северный прибрежный, или северо-восточный, диалект на побережье, между Таллином и Нарвой, островной диалект Сааремаа, Хийумаа и Мухумаа, западный диалект в бывших уездах Ляанемаа и Пярнумаа, среднесеверный диалект в бывших уездах Харьюмаа и Ярвамаа, а также в юго-западной части Вирумаа и, наконец, среднеэстонский переходный диалект в северных частях бывших уездов Вильяндимаа и Тартумаа, причем отдельно от него рассматриваются говоры Причудья. В состав южноэстонских диалектов входят: диалект населения южной части бывшего уезда Вильяндимаа, юго-восточной части Пярнумаа и на западе Валгамаа, тартуский диалект на юге бывшего уезда Тартумаа и выруский диалект на территории бывшего уезда Вырумаа; к последнему диалекту относят также и сетуский говор, территория которого примыкает к Вырумаа с востока. Такое деление, опирающееся на данные собранных к этому времени материалов, является значительно более обоснованным, чем все предшествующие попытки в этой области. Однако и в отношении этой группировки эстонских диалектов имеется ряд спорных вопросов, и она требует критического пересмотра в свете современного советского языкознания.

В годы Советской власти собирание языковых материалов успешно продолжалось. В настоящее время диалектные фонды Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР содержат свыше 1 133 000 карточек лексики и топонимики и 40 919 страниц диалектных текстов и описаний говоров. Этот обширный и разнообразный материал, собранный на всей территории распространения эстонского языка, дает возможность получить весьма детальное представление об особенностях эстонских диалектов и говоров.

Ввиду того, что диалекты сложились в результате весьма длительного исторического развития, в зависимости от процессов дробления, смешения и скрещивания древних племен, от условий заселения той или иной территории и направлений колонизации, отчасти также в зависимости от позднейшего административного деления, от расположения культурных и административных центров, от возможностей общения между населением различных областей и имевшихся путей сообщения, как и вообще от природных условий, способствовавших этому общению или препятствовавших ему (болота и т. п.), — установление границ распространения отдельных диалектов и их общая группировка представляют собой нелегкую задачу.

Совершенно очевидно, что деление языковой территории на диалектные области не может производиться на основании случайных признаков нередко позднейшего происхождения и что для правильной группировки диалектов и говоров необходимо учитывать наиболее существенные фонетические, грамматические и лексические особенности, образовавшиеся в ходе их исторического развития; необходимо иметь в виду как время возникновения определенных диалектных черт, так и количество основных характерных особенностей, отличающих друг от друга отдельные диалектные области. Подходя к рассматриваемому вопросу с этой точки зрения, мы должны признать, что существующая в настоящее время группировка эстонских диалектов является не во всех отношениях достаточно обоснованной. Здесь возникает ряд важных вопросов, которые мы и постараемся

---

[12] A. Saareste, Eesti keeleala murdelisest liigendusest. Eesti Keel 1932, стр. 17 и сл. A. Saareste, Die estnische Sprache, Tartu 1932.

осветить, опираясь на данные наших богатых диалектологических собраний.

Прежде всего возникает вопрос о том, следует ли делить эстонские диалекты на две или же на три основные группы. До сих пор, как известно, было принято делить их на две большие группы — северную и южную.

Не подлежит сомнению, что между североэстонскими и южноэстонскими диалектами имеется ряд коренных расхождений, которые восходят к весьма отдаленному прошлому и являются доказательством того, что эти группы диалектов сформировались в свое время на языковой базе различных племен. Это становится особенно ясным при сопоставлении фонетической и грамматической структуры, а также лексики североэстонских и южноэстонских диалектов.

Фонетические различия

В североэстонских диалектах:	В южноэстонских диалектах:
1. Сочетание *ks* сохранилось после слога с главным ударением: *ok̀s* 'сук', *ük̀s* 'дверь'	*ks* > *ss* после слога с главным ударением: *os̄*, *us̄*
2. **-ksi* > *-ks*: *ük̀s* 'один', *kak̀s* 'два', *läk̀s* 'пошел'	**-ksi* > *-ts*: *üt̀s* (~*üit̀s*), *kat̀s* (~*kait̀s*), *lät̀s* (~*läit̀s*)
3. *ps*: *lap̀s* 'ребенок'	*ts* : *lat̀s* (~*lait̀s*)
4. *tk* сохранилось: *sęt̀kuma* 'месить', *jät̀k* 'продолжение', *kat̀ki* (наречие), *kit̀kuma* 'щипать'	*tk* > *kk*: *sęk̀ma*, *jak̄*; *tk* > *tsk*: *kat̀ski*, *kit̀skma*
5. **kt* > *ht*: *üh̀t* 'одного', *kęh̀t* 'живот', *vah̀tu* 'пену'	**kt* > *tt*: *üt̀te*, *kęt̄*, *vat̀tu*
6. Простой согласный в прилагательных на *-eδa-* и стяженных глаголах: *maɢè* 'пресный', *kiʙè* 'горький', *maɢàn* 'сплю'	Двойной согласный в прилагательных на *-eδa-* и стяженных глаголах: *mak̆kè*, *kip̆pè*, *mak̆kà*
7. Слабое соответствие взрывного в конце слога вокализировалось: *naèl* 'гвоздь', *sęèl* 'сито'; *vaì* 'свая', *laì* 'широкий'; *näĭnùᴅ* 'видевший', *teĭnùᴅ* 'делавший'	Взрывной в конце слога сохранился: *naɢèl*: *naɢlà*; *sęɢèl*; *vaɢ́à*, *laɢ́à*; взрывной ассимилировался: *näñnǜ*, *teñnǜ*
8. **rh* > *r*: *tarà* 'ограда', *nürì* 'тупой'	**rh* > *hr*: *tah̀ʀ*, *nüh̆rì*
9. Долгие гласные дифтонгизировались: *peà* 'голова', *vęěràs* 'чужой', *müìma* 'продать'; *lôm* ~*luòm* 'животное', *sêǹ*~*sièn* 'гриб', *lȍn*~*lüȍn* 'бью'	Долгие гласные сохранились: *pâ̄*, *vę̄ràs*, *mû̄mä*; на сильной ступени *ō* > *ṷ̂*, *ē* > *î̯*, *ȫ* > *ṷ̂*: *lṷ̂m*: *lōmà*, *sî̯ń*: *sēnè*, *lṷ̂*: *lȫmè*

10. Второй компонент дифтонга *i* перешел в *e* после *v*: *laèv* 'корабль', *päèv* 'день', также: *laènama* 'ссудить', *poèg* 'сын'	Второй компонент дифтонга *i* сохранился: *laìv, päìv, laìnama, poìg*
11. Второй компонент дифтонга *ü* перешел в *i*: *käìs* 'рукав', *täìs* 'полный', *leìdma* 'найти'	Второй компонент дифтонга *ü* сохранился: *käüs̀, täüz, löüdmä*
12. Гармония гласных отсутствует: *nähà* 'видеть', *teràva* 'острого', *väzìnud* 'усталый'	Гармония гласных сохранилась: *näṫṫä, terävä, väźünü*
13. Синкопа отсутствует в глаголах типа *istuma* 'сидеть', *lepṗima* 'мириться'	Синкопа встречается последовательно: *iṡtma, leṗmä*

Морфологические различия

В североэстонских диалектах:	В южноэстонских диалектах:
1. Преобладают формы множ. числа на *-de*: *jalgadel* 'на ногах', *lehtedel* 'на листьях', *vanemaṫtel* 'у родителей'	Преобладают формы множ. числа на *-i-*: *jalul ~ jalgul, lehìl ~ lehtil, vanembil ~ vanembidel*
2. В номинативе множ. числа *-d*: *kalàd* 'рыбы', *meṫsàd* 'леса'	В номинативе множ. числа согласный отсутствует или имеется гортанный взрывной: *kalà ~ kala?, mę̀ṫsa ~ mę̀ṫsa?*
3. В партитиве единств. числа *-d*: *rāmaṫtud* 'книгу', *aìged* 'больного'	В партитиве единств. числа *-t*: *rāmaṫtut, aìget*
4. В иллативе *-sse*: *veškišše* 'в мельницу', *kohtušše ~ kohtu* 'в суд', *kūziḱkušše* 'в ельник'	В иллативе *-de, -he*, (*-ze*): *veškide ~ veškihe, kohtude ~ kohtuhe, kūs'kude ~ kūs'kuhe*
5. В инессиве *-s*: *jalàs ~ jalgas* 'в ноге', *käès* 'в руке'	В инессиве *-n, -h* или *-hN*: *jalàn ~ jalàh ~ jalahN, kähèn ~ käèn ~ käeh*
6. Признак компаратива *-m*: *sūrèm* 'больший', *iluzama* 'более красивого'	Признак компаратива *-mb, -mp* или *-p*: *sūrèmb ~ sūremp̀ ~ sūrep̀*; *iluzamba ~ ilozaṗpa ~ ilozaba*
7. Инфинитив на *-da*: а) *tûwa* 'нести', *sülja* 'есть', б) *istuda* 'сидеть', *pühkida* 'мести'	Инфинитив на *-da*: а) *tuv̆và, sūv̆và*, б) *iṡtu, pühki*
8. 3-е лицо единств. числа настоящего времени: *sâb* 'получает', *tulèb* 'приходит', *ę̀mblev* 'шьет'	3-е лицо единств. числа настоящего времени: *sāp̀ ~ sâ, tulep̀ ~ tulę̀, um̀blep ~ um̀bleṡ* (< **-kse*)

9. Преобладает имперфект с признаком *-si-*: *ma vęt̀sin* 'я взял', *ta elàs* 'он жил', *nad kiřjuťtaziᴅ*, *ańt̀siᴅ* 'они писали, давали'	Преобладает имперфект с признаком *-i-*: *ma vęťtì*, *ta eľli*, *na kiŕuťtiva*, *añniva*
10. Признаками причастия на *-nud* являются либо *-nᴅ*, *-nuᴅ*, *-n*, либо *-ᴅ*: *oľnᴅ ~ oľnùᴅ ~ oľᴅ ~ oľn* 'бывший', *sânᴅ* 'получивший', *paranᴅanᴅ* 'поправивший'	Признаком причастия на *-nud* является *-nu* (*-n*): *oľlù~oľnù*, *sānù ~sānu?*, *paranᴅanu*, *ìstnu ~ ìsten*
11. Отрицательные формы имперфекта образуются с помощью частицы *ei* и причастия на *-nud*: *ei oľnùᴅ* 'не был, не были', *ei teľnùᴅ* 'не делал, не делали'	Отрицательные формы имперфекта образуются с помощью частицы *es* и отрицательной формы настоящего времени: *es̀ olè*, *es̀ tį̂*

Выше мы привели лишь небольшое количество примеров наиболее характерных различий между северными и южными диалектами. Нами не отмечены здесь те особенности, которые свойственны не всем южноэстонским диалектам (как, например, удвоение согласных в партитиве и в инфинитиве на *-da*, сочетание *ts-* в начале слова, гортанный взрывной в конце слова, *ę* в последующих слогах и т. д.) или сравнительно широко распространены и в североэстонских диалектах (например, чередование двойного взрывного и простого согласного после слога с побочным и слабым ударением типа *aɢanik̀ku* : *aɢaniɢu* 'мякинника', *rāmaťtoť* : *rāmaᴅo* 'книги'). Но и приведенные выше примеры говорят о давних коренных расхождениях в фонетической и грамматической структуре северных и южных диалектов. Столь же глубокие и весьма древние различия можно отметить и в основном словарном фонде этих диалектов, сопоставив хотя бы такие слова как *koèr* (северное) и *penì* (южное) 'собака', *surema* и *kû̯lma* 'умереть', *karť̀ma* и *peľɢamá* 'бояться', *pezema* и *męs̀kma* 'мыть', *kaš̀k* и *kęìv* 'береза', *mäń'ᴅ* и *peťtäi ~ peᴅäjäs* 'сосна', *oᴅèr* и *kes̀v* 'ячмень' и т. д. Все эти черты восходят к различиям между древними племенными диалектами.

Естественно, что в зависимости от взаимоотношений древних племен и позднейших исторических условий северные и южные эстонские диалекты оказывали друг на друга влияние. Следует при этом отметить, что воздействие северных диалектов было сильнее в западной части южноэстонской диалектной области, тогда как в восточной части южные диалекты сохранили больше оригинальных черт. Говоря о наличии явлений, свойственных южноэстонским диалектам, в диалектах северной группы, можно констатировать их проникновение по двум направлениям: с одной стороны, некоторые черты южноэстонских диалектов (отпадение конечного *-n* в форме 1-го лица глагола, удвоение согласных в прилагательных на *-eδa-* и стяженных глаголах, палатализация, переход окончания транслатива *-ksi* в *-s*, *-z* и др.) проникли через южную часть бывшего уезда Пярнумаа (Саарде, Хяадемеэсте) в центральную и юго-западную часть того же уезда и местами даже в бывший уезд Ляанемаа и на острова; с другой же стороны, они достигают по побережью Чудского озера области восточного диалекта (например, форма инессива на *-n* в Кодавере, *maťteťtuᴅ* вместо *maettud* 'погребенный' и т. д.) и даже частично встречаются в северном прибрежном диалекте. Несмотря на наличие этих общих черт, давность и

причины распространения которых еще не выяснены, границы между областями северных и южных диалектов остаются до настоящего времени сравнительно четкими.

Следующей проблемой, возникающей в связи с основным разделением эстонских диалектов, является вопрос об отношении к северному прибрежному диалекту, который, как известно, распространен в прибрежной полосе вдоль Финского залива, от окрестностей Таллина до Нарвы. До сих пор этот диалект относили к одной группе с другими североэстонскими диалектами, а его особенности стремились объяснить влиянием финского языка. Только проф. П. А. Аристэ подверг сомнению правильность такой точки зрения и поднял вопрос о том, не следует ли все же рассматривать северный прибрежный диалект как третий основной диалект, который также восходит к говорам различных древних племен, а не сложился позднее, тем более, что эта диалектная область являлась той базой, откуда на протяжении веков направлялось движение переселенцев через залив в Финляндию.

Если подходить к данному вопросу исторически и учитывать главные явления, свойственные эстонскому языку, то такая установка представляется вполне правильной. Это становится очевидным при рассмотрении особенностей этого диалекта и их сопоставлении с основными чертами грамматического строя современного эстонского языка. Приводим поэтому ряд характерных черт прибрежного диалекта в сравнении с соответствующими чертами среднесеверного эстонского диалекта.

Фонетические различия

В северном прибрежном диалекте:	В среднесеверном диалекте:
1. Частичное отсутствие синкопы: *kanᴅama* 'нести', *rauᴅane* 'железный', *kū̃lusaᴅ* 'знаменитые'	Синкопа имела место: *kaṅᴅma*, *raṷᴅne*, *kûlsaᴅ*
2. Частичное отсутствие апокопы: *metsa* 'лес', *neula* 'игла', *orava* 'белка'	Наличие апокопы: *meṫs*, *nęèl*, *oràv*
3. Отсутствие чередования долгот: *must* : *mustaᴅ* 'черный : черные'	Чередование долгот: *muṡt* : *muštàᴅ*
4. Чередование двойного взрывного с простым согласным: *ottama* : *otàn* 'брать : беру'	Долгий двойной взрывной чередуется с кратким: *vęṫta* : *vęṫtàn*
5. *ŋɢ* : *ŋŋ*, например, *laŋɢ* : *laŋŋaᴅ* 'нить : нити'	*ŋ̀ɢ* : *ŋ̌ɢ*, например, *lęŋ̀ɢ* : *lęŋ̌ɢàᴅ*
6. *k*, *p*, *t* сохранились: *vakà* 'смирный', *tupà* 'комната', *pità* 'держит'	*k*, *p*, *t* перешли в *ɢ*, *в*, *ᴅ*: *vaɢà*, *tuвà*, *piᴅama*
7. **γl* > *ul*, **γr* > *ur*: *neula* 'иглы', *kaul* 'шея', *nauraв* 'смеется'	**γl* > *-el*, **γr* > *-er*: *nęělà*, *kaèl*, *naěràв*

8. Палатализация отсутствует или представляет собой позднее явление	Встречается палатализация зубных согласных

Морфологические различия

В северном прибрежном диалекте:	В среднесеверном диалекте:
1. Партитив единств. числа в словах типа *raamat* не имеет окончания: (*kaks*) *nätala* '(две) недели', *sūremвa rāmaťtu* 'большей книги'	Партитив единств. числа в словах типа *raamat* имеет окончание D: (*kaks*) *näDalaD*, *sūremaD rāmaťtuD*
2. В иллативе единств. числа: а) отсутствует удвоение: *tupà* 'в комнату', *patà* 'в котел', *kokù* 'вместе' б) имеется окончание *-je*: *sotaje* 'на войну', *külaje* 'в деревню' в) отсутствует окончание: *sütäme* 'в сердце', *kinDa* 'в перчатку'	В иллативе единств. числа: а) имеется удвоение: *tuṗpa*, *paṫta* ~ *pajasse*, *koḳku* б) отсутствует окончание *-je*: *seṭta*, *külašse* в) имеется окончание *-šse*: *süDamešse*, *kiṅDašse*
3. Встречается эссив: *nuorena* 'молодым', *poiGanna* 'сыном'	Эссив отсутствует
4. Генитив множ. числа а) не имеет окончания: *l̄ikmi* 'членов', *ī̄ri* 'мышей', *atro* 'плугов' б) имеет признак *-je*: *paremвije* 'лучших', *tütterije* 'дочерей' в) имеет признак *-de*: *vanuDe* 'старых', *lehmiDe* 'коров'	Генитив множ. числа а) имеет признак *-de*: *vanaDe*, *leḥmaDe*, *tüťtarDe* б) имеет признак *-te*: *īṙtte*, *paremaťte*
5. Партитив множ. числа без окончания: *matalamвi* 'более низких', *repasi* 'лисиц'	Партитив множ. числа с окончанием *-iD*: *madalaiD*, *reвazeiD*
6. Причастие на *-nud* имеет во множ. числе окончание *-neD*: *kukkuneD* 'упавшие', *tulleD* 'пришедшие'	Причастие на *-nud* не имеет особой формы множ. числа: *kuḳkunD*, *tuḷnD*
7. Условное наклонение имеет признак *-isi-* или *-iksi-*: *saisin* ~ *saiksin* 'получил бы', *olisin* ~ *oliksin* 'был бы'	Условное наклонение имеет признак: *-ksi-*: *sāḳs*, *oleks* ~ *oleksin*
8. Признак настоящего времени неопределенно-личной формы глагола отсутствует: *teḥà* 'делают', *antta* 'дают'	Признак настоящего времени неопределенно-личной формы глагола *-kse*: *teḥtakse*, *anttakse*

9. Отрицательные формы глагола спрягаются: *en, et, ei, emma, etta, evad tulè* 'не прихожу, не приходишь' и т. д.	Отрицательные формы глагола не спрягаются: *ei tulè*

Как видно из вышеприведенных особенностей северного прибрежного диалекта, они представляют собой весьма ранние явления, которые уже потому нельзя считать позднейшими финскими заимствованиями, что ими определяется вся фонетическая и морфологическая система данного диалекта. Так, например, мы знаем, что в эстонском языке в связи с явлениями синкопы и апокопы возникло так называемое чередование долгот. Поскольку в прибрежном диалекте таких явлений не наблюдалось, то здесь не появилось и закономерного чередования долгот. Последовательную систему мы видим также в морфологической структуре диалекта (партитив единственного и множественного числа, формы иллатива и инфинитива на *-ma* и т. д.). В то же время в этом диалекте могут быть легко выделены формы и явления, которые, возникнув позднее под влиянием среднесеверного диалекта, получают все большее распространение, как, например, чередование долгот, палатализация и т. д. С другой же стороны, здесь встречаются формы, указывающие на древние отношения с восточным, южными, а частично и с островным диалектами. Границы распространения северного прибрежного диалекта, который ранее охватывал, по-видимому, бóльшую территорию, также могут быть установлены с достаточной точностью.

В настоящее время на территории северного прибрежного диалекта мы можем различить ряд говоров, которые возникли отчасти в результате позднейших соприкосновений и прихода переселенцев из соседних областей, отчасти же являются, по-видимому, сравнительно древними. Так, начиная с западной части данной диалектной области можно говорить прежде всего о йыэляхтме-куусалуском говоре, затем о хальяла-виру-нигуласком и йыхви-люганусеском и, наконец, о вайвараских говорах. Из них наиболее характерным для всей этой группы является йыхви-люганусеский говор, имеющий тесные связи с восточным диалектом, бытующим на побережье Чудского озера.

Таким образом, подразделяя эстонские диалекты, мы можем установить наличие не двух, а трех диалектных групп, а именно: 1) северных прибрежных говоров, 2) североэстонских диалектов и 3) южноэстонских диалектов.

При группировке эстонских диалектов наибольшие трудности представляет вопрос о подразделении северных диалектов. Вопросом о границах распространения этих диалектов и их подразделении давно интересовались все наши диалектологи, так как он тесно связан с вопросом о базе эстонского литературного языка. До сих пор различали обычно пять североэстонских диалектов, а именно: 1) островной диалект, 2) западный, 3) среднесеверный, 4) переходный диалект центральной части Эстонии и 5) восточный диалект. Возникает вопрос о том, достаточно ли обосновано такое подразделение. Для его выяснения подвергнем ближайшему рассмотрению состав этой диалектной группы.

Что касается островного диалекта, то подход к нему как к особому диалекту обычно не вызывал возражений, так как островные говоры, несмотря на наличие в них общих североэстонских черт, имеют целый ряд характерных особенностей, отличающих этот диалект от диалекта населения материковой части республики.

Из числа фонетических особенностей, встречающихся в большинстве островных говоров, можно назвать, например, следующие:

1) *ę* > *ö*: *vȍlg* 'долг', *võras* 'чужой', а также *sȍrm* 'палец', *sõnà* 'слово', *lȍŋg* 'нить';

2) *ā̂* > *ɛ*: *pɛ̂* 'голова', *pɛ̂l* 'на', *ɛ̂* 'хороший', *ɛ̂r* 'край', *sɛ̄r* 'голень';

3) *au* > *ou* (в некоторых говорах): *ouk* 'яма', *loùlma* 'петь', *soùn* 'баня';

4) *ja-* > *jä-*: *jänù* 'жажда', *jägama* 'делить', *jägù* 'часть', *jävùr* 'помешанный';

5) *tk* сохранилось: *pitk* 'длинный', *sõtkuma* 'топтать', *sitke* 'вязкий', *jätk* 'продолжение' (ср. также говор побережья).

Из числа морфологических особенностей назовем следующие:

1) в прилагательных на *-eda-* отсутствует элемент *-da*: *sõgè* 'слепой', *sõgèks* 'слепым', *libèd* 'скользкие', *tumèd* 'темные', *lagèks* 'пустынным',

2) окончание иллатива *-ze*: *külaze* 'в деревню', *taluze* 'в усадьбу'; отсутствует также удвоение согласных: *vedè* 'в воду', *kogù* 'вместе' (в последнем случае ср. также прибрежный диалект);

3) 2-е лицо единств. числа отрицательной формы императива имеет признак *-g*: *â tulg* 'не приходи', *â tehk* 'не делай', *â sõg* 'не ешь';

4) в некоторых говорах название действующего лица имеет признак *-bi*: *sȍbija* 'тот, кто ест, едок', *keìbija* 'тот, кто ходит, ходок', *tȏbija* 'тот, кто приносит'.

Островной диалект имеет больше всего общих черт с западным диалектом. Сюда относятся, например, следующие явления:

1) отсутствие сочетания двух согласных в начале слова (за исключением говора о. Хийумаа): *râv* 'канава', *liĭmbìd* 'клецки', *rahv* 'штраф';

2) выпадение согласного *v* в положении рядом с лабиализованным гласным:

а) *ok* 'прялка', *ôlmed* 'колики', *ô* 'пояс';

б) *suì* 'лето', *tuì* 'голубь', *laè* 'корабль';

в) *karù* 'волос', *körù* 'ухо', *sarì* 'рог', *salì* 'мазь';

3) дифтонгизация долгого гласного в связи с выпадением гласного *i* в следующем слоге: *taeì* 'старик' : *tādì*; *koèl* 'школа' : *kōlì*;

4) удлинение гласного первого слога в некоторых глаголах с трехсложной основой: *āvalɒaв* 'заявляет', *māleĭtaв* 'помнит', *māratsema* 'бушевать', *pīgistaв* 'сжимает';

5) форма инессива на сильной ступени: *jalgas* 'в ноге, на ноге', *nurkkas* 'в углу';

6) элемент *-ud* в партитиве множ. числа от стяженных слов с основой на *-a*: *vaŕɒuɒ* 'спиц', *raĭtuɒ* 'колес', на о. Кихну даже: *aknu* 'окон'.

Часть вышеуказанных диалектных черт образовалась, возможно, на островах и оттуда распространилась на материк (например, форма *taeì* и др.), другая же часть, по-видимому, проникла с материка на острова (например, *-ud* в партитиве множ. числа); наконец, некоторые из них уже в глубокой древности могли быть общими для всех западных эстонских диалектов (инессив на сильной ступени; окончание причастия *-tud* вместо *-tatud*: *koristuɒ* 'убранный', *kiŕjuĭtuɒ* 'написанный', исчезновение *v* в положении рядом с лабиализованным гласным; отсутствие сочетания двух согласных в начале слова и др.). Это обилие общих черт повело к тому, что некоторые исследователи были склонны объединять островные и западные говоры в один диалект (например, Х. Оянсуу), а другие относили отдельные западные говоры (Варбла, Тыстамаа) к островному диалекту. Однако, принимая во внимание характерные особенности островных говоров, в них правильнее все же видеть особый самостоятельный диалект, как это обычно и делалось до сих пор.

Островной диалект, представленный на отдельных островах, далеко не является единообразным и распадается на ряд говоров. Так, можно говорить о хийуском говоре, который, в свою очередь, подразделяется на более мелкие говоры,[13] далее о мухуском, о северосааремаском (Пэйде, Яани) говоре, о среднесааремаских и южносааремаском (Сырве) говорах и, наконец, о говоре о. Кихну. Этот последний является переходным от островных к западным материковым говорам, так как в нем, наряду с его специфическими чертами, встречаются особенности, свойственные как островному, так и западному диалекту.

В заключение можно отметить также известное влияние шведского языка на фонетическую структуру островных говоров (появление *E* вместо *ä*, *äi* вместо *ei* и т. д.).[14]

Значительно больше вопросов вызывает западный диалект, территорией распространения которого считались бывшие уезды Ляанемаа и Пярнумаа. Уже сама эта область по диалектным признакам далеко не единообразна. Так, здесь можно различать, с одной стороны, северную часть Ляанемаа (Ридала, Ляане-Нигула, Мартна, Кулламаа, Мярьямаа), говоры которой в общем близки к среднесеверному диалекту, с другой же стороны, южную часть Пярнумаа (Хяадемеэсте, Саарде), где много общих черт с южноэстонскими диалектами, особенно с говором населения южной части бывшего уезда Вильяндимаа. Однако и в центральной части этой диалектной области можно, в свою очередь, выделить юго-западную часть (Тыстамаа, Варбла), говоры которой, как уже отмечено выше, имеют много общего с островным диалектом. Особенности западного диалекта наиболее типично представлены все же в центральной части этой области, т. е. на юге Ляанемаа и на севере Пярнумаа (Пярну, Тори, Вяндра, Аудру, Михкли, Пярну-Ягупи, Вигала, Кирбла, Лихула, Ханила, Карусе).

В качестве наиболее характерных черт западного диалекта можно отметить следующие фонетические явления:

1) *v* > *в* или *v* > *β*, например, *kęвà* 'твердый', *kiвì* 'камень', *keвaᴅe* 'весна', *oᴅèв* 'дешевый', *pęl̀в* 'колено';

2) *hi* > *he*: *pęhè* 'дно', *tühè* 'пустой', *ei tohè* 'нельзя', *köhema* 'кашлять';

3) *ih* > *eh*: *laĕhà* 'тощий', *kaĕhù* ~ *kaĕh'ù* 'вред';

4) *j* > *e*: *po̦eà* 'сына', *a̦eà* 'времени', *pa̦eà* 'котла';

5) *at̆tèr*: *aᴅrà* 'плуг', *put̆tèr*: *puᴅrù* 'каша'.

Из числа морфологических явлений обращают на себя внимание:

1) генитив множ. числа на слабой ступени и множ. число с признаком *-de-* от слов типа *jalg* : *jalaᴅe* 'ног', *laŭwaᴅel* 'на столах', *po̦eaᴅel* 'у сыновей', *ęlaᴅel* 'на плечах';

2) инессив на сильной ступени с переходом *a* в *e*: *liǹnes* 'в городе', *jal̀ᴅes* 'в ноге', *tęl̀ᴅes* 'в карете', *met̀ses* ~ *met̀s* 'в лесу', *ot̀ses* ~ *ot̀s* 'в конце';

3) образовавшееся из инфинитива на *-da* косвенное наклонение с признаком *e*: *ta tul̀le*, *näh̆jè*, *lüp̀se*, *luᴅeᴅe*, *köl̀je* 'он-де ходит, видит, доит, читает, ходит'.

Специфические черты западного диалекта вообще позднего происхождения и бытуют на сравнительно ограниченной территории. Многие

---

[13] P. Ariste, Hiiu murrete häälikud. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), B XLVII 1, Tartu 1939, стр. 258.

[14] P. Ariste, Mis on Loode-Eesti murrete hääldamises rootsipärane. Eesti Keel 1931, стр. 73 и сл. P. Ariste, Hiiu murrete häälikud, стр. 269—270.

особенности этого диалекта (отсутствие сочетания двух согласных в начале слова, выпадение согласного *v* в положении рядом с лабиализованным гласным, окончание *-uɒ* в партитиве множ. числа, инессив сильной ступени и др.) являются, как указано выше, общими с островным диалектом.

Общими для обоих диалектов являются и соприкосновения со шведским языком, вследствие чего и в том, и в другом диалекте (особенно на о. Хийу и в Ноароотси, а также в бывшем приходе Ристи, входящем в область среднесеверного диалекта) встречается ряд шведских заимствований, главным образом терминов мореходства, каковы, например, *hauṡkar* 'черпак', *hîvama* 'поднимать' (якорь), *juĭlà* 'ялик', *kûnar* 'шхуна', а также названий предметов домашнего обихода, например, *säŋ̀g* 'кровать', *kep̄* 'палка, трость', *nôr* 'веревка', *kärù* 'тележка' и т. д.; сюда же относятся некоторые слова из области мифологии: *krat̄* 'домашний дух, домовой', *näk̄* 'русалка', *toṅt̀* 'привидение', *nōk* 'домашний дух', *nuɢima* 'паразитировать' и др.[15]

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что в говорах западного диалекта имеется целый ряд черт, общих с южноэстонскими диалектами. Таковы, например:

1) удвоение взрывных
   а) в прилагательных на *-eδa-*: *kip̆pè* : *kiвeɒa* 'горький', *mak̆kè* 'пресный', *lak̆kè* 'пустынный';
   б) в настоящем времени некоторых глаголов: *mak̆kà* 'я сплю', *sek̆kàв* 'мешает', *sat̆tàв* 'идет' (о дожде, снеге);
   в) в партитиве единств. числа: *sik̆kà* 'свинью', *nuk̆kà* 'ножа', *näk̆kò* 'лица';

2) *ks* > *ss*, *s* : *vareze* 'вороны', *sūrès mehès* 'большим человеком', *kahešsa* 'восемь', *anttašse* ~ *anɒašse* 'дают';

3) наличие синкопы: *kīk̀ma* 'качаться', *ẹ̀pvaɒ* 'учатся', *ot̀sma* 'искать';

4) инфинитив *-da* : *ìstu* 'сидеть', *ot̀si* 'искать';

5) 1-е лицо без окончания *-n* : *ma tulè* 'я приду', *sṷ̂* 'ем', *kiřjut̆ta* пишу' (последняя черта встречается также на о. Сааремаа).

Эта общность языковых элементов указывает на связи южноэстонских диалектов с западными говорами.

Что касается границ западного диалекта, то их установление сопряжено с известными трудностями. Северо-восточной границей этой диалектной области считали обычно границу между бывшими уездами Ляанемаа и Харьюмаа, с чем можно согласиться, однако в то же время с полным правом указывалось на то, что ряд характерных черт западного диалекта (например, формы *kẹвà* 'твердый', *kiвì* 'камень' и др.) охватывает и говоры западной части Харьюмаа. Особенно много таких черт встречается в Рапла, Нисси и Ристи. Еще больше вопросов вызывают взаимоотношения западного диалекта и говоров северной части бывшего уезда Вильяндимаа, особенно сууре-яниского и кыпуского, но отчасти и говора бывшего прихода Вильянди. Хотя сношения населения этих местностей с расположенными к западу областями не могли быть оживленными уже в силу естественных препятствий (обширных болот), мы все же встречаем и здесь ряд особенностей, свойственных западному диалекту.

---

[15] P. Ariste, Hiiu murrete häälikud, стр. 269. P. Ariste, Eesti-rootsi laensõnad eesti keeles. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B XXIX 3, Tartu 1933. P. Ariste, Eesti-rootsi laensõnadest. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis) B XLVI 3, Tartu 1939.

Так, в Сууре-Яни и Кыпу известны такие черты западного диалекта, как: 1) отсутствие сочетания двух согласных в начале слова (*lâź* 'стекло', *līt̀* 'плита'), 2) выпадение согласного *v* в положении рядом с лабиализованным гласным (*oḱkì* 'прялки', *ôlmeɒ* 'колики'; *suì* 'лето', *razù* 'жир', *kaeĭ* 'колодец', 3) *-hi* > *-he* (*ahè* 'печь', *pẹhè* 'дно', *vahèв* 'смотрит'), 4) *-n* в номинативе: *lân*:*lānè* 'густой лес', *küĭn*:*küĭnè* 'ноготь', *kân* 'крышка' и т. д., 5) формы: *pẹlnd* 'не было', *kaṫti* (наречие), *änàm* 'больше' и др. В сууре-яниском говоре встречаются даже такие формы, как *kivì* 'камень', *eɒèв* 'кокетливый', *mäĭeṫtama* 'помнить', *laĕhà* 'тощий', *kaĕhatsema* 'жалеть', *meṫses* 'в лесу', *saṫtàв* 'идет' (о дожде, снеге) и др.

На основе всех этих явлений сууре-яниский и кыпуский говоры можно считать входящими в состав западного диалекта. В говоре населения окрестностей Вильянди имеются также черты этого диалекта (отсутствие сочетания двух согласных в начале слова, выпадение согласного *v* в положении рядом с лабиализованным гласным и др.), но их не так много и встречаются они не так последовательно, вследствие чего вильяндиский говор не может быть отнесен к западному диалекту. То же самое следует сказать и о говорах, распространенных в Пилиствере и Колга-Яни, хотя и сюда проникли некоторые черты западного диалекта.

Приступим теперь к рассмотрению среднесеверного эстонского диалекта, который, как известно, имеет исключительно важное значение, так как он лег в основу нашего современного общенародного и литературного языка. Поисками базы для эстонского литературного языка занимались уже языковеды прошлого столетия. Так, О. В. Мазинг полагал, что в основе литературного языка должны лежать говоры южной части Вирумаа и восточной части Ярвамаа.[16] Примерно той же точки зрения придерживался и Ф. Р. Фельман, считавший вирумаский и ярвамаский диалекты наиболее подходящими в качестве базы литературного языка.[17] В результате своих исследований Михкель Веске, как мы видели, передвинул местоположение этой базы в значительной мере на запад, полагая, что в основу литературного языка должен быть взят диалект населения западной части Вирумаа, восточной части Харьюмаа и Ярвамаа, и назвал этот диалект «среднеталлинским языком».[18] Позднее он был назван среднесеверным диалектом, причем в качестве такового рассматривали в основном совокупность говоров бывших уездов Вирумаа, Ярвамаа и Харьюмаа.

Хотя упомянутый диалект, несомненно, является наиболее близким к нашему литературному языку, вопрос о границах его распространения еще далеко не ясен. На севере эта диалектная область граничит с прибрежным диалектом, на западе — с западным, на востоке — с восточным диалектом. Наименее же определенной представляется южная граница этой диалектной области.

Ввиду того, что в диалекте населения северной Вильяндимаа, а частично и северной части Тартумаа, встречается ряд южноэстонских черт, этот диалект рассматривался как особый, переходный. Возникает, однако, вопрос, в какой мере оправдан подход к такому переходному диалекту как к самостоятельному? При ближайшем рассмотрении этого диалекта выясняется, что в нем почти совершенно отсутствуют какие-либо специфиче-

---

[16] Точнее: говоры приходов Амбла, Коеру, Симуна, Вяйке-Маарья и Виру-Ягупи. Ср. Beiträge zur genauern Kenntniss der ehstnischen Sprache XVI, Pernau 1822, стр. 59.

[17] F. Faehlmann, Versuch die estnischen Verba in Conjugationen zu ordnen, Dorpat 1842, стр. 12.

[18] M. Veske, Eesti keele healte õpetus ja kirjutuse viis, стр. IV.

ские черты. Бытующие здесь говоры являются все же в первую очередь североэстонскими, причем, в зависимости от их географического распространения, в них имеется большее или меньшее число особенностей, свойственных южным, северным, западным или восточным говорам. Поэтому здесь скрещиваются границы распространения различных фонетических, морфологических и лексических явлений.

В пояснение вышесказанного сопоставим хотя бы такие пересекающие данную диалектную область в восточно-западном направлении изоглоссы, как *oa* (*ua*) ~ *â* (*moa* ~ *mâ* 'земля'), *jä-* ~ *ja-* (*jätk* 'продолжение' и др.), *kaheksa* ~ *kahešsa* 'восемь', *tuleks* ~ *tuleš* 'пришел бы', *istuda* ~ *istu* 'сидеть', (*ta*) *olevad* (*oleva*) ~ (*ta*) *olema* (*haige*) 'он-де болен', *kätki* ~ *äl'* 'колыбель' и т. д. С другой же стороны, эта область пересекается также рядом идущих с севера на юг изоглосс, таких черт, которые наблюдаются не только в этой переходной области, но и к северу от нее. Из таких черт можно отметить, например, инессив сильной и слабой ступени (*nurkkas* ~ *nurgas* 'в углу'), формы имперфекта и условного наклонения с признаками *-id* и *-ivad* (*tegid* ~ *tegivad* 'делали', *tuleksid* ~ *tuleksivad* 'приходили бы').

Поэтому трудно говорить о какой-либо однородной пограничной области между северными и южными диалектами, а можно констатировать лишь наличие определенных южноэстонских черт в области северных диалектов, причем этих черт встречается тем больше, чем ближе к южной диалектной области данный говор. Поскольку в западной части среднесеверного эстонского диалекта, как указано выше, имеется ряд черт западного диалекта, то вполне естественно, что в южной части той же среднесеверной диалектной области бытует ряд южных черт, тогда как ее восточная часть характеризуется наличием восточноэстонских языковых особенностей. Вследствие этого представляется целесообразным отказаться от подхода к так называемому переходному диалекту центральной Эстонии как к особому, самостоятельному диалекту и рассматривать говоры населения северной части бывших уездов Вильяндимаа и Тартумаа как переходные говоры среднесеверного диалекта.

На западе в качестве таких же переходных говоров следует отметить прежде всего говоры, бытующие в Ристи, Нисси и Рапла. В восточной же части этой диалектной области можно выделить говоры бывшего уезда Вирумаа, где встречается ряд восточноэстонских черт, каковы, например, сочетание *-mb* в формах сравнительной степени, *-st* в транслативе, формы имперфекта на *-i* и т. д. Хотя в среднесеверном диалекте также имеются некоторые особенности (ср., например, в Харьюмаа: *ohr* 'ячмень', *kehrama* 'прясть' и т. д.), все же ядро этой диалектной области, куда входит восточная часть уезда Харьюмаа, Ярвамаа и отчасти западная часть Вирумаа, является относительно однородным, вследствие чего можно считать в основном правильной ту точку зрения, на которой по вопросу о базе эстонского литературного языка уже в прошлом веке стоял Михкель Веске.

Поскольку рассматриваемый диалект ближе всего примыкает к современному литературному языку, он в значительной мере характеризуется теми же чертами, какие свойственны последнему. Так, для этого диалекта типичны такие исконные североэстонские черты, как формы множественного числа на *-de* и имперфект с признаком *-si*. Далее можно отметить формы иллатива на *-sse*, дифтонгический партитив множественного числа (*madalaid* 'низких', *kergeid* 'легких', *rämattuid* 'книг'), инфинитив с при-

знаком *-da* (*ištuda* 'сидеть', *kiŕjuŏtada* 'писать') и др. Тем не менее нельзя отрицать того факта, что целый ряд элементов, имеющихся в настоящее время в данном диалекте, не свойствен литературному языку, например дифтонгизация долгих гласных (*moà* 'земля', *veart* (наречие), *tüömiès* 'работник', *tuòma* 'принести', *mɐek* 'меч'), выпадение взрывного из сочетания трех согласных на слабой ступени (*seĺts* ~ *seĺsi* 'общество'), окончание партитива единственного числа *-d* (*seda raśked mazinad* 'этой тяжелой машины'), партитив множественного числа на *-a* (*koŏta* 'мешков', *vɐrkka* 'сетей') и т. д. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что наш литературный язык в ходе своего развития вобрал в себя также элементы других диалектов, а с другой стороны, и тем, что говоры, лежащие в основе литературного языка, получили дальнейшее развитие, тогда как в литературном языке сохранились более ранние черты.

Рассмотрим теперь последний североэстонский, а именно так называемый восточный диалект. Вопрос о границах территории восточного диалекта также требует особого рассмотрения, так как, несмотря на наличие в этом диалекте ряда специфических черт, их распространение далеко не равномерно. Говоря об особенностях восточного диалекта, можно, с одной стороны, отметить такие типичные черты, как:

1) *δ* > *d*: *madùd* 'змеи', *padàs* 'в котле', *sidutud* 'связанный', *kudùn* 'тку', *kadùv* 'исчезает', *edemalle* 'дальше' и т. д., что наблюдается на всем побережье Чудского озера (в Кодавере, Торма, Ийсаку, а также в Авинурме, Марья-Магдалена, отчасти в Паламусе и Лайусе), и

2) *o* > *ɐ*: *ɐtsè kɐhè* 'тотчас', *ɐràs* 'всходы', *ɐskan* 'умею', *ɐlema* 'быть', *ɐjà* 'ручей' и т. д.; этот переход, помимо восточного диалекта, встречается в говорах населения Люганусе и Йыхви, а также в водском языке.

Можно отметить и такую своеобразную черту, как сохранение согласного *v* в положении рядом с лабиализованным гласным в словах типа *lɐĕvukke* 'жаворонок', *aŕvukkas* 'умный', *suŕvuvad* 'жмут', *ulvòb* 'воет' и т. д., что особенно четко выражено в говорах населения Кодавере и Торма, но наблюдается и в других местах (отчасти даже в Сетумаа).

В восточном диалекте имеется целый ряд черт, которые встречаются не только в Причудье, но проникли в северный прибрежный диалект и в восточные говоры среднесеверного диалекта, местами даже в южноэстонскую диалектную область. Из таких широко распространенных черт можно назвать, например, инфинитив с признаком *-tta* от глаголов типа *kirjutama* (*kiŕjuŏtaŏtta* 'писать', *paranŏaŏtta* 'исправлять'), прошедшее время косвенного наклонения с признаком *-nuvad* (*teĥnuvad*, *oĺnuvad* 'он-де делал, был'), транслатив на *-st* (*sūrest mehest* 'большим человеком'), а также такие формы, как *venelaìzi* 'русских', *pulmaĺizi* 'свадебных гостей', *pahanŏuìzi* 'неприятностей' и т. д. С другой же стороны, здесь встречаются черты, распространение которых в значительной мере ограничено, например переход *ht* в *st* (*täśt* 'звезда', *reśt aśtma* 'складывать хлеб для сушки') и *st* в *ss*, *ś* (*muś* 'черный', *aśsu* 'ступать' и *iśsu* 'сидеть') в кодавереском говоре.

Поскольку наблюдающиеся здесь явления весьма различны как по своему характеру, так и по степени распространенности, основной областью восточного диалекта следует считать Причудье и непосредственно примыкающие к нему местности, где черты этого диалекта встречаются в наибольшем количестве и выступают наиболее последовательно. Сюда относятся в первую очередь Кодавере, Торма и Авинурме, а также и Марья-Магдалена. С севера к этой области примыкает Ийсаку, хотя

местный говор занимает в известной мере особое положение, так как в нем, кроме черт, общих с восточным диалектом, наблюдаются особенности среднесеверного диалекта и даже прибрежных говоров. Наибольшим своеобразием отличается здесь, как известно, центральный кодавереский говор, имеющий ряд характерных черт, общих с водским языком.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что восточный диалект имеет, с другой стороны, ряд общих черт с северным прибрежным диалектом; таковы, например, старый партитив с окончанием *-da* (*mäda* 'землю', *izada* 'отца', *pĭgada* 'девушку'), иллатив на *-je* (*linaje* 'в лен', *külaje* 'в деревню'), 1-е и 2-е лицо множ. числа с окончаниями *-ma*, *-tta* (*suama* 'получаем', *suatta* 'получаете'), спряжение отрицательного глагола (*en*, *et*, *ep*, *emä*, *että*, *eväd tule* 'не прихожу, не приходишь' и т. д.) и др. Восточный диалект представляет собой также ту языковую среду, через которую, как уже отмечено выше, многие южноэстонские черты проникли на север, достигая местами прибрежного диалекта (например, инессив на *-n* в говоре населения Кодавере и др.).

Рассматривая североэстонские диалекты вообще, мы видим, что они получили свой характерный облик в зависимости от исторических условий своего развития. Главная и решающая роль выпала здесь на долю среднесеверного диалекта, который стал средством общения всего населения северной Эстонии и позднее лег в основу национального языка. Другие же диалекты, сохранившись лишь в качестве местных средств общения, постепенно потеряли свое значение.

Как уже сказано выше, другую основную группу образуют ю ж н о - э с т о н с к и е диалекты. Возникнув на языковой базе нескольких древних племен, они распадаются в настоящее время на три самостоятельных диалекта: западный, тартуский и выруский.

Из них наиболее близким к северным диалектам является западный южноэстонский диалект, на котором говорят в Халлисте, Каркси, Пайсту, Тарвасту и Хельме. Поскольку население этой области в течение долгого времени поддерживало тесные сношения с соседними северными областями, целый ряд североэстонских черт проник в западный южноэстонский диалект, вытеснив многие его исконные особенности. Несмотря на это, он в общем сохранил свою южноэстонскую грамматическую структуру и основной словарный фонд. Здесь продолжают бытовать все вышеуказанные основные особенности южных диалектов: *ks* > *ss*, *s̀* (*ušsè* 'двери', *maȧssa* 'платить'; *vanaȧ* 'старым'); *tk* > *kk* или *tk* > *tsk* (*sikke* 'вязкий', *jakkame* 'продолжать'; *kitsme* ~ *kitskma* 'полоть'); *ht* > *tt* (*kęt* : *kęttù* 'живот', *nättà* 'видеть'), формы *nagèl* 'гвоздь', *sęgèl* 'сито' вместо *nael*, *sõel*, гармония гласных (*külà* 'деревня', *väzünü* 'усталый'), форма сравнительной степени на *-mв* (*paremв* ~ *paremp* ~ *parep* 'лучший'); южноэстонские черты в склонении и спряжении (например, инессив: *sürèn męťsàn* 'в большом лесу'; инфинитив на *-da* : *juŭvà* 'пить', *süŭvà* 'есть'; причастия типа: *sänù* 'получивший', *teńnù* 'сделавший', *sâd* 'полученный', *teť* 'сделанный' и др.); южноэстонская лексика, например *kezü* 'ячмень', *pedäjäs* 'сосна', *amè* 'рубаха', *kavèl* 'веревка', *ligè* ~ *likkè* 'мокрый', *lämì* 'теплый', *męškma* 'мыть', *peťgäme* 'бояться' и т. д.

В соответствии с историческим делением на кихельконды западный южноэстонский диалект распадается на пять говоров, которые в свою очередь могут быть подразделены на западные (Халлисте, Каркси, Пайсту) и восточные (Тарвасту, Хельме). Из них центральным можно считать каркскиский говор, в котором наиболее ярко представлены особенности

этого диалекта, тогда как хельмеский говор является переходным к тартускому диалекту.

Поскольку говоры западного южноэстонского диалекта издавна находились в тесной связи с западными говорами североэстонской диалектной области, в них имеется ряд общих черт с последними. В качестве наиболее характерных сюда относятся: 1) отсутствие сочетания двух согласных в начале слова (например, *rȁv* 'канава', *rep̄'* 'лестница', *lavèr* 'рояль', *rak̆sùв* 'трещит', *leit̀* 'платье') и 2) выпадение согласного *v* в положении рядом с лабиализованным гласным (например, *ok̄'* 'прялка', *oŕst* 'колбаса', *ụ̄kke* 'пояс'; *tuì* 'голубь', *kajò* 'колодец', *razù* 'жир', *laᴅù* 'верхушка', *pilì* 'облако'). Североэстонские черты наблюдаются и в морфологии западного южноэстонского диалекта; так, партитив слов типа *raamat* имеет в говорах Халлисте и Пайсту окончание *-ᴅ* (*rāmat̆tuᴅ* 'книги', *vȁnemaᴅ* 'старшего'; *māzik̆kiᴅ* 'земляники', *ohak̆kiᴅ* 'чертополоха'), а в говорах Тарвасту и Хельме *-t* (*rāmat̆tut̀*, *tuɢevet* 'сильного'; *māzik̆kit*, *pimeᴅit̀* 'темного'); североэстонские элементы проникли и в лексику: такие слова, как *koèr* 'собака', *uńt̀* 'волк', *punane* 'красный' и др., вытеснили здесь южноэстонские соответствия *penì*, *suzì*, *verèv* и др.

К числу характерных особенностей западного южноэстонского диалекта относится переход *a*, *ä* > *e* в словах, следующих за вторым слогом, например: *kiřjut̆teme* 'писать', *maɢame* 'спать', *ụ̂l'maᴅe* 'несмотря на', *salat̆te* 'отрицать', *aṅᴅme* ~ *aṅᴅma* 'давать', и удвоение взрывного после сонорного согласного: *kẹnelt̆te* 'говорить', *kolmant̆te* 'третьего', *mā̄nt̆teв* 'гниет', *ẹ̆ijent̆teme* 'исправлять', *paremp̆pe* 'лучшего', *lault̆tà* 'петь' и т. д. Можно отметить также сходную с инфинитивом на *-da* отрицательную форму 2-го лица единств. числа повелительного наклонения: *ärȁ miñnà* 'не ходи', *ärȁ tet̆tȁ* 'не делай', *ärȁ süv̆vȁ* 'не ешь', *ärȁ nārᴅà* 'не смейся' и т. д. Типичным для рассматриваемого диалекта является и образование множественного числа на *-e* от слов типа *jalg*, например: *laùᴅest* 'из досок', *leh̀tel* 'на листьях', *pal'kkest* 'из бревен', *jal̀ɢel* 'на ногах', *pat̀jest* 'из подушек' и т. д. (Последнее явление наблюдается, как известно, и в северной части бывшего уезда Вильяндимаа, а также в меньшей степени в других местах.)

Хотя наши ранние исследователи (Видеман, Веске) не выдвигали говоры западного южноэстонского диалекта в качестве самостоятельного диалекта, эти говоры со своими специфическими признаками, несомненно, образуют особый диалект, достаточно четко отличающийся от других южноэстонских диалектов.

Обратимся теперь к тартускому диалекту, который занимает центральное место в южной диалектной области. В связи с этим он служил в известной мере средством общения всего населения южной Эстонии и, вместе с тем, в период до образования общенационального языка являлся основой южноэстонского литературного языка.

Область тартуского диалекта отделена от северных диалектов в основном рекой Эмайыги, от западного южноэстонского диалекта — озером Выртсъярв. Граница между тартуским и выруским диалектами проходит примерно по границе бывшего уезда Вырумаа. Тартуский диалект распадается на ряд говоров. Так, можно говорить о бытующем в соседстве с западным южноэстонским диалектом сангасте-каруласком говоре, содержащем общие черты с западными говорами, о говорах к западу от г. Тарту на побережье о. Выртсъярв (область Пухья-Ранну), а также о восточных говорах (Вынну, Камбья) и тарту-марьяском говоре, для которого характерно обилие североэстонских черт. Наиболее типичным пред-

ставителем тартуской диалектной области принято считать отепяский говор, хотя в нем и встречаются некоторые особенности выруского диалекта.

Занимая территорию между западным южноэстонским и выруским диалектом, тартуский диалект, помимо общих южноэстонских черт, содержит ряд особенностей и этих двух указанных диалектов. Он имеет, однако, и некоторые специфические черты; таковы, например 1) иллатив на *-de* (*kūzikkuᴅe ~ kûśkuᴅe* 'в ельник', *veškiᴅe* 'в мельницу', *kiṇᴅaᴅe* 'в перчатку', *kaṁbreᴅe* 'в комнату', *rę̀viᴅe* 'в одежду'); 2) множ. число на *-i-* на сильной ступени (*jal̀gun* 'в ногах', *leḥtin* 'в листьях', *aṫruṫta* 'без плугов', *sę̀klust* 'из сит', *sę̀rult* 'от друзей', *sukkel* 'на чулках', *nûrile* 'молодым'; 3) своеобразная форма косвенного наклонения в отдельных говорах (*tulnà* 'он-де придет', *kūlnà* 'он-де слышит', *uṁmelna* 'он-де шьет', *taḥtna* 'он-де хочет' и т. д.).

От западного южноэстонского диалекта тартуский диалект отличается рядом основных черт. Так, например, удвоение согласных проводится в тартуском диалекте гораздо последовательнее: помимо прилагательных на *-eᴅa-* (*liḳḳè* 'мокрый', *saḳḳè* 'частый') и стяженных глаголов (*maḳḳà* 'сплю'), оно имеет место в словах типа *madal* (*maṫṫàl* 'низкий', *näṫṫàl* 'неделя', *sükkäv* 'глубокий') и в целом ряде падежных форм первой долготы (партитив единств. ч.: *tsiḳḳà* 'свинью', *kaḷḷà* 'рыбу'; партитив множ. ч.: *tsiḳḳù* 'свиней', *teŕŕì* 'зерен'; генитив множ. ч.: *uṕṕè* 'бобов', *mäḳḳì* 'гор'); встречается сочетание *ts-* в начале слова (*tsiɢà* 'свинья', *tsirḳ* 'птица', *tsę̀riḳ* 'круг', *tsiŕṕ* 'серп') и т. д.

С другой стороны, тартуский диалект отличается рядом черт и от выруского диалекта; так, мы находим здесь, как и в западном южноэстонском диалекте, инессив с окончанием *-n* (*mę̀tsàn* 'в лесу', *külän* 'в деревне'), слова типа: *laḥjà* 'тощий', *kaḥjù* 'убыток' встречаются здесь в той же форме, что и в литературом языке, **lγ > ll* (*nälläne* 'голодный', *küḷḷè* 'бока, стороны' и т. д.).

Нередко наблюдается, однако, что черты, общие с тем или другим соседним диалектом, выступают не на всей территории тартуского диалекта, а лишь в западных или восточных его говорах. В этом отношении тартуский диалект является в известной мере переходным, хотя, как мы видели, ему и присущ ряд специфических особенностей.

Значительно более четко выделяется среди других южноэстонских диалектов выруский диалект, на котором говорят в бывшем уезде Вырумаа и в Сетумаа. Поскольку в Сетумаа эстонцы издавна находились в тесном контакте с русскими и население носило здесь смешанный характер, русский язык оказал сильное влияние на сетуский говор, особенно на его фонетическую систему и лексику. В сетуском говоре обращает на себя внимание выраженная сильнее, чем в литературном языке, палатализация, твердый согласный *ł* русского происхождения и другие фонетические явления. На основании этих особенностей некоторые лингвисты были склонны рассматривать сетуский говор как самостоятельный диалект. Между тем по своему грамматическому строю он настолько близок ко всем другим говорам выруского диалекта, что такая точка зрения представляется недостаточно обоснованной.

Из числа западных говоров выруской диалектной области выделяется своими особенностями харглаский говор. Одной из характерных черт этого говора является наличие в нем многочисленных латышских заимствований.

Основными говорами выруского диалекта следует считать ряпинаский, вастселийнаский, рыугеский и пыльваский, тогда как, например, в урвастеском говоре уже замечается сильное влияние западных говоров.

Как уже отмечено выше, вырускому диалекту свойствен целый ряд специфических черт, отсутствующих в других диалектах. Так, например, в области форм склонения здесь можно отметить следующие особенности:

1) последовательное образование множественного числа на *-i-*: *jalust* 'с ног', *lehist* 'из листьев', *sęʙrust* 'из друзей', *mehist* 'из мужчин', *naĭzist* 'из женщин', *kēlist* 'из языков';

2) иллатив с окончанием *-he*: *hûnęhe* 'в здание', *süämehe* 'в сердце', *pęl̀vahe* 'в Пыльва', *mäh̀kmihe* 'в пеленки', *koh̀tuhe* 'в суд';

3) *-h* или *-hN* в окончании инессива: *māh̀* 'в земле', *jalah̀* 'в ноге', *tarę̀h* 'в избе', *majahN* 'в доме' (Рыуге), *nuřmęhN* 'в поле';

4) абессив с окончанием *-lDa*: *mâlDaʔ* 'без земли', *lōGalDaʔ* 'без дуги', *vęt̀malDaʔ* 'без ключа', *aźalDaʔ* 'напрасно'.

Из области спряжения обращают на себя внимание своеобразные отрицательные формы в восточных говорах: *tułę̄ʔ‿ęi~tulę‿ęiʔ* 'не придет', *tułę̄ʔ‿ęs* 'не пришел', *sāʔ‿ai* 'не получит' и т. д. Можно также отметить ряд типичных фонетических черт:

1) сохранение гласного *ę* в последующих слогах слов с задним вокализмом: *tuk̆kę̀v* 'сильный', *purę̄lę̄m̆ma* 'грызться', *parę̄mp̆pahę* 'направо', *lęokkęnę* 'жаворонок', *oř̆rę̄lę* 'на насест';

2) замена более раннего *k* взрывным гортанным в конце слова: *kaštęʔ* 'роса', *tarę̄niʔ* 'до избы', *sōmälDäʔ* 'без еды', *ol̆laʔ* 'быть', *añnaʔ* 'дай', *ei lup̆paʔ* 'не позволяю', *miʔ tulemiʔ* 'мы придем' и т. д.

3) сохранение согласного *h* в конце слова и после дифтонга: *pereh̀* 'семья', *hamęh̀* 'рубаха', *murę̀h* 'горе', *hōnęh̀* 'здание'; *laih̀* 'тощий', *jauh̀ma* 'молоть', *kaih̀* 'вред' (в Сетумаа: *riuh̀* 'желоб', *jęuh* 'волос' и т. д.), а также в начале слова: *hop̆pę̀ń* 'лошадь', *haiǹ* 'сено', *heřneh̀* 'горох' и т. д. (ср. еще; *mīhi* 'мужчин', *vęh̀L* 'завистливый', *kah̀R* 'медведь', *unęhtanu* 'забытый' и др.).

Ряд особенностей наблюдается также и в словарном составе диалекта.

Необходимо отметить, что как в области лексики, так и в области фонетической системы выруский диалект вобрал в себя известное количество русских элементов, которые отсутствуют в других южных диалектах. Сюда следует отнести явления палатализации, выраженные более резко, чем в литературном языке, характерный для русского языка твердый согласный *ł* и т. д. Все это указывает на то, что выруский диалект формировался под известным влиянием русского языка.[19]

Наряду с этим наличие в выруском диалекте весьма древних черт говорит за то, что он представляет собой сравнительно более раннюю стадию развития, тогда как тартуский диалект сформировался, по-видимому, позднее. Этот вопрос требует во всяком случае ближайшего рассмотрения.

В заключение несколько слов о говорах «языковых островков». Как показало исследование языка эстонского населения крааснаского, лейвуского и лутсиского языковых островков,[20] говоры всех этих в настоящее

---

[19] См. об этом также статью Х. А. Моора в настоящем сборнике, стр. 128, 129.

[20] O. Kallas, Lutsi maarahvas. (Оттиск из журнала „Suomi" Ш, 12). Helsingi 1894. O. Kallas, Kraasna maarahvas. (Оттиск из журнала „Suomi" IV, 10). Helsingi 1903. Eesti Kirjandus 1935, стр 365 и сл.

время уже вымерших или вымирающих «островков» находятся в близком родстве с выруским диалектом, причем язык крааснаских и лутсиских эстонцев ближе всего к восточным говорам этого диалекта, а язык лейвуских — к харгла-каруласкому говору. Попав в сферу влияния других языков, говоры этих островков быстро изменились, но сохранили некоторые своеобразные черты древнего происхождения, уже исчезнувшие на территории эстонского языка.

Как это видно из всего сказанного, диалекты эстонского языка могут быть разделены на три основные группы: северо-восточный прибрежный диалект, североэстонские и южноэстонские диалекты. Североэстонские диалекты подразделяются в свою очередь на 1) островной диалект, 2) западный, 3) среднесеверный и 4) восточный диалекты. Что касается южноэстонских диалектов, то их следовало бы подразделить так же, как это делалось до сих пор, т. е. на 1) западный южноэстонский, 2) тартуский и 3) выруский диалекты. Перед нами стоит задача — окончательно установить границы диалектных областей и направить исследовательскую работу на выяснение свойственных им явлений. Изучение диалектов и говоров, являющихся результатом длительного исторического процесса, будет содействовать освещению всего хода этого процесса, а вместе с тем и решению вопросов этногенеза эстонского народа.

ВОПРОСЫ СЛОЖЕНИЯ ЭСТОНСКОГО НАРОДА И НЕКОТОРЫХ СОСЕДНИХ НАРОДОВ В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ

Х. А. МООРА

I

Вопросы этногенеза эстонского народа нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от истории его соседей. Процессы сложения эстонского народа не только связаны с историей формирования остальных финно-угров, но тесно переплетаются также с этническим развитием соседних индоевропейцев, в частности балтийских, а также ближайших славянских и германских народов.

Помимо эстонского и других прибалтийско-финских языков (ливского, водского, финского, карельского, ижорского, вепсского) к финно-угорской языковой семье принадлежат и так называемые поволжские языки (марийский, два мордовских), пермские языки (коми, удмуртский) и угорские языки (хантыйский, мансийский, венгерский). Все эти языки имеют не только общий древний словарный фонд, но и одинаковый грамматический строй. Из этого следует, что все они развились из существовавшей когда-то единой финно-угорской речи, которую называют финно-угорским языком-основой.

С тех пор как было установлено родство этих языков, науку, естественно, интересовал вопрос, каким образом они разобщились и где обитали далекие общие предки народов, говорящих на этих языках? Для выяснения этого вопроса привлекались данные языкознания, антропологии, археологии и других смежных наук. Следует, однако, признать, что вполне удовлетворительного ответа на этот вопрос наука еще дать не может. Следы ранних предков финно-угорских народов теряются в далеком прошлом, которое мы еще очень мало знаем. Можно все же сказать, что имеющиеся к настоящему времени в нашем распоряжении данные позволяют с известной степенью вероятности проследить историю развития финно-угорских народов на протяжении последних 4—5 тысячелетий.

При исследовании этнической истории финно-угров, как и любых других народов, археология и смежные с ней науки следовали вехам, проложенным языкознанием. Это совершенно естественно, так как язык является наиболее существенным этническим признаком как древних племен, так и позднейших народностей и наций. Поэтому уместно вкратце напомнить здесь некоторые, изложенные выше в статье П. А. Аристэ соображения лингвистов по этому вопросу, отметив попутно, как они увязываются с археологическими фактами.

В первой половине XIX века господствовал взгляд, что предшествен-

ники финно-угров, как и предки индоевропейских народов, пришли в Европу с востока, из Азии. Это соответствовало и широко распространенному, хотя и не обоснованному, мнению антропологов, что финно-угры являются монголоидами.[1]

В середине прошлого века известный далеко за пределами своей родины финский лингвист М. А. Кастрен выдвинул теорию, по которой исходной территорией общих предков финно-угорских народов была Южная Сибирь, предгорье Алтая. Кастрен полагал, что это доказывается существовавшим якобы родством финно-угорских языков с тюрко-татарскими языками. Хотя дальнейшие исследования не подтвердили родства финно-угорских и тюрко-татарских языков, теория об алтайском происхождении финно-угров, благодаря большому авторитету Кастрена, удержалась на протяжении всей второй половины прошлого века.

Теория Кастрена послужила основой для изысканий И. Р. Аспелина, основоположника финской археологии. Путем изучения восточноевропейских и сибирских памятников материальной культуры Аспелин пытался найти подтверждение концепции Кастрена об алтайском происхождении финно-угров и их постепенном распространении от Алтая до Балтики. В настоящее время труды Аспелина по этому вопросу представляют лишь историографический интерес, но публикация легших в их основу материалов, вышедший в 1880 годах большой атлас[2] археологических предметов из Западной Сибири и Северной России, в том числе и Прибалтики, по сей день все еще используется исследователями.

Работы Аспелина по изучению ранней истории финно-угорских племен продолжил другой хорошо известный советским ученым финский археолог А. М. Тальгрен, профессор Тартуского университета (1921—1923), положивший основу археологии Эстонии. В своих трудах он касался непосредственно и вопроса этногенеза эстонцев.

К тому времени, когда Тальгрен начал свою работу (около 1910 года), в финно-угорском языкознании выдвинулись новые во многих отношениях концепции, которые придали его археологическим изысканиям иное направление, отличное в известной степени от направления Аспелина. Эти новые концепции, явившиеся результатом накопленных и изученных тем временем новых лингвистических материалов, обосновал известный финский языковед Э. Н. Сетяля. Его взгляды изложены в статье П. А. Аристэ, опубликованной в настоящем сборнике. Э. Сетяля считал, что «прародину» финно-угорских народов следует искать не в Сибири, как полагал Кастрен, а где-то в лесной полосе Восточной Европы, примерно в бассейне Волги — Оки, включая, возможно, и бассейн Камы. По мнению Сетяля, финно-угорский язык-основа существовал до середины III тысячелетия до н. э. После выделения из него угорских языков продолжала существовать пермская языковая общность, от которой ответвились поволжские, а от них, за несколько веков до н. э., — прибалтийско-финские языки. К этому времени прибалтийско-финские племена, продвигаясь постепенно на запад, вышли на побережье Балтийского моря. Здесь они вступили в соприкосновение вначале с предками балтийских (литовско-латышских) народов, несколько позднее, примерно в начале нашей эры, с германскими племенами, а затем, во второй половине I тысячелетия, с восточными славянами.

Большинство языковедов придерживается, в общем, по настоящее время этой схемы Сетяля. В отношении прибалтийско-финских языков к

---

[1] Ср. статью К. Ю. Марк в настоящем сборнике, стр. 220.

[2] J. R. Aspelin, Muinaisjäännöksiä suomen suvun asumusaloilta — Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki 1877—1884. Взгляды Аспелина по древнейшей истории финно-угорских племен изложены в его работе: J. R. Aspelin, Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita, Helsinki 1875.

ней примкнул и выдающийся советский исследователь финно-угорских языков Д. В. Бубрих.

Исходя из концепции Э. Сетяля, А. М. Тальгрен пытался проследить на археологических памятниках процессы расселения финно-угорских племен. Опираясь на работы русских исследователей, особенно А. А. Спицына, систематизировавшего и опубликовавшего большое количество археологических материалов, Тальгрен пытался выяснить конкретную картину заселения и развития материальной культуры в Восточной Европе и Западной Сибири начиная с неолита и кончая XI—XII вв. н. э. Особое внимание Тальгрен уделил изучению памятников бронзового века, так как именно в этот период должно было, согласно схеме Сетяля, произойти основное разветвление финно-угорских языков и племен. Тальгрен прилагал усилия к тому, чтобы определить географическое распространение позднейших культур, более или менее определенно принадлежавших известным финно-угорским племенам, и проследить их преемственную связь с более ранними культурами.

Избранный Тальгреном путь — идти ретроспективно от позднейших этнически известных культур к генетически связанным с ними более ранним культурам — был сам по себе правильным. По мере возможности этот метод всегда применяется в археологии при разработке вопросов этнической истории. Тальгрен не добился, однако, ожидаемых результатов. Не говоря уже об ошибочной историко-методологической отправной позиции, о которой речь будет еще ниже, имевшийся в его распоряжении археологический материал был во многих отношениях еще недостаточным.

Кроме того, археологические культуры не согласовывались с разработанной Сетяля схемой этапов развития финно-угорских языков или соответствовавших им племенных групп. Так, например, согласно хронологии Сетяля, более или менее единый еще финно-угорский язык-основа должен был синхронизироваться с неолитическими культурами, характеризуемыми ямочно-гребенчатой керамикой. Имея, однако, в виду огромный ареал распространения культур с ямочно-гребенчатой керамикой, от Урала до восточного и южного побережья Балтики, представлялось невозможным объяснить существование у древних обитателей всей этой территории единой речи. К тому же, накапливавшийся постепенно археологический материал показывал все яснее, что неолитическая культура лесной полосы Восточной Европы не была однородной, а распадалась на целый ряд культур с местными особенностями. Таким образом, предположение о соответствии финно-угорского языка-основы культурам ямочно-гребенчатой керамики не отвечало действительности.

Так как этот основной этап развития финно-угорских языков не увязывался с синхронными ему, как предполагалось, археологическими культурами, то неизбежно возникали сомнения и в правильности сопоставления соответствующих данных по другим периодам. Тальгрен был вынужден неоднократно признавать, что археологические факты даже столь сравнительно позднего периода, как последнее тысячелетие до н. э., не соответствовали явлениям, приурочиваемым к этому времени финноугроведами. Согласно построенной Сетяля хронологии, в первом тысячелетии до н. э. должно было произойти постепенное выделение прибалтийско-финской речи из поволжской языковой общности и продвижение предков прибалтийских финнов в Прибалтику. Прибалтийские финны должны были, следовательно, стоять в этот период как по языку, так и по культуре еще очень близко к своим поволжским соплеменникам. В действительности же материальная культура племен Прибалтики в этот период заметно отличается от культуры поволжских финно-угров, и никакого значительного передвижения населения из Поволжья в Прибалтику археологические па-

мятники не отражают. Правда, делалась попытка показать на археологическом материале, что предки прибалтийских финнов именно в этот период пришли с востока в Прибалтику, но эта гипотеза не была в достаточной мере обоснована. Для объяснения резких различий, наблюдаемых в начале нашей эры в материальной культуре прибалтийско-финских племен, с одной стороны, и поволжских финно-угров — с другой, выдвигались явно искусственные обоснования. Предполагалось, что материальная культура проникших в Прибалтику финских племен подверглась здесь сильному германскому влиянию и что якобы в результате этого она быстро обособилась от культуры поволжских финно-угров.[3]

Несовместимость лингвистических теорий с археологическими фактами явилась причиной того, что некоторые археологи, как, например, Ю. Айлио, отказались от попыток более точного согласования данных лингвистики и археологии и предпочли построить свои предположения относительно этнической принадлежности древнего населения рассматриваемой территории на основании одних лишь данных археологии. Айлио, пренебрегая выдвинутыми финноугроведами лингвистическими теориями и хронологическими схемами, считал возможным, что в Финляндии (а следовательно, и на остальном восточном побережье Балтийского моря) уже в неолитическую эпоху обитали финно-угорские племена; по его мнению, памятники последующих периодов не давали основания для предположений о сколько-нибудь значительном притоке населения в Финляндию, который мог бы существенно изменить этнический состав ее коренных обитателей. Поэтому Айлио усматривал в неолитическом населении Финляндии предков современных финнов. Добавим к этому, что Айлио в общем придерживался старой гипотезы об алтайском происхождении финно-угров.[4]

Таким образом, все прежние попытки разрешить вопросы этногенеза финно-угорских племен общими усилиями археологии и лингвистики пока существенного успеха не имели.

Между тем за последние десятилетия количество археологического материала значительно возросло. Намного повысилось и его качество в научном отношении. Следует особо отметить огромную работу советских ученых по изучению каменного века лесной полосы Восточной Европы. Если в дореволюционное время с этой территории были известны лишь отдельные, собранные любителями случайные находки, то теперь благодаря трудам Б. С. Жукова, А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс, Н. Н. Гуриной, В. И. Равдоникаса, М. В. Воеводского, О. Н. Бадера, В. Н. Чернецова и др. неолит этого района изучен лучше, чем соответствующие памятники многих других районов Советского Союза.[5] Некоторые из упомянутых исследователей занимались особо и вопросами этнической принадлежности древнего населения данной территории. Взгляды советских авторов по этим вопросам резюмированы П. Н. Третьяковым в его работе по этногенезу восточнославянских племен.[6]

---

[3] Ср. A. M. Tallgren, Suomalais-ugrilainen muinaistiede. Suomen suku I, Helsinki 1926, стр. 206.

[4] См. критическую статью Айлио на необоснованную гипотезу Г. Коссины о том, что исходную территорию финно-угорских племен следует искать якобы в Скандинавии: J. Ailio, Onko suomalais-ugrilainen alkukoti ollut Skandinaviassa vaiko Venäjällä? Historiallinen Aikakauskirja 1923, стр. 78 и сл.

[5] Важнейшие результаты исследования каменного века лесной полосы, а также перечень литературы приводит А. Л. Монгайт, Археология в СССР, М., 1955, см. особенно стр. 81, 82, 88—100, 113, 114.

[6] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена. II издание, М., 1953, стр. 20 и сл. Там же приводится и важнейшая литература.

Значительно вырос материал по неолиту и эпохе раннего металла также в Эстонии и остальных частях Восточной Прибалтики. То же следует сказать и в отношении соседних стран. В Финляндии каменный век был и раньше сравнительно хорошо изучен благодаря исследованиям Ю. Айлио и А. Яюрякяя. За последние годы из-под пера А. Яюряпяа и К. Ф. Мейнандера вышли новые важные работы по каменному и бронзовому векам.[7]

В то же время советские антропологи, из которых особо назовем Г. Ф. Дебеца, Н. Н. Чебоксарова, М. С. Акимову, Т. А. Трофимову и др., не только обработали и обобщили многочисленный палеоантропологический материал с рассматриваемой территории, но и подняли его исследование на новую, более высокую научную ступень. Как видно из опубликованной ниже статьи К. Ю. Марк, значительные успехи в области палеоантропологии можно отметить также и в Эстонской ССР.[8]

Все это дает нам право сделать новые попытки уяснить сложные вопросы этногенеза эстонского и других финно-угорских народов. Однако до того как перейти к рассмотрению фактических материалов, необходимо коснуться еще некоторых общих положений и соображений, относящихся к вопросу о комплексной разработке этой проблемы на основании данных археологии, языковедения и других смежных отраслей науки.

Нет сомнения, что существенной причиной неудач старой археологии и лингвистики в их попытках разрешить рассматриваемую проблему было их неправильное понимание этнической истории вообще. Буржуазные ученые рассматривали процесс формирования племен и народностей с метафизических позиций, не учитывая тех глубоких изменений, которые претерпели этнические группы в разных исторических условиях их существования. Процесс этногенеза представлялся этими учеными в основном как механическое расчленение и расселение предполагаемых «пранародов» или «праязыков». В противоположность буржуазным исследователям, ученые-марксисты подходят к разрешению данной проблемы с принципиально иных позиций. Процессы этногенеза рассматриваются ими не обособленно, а в непосредственной связи с общественно-экономическим развитием данной народности и одновременно в связи с соответствующим развитием ее соседей.

Переселяясь на новые территории, древние племена или группы племен обычно попадали не на безлюдные пространства. На этих территориях обитали уже обычно другие племена, имевшие свою культуру и свой язык. До недавнего времени как лингвисты, так и археологи обычно проходили мимо этого важного факта или не придавали ему особого значения. Это является, однако, крупной ошибкой. Нельзя забывать, что развитие языка и культуры расселившихся на известной территории племен протекало не изолированно, а в условиях сложных взаимодействий между пришлыми племенами и ранее проживавшим там населением. Древние племена и их языки развивались не в результате простого разветвления, а большей частью в условиях скрещивания и смешения то с родственными, то с чужими племенами и их языками, воспринимая влияния со стороны соседей и воздействуя со своей стороны на них. Поэтому в советском языковедении совершенно обоснованно подчеркивается необходимость иссле-

---

[7] A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. Acta Archaeologica XXI, København 1950, стр. 1—43. A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 52, Helsinki 1953, стр. 77—98. C. F. Meinander, Die Kiukaiskultur. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 53, Helsinki 1954. C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 54, Helsinki 1954.

[8] Соответствующая литература приводится ниже в статье К. Ю. Марк.

дования так называемого субстрата, т. е. следов влияния на развитие языка других, ранее существовавших на данной территории языков. В той или иной мере это относится и к развитию материальной культуры.

От упрощенческого понимания процессов этнической истории надо предостеречь потому, что часто не только широкие любительские круги, но и сами исследователи грешат в этом отношении. Так, выдвинутые сравнительным языкознанием схемы ступеней развития и дробления той или другой языковой группы, как, например, упомянутая выше схема постепенного расчленения финно-угорских языков, предложенная Сетяля, обычно рассматривались и рассматриваются как подлинная периодизация ранней истории соответствующих племен, якобы конкретно отражающая ход их культурной и этнической истории. При этом забывают, что эти схемы представляют собой совершенно абстрактные рамки и являются лишь средством для известной систематизации обширного языкового материала и выявления в нем общих закономерностей. Эти схемы созданы в общем по единому принципу для всех языковых семей. В действительности же каждая языковая общность развивалась своими путями, в условиях своей особой истории. Поэтому совершенно очевидно, что названные схемы дробления языковых общностей не могут отразить сложный процесс формирования конкретно взятых племен или народностей и подлинный ход развития их культуры.

Основой для исторических заключений является сам язык, все накопившиеся в процессе его развития богатства и особенности. Язык, как подлинный исторический источник, нельзя подменять никакими временными схемами.

При использовании в качестве исторических источников языка и памятников материальной культуры и сопоставлении полученных в результате их изучения данных не следует забывать, что и язык, и материальная культура в известной степени развиваются и распространяются по своим собственным закономерностям. Так, например, материальная культура в общем изменяется быстрее, чем язык. Примеры этому будут приведены ниже.[9] Из этого следует, что каждое изменение в культуре еще не означает, что произошло столь же быстрое и коренное изменение в языке и, следовательно, в этническом составе населения соответствующего района. Как правило, археологические культуры с ярко выраженными особенностями обычно обозначают отличные друг от друга этнические, а следовательно, и языковые группы. В качестве примера можно привести культуры первых веков н. э. в северной и южной Прибалтике, в которых прослеживаются отличные во многих отношениях черты. Нет сомнения, что эти культуры отражают и отличные по языку племена: с одной стороны, предков балтийских, а с другой — эстонско-ливских народностей. Известно, однако, что в некоторых случаях местным особенностям материальной культуры не соответствуют различные языки.

На основании обширных этнографических и археологических материалов, в том числе и данных, собранных на территории Эстонской ССР, советские ученые сделали попытку выяснить, какими факторами обусловливаются те или другие различия в материальной культуре народов, стоящих на одном и том же уровне развития, имея в виду среди прочих и этнический фактор.[10] На основании своих наблюдений они предлагают различать в материальной культуре две категории элементов. Одну из них образуют явления, характеризующие так называемые хозяйственно-культурные группы, или типы; это разные элементы материальной культуры, непосред-

[9] См. стр. 72, сноска 28.

[10] М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. Советская этнография № 4, 1955, стр. 3 и сл.

ственно обусловленные экономикой и природными условиями, как, например, разные типы орудий труда, средств транспорта, упряжи и т. д. Другую категорию составляют такие элементы культуры, которые характеризуют историко-этнографические (или культурно-исторические) области, сложившиеся на протяжении длительного периода времени и связанные по преимуществу с известными местными, в том числе и этническими, традициями (сюда относятся, например, известные особенности одежды, орнамента и т. п.). Надо все же сказать, что последовательной закономерной связи между явлениями той или иной категории и этническими группировками установить не удалось. Вопрос о том, в какой мере те или иные особенности материальной культуры можно считать этническими признаками, требует в каждом отдельной случае тщательного и разностороннего рассмотрения. К тому же, в основу соответствующих выводов не могут быть положены элементы или особенности, взятые за какой-то один короткий отрезок времени, а необходимо проследить историю формирования соответствующих культурных явлений и обусловивших их факторов на протяжении возможно более длительного периода. Необходимо еще добавить, что выводы по этническим вопросам, сделанные на основании одних лишь данных материальной культуры, требуют в большинстве случаев подтверждения путем сопоставления и сличения их с данными языкознания и других смежных дисциплин.

Наконец, следует отметить еще одну трудность, а именно расхождения в датировке языкового и археологического материалов. Пытаясь связать данные археологии с языковыми фактами, археологи обычно безоговорочно придерживались при датировке последних хронологии, разработанной языковедами на других основаниях, чем археологические датировки. Результатом этого нередко бывают явные несоответствия.

Хотя к датировкам археологических памятников, как и языковых явлений, следует относиться в одинаковой мере критически, можно все же сказать, что в отношении установления хронологии для ранних периодов языковедение находится в несколько худшем положении, чем археология. Для определения возраста археологических материалов имеется больше точек опоры и методов, чем для датировки языковых фактов. Последние носят, таким образом, в общем более приблизительный характер, чем археологические датировки. Поэтому во всех случаях, когда установленные лингвистикой хронологические даты явно не совпадают с хронологией, разработанной археологией, и когда языковые факты не противоречат последней, правильнее будет придерживаться хронологии, установленной средствами археологии. Это положение действительно, однако, только в отношении так называемой абсолютной хронологии, т. е. выраженной хотя бы приблизительно в годах. Но наряду с абсолютной хронологией обе отрасли науки, как языковедение, так и археология, пользуются еще и относительной хронологией, т. е. каждая из названных дисциплин устанавливает с помощью собственных, специфических для нее методов, что одно явление относительно древнее другого. Естественно, что в этом отношении обе дисциплины совершенно независимы. Не может быть и речи о том, чтобы, скажем, на основании чисто археологических материалов кто-либо попытался опровергнуть относительный возраст известных фонетических или морфологических явлений. Последнее можно сделать, конечно, только на основе языковых фактов.

II

Как уже отмечалось в начале настоящей статьи, находящийся в нашем распоряжении материал еще недостаточен для того, чтобы можно было более или менее точно определить территорию, на которой когда-то существовал финно-угорский язык-основа. Еще менее определенным остается пока время существования этого языка. Все высказывания по этому вопросу носят полностью гипотетический характер. Они базируются в основном на известных соображениях, так как твердых фактов, на которые можно было бы при этом опереться, пока еще очень мало.

Советские языковеды, археологи, этнографы и антропологи, занимающиеся исследованием финно-угорских языков и народов, из которых назовем в особенности Б. А. Серебренникова, А. Я. Брюсова, В. Н. Чернецова и Н. Н. Чебоксарова, в общем полагают, что племена, говорившие на финно-угорском языке-основе, примерно в VII—IV тысячелетиях до н. э. населяли территорию, которая окружает Урал с юга, востока и запада.[11] Еще раньше, а именно в тот период, когда финно-угорская речь, как полагают, составляла с позднейшими самодийскими языками единую, так называемую уральскую языковую общность, территория их предков, по мнению В. Н. Чернецова, располагалась, вероятно, южнее, возможно в Приаралье. Это предположение основывается главным образом на том, что керамика Приуралья эпохи раннего неолита имеет общие черты с так называемой кельтеминарской керамикой, характерной для района Аральского моря. Некоторые общие явления в орнаментации керамики наблюдаются и дальше к западу от Урала; они прослеживаются даже в древнейшей неолитической керамике Прибалтики.[12]

Подробно проследить процесс формирования ранних финно-угорских племен и их материальной культуры в Приуралье пока еще нельзя, так как наиболее ранние (мезолитические и палеолитические) памятники этой территории нам еще мало известны.

В Западной и Южной Сибири уже в глубокой древности соприкасались два различных антропологических типа: так называемый европеоидный тип, сформировавшийся в Европе, и второй, монголоидный, развившийся в Азии. Среди обитавших в районе Урала финно-угров были представлены оба упомянутых антропологических типа. На Шигирском торфянике близ Свердловска в слое, датируемом, как полагают, V—IV тысячелетиями до н. э., найдены костяки, представляющие собой смесь европеоидного и монголоидного типов. Очень рано, не позднее раннего неолита (примерно IV тысячелетие до н. э.), эти смешанные формы проникли в западные части лесной полосы, в том числе на территорию Эстонии. Они продвинулись еще и дальше на запад, в современную Калининградскую область (см. карту, рис. 45).

Наличие монголоидной примеси в антропологическом типе служит неопровержимым доказательством того, что раннее население Прибалтики частично происходит с востока.

Можно полагать, что указанные антропологические элементы восточного происхождения среди населения лесной полосы Восточной Европы и

---

[11] А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 25 и сл. В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая, Древняя история нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 35, М., 1953, стр. 58 и сл. Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. Советская этнография № 1, 1952, стр. 49.

[12] См. опубликованную ниже статью Л. Ю. Янитса, стр. 148 и сл.

некоторые упомянутые выше восточные черты в ее материальной культуре свидетельствуют о распространении на этой территории финно-угорских племен.

Группы древнего населения, проникшие в разное время с востока на север Восточной Европы, состояли не только из финно-угров. Согласно предположению, высказанному В. Н. Чернецовым, древнейшими обитателями наиболее северо-восточной части Восточной Европы были палеоазиаты. В районах, расположенных восточнее Белого моря, это древнейшее население было поглощено проникшими туда позже предками самоедов, или ненцев. Наиболее западные из этих древнейших обитателей Северо-Восточной Европы, смешавшись с финно-уграми и, возможно, еще с другими, не известными нам этническими элементами, образовали основу, на которой сформировались лопари, или саамы.

Лесная полоса Восточной Европы заселялась, однако, не только с востока, но также и с юга, и обитавшие здесь финно-угорские племена, в том виде как мы их знаем по более позднему времени, должны были сложиться из элементов, прибывших с обоих направлений.

О заселении северной части Восточной Европы с южных территорий имеется несколько больше археологических данных, чем в отношении заселения Западной Сибири, хотя и эти материалы в общем еще очень скудны.

От позднейшего этапа палеолита, или раннекаменного века (примерно 20 000—15 000 лет до н. э.), имеются следы стоянок в трех разных районах Восточной Европы: в современных Польше и Белоруссии и в небольшом количестве в бассейнах рек Оки и Камы. Если позднепалеолитические памятники первых двух районов непосредственно связаны с культурой, бытовавшей в предшествующий период в соседних, более южных районах европейского материка, то памятники бассейна Камы ставятся в связь с более ранними памятниками в Сибири.[13]

Значительная часть позднейшей лесной полосы была в рассматриваемый период покрыта еще ледником и, следовательно, необитаема. Человек появился на этих северных пространствах значительно позднее, когда в результате потепления климата они успели покрыться лесами. Это произошло примерно в X—IV тысячелетиях, или в так называемую эпоху мезолита (среднекаменный век).

В южных районах лесной полосы известны пока лишь три очага эпохи мезолита, откуда могло происходить постепенное заселение севера (ср. карту, рис. 21). Эти очаги в общих чертах соответствуют тем трем районам, в которых отмечены вышеупомянутые палеолитические памятники. В наибольшем количестве мезолитические памятники обнаружены пока в северных частях современной Польши и на примыкающих к ним территориях по юго-восточному и восточному побережью Балтийского моря, начиная от Калининградской области и Литвы на юге и кончая Финляндией на севере. В Польше, Литве и Белоруссии известен ряд памятников, характеризующихся раннемезолитическими кремневыми предметами так называемого свидерского типа. Севернее же, в Прибалтике и в Финляндии, распространены мезолитические памятники так называемой культуры Кунда. Эта культура более поздняя, чем свидерская, и характеризуется в особенности известными орудиями из кости и рога. Помимо того, что ареалы распространения свидерской и кундаской культур непосредственно граничат друг с другом, следует учесть и то, что обнару-

---

[13] О. Н. Бадер, Работы Камской экспедиции. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 года, М.—Л., 1956, стр. 49.

женные на территории Литвы и севернее ее, на побережье Ладожского озера, древнейшие палеоантропологические находки относятся к одному и тому же типу. Как литовские, так и приладожские находки человеческих скелетов представляют антропологически так называемый протоевропейский тип, который раньше встречался южнее. Поэтому вполне вероятно, что первичное заселение Прибалтики и ближайших, примыкающих к ней с востока территорий произошло с южного направления.

Второй в лесной полосе Восточной Европы ранний очаг заселения отмечен памятниками мезолитической культуры, открытыми в бассейне Оки и Верхней Волги. Советские исследователи установили, что в волго-окской мезолитической культуре прослеживаются известные особенности, отличающие ее от свидерской культуры на территориях Польши и Белоруссии.[14] Корни этой культуры следует, очевидно, искать в палеолитических культурах соседних южных территорий. По-видимому, из этого очага так же, как из населенных частей территории Польши и Белоруссии, происходило заселение более северных районов лесной полосы.

А. Яюряпяа допускает, что в то время как неолитическая культура Прибалтики и Финляндии развилась в основном на базе культуры Кунда, в Обонежье довольно рано, уже в докерамическом неолите, прослеживаются известные отличные формы предметов, происходящие, возможно, из Поволжья. В связи с этим Яюряпяа допускает, что древнейшее население Обонежья имело связи с центральными районами Восточной Европы.[15]

Небезынтересно напомнить, что на территории, расположенной восточнее и северо-восточнее Ладожского и Ильменского озер, встречается известная весьма древняя гидронимика, которая не прослеживается западнее, в Прибалтике и в Финляндии. Это названия рек с окончаниями *-га*, *-ма*, *-да*, *-ша*, *-кса*, *-на* и некоторые другие (*Молога*, *Пойма*, *Вычегда*, *Паша*, *Маймакса*, *Сухона*). Ареал их распространения охватывает отчасти также Волго-Окский бассейн и простирается на восток вплоть до среднего Приобья. Эта гидронимика не имеет ничего общего ни с финно-угорскими языками, ни с индоевропейскими, ни с какими-либо другими известными языками и должна, следовательно, принадлежать какому-то населению, предшествовавшему финно-уграм. В состав как поволжских, так и более восточных финно-угров вошло, по-видимому, в качестве субстрата какое-то древнее население, которое обитало на севере Восточной Европы, за исключением территории прибалтийских финнов.[16]

Третий очаг отмечается мезолитическими памятниками, обнаруженными дальше на востоке, в Прикамье и Приуралье. В результате изучения этих памятников О. Н. Бадер считает, что они не связаны непосредственно с местным палеолитом. По его мнению, истоки мезолитической культуры Прикамья надо искать где-то у Каспийского и Черного морей.[17] Незави-

---

[14] А. А. Формозов, Периодизация мезолитических стоянок в Европейской части СССР. Советская археология, XXI, 1954, стр. 44.

[15] A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland, стр. 39.

[16] Н. В. Подпольская, Топонимика Новгородских письменных памятников XI—XV вв. Автореферат диссертации, М., 1956, стр. 7, 13. M. Vasmer, Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Preussische Akademie der Wissenschaften, Vorträge u. Schriften, Heft 5, Berlin 1941, стр. 19 и сл. Б. А. Серебренников сделал попытку связать эту гидронимику с распространением в северные и северо-восточные районы Европейской части СССР ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа (Б. А. Серебренников, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР. Вопросы языкознания, № 6, 1955, стр. 19 и сл.). Но данная керамика принадлежала, скорее всего, финно-угорским племенам, между тем как указанная топонимика свидетельствует о каком-то более древнем населении.

[17] О. Н. Бадер, Работы Камской экспедиции, стр. 49.

симо от того, откуда бы ни происходила прикамская культура, нет основания сомневаться в том, что и отсюда в последующие времена группы населения распространились в соседние северные районы.

На каких языках говорили расселявшиеся из этих трех очагов древние племена, были ли их языки родственны между собой или нет, принадлежали ли они к известным нам по более поздним временам языкам или к каким-то оставшимся нам не известными языковым группам, мы пока не знаем. На основании имеющихся в нашем распоряжении данных можно заключить лишь то, что в процессе этногенеза финно-угорских племен лесной полосы Восточной Европы, наряду с элементами восточного происхождения, участвовали в качестве важных компонентов также группы населения, происходившего с юга. Нет основания сомневаться в том, что на формирование основных групп финно-угров — угорской, пермской, поволжской и прибалтийско-финской — оказало определенное влияние и то, что в состав финно-угорских племен на обширной территории их распространения, как в рассматриваемый период, так и позднее, влились разнородные по своему происхождению этнические элементы.

Та ветвь финно-угров, которая продвинулась на запад дальше других, явилась основой прибалтийско-финских племен. В последнее время некоторыми языковедами высказывалось мнение, что в прибалтийско-финских языках прослеживаются следы весьма древнего чужого субстрата, элементы какого-то неопределенного пока языка.[18] Он происходит, возможно, от прежнего населения, обитавшего в Прибалтике до появления здесь финно-угров (племен культуры Кунда?).

В то время как большинство соответствующих исследователей ищет исходную территорию финно-угров на востоке, некоторые ученые допускают и другую возможность, а именно, что их предшественники обитали в западной части лесной полосы Восточной Европы. Так, например, финский археолог А. Яюряпяа высказал, правда очень осторожно, предположение, что предшественниками финно-угров были, возможно, племена культуры Кунда. С большой сдержанностью на ту же возможность указал и другой финский исследователь К. Вилкуна. Он отмечает, что встречающаяся в Прибалтике, особенно на территории Эстонии, древнейшая топонимика — чисто эстонского, т. е. финно-угорского, происхождения и что она не имеет таких названий, которые указывали бы на существование здесь до финно-угров каких-либо других племен. Вилкуна находит также, что древняя прибалтийско-финская терминология, связанная с морем и мореплаванием, не заимствованная, а собственная. Это может служить доказательством того, что названные племена являлись коренным населением побережья Балтийского моря. Наконец, он обращает внимание на то обстоятельство, что наиболее ранние письменные сведения о финно-угорских племенах дают основание заключить, скорее всего, об их постепенном продвижении на восток, а не на запад.[19]

По поводу этих соображений следует сказать, что хотя племена культуры Кунда, без сомнения, явились одним из компонентов, из которых

---

[18] P. Ariste, Mõningaid märkmeid „Eesti NSV ajaloo" I köite kohta. „Edasi" 13 января 1956 г. В качестве примера нефинно-угорских слов П. Аристэ приводит *kõrv* (ухо), *huul* (губа), *mägi* (гора) и *oja* (ручей). Для окончательных выводов относительно наличия чужого субстрата в прибалтийско-финских языках необходимо, конечно, иметь больше данных.

[19] A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland, стр. 41. K. Vilkuna, När kommo östersjöfinnarna till Baltikum? Folk-Liv XII—XIII, 1948—49, Stockholm 1949, стр. 35. В опубликованном недавно специальном исследовании о топонимике Эстонии также высказывается мнение, что она исконного местного происхождения, см. L. Kettunen, Etymologische Untersuchungen über estnische Ortsnamen. Suomen Tiedeakatemian Toimituksia, Sarja—Ser. B, nide—tom. 90, I, Helsinki 1955, стр. 363 и сл.

сложился этнический состав позднейшего населения Прибалтики, ничем все же не доказано, что оно по своему языку было финно-угорским. Судя по тому, что финно-угорские языки по всей своей системе коренным образом отличаются от индоевропейских языков, трудно допустить, чтобы они получили свое начало в Прибалтике или в каком-либо другом районе, относительно близком к предполагаемой исходной территории индоевропейских языков. Скорее всего надо полагать, что их первоначальное ядро сложилось где-то на более отдаленной территории. Делались, правда, попытки доказать отдаленное родство финно-угорских и индоевропейских языков, но они не дали сколько-нибудь убедительных результатов.

Из общности финно-угорских языков вытекает, что их основой должна была служить существовавшая когда-то на какой-то ограниченной территории более или менее единая речь. В настоящее время нет еще возможности определить эту исходную территорию финно-угорских языков. Пока остаются, по существу, невыясненными самые ранние этапы формирования основных групп финно-угорских языков и соответствующих им племен. Однако все имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что история финно-угорских языков и племен сводится не к простому разветвлению этих языков и выделению одних племенных групп из других, как это раньше неправильно изображалось, а что эти процессы уже с древнейших времен протекали в условиях сложных взаимоотношений между финно-уграми и их разноплеменными соседями.

III

Неолит, или новокаменный век (III тысячелетие и первая половина II тысячелетия до н. э.), представлен несравненно более многочисленным археологическим материалом, чем предыдущие периоды. Об этнической принадлежности населения эпохи неолита можно судить уже с известной степенью вероятности. Хотя в этот период, по сравнению с более поздними, лесная полоса была заселена еще крайне редко, памятники этого времени уже указывают на разграниченные в известном отношении группы культуры и населения. Кроме того, к прочему вещественному материалу прибавляется теперь керамика, характер которой, особенно в отношении орнамента, отражает сложившиеся у разных древних племен местные традиции в большей степени, чем каменные и костяные орудия труда. Поэтому для разработки этнических вопросов керамика служит более достоверным источником, чем любой другой вещественный материал.

До конца III тысячелетия основным занятием населения лесной полосы были по-прежнему охота, рыбная ловля и собирательство. В отдельных районах, как, например, в бассейнах Волги и Оки, на Валдайской возвышенности, в Приладожье и Обонежье, в изобилующей озерами Финляндии и др., неолитических поселений и находок обнаружено заметно больше, чем в остальных частях лесной полосы Севера. Очевидно, в этих районах были более благоприятные условия для развития первобытной охоты и рыбной ловли. В целом же уровень развития производительных сил у населения лесной полосы оставался в этот период весьма низким. Соответственно слабо развитой была на всем этом обширном пространстве и материальная культура.

Неолитическая культура лесной полосы Севера выросла в основном из местной мезолитической культуры. Несмотря на более или менее одинаковый уровень неолитической культуры лесной полосы, ее нельзя, как это делалось раньше, считать единой. Советским археологам удалось про-

следить в ней много местных особенностей и выделить на основании этого ряд местных культур или областей. Неолитические культуры рассматриваемой зоны Восточной Европы можно объединить в три крупные группы, или области, которые по своему распространению в общем, по-видимому, связываются с тремя упомянутыми выше мезолитическими очагами: западную группу, охватывающую территорию к востоку от Балтийского моря, центральную — бассейн Волги и Оки и территории к северу от него, и восточную, или приуральскую (рис. 23). Этим культурным областям совершенно очевидно соответствуют различные племена или группы племен.

Из названных трех больших культурных групп нас интересует в особенности западная. Ввиду того, что более подробная характеристика этой группы дается ниже в статье Л. Ю. Янитса, мы отметим здесь только некоторые ее важнейшие особенности.

Следуя за А. Яюряпяа и М. Е. Фосс, Л. Ю. Янитс выделяет неолитические культуры Прибалтики, Финляндии и соседних восточных территорий примерно до Ладожского и Ильменского озер в особую область, которая в середине и во второй половине III тысячелетия характеризовалась так называемой типичной ямочно-гребенчатой керамикой. По мнению Л. Ю. Янитса, формирование этой культуры знаменует, по-видимому, процесс выделения ранних прибалтийско-финских племен из среды других финно-угров.

Сегментация финно-угорских языков и племен должна была произойти, следовательно, значительно раньше, чем это до сих пор полагало большинство финноугроведов. По мнению Сетяля, финно-угорская языковая общность существовала до середины III тысячелетия, хотя он и считал эту дату скорее слишком поздней, чем ранней. Указанную дату Сетяля обосновал известными взаимоотношениями между финно-угорскими и индоевропейскими языками. По существу, в основу датировки Сетяля легла, следовательно, принятая в индоевропеистике хронология. Последняя же базируется только на известных общих соображениях, а не на каких-либо твердо установленных фактах. Отметим, что в последнее время некоторые языковеды сочли необходимым отодвинуть ряд принятых до сих пор в европеистике датировок в более отдаленное прошлое.[20] Таким образом, меняется и основа сравнительно поздних датировок Сетяля.

Ареал распространения культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики совпадает в общих чертах с территорией культуры Кунда. Ряд характерных для культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики предметов является наследием культуры Кунда. Еще важнее то, что некоторые неолитические поселения в Прибалтике преемственно связаны, очевидно, с поселениями культуры Кунда.

Помимо керамики, в названной неолитической культуре имеется немало других новых общих явлений, в том числе многочисленные предметы из кремня. Бóльшая часть кремневого сырья происходит из одного и того же района, очевидно с Валдая. Это свидетельствует, таким образом, о росте связей между отдельными районами обширного ареала распространения данной неолитической культуры. Последнее обстоятельство и в особенности быстрое распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики в весьма однородном виде по всей означенной территории, дают основание полагать, что общие для этой культуры явления распространи-

---

[20] Ср. статью П. А. Аристэ, стр. 9, 11. См. также T. Lehr-Spławiński, O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań 1946, стр. 134 и сл. Б. В. Горнунг, Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1955 года, М.—Л., 1956, стр. 27 и сл.

лись из одного какого-то центра. Типичная ямочно-гребенчатая керамика распространилась, как полагает Л. Ю. Янитс, с западного побережья Ладожского озера и с территории, расположенной южнее, между Ладогой и Валдайской возвышенностью. Это предположение требует еще дополнительного подтверждения, так как неолит некоторых районов, в которых можно ожидать находки керамики этого типа, исследован еще крайне слабо.

Представляется возможным, что быстрое распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики и сопровождающих ее явлений знаменует расселение на рассматриваемой территории предков прибалтийско-финских племен. Свидетельством известного притока населения с востока является упомянутый уже выше факт наличия в антропологическом составе неолитического населения Прибалтики значительной монголоидной примеси. Пока нельзя, однако, определенно сказать, появился ли здесь этот смешанный антропологический тип в неолитическую эпоху или еще раньше — в мезолите. Во всяком случае, как видно из опубликованной ниже статьи К. Ю. Марк, ряд обнаруженных в последние годы на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой черепов показывает явные монголоидные черты.

В южной части Прибалтики, в Литве, к настоящему времени типичная ямочно-гребенчатая керамика обнаружена лишь в самой западной, прибрежной полосе. Однако область ее распространения заходит еще дальше на юго-запад, в пределы современной Калининградской области и даже в прибрежные части междуречья Вислы и Одера. Как полагает польский языковед Т. Лер-Сплавинский, среди гидронимики (т. е. названий рек и озер) района юго-восточного побережья Балтийского моря встречается ряд древних названий финно-угорского происхождения.[21] Если это предположение соответствует действительности, из этого следовало бы, что на юго-востоке и юге от Балтийского моря область древнего распространения финно-угров покрывается в общем территорией, на которой обнаружена ямочно-гребенчатая керамика. Здесь, на самой западной окраине ареала своего распространения, финно-угры были, очевидно, лишь меньшинством среди местного населения и в результате этого были рано поглощены последним.

В большей части Литвы, как и в Белоруссии, типичная ямочно-гребенчатая керамика пока не обнаружена. Это обусловлено, возможно, сравнительно слабой изученностью неолита этих территорий, хотя не исключена и другая возможность, что финно-угорские элементы или вообще туда не проникали или же проникли в незначительном количестве.

Как уже отмечалось, однородность культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики была относительной. В ней прослеживаются некоторые локальные различия. В известной степени эти особенности были, очевидно, обусловлены местными различиями, наблюдавшимися в предшествовавшей ей мезолитической культуре. Это может служить очередным подтверждением того, что характер рассматриваемой неолитической культуры определялся не только вновь прибывшими на данную территорию

---

[21] T. Lehr-Spławiński. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, стр. 81 и приложенные карты. Это предположение было впервые высказано известным польским языковедом Я. М. Розвадовским. Лер-Сплавинский считает возможным придерживаться данного предположения, несмотря на то, что оно было отвергнуто другим авторитетным славистом, М. Фасмером (M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Klasse, 1934, XVIII, Berlin 1934, стр. 4 и сл.).

этническими элементами, но и предшествовавшей местной основой, или субстратом.

Через некоторое время после распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики, а именно в конце III тысячелетия, на ее территории начинает прослеживаться усиление местных особенностей. Это относится как к самой керамике, так отчасти и к прочему археологическому материалу. Как указывается в статье Л. Ю. Янитса, ареал распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики начинает распадаться на меньшие местные подгруппы. При этом в Финляндии, где к настоящему времени памятники каменного века изучены наиболее подробно, наблюдается выделение в общих чертах тех же локальных групп, которые прослеживались уже в позднем мезолите или в раннем, докерамическом, неолите. В условиях крайне слабо развитого общения между различными локальными группами населения этого отдаленного периода такая дифференциация материальной культуры была вполне естественным и неизбежным явлением.

Поскольку с распространением типичной ямочно-гребенчатой керамики было связано проникновение на рассматриваемую территорию новых этнических элементов, их расселение должно было привести к известному этническому сближению населения разных частей этой области. Наблюдаемый позднее распад материальной культуры на более или менее четко различаемые местные группы отражает, по-видимому, процесс последовавшего затем постепенного этнического дробления населения. Следует, конечно, учесть то обстоятельство, что материальная культура изменялась, как это уже отмечалось, обычно быстрее, чем язык.

Несмотря на то, что мы еще не знаем определенно, в какой мере распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики было связано с расселением известного населения, и что мы имеем очень туманное представление об этнических условиях предшествовавшего периода, можно все же привести некоторые факты и соображения, которые дают право полагать, что в рассматриваемый период, т. е. в конце III тысячелетия до н. э., в населении территорий, расположенных к востоку от Балтийского моря или, по крайней мере, в основной части этого населения можно усматривать предков прибалтийско-финских племен.

В первую очередь отметим упомянутое уже выше обстоятельство, что Прибалтика и ближайшая, примыкающая к ней с востока территория образуют по своей материальной культуре в этот период особую, относительно однородную область. Археологические памятники этой территории четко отличаются как в этот, так и в последующий период от культуры финно-угорских территорий, расположенных восточнее. Как бы относительна не была культурная общность Прибалтики и соседних районов в эпоху неолита, в материальной культуре этой области позже больше не наблюдается столь ясно выраженного единства. На протяжении последующих тысячелетий здесь, напротив, все отчетливее выделяются разные местные подгруппы. В позднейшие периоды отдельные части указанного ареала уже различаются между собой в столь значительной степени, что их никак нельзя считать общей территорией, связанной единой языковой общностью племен.

Во-вторых, в целом ряде пунктов современной северной Латвии, а также Эстонии и Финляндии прослеживается непрерывность заселения со второй половины III тысячелетия до последнего тысячелетия и даже более поздних времен, когда на этих территориях уже, несомненно, обитали прибалтийско-финские племена. Как увидим ниже, во II и I тысячелетиях до н. э. сюда просачивались еще и некоторые новые этнические элементы,

но они не были в состоянии ассимилировать коренное население, а, наоборот, сами растворились в нем.

В-третьих (что не менее важно), работы последнего времени все яснее показывают, что на этой территории за тот же период прослеживается и преемственность развития материальной культуры. Это развитие в значительной мере происходило на старой местной основе, хотя, как увидим ниже, время от времени сюда проникали извне многочисленные новые элементы культуры. Поскольку эти культурные явления были связаны с проникновением новых этнических элементов, последние, очевидно, не были в состоянии заглушить старую местную этническую основу. В последующем постараемся более подробно обосновать это утверждение.

В качестве четвертого доказательства можно привести тот факт, что именно в данный период, в начале II тысячелетия до н. э., племена культуры ямочно-гребенчатой керамики пришли в соприкосновение с балтийскими, или литовско-латышскими, племенами, от которых все прибалтийско-финские языки, а также материальная культура их носителей восприняли много важных общих элементов. Это соприкосновение должно было иметь место на восточном побережье Балтики, где, следовательно, в рассматриваемое время должны были обитать предки прибалтийских финнов. Поскольку можно проследить дальнейшую историю прибалтийско-финских племен и их соседей, в позднейшие периоды как будто не существовало предпосылок, которые могли бы объяснить характер и распространение многих балтийских заимствований, проникших во все прибалтийско-финские языки. Этот наш тезис будет обоснован ниже более подробно.

Племена культуры ямочно-гребенчатой керамики не следует, конечно, полностью отождествлять с позднейшими прибалтийскими финнами. Подобная ошибка допускалась раньше в соответствующей старой литературе, не отличавшей далеких предков прибалтийско-финских племен от прибалтийско-финского населения, обитавшего здесь на рубеже нашей эры или в еще более позднее время. Древнейшие финно-угры образовали лишь тот общий базис, на котором в последующее время в результате восприятия известных новых этнических элементов и некоторых перемещений среди самого финно-угорского населения в процессе дальнейшего социально-экономического развития сложились позднейшие прибалтийско-финские племена. В соответствии с этим обитателей Прибалтики в рассматриваемые отдаленные периоды следует называть, если хотим выражаться точнее, ранними прибалтийско-финскими племенами или предками прибалтийско-финских племен.

IV

К началу II тысячелетия до н. э. социально-экономическое развитие населения территорий, расположенных южнее Балтийского моря, в бассейнах рек Вислы, Одера и Эльбы, достигло нового этапа. Несколько позднее результаты этого развития сказались в известной степени и у их соседей. В состав населения упомянутого района входили разные индоевропейские племена, наиболее восточными из которых были предки позднейших балтийских и славянских племен. Археологическими памятниками этих племен являются каменные боевые топоры, шнуровая керамика и керамика, характеризуемая так называемыми шаровидными амфорами. Наряду с каменными орудиями у этих племен появились уже орудия и украшения из меди. В их хозяйстве значительное место занимали первобытное животноводство и земледелие. В отличие от более южных земледельческих племен, населявших плодородные земли Дунайского бассейна

и нынешней Западной Украины, у обитателей бассейнов Одера и Вислы земледелие занимало в хозяйстве более подчиненное положение. Большое значение имело животноводство.[22] Соответственно уровню развития производительных сил общественный строй основывался на патриархально-родовых отношениях.

В результате относительно быстрого роста производительных сил и связанного с этим увеличения количества населения часть племен указанных областей в поисках новых пастбищ стала продвигаться на соседние северо-западные, северо-восточные и восточные территории. Племена среднеевропейского происхождения появляются, таким образом, в начале II тысячелетия до н. э. также и в лесной полосе Восточной Европы. Часть из них, в которых можно, по-видимому, усматривать ранние балтийские или балтийско-славянские племена, направилась в Среднее Приднепровье и продвинулась оттуда в северном и северо-восточном направлениях, в верховья Днепра и Волги. В то же время другая группа, которую следует, вероятно, считать предками западнобалтийских племен, продвинулась вдоль южного побережья Балтийского моря в современную Литву, а оттуда вдоль побережья дальше на север, в теперешние Латвию и Эстонию, проникнув через Финский залив также на юго-запад современной Финляндии. О силе и масштабах распространения указанных племен свидетельствует тот факт, что из юго-западной Финляндии, а частично, возможно, и с эстонского побережья, они продвинулись еще дальше, через Аландские острова в современную центральную Швецию. Как полагают шведские археологи, проникшие туда племена культуры ладьевидных боевых топоров, расселились в центральной Швеции и, смешавшись с пришедшими с южного направления ранними германскими элементами, образовали базис, на котором впоследствии сложились племена свеа (svear).[23]

Население лесной полосы Восточной Европы знало в то время, очевидно, уже как предметы из меди, так и некоторых одомашенных животных и первые хлебные злаки.[24] Однако в суровых условиях севера эти новые явления не вошли еще в общественное производство и, таким образом, не имели еще экономического значения. Появление названных скотоводческих племен дало новый толчок дальнейшему развитию животноводства и зачатков земледелия, а также разных других культурных явлений. Дальнейшее развитие пережил соответственно и родо-племенной строй. В результате этого южные и западные части лесной полосы, начиная со II тысячелетия до н. э., по степени общественно-хозяйственного развития своего населения несколько выделяются в сравнении с остальными частями лесного севера. До этого в пределах всей обширной лесной полосы господствовало в основном одинаковое, основанное на охоте и рыбной ловле хозяйство. Теперь же на побережье Балтийского моря и в Волго-Окском

---

[22] Об общественно-экономических условиях того времени у племен Центральной и Восточной Европы см. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 30 и сл.

[23] S. Lindqvist, Svenskarna i heden tid, Stockholm 1935, стр. 172. J. E. Forssander, Die schwedische Bootaxtkultur und ihre kontinentaleuropäischen Voraussetzungen, Lund 1933, стр. 73, 178 и сл. A. Oldeberg, Studien über die schwedische Bootaxtkultur, Stockholm 1952, стр. 187 и сл., 213.

В противоположность выдвинутому в перечисленных работах положению, делались попытки отстоять, хотя и неубедительно, прежнее мнение, по которому так называемые культуры боевых топоров происходят якобы из южной Скандинавии. См. N. Åberg, Nordisk befolkningshistoria under stenåldern. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar, del 70 : 1, Stockholm 1949.

[24] Ср. М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, М., 1952, стр. 10 и сл. P. Ariste, Vanimast läänemerelaste põllundusest keeleliste andmete põhjal. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vihik nr. 38, Tallinn 1955, стр. 193 и сл.

Рис. 2. Распространение памятников культуры ладьевидных топоров (шнуровой керамики) в Прибалтике. *1* — погребения с ладьевидными топорами; *2* — погребения со шнуровой керамикой; *3* — поселения со шнуровой керамикой; *4* — случайные находки ладьевидных топоров; *5* — находки шнуровой керамики на поселениях культуры ямочно-гребенчатой керамики.

междуречье, обладавшими несколько более благоприятными климатическими и другими природными условиями, начинают развиваться первобытное животноводство и зачатки земледелия. Далее на восток, в бассейне

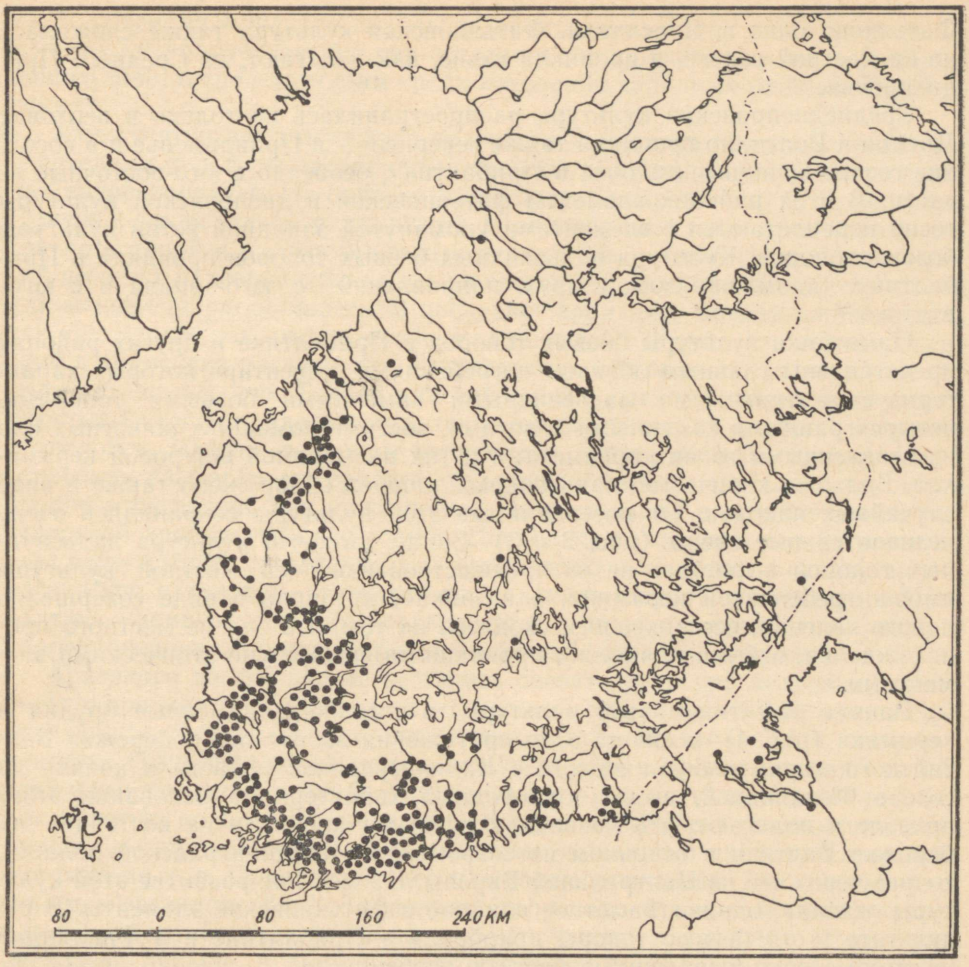


Рис. 3. Распространение ладьевидных топоров в Финляндии и на соседней территории СССР (по А. Яюряпяа).

Камы и в Приуралье, отличавшихся более суровой зимой, в последующее время наблюдается распространение первобытного земледелия. Естественно, что в пределах всей указанной обширной полосы охота и рыболовство сохраняли большое значение, а в наиболее северных частях названной зоны продолжали оставаться основой добывания средств к жизни еще на протяжении продолжительного времени.

Этнические изменения в составе населения лесной полосы и соседних территорий во II тысячелетии до н. э. были, таким образом, связаны с глубокими изменениями и в его социально-экономическом развитии.

Появление новых племен в западных частях ареала распространения культуры ямочно-гребенчатой керамики, в Прибалтике и юго-западной Финляндии, находит свое отражение в археологическом материале. Примерно в XVIII веке до н. э. рядом с памятниками старой местной культуры появляются памятники иного типа, так называемой культуры шнуровой керамики, или ладьевидных боевых топоров. Аналогичная ей культура в Верхнем и Среднем Поволжье известна под названием фатьяновской — по характерным для нее находкам у дер.

Фатьяново близ г. Ярославля. Фатьяновская культура также сложилась не на местной основе, а проникла извне, как полагают, из Среднего Приднепровья.

Среднеднепровская культура распространилась не только в верховья Днепра и Волги, но проникла также севернее — в Приильменье и в соседние северо-западные районы, в Прибалтику, особенно в юго-восточные ее части. В этих районах элементы фатьяновской и днепровской культуры тесно переплетаются с элементами упомянутой западной ветви культуры боевых топоров. Культура ладьевидных боевых топоров проникла в Прибалтику, таким образом, с двух направлений: с юго-запада и с юго-востока.[25]

Памятники культуры боевых топоров в Прибалтике и других районах представлены главным образом погребениями, инвентарь которых характеризуется типичными ладьевидными каменными боевыми топорами, четырехгранными каменными долотами, костями домашних животных или изготовленными из них предметами и так называемой шнуровой керамикой. Большое количество ладьевидных топоров обнаружено также в виде случайных находок. От поселений же этой культуры сохранились очень незначительные следы (рис. 2 и 3). Ввиду того, что культура ладьевидных топоров вырастает не из предшествовавшей ей местной культуры ямочно-гребенчатой керамики, а возникает внезапно в виде совершенно нового явления, все археологи сходятся на том, что она не местного происхождения, а была принесена проникшими сюда извне этническими элементами.

Ранние памятники этой культуры, в том числе каменные орудия и керамика (рис. 4), носят на всем протяжении восточного побережья Балтийского моря, начиная на юге с Калининградской области и кончая на севере Финляндией, весьма однородный характер. На основании этого археологи полагают, что названная культура проникла на восточное побережье Балтики в основном из современной Калининградской области, точнее через нее из Центральной Европы. На местное развитие этой культуры оказали, однако, заметное влияние и фатьяновские элементы. В результате этого боевые топоры приобрели в Прибалтике и в Финляндии некоторые ярко выраженные местные особенности.

Памятники культуры ладьевидных топоров в Эстонии более подробно охарактеризованы в статьях Л. Ю. Янитса, а поэтому мы здесь на них больше останавливаться не будем.

В опубликованной ниже статье К. Ю. Марк указывается, что преобладающее большинство найденных в погребениях культуры ладьевидных топоров черепов заметно отличается от черепов, обнаруженных на поселениях местной культуры ямочно-гребенчатой керамики. При этом первые проявляют большое сходство с черепами носителей той же культуры в окрестностях современного Калининграда и очень близки также к черепам из фатьяновских и приднепровских могильников. Это подтверждает мнение археологов о том, что культура ладьевидных топоров принесена в Прибалтику населением, пришедшим с юго-западного и частично, возможно, также с юго-восточного направления. Новые этнические элементы

---

[25] О среднеднепровской и фатьяновской культурах см. Т. С. Пассек, К вопросу о среднеднепровской культуре. Краткие сообщения ИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 34 и сл. A. J. Brjusov, Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. (Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur.) Acta Archaeologica XXV, København 1954, стр. 309 и сл. (в конце статьи приведена соответствующая литература). A. Äyräpää, Über die Streitaxtkulturen in Russland. Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII, Helsinki 1933, стр. 16, а также 96 и сл. О воздействии фатьяновской культуры на развитие особого типа ладьевидных топоров в Эстонии см. A. Äyräpää, Estnische Bootäxte. Acta Archaeologica XXIII, København 1952, стр. 81 и сл.

были, очевидно, численно довольно значительными, так как характерный для них антропологический тип остался в последующее время, и даже до наших дней, господствующим среди населения западных районов Прибалтики.[26]

Уже десятки лет тому назад археологи высказали предположение, что носителями культуры ладьевидных топоров является какая-то ветвь древних индоевропейцев. Но определить ее более конкретно никто не решался. Причина заключалась в принятой в индоевропеистике хронологии, согласно которой в рассматриваемый период (на рубеже III и II тысячелетий до н. э.) индоевропейские языки еще представляли собой якобы более или менее единую общность. В последнее время это мнение пошатнулось, так как многие языковеды, особенно слависты, считают, что индоевропейский язык-основа расчленился, по-видимому, значительно раньше, чем это полагали до сих пор. Толчок для пересмотра прежней хронологии в значительной степени дало сопоставление лингвистических фактов с данными археологии. Именно в данном конкретном случае выводы, сделанные на основании языковых материалов, укладываются исключительно хорошо и вполне естественно, как ниже попытаемся показать, в установленные археологией хронологические рамки. Поскольку языковеды сочтут возможным пересмотреть свою прежнюю хронологию и принять за основу археологические датировки, откроется возможность связать обитавшие в Прибалтике племена культуры ладьевидных топоров с конкретной ветвью индоевропейцев, а именно с ранними балтийскими племенами.

Археологи до сих пор не решались связать культуру ладьевидных топоров с предками балтийских племен по той причине, что финноугроведы, исходившие, в свою очередь, опять-таки из господствовавшей в индоевропеистике хронологической схемы, относили время проникновения балтийских заимствований в прибалтийско-финские языки только к последнему тысячелетию до н. э. По мнению Сетяля, прибалтийско-финские племена пришли в соприкосновение с балтийскими племенами примерно в последние века до н. э. Правда, позднее некоторые языковеды (из которых упомянем, в частности, Ю. Х. Тойвонена) допускали, что контакт между древними прибалтийскими финнами и балтийскими племенами возник уже несколько раньше, а именно около середины последнего тысячелетия до н. э. Однако и между этой датой и временем проникновения в Прибалтику культуры ладьевидных топоров все еще оставался промежуток времени в тысячу лет.

Напомним здесь, что Э. Н. Сетяля (следуя за В. Томсеном) сказал по поводу балтийских словарных заимствований, вошедших в прибалтийско-финские языки, следующее: характер воспринятых слов «не обязывает полагать, что оба народа (как балтийские, так и прибалтийско-финские племена) в период заимствования уже вышли из состояния каменного века». «Тем не менее», указывает он далее, «мало вероятно, что эти племена стояли в то время всецело на уровне каменного века». Сетяля отме-

---

[26] См. стр. 241.

В Финляндии пока обнаружено очень мало палеоантропологического материала, поэтому там нельзя еще проследить истории формирования антропологического состава современного населения. В юго-западной же Финляндии, как и в западных районах Прибалтики, широко распространен так называемый западнобалтийский тип (или, как его еще называют, «северный тип»), ср. Финляндия. Географический сборник, М., 1953, стр. 311 и сл. (К. Гильден). В этой части Финляндии встречается большое количество памятников культуры ладьевидных топоров (ср. рис. 3), а поэтому, по аналогии с Прибалтикой, можно полагать, что и там основа этого часто встречающегося антропологического типа была заложена уже племенами культуры ладьевидных топоров, а не, как обычно считают, лишь этническими элементами, прибывшими в позднейшие времена из Скандинавии.

Рис. 4. Образцы шнуровой керамики. *1* — Тика, о. Сааремаа; *2* — Выборгский район, Ленинградской обл. (прежн. Сяккиярви Рави); *3* — Курская коса, Литовская ССР; *4* — Рутениеки, Елгавский район, Латвийской ССР. (Прим. $^1/_3$ нат. велич.)

чает, что еще до этого в финно-угорских языках имелось свое название для меди — *vaski*, «однако, окончательное слово в этом вопросе», заканчивает Сетяля, «должна сказать археология».[27] Археологи же, как уже указывалось, до сих пор не решались дать определенного ответа.

Сетяля, несомненно, был прав, когда обратил внимание на состав воспринятых из балтийских языков слов и на отражающееся в них общее состояние культурного уровня. По своему содержанию балтийские заимствования поразительно точно соответствуют культурным условиям периода проникновения в Прибалтику шнуровой керамики и ладьевидных топоров. Лишь в редких случаях наблюдается такое полное совпадение лингвистических и археологических данных. В это время в действительности господствовал еще поздний каменный век. Медь была известна, но представляла собой еще случайное явление и, как уже отмечалось, не имела еще экономического значения.

[27] E. N. Setälä, Suomensukuisten kansojen esihistoria. Suomen suku I, Helsinki 1926 стр. 156.

Не следует, конечно, забывать, что прибалтийско-финские языки восприняли все вошедшие в их состав балтийские слова не сразу после появления соответствующих племен, а постепенно, в течение нескольких веков, в длительном процессе сближения и смешения обоих племен. Контакт с балтийскими соседями продолжался непрерывно и позднее, а поэтому в прибалтийско-финских языках имеются и значительно более поздние заимствования. В данном случае, однако, нас интересуют только наиболее ранние из них.

Существенно новым явлением, занесенным балтийскими племенами на восточное побережье Балтийского моря, явилось животноводство. Это не случайность, что прибалтийско-финские языки восприняли от балтийских племен именно ряд слов, связанных с разведением домашних животных, как, например, эст. *härg* (вол), *oinas* (баран), *voon* (ягнёнок), *vohe* (коза), *paimendama* (пасти скот), *hein* (сено) и пр. Из ранних заимствований, связанных с земледелием, которое также являлось новым, только что зарождающимся явлением, можно отметить слово *hernes* (горох) и пр. Встречаются заимствованные слова из области строительства (например, *sein* — стена), орудий труда и домашнего ремесла (например, *kirves* — топор) и т. д.

Нет необходимости перечислять здесь все многочисленные балтийские заимствования. Важно отметить, однако, тот факт, что среди них имеются некоторые слова, связанные с брачными и родственными отношениями, например, *mõrsja* (невеста), *nõbu* (двоюродный брат, двоюродная сестра). Встречаются и слова, заимствованные, казалось бы, без всякой надобности, например, названия некоторых частей тела: *kael* — шея, *hammas* — зуб, для обозначения которых, несомненно, существовали свои собственные слова. О глубине балтийского влияния свидетельствует и то, что оно, как указывает в опубликованной выше статье П. А. Аристэ, сказывалось не только в словарных заимствованиях, а отразилось даже на грамматическом строе прибалтийско-финских языков.

Все эти явления становятся вполне понятными, если предположить, как это и вытекает из археологических данных, что указанные заимствования имели место не в результате обычного общения между соседними племенами, в пределах одной только узкой пограничной полосы, а в условиях двуязычного населения, так сказать, чересполосного обитания одних племен среди других. Это должно было привести к некоторому смешению языков, чем и могут быть объяснены кажущиеся излишними словарные заимствования и влияния в области грамматического строя. В таких условиях представляются обычными смешанные браки и становится понятным заимствование терминов, обозначающих родственные отношения.

Изменения в области экономики (нашедшие отражение как в вышеприведенной терминологии, так и в археологических материалах) сопровождались соответствующими изменениями в общественных отношениях. С возникновением общественного разделения труда между скотоводческими и охотничье-рыболовческими общинами усилились межплеменные связи. В результате всего этого первобытное племя сменилось более развитой племенной организацией. В соответствии с этим от балтийских соседей воспринимается и новое название племени — *hõim*.

На протяжении следующего, последнего тысячелетия до н. э., к которому, согласно прежним датировкам, приурочивались балтийские заимствования в прибалтийско-финских языках, археологические источники не отражают ни усиления общения, ни какого-либо особого сближения между населением южных и северных районов Прибалтики.

Известно, однако, что балтийские элементы являются самыми древними из всех установленных в прибалтийско-финских языках чужих

заимствований. Если же предположить, что культура ладьевидных топоров знаменует проникновение в Прибалтику какой-то другой, не известной нам еще волны индоевропейцев, то приход столь многочисленных чужих элементов, как их отражает археологический и антропологический материал, должен был непременно оставить следы также и в языке населения или хотя бы в топонимике Эстонии и соседних территорий. Однако наука не обнаружила пока в прибалтийско-финских языках каких-либо индоевропейских заимствований, которые вошли бы в эти языки в Прибалтике и были бы древнее указанных балтийских элементов.

Таким образом, представляется наиболее правдоподобным, что прослеживаемый в прибалтийско-финских языках древнейший слой чужих заимствований (балтийских) соответствует древнейшей проникшей извне, согласно археологическим и антропологическим данным, волне пришельцев — племенам культуры ладьевидных топоров.

Основная часть племен культуры боевых топоров пришла в Прибалтику и на юго-запад Финляндии с юго-западного направления, в несколько меньшем количестве они, надо полагать, проникли сюда и с юго-востока. В общем же их появление прослеживается на бóльшей части территории древних прибалтийско-финских племен.

Длительное проживание одних этнических элементов среди других приводит обычно к их слиянию. Так это произошло и в Прибалтике, и Финляндии. На юге, в современной Литве и южной части Латвии, постепенно стала господствовать балтийская речь, на севере же вышла победительницей прибалтийско-финская речь. При этом в восточных районах Литвы и Латвии этот процесс протекал, видно, несколько иначе, чем на западе. В общем же надо полагать, что ассимиляция иноязычных элементов как на позднейших балтийских, так и на прибалтийско-финских территориях, потребовала много времени, по крайней мере целое тысячелетие. На юго-западе теперешней Латвии среди известного нам по более позднему периоду балтийского племени — куршей — до XIII—XIV вв. н. э., а местами даже позже сохранилось в виде островков прибалтийско-финское, ливское, население.

Более детально проследить ход слияния в Прибалтике различных этнических элементов невозможно, так как археологический материал, который является пока основным наиболее точно датированным источником по этому периоду, в полной мере не отражает этого процесса. Как уже отмечалось, материальная культура утратила здесь свои этнические признаки значительно раньше, чем исчезли последние остатки прибалтийско-финского населения. [28]

Наиболее ранний письменный источник, в котором упоминаются балтийские племена, а именно «Germania» римского писателя Тацита (конца I в. н. э.), называет их *estui* или *estii*. Если допустить, что в западных районах Эстонии в течение довольно долгого времени еще сохранялись балтийские элементы, то этот факт может, как указывал уже Сетяля,[29] слу-

---

[28] В качестве примера, а также для доказательства этого положения можно привести следующие, известные нам по более поздним временам факты. Судя по археологическому материалу, проникновение латгальских племен в теперешнюю северную Латвию началось не позднее VI—VII вв. Начиная с этого времени в материальной культуре этой территории трудно найти эстонские элементы. Островки же эстонского населения там встречались еще в XIX веке, а отдельные — даже в начале XX века. На восточном побережье Чудского озера в XII—XIII вв. материальная культура почти полностью приобрела уже русский облик. Но еще в начале XIX века там встречается довольно много островков прибалтийско-финского населения. См., например: (C. H. J. Schlegel), Reise von St. Petersburg nach dem Pleskowschen Gouvernement im Monat Julius 1815, Meiningen 1815, стр. 15.

[29] E. N. Setälä, Suomensukuisten kansojen esihistoria, стр. 156.

жить новым и вполне естественным объяснением того обстоятельства, что название балтийских племен — «эстии» перешло на эстонцев и на Эстонию. Как видно из неоднократно цитированной нами статьи Сетяля, он также считал возможным, что в состав прибалтийских финнов вошли известные балтийские элементы, хотя, по его мнению, последние были не позднейшими пришельцами, а остатками древнего коренного населения Прибалтики, обитавшего здесь до появления прибалтийско-финских племен. Сетяля полагал, что территория древнего балтийского населения доходила в северном направлении до Эстонии и не охватывала Финляндию.

Возникает, естественно, вопрос, чем объяснить, что довольно многочисленные и достигшие высокого уровня культуры балтийские элементы не только не ассимилировали местное финноязычное население, стоявшее на более низкой культурной ступени, но сами растворились в нем. Обычно считают, что менее развитые в культурном отношении этнические элементы поглощаются более развитыми. Надо сказать, что процесс этнической ассимиляции протекает большей частью именно так, но все же иногда он принимает другое направление. Дело в том, что этот процесс определяется многими факторами.

То, что на севере Прибалтики и в Финляндии балтийские племена были поглощены финно-уграми, могло быть вызвано известным численным перевесом местного коренного населения (хотя археологические памятники достоверных доказательств этому не дают). Племена культуры ладьевидных топоров, проникшие на территорию Эстонии и в Финляндию, судя по археологическим данным [30], продолжали сохранять связи с основной массой своих соплеменников, оставшихся на юге. Но они все же отдалились от последних, вклинившись далеко на север. Кроме того, возможно, что в последующий период численность финно-угорского населения увеличилась за счет притока с востока некоторых новых родственных ему элементов. Но численное соотношение между обоими разнородными этническими элементами не могло, конечно, сыграть роль решающего фактора в рассматриваемом процессе. Более вероятным будет полагать, что главное значение имел экономический уклад, который у одного из упомянутых племен был более приспособлен к местным природным условиям, чем у другого.

Мы полностью разделяем в этом вопросе мнение К. Ф. Мейнандера, который на основании археологического материала показал, как в Финляндии пришедшие с юга первобытные скотоводы-земледельцы, носители культуры ладьевидных топоров, были вынуждены в суровых условиях севера постепенно изменить характер своего хозяйства, приближаясь к хозяйству местных охотников и рыболовов.[31] Они в большей мере, чем раньше, стали заниматься охотой и рыбной ловлей, стали селиться ближе к воде и пользоваться более целесообразными в местных условиях орудиями труда и т. д. Постепенное сближение образа жизни благоприятствовало этническому смешению с местным коренным населением и усвоению его языка. Та же причина, что и в Финляндии, явилась, решающим фактором дальнейшего развития взаимных отношений между разнородными этническими элементами и на севере Прибалтики, в современных Эстонии и северной Латвии.

В юго-западной же Латвии и соседней Литве природные условия больше соответствовали условиям исходной территории носителей культуры ладьевидных топоров. К тому же в эти районы они проникли, как

---

[30] Ср. статью Л. Ю. Янитса, стр. 169, сноска 54.

[31] C. F. Meinander, Die Kiukaiskultur, стр. 172 и сл.

видно, в большем количестве, чем на север, а поэтому эти племена и балтийская речь вышли здесь победителями.[32]

Отношения между балтийскими и прибалтийско-финскими племенами являются одной из узловых проблем этногенеза народов Прибалтики и Финляндии. Распространение балтийских племен на теперешние территории Эстонии и Финляндии положило основу для некоторой «балтизации» языка, материальной культуры и даже антропологического типа прибалтийско-финских племен. Несмотря на то, что прибалтийские финны продолжали и в дальнейшем сохранять прочные связи с родственными им племенами на востоке, балтийские культурные элементы, все более усиливавшиеся в последующие времена, благодаря тесным общениям с балтийскими племенами, явились одной из важнейших особенностей, отличавших язык и культуру прибалтийско-финских племен. Прежние исследователи, считавшие, что прибалтийско-финские племена отделились от поволжских финно-угров лишь незадолго до начала нашей эры, не смогли объяснить, каким образом возникли те глубокие различия, которые прослеживаются в материальной культуре обеих названных групп финно-угров в начале нашей эры. Наоборот, если предположить, что обе указанные группы финно-угорских племен не только разобщились значительно раньше, но в дальнейшем, на протяжении длительного периода, в культуру каждой из них проникали влияния с двух совершенно различных направлений, то наблюдающиеся между ними различия становятся вполне понятными.

Вопрос взаимных отношений балтийских и прибалтийско-финских племен представляет большой интерес и для этнической истории индоевропейских племен, в особенности их балто-славянской ветви. А поэтому необходимо изучать его систематически и комплексно на основании данных лингвистики, археологии, антропологии и других смежных дисциплин.

Со времени появления соответствующего исследования В. Томсена [33] лингвисты продолжали рассматривать вопросы соприкосновений балтийских и прибалтийско-финских языков главным образом суммарно, изучая все балтийские заимствования во всех прибалтийско-финских языках как единый комплекс. Если выдвинутые нами соображения в общих чертах соответствуют действительности, то есть основание рассматривать эти отношения в известной степени дифференцированно. Данные археологии показывают, что культура ладьевидных топоров распространена в Прибалтике и Финляндии неравномерно. В прибрежной полосе и определенных низменных районах памятники этой культуры обнаружены в большем количестве, чем в юго-восточной Эстонии и соседних северных и восточных районах Латвии, где этих памятников значительно меньше и куда эта культура, возможно, проникла отчасти с другого направления. Поэтому следовало бы выяснить, не содержат ли диалекты населения этих территорий соответственно меньше балтийских заимствований. Надо также проследить, нет ли балтийской топонимики в отдельных частях Эстонии и Финляндии.

---

[32] Можно привести ряд примеров из более поздних периодов о том, какую значительную роль играет при известных условиях характер хозяйства в формировании взаимоотношений между двумя разнородными этническими элементами. Одним из примеров может служить то обстоятельство, что в то время как подавляющая часть ливов, занимавшихся земледелием, уже давно растворилась среди латышского крестьянства, одна их часть, а именно та, которая живет в Курземе и занимается морским рыболовством, все еще продолжает сохранять свою этническую самобытность. Вторым примером является разное развитие этнических взаимоотношений между эстонцами и русскими в рыбацких поселениях на побережье озера Пейпси (Чудского), с одной стороны, и в деревнях, живущих сельским хозяйством, — с другой.

[33] V. Thomsen, Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog, København 1890.

В языки племен, заселивших более восточные районы, как, например, в карельский и вепсский языки, балтийские заимствования проникли, очевидно, не прямым путем, а посредственно, через родственные им западные племена, и поэтому в этих языках должно быть меньше балтийских заимствований. Меньше должно было бы ощущаться также балтийское влияние на грамматический строй этих языков. Далее, учитывая, что балтийские племена проникли не только в Прибалтику, но и в Финляндию, становится понятным, почему в финском языке встречаются такие слова балтийского происхождения, которых нет в эстонском языке. По господствовавшему же ранее мнению, последнее явление объяснялось тем, что соответствующие заимствования якобы уже исчезли из эстонского языка [34] Если принять, что балтийские племена проникли и в Финляндию, то представляется возможным, что даже в лопарский язык отдельные балтийские слова вошли непосредственно, минуя финские диалекты. Наконец, представляло бы известный интерес рассмотреть особо балтийские заимствования в ливском языке в Курземе (Курляндии), сравнив их с балтийскими элементами в других прибалтийско-финских языках. Как известно, язык этой части ливов довольно рано остался, так сказать, в балтийском окружении и стал значительно отличаться от речи более северных и северо-восточных прибалтийско-финских племен. Сравнительное изучение балтийских элементов как в словарном фонде, так и в грамматическом строе разных прибалтийско-финских языков и их сопоставление с археологическими и этнографическими фактами представляло бы большой интерес как для языковедения, так и для истории материальной культуры.

V

Общее количество известных нам на территории Эстонии памятников начала и середины бронзового века (вторая половина II тысячелетия и начало I тысячелетия до н. э.) пока невелико. Тем не менее, их вполне достаточно для того, чтобы можно было проследить по ним непрерывность заселения и в общих чертах также общественно-экономического развития населения данной территории. Особенно отчетливо это выступает на двух исследованных в последние годы поселениях, Акали и Кулламяги,[35] расположенных на востоке Эстонии, в районе устья реки Эмайыги.

---

[34] Предполагая непосредственное соприкосновение древнего населения Финляндии с балтийскими племенами, можно дать более простое объяснение и некоторым языковым явлением, которые находили раньше весьма сложное толкование. Так, например, в упомянутой уже статье «När kommo östersjöfinnarna till Baltikum? (стр. 32 и сл.) К. Вилкуна рассматривает финское название кремня, *ola* (кольско-лопарское *uoll*), встречающееся также в балтийских и славянских языках. Сопоставляя археологические и лингвистические факты, К. Вилкуна приходит к выводу, что это слово может быть одним из сохранившихся в финно-угорских языках древних иранских заимствований и что оно воспринято, возможно, в то время, когда финно-угры бок о бок с восточными индоевропейцами кочевали где-то в Восточной Европе, где имелся кремень. Выдвинутое же выше предположение может дать более близкое к действительности и, по-видимому, более вероятное объяснение происхождению этого слова. Кремень поступал на территории прибалтийско-финских племен не только с востока, но позднее, через посредничество племен культуры ладьевидных топоров, также и с юга. В погребениях культуры ладьевидных топоров на территории Эстонии нередки предметы из кремня вышеуказанного происхождения (ср. R. Indreko, Ein Hockergrab in Ardu, Ksp. Kose. OES Toimetused XXX, Tartu 1938, стр. 196 и рис. 3 : 2,5). Балтийское название этого материала могло, таким образом, непосредственным путем попасть к древним обитателям Финляндии, а далее и к лопарям.

[35] См. статью Л. Ю. Янитса в настоящем сборнике стр. 157, а также Л. Ю. Янитс, Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. Древние поселения и городища, Таллин, 1955, стр. 180 и сл. или 199.

В рассматриваемый период, как и в предыдущий, известную роль в экономике играют первобытное животноводство и земледелие, однако прежние виды занятий населения — охота и рыбная ловля — все еще сохраняют большое значение. Многие обнаруженные в Эстонии и на соседних территориях поселения этого периода располагаются по-прежнему у воды (упомянутые уже Акали и Кулламяги, Вилла на реке Выханду в юго-восточной части Эстонии и др.). Захоронений, относящихся к этому периоду, известно мало. Можно назвать только погребения в Кивисааре к северу от озера Выртсъярв, которые являются наиболее поздними из известных нам на территории Эстонии неолитических могильников.

В этот период постепенно входят в употребление орудия из меди или бронзы. Первые металлические предметы появились здесь путем обмена, но позднее их стали изготовлять и на месте. Из наиболее ранних металлических орудий местного изготовления можно назвать известный тип бронзовых топоров с закраинами. Эти топоры встречаются как в Эстонии, так и на юге Финляндии и, помимо прочего, свидетельствуют также и о продолжающихся связях между населением обеих территорий.[36] Из металлических предметов следует еще особо отметить два бронзовых серпа, датируемых XIII—XII вв. до н. э. Они являются наиболее древними из обнаруженных металлических земледельческих орудий. С земледелием связаны также 4 каменные мотыги, аналогичные тем, которые в значительном количестве найдены южнее, в западных районах Латвийской и Литовской ССР. На поселении Сарнате (Латвия) обнаружены впервые мотыги из дерева.[37] Хотя в данный период уже применялись и металлические орудия, основным материалом для изготовления орудий труда оставались камень и кость (не говоря о дереве).

Из всех видов археологического материала наибольший интерес для изучения этнических отношений представляет по-прежнему керамика. В поселениях середины II тысячелетия наряду с позднейшими вариантами ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики встречается также и ранняя текстильная керамика. Последняя появилась здесь, по-видимому, с востока, из Волго-Окского междуречья.

Текстильная, или сетчатая, керамика получила свое название по оттискам на поверхности сосудов, напоминающим отпечатки грубой ткани. Среди текстильной керамики различаются ранние и поздние формы. Этот вид керамики развился, очевидно, на основе ямочно-гребенчатой керамики. На более ранних текстильных сосудах часто наблюдаются также узоры, выполненные гребенчатым штампом. Кроме того, ранняя текстильная керамика встречается обычно в поздних поселениях культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Экономическое и культурное развитие населения Верхнего Поволжья протекало примерно тем же путем, как и развитие племен Северной Прибалтики. Материальная культура фатьяновских скотоводов постепенно слилась с культурой местного охотничье-рыболовческого населения. Памятники второй половины и конца II тысячелетия развиваются на базе культур обоих племен, как охотничье-рыболовческих, так и скотоводческих, причем на севере основную роль сыграла местная культура ямочно-

---

[36] Топор этого типа воспроизводится в Кратких сообщениях ИИМК, вып. XLXIII, 1952, рис. 2 : 3. Ср. также C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 22.

[37] Л. В. Ванкина, Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Древние поселения и городища, Таллин, 1955, табл. XXXI : 5,6. В Eesti NSV ajalugu kolmes köites, I köide, Tallinn 1955, на стр. 29 изображена одна из указанных каменных мотыг из Эстонии.

гребенчатой керамики,[38] в то время как на юге и западе несколько больше следов оставила, по-видимому, фатьяновская культура.

Именно в этих условиях и возникла, очевидно, текстильная керамика, которая из Поволжья распространилась на обширные соседние территории. Следует при этом отметить, что поселения с керамикой этого вида, как и сама керамика, пока еще не изучены в такой степени, чтобы можно было с определенностью сказать, какими хозяйственными и этническими явлениями сопровождалось ее распространение.

Кроме Верхнего Поволжья, ранняя текстильная керамика встречается и на севере, в поселениях Приладожья и Обонежья. Она проникла также и в Финляндию, в Прибалтику и северную часть теперешней Белоруссии. Чем дальше от центра ее возникновения, тем реже она встречается. В Прибалтике она найдена в небольшом количестве. Единичные черепки текстильной керамики выявлены даже в столь отдаленном к западу пункте, как Серово в современной Калининградской области.[39] Малое количество керамики этого вида в Калининградской области, западной Литве и юго-западной Латвии объясняется, по-видимому, тем, что обитавшие там среди балтийских племен финно-угорские элементы и их культура продолжали все более обособляться от основного массива финно-угров.

На территории Латвийской ССР, в районе нижнего течения р. Даугавы, у Резнес и Калниеши, обнаружены курганные могильники[40] конца II и начала I тысячелетия, которые по своему характеру и обряду погребения аналогичны подобным могильникам в Калининградской области, на территории древних пруссов. Не позднее начала I тысячелетия до н. э. из теперешней Калининградской области в западную Литву и юго-западную Латвию распространяются курганные могильники с остатками трупосожжений в глиняных сосудах или урнах (см. рис. 7 : 6).[41] Появление в западной части современной Литвы и на юго-западе Латвии новых монументальных погребальных памятников балтийского типа означает, очевидно, завершение в то время консолидации балтийских племен на юго-западе Прибалтики вплоть до нижнего течения р. Даугавы.

На территориях Эстонской и Латвийской ССР ранняя сетчатая керамика, как это видно по материалам из поселений Акали и Кулламяги, Ича и др., появляется среди ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики. Важно отметить, что памятники этого периода непосредственно связаны с памятниками предыдущего периода и показывают непрерывность заселения и преемственность культурного развития в северных и восточных районах Прибалтики, в том числе и в Эстонии. Поскольку распространению нового вида керамики сопутствовал, возможно, некоторый приток населения с востока, можно полагать, что последнее быстро растворилось среди ранее обитавших здесь родственных ему племен.

То обстоятельство, что ранняя текстильная керамика обнаружена по преимуществу в восточной и юго-восточной Эстонии, а также в восточных районах Латвии, нельзя, по-видимому, считать случайным явлением. В этих районах культура ладьевидных топоров представлена слабее. Напро-

---

[38] П. Н. Третьяков, К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР, № 5, 1941, стр. 15—17.

[39] См. ниже статью Л. Ю. Янитса, стр. 168.

[40] Л. В. Ванкина, Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 66—70.

[41] Пр. З. Куликаускас, Курмайчские археологические памятники и данные их исследования. Автореферат диссертации, Вильнюс, 1949. П. Куликаускас, Исследования археологических памятников Литвы. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 100.

тив, на западе, где памятники культуры ладьевидных топоров встречаются чаще и где рядом с прибалтийско-финскими племенами было больше балтийских элементов, текстильная керамика, очевидно, представляла сравнительно случайное явление. В общем же текстильная керамика получила в Прибалтике большее распространение, очевидно, только в последующий период, в I тысячелетие до н. э., когда культура населения восточных и северных частей Прибалтики восприняла как будто новые импульсы с востока, со стороны так называемой дьяковской культуры.

Аналогичную в общих чертах картину мы наблюдаем и в Финляндии. Как и в предыдущий период, Финляндия в отношении своей материальной культуры распадается на две части: на юго-западную, с одной стороны, и центральную и восточную — с другой. В юго-западных районах Финляндии, куда проникла культура ладьевидных боевых топоров (ср. карту рис. 3), за ней следует так называемая культура Киукайнен.[42] Эта культура знаменует переход от каменного века к бронзовому и охватывает промежуток времени примерно от XVI до XIII в. Она развилась на базе культуры ямочно-гребенчатой керамики и растворившейся в ней культуры ладьевидных топоров. Ее экономическая основа была та же, что и у вышеупомянутых культур: с одной стороны, охота и рыбная ловля, игравшие, по-видимому, главную роль, а с другой — первобытное животноводство и земледелие.

Культура Киукайнен ясно отличалась от одновременной с ней материальной культуры центральной и восточной части Финляндии, но была все же тесно связана с последней. О связях с востоком свидетельствует ряд каменных орудий сходного типа, в особенности же оттиски ткани на своеобразной керамике культуры Киукайнен. Элементы текстильной керамики проникли сюда, очевидно, через восточную Финляндию. У культуры Киукайнен, как и у предшествовавших ей культур, имелись также связи с Эстонией. Одновременно наблюдаются и признаки воздействия культуры восточного побережья Швеции.

Материальная культура центральной и восточной Финляндии второй половины II тысячелетия, так же как и культура западной Финляндии, развивается на прежней, местной основе. От культуры Киукайнен ее отличает, между прочим, особый тип керамики, в глиняном тесте которой имеется примесь волокнистого минерала — асбеста. Эта культура была тесно связана с Приладожьем и Обонежьем и через эти районы также и с культурой Верхнего Поволжья. Хотя в упомянутой части Финляндии население занималось в основном охотой и рыбной ловлей, тем не менее, по зернотеркам, найденным в некоторых расположенных на южной окраине этого района поселениях, можно заключить, что там не позднее последнего тысячелетия до н. э. было известно и земледелие.[43]

Распространение текстильной керамики говорит о том, что территория прибалтийско-финских племен во II тысячелетии и еще в начале I тысячелетия находилась в оживленных сношениях с Волго-Окским междуречьем. Особенно заметно волго-окские влияния проявляются на соседних территориях, к которым можно причислить также и теперешнюю восточную Эстонию и восточную Латвию, Обонежье, Приладожье, восточную Финляндию. В меньшей степени связи с Поволжьем сказываются в западных районах Прибалтики и Финляндии; на западе Прибалтики они скрещивались с юго-западными, а в Финляндии и со скандинавскими связями. Как уже отмечалось, связи с Поволжьем проявлялись не только в области материальной культуры. Они сопровождались, вероятно,

---

[42] C. F. Meinander, Die Kiukaiskultur, рис. 96.

[43] A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр 94, 95.

и проникновением оттуда в соседние районы зачатков земледелия и животноводства, а также некоторым, притоком населения.

Может возникнуть вопрос, нет ли основания полагать, что происшедшее, возможно, в конце II и начале I тысячелетия до н. э. продвижение населения из Поволжья в соседние северные и западные области означало прибытие прибалтийско-финских племен на свою позднейшую территорию обитания. Тем более, что согласно старой точке зрения, которой до настоящего времени придерживается большинство лингвистов, примерно в этот период прибалтийско-финская языковая общность якобы отделилась от поволжских финно-угорских языков. По нашему мнению, данный вопрос уже был решен выше в отрицательном смысле. К этому можно добавить, во-первых, что распространение сетчатой керамики и некоторых других, сопровождающих ее явлений представляет собой проникновение только некоторых новых элементов в местную культуру, которая даже в Обонежье, Приладожье и восточной Финляндии, не говоря уже о западных районах, продолжала развиваться на старой основе. Во-вторых, в материальной культуре населения разных частей территории древних прибалтийско-финских племен наблюдаются настолько ясные местные различия, что нет основания полагать, чтобы в тот период это население объединяла языковая общность или, что еще менее вероятно, только сложилась такая общность. Речь может идти лишь о том, что в среду местного населения частично просочились некоторые новые элементы, но и об этом можно говорить лишь в виде гипотезы. Более определенного доказательства этого археологические памятники не дают.

VI

Конец бронзового века и ранний железный век (середина и вторая половина последнего тысячелетия до н. э.) в Эстонии представлены значительно бóльшим количеством археологического материала, чем предыдущий вышеописанный отрезок времени.

До 1920-х годов было известно очень мало памятников этого времени. По сравнению с более обширным и разнообразным вещественным материалом каменного века они казались настолько скудными, что некоторые исследователи полагали, будто в рассматриваемый период в местном культурном развитии произошел известный застой и что бóльшая часть местного населения якобы покинула в то время Прибалтику и переселилась на более благоприятные, богатые металлом территории.

Обнаруженные в 1930-х годах одно за другим укрепленные поселения Асва на о. Сааремаа,[44] Кландюкалнс близ Риги [45] и Иру под Таллином [46] показали, что прежнее представление о каком-то застое в рассматриваемое тысячелетие было в корне ошибочным. Из полученных при раскопках этих поселений материалов видно, что древнее население Прибалтики со времени каменного века далеко ушло вперед в своем экономическом, общественном и культурном развитии. Эти поселения дали всестороннее представление о культуре своего времени, так что некоторые исследователи

---

[44] А. К. Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Древние поселения и городища, Таллин, 1955, стр. 113 и сл.

[45] Л. В. Ванкина, Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР, стр. 74. R. Šnore, Izrakumi Doles pag. Klaņģu pilskalnā. Sentne un Māksla 1936, I, Rīgā 1936, стр. 57 и сл.

[46] A. Vassar, Iru Linnapära. Muistse Eesti linnused, Tartu 1939, стр. 53 и сл. Материалы, обнаруженные на городище Иру за последние годы (хранятся в ИИ 4051), еще не опубликованы.

стали называть ее культурой Асва, по первому из названных трех вновь выявленных памятников.

Из инвентаря Асвы и других поселений выясняется, что в середине последнего тысячелетия у древних обитателей Эстонии, как и у других соседних племен, развитие животноводства и земледелия достигло уже такого уровня, что они по своей хозяйственной роли стали преобладать над охотой и рыбной ловлей. Особенно это относится, как видно, к животноводству. Известные успехи отмечаются и в домашнем ремесле, обработке металлов, ткачестве и т. д. Бронзовых орудий было по-прежнему мало. С появлением же в середине последнего тысячелетия железа, орудия из этого металла постепенно завоевали видное место в материальной культуре и оказали большое влияние на дальнейшее развитие производительных сил.

С ростом производительных сил развивались и производственные отношения. Патриархально-родовой строй достиг последнего этапа своего развития. Родовая община распалась на семейные общины — патриархальные семьи; патриархальная семья выделилась в самостоятельную общественно-экономическую ячейку. Продолжалось оживление обмена, принявшего в этот период более или менее регулярный характер. Это, в свою очередь, привело к усилению межплеменных связей и к дальнейшему развитию племенной организации.

Глубокие изменения, происшедшие в общественно-экономической жизни древнего населения Прибалтики, находят яркое отражение в новом типе поселений и характере могильников. Наряду с прежними, открытыми селищами в начале последнего тысячелетия до н. э. возникают укрепленные поселения, например упомянутые уже Асва, Иру и др. В то же время появляются и монументальные каменные погребальные сооружения.

Все эти существенные изменения в развитии общества и его материальной культуры сопровождались дальнейшими не менее значительными сдвигами в этнических условиях. В Прибалтике в основном сконсолидировались две этнические группировки, существующие здесь и в настоящее время: на севере, в современной Эстонской ССР и в северной Латвии, на базе разнородных этнических элементов предшествовавшего периода сложились эстонско-ливские племена — непосредственные предшественники эстонского и ливского народов, в то время как на юге сформировались балтийские племена — предки латышского и литовского народов. Как видно из опубликованной ниже статьи М. Х. Шмидехельм, на северо-востоке Эстонии начиная с этого времени прослеживаются в основном те же диалектные группировки, которые сохранились в языке населения этого района до настоящего времени. На острове Сааремаа народная традиция по сей день сохранила память о древнем поселении Асва, называя его «Городищенским полем», хотя это укрепление перестало существовать уже на рубеже нашей эры.[47] Все это свидетельствует о непрерывности заселения этого района по крайней мере не позднее чем с последнего тысячелетия до н. э.

Возможно, что на первых порах среди балтийских, а также эстонско-ливских племен кое-где еще сохранялись небольшие островки населения, говорившего соответственно на прибалтийско-финских или балтийских диалектах, но в основном обе упомянутые выше племенные группы примерно в середине последнего тысячелетия до н. э. уже сконсолидировались в самостоятельные комплексы. Нагляднее всего формирование двух этнических массивов выступает в топографии двух отличных друг от друга типов погребений, с одной стороны, в северных районах Прибалтики и в

---

[47] R. Indreko, Asva linnus-asula. Muistse Eesti linnused, Tartu 1939, стр. 20.

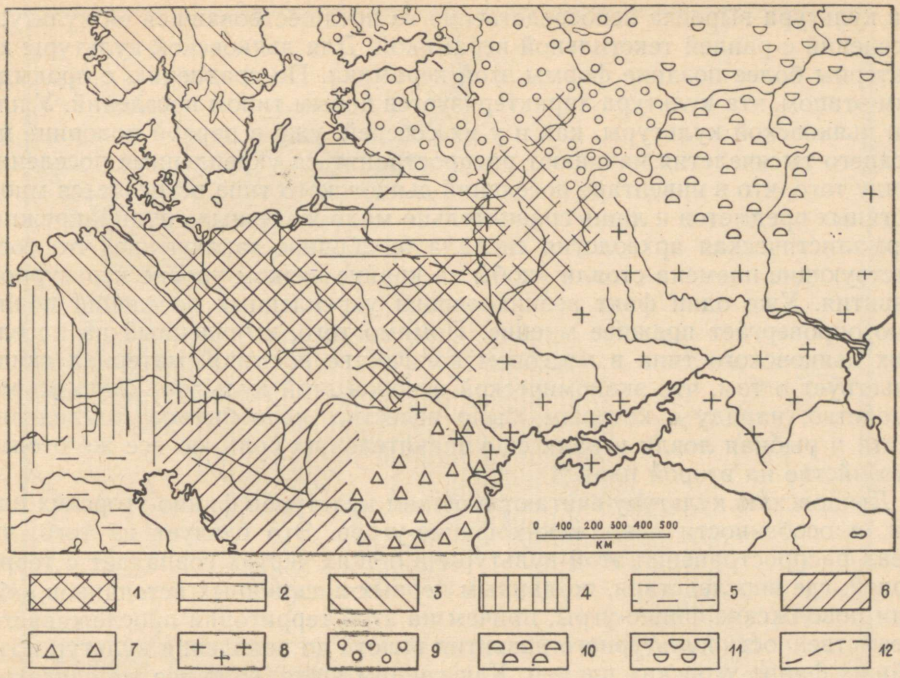


Рис. 5. Схема расселения основных групп племен Восточной и Средней Европы в середине I тысячелетия до н. э. по археологическим данным (по П. Н. Третьякову). *1* — раннеславянские племена; *2* — балтийские, или латышско-литовские, племена; *3* — раннегерманские племена; *4* — кельтские племена; *5* — этруски и италики; *6* — иллирийцы; *7* — фракийские племена; *8* — скифо-сарматские племена; *9* — западные финно-угорские (дьяковские) племена; *10* — финно-угорские племена Среднего Поволжья; *11* — северо-восточные финно-угорские (ананьинские) племена; *12* — основная территория распространения штрихованной керамики в Прибалтике.

Финляндии, а с другой — в южной Латвии и Литве (ср. рис. 7). На юге, западе и юго-востоке к балтийским племенам примыкал славянский массив. Западными соседями балтийских племен являлись родственные им западнославянские племена, обитавшие на южном побережье Балтийского моря, в бассейне Вислы и Одера. Археологи называют их племенами лужицкой культуры. На юго-востоке в непосредственном соседстве с литовско-латышскими племенами не позднее начала этого периода появились восточнославянские племена, из которых следует особо отметить наиболее северных — кривичей, населявших Верхнее Приднепровье. В материальной культуре балтийских племен прослеживается много черт, сходных как с культурами западнославянских, так и восточнославянских соседей.

Соседями эстонских, а частично и балтийских племен на востоке были финно-угорские племена, проживавшие к востоку от Чудского озера, в районах верхнего течения Западной Двины и Верхнего Поволжья. Они известны в археологии под именем племен дьяковской культуры, получившей свое название по характерному для того периода укрепленному поселению Дьяково, вошедшему в настоящее время в черту города Москвы.

Центром дьяковской культуры является известный нам уже по предыдущему периоду древний культурный очаг в Волго-Окском междуречье.[48]

[48] П. Н. Третьяков, К истории племен верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. стр. 18—31. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 94 и сл. В указанных трудах приводится соответствующая литература.

Эта культура выросла непосредственно из предшествовавшей ей культуры поселений с ранней текстильной керамикой. Для дьяковской культуры характерны более поздние формы этой керамики. По сравнению с предыдущим этапом, эта культура характеризуется новым типом поселений. У племен дьяковской культуры, как и у их соседей, уже в первой половине последнего тысячелетия начинают распространяться укрепленные поселения. Ввиду того, что в инвентаре поселений дьяковского типа встречается много костяных предметов и лишь сравнительно мало железных орудий, прежняя формалистическая археология сделала ошибочное заключение, что соответствующие племена стояли якобы на крайне низком уровне культурного развития. Уже один факт возникновения укрепленных поселений полностью опровергает прежнее мнение. Помимо того, выявленный на поселениях дьяковского типа в массовом количестве костяной материал свидетельствует о том, что экономической основой этой культуры было животноводство, наряду с которым было известно первобытное земледелие. Охота и рыбная ловля играли еще значительную роль, но все же отошли в хозяйстве на второй план.[49]

Дьяковскую культуру считают в общем культурой финно-угорских племен, в особенности поволжских финно-угров. Это следует из того, что ареал распространения этой культуры в общих чертах совпадает с территорией, где впоследствии, по данным первых письменных источников, обитали поволжские финно-угры, причем на этой территории прослеживается преемственность культурного развития вплоть до появления культур позднейших финно-угорских племен. Как увидим ниже, надо все же считаться с возможностью, что в южных и юго-западных частях ареала распространения дьяковской культуры встречались в виде отдельных островков и другие этнические элементы, а именно потомки племен фатьяновской культуры. Пока не удалось еще, однако, выделить их памятники из общего комплекса дьяковской культуры.

Дьяковская культура, как и ее предшественники, оказала заметное влияние на культурное развитие соседних территорий, особенно Обонежья и Приладожья и ближайших, примыкающих с запада районов.

Текстильная керамика характерна также и для ряда поселений последнего тысячелетия до н. э., открытых по реке Волхов. Эти поселения в оборонительных целях расположены на выступах высокого и крутого речного берега. Следов валов или других искусственных укреплений там все же не обнаружено.[50] Остатки глиняной посуды этих поселений по своему характеру и орнаменту совершенно аналогичны керамике современных им поселений Приладожья и Обонежья. В этих районах известны, однако, только открытые поселения. Городищ, подобных дьяковским, там пока не обнаружено. Поселения, выявленные в современной Карельской АССР, располагаются недалеко от воды и, как правило, в тех же местах, где и стоянки каменного века. Некоторые из них, однако, обнаружены в местах, не подходящих для рыбной ловли. Этот и другие факты позволяют заключить, что хотя в экономике населения южной части современной Карельской АССР, очевидно, большое место занимали по-прежнему рыбная ловля и охота, известную роль в ней уже играло и земледелие. В северных районах, без сомнения, господствовали только охота и рыбная ловля. На поселениях южной и средней Карелии нередко встречаются куски шлака от выплавки бронзы и в особенности железа.[51] Учитывая анало-

---

[49] П. Н. Третьяков, К истории племен верхнего Поволжья, стр. 31.

[50] Н. Н. Гурина, Археологические исследования на северо-западе Европейской части СССР. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 72 и сл.

[51] См. Н. Н. Гурина, указ. соч. стр. 66 и сл. Там же приводится карта разме-

Рис. 6. Этническая принадлежность культур I века до н. э. в бассейнах Вислы и Одера (по И. Косшевскому).

гию между текстильной керамикой Приладожья и Обонежья, с одной стороны, и Верхнего Поволжья, с другой стороны, некоторые исследователи допускают, что в этих районах в рассматриваемый период имел место некоторый приток населения из Поволжья.

Укрепленные поселения типа дьяковских с текстильной керамикой обычны в верхнем течении Западной Двины.[52] Аналогичная керамика обнаружена в самом глубоком горизонте культурных отложений Псковского городища. Керамика этого вида найдена также на городищах и современных им открытых поселениях восточных районов Латвийской ССР. Поздняя текстильная керамика обнаружена в юго-восточной Эстонии (рис. 8а). Она проникла и в более западные районы Эстонии и северной Латвии, хотя чаще там встречаются другие виды керамики. При том в керамике Прибалтики, по сравнению с аналогичной керамикой Верхнего Поволжья, наблюдаются некоторые особенности.

Текстильная керамика найдена на укрепленном поселении Кландюкалнс около Риги, на городище Иру близ Таллина и в Асва на о. Сааремаа.[53] Примечательно, что следы влияния дьяковской культуры сказываются на последнем, наиболее западном укрепленном поселении Прибал-

щения археологических памятников в средней части Карело-Финской ССР и дается перечень соответствующей литературы.

[52] Я. В. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины. Древние поселения и городища, Таллин, 1955, стр. 95 и сл.

[53] А. К. Вассар, Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа, табл. XXIV : 8, 12.

тики не только в наличии текстильной керамики, но и в некоторых особенностях остальной керамики.[54] Однако в юго-западную часть современной Латвии, а также в западную Литву свойственная дьяковской культуре текстильная керамика позднего типа не проникла. Предполагая, что текстильная керамика была присуща преимущественно финно-угорским племенам, можно заключить, что названные территории прежнего ареала распространения финно-угорских племен к I тысячелетию до н. э. были в основном захвачены балтийскими племенами. Кое-где среди них, по-видимому, оставались разобщенные остатки финно-угорского населения, из которых дольше других сохранились островки ливов.

Тот факт, что для территорий Эстонии и северной Латвии, как и для Верхнего Поволжья, в рассматриваемый период характерны укрепленные поселения с текстильной керамикой и аналогичными в общих чертах орудиями из кости, привел некоторых исследователей к заключению, что культуру Асва в Прибалтике следует рассматривать как местный вариант дьяковской культуры.[55] В широком смысле слова такая точка зрения может считаться обоснованной. Не говоря уже об археологических памятниках восточной Латвии и юго-восточной Эстонии, сравнительно близко примыкающих к собственно дьяковским памятникам, в материальной культуре северных и западных районов Эстонии и даже в юго-западной Финляндии наблюдаются некоторые существенные дьяковские черты. В разных местных группах дьяковской культуры (в широком смысле) в этот период имеется еще немало общих явлений, которые впоследствии уже не наблюдаются. В общем, различия в культуре разных местных групп, в том числе, с одной стороны, Прибалтики, а с другой — Верхнего Поволжья, постепенно усиливались.

Представляется возможным, что широкое распространение свойственной дьяковской культуре текстильной керамики и прочих связанных с ней явлений из Верхнего Поволжья в Прибалтику, Приладожье, Обонежье и Финляндию явилось результатом не только обычного экономического и культурного общения, но знаменует собой также известные передвижения населения. Для более конкретного освещения этих передвижений наш материал, однако, еще слишком скуден. Более или менее определенно можно сказать пока лишь то, что если в этот период и происходили передвижения некоторых групп населения, то они носили только местный, ограниченный характер, так как сложившиеся в предыдущий период в культуре всей рассматриваемой обширной территории местные особенности не только сохранились, но в некоторой мере даже углубились. Таким образом, несмотря на взаимные связи, дифференциация и взаимное отчуждение разных финно-угорских племен продолжались.

Наиболее заметное отличие между культурой племен Прибалтики и соседней восточной территории заключается в погребальном обряде. Ни в центральных районах дьяковской культуры, ни на ближайших соседних территориях не обнаружено пока следов погребений. Частично это может быть обусловлено недостаточной пока изученностью данных районов. Однако вполне случайным это явление не может быть, так как до сих пор не известно погребений даже в таких сравнительно хорошо обследованных в археологическом отношении районах, как средняя и восточная Финляндия, юго-восточная Эстония и восточная Латвия. На рассматриваемой территории за последние десятилетия обнаружено некоторое количество неолитических захоронений, в общем же их известно пока

---

[54] R. Indreko, Asva linnus-asula, стр. 40.

[55] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 94. C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 206.

немного. В Поволжье выявлено значительно больше погребений, но это по преимуществу грунтовые могилы носителей пришлой фатьяновской культуры. То же относится к Прибалтике и юго-западной Финляндии — большая часть обнаруженных там ранних могильников представляет собой памятники культуры ладьевидных топоров. Начиная с периода, последовавшего за растворением культуры ладьевидных топоров, в местных культурах, на востоке Финляндии и Прибалтики, а также на соседних восточных территориях погребений не обнаружено.

До сих пор не удалось дать удовлетворительного объяснения этому явлению. Причину его приходится искать, скорее всего, в какой-то не известной нам еще особенности погребального обряда, общего для всей этой обширной области. Можно, например, полагать, что покойников хоронили очень близко к поверхности и с незначительным могильным инвентарем или вообще без такового. Независимо от того, чем бы эта особенность ни была обусловлена, она тем более примечательна, что на территориях соседних славянских, западнобалтийских, а также германских племен погребальные памятники I тысячелетия до н. э. встречаются в большом количестве и нередко в виде своеобразных сооружений. Область же распространения дьяковской культуры и находившиеся под сильным ее влиянием территории представлены погребениями только значительно более позднего времени. Они появляются там лишь в первом тысячелетии н. э. и, по-видимому, в связи с продвижением туда славянских племен. В отдельных более западных районах встречаются погребения, связанные с могильными памятниками Прибалтики и западной Финляндии. В Приладожье и Обонежье мы знаем погребения только с конца I и начала II тысячелетий.

Одно из различий между материальной культурой Эстонии и северной Латвии, с одной стороны, и дьяковской культурой — с другой, состоит в том, что в первой текстильная керамика является не единственным и также не господствующим видом керамики. Здесь преобладает керамика другого типа, а именно глиняные сосуды с заштрихованной поверхностью (ср. рис. 8б). Штрихованная керамика встречается, правда, и на территории дьяковской культуры, особенно на поселениях более раннего периода, но наиболее обычной она становится все же в Прибалтике.

Штриховка поверхности глиняных сосудов сама по себе древнее и широко распространенное явление, наблюдаемое во многих районах Европы. И на ямочно-гребенчатой керамике иногда уже встречались следы штриховки. Однако более обычным явлением в Прибалтике, Финляндии и на соседних восточных территориях она становится все же только в эпоху позднего неолита и особенно в бронзовый и ранний железный века. Начиная с середины последнего тысячелетия до н. э. штриховка поверхности глиняных сосудов является в большей части Прибалтики и юго-западной Финляндии более распространенным приемом, чем на соседних территориях (рис. 5). Штрихованная керамика встречалась здесь вплоть до первых веков н. э. В отдельных районах сосуды этого типа отличаются известными особенностями как в форме, так и в характере штриховки поверхности.

Сосуды со штрихованной поверхностью особенно широко вошли в обиход с последнего тысячелетия до н. э. в восточной части современной Литвы и в примыкающих к ней районах Белоруссии и Латвии, в то время как для западной Литвы и юго-западной Латвии этот вид керамики оставался чуждым. В восточной Литве и на указанных соседних территориях сосуды со штрихованной поверхностью составляют одну из специфических

особенностей укрепленных поселений рассматриваемого периода.[56] Материальная культура восточной Литвы приобрела известный местный облик, вероятно, уже в позднем неолите. Если в западную часть территории Литвы культура ладьевидных топоров проникла преимущественно с запада, из района нижнего течения Вислы, то восточная Литва восприняла, очевидно, элементы этой культуры одновременно также и с юго-востока, из Приднепровья, причем из последнего, возможно, даже в большей мере, чем с запада. На востоке, как уже указывалось (стр. 68), очаг культуры боевых топоров рано возник в Среднем Приднепровье. Оттуда же получила свое начало фатьяновская культура Верхнего Поволжья. В юго-восточной Прибалтике, в особенности на востоке Литвы, днепровские и фатьяновские элементы скрещивались с элементами культуры ладьевидных топоров, проникших с запада.

Высказывалось мнение, что поздненеолитическая культура Среднего Приднепровья принадлежала определенным ранним балтийским племенам или какой-то индоевропейской ветви, близко стоявшей к предкам как балтийских, так и славянских племен.[57] Б. А. Серебренников полагает, что балтийские заимствования в поволжских финно-угорских языках происходят от языка племен фатьяновской культуры. Хотя количество установленных пока в поволжских финно-угорских языках балтийских словарных заимствований невелико в сравнении с большим числом балтийских слов, имеющихся в прибалтийско-финских языках, предположение Серебренникова все же не лишено основания. В пользу того, что фатьяновские племена представляли собой какую-то ветвь балтийских или близко стоящих к ним индоевропейских племен, говорит и примечательное сходство фатьяновской и среднеднепровской культур с культурой ладьевидных топоров в Прибалтике. Если предположить, что племена всех этих культур относились к балтийской ветви индоевропейцев, то получает объяснение наличие древней балтийской топонимики в Среднем и Верхнем Приднепровье, а также в Волго-Окском междуречье. Кроме того, была бы разрешена загадка, каким образом еще в XI—XII вв. н. э. близ Москвы могла существовать какая-то часть племени явно балтийского происхождения, летописной голяди.[58]

Таким образом, древнее население восточной Литвы и, вероятно, также соседних юго-восточных частей Латвии сложилось, по-видимому, на основе несколько иных элементов, чем западные литовско-латышские племена. Этот древний субстрат, отличавший восточных литовцев от западных, вошел также в состав сложившихся в северном Приднепровье восточнославянских племен. Согласно этому предположению, восточная часть балтийских племен имеет весьма древнюю общую основу с приднепровскими славянами. Эта и другие выдвинутые здесь гипотезы об эт-

---

[56] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 92. А. Таутавичюс, Восточная Литва в первом тысячелетии н. э. Автореферат диссертации, Вильнюс, 1954, стр. 9. Р. Яблонските-Римантене, О древнейших культурных областях на территории Литвы, Советская этнография, № 3, 1955, стр. 4.

[57] Б. В. Горнунг, Проблема распространения индоевропейской речи в доисторические эпохи, стр. 36.

[58] Предположение, что балтийские заимствования в поволжских финно-угорских языках происходят от племен фатьяновской культуры, Б. А. Серебренников обосновал в докладе, прочитанном им в марте 1956 года в Москве, Вильнюсе и Таллине.

О балтийской топонимике в Приднепровье и в Волго-Окском междуречье, а также о голяди см. M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas, I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, 1932, XXIV, Berlin 1932. K. Buga, Die Vorgeschichte der aistischen (baltischen) Stämme im Lichte der Ortsnamenforschung. Streitberg-Festgabe. Leipzig 1924, стр. 22 и сл. То же на литовском языке: K. Buga, Aiščiu praeitis vietu vardu šviesoje, Kaunas 1924.

нической принадлежности древнего населения Приднепровья, Поволжья и соседних частей Прибалтики нуждаются, правда, еще в более детальном подтверждении с привлечением новых материалов. Но и имеющиеся уже данные позволяют считать эти предположения вполне вероятными, так как они дают довольно естественное объяснение значительным, наблюдаемым по сей день расхождениям в языке и в материальной и духовной культуре восточных и западных литовцев. Одновременно они объясняют и те общие явления, которые языковедение, археология, этнография и антропология отметили у восточных балтийских племен и соседних восточных славян. В рассматриваемый период, а именно в последнем тысячелетии до н. э., эти наблюдающиеся в культуре восточной Литвы и в материалах дьяковских поселений общие черты являлись, очевидно, продолжением древних, восходящих к фатьяновскому периоду, традиций. Как на территории дьяковской культуры, так и в восточной Литве неизвестны пока погребения первого тысячелетия до н. э. Дьяковские памятники объединяют с укрепленными поселениями восточной Литвы также некоторые характерные типы предметов, как, например, известные шляповидные глиняные грузики с зазубренным краем, не встречающиеся в других районах Прибалтики.[59]

Развитие материальной культуры на юго-востоке современной Латвии (на юге Латгалии) шло, по-видимому, по тому же пути, что и в восточной Литве. Но здесь на укрепленных поселениях рассматриваемого периода встречается как штрихованная, так и сетчатая керамика типа дьяковской. Укажем, что среди населения северной части Латгалии, как и северных районов центральной Латвии, в течение продолжительного времени, вплоть до I тысячелетия н. э., а местами даже дольше, сохранялись многие финно-угорские элементы.

На территории Эстонии и северной Латвии, как в укрепленных поселениях, так и в могильниках, штрихованная керамика количественно преобладает над текстильной керамикой.

Наиболее заметным различием в культуре древнего населения территории Эстонии и северной Латвии, с одной стороны, и соседних дьяковских племен, с другой — были указанные уже выше особенности погребального обряда. В то время как обряд погребения покойников и характер могильников на соседних восточных территориях пока остаются неизвестными, в прибрежных частях Прибалтики и Финляндии получают распространение своеобразные монументальные погребальные сооружения.

В I тысячелетии до н. э. на территории Эстонии и северной Латвии появляется новый тип могильников. Возникновение нового обряда погребения и соответствующих могильников было обусловлено, разумеется, в первую очередь развитием соответствующей идеологической надстройки патриархально-родового строя. В общем, можно отметить, что у многих первобытных племен на определенном этапе развития патриархального рода складывается особый культ предков, выражающийся в возникновении разных монументальных могильных сооружений.

Так это произошло, несомненно, и у древних эстонских племен. В рассматриваемый период здесь начинают распространяться построенные из камней и земли курганы определенной конструкции, связанной с соответствующим обрядом погребения. Конструкция этих курганов описывается более подробно в публикуемой ниже статье М. Х. Шмидехельм. Каменные курганы расположены обычно группами и сооружены, очевидно, родовыми или большими семейными общинами. Основание кургана обра-

---

[59] А. Таутавичюс, Восточная Литва в первом тысячелетии н. э., стр. 7, 8. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, рис. 20 (внизу).

зуют один или несколько концентрических кругов из валунов, в которых для покойников построены каменные ящики. Каменный круг и ящики покрыты насыпью из камней и земли. Из этих курганов у эстонских племен в начале I тысячелетия н. э., развиваются позднейшие каменные могильники.

Как уже отмечалось, новый тип могильников появился в связи с тем, что эстонские племена достигли к тому времени определенной ступени социально-экономического развития. Первоначальный тип могильников был, однако, воспринят от соседей. К. Ф. Мейнандер в своем неоднократно упоминавшемся уже труде о бронзовом веке в Финляндии указывает, что аналогичные погребальные памятники уже в последней четверти II тысячелетия до н. э. встречаются в юго-западной Финляндии. Большое количество каменных могильников того же типа расположено вдоль всего западного побережья Балтийского моря. На заимствование этого типа могильных сооружений с запада, из-за Балтийского моря, указывает уже их распространение преимущественно в прибрежных районах Эстонии и Финляндии (рис. 7). О связях в том же направлении свидетельствуют также типы ряда предметов, входящих в инвентарь погребений и поселений рассматриваемого периода.

В сношениях древних эстонских племен с населением западного побережья Балтийского моря промежуточным этапом в известной мере была юго-западная Финляндия, поэтому нам следует остановиться коротко на финляндских археологических памятниках. Как в более ранний период, так и в I тысячелетии до н. э. в материальной культуре Финляндии выделяются два отличных друг от друга района: с одной стороны, юго-запад и ближайшие части побережья, простирающиеся отсюда на восток и на север Финского и Ботнического заливов, а с другой — средняя и восточная Финляндия. Особое положение занимает север Финляндии, который здесь подробно не рассматривается. В юго-западной Финляндии культура бронзового века, начиная с последних веков II тысячелетия, непосредственно развивается из культуры Киукайнен; в середине I тысячелетия до н. э. она уступает, в свою очередь, место непосредственно культуре железного века. Археологические памятники этого района свидетельствуют о том, что в бронзовом веке животноводство и земледелие играли здесь в хозяйстве преобладающую роль по сравнению с охотой и рыбной ловлей.

Поселения, керамика, а также известные формы каменных предметов раннего бронзового века непосредственно связываются с местными памятниками культуры Киукайнен.[60] Таким образом, преемственность развития культуры и непрерывность заселения не вызывают никаких сомнений, хотя в то же время прослеживаются и новые явления в виде каменных курганов и некоторого числа бронзовых предметов скандинавского происхождения. По мнению А. Гакмана и А. М. Тальгрена, появление погребальных сооружений и бронзовых предметов скандинавского типа свидетельствует якобы о том, что материальная культура бронзового века была принесена на финское побережье проникшими из Скандинавии германскими племенами, в то время как обитавшее в средней части Финляндии местное население продолжало жить в условиях каменного века.[61]

Дальнейшие исследования, однако, показали, что такой взгляд был не обоснован. Гакману и Тальгрену в то время не было еще известно, что между поселениями каменного и бронзового веков, а также между могильниками нового типа и поселениями местного коренного населения во мно-

---

[60] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 196 и сл.

[61] A. M. Tallgren, Suomen muinaisuus. Helsinki 1931, стр. 91 и сл. A. M. Tallgren, Suomen skandinaavisesta pronssikaudesta. Societas Scientiarum Fennica, Årsbok — Vuosikirja XV : B, Nr. 5, Helsinki 1937, стр. 11 и сл.

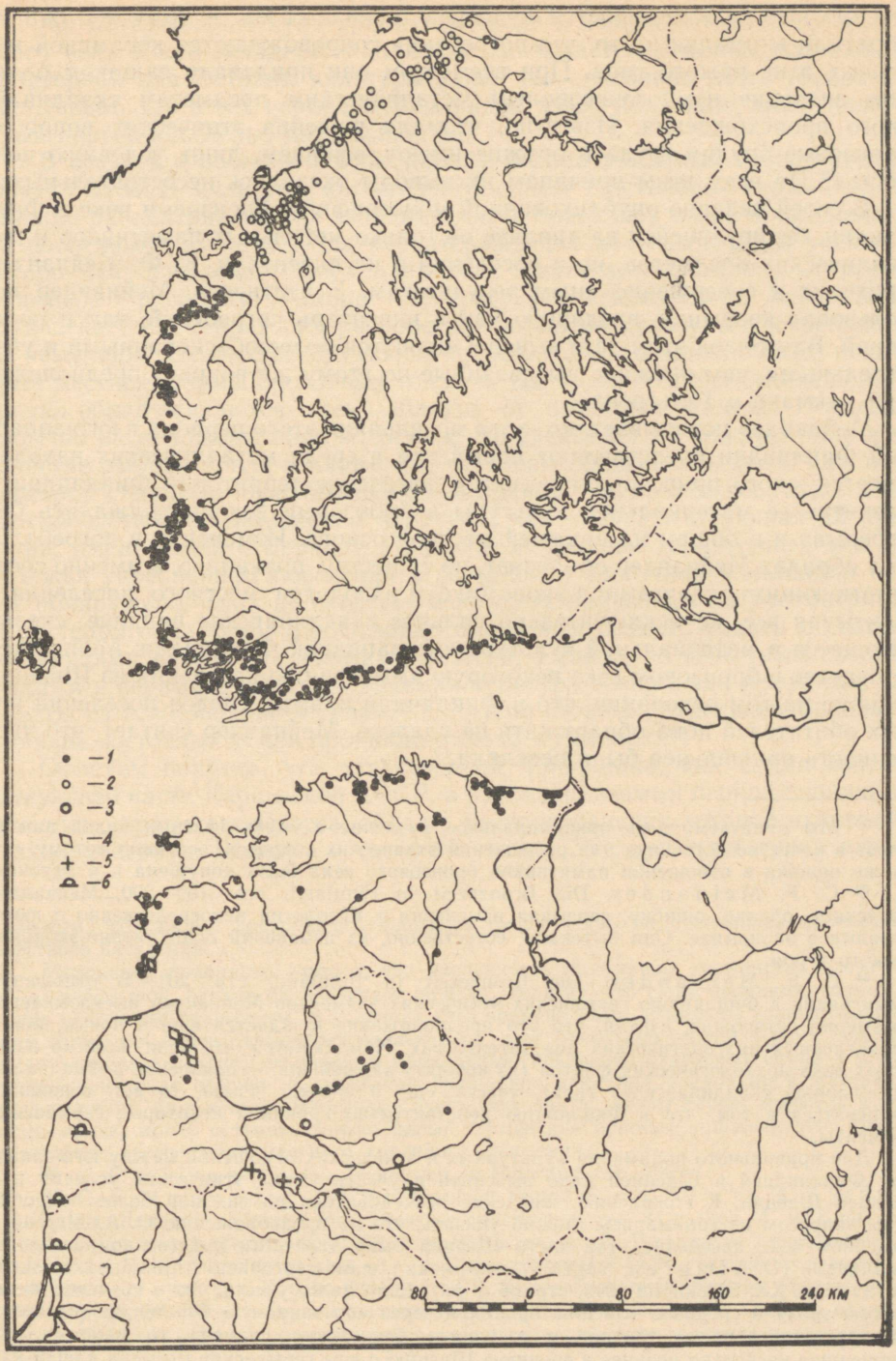


Рис. 7. Типы погребальных памятников в Прибалтике в I тысячелетии до н. э. *1* — каменные курганы с ящиками; *2* — недатированные каменные курганы (на севере Финляндии); *3* — земляные курганы (балтийских племен); *4* — ладьевидные каменные могильники скандинавского типа; *5* — грунтовые погребения (балтийских племен); *6* — курганы с захоронениями в глиняных урнах (балтийских племен). Финские памятники по К. Ф. Мейнандеру.

гих случаях прослеживается непосредственная связь. К тому же, они не обратили внимания на то, что погребения сопровождаются керамикой местного, а не чужого типа. При всем этом они придавали слишком большое значение немногочисленным металлическим предметам скандинавского происхождения. Известно, что для решения этнических вопросов бронзовые орудия труда и оружие имеют, в общем, лишь условную ценность.[62] По всем этим причинам их выводы оказались несостоятельными.

В своей недавно опубликованной монографии о бронзовом веке в Финляндии, базирующейся на анализе не только могильных памятников и металлических предметов, но и поселений и их инвентаря, К. Ф. Мейнандер приходит к совершенно иным результатам. В частности, Мейнандер использовал керамику, входящую как в инвентарь погребений, так и поселений. Благодаря этому его выводы являются более обоснованными и убедительными, чем прежние высказанные по этому же вопросу предположения Гакмана и Тальгрена.

Мейнандер показывает, что хотя могильники этого периода в юго-западной Финляндии представляют новый тип и среди металлических находок имеется много привозных предметов, заселение территории Финляндии и развитие ее материальной культуры в бронзовый век продолжались без перерыва и в общем на прежней местной основе. Изменения в погребальных обрядах Мейнандер объясняет, по существу, правильно, а именно соответствующими сдвигами в экономике и идеологии местного населения.[63] Учитывая все же исключительно сильное скандинавское влияние, сказывающееся в материальной культуре юго-западной Финляндии, Мейнандер допускает в бронзовом веке некоторую иммиграцию населения из Швеции. Однако на том основании, что в Финляндии прямых следов поселений новых обитателей пока обнаружить не удалось, Мейнандер считает, что численность пришельцев была невелика.[64]

---

[62] Мы отмечаем здесь принципиальное различие в оценке разных видов памятников в качестве источника для разрешения этнических вопросов, особенно потому, что та же ошибка в отношении памятников бронзового века была допущена и в Эстонии.

[63] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 199—200. Мейнандер допускает, однако, ошибку, связывая изменения в идеологии непосредственно с изменениями в экономике. Они вытекали, естественно, из изменений общественно-экономического строя.

[64] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 201. В отношении иммиграции в Финляндию германских этнических элементов Мейнандер высказывается чрезмерно осторожно, считая, что это предположение нуждается еще в новых, более определенных археологических доказательствах. Нам кажется, что если, помимо известных пока археологических фактов (из которых важнейший — появление в Финляндии могильников скандинавского типа), учесть еще и данные языка, то нет основания сомневаться в том, что в Финляндию действительно проникли некоторые германские элементы.

Для правильного понимания культурных и этнических отношений между юго-западной Финляндией и Швецией надо выяснить и учесть также этнические условия и в средней Швеции. К сожалению, шведские исследователи до сих пор более подробно этим вопросом не занимались. Можно указать, что по предположению О. Альмгрена в каменном веке население этой части Швеции было этнически родственно населению Финляндии (O. Almgren, Några svensk-finska stenåldersproblem. Antikvarisk Tidskrift för Sverige, XX, Stockholm 1919, стр. 66 и сл.). Если далее учесть, что в позднеолитическую эпоху в среднюю Швецию проникли через юго-западную Финляндию носители культуры ладьевидных топоров, т. е. ранние балтийские племена, то кажется, что пришедшие несколько позднее в среднюю Швецию с юга германские племена нашли как в этой части Швеции, так и на противоположном финском побережье аналогичные культурные и этнические условия. Это благоприятствовало, естественно, их распространению и в Финляндии. Можно даже допустить, что иммигранты, пришедшие в Финляндию, состояли не только из германских элементов, но частично и из групп населения, уже смешавшегося в известной мере в Швеции. Этим, возможно, и объясняется, почему Мейнандеру не удалось до сих пор обнаружить в Финляндии, если не считать Аландские острова, специфических поселений скандинавского типа. Представляется воз-

На материальной культуре, в том числе и керамике, позднего бронзового века в юго-западной Финляндии сказывается заметное влияние характерной для Эстонии культуры Асва. На основании этого Мейнандер допускает, что в тот период в Финляндии имел, возможно, место некоторый приток населения из Эстонии.[65]

В средней и восточной Финляндии в рассматриваемый период продолжает бытовать культура, характеризующаяся текстильной керамикой. Ее можно рассматривать как западную часть описанной выше приладожской и обонежской культуры. Из характерных для нее памятников упомянем особо два: поселение Сарса в приходе Кангасала к востоку от города Тампере и поселение Томица на берегу Онежского озера близ Петрозаводска.[66] На территории распространения этой культуры употреблялись в некотором количестве орудия из бронзы, здесь возникли даже некоторые местные формы бронзовых топоров. На более поздних поселениях нередко обнаруживаются куски шлаков от выплавки железа. Поселения обычно расположены близ водоемов, что указывает на важную роль в хозяйстве рыбной ловли и охоты. Но население занималось здесь уже в некоторой степени и первобытным земледелием [67] и, возможно, также и животноводством. Описываемая культура, как и предшествующая ей культура, имела связи с Верхним Поволжьем. Однако характерных для Поволжья укрепленных поселений в северной и восточной Финляндии пока не обнаружено. Судя по сходству некоторых найденных на рассматриваемой территории форм для отливки бронзовых шейных гривен с соответствующими литейными формами из Асва, а также по известным сходным чертам в керамике, рассматриваемая культура восприняла некоторые элементы из современной Эстонии.[68] С другой стороны, отдельные бронзовые топоры восточных типов проникли отсюда в Эстонию.[69]

Отметим попутно, что для северной Финляндии, как и для соответствующей части Карельской АССР, в рассматриваемый период типична керамика с примесью асбеста, область распространения которой охватывает также северную Швецию и север Норвегии. Эта культура имела извест-

---

можным, что жилые постройки пришельцев существенно не отличались от построек местного населения.

Мейнандер правильно считает, что численность прибывших германских элементов была небольшой, однако он допускает ошибку, полагая, что сюда проникли, возможно, лишь единичные пришельцы. В условиях того времени были возможны только переселения более или менее сплоченных коллективов, а не отдельных людей. Кроме того, как видно по более поздним этническим параллелям, появление отдельных семей в другой этнической среде обычно не оставляло сколь-либо заметных следов ни в материальной культуре, ни в языке. Отчетливые следы, как они в данном случае имеются в финском языке, могли оставить только целые германские общины, проживавшие продолжительное время среди местного коренного населения.

[65] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 206.

[66] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 204 и сл. A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр. 84 и след. А. Я. Брюсов, История древней Карелии, М., 1938, стр. 238 и сл. А. Я. Брюсов, Археологические памятники III—I тысячелетий до н. э. в Карело-Финской ССР. Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР, Археологический сборник, Петрозаводск, 1947, стр. 29, 30. По устному сообщению Н. Н. Гуриной, в настоящее время в пределах Карело-Финской ССР и в соседних районах насчитывается около десятка поселений типа Томицы.

[67] Об этом свидетельствуют некоторые найденные в поселениях этого района зернотерки, см. A. Äyräpää, указ. соч. стр. 95.

[68] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 195.

[69] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 40 (фрагмент топора из Тооноя). Восточное явление представляет собой также топор так называемого мелларенского типа с Муммусааре; ср. A. M. Tallgren, Die sog. Mälaräxte der ostbaltischen Bronzezeit, ÖES Toimetused XXX, Tartu 1938, стр. 722, 723.

Рис. 8-а. Сосуд с отпечатками текстиля на поверхности, из городища Отепя (I тысячелетие до н. э.).

ные связи с Приуральем, и она приписывается саамам, или лопарям.[70] Ввиду того, что между этой культурой и соседней южной культурой типа Сарса — Томица нет резкой границы, а наблюдается постепенный переход, можно полагать, что в переходной зоне обитало смешанное население, состоявшее из саамов и прибалтийско-финских племен.

Эпоха раннего железа (II половина последнего тысячелетия до н. э.) в Финляндии очень бедна археологическими памятниками, которые могут с определенностью датироваться этим периодом. До недавнего времени это объяснялось тем, что в Финляндии в этот период вследствие ухудшения климатических условий или по какой-либо другой причине прежнее население якобы резко поредело. Затем, в начале нашей эры, последовало якобы новое заселение Финляндии предками позднейших финских племен. Такое толкование малочисленности памятников, несомненно, ошибочно. Кажущийся пробел в памятниках обусловлен, по-видимому, отсутствием в могильниках этого периода предметов с характерными датирующими признаками, а также недостаточным изучением поселений и их керамики, а отнюдь не опустением страны. Такие пробелы наблюдались и наблюдаются также и на других территориях, и по мере обнаружения новых материалов или выяснения неизвестных до того обстоятельств эти пробелы

[70] A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр. 78—83, 97 и сл.

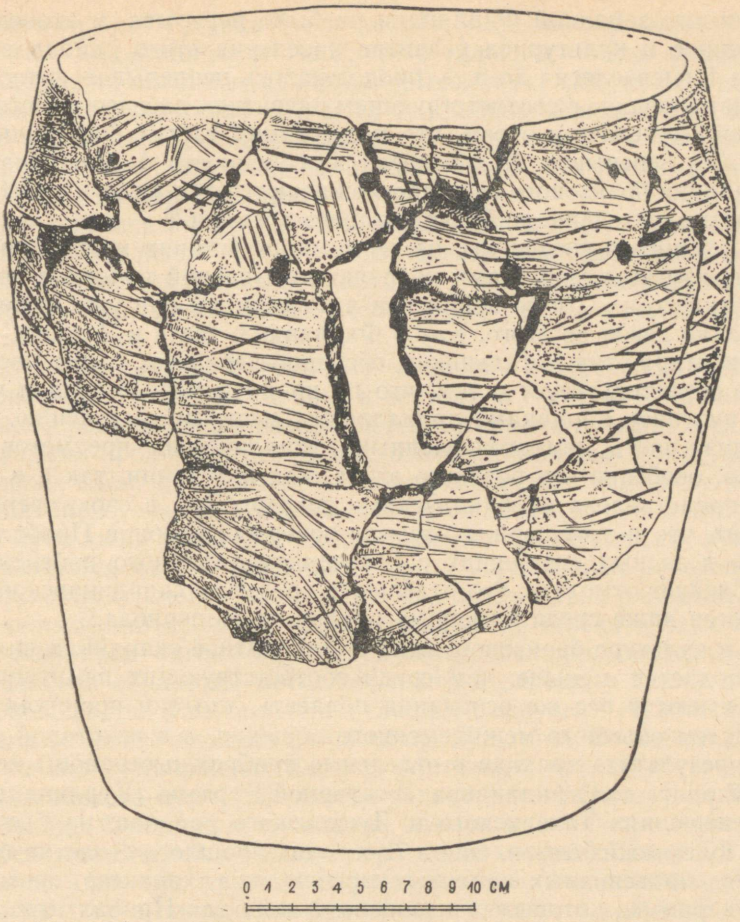


Рис. 8-б. Сосуд со штрихованной поверхностью, из укрепленного поселения Асва на о. Сааремаа (I тысячелетие до н. э.).

восполняются. Работы последних лет показали, что в Финляндии могильники первых веков н. э. по своему характеру примыкают к погребальным памятникам позднего бронзового века, а керамика железного века (пусть на первых порах немногочисленная) непосредственно связывается с керамикой бронзового века.[71] Выявлены даже отдельные характерные могильники, которые более или менее определенно датируются рассматриваемым периодом.[72] Так, например, кажется, что открытый в Пенттала (приход Наккила) могильник железного века, относимый ранее к первым векам н. э., в действительности был заложен несколькими столетиями раньше.[73] Наконец, в юго-западной Финляндии обнаружено и одно укрепленное поселение начала железного века.[74] Все это говорит о том, что в

---

[71] A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр. 77, 82, 90.

[72] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 112, 113.

[73] C. F. Meinander, указ. соч., стр. 175.

[74] A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр. 94, примечание 2 (городище Хаутвуори в приходе Лайтила, на котором найдена сетчатая и в небольшом количестве асбестовая керамика).

заселении юго-западной Финляндии не было перерыва, и экономическое, общественное и культурное развитие населения этого района во второй половине I тысячелетия до н. э. продолжалось непрерывно, в тесном контакте и параллельно с соответствующим развитием населения Эстонии. Нет оснований сомневаться в том, что и в средних частях Финляндии развитие шло без перерывов. Как показал в особенности А. Яюряпяа, в керамике традиции бронзового века прослеживаются там вплоть до VI—VII вв. н. э., а возможно, даже до более позднего времени.[75]

По имеющимся сведениям, на территории Эстонии и северной Латвии каменные курганы с ящиками появляются в первой половине последнего тысячелетия до н. э., в то время как в Финляндии они уже существовали за несколько веков до этого. Как в Финляндии, так и в Эстонии бóльшая часть инвентаря этих могильников, особенно керамика, имеет местный облик. Это свидетельствует о том, что по крайней мере основная часть каменных курганов с ящиками принадлежит местному населению.

Большая часть немногочисленных металлических предметов бронзового века, особенно его позднего этапа, как в Эстонии, так и в северной Латвии представлена скандинавскими типами. Это, в свою очередь, подтверждает, что в этот период племена северных районов Прибалтики находились в тесных сношениях с населением западного побережья Балтики.[76] Следует отметить, что отдельные предметы скандинавского облика встречаются даже среди каменных орудий этого периода.[77]

Хотя в культуре бронзового века в Прибалтике скандинавских элементов наблюдается меньше, чем среди соответствующих памятников Финляндии, имеются все же основания полагать, что они проникли сюда не только путем обычного межплеменного общения, а в некоторой своей части — в результате прихода в отдельные прибрежные районы небольших групп выходцев из Скандинавии. В северной Курземе (Курляндии), в пределах теперешних Талсинского и Дундагского районов, на бывшей территории курземских ливов, еще в 70-х годах прошлого столетия был обнаружен ряд ладьевидных каменных могильников, характер, способ погребения и керамика которых совершенно чужды для Прибалтики. Зато они имеют ближайшие параллели на западном побережье Балтийского моря, в особенности на о. Готланд.[78] На скандинавское происхождение курземских каменных ладьевидных могильников указывал в свое время уже К. Гревингк. Позднейшее исследование этих могильников подтвердило, что во второй четверти или в середине I тысячелетия до н. э. там некоторое время существовало поселение скандинавов. В 1940 году аналогичный ладьевидный могильник был открыт и на полуострове Сырве, на южной оконечности о. Сааремаа. Некоторые могильники того же типа известны и на Аландских островах, где не позднее чем с бронзового века обитали скандинавы, и, наконец, единичные ладьевидные могильники открыты также в южной и западной Финляндии, в том числе на прибрежном участке, рас-

---

[75] См. статью, указанную в примечании 71.

[76] Ed. Šturms, Die Kulturbeziehungen Estlands in der Bronze- und frühen Eisenzeit. ÕES Aastaraamat 1932, стр. 250 и сл. H. Moora, Neue Funde der Bronze- und frühen Eisenzeit. ÕES Aastaraamat 1937, I, стр. 368 и сл.

[77] A. Äyräpää, Nackengebogene Äxte aus Finnland und Estland. ÕES Toimetused XXX, Tartu 1938, стр. 892.

[78] Л. В. Ванкина, Археологические памятники I тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLII, 1952, стр. 73. Ed. Šturms, Die bronzezeitlichen Funde in Lettland. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 19.—23. VIII. 1930. Rigae 1931, стр. 111 и сл. C. Grewingk, Die Steinschiffe von Musching und die Wella-Laiwe oder Teufelsböte überhaupt. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, Bd. IX, Dorpat 1879.

положенном к северу от Кунда [79] (ср. рис. 7). В противоположность каменным курганам, ладьевидные могильники остались в общем чуждым для местного населения явлением и, как свидетельствует сам по себе немногочисленный их инвентарь, если не все, то по крайней мере часть из них принадлежала населению скандинавского происхождения. О соприкосновениях со скандинавами, или северными германцами, как увидим ниже, свидетельствуют и языковые данные.

Эстонские племена имели в рассматриваемый период тесные связи и с юго-западными соседями — с западнославянскими племенами. Эти связи являлись продолжением тех связей, которые существовали у древних обитателей Прибалтики с населением Повисленья уже со времен культуры ладьевидных топоров.

После распада славяно-балтийской общности материальная культура племен, обитавших, с одной стороны, к востоку, а с другой — к западу от устья р. Вислы развивалась в известной мере разными путями, хотя между обеими группами продолжались тесные взаимоотношения. Культура древних славянских племен в междуречье Вислы и Одера, в том числе и на побережье Балтийского моря, в последнем тысячелетии до н. э. известна под названием лужицкой культуры. Характерными памятниками лужицкой культуры являются поля погребальных урн и укрепленные поселения. Хозяйство лужицких племен основывалось на сравнительно развитом земледелии и животноводстве. Земля обрабатывалась не только мотыгами, но и ралом на животном тягле. Археологические находки свидетельствуют также о развитии обработки металлов, кости и дерева, а также о значительном совершенстве в изготовлении глиняной посуды.[80] Лужицкая культура оказала заметное влияние на соседние культуры. Ее влияние сказывается не только у балтийских племен, обитавших на юго-восточном побережье Балтийского моря, оно прослеживается и севернее — в Эстонии и на юго-западе Финляндии; лужицкие элементы проникли даже на западное побережье Балтийского моря, вплоть до средней Швеции.[81]

В Эстонию элементы лужицкой культуры проникли двояким путем: с одной стороны, через посредство балтийских племен, а с другой — в результате непосредственного контакта славянских племен с эстонскими. От лужицкой культуры древние эстонские племена восприняли известные типы бронзовых орудий труда, некоторые технические приемы бронзового литья; от славянских соседей заимствовано ярмо и, возможно, также древнейший тип рала. Первобытное пашенное земледелие проникло, таким образом, в конце I тысячелетия н. э. в Прибалтику, по-видимому, от лужицких племен. По происхождению лужицкими являются и наиболее ранние из найденных в Эстонии орудий обработки льна.[82] О тесных связях древних эстонских племен с западнославянскими племенами свидетельствует, наконец, и обнаруженная на поселениях культуры Асва керамика лужицкого типа (рис. 9).

Следы разносторонних культурных связей с германскими и западнославянскими племенами сохранились как в эстонском, так и в других прибалтийско-финских языках.[83] Эти заимствования по своему характеру полностью согласовываются с теми связями между прибалтийско-финскими

---

[79] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 106, 112. C. F. Meinander, Etelä-Pohjanmaan esihistoria. Etelä-Pohjanmaan historia I, Helsinki 1950, рис. 48 (Муурхасто в приходе Лайхиа).

[80] Общую характеристику лужицкой культуры см. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 70. Там приводится и соответствующая польская литература.

[81] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 33, 150, 177, 202 и др.

[82] А. К. Виссар, Укрепленное поселение Асва на о. Сааремаа, стр. 120.

[83] E. N. Setälä, Suomensukuisten kansojen esihistoria, стр. 156 и сл., 160 и сл.

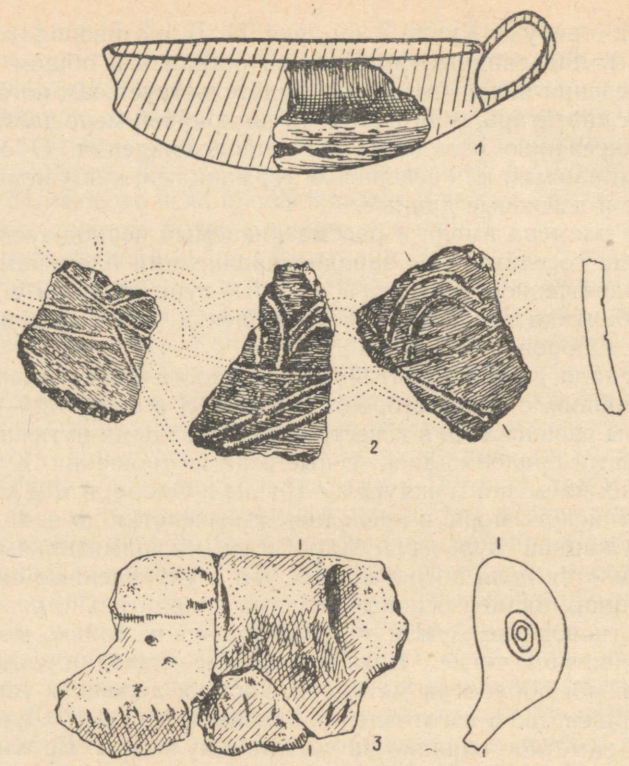


Рис. 9. Керамика лужицкого типа из укрепленного поселения Асва на о. Сааремаа (I тысячелетие до н. э.). *1* — плоская миска с ушком (реконструкция); *2* — обломки сосуда с желобчатым орнаментом; *3* — обломок сосуда с ушком и насечками вдоль ребра. (1 — прим. 1/3, 2 и 3 — 2/3 нат. велич.)

племенами и их германскими и славянскими соседями, которые прослеживаются на памятниках материальной культуры. Однако в вопросе о времени и путях проникновения германских и славянских элементов в прибалтийско-финские языки между археологами и языковедами до настоящего времени имеются существенные разногласия.

Ранние германские заимствования в прибалтийско-финских языках, в том числе и в эстонском, датировались до сих пор первыми веками нашей эры. Эта дата фигурировала уже начиная с 1870-х годов, когда появилось крупное исследование В. Томсена о влиянии германских языков на прибалтийско-финские языки.[84] Но с тех пор наши представления об истории этих обеих языковых и племенных групп претерпели значительные изменения.

Одним из оснований для датирования германских заимствований служит язык дошедшего до нас от IV века фрагмента готского перевода библии Вульфилы (Ульфилы). Германские заимствования в прибалтийско-финских языках представляют в общем несколько более ранюю ступень развития этих языков, чем готский язык Вульфилы. С другой стороны,

---

[84] V. Thomsen, Den gotiske Sprogklasses Indflydelse paa den finske. København 1869. То же на немецком языке: W. Thomsen, Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die finnisch-lappischen. Halle 1870.

германские элементы, судя по известным фонетическим признакам, были восприняты позднее, чем вышеупомянутые ранние балтийские заимствования. Так как последние датировались до того второй половиной I тысячелетия до н. э., Томсен, а вслед за ним Сетяля пришли к заключению, что ранние германские элементы вошли в состав прибалтийско-финских языков, по-видимому, в начале нашей эры.

Следует, однако, отметить, что вопрос датировки отдельных заимствованных слов вызывал споры и среди самих языковедов. Дело в том, что в прибалтийско-финских языках наряду с некоторыми словами германского происхождения, близкими по своей форме к языку Вульфилы, имеются и другие, предполагающие значительно более ранние германские формы, древнескандинавские и даже общегерманские, или «протогерманские» формы.[85] Вследствие этого некоторые лингвисты, как финский германист Т. Э. Карстен и шведский финноугровед К. Б. Виклунд, придерживались точки зрения, согласно которой прибалтийско-финские языки восприняли наиболее ранние германские слова значительно раньше, чем это полагал Томсен, а именно уже в середине I тысячелетия до н. э.[86] Из этого, естественно, вытекало, что балтийские заимствования следовало датировать соответственно более ранним временем.

Как указывалось выше, археологические факты дают основание полагать, что проникновение балтийских слов в прибалтийско-финские языки началось, по-видимому, уже в первой половине II тысячелетия до н. э. Таким образом, ни археологические, ни языковые данные не ставят нас в необходимость относить германские заимствования к такому позднему и сжатому отрезку времени, как это полагали Томсен и Сетяля.

Проникновение германских элементов в прибалтийско-финские языки не только началось, по-видимому, раньше, но и продолжалось дольше, чем это полагали до сих пор. Если исходить из этого положения, то, помимо прочего, получает естественное объяснение разновременный фонетический состав разных заимствований, остававшийся до сих пор непонятым.

Далее, спорным оставался до настоящего времени также вопрос, от каких германских племен восприняты указанные заимствования. Томсен и его последователи считали, что главным их источником является язык обитавших на европейском материке восточногерманских племен, в частности наиболее восточных из них — готов. Но, как неоднократно указывали некоторые исследователи, фонетический состав многих заимствованных слов определенно свидетельствует о том, что их основой были не готские, а северогерманские, т. е. скандинавские формы. К. Б. Виклунд и Т. Э. Карстен, изучавшие этот вопрос в позднейшее время, полностью отрицают готское происхождение германских заимствований и полагают, что в прибалтийско-финских языках их источником были северогерманские диалекты.[87]

---

[85] E. N. Setälä, Suomensukuisten kansojen esihistoria, стр. 158.

[86] T. E. Karsten, När nådde finnarna Östersjön och när trädde de i beröring med germaner? Den östersjöfinskan *linna*-borgens ursprung. Societas Scientiarum Fennica Årsbok—Vuosikirja, XVIII B, Nr. 2, Helsingfors 1940, стр. 21. В этой статье Карстен перечисляет как свои работы, так и соответствующие ранние работы Виклунда.

В своих работах Т. Э. Карстен защищал точку зрения, согласно которой начиная с середины I тысячелетия до н. э. в Финляндии якобы непрерывно обитали скандинавы, т. е. что предшественники теперешнего шведского населения в Финляндии уже появились там в столь ранний период. Археологический материал не подтверждает этого предположения. Надо полагать, что ранние германские обитатели растворились среди коренного населения и что предшественники теперешнего шведского населения проникли в Финляндию позднее.

[87] K. B. Wiklund, Den svenska befolkningens ålder i Finland. Fornvännen 1933, Stockholm 1933, стр. 95 и сл. Ср. также M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte, III. Bd., Berlin 1925, „Finno-Ugrier", стр. 370 (К. Б. Виклунд).

Археологические факты, с которыми мы познакомились выше, во всех отношениях подтверждают взгляды Карстена и Виклунда. Правда, до сих пор в вопросе о дате и происхождении германских заимствований археологи безоговорочно придерживались мнения Томсена, пытаясь, со своей стороны, найти ему подтверждение в археологическом материале. Виклунд в связи с этим резко упрекал археологов.[88]

Ввиду того, что старая точка зрения по вопросу о происхождении германских заимствований в прибалтийско-финских языках в значительной степени основывалась на неправильном понимании роли готов и их «государства» в Восточной Европе, в том числе и в Прибалтике, нам следует здесь коротко остановиться на готском вопросе. В настоящее время вряд ли кто может считаться серьезно с господствовавшим в прошлом веке среди многих, в особенности германских, историков фантастическим представлением о великом готском «государстве». Согласно этой концепции, в первых веках нашей эры готское государство простиралось от Черного до Балтийского моря и до верховьев Волги; все народности и племена, обитавшие на этом огромном пространстве, были якобы подчинены власти готских королей и испытали, следовательно, на своей культуре сильное готское влияние. Это антиисторическое представление базировалось на некритическом толковании сведений, взятых у древних авторов, особенно из дошедшего до нас от VI века и во многом явно тенденциозного труда епископа Иордана «О готах».[89] В наше время не может быть сомнения, что при том уровне общественного развития, на котором находились готы, обитавшие в первых веках н. э. в северо-западном Причерноморье среди скифо-сарматских, фракийских и других местных племен, у них не могло существовать устойчивое государство. Речь может идти лишь о временных племенных союзах или варварских государственных образованиях. Эти непостоянные государственные образования, хотя и возглавлялись готской знатью, были пестрыми по своему этническому составу и как таковые не могли оказать какого-либо определенного влияния на культуру соседних племен. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы не позволяют говорить о воздействии готов Причерноморья на культуру племен отдаленной от него Прибалтики. Изучение археологических памятников современной Калининградской области и соседних территорий показывает беспочвенность выдвинутого в свое время предположения о том, что в этом районе обитали некогда готы, и что именно они сыграли роль «культуртрегеров» по отношению к Прибалтике.

Иначе обстояло дело во время Томсена. Тогда такого рода предположения были не только возможными, но они, как и другие подобные им представления, принимались за истину даже крупными авторитетами. Такие известные археологи, как И. И. А. Ворсо в Дании, О. Монтелиус в Швеции, И. Ундсет в Норвегии и И. Р. Аспелин в Финляндии, не только приписывали готам важную культурную роль на обширной территории между Балтийским и Черным морем, но считали также, что готы представляли собой ведущий слой населения названных частей Восточной Европы.[90] К. Гревингк, положивший начало археологической

A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis I. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis, B III : 6, Dorpat 1922, стр. 124, примечание 1 (В. Вигет).

[88] K. B. Wiklund, Den svenska befolkningens ålder i Finland, стр. 109.

[89] О готах и Иордане см. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 144, 145. Ср. также J. Hoops, Reallexikon der germanischen Altertumskunde, II. Bd., Strassburg 1913—15, „Jordanes" (К. Кампе).

[90] Взгляды Томсена и упомянутых археологов коротко изложены в работе A. Hackman, Die ältere Eisenzeit in Finnland I, Helsingfors 1905, стр. 336 и сл. Вслед за Гакманом обзор разных взглядов на этнические условия в Прибалтике дает также R. Hausmann, Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen

науке в Прибалтике, также пытался всячески доказать, что здесь среди коренного населения финно-угорского и балтийского происхождения в начале нашей эры обитали готы. По его мнению, готы представляли собой господствующий слой, между тем как местные племена стояли якобы на низком уровне культурного развития.[91] Сам Гревингк, а по его следам и первый эстонский археолог-любитель Ян Юнг считали, что следами готов на территории Эстонии являются, помимо «готских» могильных каменных сооружений, также и топонимы, как *Кодиярве*, *Кодавере* и др. Кстати, в то время большинство языковедов и других исследователей предполагали, что прибалтийско-финские племена проникли с востока в Прибалтику только около VIII века н. э.

При господстве таких взглядов вполне естественно, что Томсен считал источником проникших в прибалтийско-финские языки германских заимствований готский язык, от которого к тому же сохранился древний датированный памятник в виде фрагментов перевода библии Вульфилы. Так как по наиболее распространенному в то время мнению прибалтийско-финские племена в начале нашей эры должны были обитать где-то между Ладожским озером и верхним течением Западной Двины, Томсен полагал, что указанные германские элементы были восприняты финскими языками от готов, живших в пределах позднейшей центральной России или Прибалтики.

К началу текущего столетия представления об обитавших на рассматриваемой территории племенах и их взаимоотношениях претерпели существенные изменения. Тем не менее, как языковеды, так и археологи продолжали придерживаться устаревших концепций Томсена, несколько лишь видоизменив их.

В противоположность Гревингку, приписывавшему материальную культуру начала нашей эры в Прибалтике, особенно на территории Эстонии, готам, уже в конце прошлого века некоторые русские ученые как, например, профессор Тартуского университета П. С. Висковатов,[92] а также московский этнограф и археолог Н. Н. Харузин,[93] считали, что эта культура была создана местным коренным населением. Однако влиятельные прибалтийско-немецкие исследователи игнорировали их мнение. Примерно в то же время немецкий археолог и исследователь балтийских языков А. Бецценбергер доказал, что древними обитателями юго-восточного побережья Балтийского моря к востоку от устья р. Вислы были не готы, а балтийские племена. Но и его мнение вначале не нашло поддержки.

Новый в известной степени этап в изучении истории прибалтийско-финских племен ознаменовался появлением в 1905 году капитального труда А. Гакмана о раннем железном веке в Финляндии. В этой работе Гакман неоспоримо доказал, что финские племена населяли юго-западную Финляндию уже в первых веках нашей эры.[94] Он пытался также показать, что эти племена проникли туда из Эстонии и что, продвигаясь затем с за-

---

im letzten Jahrzehnt. Arbeiten des Ersten Baltischen Historikertages zu Riga 1908, Riga 1909, стр. 41 и сл.

[91] Ср. C. Grewingk, Erläuterungen zur Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisenalters von Liv-, Est- und Kurland. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, XII. Bd., Dorpat 1884, стр. 104 и сл. C. Grewingk, Der schifförmige Aschenfriedhof bei Türsel. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, XIII. Bd., Dorpat 1888, стр. 84 и сл.

[92] Труды VII Археологического съезда в Ярославле, 1887, том II, М., 1891, стр. 131 и сл.

[93] Н. Н. Харузин, Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также в Лифляндской и Курляндской губерниях по трудам местных исследователей. Временник Эстляндской губернии, кн. I, 1893 год, Ревель, 1894, стр. 189 и сл.

[94] A. Hackman, Die ältere Eisenzeit in Finnland I, Helsingfors 1905.

пада на восток, они постепенно заселяли центральные районы Финляндии. Из работы Гакмана вытекало, что прибалтийско-финские племена должны были уже несколько ранее обитать на территории Эстонии. Результаты этой работы также долго игнорировались прибалтийско-немецкими исследователями,[95] но финские и скандинавские археологи, языковеды и историки встали постепенно на точку зрения Гакмана, и в Финляндии она признается и по сей день.

Гакман относил появление прибалтийско-финских племен в Прибалтике к значительно более раннему периоду, чем большинство предшествовавших ему исследователей, но в остальном придерживался в общем взглядов Томсена и его хронологии. Гакман считал, что прибалтийско-финские языки восприняли германские элементы в первых веках н. э. от германцев, живших среди финно-угорского населения Прибалтики. По его мнению, прибалтийско-финские племена усвоили здесь же от германцев основные элементы своей материальной культуры и перенесли затем эту «полугерманизированную» культуру и в Финляндию.[96]

А. М. Тальгрен пытался, со своей стороны, уточнить взгляды Гакмана. Им было высказано предположение, что прибалтийско-финские племена появились в Эстонии за несколько веков до н. э. с соседней восточной территории, характеризуемой дьяковскими памятниками; в Прибалтике они якобы восприняли от германцев (готов) более высокую культуру. Тальгрен заметил, что между культурой северных и южных районов Прибалтики прослеживалось четкое различие и сделал из этого заключение, что уже примерно на рубеже нашей эры к югу от древних эстонцев обитали литовско-латышские племена.[97]

Богатый археологический материал, собранный позже в Эстонии, Латвии, Литве и в бывшей Восточной Пруссии, показал, что прежняя гипотеза о наличии в Прибалтике в первых веках н. э. германских колоний не имела под собой почвы. По мере накопления материала все более выяснялось, что нет никакого основания считать материальную культуру этой территории германской или даже полугерманской; эта культура сложилась на местной основе в непосредственной связи с общественно-хозяйственным развитием коренного населения Прибалтики.

Большинство прослеживаемых в материальной культуре прибалтийско-финских племен германских элементов было воспринято названными племенами в последнем тысячелетии до н. э., между тем как в первых веках н. э. германское культурное влияние было слабее. Есть все основания полагать, что соответственно этому и большинство лексических заимствований из германских языков проникло в прибалтийско-финские языки значительно раньше, чем предполагали Томсен и его последователи, а именно в последнем тысячелетии до н. э. Основная масса этих заимствований никак не может быть отнесена к первым векам н. э., когда, по

---

[95] Так, например, А. Фриденталь, занимавшийся в качестве археолога памятниками первых веков н. э., еще в 1928 году придерживался мнения, что прибалтийско-финские племена появились на территории Эстонии только в середине I тысячелетия н. э. См. M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. XIII, Berlin 1928—29, „Südostbaltikum", стр. 29 (А. Фриденталь).

[96] Ср. M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. III, Berlin 1925, „Finnland", стр. 338 (А. Гакман).

[97] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis I, стр. 124 и сл. На различия между памятниками первых веков н. э. северных и южных районов Прибалтики обратил внимание А. Фриденталь еще в 1912 году. На основании этого явления А. Фриденталь поднял, хотя и неуверенно, вопрос о возможном разнородном этническом составе населения соответствующих районов. См. A. Friedenthal, Ein Versuch zur Herstelung baltisch-archäologischer Typenkarten. Mannus, Zeitschrift für Vorgeschichte, Bd. XV, Leipzig 1923, стр. 118.

данным археологии, контакт прибалтийских племен с германскими, по сравнению с прежним, значительно ослабел.

Под давлением все возрастающего фактического материала немецкие археологи были вынуждена отказаться от своего устаревшего и необоснованного предположения о существовании германских элементов в Прибалтике, в том числе и на территории древнепрусских племен, в первых веках н. э. Они продолжали тем не менее упорно отстаивать мнение, что южное побережье Балтики, в том числе и низовья реки Вислы, являлось древней германской территорией. Особенно усердно эту концепцию пытались обосновать Г. Коссина и его школа. Хотя Коссина, несомненно, имеет немалые заслуги в развитии своей отечественной археологии, его следует все же в общем расценивать как типичного для своего времени поборника идеологии германского империализма. Коссина и его последователи пытались научными, на первый взгляд, средствами доказать, что восточная Германия, исконная территория древних славян, на протяжении тысячелетнего отрезка времени, примерно от V века до н. э. до V века н. э., принадлежала якобы восточногерманским племенам и что славяне появились там позднее. Его труды пронизаны мистической идеей «духовного» превосходства германцев над другими народами, он полагал, что вследствие этого германцы сыграли по отношению к своим соседям роль «культуртрегеров». Эта идея, конечно, ничего общего с наукой не имеет.

Благодаря авторитету, которым пользовалась немецкая наука, мнение Коссины и его последователей о том, что на рубеже и в начале нашей эры Повисленье было чисто германской территорией, принималось за истину многими учеными и за пределами Германии. Этот взгляд разделял в своих прежних работах и автор настоящей статьи. Предполагая, что в Повисленье обитали восточногерманские племена, казалось, что связи, прослеживаемые в археологическом материале первых веков н. э. между Нижним Повисленьем и северной Эстонией соответствуют тем германо-финским отношениям, следами которых являются «готские» заимствования в лексике прибалтийско-финских языков, датированные Томсеном именно этим периодом.

Сопоставление указанных лексических заимствований с предполагаемыми «восточногерманскими» элементами в материальной культуре населения северной Эстонии наталкивалось, правда, и на некоторые трудности. Так, например, характер некоторых лексических заимствований заставлял предполагать наличие в Прибалтике германских колоний. Существование здесь в первых веках н. э. поселений выходцев из Повисленья — предполагаемых германцев — не находило себе, однако, подтверждения в археологическом материале. Но этому и другим, на первый взгляд небольшим противоречиям прежде не придавалось особого значения.

Между тем в результате новых исследований, в особенности работ польских и чешских археологов и лингвистов, посвященных проблеме этнической принадлежности так называемых лужицких племен, все более определенно выяснялась исконность славянского населения на Висле и Одере. Во второй половине последнего тысячелетия до н. э. в северной, прибрежной части междуречья Одера и Вислы среди славян все же, очевидно, обитали и некоторые германские племена.[98] Повисленье, в особенности правобережье Вислы, было по преимуществу славянской территорий. Рис. 6. воспроизводит составленную известным польским археологом

[98] См. K. Jaźdźewski, Atlas to the prehistory of the Slavs. Acta Praehistorica Universitatis Lodziensis I. Łódź 1948, стр. 63 и сл. П Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 131 и сл. В указанных работах приводится соответствующая польская археологическая литература.

И. Косшевским карту, которая показывает в общих чертах культурные и этнические группы в бассейнах Вислы и Одера в последнем веке до н. э. Несмотря на то, что этническая принадлежность культур названной территории еще не может считаться окончательно установленной, можно, исходя из предположения о том, что в данный период в низовьях Вислы обитали в основном славянские племена, наиболее правдоподобно объяснить отражающиеся в языках и культуре племен Прибалтики связи с древним населением этого района. Укажем, что к тому же выводу об этнической принадлежности обитателей Повисленья пришла и М. Х. Шмидехельм [99] в своем исследовании памятников начала нашей эры в Эстонии.

Готы и некоторые другие восточногерманские племена до проникновения в Причерноморье обитали где-то на южном побережье Балтики, очевидно западнее устья Вислы. Отсюда они двинулись на юг через славянские земли, так же как несколько раньше западногерманские племена кимвров и тевтонов прошли на юг через территорию кельтов.

По данным археологии, между населением Прибалтики, в особенности балтийскими племенами, и племенами, обитавшими в Повисленье, имели место оживленные меновые и культурные сношения. Материальная культура балтийских племен восприняла из Повисленья много существенных элементов. Тем не менее в балтийских языках не прослеживается сколько-нибудь заметных заимствований из германских языков. Этот факт может служить убедительным доказательством того, что основным населением соседнего Повисленья были не германцы, а близко родственные балтийским племенам славяне.

Таким образом, прежняя гипотеза о существовании в Прибалтике в начале нашей эры восточногерманского населения и о значительном его воздействии на развитие культуры прибалтийских финнов и балтийских племен не имеет под собой почвы. Поэтому нет также оснований полагать, что прослеживаемые в прибалтийско-финских языках многочисленные заимствования были восприняты из восточногерманских диалектов. Тем самым оказывается необоснованным и предположение, что все эти заимствования относятся к первым векам н. э.

Возвращаясь после этого отступления снова к конкретному материалу, хочется отметить, что заимствованная германская лексика отражает по своему составу и характеру в общем известные нам по археологическим памятникам культурные и социально-экономические условия последнего тысячелетия до н. э. Так, например, к древнейшим германским заимствованиям принадлежит слово *raud* 'железо'.[100] Заимствование этого слова в начале нашей эры уже не было бы понятным, но на 500—700 лет раньше, когда, по данным археологии, племена Прибалтики впервые познакомились с железом, это было вполне естественно. Другое древнее германское слово *mõõk* 'меч' означает оружие, которое впервые встречается в Прибалтике и Финляндии в позднем бронзовом веке (примерно в первой четверти

---

[99] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин, 1955, стр. 211 и сл.

[100] См. M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte, III. Bd., Berlin 1925, „Finno-Ugrier", стр. 370 (К. Б. Виклунд).

На древность важного для археологов слова *raud* и еще некоторых других слов, а также на их значение для изучения культурных отношений между прибалтийско-финскими и германскими племенами обратил внимание автора данной статьи профессор К. Б. Виклунд в письме от 1933 года в связи с дискуссией по этому вопросу. В то время автор относился к мнению Виклунда скептически. Но впоследствии, уже через несколько лет после смерти Виклунда, был вынужден присоединиться к его мнению, после того, как была открыта культура Асва и выяснилась новая картина культурных условий в последнем тысячелетии до н. э.

последнего тысячелетия до н. э.). Другие заимствованные слова отмечают дальнейшее развитие земледелия (*kaer* 'овес', *põld* 'поле', *ader* 'рало') или животноводства (*lammas* 'овца', *laut* 'хлев'), а также общественно-экономических отношений (*kuningas* 'король', первоначально, очевидно, название старейшины или военачальника; *pant* 'залог', *varas* 'вор') или же поверия (*haldjas* 'дух-покровитель') и т. д. Эти и другие понятия соответствуют социально-экономическим условиям, сложившимся, судя по археологическим источникам, в последнем тысячелетии до н. э.

Языковеды обратили внимание на то, что наряду с лексикой, обозначающей культурные понятия, среди германских заимствований встречаются и слова другого значения, как, например, *armas* 'милый', *kaunis* 'красивый' или название части тела — *kurk* 'горло' и др. Эти слова никак не могли быть заимствованы в результате обычных культурных или меновых сношений, а предполагают более тесный контакт между прибалтийскими финнами и их германскими соседями. Об этом свидетельствует и заимствование могильных сооружений и обряда погребения. Все это получает вполне естественное объяснение, если вспомнить вышесказанное о наличии в последнем тысячелетии до н. э. временных германских колоний на ливской территории и местами на побережье Эстонии и Финляндии. Заимствование терминологии, связанной с верованиями и культом, а также некоторых других приведенных выше слов, позволяет полагать, что вокруг этих колоний существовало в течение некоторого времени этнически смешанное население.

Распространение заимствованной германской лексики в прибалтийско-финских языках соответствует в общих чертах и топографии скандинавских элементов в материальной культуре рассматриваемого периода (ср. рис. 7). Наибольшее количество скандинавских элементов прослеживается в археологическом материале Финляндии, где они встречаются уже начиная с конца II тысячелетия до н. э. Больше всего ранних германских заимствований встречается в финском языке. В эстонском языке их примерно в два раза меньше.[101] В Эстонии обнаружено соответственно меньше и археологических памятников скандинавского типа, к тому же они появляются здесь несколько позднее, чем в Финляндии, а именно в начале последнего тысячелетия до н. э. В Эстонии, как и в Финляндии, количество памятников скандинавского типа, а также германских элементов в местных языках убывает по направлению с запада на восток. Таким образом, заимствованная германская лексика распространилась в основном от западных прибалтийско-финских племен к восточным. Так как заимствования из германских языков по своему содержанию и географическому распространению довольно точно совпадают с соответствующими явлениями скандинавского типа в археологическом материале последнего тысячелетия до н. э., то и дата проникновения этих заимствований должна соответствовать дате появления упомянутых элементов материальной культуры. Соприкосновения между прибалтийско-финскими, особенно между финскими, племенами и их скандинавскими соседями и даже некоторыми более далекими германскими племенами продолжались в первых веках нашей эры, а также в последующие столетия. В связи с этим отдельные германские слова были восприняты прибалтийско-финскими языками, вероятно, и в позднейшее время, но основная масса германских лексических заимствований относится явно к рассматриваемому периоду, т. е. к последнему тысячелетию до н. э.

Как уже отмечалось, значительную роль в развитии культуры племен Прибалтики сыграло общение с древними с л а в я н а м и. Соприкоснове-

[101] K. B. W i k l u n d, Den svenska befolkningens ålder i Finland, стр. 103.

ния с древнеславянскими племенами начались, по-видимому, значительно раньше, чем полагали до сих пор. К этому выводу приводят нас как археологические, так и лингвистические данные.

Мы видели (стр. 95), что начиная с первой половины последнего тысячелетия до н. э. в материальной культуре прибалтийско-финских племен прослеживается ряд элементов лужицкой культуры. В настоящее время уже не приходится сомневаться в том, что лужицкая культура в Повисленье и в междуречье Вислы и Одера принадлежала древнеславянским племенам.

Среди финноугроведов господствовало до сих пор мнение, что прибалтийские финны вступили в непосредственные соприкосновения со славянами только после того, как восточные славяне в середине первого тысячелетия н. э. прошли из Приднепровья в позднейшие Псковские и Новгородские земли. Датируя начало проникновения славянских заимствований в прибалтийско-финские языки примерно VI веком н. э., уже Э. Н. Сетяля заметил, что некоторые из них (например, слова *ike* 'ярмо' и *kimalane* 'шмель') по своему звуковому составу кажутся намного более древними, показывая форму, характерную для общеславянской речи.[102] Как видно из опубликованной в настоящем сборнике статьи П. А. Аристэ, советские языковеды, исходя из чисто лингвистических соображений, стали на ту точку зрения, что соприкосновения между прибалтийскими финнами и славянами начались раньше, чем предполагалось до сих пор, а именно в последнем тысячелетии до н. э. Того же мнения придерживается и известный польский лингвист Т. Лер-Сплавинский.[103]

Предполагая, что прибалтийско-финские племена могли вступить в контакт со славянами только после выхода восточных славян в район Пскова — Новгорода, никак нельзя было объяснить проникновение указанных ранних славянских элементов в эстонский и другие прибалтийско-финские языки. Наличие этих ранних заимствований получило, однако, простое и естественное объяснение после того, как выяснилось, что в последнем тысячелетии до н. э. низовья Вислы были заселены не германцами, как это утверждали немецкие исследователи, а славянскими племенами, предками упоминающихся в древних источниках венедов, или вендов. После того, как новые археологические материалы, особенно памятники культуры Асва, подтвердили, что у древних эстонских и финских племен существовали тесные связи с древнеславянскими, лужицкими племенами, проникновение древней славянской лексики в прибалтийско-финские языки перестало быть загадкой. Стало понятным также происхождение в прибалтийско-финских языках древнего этнонима, обозначающего славян — *venelased* — от названия венедов. Прибалтийские финны обозначали этим названием первоначально, очевидно, западных славян (венедов), позже оно было перенесено на родственных по языку венедам восточных славян.

Профессор Кустаа Вилкуна в своей статье о происхождении прибалтийских финнов обстоятельно рассматривает отношения между прибалтийско-финскими и славянскими племенами.[104] Эта работа представляет интерес не только по ряду сделанных в ней выводов, но и в методологическом отношении, так как в ней наряду с лингвистическими и археологическими фактами творчески использованы и некоторые данные этнографии.

В этой статье К. Вилкуна решительно выступает за то, что славянские элементы проникли в прибалтийско-финские языки из двух разных обла-

---

[102] E. N. Setälä, Suomensukuisten kansojen esihistoria, стр. 160.

[103] T. Lehr-Spławiński, O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań 1946

[104] K. Vilkuna, När kommo östersjöfinnarna till Baltikum? Folk-Liv 1948—49, Stockholm 1949, стр. 15—43.

стей и, соответственно, в разные периоды. С одной стороны, более ранние западнославянские заимствования, вошедшие по преимуществу в ливский и эстонский языки, а также в юго-западные диалекты финского языка, а с другой — более поздние восточнославянские заимствования, встречающиеся преимущественно в восточных диалектах финского и эстонского языков. Вилкуна, несомненно, прав в том, что прежнее мнение, будто все без исключения славянские заимствования следует считать более поздними, чем германские, неверно; часть славянских лексических заимствований в прибалтийско-финских языках относится, как показывает Вилкуна, к тому же времени, что и германские. Придерживаясь в общем старой датировки этих заимствований, Вилкуна полагает, что ранние западнославянские элементы восприняты одновременно с германскими в первые века нашей эры.

К древнейшим словарным заимствованиям, воспринятым прибалтийскими финнами от западных славян, Вилкуна относит на основании известных фонетических признаков, кроме *ike* и *kimalane*, еще и ряд других слов, например *und* 'уда', *koonal* 'кудель' и *sund* 'принуждение'. Помимо указанных, к древним заимствованиям из западнославянских языков относятся, возможно, и многие другие слова, происхождение и дата восприятия которых, однако, не поддаются более точному определению, так как у них отсутствуют соответствующие специфические признаки.

Из упомянутых заимствований особый интерес представляет собой слово *ike* 'ярмо', которое, судя по фонетическим признакам, вошло в прибалтийско-финские языки в период существования общеславянской речи, очевидно, в последнем тысячелетии до н. э. Это слово и некоторые другие заимствованные западнославянские названия частей воловьей упряжи [105] показывают, что характерное для ливов, эстонцев и юго-западных финнов использование волов в качестве тягловой силы, которое Вилкуна в другом месте рассматривает особо, получило свое начало уже в это раннее время.[106] Вспомним, что к тому же времени относится в прибалтийско-финских языках и германское слово *ader* 'рало'. По мнению Вилкуна, к ранним славянским заимствованиям принадлежит и *uba* (финское *paru*, ср. русское 'боб'). Как уже указывалось, от западнославянских племен в этот период были заимствованы известные орудия для обработки льна (ср. стр. 95). Все это отражает значительное развитие земледелия в рассматриваемый период у древних эстонских и других прибалтийско-финских племен.

Возможно, что некоторые западнославянские слова, как и известные явления материальной культуры, проникли к прибалтийским финнам через посредство балтийских племен. Таким западнославянским заимствованием, которое прослеживается и у балтийских племен, Вилкуна считает, например, слово *ait* 'клеть'.

Какой характер носили соприкосновения прибалтийско-финских племен с западнославянскими, заключались ли они только в культурных и меновых сношениях или в Прибалтике имелись и некоторые поселения славян, как это предполагалось некоторыми исследователями,[107] — эти вопросы, как и вообще проблема прибалтийско-финских и славянских взаи-

---

[105] Ср. K. Vilkuna, När kommo östersjöfinnarna till Baltikum? стр. 32 (слово *ojat* 'лесина рала', по мнению Вилкуна, как и *ike*, является древним славянским заимствованием).

[106] K. Vilkuna, Die Verwendung von Zugochsen in Finnland. Studia Fennica II, Helsinki 1936.

[107] Ср. Ю. Трусман, Русские элементы в Эстляндии в XIII—XV веке. Временник Эстляндской губернии, кн. I, 1893 год, Ревель 1894, стр. 76 и сл.

моотношений в целом, нуждаются еще в более детальном и углубленном изучении.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что в последнем тысячелетии до н. э. среди населения Прибалтики и соседних территорий прослеживаются в основном следующие этнические группы: на юге, в западной части современной Литвы и в юго-западной Латвии, обитали пришедшие с запада ранние балтийские племена, в то время как восточная Литва, а возможно, и юго-восток Латвии (южная Латгалия), были заняты другой ветвью балтийских или балто-славянских племен, расселившейся из Приднепровья. В верховьях Днепра и Западной Двины не позднее рассматриваемого периода появились восточно-славянские племена. К северу от балтийских и славянских племен обитали прибалтийско-финские племена, которые могут быть условно подразделены на западную и восточную группы. Современная северная Латвия, бóльшая часть Эстонии и юго-западная Финляндия представляли собой территорию западной группы — предков ливов, эстонцев и собственно финнов. В качестве одного компонента в состав этих племен вошли ранние балтийские племена. Кроме того, ими были поглощены некоторые германские, а возможно, и отдельные западнославянские элементы. Ливы были в значительной мере отрезаны балтийскими племенами от других прибалтийских финнов. Эстонские и собственно финские племена находились между собой в тесных сношениях.

Восточную группу образовали племена, населявшие территорию теперешних Великолукской и Псковской областей. Их можно, вероятно, условно назвать чудскими племенами. На юге эти племена непосредственно соприкасались с восточнославянскими соседями, которые, возможно, по ним стали называть чудью все прибалтийско-финские племена.[108] Население юго-восточной Эстонии и северной части восточной Латвии можно, вероятно, причислить к соседним чудским племенам или поместить их между последними и северными и западными эстонскими племенами. Приладожье, Обонежье и южная часть восточной и средней Финляндии были заняты северными или северо-восточными племенами восточной группы прибалтийских финнов. Их можно условно назвать карельскими племенами. Водские племена, территория которых археологически пока почти неизучена, представляли, по-видимому, промежуточное звено между карельскими и североэстонскими племенами.

Нарисованная картина географического размещения и этнических взаимоотношений прибалтийско-финских племен носит, конечно, предварительный характер и требует дальнейшего уточнения.

Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в рассматриваемый период на территории обитания прибалтийско-финских племен не наблюдается перерывов в заселении, в то же время и развитие культуры продолжается преемственно, в основном на сложившейся в предыдущий период базе. Хотя можно предполагать, что среди прибалтийско-финских племен и в этот период имели место некоторые сдвиги и что на их территорию проникли как с запада, так, вероятно, и с востока другие этнические элементы, все же, несмотря на эти перемещения и смешения, этнический состав и группировка этих племен оставались в общем прежними.

Что касается, в частности, территории обитания эстонских и ливских

---

[108] Предположение, что название *чудь* обозначало первончально какое-то восточное прибалтийско-финское племя, принадлежит К. Б. Виклунду (см. M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte, III. Bd. Berlin 1925, «Finno-Ugrier», стр. 366). Он отметил, что, кроме русских, название *чудь* знают и лопари, в сказаниях которых *чудь* выступает в качестве разбойников (первоначально, возможно, людей, насильно взимавших дань).

племен, то антропологические данные также свидетельствуют о том, что в этническом составе населения этого района не произошли какие-либо крупные изменения. Распространение антропологических типов осталось в общем таким же, как и в эпоху позднего неолита.[109] Если бы на эту территорию проникло большое количество новых этнических элементов, это должно было бы непременно сказаться и в антропологическом составе населения этого района.

Примерно тем же путем, что и в Эстонии, складывался, по-видимому, этнический состав населения и на юго-западе Финляндии. В западной части Финляндии наблюдается приход известных германских элементов, по археологическим данным можно предполагать также некоторый приток населения из Эстонии. В основном же и там население состояло из местных племен. Ранее многие исследователи из-за скудности археологического материала полагали, что территория Финляндии в ранний железный век опустела. Новейшие данные показывают, однако, что развитие материальной культуры в Финляндии происходило и на протяжении этого периода беспрерывно. К тому же факт наличия в финском языке ряда германских заимствований, которые никак не могли поступить из эстонского языка, а были восприняты в I тысячелетии до н. э. в самой Финляндии, свидетельствует о том, что основная часть финских племен в тот период уже проживала в Финляндии.

Как видно из вышеизложенного, в характере экономики, в материальной культуре, погребальных обрядах и т. д. между восточными и западными прибалтийско-финскими племенами наблюдаются некоторые различия. Эти различия имели все же относительный характер. Тот факт, что западные прибалтийско-финские племена заимствовали известные формы предметов и другие явления материальной культуры от своих восточных соплеменников и, наоборот, с запада распространялось значительное количество новых слов и соответствующих понятий на восток, указывает на то, что у всех прибалтийско-финских племен были в то время в основном одинаковые потребности и что они, следовательно, находились на одинаковом уровне развития.

VII

Первые четыре века нашей эры знаменуют новый этап в истории эстонских и других племен Прибалтики. Этот период отмечается существенными изменениями как в характере памятников, так и в их распространении.

В предыдущие периоды население Эстонии обитало, по-видимому, преимущественно в низинных районах или по краям низменностей и речных долин. Судя по топографии памятников, в особенности многочисленных могильников, в рассматриваемый период были заселены основные земледельческие районы Эстонии (ср. рис. 10). Из этого следует, что земледелие стало основой хозяйства. Наряду с подсечным земледелием, некоторую роль играло, по-видимому, уже и пашенное земледелие. Наличие в эстонском и других прибалтийско-финских языках уже в предыдущий период таких слов, как *ader* 'рало', *ike* 'ярмо', *põld* 'поле' и др., свидетельствует о том, что существовали поля, обрабатываемые при помощи рала на животном тягле. Как показал К. Вилкуна, использование волов в качестве тягловой силы, удерживавшееся в Эстонии и на западе Финляндии вплоть до прошлого столетия, восходит здесь своим началом, видимо, к последним векам до нашей эры.[110]

---

[109] Ср. опубликованную ниже статью К. Ю. Марк, стр. 234, 241.
[110] См. ссылку 106 на стр. 104.

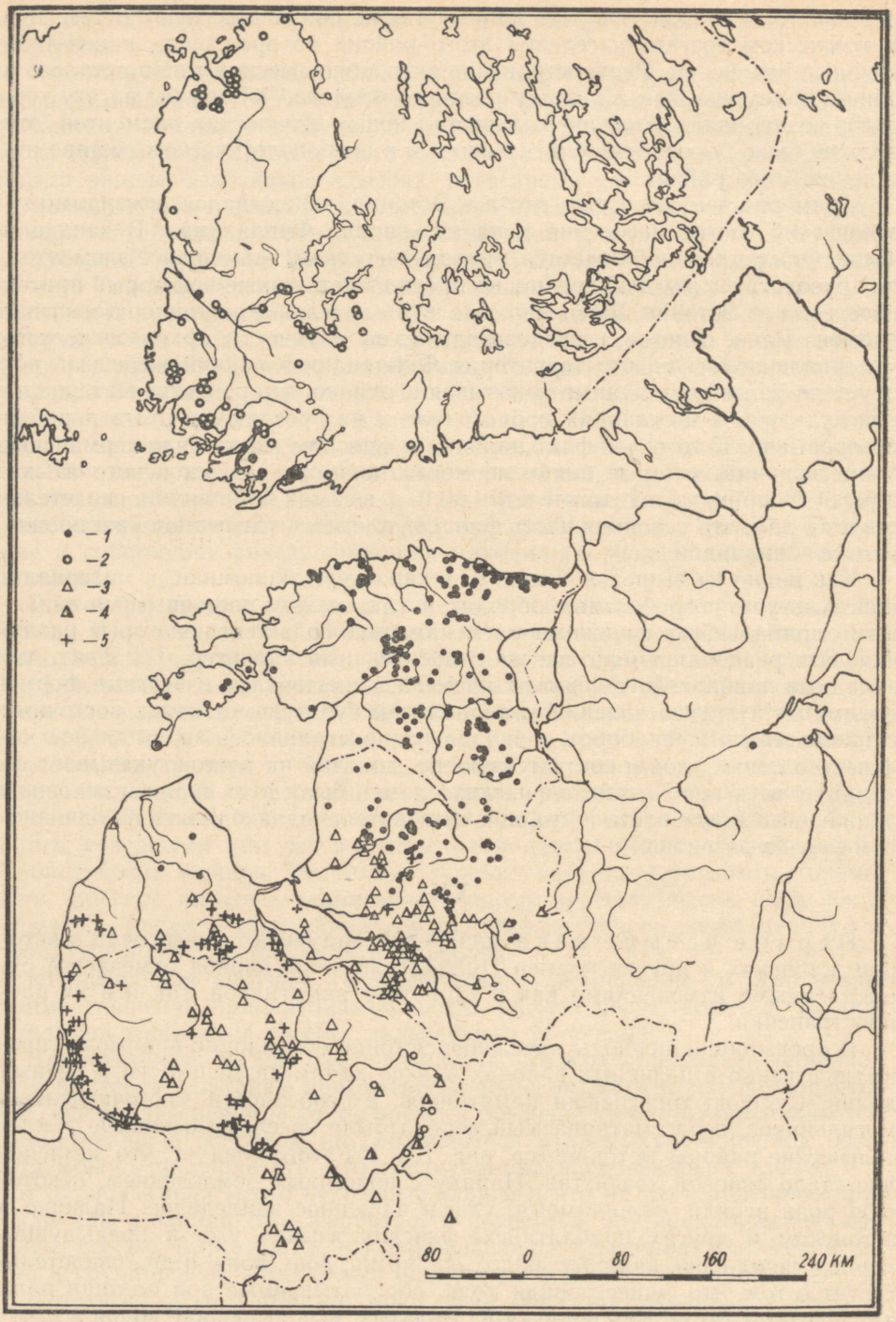


Рис. 10. Типы погребальных памятников в Прибалтике и Финляндии в первых веках н. э. *1* — каменные могильники (с оградками) эстонско-ливских племен; *2* — каменные могильники финских племен; *3* — земляные курганы балтийских племен (с трупоположениями); *4* — земляные курганы балтийских племен (с трупосожжениями); *5* — грунтовые могильники балтийских племен.

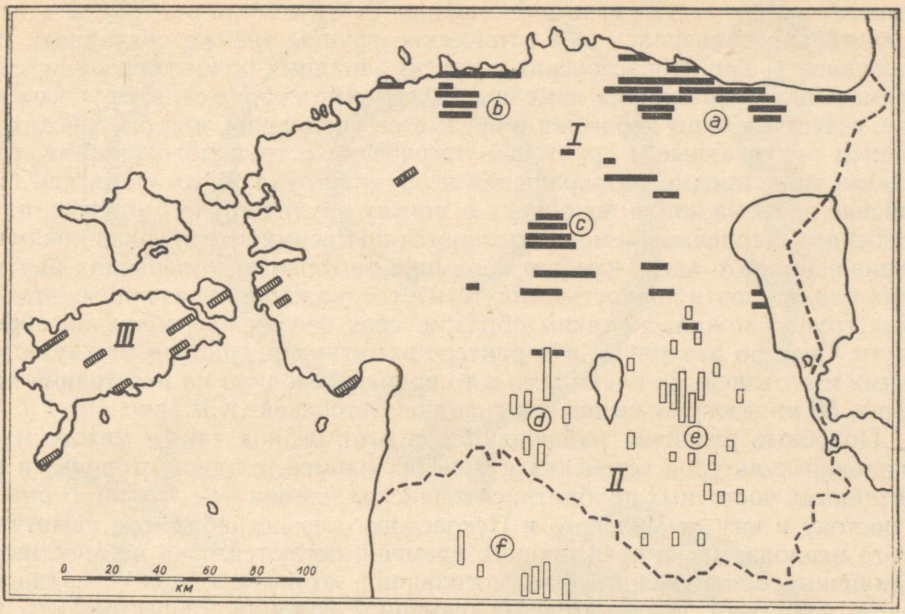


Рис. 11. Культурные области на территории Эстонии в первых веках н. э. I — североэстонская область с подобластями или группами: *a* — вирумаской, *b* — таллинской, *c* — среднеэстонской или пайде-тюриской; II — южноэстонская область с подобластями: *d* — сакалаской, *e* — тарту-выруской, *f* — северолатвийской; III — западноэстонская область.

Типичные для начала нашей эры крупные каменные могильники располагаются в Эстонии среди полей, обычно у позднейших деревень. Эти могильники использовались также в последующие века. Они свидетельствуют, таким образом, о непрерывном существовании многих эстонских деревень, начиная уже с первых веков н. э. Наряду с земледелием, важное место в хозяйстве занимало животноводство. Металлы — железо и медь или бронза — прочно вошли в обиход. Развивалось и домашнее ремесло — обработка металлов, ткачество и т. д. Обмен происходил регулярно и стал хозяйственной необходимостью.

В связи с ростом производительных сил возросла и численность населения. Количество дошедших до нас археологических памятников первых веков н. э. намного превосходит число памятников предыдущего периода. В соответствии с развитием экономики и ростом населения изменился и общественный строй. Судя по характеру памятников, основной общественно-экономической ячейкой уже была не родовая, а семейная община, или патриархальная семья. В начале нашей эры для эстонских и ливских племен характерны крупные могильные сооружения из валунов или плитняка, так называемые могильники с оградками. Они являются, очевидно, коллективными усыпальницами больших патриархальных семей. Род распался, таким образом, на более мелкие единицы. В то же время племенная организация отнюдь не ослабела, а, наоборот, еще более, по-видимому, окрепла. Ни в предыдущем, ни в последующем периоде памятники материальной культуры не отражают так четко особенности разных древнеэстонских племен, как именно в первые века н. э.

В этот период прослеживаются исключительно четко также различия в материальной культуре эстонских племен и их соседей. Несмотря на то, что между древними эстонскими и ливскими племенами, с одной стороны, и балтийскими племенами — с другой, на протяжении многих веков суще-

ствовали самые тесные взаимоотношения и их культура в результате этого значительно сблизилась, обе этнические группы все же сохранили свои особенности. Так, для эстонских и других западных прибалтийско-финских племен были характерны каменные могильные сооружения, трупосожжение, известные типы керамики и предметов украшения, для балтийских же племен — курганные и грунтовые погребения с трупоположениями, свои особые типы предметов украшения и орудий труда. В то время как балтийские племена клали покойнику в могилу орудия труда и оружие, в погребениях эстонских племен встречаются по преимуществу лишь предметы украшения, зато здесь имеется керамика, которая в погребениях балтийских племен почти полностью отсутствует. У каждой из названных этнических групп сложилась, таким образом, своя особая погребальная обрядность. Судя по различиям в характере памятников, граница между эстонскими и латышскими племенами в то время проходила на расстоянии примерно 80 км к югу от нынешней границы Эстонской ССР (рис. 10).

Подобные различия наблюдаются в этот период также между материальной культурой эстонских и ливских племен, с одной стороны, и памятниками восточных прибалтийско-финских племен — с другой. В районе к востоку и югу от Чудского и Псковского озер погребальные памятники этого периода, как и предыдущего времени, остаются пока неизвестными. Единичные обнаруженные там могильники эстонского типа [111] принадлежали, возможно, выходцам из современной Эстонии. Вещественного материала с этой территории известно также пока очень мало.[112] Судя по типам отдельных предметов, материальная культура развивалась в этих районах несколько иными путями, чем в Эстонии. В общем, разница между материальной культурой восточных и западных прибалтийских племен, наблюдавшаяся уже в предыдущие периоды, в первых веках нашей эры еще более углубилась.

Культура эстонских племен начала нашей эры выросла непосредственно из культуры предыдущего периода. Так, например, характерные для этого времени каменные могильники с оградками преемственно связаны с предшествовавшими им каменными курганами,[113] продолжают бытовать и прежние типы керамики — штрихованая, текстильная и лощеная,[114] существуют также некоторые старые формы металлических украшений.[115] С другой стороны, материальная культура эстонских племен рассматриваемого периода генетически связана с культурой древних эстонцев более поздних времен, известных по письменным источникам. Если не считать отдельные восточные районы Эстонии, где еще в последующие века имела место некоторая иммиграция, в этническом составе населения территории Эстонии позже существенных изменений не произошло. Это подтверждается, между прочим, тем фактом, что племенные группы, отражающиеся в материальной культуре этого периода, совпадают по своему географическому распространению с основными диалектами современного эстонского языка, а также с этнографическими и фольклорными областями.

Археологические памятники Эстонии первых четырех веков н. э. по

---

[111] B. V. Alexandrov, A. M. Tallgren, Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod. Eurasia Septentrionalis Antiqua V, Helsinki 1930, стр. 100 и сл.

[112] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии, стр. 219, Я. В. Станкевич, Исследования памятников первого тысячелетия н. э. в верховьях Западной Двины за 1949—1951 гг. Краткие сообщения ИИМК, вып. 52, 1953, стр. 62 и сл.

[113] См. статью М. Х. Шмидехельм в настоящем сборнике, стр. 176 и сл.

[114] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr., II. Teil. OES Toimetused XXIX, Tartu 1938, стр. 555 и сл.

[115] Там же, стр. 612 и сл.

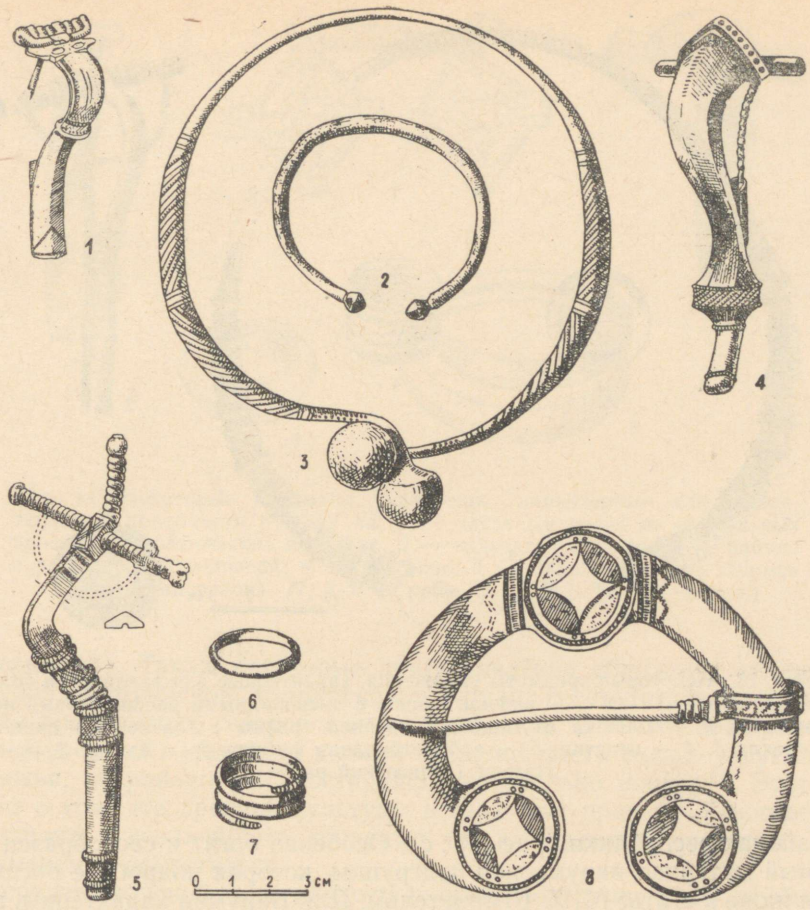


Рис. 12. Некоторые предметы украшения, характерные для вирумаской подобласти в I—IV вв. *1* — глазчатая фибула; *2* — браслет с шишечками на концах; *3* — шейная гривна с грибковидными концами; *4* — фибула с расширяющейся головкой; *5* — арбалетовидная фибула с удлинениями спиральки; *6* — перстень; *7* — спиральный перстень; *8* — подковообразная пряжка, украшенная цветной эмалью. *1, 2, 4—7* — Ябара, *3* — Мустамятта, *8* — Пада (Кивиылиский район).

известным своим особенностям образуют три крупные местные группы, или области, в которых в свою очередь выделяются некоторые более мелкие подгруппы (рис. 11). В первую область входят памятники средней и северной Эстонии, во вторую — южной Эстонии и примыкающие к ним памятники северной Латвии и в третью — памятники западной Эстонии и островов. Особенно отчетливо в археологическом материале проявляется своеобразие североэстонской и южноэстонской областей. Оно находит отражение как в керамике, так и в типах металлических украшений. Ввиду того, что керамики найдено пока мало, то различия между этими группами прослеживаются в первую очередь на многочисленных металлических украшениях.

В первой области, охватывающей северную и среднюю Эстонию, четко вырисовываются три подгруппы: вирумаская — в восточной части северного побережья (рис. 11 : *a*), таллинская — в западной части северного побережья (рис. 11 : *b*) и среднеэстонская, или пайде-тюриская, — в сред-

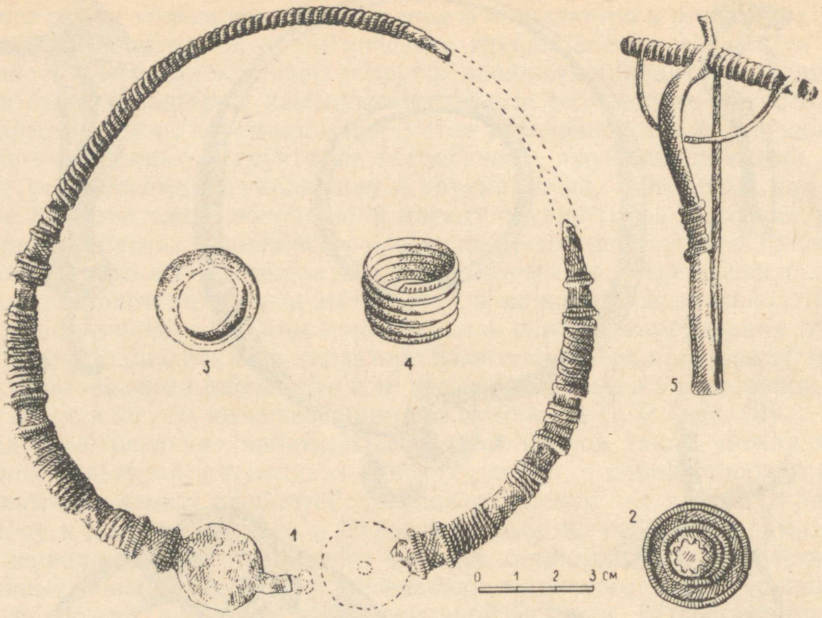


Рис. 13. Некоторые предметы украшения, характерные для таллинской подобласти в I—IV вв. *1* — шейная гривна с дисковидными расширениями на концах; *2* — бляшка от подобной шейной гривны с глазком из синего стекла; *3, 4* — перстни; *5* — арбалетовидная фибула. *1* — Курна, *2—5* — Лагеди (Харьюский район).

них районах республики (рис. 11 : *c*). Особенно богат и своеобразен вещественный материал вирумаской подгруппы, которая подробнее рассматривается ниже в статье М. Х. Шмидехельм. Для Вирумаа характерны, например, глазчатые фибулы, разные местные формы профилированных фибул, арбалетные фибулы с удлинениями спирали, украшенные эмалью подковои дискообразные фибулы, многочисленные перстни, железные орудия определенного типа и т. д. (рис. 12). По своему географическому распространению эта подгруппа совпадает с восточными говорами прибрежного североэстонского диалекта (ср. рис. 1). Как показано в статье М. Х. Шмидехельм, уже в предыдущем периоде прослеживается территориальное соответствие местных групп вирумаских памятников разным говорам прибрежного диалекта, или, что то же самое, местным древним племенам.

Таллинская подгруппа, по сравнению с вирумаской, значительно беднее памятниками. Большинство обнаруженных в пределах этой подгруппы могильников отличается небольшими размерами. Это явление не случайно, так как и в более поздний период, а именно в начале XIII века, по сведениям Датской поземельной книги, поселения в этом районе также были значительно меньших размеров, чем в Вирумаа.[116] Следует отметить, что таллинская подгруппа имеет меньше специфических форм, чем вирумаская или даже среднеэстонская подгруппа. Из типичных явлений этого района отметим арбалетные фибулы без удлинений спирали, бронзовые бляшки с глазком из синего стекла, происходящие, по-видимому, от известных шейных гривен с дисковидными концами, — сами гривны изготовлялись из железа и поэтому, вероятно, не сохранились. Для этой подгруппы, так же как и для вирумаской, характерны многочисленные пер-

[116] См. Eesti NSV ajalugu kolmes köites. I kd., Tallinn 1955, стр. 101, 102.

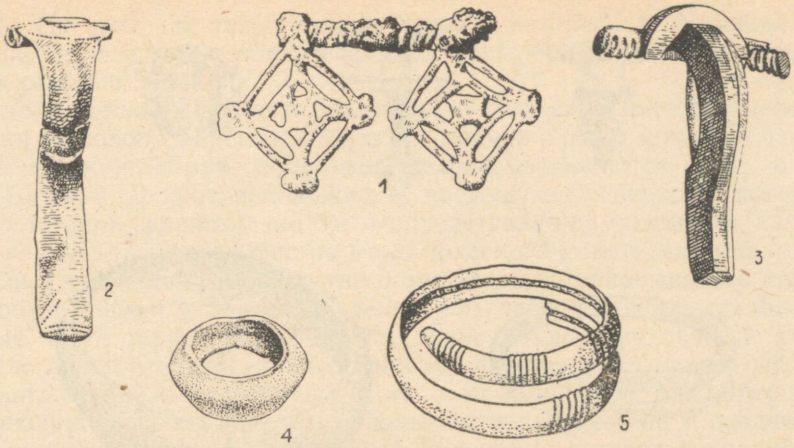


Рис. 14. Некоторые предметы украшения, характерные для пайде-тюриской подобласти в I—IV вв. *1* — часть ожерелья из спиральных пронизок и ромбических подвесок; *2* — глазчатая фибула; *3* — фибула с расширенной головкой; *4* — перстень; *5* — браслет. Все из Нурмси (Пайдеский район). (*1, 3, 4* — прим. $^3/_5$, *2, 5* — $^2/_5$ нат. велич.)

стни (рис. 13). Также некоторые другие явления сближают таллинскую подгруппу с вирумаской. Таллинская подгруппа соответствовала западным говорам прибрежного североэстонского диалекта. В настоящее время прибрежный диалект охватывает в своей западной части только узкую полосу побережья, но раньше он простирался значительно южнее.[117] Этот факт говорит о том, что древние культуры нельзя, как правило, безоговорочно сопоставлять с позднейшими говорами, так как границы последних могли со временем переместиться.

В среднеэстонской, или пайде-тюриской, подгруппе либо вообще нет арбалетных фибул, либо они встречаются очень редко. Здесь нет также, за отдельными исключениями, характерных для Вирумаа вариантов профилированных фибул, а также металлических украшений с эмалью. Специфически местное явление, наоборот, представляют собой фибулы с расширенной головкой и некоторые варианты перекладчатых фибул. Особенно типичны для данной подгруппы ажурные ромбические подвески и некоторые другие формы украшений (рис. 14). По своему распространению эта подгруппа соответствует среднему североэстонскому диалекту (ср. рис. 1).

Южноэстонская область отличается от северной целым рядом местных форм и особенностей. Для территории, расположенной южнее г. Тарту, и примыкающих к ней северных районов Латвии типичны перекладчатые фибулы, а также дискообразные фибулы небольших размеров, известные типы браслетов, ножные браслеты и другие украшения (рис. 15). В отличие от северной группы, здесь значительно реже встречаются перстни. В этом отношении южная группа примыкает к Южной Прибалтике, где перстни почти вовсе отсутствуют. Эта область совпадает с территорией южноэстонских племен, в своей юго-западной же части (северо-запад современной территории Латвийской ССР) она соответствовала, по-видимому, району обитания эстонско-ливских племен.

В южноэстонской области, как и в северной, выделяется несколько подгрупп. Наиболее богата памятниками центральная часть этой области,

---

[117] См. статью А. Каска в настоящем сборнике, стр. 37.

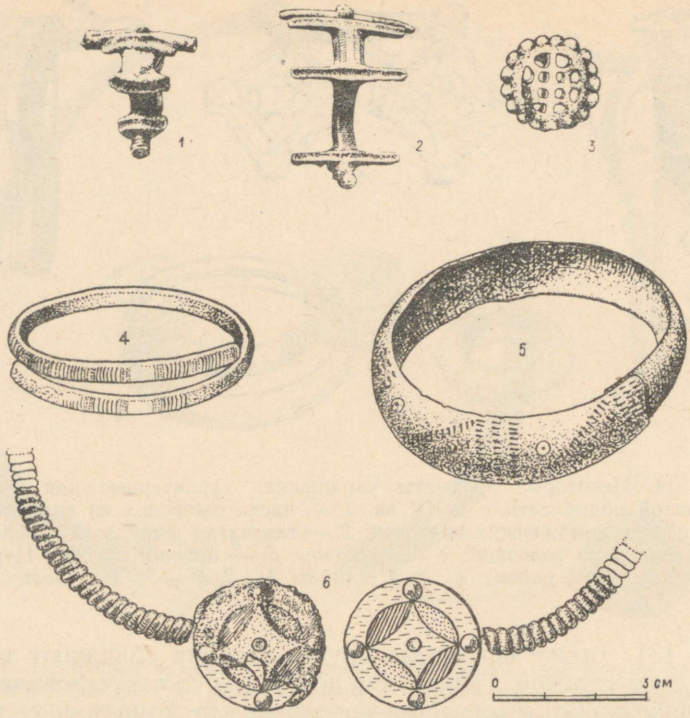


Рис. 15. Некоторые предметы украшения, характерные для южной Эстонии и северной Латвии в I—IV вв. *1, 2* — перекладчатые фибулы; *3* — дисковидная фибула; *4* — браслет; *5* — ножной браслет; *6* — фрагменты шейной гривны с дисковидными концами, украшенными цветной эмалью. *1, 2, 4, 6* — Тыравере Яагупи (Эльваский район), *3* — Калн-Славекас, *5* — Мусина (Смилтенский район Латвийской ССР). (*1—5* — прим. $^1/_2$, *6* — $^2/_3$ нат. велич.)

территориально совпадающая с областью тартуского диалекта. Археологический материал тартуской подгруппы весьма сходен с одновременными памятниками средней части современной северной Латвии (окрестность города Рауна). Известные отличия от тартуской наблюдаются в западной подгруппе, охватывающей район западного южноэстонского диалекта. Памятники этой подгруппы особо рассматриваются в публикуемой ниже статье А. К. Вассара. Возможно, что эта подгруппа заходила и на территорию современной Латвии, в окрестности Буртниекского озера.

Ряд особенностей имеет и третья, восточная южноэстонская подгруппа, совпадающая по своей территории с выруским диалектом эстонского языка. Материальная культура этого района имеет некоторые существенные общие черты с памятниками соседней южной и восточной территории современной северной Латгалии, Псковской и Великолукской областей. Во всех этих районах или вообще еще не обнаружено погребальных памятников, или они известны лишь в небольшом количестве. Типичные для Эстонии каменные могильники встречаются только в западных частях юго-восточных районов республики. Они отличаются здесь обычно небольшими размерами и часто не имеют характерных оградок. Немногочисленные могильники Латгалии и их инвентарь имеют полуэстонский, полулатгальский (латышский) характер. К сожалению, памятники этого периода в пределах восточной и северо-восточной Латвии пока еще весьма слабо иссле-

дованы. Их изучение представляет большой интерес для уяснения вопросов этногенеза древних обитателей соответствующих частей Латвии и соседних районов Эстонии.

Самостоятельную область составляют, наконец, археологические памятники островов Сааремаа и Муху и соседней с ними западной части материка Эстонии. Более подробно они рассматриваются ниже, в статье А. К. Вассара. В противоположность предыдущему периоду, который на западе Эстонии сравнительно богато представлен памятниками, из первых веков нашей эры здесь известно мало археологического материала. Ранее это резкое уменьшение количества памятников истолковывалось как признак происшедшего якобы переселения жителей островов в средние и восточные части территории Эстонии. Такое объяснение явно не соответствовало действительности. Уже один тот факт, что население островов и западного побережья говорит на своем особом диалекте (ср. карту рис. 1), не позволяет полагать, что эти районы когда-то опустели и позднее были снова заселены с востока. Западная Эстония и острова сохранили, следовательно, свое коренное население. Тем не менее, можно предполагать, что там имело место известное замедление темпов экономического и культурного развития, а также роста населения, по сравнению со средней и восточной Эстонией. В то время как на большей части материка в этот период возникают крупные каменные могильники с оградками и появляется ряд новых типов украшений (фибул, браслетов, разного рода подвесок и др.), на островах и в западной Эстонии удерживаются сравнительно небольшие могильники и сохраняются в основном прежние, характерные для предыдущего периода, формы предметов.

Некоторые типичные для островов и западной части материка предметы воспроизводятся на рис. 16. Из них булавки с кольцевидной головкой и очкообразные височные украшения встречались уже в предшествующий период; фибула же с симметричными концами принадлежит к новым типам украшений этого периода в Прибалтике, но она обнаружена пока на острове Сааремаа только в одном экземпляре.

Острова и северо-западная часть материка Эстонии обладают сравнительно малоплодородными почвами, причем подстилаемый известняковым плитняком почвенный покров имеет здесь лишь незначительную мощность. Этим, по-видимому, объясняется медленное развитие в этих районах земледелия и тем самым хозяйства вообще. Лишь позднее, в X—XII веках, с появлением более совершенных орудий и приемов обработки земли и с развитием мореплавания, эти районы догнали в своем развитии остальные. Особое положение населения островов и западной Эстонии в рассматриваемый период указывает, между прочим, на то, что различия между племенными и культурными группами обусловливались не только сложившимися на протяжении веков различными традициями, но в известной мере и некоторыми особенностями в характере экономики.

Поскольку археологический материал отражает отношения эстонских племен с соседями, то следует отметить, что наиболее значительную роль в формировании материальной культуры этого периода сыграли сношения с балтийскими племенами. В результате многовекового непрерывного взаимного общения с балтийскими соседями материальная культура эстонских племен, несмотря на свои особенности, образовала с культурой балтийских племен одну общую большую область.

Заметные следы в археологическом материале этого периода оставило также общение эстонских племен с населением Нижнего Повисленья. До недавнего времени многие археологи усматривали в населении Повисленья в первые века н. э. восточногерманские племена и сопоставляли прослеживаемые в данный период в археологических памятниках Эстонии и Фин-

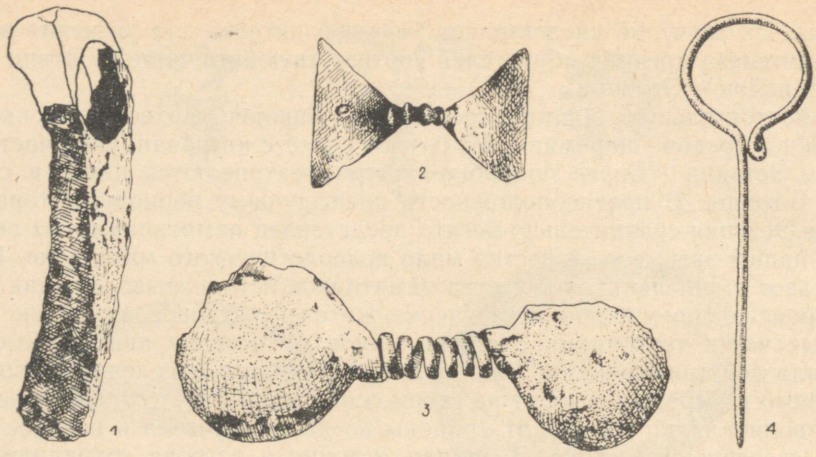


Рис. 16. Некоторые предметы, характерные для о. Сааремаа и западной Эстонии в I—IV вв. *1* — узколезвийный топор; *2* — фибула; *3* — височное украшение; *4* — булавки с кольцевидной головкой. *1* — Карусте (Кингисеппский район); *2* — Сайкла, *3* — Тыния (Ориссаареский район); *4* — о. Сааремаа. (*1*, *4* — $^1/_3$, *2*, *3* — прим. $^1/_2$ нат. велич.)

ляндии связи с Нижним Повисленьем с германскими заимствованиями в прибалтийско-финских языках. Как мы выше пытались показать, этот взгляд был ошибочным. Основным населением Повисленья, в особенности правобережья Вислы, были западнославянские племена. Проникшие с низовьев Вислы в Эстонию элементы материальной культуры служат, следовательно, свидетельством продолжавшихся между древними эстонскими и западнославянскими племенами связей. Из предметов, привезенных в данный период в Эстонию из Повисленья, в особенности с правобережья Вислы, назовем, к примеру, ранние типы глазчатых фибул, браслеты с шишечками на концах, известные арбалетные фибулы и прочие украшения. Все они подробно рассмотрены в недавно опубликованном исследовании М. Х. Шмидехельм [118],поэтому мы здесь на них подробнее останавливаться не будем. Отметим лишь, что, помимо металлических изделий, в этот период, как и раньше, с низовьев Вислы в Эстонию привозилась керамика, между прочим черная лощеная посуда [119]; последняя послужила, вероятно, основой, на которой возникла подобная местная керамика, бытовавшая здесь затем вплоть до начала II тысячелетия.

Надо полагать, что некоторые западнославянские лексические элементы в эстонском и других прибалтийско-финских языках были заимствованы в этот период. Учитывая оживленный товарообмен с западными славянами, о котором свидетельствует археологический материал, представляется возможным, что в начале нашей эры в эстонские и юго-западные финские диалекты проникло слово *turg* 'торг', которое вошло также в скандинавские языки.[120]

Продолжалось также общение с германскими, в первую очередь с северогерманскими, или скандинавскими, племенами. Свидетельством соприкосновений с древними германцами служат некоторые фибулы сканди-

---

[118] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя, стр. 211 и сл.

[119] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland II, стр. 559 и сл.

[120] K. Vilkuna, När kommo östersjöfinnarna till Baltikum? стр. 26.

навского типа, а также шейные гривны с пластинчатыми концами. Фибулы обнаружены по преимуществу на севере Эстонии, между тем как шейные гривны проникли и южнее, вплоть до северных районов современной Латвии. В Валкла на побережье Финского залива, несколько восточнее Таллина, у самой береговой линии вскрыто несколько погребений германского типа.[121] По сравнению, однако, с предыдущим периодом, в эстонском археологическом материале признаков общения с германскими племенами теперь прослеживается значительно меньше. В этот период соприкосновения с германцами играли, по-видимому, меньшую роль в развитии культуры эстонских племен, чем связи с балтийскими и славянскими племенами.

С восточнославянскими племенами, которые в то время обитали в Приднепровье и верховьях Западной Двины и только начинали продвигаться оттуда на север,[122] непосредственных соприкосновений у эстонских племен еще не было. Но косвенно, через посредничество прибалтийско-финских племен, обитавших к югу от Пскова, или же восточных балтийских племен, до древних эстонцев доходили отдельные культурные элементы из Приднепровья. Так, из этой области в Эстонию и Финляндию проникли некоторые типы бронзовых украшений с выемчатой эмалью. Они послужили основой для развития аналогичных местных украшений.

Как у древних эстонцев, так и у соседних балтийских племен в археологическом материале четко прослеживаются локальные племенные различия. По местным особенностям материальной культуры вырисовываются территории разных балтийских племен: куршей, земгалов, латгалов, жемайтов, аукштайтов и других (рис. 10). Как и раньше, наибольшее различие имеет аукштайская, или восточнолитовская, область, в которой наблюдаются известные связи с Приднепровьем и частично также с районом дьяковской культуры. Общее для восточнолитовской области и указанных соседних районов явление представляют, между прочим, предметы, украшенные цветной эмалью.

До последнего времени среди археологов и языковедов господствовало мнение, что в Финляндию предки финнов проникли в начале нашей эры из Эстонии. Когда А. Гакман полвека тому назад в своем капитальном труде о железном веке в Финляндии обосновал это предположение[123], этим, несомненно, был сделан определенный шаг вперед по сравнению с прежним. До этого, как уже отмечалось выше, многие ученые полагали, что предки эстонцев и финнов вышли якобы на побережье Балтийского моря намного позднее. Однако новый материал, накопленный после появления труда А. Гакмана, возбудил сомнения в правильности его взглядов. В настоящее время мы можем с полным основанием считать его точку зрения устаревшей. Гакман исходил из предположения, что население бронзового века в западной Финляндии составляли германские племена, которые к началу раннего этапа железного века, т. е. к последним векам до н. э., покинули Финляндию, оставив после себя лишь незначительные следы.[124] На рубеже н. э. на опустевшую территорию проникли якобы из Эстонии новые обитатели, непосредственные предки западных финнов, которые в последующий период, продвигаясь с запада на восток, заселили всю южную Финляндию. Помимо населения, появившегося с запада, в во-

---

[121] М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя, стр. 213, 214. H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland II, стр. 630, 631.

[122] Я. В. Станкевич, Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины, стр. 109.

[123] A. Hackman, Die ältere Eisenzeit in Finnland I, стр. 341 и сл.

[124] M. Ebert, Reallexikon der Vorgeschichte. III. Bd., Berlin 1925, „Finnland", стр. 338 (А. Гакман).

сточные части Финляндии, согласно мнению финских археологов, проникли обитатели и с юго-востока, из южного Приладожья.[125]

В настоящее время, особенно после появления исследований К. Ф. Мейнандера, нет больше оснований сомневаться в том, что в юго-западной Финляндии, начиная с каменного века, удерживалось прежнее местное население. Кажущийся разрыв в заселении этого района в раннем железном веке обусловлен недостаточностью археологического материала по этому периоду, а отнюдь не опустением территории. Большинство могильников первых веков нашей эры носит местный характер. Они продолжают традиции каменных могильников бронзового века и не заимствованы извне. Так, для Финляндии характерны в этот период каменные курганы, возведенные вокруг крупного центрального валуна. Они преемственно связаны с подобными местными курганами позднего бронзового века.[126] Этот тип могил чужд для Эстонии. В Финляндии, правда, встречаются и каменные могильники с оградками, подобные эстонским, но по сравнению с могильниками местного типа их количество невелико (ср. рис. 10). Хотя керамики в Финляндии обнаружено пока немного, она все же, скорее всего, примыкает к местной керамике предыдущего периода. Среди изделий из металла имеется много предметов, сходных с соответствующими находками из Прибалтики. Это обстоятельство и послужило Гакману главным обоснованием предположения о заселении в этот период Финляндии из Эстонии. Привозных вещей, поступивших непосредственно из Прибалтики, все же мало. Подавляющее большинство предметов прибалтийского типа изготовлено, несомненно, на месте, в самой Финляндии. Помимо того, в финском археологическом материале, в особенности начиная с III века, имеется значительное количество предметов скандинавского типа, не встречающихся в Прибалтике. В Финляндии обнаружен, далее, ряд вещей южного происхождения, в том числе предметы, привезенные из Повисленья прямым путем, минуя Эстонию.[127] Таким образом, финский археологический материал в целом имеет местный состав и свой особый облик. Большое количество предметов прибалтийского типа свидетельствует, несомненно, об оживленных меновых сношениях населения Финляндии с эстонскими и другими прибалтийскими племенами. Это все же не дает основания утверждать, что основная часть населения Финляндии якобы пришла в этот период из Прибалтики.

Судя по появлению в Финляндии некоторого количества каменных могильников с оградками эстонского типа, можно полагать, что в начале нашей эры имел место некоторый приток населения из Эстонии. Однако численность пришельцев была невелика. Основную массу населения, несомненно, составляли местные племена. Помимо данных археологии, в этом убеждают нас и приведенные уже выше (стр. 107) языковые факты.

Выводы, сделанные на основании новейших археологических материалов, приводят нас в общих чертах к тому же мнению, которое было высказано в полемике с А. Гакманом другим известным финским археологом Ю. Айлио.[128] По мнению Айлио, предки финнов обитали в Финляндии уже

---

[125] См. A. M. Tallgren, Suomen muinaisuus, Helsinki 1931, стр. 191 и сл.

[126] C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland, стр. 100.

[127] E. Kivikoski, Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 43, Helsinki 1939, стр. 232 и сл. E. Kivikoski. Skandinavisches in der römischen Eisenzeit Finnlands. Acta Archaeologica XXV, København 1954, стр. 151 и сл.

[128] Взгляды Ю. Айлио изложены в статье A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр. 95, 96, где приводится и соответствующая литература.

В своем недавно опубликованном исследовании о культуре Киукайнен и бронзовом веке в Финляндии К. Ф. Мейнандер из излишней, можно сказать, предосторожности

в каменном веке. Его предположение было полностью подтверждено работами К. Ф. Мейнандера. А. Яюряпяа также неоднократно высказывал в своих трудах предположение, что Финляндию уже в каменном веке населяли финно-угорские племена,[129] но, учитывая взгляды Э. Н. Сетяля и других финских языковедов, он придерживался все же мнения, что основу современного населения Финляндии заложили только на рубеже нашей эры пришельцы из Эстонии.[130] Это мнение разделял и профессор археологии Хельсинкского университета Е. Кивикоски.[131] Ввиду того, однако, что в Финляндии, как мы пытались показать, совершенно ясно прослеживается непрерывность заселения и преемственность развития культуры начиная от каменного века до I тысячелетия н. э. и далее вплоть до наших дней, нет никакого основания приписывать немногочисленным пришельцам, проникшим в первых веках нашей эры из Эстонии, ту роль, которую, по ранее господствовавшему мнению, они якобы сыграли в процессе формирования финских племен. Близкое родство юго-западных диалектов финского языка с эстонским языком следует объяснять, очевидно, не влиянием немногочисленных позднейших пришельцев из Эстонии, а постоянными связями, существовавшими непрерывно в течение многих веков между населением Эстонии и Финляндии. Основа этого явления была заложена уже первичным заселением юго-западной Финляндии из Эстонии. Как показывает археологический материал, и позднее — в эпоху неолита, в бронзовом веке и в раннем железном веке — имело, очевидно, место проникновение туда небольших групп переселенцев из Эстонии, не говоря уже о постоянном культурном общении между обитателями южного и северного побережья Финского залива.

Надо полагать, что в средней и восточной Финляндии этнический состав населения в I тысячелетии н. э. также сложился в основном из местных элементов, существовавших там уже в каменном и бронзовом веках. Мнение, высказанное А. Гакманом, что население этих областей образовали по преимуществу пришельцы из западной Финляндии, кажется нам необоснованным. Хотя в течение времени в эти части Финляндии и проникали поселенцы как с запада, так и с востока и юго-востока, они все же никак не могли явиться основной массой населения этих территорий. Надо полагать, что как в других районах, так и здесь главную роль в формировании позднейшего населения сыграл местный элемент.[131] По нашему мне-

---

вопроса этнической принадлежности древнего населения Финляндии прямо не касается, хотя в своих трудах он фактически со всей последовательностью доказывает как непрерывность заселения, так и преемственность культурного развития от каменного до железного века. Свои заключения об этнической преемственности населения, начиная со II тысячелетия до н. э. до появления первых письменных источников, он излагает в популярной статье, опубликованной почти одновременно с упомянутыми выше монографиями: C. F. Meinander, Var bodde urfinnarna? Nordenskiöld-samfundets tidskrift 1954, стр. 79 и сл.

[129] A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland, стр. 41. См. также сноску 132 на стр. 120. E. Kivikoski, Arkeologisk forskning i Finland. Suomen Muinaismuistohyhdistyksen Aikakauskirja 52, Helsinki 1953, стр. 26.

[130] A. Äyräpää, Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring, стр. 96.

[131] Появление в IV—V вв. в западной части центральной Финляндии, в Хамэ, каменных могильников некоторые авторы считают признаком заселения этого района пришельцами из западной части страны. В инвентарь могильников входят наряду с предметами западнофинского и прибалтийского (в том числе вирумаского) облика предметы скандинавских типов, количество которых с течением времени все возрастает; помимо того, в этих могильниках обнаружены предметы восточноевропейского характера. См. E. Kivikoski, Zur Frage nach der Herkunft der ältesten Eisenzeitfunde von Häme. Suomen Museo LXII, 1955, стр. 68 и сл. Восточные элементы связаны, по-видимому, с древней местной традицией, между тем как остальная часть инвентаря свидетельствует о связях населения данной части Финляндии с западными (и южными) соседями. Распространение каменных могильников и предметов западных типов нельзя,

нию, об этом свидетельствует и тот существенный факт, что восточную часть Финляндии отделяет от юго-западной части древняя диалектная граница, которая одновременно является в известной мере и границей антропологических типов, а также многих этнографических явлений. На заре письменной истории Финляндии здесь же проходила граница между западно- и восточнофинскими племенами. Из этого вытекает, что этот рубеж не мог образоваться только в позднейшие времена, а должен был основываться на той древней культурной и этнической границе, которая прослеживается уже со времени проникновения в Финляндию культуры ладьевидных топоров (рис. 3). Она сохранялась в основном в бронзовом веке (рис. 7), а также на протяжении I тысячелетия н. э. (рис. 10).[132] Население, обитавшее в средней и восточной Финляндии в последнем тысячелетии до н. э. (стр. 91), не могло к началу следующего тысячелетия исчезнуть. То обстоятельство, что пока, по существу, не имеется сведений о могильниках и поселениях I тысячелетия н. э. в восточной Финляндии, еще не означает, что эта территория обезлюдела. Мы до сих пор не имеем определенных данных об археологических памятниках этого периода и на территориях всех других восточных прибалтийско-финских племен, тем не менее никто не сомневается в том, что на означенных территориях существовало население.

Если бы в средней и восточной Финляндии не было своего коренного населения и эта территория, как склонны думать некоторые исследователи, была заселена только в начале II тысячелетия н. э., то между этой и западной частью Финляндии не прослеживалось бы указанной четкой и, несомненно, весьма древней диалектной и культурной границы.[133] В этом случае предполагаемое заселение этих районов разнородными элементами в первых веках II тысячелетия и последующая поощряемая с XVI века государственной властью внутренняя колонизация должны были в значительной степени стереть исконную резко выраженную культурную границу

однако, объяснять только проникновением сюда западнофинского населения, но в этом следует, прежде всего, усматривать признак новой ступени общественно-экономического развития, которой местное население достигло к тому времени.

[132] Уже раньше, несмотря на отрывочность материала, непрерывность культурного развития в Финляндии от каменного до железного века предполагал А. Яюряпяа; см. A. Europaeus (Äyräpää), Forndfynd från Kyrkslätt och Esbo socknar. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXII: 1, Helsinki 1922, стр. 192.

[133] До сих пор допускалось, что появление начиная с XII века на востоке Финляндии грунтовых могильников типа известного некрополя Тууккала близ города Миккели знаменует собой заселение этого района предками современного восточнофинского (карельского) населения. Полагали, что поселенцы пришли с южного побережья Ладожского озера, где известны памятники несколько более раннего периода. Имеются, однако, основания полагать, что могильники типа Тууккала представляют не столько широкие массы карельского населения, сколько выделившуюся из его среды феодализирующуюся верхушку. Немногочисленная имущая верхушка накопила богатства, между прочим, обширной торговлей и взиманием дани с окрестных племен. В целях укрепления своего положения она признала над собой верховную власть Новгорода и приняла первой христианство, свидетельством чего являются христианские символы в погребениях и расположение могильников у церквей. Обнаруженные в южном и юго-восточном Приладожье курганные могильники с их смешанным прибалтийско-финским, русским и варяжским инвентарем в основном также принадлежали, повидимому, местной знати. Таким образом, могильники широких слоев населения Приладожья и Обонежья еще почти неизвестны. Их памятниками, вероятно, являются преимущественно остатки поселений, совпадающие частью с поселениями эпохи позднего неолита и раннего металла, частью с позднейшими деревнями. См. также Н. Н. Гурина, Археологические памятники на северо-западе Европейской части СССР. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 65 и сл. Часть упомянутых Гуриной поселений эпохи раннего металла продолжала, очевидно, существовать еще в I тысячелетии н. э.; на территории некоторых из них (см. там же, стр. 74, сноску 7) найдена еще и более поздняя керамика (славянского типа).

между юго-западной и восточными частями Финляндии и привести к образованию здесь смешанных явлений как в области языка, так и культуры. В действительности же этого не произошло. Позднейшее население средней и восточной Финляндии имеет свои исконные диалекты и древние культурные традиции, которые связывают его с древним населением современной Карельской АССР.

Остается еще сказать несколько слов и о ливах. Территорию ливских племен в северной Курземе (Курляндии) характеризуют в начале и середине I тысячелетия н. э. каменные могильники примерно того же типа, что и у эстонцев (ср. карту, рис. 10). До сих пор, однако, в ливских погребальных сооружениях не обнаружено характерной для эстонских могильников внутренней конструкции, так называемых оградок. Оградок не имеют, впрочем, каменные могильники и на соседнем эстонском острове Сааремаа. Инвентарь ливских каменных могильников имеет также известные общие черты с археологическим материалом островов Эстонии. В более позднее время, а именно в XIII—XIV вв., помимо археологических памятников, и письменные источники указывают на существование отдельных ливских этнических «островков» несколько южнее основного ливского массива, среди куршей, обитавших в окрестностях современного города Лиепая (Либава).[134] Из этого можно заключить, что область обитания ливов простиралась уже и в предыдущий период дальше на юг, чем показывает наша карта (рис. 10).

Пока еще не ясен процесс сложения другой части ливов, населявшей Видземе (Лифляндию), в основном низовья рек Гауи (Лифляндской Аа) и Даугавы (Западной Двины). Немногие известные нам в этом районе с начала и середины I тысячелетия н. э. памятники имеют в общем латгальский или земгальский характер.[135] По сведениям письменных источников, в конце XII века в этом районе жили ливы, а поэтому можно полагать, что в начале нашей эры там обитали их предки. Имеющийся в нашем распоряжении скудный археологический материал определенного ответа на этот вопрос не дает. Здесь возможны два объяснения. Представляется возможным, что обитавшие в низовьях обеих упомянутых рек немногочисленные ливы подверглись в отношении своей материальной культуры сильному влиянию латышских (а на севере, вероятно, южноэстонских) племен, вследствие чего их памятники не имеют особой специфики. Это предположение подтверждается как будто результатами раскопок, произведенных за последние годы в Огре, близ Риги, где в начале XIII века обитали ливы (по-видимому, бок о бок с латгалами). Полученный раскопками городища и поселения Кентескалнс в Огре богатый археологический материал относится к VII—VIII вв. В своем преобладающем большинстве этот материал носит латгальский характер, в нем прослеживаются только единичные ливские элементы. Можно было бы привести в пример и другие случаи, когда археологический материал не отражает мелкие этнические группы, проживавшие в чужой среде. Но можно представить себе и другую возможность, что ливы продвинулись в низовья Гауи и Даугавы лишь позднее, на рубеже I и II тысячелетий. Высказы-

---

[134] Ср. карты этнических групп на куршско-ливской территории, составленные, с одной стороны, на основании письменных источников, а с другой — по данным археологии: V. Kiparsky, Die Kurenfrage. Annales Academiae Scientiarum Fennicae, B XLII, Helsinki 1939 (карты в конце работы) и Ed. Šturms, Zur Vorgeschichte der Liven. Eurasia Septentrionalis Antiqua X, Helsinki 1936, карта рис. 11, стр. 50. Те же карты сопоставлены в работе H. Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā 1952, рис. 84 и 85.

[135] См. H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland II, рис. 87 (карта размещения памятников отмечает в указанном районе только могильные курганы латышского типа).

валось даже предположение, что они проникли туда из Курземе.[136] Но вряд ли правдоподобно, что основная масса обитавших в низовьях Даугавы ливов пришла из Курземе. Не исключена, конечно, возможность, что время от времени на Даугаву переселялись отдельные небольшие группы курземских ливов, но они не могли составить основу всего ливского населения в Видземе. Так или иначе, археология пока еще не в состоянии внести ясность в вопрос о происхождении видземских ливов. В настоящее время мы можем с известной достоверностью проследить историю сложения только курземских ливов.

Хотя нам еще мало известны памятники бронзового и раннего железного века в собственно ливской части Курземе, вполне вероятно, что предками ливов, как и прочих прибалтийско-финских племен, следует считать местные племена культуры ямочно-гребенчатой керамики. Как уже отмечалось, предки ливов очень рано, а именно начиная со II тысячелетия до н. э., были в некоторой степени изолированы балтийскими племенами от остального прибалтийско-финского массива. Их дальнейшее культурное и этническое развитие протекало в условиях исключительно тесного взаимного общения с балтийскими племенами, с которыми они отчасти жили чересполосно. В их среду проникли некоторые германские элементы.[137] Сюда просачивались в течение времени, по всей вероятности, в некотором количестве и эстонцы (особенно с о. Сааремаа). По сведениям «Хроники Ливонии» Генриха Латышского, на территории ливов некогда проживала небольшая группа вендов, представлявших собой, возможно, островок проникших сюда западных славян.[138] Таким образом, небольшое ливское племя, как и соседние племена, сложилось из разнородных элементов.

Как известно, ливский язык заметно отличается от остальных прибалтийско-финских языков. Помимо других особенностей, в ливском языке наблюдается ряд черт, которые сближают его с поволжскими финно-угорскими языками и которых нет в других прибалтийско-финских языках.[139] Такое положение ливского языка становится понятным, если рассматривать ливский островок не в теперешних условиях оторванности от остальных финно-угров, а попытаться представить его себе как часть первоначальной большой финно-угорской семьи. Ливы составляли когда-то одно звено в числе племен культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики. Эта большая группировка охватывала, кроме ливской территории, не только соседние северные районы, современную Эстонию и Финляндию, но простиралась и на восток, достигая Верхнего Поволжья. Предки ливов, таким образом, были связаны через посредство племен, обитавших вдоль Даугавы, с населением Поволжья. Эти посредники были позже поглощены балтийскими и славянскими племенами. Язык небольшой группы ливов донес до нас некоторые воспоминания о существовании этих промежуточных звеньев, племен, связывавших ранних южных прибалтийских финнов с финно-уграми Поволжья.

---

[136] Ed. Šturms, Zur Vorgeschichte der Liven, стр. 42. Напомним одно раннее предположение, по которому ливы появились на их позднейшей территории обитания в сравнительно позднее время через Псковскую и Витебскую земли с берегов Невы. См. С. К. Богоявленский, Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 г. Труды X Археологического съезда в Риге 1896 г., т. III, М., 1900, стр. 92 и сл.

[137] Ср. стр. 94. О более поздних памятниках скандинавского типа на куршско-ливской территории см. B. Nerman, Funde und Ausgrabungen in Grobiņa 1929. Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae, 13.—23. VIII. 1930, Rigae 1931, стр. 195 и сл.

[138] «Хроника Ливонии» Генриха Латышского, X : 14.

[139] П. А. Аристэ, К вопросу о развитии ливского языка. Труды Института языкознания, т. IV, М., 1954, стр. 254 и сл. См. также статью П. А. Аристэ в настоящем сборнике.

В середине и второй половине I тысячелетия (V—IX вв.) в результате разложения родо-племенного строя у древних эстонцев возникли предпосылки для перехода к классовому обществу. В основе этого процесса лежал рост производительных сил, особенно дальнейшее развитие земледелия. В это время более широко распространялось пашенное земледелие, развивалось и животноводство. Совершенствовалось домашнее ремесло и наряду с этим возрастал и обмен. С началом индивидуализации производства стало возможным некоторое обособление малой семьи от общины. В этих условиях стали зарождаться частнособственнические отношения и выделяться отдельные зажиточные семьи, обладавшие большим количеством орудий труда и скота и другими богатствами, в том числе и рабами. Прежняя община, основанная на кровном родстве, сменилась другой, сельской, или территориальной, общиной, в которую могли входить члены разных родов. Родо-племенные объединения сменились союзами территориальных общин — кихелькондами и маакондами («землями»).

С ростом производительных сил, в особенности с дальнейшим развитием земледелия, возрастала численность населения, заселялись ранее не заселенные или редко населенные районы. Количество известных нам памятников этого периода сравнительно невелико. Поэтому они недостаточно отражают изменения в заселении территории Эстонии. Тем не менее, топография памятников дает основание заключить, что к концу рассматриваемого периода количество населения, особенно в западных районах Эстонии и на о. Сааремаа, увеличилось. Одновременно можно заметить, что с разложением родо-племенного строя начинают в некоторой мере стираться локальные особенности и в материальной культуре. В дальнейшем различия между отдельными племенными территориями лишь слабо выступают в металлических украшениях. Правда, у эстонцев, как и у многих других племен, с разложением родового строя уменьшается и количество могильного инвентаря, а поэтому мы знаем металлические предметы рассматриваемого периода вообще несколько хуже, чем соответствующий материал первой половины I тысячелетия. В керамике, обнаруженной в большом количестве раскопками городищ, по-прежнему прослеживается различие между южной и северной Эстонией.

У южных соседей производительные силы, а следовательно, и численность населения, росли в этот период быстрее, чем у эстонцев и других финно-угорских племен. Несколько более быстрыми темпами происходило у них соответственно и развитие общественных отношений. В связи с этим как балтийские, так и славянские племена начинают продвигаться на север, на сравнительно редко заселенную территорию финно-угорских племен. В ливской части Курземе с этого периода появляется сравнительно больше памятников куршского типа, а в северных районах современной Латвийской ССР, где до середины I тысячелетия материальная культура по своему характеру соответствовала культуре южноэстонских племен, в рассматриваемый период распространяются памятники латгальского типа.[140] Материальная культура всего населения этой территории до южной границы современной Эстонии довольно быстро приняла чисто латгальский облик. Этническая ассимиляция коренного населения латгалами потребовала, однако, больше времени, так как на северо-востоке Латвии вплоть до XIX века имелись отдельные «островки» эстонцев, а небольшая

[140] H. Moora, Pirmātnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, ср. карты рис. 43 и 54.

группа так называемых лейвов сохранилась даже вплоть до начала текущего века.[141] Судя по характеру археологического материала, начиная с середины I тысячелетия латгальский элемент быстро растет также и в северной части восточной Латвии, или Латгалии. Но и здесь еще долго сохранялось эстонское население в виде отдельных островков. Не исключена возможность, что описанная в конце прошлого века немногочисленная группа лудзаских (люцинских) эстонцев также была остатком древнего местного населения, а не поздних выходцев из Эстонии, как это полагали раньше.[142] Древняя земля Адзеле, летописная Очела, охватывавшая крайнюю северо-восточную территорию современной Латвийской ССР, к югу от теперешнего Вастселинаского района Эстонской ССР, носила явно эстонское, а не латышское название. Древнерусские летописи называют население Очелы в XII веке чудью.[143] Во второй половине I тысячелетия латгализация южноэстонских племен, обитавших в указанных районах современной Латвии, приняла быстрые темпы, хотя этот процесс завершился намного позднее.

На соседних более восточных территориях в этот период расселялись восточнославянские племена. Древнее население позднейшей Псковщины и современной Великолукской области, которое мы условно назвали собственно чудскими племенами, состояло, очевидно, в непосредственном родстве с юго-восточными эстонцами. К северу от собственно чуди обитали водские племена, близкие по языку к североэстонским племенам. Где следует предполагать границу между собственно чудью и водью, еще не известно. Судя по археологическому материалу X—XI вв., территория води в то время охватывала, помимо южного побережья Финского залива, также северо-восток Причудья, окрестности современного г. Гдова.[144] Более ранние памятники води нам еще мало известны.[145] Води и ижоре в литературе приписываются некоторые могильники второй половины I тысячелетия, имеющие характерную каменную кладку, напоминающую каменные могильники Эстонии и Финляндии.[146] Как указывается в публикуемой ниже статье К. Ю. Марк,[147] водь по своему антропологическому типу несколько отличалась от эстонцев, сближаясь больше с восточными прибалтийско-финскими племенами. Водский язык очень близок к северо-эстонскому наречию, но имеет при этом немало общих черт и с восточными прибалтийско-финскими языками. Водские племена сложились, по-видимому, в тесном контакте с эстонцами, но в основном все же на базе древнего населения, обитавшего к востоку от р. Нарвы.

Продвижение восточнославянских племен из верховьев Западной Двины на север началось, по-видимому, уже в первых веках нашей эры.[148] Однако в юго-восточной пограничной полосе территории Эстонии характерные для восточных славян памятники появляются впервые только около V века.

---

[141] См. Eesti Kirjandus 1935, стр. 365 и сл.

[142] O. Kallas, Lutsi maarahvas (Äratrükk ajakirjast „Suomi" III, 12), Helsinki 1894.

[143] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, стр. 36 (1180 г.) и 203 (1111 г.).

[144] Гдовские курганы по раскопкам В. Н. Глазова. Материалы по археологии России 29. СПБ, 1903.

[145] A. M. Tallgren, The Prehistory of Ingria. Eurasia Septentrionalis Antiqua XII, Helsinki 1938, стр. 79 и сл. A. M. Tallgren, Inkerinmaan muinaisuudesta. Suomalainen Tiedekatemia — Esitelmät ja pöytäkirjat 1937, Helsinki 1938, стр. 37 и сл.

[146] В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода. Советская археология XVIII, 1953, стр. 202, 203.

[147] См. стр. 234.

[148] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 126, 228. В. В. Седов, Кривичи и словене. Автореферат диссертации, М., 1954.

Известный советский этнограф Д. К. Зеленин высказал мнение, что проникновению славян в глубь лесной полосы Восточной Европы существенно содействовало развитие у них подсечно-огневого земледелия. Этот способ обработки земли обеспечивал им в условиях лесного севера успешное освоение новых земель и большие урожаи.[149] С подсечным земледелием были уже до прихода славян знакомы и местные, финно-угорские племена, но у них оно имело, вероятно, более примитивный характер. Успех славянской колонизации объясняется, очевидно, не только тем, что славянские поселенцы владели более развитыми способами подсечного земледелия, но и тем, что они, помимо того, знали пашенное земледелие. Не случайно, что вскоре после появления славян в Приильменье и Причудье местные племена заимствовали у них двузубую соху (эстонское *sahk*), несколько позднее также новый тип серпа (эстонское *sirp* от русского *серп*), некоторые новые типы орудий для молотьбы хлеба и т. д.[150] Более совершенные способы и орудия земледелия и вообще более высокий уровень развития производительных сил давали славянам явный перевес над местными племенами. Обладая соответственно и более развитой общественной организацией, славяне в дальнейшем постепенно ассимилировали коренное население.

Продвижение восточнославянских племен на север отмечается появлением на территориях финно-угорских племен могильников славянского типа, а также городищ со славянским инвентарем (особенно славянской керамикой).[151] Для осевших в Приильменье и по Волхову словен были характерны высокие курганы округлоконической формы, так называемые сопки, насыпанные из земли и камней, в то время как кривичи, расселившиеся по реке Великой и в районах к югу и востоку от Псковского и Чудского озер, хоронили покойников в округлых или своеобразных длинных курганах (рис. 18). Как видно из карты рис. 17, длинные курганы местами расположены вперемежку с сопками. Отсюда можно сделать вывод, что кривичи и словене в ходе своего расселения несколько премешались.

Примерно в V веке курганы славянского типа появляются также на юго-востоке Эстонии, в пределах теперешних Ряпинаского, Вастселинаского, Пыльваского и Выруского районов, а местами еще несколько западнее (рис. 17). Некоторые курганы рассматриваемого периода, обнаруженные на западном побережье Чудского озера, связаны, по-видимому, не с распространением этого типа могил в юго-восточной Эстонии, а, скорее всего, с подобными могильниками на восточном побережье озера.[152] Как видно из нашей карты, небольшое количество длинных курганов кривичского типа встречается и на территории Латвийской ССР, вдоль восточной ее границы.

В Эстонской ССР, в западных частях района распространения славянских курганов, встречаются также каменные могильники эстонского типа. На крайнем юго-востоке Эстонии каменных могильников нет, там обнаружены только курганы.

Курганы славянского типа отличаются от каменных могильников эстонских племен не только по устройству и погребальному обряду, но и по

---

[149] D. Zelenin, Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin u. Leipzig 1927, стр. 9.

[150] См. K. Vilkuna, När kommo östersjöfinnarna till Baltikum ?, стр. 25. K. Vilkuna, Gaffelplogen. Finskt Museum 1935, Helsinki 1936, стр. 59 и сл. K. Vilkuna, Sadonkorjuu- ja viljanpuintivälineiden historiaa, Virittäjä 1944, стр. 176 и сл.

[151] См. сноску 148 на стр. 124. А. С. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы. Советская археология XIX, 1954, стр. 77.

[152] См. В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода, стр. 207 и карта рис. 5.

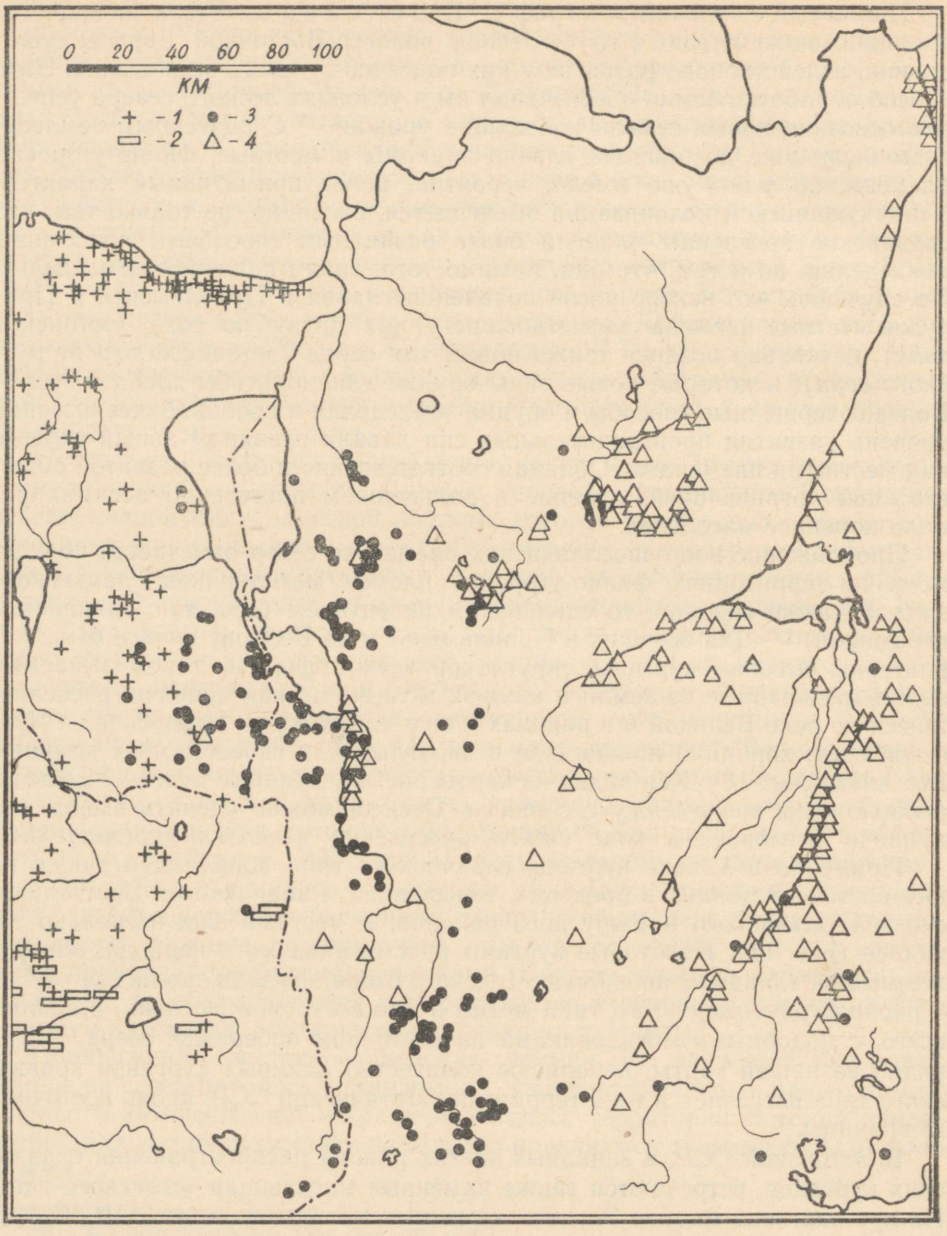


Рис. 17. Типы погребальных памятников середины I тысячелетия на востоке Эстонской и Латвийской ССР и на соседней восточной территории. *1* — каменные могильники эстонских племен; *2* — земляные курганы балтийских племен; *3* — длинные (и некоторые округлые) курганы кривичского типа; *4* — «сопки» словенского типа. Славянские памятники по Н. Н. Чернягину.

своему расположению.[153] В юго-восточной Эстонии, как и на славянских территориях, в те же курганные группы входят наряду с длинными и оваль-

[153] Эстонские курганы пока мало освещены в литературе. Описание одного кургана см. у Х. А. Моора, Археологические работы в Эстонской ССР в 1951 и 1952 гг. Краткие сообщения ИИМК, вып. 55, 1954, стр. 59 и рис. 18.

Рис. 18. Длинный курган в Линдора (Выруский район).

ными («удлиненными») насыпями также круглые и так называемые комбинированные курганы (т. е. курганы, представляющие собой сочетание длинных и круглых насыпей). В Лооси близ Вастселийна отмечена даже одна насыпь типа сопки.[154]

Одной из общих характерных черт, объединяющих обнаруженные в пределах Эстонии курганные группы с соответствующими могильниками на славянских территориях, является их расположение вдоль речных долин или по краям низин, в которых лежат озера. При этом как здесь, так и там длинные курганы обычно образуют ряды, имеющие параллельное речному руслу направление. В этом отношении описываемые могильники коренным образом отличаются от каменных могильников эстонских племен, располагающихся обычно среди полей и не связанных с водными бассейнами. В курганах встречаются только трупосожжения. Остатки трупосожжения помещены в ямку, выкопанную либо в материке под насыпью кургана, либо в самой насыпи. Обычно один курган содержит несколько захоронений. Курганы очень бедны могильным инвентарем. По всем этим особенностям погребального обряда изученные в Эстонии курганы полностью соответствуют аналогичным курганам на соседних славянских территориях.

Курганные могильники юго-востока Эстонии уже давно привлекали к себе внимание. Ими интересовался, между прочим, Ф. Р. Крейцвальд, который отмечает, что он раскопал их около полусотни.[155] Так как в них не было обнаружено почти никаких предметов, интерес к ним позже уменьшился. Все, что было известно о курганах, говорило о том, что это памят-

---

[154] Рукописные материалы сектора археологии Института истории Академии наук Эстонской ССР.

[155] Fr. Kreutzwald, Mitteilung über alte Gräber in der Umgegend Werros. Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- u. Curlands, Bd. 6, Reval 1851, стр. 80 и сл. L. Raud, Fr. R. Kreutzwaldi sidemeist kaasaja eesrindliku intelligentsi, eriti vene akadeemikutega. Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 38. Труды историко-филологического факультета, Таллин, 1955, стр. 57.

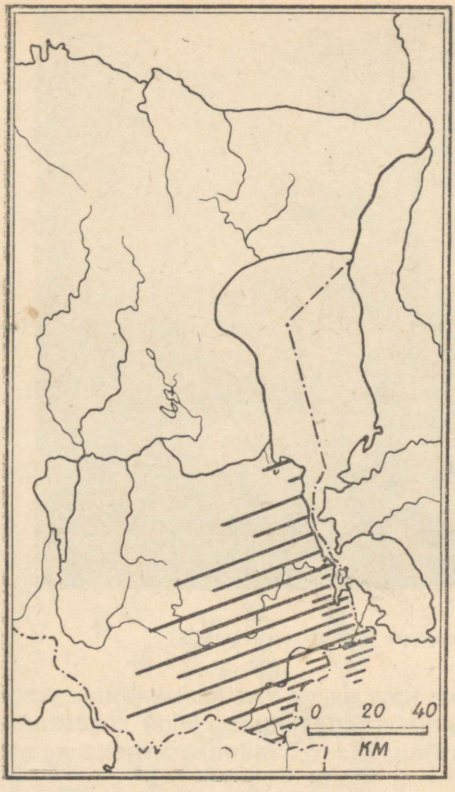


Рис. 19. Русские фонетические черты в юго-восточных говорах эстонского языка. По М. Я. Муст.

ники славянского типа. Так как ни древние письменные источники, ни народная традиция не сохранили сведений о том, что в этой части Эстонии, помимо местного населения, проживали еще какие-то другие этнические элементы, то курганы приписывались эстонским племенам, которые будто бы заимствовали этот тип могильников у славянских соседей.

В связи с раскопками курганов, произведенными за последние годы в Эстонской ССР и на Псковщине, был заново пересмотрен весь относящийся к этим памятникам материал. В результате пришлось изменить прежний взгляд на их этническую принадлежность, так как все больше выяснялось, что выявленные в пределах Эстонии курганы во всех отношениях аналогичны славянским. Столь полное соответствие курганных погребений на территории Эстонии соседним славянским могильникам не может объясняться одним только культурным влиянием, а приходится предполагать, что они принадлежали проникшим сюда славянским, по преимуществу кривичским элементам.

О том, что на юго-востоке Эстонии существовало некогда славянское население, помимо археологического материала, свидетельствуют и языковые данные. Юго-восточные эстонские говоры восприняли в два раза, а язык самой юго-восточной группы эстонцев — сету — даже в четыре-пять раз больше славяно-русских элементов, чем общеэстонский язык.[156] Так как лексические заимствования вообще легко просачиваются из одного языка в другой, то можно было бы и данный случай объяснить обычными сношениями древних эстонцев с их славянскими соседями. Поэтому большее значение имеет другой факт: в том же юго-восточном, так называемом выруском диалекте эстонского языка наблюдается, помимо словарных заимствований, ряд особенностей, которые нельзя объяснить иначе, как существованием когда-то в этом районе смешанной эстонско-славянской речи. Так как ни археологический материал, ни письменные источники не дают основания предполагать, что здесь позже проживало сколько-нибудь значительное количество русских, то речь может идти в основном только о следах того славянского населения, которое проникло сюда во второй половине I тысячелетия. Как показывает карта на рис. 19, составленная по данным кандидата филологических наук М. Я. Муст, славяно-русские фонетические черты наблюдаются в эстонских говорах именно в том районе, где в свое время были распространены курганы славянского типа (ср. карту, рис. 17).

[156] Ср. М. Муст, Отражение русско-эстонских отношений в лексике южноэстонских диалектов. Автореферат диссертации. Таллин, 1954, стр. 23.

По просьбе автора настоящей статьи М. Я. Муст сообщает следующее о прослеживаемых в выруском диалекте фонетических особенностях, объясняемых влиянием соседних русских говоров:

«В фонетическом строе выруского диалекта, включая его западные говоры — харглаский, урвастеский и канепиский, — можно проследить много русских черт, имеющих глубокие корни и являющихся, по-видимому, довольно древними. Как известно, фонетические изменения в языке происходят сравнительно медленно. Отметим прежде всего следующие моменты:

1. Широко распространенная палатализация носит в значительной степени русский характер, ср. сетуское *ńʲuh̀ʀ* 'тупой', *k̓a̯ùma* 'ходить', *k̓ʲù̯ǹd* 'пашет', *k̓ùl̀ǵe* 'бока', *t̓ük̓kül̓e* 'куску'; рыугеское *k̓äk̓'kit̓'ti* 'спрятали'; харглаское *nʲap̆pùɢa* 'пальцем'; урвастеское *śū̯mavahe* 'рабочее время между едой' и т. д.

2. Наличие гласного *i̯*, близкого к русскому ы-, например сетуское *ni̯nà* 'нос', *ri̯ŋgaʔ* 'кольца, обручи', *i̯k̀s* 'всегда'; пыльваское *ki̯nę̯lę̯s̀* 'говорил'; рыугеское *ki̯ik̓* 'все'; харглаское *si̯zàr* 'сестра', *si̯àle* 'войне', *mi̯hè* 'квашня'; урвастеское *si̯s̀* 'тогда', *hî̯rma* 'тереть' и т. д.

3. Через весь выруский диалект (за исключением харглаского говора) проходит такая типично русская черта, как начальный слог *kri-* (*kre-*) > *kri̯* - (*krę-*). В восточных говорах это явление выступает более последовательно, в западных же — более спорадически, например ряпинаское, пыльваское, рыугеское *krę̀sla* ~ *krę̀šna* ~ *krę̀š'kà* < кресло, пыльваское *krę̆pastu* < крепость', сетуское *kri̯ŋkka* < крынка ~ кринка, *kri̯ìmsil̀m* 'замарашка', *kri̯it̓* род. *krī̯ɒ̀ì* 'мел', *krę̀ps* 'черта', *kri̯l̓ma* 'придираться'; вастселийнаское *krę̀hvli* 'грифель'; ряпинаское *krîź* ~ *krę̂ź* 'верша'; пыльваское *krī̯ps* 'черта, линия', *Kri̯štjan* 'Кристьян' (имя); рыугеское *kri̯it̓* 'мел', *kri̯t̓selɒam̆ma* 'царапать, писать каракули'; канепиское *kri̯štal̓* 'кристал, хрусталь'; карулаское *Kri̯stjâń* 'Кристьян' (имя) и т. д. Слово *krę̀ŋɢli* — *kri̯ŋɢli* 'крендель' бытует в таком виде как в сетуском говоре на востоке, так и в каруласком и канеписком говорах на западе.

4. В говоре сету в словах с гласными заднего ряда обычно встречается русское *л* или близкий ему звук *ł*: *ìлm* 'погода', *lōmuš* 'тоня', *k̓ùłm* 'холод', *łàuł* 'песня', *pàł̓łę̯ma* 'молиться, просить'; в некоторых словах согласная *ł* наблюдается даже в рыугеском и харгласком говорах: например, рыугеское *k̓ül̯m* 'холод', *vil̯l̯an* 'наплечное покрывало', харглаское *hołop* < холоп (в смысле 'дурень').

5. Обычное для сетуского говора удлинение короткого гласного и первого компонента дифтонгов (ср. *òłg* 'плечо', *hàǹd* 'хвост', *łę̀hn* 'запах', *vę̀tma* 'брать', *kàìv* 'колодец', *lèìbä* 'хлеба' и т. д.) встречается также в восточной части рыугеского говора, например *vàl̀ɢę̯* 'белый', *nàl̓ja* 'шутки', *ùm̀* 'есть', *sàìzma* 'стоять', *vę̀ì* 'или' и т. д.

Упомянутые фонетические черты выруского диалекта носят явно выраженный русский характер, но они распространены в современных чисто эстонских районах, где не могло иметь места позднейшее непосредственное русское влияние. Вопрос этот, однако, еще детально не изучен, а поэтому трудно пока сказать, к какому периоду следует отнести возникновение этих особенностей. Нет сомнения, что они сложились на протяжении длительного периода. Но в какой именно период они зародились, пока установить еще нельзя. Изменение *kri* в *krõ* произо-

шло, по-видимому, не позднее XV века, когда в псковском наречии появился твердый звук *р*. Между прочим, эта черта наблюдается наиболее последовательно, в то время как остальные встречаются лишь спорадически».

Как уже указывалось, вопрос о русских элементах в юго-восточных говорах эстонского языка нуждается еще в детальном изучении. Необходимо также исследовать топонимику соответствующей территории и т. п. Однако уже имеющиеся в нашем распоряжении археологические и языковые данные позволяют с известной достоверностью заключить, что в этом районе, так же как и среди прибалтийско-финских племен к востоку от Чудского озера, в свое время поселилось некоторое количество славянских, по преимуществу кривичских этнических элементов.

Возможно, что юго-восточная часть Эстонии местами была раньше сравнительно редко заселена. Но по крайней мере бассейн реки Выханду, в котором выявлены поселения позднего неолита и даже одно поселение бронзового века,[157] был, очевидно, обитаем до появления в этом районе курганных могильников. На берегах р. Выханду встречается много курганов славянского типа, датируемых рассматриваемым периодом. Представляется вероятным, что по крайней мере по этой реке и в определенной полосе к западу от нее, где наряду с курганами встречаются и каменные могильники, в середине I тысячелетия образовалось смешанное эстонско-славянское население. Такую же картину представляла, вероятно, и территория к юго-востоку от реки Выханду, хотя мы оттуда, как вообще из более восточных районов, знаем очень мало памятников предшествующих периодов.

Пришлое население не обязательно состояло из одних только славян. Среди пришельцев, проникших поздне на северное и северо-западное побережье Чудского озера, имелись, как мы увидим ниже, как русские, так и водские элементы. Поэтому представляется возможным, что вместе с кривичами на юго-восток Эстонии пришли и некоторые родственные эстонцам чудские элементы, смешавшиеся со славянами в ходе их продвижения на север. Во всяком случае примечательно, что пришлое славянское население проникло только на юго-восток Эстонии, где проживало племя, близко родственное собственно чуди, и не продвинулось дальше, в районы, отмеченные одними только каменными могильниками. В этих районах сложились, как мы видели, несколько иные культурные и отчасти также хозяйственные условия, там успели раньше распространиться зачатки пашенного земледелия; возможно, что поэтому волна славянского населения туда не прошла. Вопрос о характере расселения славян и о причинах, определивших его размах, несомненно сложный и ждет еще уточнения.

С появлением восточных славян в непосредственном соседстве эстонских племен и с возникновением смешанного славяно-эстонского населения в пограничном районе между ними заметно усилилось экономическое и культурное общение, которое началось уже в предыдущий период. Непосредственный контакт с восточными славянами становится одним из важнейших факторов дальнейшего исторического развития эстонского и других прибалтийских народов. Наряду с археологическим материалом, о все растущем влиянии, оказываемом восточнославянскими соседями на развитие культуры как эстонских, так и других прибалтийско-финских племен, свидетельствуют и многочисленные славянские слова, вошедшие в их язык. Как показал П. А. Аристэ, многие древнейшие восточнославянские заим-

---

[157] См. Л. Ю. Янитс, Неолитические поселения на территории Эстонской ССР. Древние поселения и городища, Таллин, 1955, карта рис. 50. Небольшое количество керамики бронзового века найдено на берегу р. Выханду, в Рууса (Ряпинаский район). (ИИ 2813.)

ствования носят на себе черты, характерные для кривичских говоров. Назовем к примеру некоторые из воспринятых эстонским языком восточнославянских лексических заимствований: название рыболовной снасти *kaits* 'катица', упомянутый уже земледельческий термин *sahk* 'соха', слова, связанные с ремесленным производством: *värten* 'веретено', *piird* 'бёрдо'; со строительством: *aken* 'окно', *lava* 'лавка' и т. д. В северо-западных русских говорах прослеживается, в свою очередь, немало лексических и других явлений, воспринятых из прибалтийско-финских языков.

Курганы славянского типа бытовали в юго-восточной Эстонии примерно до IX века, после чего их количество начинает значительно убывать. Единичные поздние курганы встречаются еще в X—XI вв. (ср. карту, рис. 20). Позже на юго-востоке территории Эстонии встречаются погребальные памятники только эстонского типа. Уменьшение, а затем и исчезновение памятников славянского типа, несомненно, говорит о том, что славянские элементы с течением времени постепенно растворились среди эстонского населения. Как уже указывалось, язык обычно ассимилируется значительно медленнее, чем материальная культура. Наглядным примером может служить небольшая этническая группа сету, которая в отношении своей материальной культуры и даже обычаев к настоящему времени сильно обрусела, тем не менее она сохранила эстонский язык. Точно также и после XI века кое-где в юго-восточной Эстонии удерживалось, вероятно, население, говорившее на русском языке, пока оно постепенно не усвоило эстонский язык. Примечательно, что еще в XIV—XVII вв. население юго-востока Эстонии продолжало местами хоронить своих покойников в древних курганах, считая их, очевидно, могильниками своих непосредственных предков.

В древних письменных источниках пока не обнаружено сведений о существовании славян или русских в пределах юго-восточной Эстонии, а поэтому надо полагать, что славянские элементы здесь растворились среди местного населения несколько быстрее, чем остатки древнего эстонского или прибалтийско-финского населения, обитавшего среди славян дальше на восток и юго-восток. Отдельные археологические находки XI—XII вв., обнаруженные на территории к востоку от Чудского озера, показывают, что в тот период там существовало еще немало прибалтийско-финских этнических элементов в виде отдельных островков. Местами прибалтийские финны в незначительном числе сохранились среди русских, как и среди латышей, даже вплоть до XIX в.[158] Раньше считали, что все эти островки эстонского населения или других прибалтийских финнов появились только в XVI—XVIII вв. Правильнее будет, однако, полагать, что наряду с поселениями, возникшими позже в результате переселения сюда отдельных групп прибалтийских финнов, здесь имелось и местное древнее население в виде изолированных островков. Весьма вероятно, что в числе других так называемые крааснаские эстонцы, отмеченные в начале XX века в окрестностях с. Красное близ Опочки Псковской губернии, представляли собой в какой-то мере остаток древнего местного населения, а не были поздними выходцами из Эстонии. В пользу этого предположения говорят местные топонимы, а также определенные черты, отличающие эту группу эстонцев от сету, с территории которых, она, как полагали, вы-

[158] Ряд эстонских этнических островков среди русского и отчасти латышского населения перечисляется в работе O. Kallas, Kraasna maarahvas. (Äratrükk ajakirjast „Suomi" IV, 10.) Helsingi 1903, стр. 3—9. Ср. также сноску 28 на стр. 72 (Шлегель).

шла.[159] У прежних исследователей вообще не возникал вопрос о том, что эти этнические островки могут представлять собой остатки местного коренного населения, а поэтому они рассматривали их всех как позднейших поселенцев и интересовались лишь датой, когда могло произойти их переселение из Эстонии.

О переселении в более позднее время целых групп эстонских и других финноязычных крестьян на соседнюю русскую или латышскую территорию имеется немало документальных данных. Тем не менее, нет оснований сомневаться в том, что на этих территориях долго сохранялись отдельные остатки местного коренного населения. В некоторых случаях приток переселенцев из Эстонии или других районов с прибалтийско-финским населением мог содействовать более долгому сохранению этих этнических островков.

Некоторый приток выходцев из Эстонии явился, по-видимому, важным фактором сохранения в пределах Псковщины немногочисленной группы эстонцев — сету. Из-за скудности археологического материала ничего определенного о происхождении сету пока сказать нельзя. Можно, однако, полагать, что основой этой небольшой этнической группы явилось то же смешанное эстонско-славянское население, на базе которого сложилось и большинство юго-восточных эстонцев, говорящих на выруском диалекте.

IX

Следующий период истории древних эстонцев, а именно IX—XII в е к а, характеризуется дальнейшим заметным ростом производительных сил. Основой сельского хозяйства стало пашенное земледелие. Наряду с ячменем — основной культурой в предшествовавший период времени — важное значение приобретает с XI века также рожь. В непосредственной связи с земледелием продолжало развиваться и животноводство. Письменные источники XII—XIII вв. отмечают наличие у эстонцев большого количества скота. Развилось ремесленное производство — обработка металлов, дерева и кости, а также гончарное дело и ткачество. В XI—XII вв. некоторые ремесла стали выделяться из сельского хозяйства. Прежде других ремесел специализировалось кузнечное дело, поэтому в эстонском и других прибалтийско-финских языках слово *sepp* 'кузнец' стало также названием всякого рода других мастеров. Усилились торговые связи с соседями, особенно с русскими городами — Новгородом, Псковом, Полоцком. На островах и западном побережье материка важное значение приобрели мореходство и заморская торговля. В этих условиях стали возникать поселения городского типа, такие, как Отепя, Тарту, Вильянди, Колывань-Линданисе, предшествовавшая Таллину, и др.

Большое значение для древнеэстонского общества имели все крепнущие связи с древней Русью, которая к тому времени превратилась в самый мощный экономический, политический и культурный фактор всей Восточной Европы. После того, как новгородские владения достигли р. Нарвы, наряду с исконными связями через Псковщину, с русскими землями установился непосредственный контакт также через северо-восточную Эстонию.

---

[159] См. O. K a l l a s, Kraasna maarahvas, стр. 17—18 (топонимика). На стр. 54 высказывается предположение, что население Краасна переселилось из Сетумаа во второй половине XVI века. См. также O. K a l l a s, Die Krasnyer Esten. Volkskundliche Beschreibung. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft XXI, 2, Jurjew (Dorpat) 1904.

С развитием имущественной и социальной дифференциации и накоплением в руках знати богатств, в особенности с возникновением крупного землевладения, в древнем эстонском обществе начинают зарождаться феодальные отношения. Однако, несмотря на возникновение у верхушки феодализирующейся знати крупной земельной собственности, государственные образования у эстонцев сложиться не успели. Их формирование было прервано в первых десятилетиях XIII в. немецко-датской агрессией в Прибалтике, в результате которой эстонский народ подпал под власть чужеземных завоевателей. Вплоть до XIII в. у эстонцев сохранились в общем территориальные объединения — кихельконды и мааконды, — образовавшиеся уже в предыдущий период.

По мере роста производительных сил значительно увеличивалась и численность населения. По приближенным подсчетам, население Эстонии в начале XIII века насчитывало 150—200 тысяч человек. IX—XII вв. представлены более многочисленными и разнообразными памятниками, чем предыдущий период. Топография памятников в сопоставлении со списками деревень, дошедшими до нас в письменных источниках начала XIII века (ср., например, рис. 20 и 30), дает известную общую картину заселения территории Эстонии в рассматриваемый период. К концу этого периода вся территория Эстонии была уже более или менее равномерно заселена. Рост населения сопровождался внутренней колонизацией, в результате которой все немногочисленные безлюдные раннее районы, где имелись благоприятные почвенные условия, были заселены. Даже на острове Сааремаа и в северо-западной части материка, которые в предшествующий период были заселены сравнительно редко, теперь численность населения заметно возрастает. Карта на рис. 20 показывает ход заселения территории Эстонии от начала I тысячелетия н. э. и до XIII века, поскольку он отражается в топографии археологических памятников.

Тем не менее, в начале XIII века имелось еще небольшое число незаселенных или редко населенных районов. Это были по преимуществу сильно заболоченные места, как бассейн р. Пярну, в том числе особенно юго-западная часть эстонского материка — современный Килинги-Ныммеский район и западная часть Пярнуского района. Не было почти населения и в заболоченной полосе, отделявшей древние мааконды Харьюмаа и Рявала от Ярвамаа и Вирумаа. Не была заселена узкая песчаная полоса вдоль северного морского побережья; в северо-западной части материка также пустовала значительная прибрежная полоса, которая была позднее, в XIII—XIV вв., заселена шведами. Были безлюдны и многие острова — Бормси, Кихну и даже Хийумаа; Хийумаа еще в конце XIII в. в одном письменном источнике называется «пустынным островом». Памятники этого периода не обнаружены пока и в центральной части Пандивереской возвышенности (современный Вяйке-Марьяский район), а также в некоторых местах с глинистыми почвами, как, например, в окрестностях Вигала и Тори, где или совсем не было населения, или же оно было крайне редким. Признаков заселения почти нет и на северном побережье озера Выртсъярв. Отсутствие археологических памятников близ современной границы с Латвийской ССР, в районе Харгла, Мынисте и Карула, также по-видимому, свидетельствует о том, что эта территория была, по существу, не заселена. До XI века не было населения и в лесистой заболоченной зоне к северу и северо-западу от Чудского озера, в южной части теперешнего Йыхвиского и в большей части Мустверского района.

Соседями эстонцев на юге, на восточном побережье Рижского залива, были ливы, основная территория которых располагалась в низовьях рек Гауи и Даугавы, в то время как северная ее часть, непосредственно примыкающая к эстонским землям, так называемая Метсепооле, была боль-

шей частью покрыта лесом и имела редкое население. Другая часть ливов обитала, как мы видели, в северной Курземе. Курземские ливы жили частично чересполосно с куршами. Балтийские племена куршей заселяли западное побережье Курземе. К востоку от них, в районе современного города Елгава (Митава), жили близкие им по языку земгалы. В восточной части современной Латвийской ССР обитали латгалы, по которым позже стала называться вся латышская народность. Как уже указывалось, в северной и восточной частях территории латгалов еще с прежних времен существовали островки эстонского населения. Поэтому этническая эстонско-латгальская граница была несколько неопределенной. К югу от теперешних Абьяского и Тырваского районов, на крайнем севере современной территории Латвийской ССР, жило смешанное эстонско-латгальское население.

На юго-востоке территория эстонцев граничила с новгородско-псковскими владениями, в то время как на северо-востоке, восточнее реки Нарвы, находилась подвластная Новгороду Водская земля, где не позднее как с XI века среди води жило и русское население. К северу от Финского залива обитали финские племена: в юго-западной Финляндии — собственно финны, суоми (сумь), в южной части средней Финляндии — хямэ (емь), а в восточной Финляндии и Приладожье — карелы (корела), по соседству с которыми, к югу от Невы, жили близко родственные им ижорцы (ижора).

Население Эстонии в основном состояло из эстонцев, но в отдельных районах кое-где встречались и другие этнические элементы. Мы имеем в виду остатки кривичей, сохранившихся кое-где в юго-восточной Эстонии с предыдущего периода, а также, в особенности, немногочисленное водско-русское население, которое в XI—XII вв. появилось на территории к северу и западу от Чудского озера.

В юго-восточной Эстонии, у дер. Метсте (Пыльваский район), было вскрыто несколько курганов славянского типа, относящихся к XI в. Позднее могильники славянского характера в этой части Эстонии, по-видимому, уже не встречаются. К памятникам славянского типа следует, вероятно, отнести также небольшую группу курганов в Хумули, в южной части средней Эстонии. Она одновременна с метстескими курганами. Эта курганная группа, расположенная обособленно, сравнительно далеко на западе, до сих пор представляла собой загадку для археологов. Возможно, что эти курганы являются памятником какой-то, проникшей из юго-восточной Эстонии небольшой группы славянского населения.

На южной окраине эстонской территории существовали, по-видимому, и отдельные островки смешанного эстонско-латгальского населения. О таком островке свидетельствует, например, могильник у Сиксялэ, в южной части Вастселинаского района, инвентарь которого имеет ярко выраженный латгальский облик (отмечен в самом юго-восточном углу карты рис. 20 крестиком).

В лесистой полосе, охватывающей Чудское озеро с севера, северо-запада и запада, в окрестностях современных Ийсаку, Авинурме и Вара, не обнаружено памятников I тысячелетия до н. э. Исключением является лишь могильник III века в Лахепере у Алатскиви на западном побережье Чудского озера. Этот могильник содержал также захоронения более поздних времен, вплоть до XII в. Недалеко от этого могильника обнаружено и городище того же времени («Ложе Калевипоэга» в Алатскиви) и еще другое, более позднее, по всей ворятности раннефеодальное, укрепление (городище Алатскиви). Эти и некоторые другие памятники сходны в общих чертах с памятниками центральной Эстонии (например, современного Йыгеваского района). Добавим, что череп, сохранившийся в одном из лахепере-

ских могильников (XII в.) по своему типу также сходен с черепами из западной и центральной Эстонии.

В XI—XII вв. в упомянутой полосе к северу и западу от Чудского озера появляются погребения нового, ранее неизвестного в Эстонии типа, а именно курганы новгородско-водского характера. Аналогичные курганы распространены в большом количестве к востоку от Чудского озера и реки Нарвы. По характеру погребального инвентаря, а также по антропологическим признакам погребенных, среди новгородских могильников выделяются курганы новгородских словен (на юге), водско-ижорские курганы (на севере) и курганы смешанного славянского и водско-ижорского населения.[160] Судя по характеру инвентаря и антропологического материала, среди раскопанных на территории Эстонии курганов имеются погребения как водского, так и смешанного славяно-водского населения.[161] Таким образом, в упомянутую прибрежную зону из района, расположенного восточнее Чудского озера, пришло, по-видимому, в основном этнически смешанное население.

Высказывались догадки о причинах, обусловивших переселение немногочисленных групп славяно-водского населения на указанные расположенные среди лесов и болот малоплодородные песчанистые холмы и гряды. Начиная с XI в. в новгородских владениях происходило интенсивное феодальное освоение земель и обложение крестьянства новыми повинностями. Это и явилось, очевидно, причиной того, что некоторая часть крестьян ушла в глубь лесов, где можно было жить более или менее свободно.[162]

Единичные курганы встречались кое-где на западном побережье Чудского озера уже и в предыдущий период (рис. 17). Таким образом, западное побережье озера имело ранее связи с восточным побережьем, и поселенцы XI—XII вв. пришли сюда, по-видимому, не случайно.

Следует отметить, что, по сведениям письменных источников и по этнографическим материалам, и позднее, а именно в XVI—XVIII вв., на территорию, расположенную к северу и западу от Чудского озера, время от времени прибывали русско-водско-ижорские переселенцы.[163] Обстоятельное изучение причин и характера переселения славяно-водских элементов в Эстонию и складывания их отношений с местным коренным населением могло бы дать ряд указаний на то, каким образом в древности, в условиях, значительно отличных от позднейших, происходили подобные передвижения небольших этнических групп.

Хотя в XI—XII вв. в Эстонии уже начался процесс образования феодальных владений, до вторжения немецко-датских завоевателей в начале XIII в. сохранялись прежние территориальные подразделения — кихельконды и их союзы — мааконды, или земли (ср. рис. 20). Крупных маакондов было восемь: Уганди, Сакала, Ярвамаа, Вирумаа, Рявала, Харьюмаа, Ляанемаа и Сааремаа. В центральной Эстонии имелось несколько небольших маакондов или, скорее, кихелькондов, не объединившихся с другими в более крупные союзы: Вайга, Мыху, Нурмекунд и Алемпойс.

Древние кихельконды сложились в общем на базе древних племен. Это вытекает из того, что население каждого кихельконда, как и древние племена, имело обычно свой говор. Кихельконды объединялись в мааконды

---

[160] В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (в особенности карты рис. 7—9). В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. Краткие сообщения Института этнографии, вып. XV, 1952, стр. 72 и сл.

[161] См. статью К. Ю. Марк, стр. 235.

[162] В. В. Седов, Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода, стр. 211.

[163] См. публикуемую ниже статью А. Х. Моора, стр. 264.

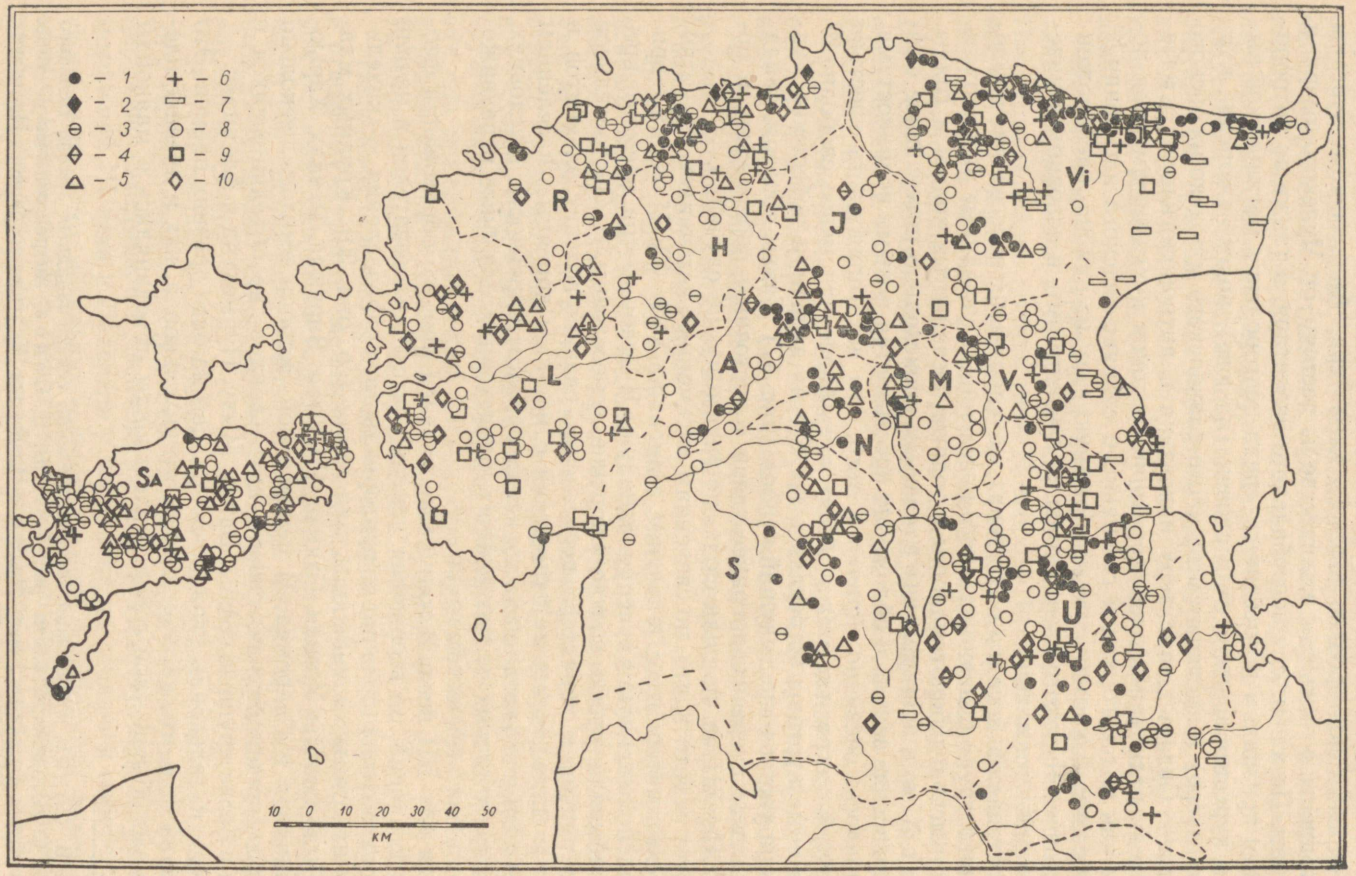


Рис. 20. Заселение территории Эстонии с IV по начало XIII века на основании распространения археологических памятников. Составила С. К. Лауль. *1* — могильники и случайные находки I—IV вв.; *2* — городища I—IV вв.; *3* — могильники и случайные находки V—IX вв.; *4* — городища V—IX вв.; *5* — каменные могильники IX—XIII вв.; *6* — грунтовые могильники IX—XIII вв.; *7* — курганные могильники IX—XIII вв.; *8* — случайные находки IX—XIII вв.; *9* — городища IX—XIII вв. Древние мааконды («земли»): *A* — Алемпойс, *H* — Харьюмаа, *J* — Ярвамаа, *L* — Ляанемаа, *M* — Мыху, *N* — Нурмекунд, *R* — Рявала, *S* — Сакала, *Sa* — Сааремаа, *U* — Уганди (на юго-востоке Валгатабалве), *V* — Вайга, *Vi* — Вирумаа.

также большей частью на основе племенного родства. Некоторые же мааконды в условиях распада родового строя и возникновения новых интересов и связей сложились на базе разных племен или частей племен. Так, например, северная часть Вирумаа, охватывавшая четыре кихельконда, представляла собой территорию племен прибрежного диалекта, в то время как население южной части Вирумаа — ее пятого кихельконда — говорило на среднем североэстонском диалекте и входило первоначально, следовательно, в другую племенную группу. В публикуемой в настоящем сборнике статье М. Х. Шмидехельм рассматривается более подробно формирование мааконда Вирумаа и его кихелькондов, которое может послужить в известной степени примером образования вообще эстонских кихелькондов и маакондов на базе древних племен.

Древние мааконды Ярвамаа и Харьюмаа состояли каждый из трех кихелькондов и сложились на основе племен среднего североэстонского диалекта. Население западной части Харьюмаа (предполагаемого кихельконда Варбола) образовали по преимуществу среднеэстонские элементы, в основу которых, вероятно, лег некоторый западноэстонский субстрат.[164] Примыкавшая к Харьюмаа с севера земля Рявала, состоявшая также из трех кихелькондов, охватывала территорию, большинство населения которой говорило преимущественно на среднем североэстонском диалекте, но в значительной части этого мааконда когда-то, по-видимому, были распространены говоры северного прибрежного диалекта.

Мааконд Сакала, как и Вирумаа, образовался на базе населения двух (отчасти даже трех) племенных групп. В северной части Сакала господствовал средний североэстонский диалект. Местами, (например, в окрестностях Сууре-Яни) в современном языке прослеживаются и некоторые западноэстонские черты (см. рис. 1). В среду населения этого района когда-то просочились, следовательно, и известные западноэстонские элементы. В окрестностях Сууре-Яни нам пока не известны памятники I тысячелетия н. э. Здесь отмечены памятники только XI—XIII вв. Поскольку отсутствие ранних памятников в окрестностях Сууре-Яни обусловлено их незаселенностью в данный период (чего, конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать), то этот район был заселен в основном только начиная с XI в., в процессе наблюдавшейся в это время усиленной внутренней колонизации. Если это предположение соответствует действительности, то надо думать, что поселенцы, проникшие в этот район, пришли по преимуществу из средней Эстонии, вероятно из позднейших соседних кихелькондов Пилиствере или Пыльтсамаа. В этих кихелькондах обнаружен ряд памятников начала I тысячелетия. Частично же сюда, очевидно, пришли выходцы с запада Эстонии. Пока еще трудно сказать, когда именно сюда проникли западноэстонские элементы, уже в рассматриваемый период или позднее. Во всяком случае, эта часть древнего мааконда Сакала может служить примером тех районов, которые были заселены в сравнительно позднее время элементами разных древних племен и где в результате этого сложился говор смешанного или переходного характера.

Близ современного Сууре-Яни в начале XIII в. находилось владение известного старейшины и военачальника Лембиту, типичного представителя феодализирующейся верхушки эстонской знати. В связи с этим возникает вопрос, не поощрялось ли уже в этот ранний период верхушкой знати заселение пустующих земель, так же как это делали феодалы в позднейшие времена. Ответа на этот вопрос дать еще нельзя, но его выяснение представляет большой интерес для понимания характера наблюдаемой в тот период внутренней колонизации.

---

[164] См. ниже статью А. К. Вассара, стр. 197 и сл.

В южной части Сакала, ядром которой является, очевидно, Алистекунд (окрестности современной Халлисте), был распространен свой особый говор, входивший в южноэстонские диалекты; этот говор значительно отличался от говора населения северной части мааконда.

Количество кихелькондов, составлявших землю Сакала, нам неизвестно. Не ясны и западные границы этого мааконда, так как неизвестно, входило ли в состав Сакала также и незаселенное побережье Рижского залива к югу от позднейшего города Пярну.

Другой крупный южноэстонский мааконд назывался Уганди. Пока остается неопределенной его восточная граница, неизвестно также количество его кихелькондов. Основное ядро этого мааконда составляло территория тартуского диалекта, простирающаяся к югу от р. Эмайыги до латгальских земель. По всей вероятности, к Уганди принадлежал и район (кихельконд), расположенный к северу от р. Эмайыги, между ней и рекой Амме, известный под названием Йыгентага, население которого также говорило на тартуском диалекте. С другой стороны, не выяснено, охватывал ли мааконд Уганди и территорию племен выруского диалекта. Юго-восточные говоры, входившие в выруский диалект, были близко родственны тартускому диалекту. Как по языку, так и по своей культуре, юго-восточные эстонские племена были в то же время тесно связаны с коренным населением восточных территорий — собственно чудскими племенами. В середине I тысячелетия н. э. на юго-восток территории Эстонии проникли кривичские элементы, растворившиеся затем постепенно в местной среде. Таким образом, несмотря на близкое родство с племенами остальной части южной Эстонии, население юго-восточных районов занимало все же особое место. Именно эту территорию подразумевает, по-видимому, Генрих Латышский в своей «Хронике Ливонии» под названием Валгатабалве. Это название имеет, возможно, связь с названием современного районного центра Пыльва. Валгатабалве была покорена в XIII в. немецкими завоевателями позднее, чем основная часть Уганди. Как указывается в публикуемых ниже статьях, этот район занимает в некоторой степени особое положение и в отношении своего более позднего этнографического и фольклорного материала. Поэтому возможно, что на рубеже XII—XIII вв. эта территория или представляла собой отдельный мааконд или, входя в состав земли Уганди, была лишь непрочно связана с ней.

Слабая внутренняя связь существовала в некотором отношении и между кихелькондами земли Ляанемаа — мааконда, охватывавшего северо-запад эстонского материка. В Ляанемаа входило 7 кихелькондов. На протяжении всего I тысячелетия Ляанемаа представлена незначительным количеством археологических памятников, поэтому картина ее заселения еще не совсем ясна. Судя по довольно резкому увеличению количества памятников начиная с первых веков II тысячелетия, можно заключить, что с этого периода численность населения стала быстро возрастать. Территория мааконда Ляанемаа в общем совпадала с областью распространения особого, западноэстонского диалекта. В говорах позднейшего населения северной части Ляанемаа прослеживается много черт, общих с средним диалектом североэстонского наречия (ср. рис. 1), а поэтому можно полагать, что население этого района в прошлом сложилось не только из местных коренных обитателей, но и из элементов, проникших сюда из северных и средних частей Эстонии. В говорах населения южной части Ляанемаа, кихелькондов Соонтага и Кырве, помимо североэстонских элементов, имеется и много южноэстонских, в частности южносакаласких черт. Поэтому возможно, что в заселении этого района участвовали выходцы из южной Эстонии. Скудность археологического материала не позволяет еще с уверенностью сказать, в какой именно период в северную и

южную Ляанемаа стали проникать пришельцы из других районов Эстонии. Возможно, что этот процесс начался именно в XI—XII вв., когда здесь прослеживается быстрый рост численности археологических памятников и вообще наблюдается, как уже указывалось выше, усиление внутренней колонизации.[165]

Оба последних упомянутых кихельконда, Соонтага и Кырве, занимают в некоторой степени особое положение по сравнению с остальными кихелькондами Ляанемаа. «Хроника Ливонии» неоднократно рассматривает их особо от других кихелькондов названного мааконда. Соонтага и Кырве были также покорены в XIII в. немцами раньше, чем остальная часть Ляанемаа. И в более поздний период эта территория в отношении говора, этнографического материала и фольклора заметно отличается от остальной Ляанемаа. Все это объясняется, по-видимому, тем, что древнее население этого района сложилось на базе разнородных этнических элементов.

Острова Сааремаа и Муху составляли один мааконд, включавший 4 или 5 кихелькондов. По своим говорам и древней материальной культуре островитяне близко примыкают к населению западной части материка, Ляанемаа.

Незаселенный или же редко населенный остров Хийумаа являлся, очевидно, хинтерландом известных кихелькондов Сааремаа. Северо-восточная часть этого острова, позднейшие кихельконды Пюхалепа и Кяйна, принадлежала, вероятно, к кихелькондам Муху и Пэйде. Это вытекает, во-первых, из характера говоров и топонимики этого района, показывающих, что его население вышло из Муху и Пэйде.[166] Об этом свидетельствует, во-вторых, и то, что в XIII в. при дележе земель между Орденом и Сааре-Ляанеским епископом эта территория вместе с Муху и Пэйде отошла к Ордену, в то время как остальную, юго-западную часть Хийумаа получил епископ. Поэтому можно полагать, что юго-запад острова Хийумаа являлся хинтерландом позднейшего кихельконда Карья. Этот кихельконд также входил в епископские владения. Упомянутая часть Хийумаа была первоначально, по-видимому, заселена выходцами из Карья, хотя позднее туда было переселено некоторое количество крестьян и из северной Эстонии; в XIII—XIV вв. некоторые деревни этой части острова Хийумаа была заселены шведскими крестьянами, выходцами из Финляндии. Таким образом, население этого острова и его говоры сложились довольно поздно из разных элементов, проникших сюда преимущественно извне.

Население, остальных мелких маакондов — Алемпойс, Нурмекунд и Муху — сложилось, по-видимому, на основе племен среднего североэстонского диалекта, а население мааконда Вайга — на базе племен восточного диалекта, причем в состав его довольно рано просочились, очевидно, и некоторые южноэстонские элементы. Как название этого мааконда (Вайга, Вагиа), так и характер диалекта его населения свидетельствуют

---

[165] Судя по тому, что в говорах, а также материальной и духовной культуре населения обеих упомянутых частей Ляанемаа встречается очень много глубоко укоренившихся элементов, заимствованных из соседних маакондов, надо полагать, что сюда поселенцы приходили целыми общинами. Отдельные семьи переселенцев обычно не оставляют столь заметных следов. Появление же целых коллективов может служить свидетельством того, что оно произошло еще в далеком прошлом, так как позднее крестьян переселяли чаще всего отдельными раздробленными семьями. Надо, конечно, отметить, что вышесказанное является пока лишь предположением. Эти, как и другие вопросы процессов внутренней колонизации ждут еще подробного изучения.

[166] P. Ariste, Hiiu murrete häälikud. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis (Tartuensis), B XLVII, 1, Tartu 1939, стр. 260—263.

о связях с водью (Вадья), очевидно с той частью водских племен, которые обитали на восточном побережье Чудского озера.

*

Племя, народность и нация представляют собой исторические категории; они определяют разные ступени исторически сложившейся общности людей и соответствуют определенным общественно-экономическим формациям. Племя соответствовало первобытно-общинному строю, народности в основном сложились в эпоху феодализма, а нации — еще позднее, в условиях капитализма.

С зарождением феодальных отношений у эстонцев также начался процесс формирования народности. В его основе лежали возросшее по сравнению с прежним экономическое общение и, следовательно, более обширный круг общих интересов, в результате которых возникла и известная общность культуры.

Несмотря на то, что в XI—XII вв. эстонская территория распадалась еще на большое число мелких территориальных единиц, в этот период начинает распространяться общее для них название «Эстония», обозначающее эту территорию как нечто целое. Появление этого общего названия отражает образование относительно единой территории эстонской народности. Кроме того, письменные источники этого периода начинают все чаще называть все эстонские племена, несмотря на местные различия в диалектах, культуре и быту, общим именем — «эсты».

Арабский географ Идриси уже в середине XII века упоминает об Эстонии (*Astlanda*). Генрих Латышский, повествуя в своей «Хронике Ливонии» о событиях в разных маакондах в начале XIII в., употребляет обычно собирательное имя «эсты», а эстонские мааконды, по крайней мере расположенные в материковой части, он часто называет «Эстонией» (*tota Estonia, universa Estonia*). Только остров Сааремаа и его жителей Генрих Латышский обычно называет особо. Древнерусские летописи, начиная с XI века, именуют эстонцев и их страну общим словом «чудь» или «Чудской землей».

В области материальной культуры в этот период продолжается постепенное ослабление древних местных племенных особенностей. Начинают распространяться явления, более или менее общие для всех эстонцев. Особенно заметно это у знати, которая в то время все более отделяется от массы народа. Сложение относительно единой материальной культуры находит, например, свое отражение в более или менее единообразном характере одежды, в распространении единого для всей территории Эстонии типа жилища, в однородном орнаменте и т. д. С усилением связей между отдельными землями создались необходимые предпосылки для формирования и языковой общности.

В рассматриваемый период отмечается лишь начало возникновения общности всех вышеуказанных явлений. Более заметными результаты этого развития стали спустя несколько столетий, а в полной мере, пожалуй, только с XVIII века. Однако этот поздний этап сложения эстонской народности изучается уже не на основании археологических памятников, которые исчезают в значительной части в XIII в., а по преимуществу в свете данных письменных источников, языковых, этнографических, фольклорных, антропологических и других материалов.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что в основу формирования эстонского народа, как и других, более крупных народов, легли разнородные этнические элементы. Ранние предшественники эстонцев, прибалтийско-финские племена, обитали на территории Эстонии, по всей ве-

роятности, уже в III тысячелетии до н. э. Уже с ранних времен среди племен, населявших Эстонию, можно проследить наличие двух различных групп — южной и северной. С течением времени в их состав вошли индоевропейские элементы — балтийские, германские, славянские — и, по-видимому, также некоторое количество пришедших позднее с востока финно-угров. В процессе длительного общественно-экономического развития в результате слияния всех этих племен сложились древние эстонские племена, из которых вспоследствии стала формироваться эстонская народность, позднее послужившая, в свою очередь, основой для образования эстонской нации.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

Л. Ю. ЯНИТС

По данным геологии, территория Эстонской ССР освободилась от ледникового покрова примерно в XIII—XII тысячелетии до н. э. Однако прошло еще несколько тысяч лет, пока природные условия стали достаточно благоприятными для постоянного обитания здесь человека.

Древнейшие из известных в настоящее время следов существования человеческого общества на территории Эстонской ССР относятся к VII—VI, а некоторые из них, возможно, даже к VIII тысячелетию до н. э. Из археологических местонахождений рассматриваемого периода наиболее известным является торфяник, расположенный в северной Эстонии, несколько южнее города Кунда. На этом месте когда-то существовало озеро, на котором древние обитатели занимались рыбной ловлей. Следы их стоянки обнаружены на холме, возвышающемся среди торфяника и представлявшем в свое время островок. На самой стоянке, а также на дне бывшего озера найдено много утерянных или оставленных там предметов. Среди них встречаются костяные гарпуны, наконечники копий и стрел, пешни, роговые долота и муфты топоров, слабо отшлифованные каменные тесла, кремневые и кварцевые скребки, резцы, ножички и т. д. Полностью, однако, отсутствуют на стоянке черепки глиняной посуды, столь характерные для поселений более поздних периодов.

Орудия того же типа, в частности такие же орудия охоты и рыбной ловли, найдены еще более чем в двадцати разных местах на территории Эстонской ССР: близ г. Нарвы, на северо-западном побережье озера Пейпси (Чудского), в окрестностях г. Тарту, на побережье озера Выртсъярв, в реке Пярну и т. д. Часть этих находок относится к тому же времени, что и находки в Кунда, остальные — к несколько более позднему, а именно к V и, возможно, даже IV тысячелетию до н. э. Все эти находки представляют так называемую культуру Кунда.

Область распространения кундаской культуры охватывает территорию, значительно более обширную, чем Эстонская ССР. Аналогичные предметы обнаружены в Латвийской и Литовской ССР, в Калининградской области и в северной Польше, некоторые памятники того же характера известны и в Ленинградской, Вологодской и Архангельской областях, а также в Карельской АССР. Древнейшие предметы, обнаруженные в Финляндии, также соответствуют предметам, найденным в Эстонии.[1] Таким

[1] А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 25 и сл., рис. 5. A. Äyräpää, Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. Acta Archaeologica XXI, København 1950, стр. 1—43.

образом, в эпоху мезолита во всей западной части лесной полосы Восточной Европы господствовала однородная материальная культура первобытных охотников и рыболовов (рис. 21 : 1, 2).

Эта культура существовала очень долго, на протяжении нескольких тысяч лет. На территории Финляндии, где поселения каменного века следовали за береговой линией, отступающей в результате послеледникового поднятия суши, этапы мезолитической культуры вплоть до начала неолита прослеживаются лучше, чем в Эстонии. Относительный возраст разновременных береговых линий поддается определению. Этим самым определяется и хронологическая последовательность располагавшихся вдоль этих береговых линий древних поселений. За древнейшими памятниками, содержащими костяные предметы кундаского типа, обнаруженными пока только на юге, в прибрежных районах Финского залива, следуют поселения типа Суомусъярви. Последние содержат изготовленные главным образом путем оббивки и лишь слабо отшлифованные каменные изделия, очень сходные с мезолитическими каменными орудиями типа Выйзику, обнаруженными в Эстонии на северном побережье озера Выртсъярв, а также в Кунда. При всем своем общем сходстве каменные орудия поселений типа Суомусъярви имеют и известные, характерные для отдельных районов различия. По-видимому, еще в период культуры Кунда-Суомусъярви к северу от Финского залива складываются три местные культурные группы: одна — на юго-западе Финляндии, вторая — на юго-востоке Финляндии и в районе Ладожского и Онежского озер, третья — к северу от первой, на территории современного Сатакунта и юга Хяме.[2] Эти группы существовали на протяжении всего мезолита и в значительной степени еще позже, указывая, таким образом, на известную преемственность заселения и развития культуры в Финляндии, начиная с очень ранних времен.

В Эстонии и других районах Восточной Прибалтики, где послеледниковое поднятие суши происходило менее интенсивно и где, следовательно, геологические данные представляют меньше возможностей для датировки археологических памятников, пока не удалось еще с достаточной ясностью отделить более поздние мезолитические находки от более ранних. Однако нет сомнений, что и Восточная Прибалтика была непрерывно заселена начиная с эпохи мезолита. Об этом свидетельствуют материалы ряда памятников, как, например, поселений в низовьях реки Пярну в Эстонии, у Лубанского озера и на реке Двиете в Латвии и близ поселка Серово (бывш. Цедмар) в Калининградской области. Среди этих материалов встречаются предметы как эпох мезолита и неолита, так и раннего металла. Эти памятники еще детально не обследованы, а поэтому нельзя пока определенно сказать, все ли они существовали непрерывно. Все же материальная культура прибалтийского неолита, содержащая много элементов, восходящих к культуре Кунда, свидетельствует о непрерывности заселения территории Восточной Прибалтики.

Количество обнаруженных в Эстонии и других районах Восточной Прибалтики мезолитических предметов довольно значительно, тем не менее в этом материале имеется еще много пробелов и он не обнаруживает столь ярко выраженных специфических черт, чтобы можно было на их основе с достоверностью определить этническую принадлежность древнейшего населения этой территории. Кажется, однако, вполне вероятным, что население всей этой территории в основном состояло из этнически родственных первобытных племен, стоявших на одинаковой ступени культурного развития.

---

[2] А. Äугäрää, указ. соч., стр. 10 и сл.

Пока нет еще возможности с достоверностью определить, откуда проникли в Восточную Прибалтику первые обитатели. Кажется все же вполне естественным, что в основном они продвигались с юга, по мере того как на северных территориях отступал лед и улучшались природные условия. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что в южных районах Восточной Прибалтики открыты сравнительно более ранние памятники, чем в северных. Так, например, в пределах Эстонской ССР пока не обнаружено ни одной археологической находки, которую можно было бы датировать более ранним временем, чем VIII—VII тысячелетие до н. э. В то же время на юго-востоке Латвии, в реке Двиете, найден наконечник гарпуна из рога северного оленя, который вряд ли может быть отнесен к периоду позднее VIII тысячелетия. На территории Литовской ССР и Калининградской области найдены предметы, относящиеся к еще более раннему времени. Наоборот, известные в настоящее время древнейшие находки с территорий Карельской АССР и Финляндии как будто не древнее находок, обнаруженных в Эстонии. Таким образом, можно полагать, что с течением времени группы древнего населения постепенно продвигались все дальше на север, где имелись обширные пустующие пространства, благоприятные для охоты и рыбной ловли.[3]

Гипотезе о южном происхождении древнейшего населения Восточной Прибалтики не противоречит и древнейший, хотя и немногочисленный пока антропологический материал, относящийся, как полагают, к эпохе мезолита.[4]

К сожалению, пока еще совершенно не выяснены связи между культурой Кунда и южными мезолитическими культурами на территориях Польши, Литвы и западной Белоруссии (свидерская культура), также в Приднепровье, на среднем течении Десны и в Волго-Окском бассейне (рис. 21), где древнейшие памятники в общем датируются более ранним периодом, чем памятники кундаского типа.[5] Изучение этих связей в значительной степени затрудняется разнородностью археологического материала. Стоянки упомянутых южных культур дают преимущественно кремневый инвентарь (костяные предметы там, как правило, не сохранились), в Кунда же, наоборот, за недостатком кремня предметы из этого материала представляют собою редкость. Наиболее характерные орудия изготовлялись здесь из кости и кристаллических каменных пород. Поэтому сравнение материалов рассматриваемых культур наталкивается на значительные трудности. Вопрос же о происхождении культуры Кунда не может быть разрешен без учета южных связей.[6]

Следует отметить, что предметы, близкие по типу к инвентарю стоянки Кунда, обнаружены и значительно восточнее. Особенно много их найдено в Шигирском торфянике близ города Нижний Тагил в Восточном Приуралье (Свердловская область). На основании сходства шигирских находок с мезолитическими материалами Восточной Прибалтики выдвигалась гипотеза, согласно которой древнейшее заселение лесной полосы Восточ-

---

[3] Существует мнение, что носители культуры Кунда проникли на территорию Финляндии двумя путями: в юго-восточную Финляндию через Карельский перешеек, а в юго-западную через наиболее узкую часть Финского залива. См. А. Äyräpää, указ. соч., стр. 18 и сл.

[4] См. статью К. Ю. Марк в настоящем сборнике, стр. 222.

[5] А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. Советская археология, XXI, 1954, стр. 38 и сл.

[6] На основании различий в типах каменных предметов западной Финляндии и Приладожья А. Яюряпяа полагал, что обе группы довольно рано подверглись влиянию с двух различных направлений: А. Äyräpää, указ. соч., стр. 36 и сл.

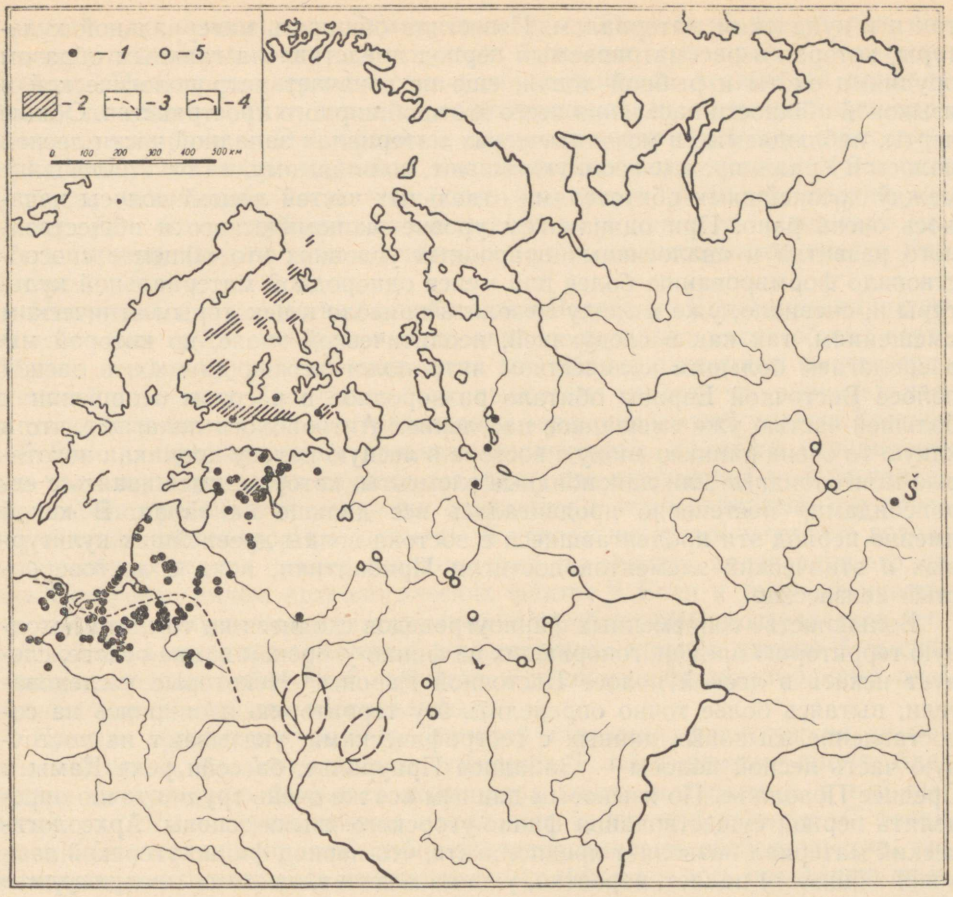


Рис. 21. Мезолитические культуры и памятники в лесной полосе Восточной Европы. *1* — памятники культуры Кунда; *2* — памятники типа Суомусъярви и Выйзику; *3* — северная граница распространения свидерских памятников; *4* — днепровские и деснинские мезолитические поселения; *5* — мезолитические поселения в бассейне Верхней Волги, Оки и Камы; Š — Шигирский торфяник.

ной Европы шло якобы с Урала, распространяясь оттуда до Балтийского моря.[7]

Однако гипотеза эта в таком виде не имеет под собой достаточной основы, так как пока не доказано, что находки шигирского типа на Урале более раннего происхождения, чем древнейшие археологические памятники Восточной Прибалтики. Заселение же промежуточного пространства между этими территориями, отделенными друг от друга расстоянием примерно в 2000 км, должно было занять продолжительное время. К тому же, восточная часть лесной полосы, от Урала до Вологодской области, представлена пока еще очень малым количеством соответствующих находок. Все же можно ожидать, что со временем и в этом районе будут открыты мезолитические торфяниковые стоянки, в которых сохранился костяной материал, и что последний окажется достаточно близким как к шигирским,

[7] А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 25 и сл., рис. 5. А. Я. Брюсов, К вопросу о заселении севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 8 и сл.

так и к кундаским материалам. Известная общность материальной культуры, которая в рассматриваемый период представлена главным образом орудиями охоты и рыбной ловли, еще не означает антропологической и языковой общности населения всего этого обширного пространства. Общие черты, наблюдаемые в мезолитических материалах западной части лесной полосы и Урала, прежде всего указывают, по-видимому, на то, что общение между древнейшими обитателями отдельных частей лесной полосы началось очень рано. При одинаковом уровне экономического и общественного развития и аналогичных природных условиях это общение способствовало формированию более или менее однородной материальной культуры и, очевидно, уже в эпоху мезолита привело к некоторым этническим смешениям, так как в следующей, неолитической эпохе, по которой мы располагаем бóльшим количеством антропологических данных, в лесной полосе Восточной Европы обитало разнородное в расовом отношении и большей частью уже смешанное население.[8] Антропологи полагают, что в какую-то очень раннюю эпоху с востока в лесную полосу проникли некоторые монголоидные или лапоноидные элементы, которые, смешиваясь с европеоидами, постепенно продвигались все дальше на запад. В какой именно период эти продвигавшиеся с востока волны древнейших культурных и этнических элементов достигли Прибалтики, пока с достоверностью неизвестно.

Большинство современных финноугроведов сходится на том, что исходную территорию племен, говоривших на финно-угорском языке-основе, следует искать в лесной полосе Восточной Европы.[9] Некоторые исследователи, пытаясь более точно определить эту территорию и опираясь на сопоставление языковых данных с географическими, указывают на восточную часть лесной полосы — Западное Приуралье, бассейн реки Камы и Среднее Поволжье. По языковым данным все же очень трудно точно определить период существования финно-угорского языка-основы. Археологический материал позволяет предполагать, что период финно-угорской языковой общности падает, вероятно, уже на мезолит, так как в эпоху неолита отдельные группы финно-угорских племен расселились уже на весьма обширных пространствах и их материальная культура в значительной степени дифференцировалась. Поэтому у них не мог сохраниться единый язык. Выделение основных групп финно-угорских языков началось, очевидно, не позднее эпохи мезолита. В настоящее время еще не представляется возможным осветить более подробно этот вопрос, так как в лесной полосе Восточной Европы мы знаем пока слишком мало мезолитических памятников, на обширных пространствах невозможно еще проследить связь между мезолитическими и неолитическими культурами. Ни одну археологическую культуру нельзя еще связать с племенами, говорившими на финно-угорском языке-основе.

Несколько более достоверный археологический материал для выяснения этнических вопросов имеется по эпохе неолита, когда появляется керамика. Последняя имеет большое значение для прослеживания этнических взаимоотношений. По общему мнению, обоснованному главным образом советскими археологами, характер керамики, особенно же ее орнаментации, тесно связан с древними поверьями и традициями.[10] Появление новых типов керамики и других соответствующих им археологических ма-

---

[8] Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы. Советская этнография № 1, 1952, стр. 41 и сл.

[9] См. статью П. А. Аристэ в настоящем сборнике, стр. 11 и 12, где приводятся и другие литературные источники.

[10] М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 29, 1952, стр. 64 и сл.

териалов дает основание полагать, что в эпоху неолита на территорию восточного побережья Балтийского моря несколько раз проникали новые племена. Ниже рассматриваются некоторые вопросы этнической принадлежности неолитических племен по преимуществу на основании археологических материалов. Одновременно делается попытка увязать их по возможности с лингвистическими и антропологическими данными. Все эти вопросы, несомненно, носят еще более или менее проблематический характер. Для более глубокого их освещения надо накопить и детально изучить гораздо больше археологических и других материалов, чем у нас имеется.

Неолитическая керамика лесной полосы Восточной Европы распадается на несколько групп, которые имеют, однако, довольно много общих черт. Обычно все эти группы объединяются под общим названием ямочно-гребенчатой керамики. Уже давно было высказано мнение, что значительная часть неолитической ямочно-гребенчатой керамики лесной полосы Восточной Европы принадлежала древним финно-уграм. Главным основанием для такого утверждения служил тот факт, что территории распространения ямочно-гребенчатой керамики совпадают с теми районами, где позднее обитали финно-угорские племена. В настоящее время советские археологи в общих чертах придерживаются того же мнения, подтвердив его, со своей стороны, рядом археологических фактов.[11] Если к тому же учесть, что, по данным языковедения, топонимика на обширных пространствах лесной полосы в значительной мере финно-угорского происхождения,[12] то связывание ямочно-гребенчатой керамики с древними финно-угорскими племенами кажется вполне обоснованным.

Прежде культура ямочно-гребенчатой керамики, несмотря на ее обширный ареал, рассматривалась суммарно. В последнее же время, благодаря поступлению большого количества новых материалов, в ней выделен ряд более ограниченных локальных групп или культур. С точки зрения этнических вопросов особое значение имеет то обстоятельство, что на территориях некоторых из этих местных групп удалось проследить преемственность развития материальной культуры и непрерывность заселения вплоть до появления письменных исторических источников. В этой связи нас в первую очередь интересует, конечно, территория Эстонской ССР и ее ближайшие соседние районы. Для лучшего освещения вопроса иногда приходится привлекать материал более отдаленных областей.

В своей крупной монографии по древнейшей истории севера Европейской части СССР М. Е. Фосс различает среди неолитической керамики лесной полосы три большие группы. Из них западная группа охватывает восточное побережье Балтийского моря и соседнюю территорию примерно по линии Ладога—Волхов, центральная — Волго-Окский бассейн и узкую полосу, простирающуюся оттуда на север до Белого моря, а третья группа, отделенная от первых двух обширным пространством, на котором выявлено очень мало неолитического материала, была распространена на восточных склонах Урала и в Западной Сибири, местами простираясь и западнее Урала, в Среднее Прикамье. На основании анализа рассматриваемых групп керамики М. Е. Фосс приходит к заключению, что в них отражаются обитавшие в лесной полосе различные крупные этнические массивы. В зависимости от степени сходства в орнаментике отдельных групп

---

[11] А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 254 и сл. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, II издание, М., 1953, стр. 29, Х. А. Моора, Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных. Советская археология, XXI, 1954, стр. 95 и сл. См. также настоящий сборник, стр. 61 и сл.

[12] См. статью П. А. Аристэ в настоящем сборнике, стр. 11.

керамики, она считает, что первые два упомянутых племенных массива имеют общее происхождение, в то время как третий, по ее мнению, этнически отличался от предыдущих.[13]

Этническое родство может, конечно, быть более близким или более отдаленным. На основании одного лишь археологического материала часто бывает трудно судить, имеем ли мы перед собой племена, состоявшие в отдаленном родстве или совершенно чужие друг другу. В результате происходивших на протяжении веков этнических смешений в материальную культуру территориально обособившихся родственных племен могли вливаться новые, чуждые элементы, обусловившие появление значительных различий между этими племенами. Не приходится сомневаться, что в процессе исторического развития это именно так и происходило. Что касается вышеописанных племенных массивов в лесной полосе Восточной Европы и в Западной Сибири, то в орнаментике характерных для них типов керамики встречается столько сходных черт, что нет оснований считать их совершенно чуждыми в этническом отношении. Детальное освещение этого вопроса выходит, однако, за рамки настоящей статьи.

Древнейшие формы ямочно-гребенчатой керамики пока еще слабо изучены. Мы еще не можем судить, каким образом сложились отдельные типы неолитической керамики лесной полосы, какие из них возникли и получили дальнейшее развитие от общего корня и какие образовались самостоятельно. Возможно также, что некоторым известным в настоящее время развитым типам керамики предшествовала более примитивная керамика.[14] Пока эти вопросы не разрешены, трудно осветить пути развития неолитической керамики лесной полосы и тем самым этнические взаимоотношения обитавших здесь племен. Для выяснения же этнических вопросов, как уже указывалось, керамика представляет собой очень ценный материал.

Большинство известных нам в настоящее время древнейших типов керамики лесной полосы (рис. 22), поскольку они поддаются датировке, относится, по-видимому, к первой половине III тысячелетия до н. э. Поселения этого периода открыты на восточных склонах Среднего Урала и в Западной Сибири, т. е. в пределах того района, где, по мнению М. Е. Фосс, располагалась восточная группа. Как свидетельствуют исследования С. П. Толстова в районе Аральского моря, поселения, содержащие керамику того же типа, уже рано встречались и значительно южнее. На Урале и в Западной Сибири эта керамика продолжала развиваться и позднее.[15]

Ранняя керамика известна и в отмеченной М. Е. Фосс средней группе. Она найдена на Льяловской стоянке близ Москвы и на других стоянках в районе Волго-Окского бассейна.[16] И здесь прослеживается дальнейшее развитие керамики этого типа, причем с течением времени она распространяется в более северные районы.

При сравнении между собой керамики урало-западносибирской группы и Волго-Окского бассейна можно заметить довольно значительные различия между ними. Они наблюдаются уже на самых ранних известных нам

---

[13] М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 153 и сл., рис. 88.

[14] Ср. М. Е. Фосс, указ. соч., стр. 154. А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 46.

[15] В. М. Раушенбах, Керамика шигирской культуры. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 55—68. В. Н. Чернецов, Древняя история Нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии, № 35, 1953, стр. 7—71. С. П. Толстов, Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948, стр. 59—66.

[16] М. Е. Фосс, указ. соч., стр. 154 и сл. А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 46 и сл.

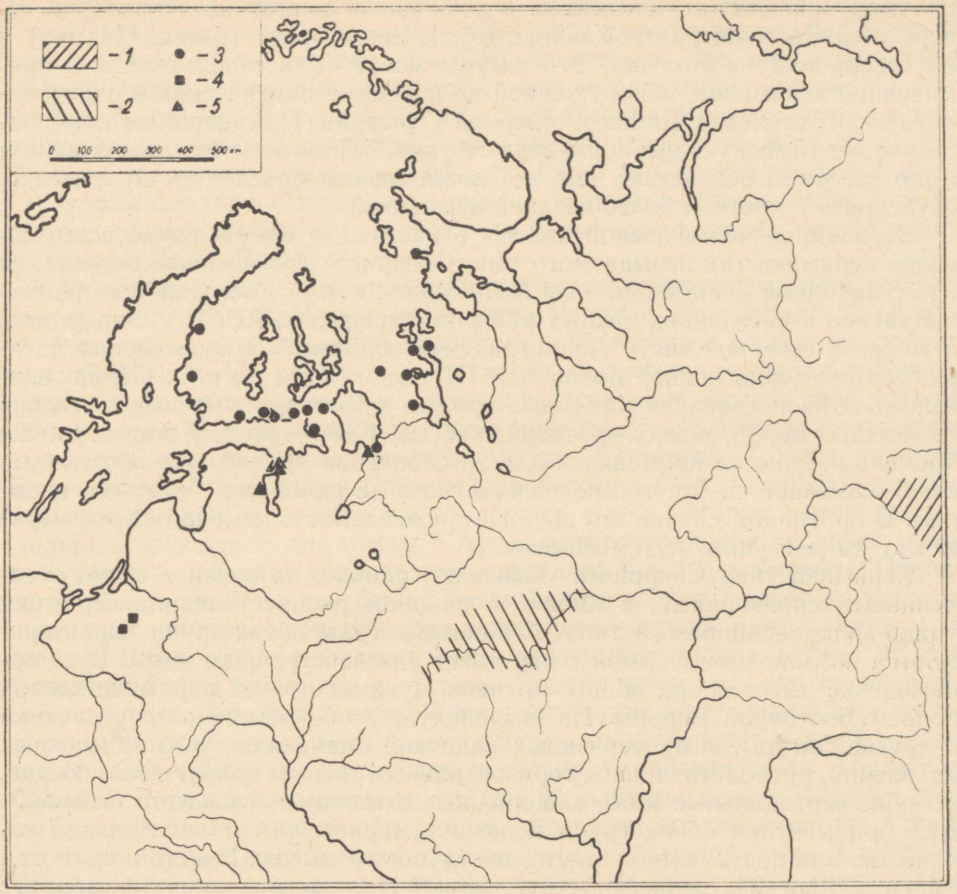


Рис. 22. Распространение ранненеолитических типов керамики в лесной полосе Восточной Европы. *1* — уральская и западносибирская ранняя керамика; *2* — волго-окская ранняя керамика; *3* — керамика типа Сперрингс; *4* — керамика серовского типа; *5* — керамика нарвского типа.

этапах их развития и проявляются, в частности, в орнаментике. Для керамики первого типа характерны прочерченные палочкой или нанесенные гребенчатым штампом прямые или волнистые линии и наряду с ними оттиски зубчатого края гребенчатого штампа,[17] в то время как керамика волго-окского типа украшена преимущественно ямочками, наряду с которыми изредка встречаются и зубчатые оттиски.[18] В обеих группах зональное расположение орнамента выступает еще сравнительно слабо, хотя в керамике волго-окского типа оно все же довольно заметно. Общей для обеих групп чертой является простая форма сосуда с остро- или округловыпуклым дном.

Древнейшие из известных в настоящее время типов керамики западной части лесной полосы не представляют собой единой группы. Можно установить наличие 2—3 различных типов керамики. Наиболее ранними из них являются, по-видимому, глиняные сосуды с острым дном и скудным, очень

---

[17] В. М. Раушенбах, указ. соч., рис. 18 : 1—13. В. Н. Чернецов, указ. соч., табл. IX.

[18] М. Е. Фосс, указ. соч., рис. 80 : 1—7, 82, 83 : 1—5, 85. А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, рис. 7 : 11.

простым орнаментом, найденные в нескольких местах на территории теперешней Калининградской области близ дер. Серово (бывш. Цедмар) и на северо-востоке Польши. Эти сосуды могут быть сопоставлены с примитивной керамикой, обнаруженной на позднемезолитических и ранненеолитических стоянках Дании и северной Германии. Пыльцевой анализ подтверждает глубокую древность этих сосудов.[19] Пока эта керамика слишком мало известна, вследствие чего нет возможности проследить ее генетическую связь с местной более поздней керамикой.

В западной части лесной полосы в настоящее время лучше всего изучена керамика так называемого типа Сперрингс (по названию поселения в юго-западной Финляндии близ Хельсинки), которая встречается преимущественно в поселениях южных районов Карельской АССР и Финляндии, а также в северной части Ленинградской области.[20] Эти поселения датируются примерно первой половиной III тысячелетия до н. э. Обнаруженные на этих поселениях каменные орудия изготовлены преимущественно из местных пород, между прочим из кварца. Крайне редкий в этом районе кремень обычно не применялся для изготовления орудий. Это обстоятельство указывает на отсутствие тесных связей с районами, богатыми кремнем. В противном случае это широко применяемое в каменном веке сырье могло бы поступить путем обмена.

Керамика типа Сперрингс указывает, однако, на связи с очень отдаленными территориями, а именно с районом распространения керамики урало-западносибирского типа. Глиняные сосуды обеих групп характеризуются котловидной формой с округлым или заостренным дном. В их орнаментике имеется ряд общих мотивов, чуждых прочей керамике лесной полосы Восточной Европы. Из них следует особо отметить треугольники и другие фигуры из прочерченных палочкой линий или густо нанесенных вдавлений, располагающихся горизонтальным поясом вокруг всего сосуда, а также вертикальные зоны, заполненные оттисками угловатого штампа.[21] Для орнаментики обеих групп керамики характерно незначительное количество или почти полное отсутствие глубоких ямочек. Вместо них иногда имеются плоские овальные углубления.[22] На керамике типа Сперрингс встречаются также волнистые линии, хотя не так часто, как на керамике восточной группы.[23] Помимо разного рода вдавлений, западносибирскую неолитическую керамику и керамику типа Сперрингс объединяет, по-видимому, еще одно явление, не присущее прочей керамике лесной полосы, но имеющее аналогии на неолитических поселениях Приаралья — это окраши-

---

[19] W. Gaerte, Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens, Königsberg 1927, стр. 45—46. L. Kilian, Neuere Funde ältester Irdenware aus Ostpreussen. Alt-Preussen, 3. Jg., Königsberg 1938, стр. 85—87. H. Gross, Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch. Prussia, Bd. 33, H. 1—2, Königsberg 1939, стр. 100—168, особенно стр. 135.

[20] Н. Н. Гурина, Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. Материалы и исследования по археологии СССР, № 20, 1951, стр. 80—96. A. Europaeus-Äyräpää, Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland. Acta Archaecologica 1, København 1930, стр. 171—179. Финские археологи называют этот тип керамики ранней ямочно-гребенчатой керамикой (по А. Яюряпяа — стиль I : 1).

[21] В. М. Раушенбах, указ. соч., рис. 18 : 3, 4, 8, 9, 16, 22. В. Н. Чернецов, указ. соч., табл. IX : 4, 6. A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., рис. 1—10, 23—25. Н. Н. Гурина, указ. соч., рис. 10 : 5; 11 : 1.

[22] В. Н. Чернецов, указ. соч., стр. 14, табл. III : 15. A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., стр. 172 и сл., рис. 11—13.

[23] В. М. Раушенбах, указ. соч., стр. 58, рис. 18 : 5, 6, 10, 14, 15, 17—19. В. Н. Чернецов, указ. соч., табл. IX : 3. A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., рис. 30. A. Europaeus, Stenålderskeramik från kustboplaster i Finland. Suomen Muinasmuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXVI : 1, Helsinki 1927, стр. 55, рис. 13 : 1.

вание наружной поверхности некоторых сосудов.[24] В орнаментике керамики типа Сперрингс и керамики восточной группы наблюдаются и различия. Из них наиболее существенным, пожалуй, является то, что для орнаментации керамики типа Сперрингс применялся штамп перевитого шнура. На древнейшей керамике Приуралья и Западной Сибири это как будто не практиковалось. Этот орнаментальный элемент воспринят керамикой типа Сперрингс, по-видимому, с запада, возможно из Скандинавии.[25] В целом же керамика типа Сперрингс и ранняя керамика Урала—Западной Сибири довольно близки друг к другу и в то же время отличаются от ранней керамики Волго-Окского бассейна.

Учитывая вышеизложенное, кажется вполне вероятным, что в рассматриваемый период обитатели теперешних Карелии, Ленинградской области и Финляндии находились в сношениях с племенами восточных районов лесной полосы. На характер этих сношений проливают свет и некоторые другие находки в Финляндии и Карелии. Последние, правда, еще точно не датированы, но по крайней мере некоторые из них, по имеющимся данным, относятся к сравнительно раннему периоду неолита. К этим находкам принадлежит изготовленный из кедровой сосны (Pinus cembra) полоз от саней и две ложки из того же материала, ручки которых заканчиваются головкой животного или птицы.[26] Ареал распространения кедровой сосны, как известно, заходит лишь немного западнее Уральского хребта. Появление в Финляндии, на побережье Ботнического залива, полоза из этого дерева в условиях того времени вряд ли можно объяснить межплеменным обменом. Более естественно считать, что он является свидетельством проникновения группы населения с востока. Вполне возможно, что та же волна переселенцев принесла с собой и вышеупомянутые культовые деревянные ложки, подобные тем, которые, как видно из шигирских и горбуновских материалов, были в употреблении также у неолитических обитателей Урала.[27] Хотя ни при одном из найденных в Финляндии и Карелии изделий из кедровой сосны не обнаружено керамики, вполне вероятно, однако, что упомянутые предметы синхроничны с керамикой типа Сперрингс. Именно этот тип керамики указывает также на культурные связи с Приуральем и Западной Сибирью, которые в собственно неолитической керамике Карелии и Финляндии в такой степени больше не прослеживаются.

Таким образом, керамика типа Сперрингс служит, очевидно, свидетельством переселения в теперешнюю Карельскую АССР, Ленинградскую область и Финляндию известной группы или групп населения из сравнительно отдаленных восточных областей. Достигнув восточного побережья Балтийского моря, пришельцы встретили здесь редкое население, представлявшее, по-видимому, потомков племен культуры Кунда-Суомусъярви. Знало ли местное население уже раньше керамику, пока не известно. Во всяком случае, в керамике типа Сперрингс заметны и западные элементы, как, например, упомянутое уже применение штампа перевитого шнура.

---

[24] A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., стр. 172. В. Н. Чернецов, указ. соч., стр. 14. С. П. Толстов, указ. соч., стр. 63.

[25] A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., стр. 174—176. Происхождение керамики типа Сперрингс или, по крайней мере, ряда элементов ее орнаментики А. Яюряпяа связывает в общем с культурным влиянием, проникшим с юга. См. A. Äyräpää, Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige. Finskt Museum LXII, 1955, стр. 28—47.

[26] U. T. Sirelius, Über die Art und Zeit der Zähmung des Renntiers. Ylipainos Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirjasta, Helsinki 1916, стр. 15 и сл., рис. 3. J. Ailio, Zwei Tierskulpturen. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXVI: 19, Helsinki 1912, стр. 262 и сл., рис 6. A. Europaeus, Uusia kivikauden taidelöytöjä. Suomen Museo XXXVI, 1929, стр. 83 и сл., рис. 2.

[27] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Труды Государственного исторического музея, вып. X, 1940, стр. 34 и сл., рис. 23—45, 47, 51—55.

Учитывая большое расстояние, отделяющее побережье Балтийского моря от Приуралья, между этими территориями не могли, очевидно, сохраниться особенно тесные связи.

В результате исследований последних лет ранняя керамика, датируемая периодом не позднее середины III тысячелетия до н. э., обнаружена также и на территории Эстонской ССР. Она найдена в четырех неолитических поселениях: в Нарва—Рийгикюла I и III, расположенных в нижнем течении реки Нарвы, в самом городе Нарва и в поселении Акали, в районе устья реки Эмайыги (рис. 22 : 5).[28] Хотя эта керамика по основным своим признакам также относится к ямочно-гребенчатой керамике в широком смысле этого слова, она все же не вполне сходна ни с одним из ее местных типов, о которых шла речь выше. Керамика нарвского типа образует, повидимому, самостоятельную местную группу. С керамикой, найденной близ дер. Серово, Калининградской области, ее объединяет остродонная форма сосудов и скудный орнамент. В ней прослеживаются известные общие черты с поздней стадией керамики типа Сперрингс (по А. Яюряпяа — стиль I : 2), например орнамент из слабых оттисков гребенчатого штампа,[29] в целом же керамика нарвского типа имеет более редкий орнамент и другой состав глиняного теста. Наличие сходных черт хорошо объясняется территориальной близостью обеих групп керамики. С другой стороны, в орнаменте керамики нарвских поселений наблюдаются некоторые, хотя и малочисленные, элементы, характерные для уральской керамики. Следует особенно отметить своеобразный зигзаговидный орнамент из узких зубчатых оттисков («шагающая гребенка»), встречающийся на некоторых черепках из поселений Нарвы и Нарва—Рийгикюла.[30] Мы имеем здесь, вероятно, не случайное совпадение, а результат продолжительных соприкосновений между населением разных районов лесной полосы, возможно появления на побережье Балтийского моря какой-то новой группы населения с востока. Учитывая ограниченность области распространения керамики нарвского типа, эта предполагаемая новая волна пришельцев была меньше предыдущей, связанной, очевидно, с керамикой типа Сперрингс.

Таким образом, археологический материал указывает, во-первых, на то, что уже начиная с появления самой ранней керамики неолитические культуры лесной полосы Восточной Европы были настолько дифференцированы, что навряд ли племена — носители этих культур могли пользоваться общим языком. И в дальнейшие периоды на рассматриваемой территории не прослеживается ни одна археологическая культура, которая охватывала бы территорию всех или, по крайней мере, большинства финно-угорских племен. Нет также никаких признаков их расселения. Поэтому надо полагать, что языковая общность финно-угорских племен к тому времени уже распалась и они разветвились задолго до появления керамики. Архео-

---

[28] См. статьи Н. Н. Гуриной и Л. Ю. Янитса в сборнике «Древние поселения и городища», Таллин, 1955, стр. 153 и сл., стр. 179 и сл., стр. 190 и сл., табл. XLII : 9—12; XLIII; XLIV : 1—7. Отметим, что в вопросе датировки рассматриваемого типа керамики мнения Н. Н. Гуриной и автора настоящей статьи расходятся. Ввиду того, что в поселениях Акали и г. Нарвы керамика нарвского типа залегала глубже, чем типичная ямочно-гребенчатая керамика, автор считает ее более ранней и относит, таким образом, к середине III тысячелетия до н. э. Возможно, что к керамике нарвского типа следует отнести и часть черепков, подобранных на южном берегу Ладожского озера при строительстве Сясьского канала. Эти черепки также содержат толченые раковины и, судя по снимкам, похожи на обломки керамики из поселений Нарва—Рийгикюла. (См. А. А. Иностранцев, Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера, СПБ, 1882, стр. 167—170, табл. XII : 10, 11, 13.)

[29] Древние поселения и городища, табл. XLIII : 1.

[30] Там же, табл. XLIII : 12.

логический материал раннего неолита указывает, во-вторых, и на то, что материальная культура потомков племен культуры Кунда, обитавших в западных районах лесной полосы, к первой половине III тысячелетия была уже значительно дифференцированной. Особенно ярко это проявляется в наличии разнородных типов керамики на прежней территории распространения культуры Кунда-Суомусъярви. Нет оснований сомневаться в том, что потомки мезолитического населения продолжали обитать на той же территории и в неолитическую эпоху, но крайняя слабость взаимных связей и проникшие извне новые влияния обусловили заметную дифференциацию их культуры.

Во второй половине III тысячелетия, в результате общего развития производительных сил и роста населения, в лесной полосе произошли довольно значительные передвижения племен. На это указывает возникновение целого ряда неолитических поселений на новых обширных пространствах и широкое распространение на них известных типов керамики. Новые группы населения появились, по-видимому, и на территории теперешней Эстонской ССР. Это предположение основывается на нижеследующих фактах.

На поселении Акали за древнейшей керамикой нарвского типа следует типичная ямочно-гребенчатая керамика. Последняя характеризуется расположением орнамента горизонтальными зонами и часто встречающимися в нем геометрическими фигурами в виде выполненных зубчатым штампом ромбов, треугольников, зигзагообразных линий.[31] Примерно в тот же период или отчасти несколько позднее на территориях Эстонии и Латвии и даже еще дальше к югу возникает целый ряд новых поселений, для которых характерна типичная ямочно-гребенчатая керамика. Имеющиеся в настоящее время материалы не дают пока возможности установить на территории Эстонии преемственности в развитии керамики от нарвского типа до типичной ямочно-гребенчатой керамики; поэтому кажется вероятным, что типичная ямочно-гребенчатая керамика проникла сюда извне в сложившемся виде.

Типичная, орнаментированная геометрическим узором ямочно-гребенчатая керамика распространена главным образом в северо-западных районах Союза ССР и в Финляндии (рис. 23 : 3).[32] Много поселений с типичной ямочно-гребенчатой керамикой обнаружено в южной и центральной Финляндии и на севере Ленинградской области, довольно часто они встречаются и на территориях Эстонии и Латвии. Несомненно, что и в Литве должна быть типичная ямочно-гребенчатая керамика. Хотя неолитические памятники Литвы пока еще слабо изучены, имеются единичные сведения о наличии и там ямочно-гребенчатой керамики. Далее эта керамика распространилась вдоль побережья Балтийского моря в юго-западном направлении. Она встречается в Калининградской области и в незначительном количестве также в северной Польше. Границы ареала распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики в южном направлении еще не вполне выяснены. В центральных районах Польши наблюдается уже другой тип керамики, а в северной Польше период бытования ямочно-гребенчатой керамики был относительно коротким. В восточном направлении область

---

[31] Древние поселения и городища, стр. 180 и сл., табл. XLIV : 8—12.

[32] A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., стр. 212 и сл. A. Äyräpää, Die Verbreitung des Bernsteins in kammkeramischem Gebiet. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XLV, Helsinki 1945, карта рис. 13. Установленные М. Е. Фосс, (указ. соч., карта на рис. 88) границы западной группы не вполне совпадают с фактическим распространением типичной ямочно-гребенчатой керамики. Южная и юго-восточная части этой группы, по имеющимся в настоящее время данным, остаются вне области распространения рассматриваемого нами типа керамики.

распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики достигала по меньшей мере побережья Онежского озера и восточных районов теперешней Новгородской области, причем, по имеющимся данным, наиболее восточным поселением, где еще представлена керамика этого типа, является Городно (между Тихвином и Боровичами).[33] До сих пор нет сведений о наличии типичной ямочно-гребенчатой керамики на территории, расположенной к югу от Ильменского озера и реки Мсты. Для неолитических поселений Валдайской возвышенности характерен другой, местный тип керамики, обнаруженный уже в сравнительно многих местах, хотя пока этот материал еще мало опубликован. Бытовала когда-то или нет типичная ямочно-гребенчатая керамика и в этом районе, пока сказать трудно. О наличии типичной ямочно-гребенчатой керамики в районах, расположенных еще дальше на юго-востоке, а именно на территории Белоруссии и в верхнем Приднепровье, пока определенных доказательств, по-видимому, нет, хотя следует отметить, что неолитические памятники этого района также еще мало изучены.

Таким образом, типичная ямочно-гребенчатая керамика распространена в основном на восточном побережье Балтийского моря, в Приладожье, Обонежье и Приильменье. Южнее, в современных Польше и Белоруссии, а также на Валдайской возвышенности существовали уже другие неолитические культуры, носители которых, судя по керамике, состояли, очевидно, с племенами культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики в более или менее близком родстве. На востоке, особенно в окрестностях Онежского и Ладожского озер, область распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики соприкасалась с областью волго-окской керамики (рис. 23) и частично ею перекрывалась. Ареал волго-окской керамики в рассматриваемый период значительно расширил свои границы в северном направлении. К этому вопросу мы еще вернемся ниже.

В Восточной Прибалтике, а также в большей части остальных районов своего распространения типичная ямочно-гребенчатая керамика настолько однородна, что по крайней мере в настоящее время нет возможности выделить в ней более ограниченные группы. Довольно однороден и прочий инвентарь с керамикой этого типа: кремневые остроовальные или ромбические наконечники стрел, скребки, ножички, острия, каменные долота, костяные наконечники стрел конической или иволистной формы, долота из кости и рога, шлифовальные камни с овальным следом употребления, янтарные и сланцевые украшения. Во всей области распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики встречается янтарь, происходящий с юго-восточного побережья Балтийского моря, олонецкий сланец и валдайский кремень. Предметы, изготовленные из этих видов сырья, можно зачастую встретить даже в поселениях, сравнительно отдаленных от районов распространения в природе названных материалов. На этой же территории возник и развился своеобразный вид каменных долот — так называемое когтевидное долото (с желобом вдоль лезвия), которое за пределами области распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики встречается редко и только в виде единичных экземпляров. Таким образом, между племенами типичной ямочно-гребенчатой керамики существовали сравнительно тесные для того времени связи. Эти связи, в свою очередь, подтверждают близкое этническое родство указанных племен.

Примечательно, что культура типичной ямочно-гребенчатой керамики

---

[33] Возможно, что в определенный период типичная ямочно-гребенчатая керамика заходила еще дальше на восток, в район озер Лача и Воже. В поселениях этой местности, однако, найдены лишь единичные черепки типичной ямочно-гребенчатой керамики среди массы прочей керамики. М. Е. Фосс, указ. соч., стр. 116—118, рис. 67 : 5, 7—9.

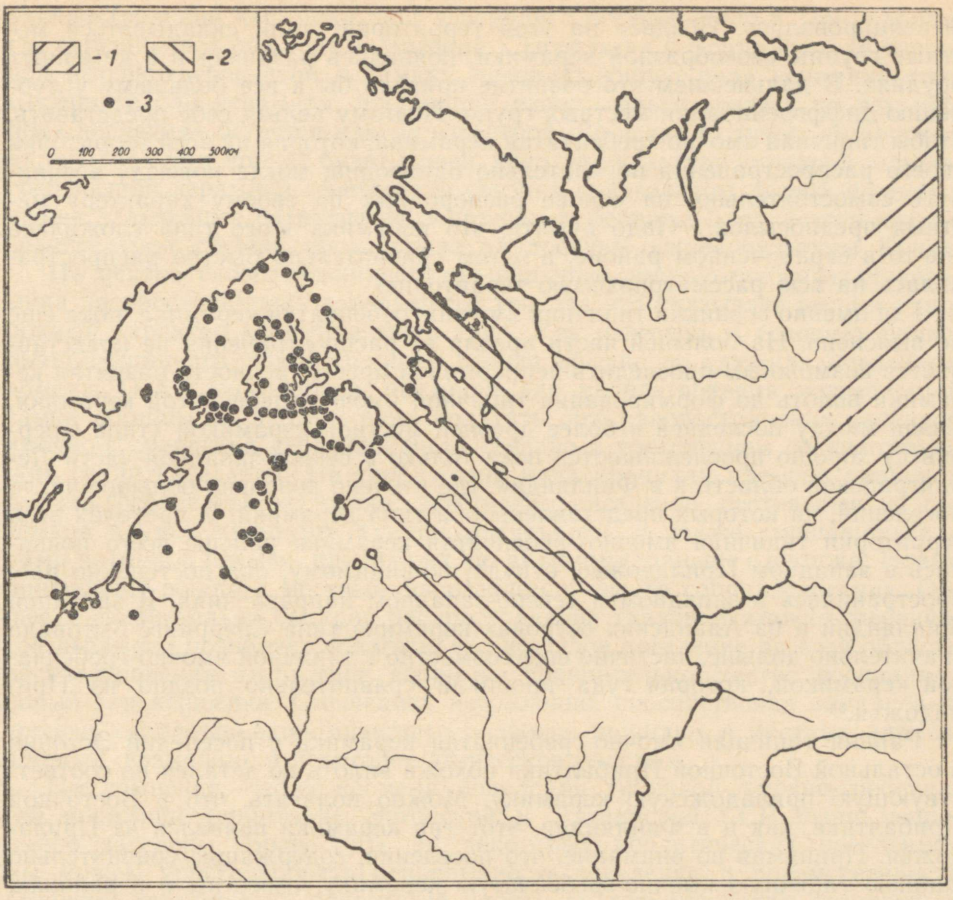


Рис. 23. Распространение основных типов неолитической керамики в лесной полосе Восточной Европы. *1* — керамика уральского и западносибирского типа; *2* — керамика волго-окского типа; *3* — прибалтийская типичная ямочно-гребенчатая керамика.

в общих чертах охватывает ту же территорию, что и мезолитическая культур Кунда-Суомусъярви (ср. рис. 23 и 21). Как уже отмечалось, нет основания полагать, что потомки носителей культуры Кунда к рассматриваемому периоду исчезли с этой территории. Наоборот, целый ряд памятников, на которых представлен археологический материал от мезолита до эпохи раннего металла, позволяет полагать, что эти места были непрерывно заселены начиная с эпохи мезолита. Это подтверждается и прочим археологическим материалом, сопровождающим типичную ямочно-гребенчатую керамику. В этом материале прослеживается дальнейшее развитие характерных для кундаской культуры орудий труда и техники их изготовления, хотя в нем наблюдаются, конечно, и новые элементы. Носители кундаской культуры заложили основу, которая явилась, очевидно, одним из важнейших компонентов культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики на всей обширной области ее распространения.

Все же культуру типичной ямочно-гребенчатой керамики нельзя, как видно, считать непосредственным преемником кундаской культуры. Выше уже указывалось, что племена культуры Кунда ко времени появления типичной ямочно-гребенчатой керамики уже в значительной степени диф-

ференцировались. Позднее на этой территории стали складываться местные группы своеобразной керамики, появились различия и в каменных орудиях. В дальнейшем это развитие привело бы к все большему углублению дифференциации местных групп. Поэтому нельзя себе представить, чтобы типичная ямочно-гребенчатая керамика, которая на всей территории своего распространения поразительно однородна, могла повсюду возникнуть самостоятельно, на основе разнородных по своему характеру местных предпосылок. Надо думать, что керамика этого типа сложилась где-то в ограниченном районе, а затем сравнительно быстро распространилась на всю рассматриваемую территорию.

Где именно возникла типичная ямочно-гребенчатая керамика, пока еще не выяснено. На большей части ареала ее распространения не представляется возможным проследить непрерывной преемственности развития керамики вплоть до формирования типичной ямочно-гребенчатой керамики. Связи между последней и более древней местной керамикой (типа Сперрингс) хорошо прослеживаются пока только в северо-западной части Ленинградской области и в Финляндии, где изучено довольно большое число поселений, на которых представлены оба типа керамики. В пределах этой территории типичная ямочно-гребенчатая керамика раньше всего появилась в западном Приладожье, откуда, по-видимому, она постепенно распространилась в западном и северо-западном направлениях. В западной Финляндии и на Аландских островах керамика типа Сперрингс бытовала значительно дольше, частично еще совместно с типичной ямочно-гребенчатой керамикой, которая туда проникла сравнительно поздно из Приладожья.[34]

Ранняя типичная ямочно-гребенчатая керамика с поселений Эстонии и остальной Восточной Прибалтики похожа вплоть до деталей на соответствующую приладожскую керамику. Можно полагать, что в Восточной Прибалтике, как и в Финляндии, этот тип керамики появился из Приладожья. Принимая во внимание, что поселения, содержащие сравнительно раннюю типичную ямочно-гребенчатую керамику, известны и в районах, расположенных южнее Ладожского озера, а именно в современных Ленинградской и Новгородской областях, можно думать, что область формирования этого типа керамики охватывала также районы, расположенные между Ладожским озером и Валдайской возвышенностью. Неолитические памятники названной территории к настоящему времени исследованы еще слабо и поэтому этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Окончательно не решен и вопрос о том, с какой более ранней культурой следует связать племена, обитавшие в центре возникновения типичной ямочно-гребенчатой керамики. Финским археологам, особенно А. Явряпяа, удалось проследить непосредственную генетическую связь типичной ямочно-гребенчатой керамики с керамикой типа Сперрингс преимущественно в Приладожье. Некоторые характерные для типичной ямочно-гребенчатой керамики черты, как, например, зональное расположение орнамента и обильное применение зубчатого штампа, довольно ясно выступают уже на поздней керамике типа Сперрингс. С другой стороны, в орнаментации типичной ямочно-гребенчатой керамики, по сравнению с керамикой типа Сперрингс, имеются и новые элементы, например глубокие ямочки, нанесенные зубчатым штампом, и геометрические фигуры. Их появление является, возможно, результатом внешних влияний, но увязать их с какой-либо конкретной ранней археологической культурой мы пока не можем. Вполне естественно, что внешние влияния проникли в область

---

[34] A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., стр. 178—183.

распространения керамики типа Сперрингс прежде всего в Приладожье, где скрещивался ряд водных артерий. Сыграла ли в формировании типичной ямочно-гребенчатой керамики преобладающую роль керамика типа Сперрингс или керамика, проникшая извне, нельзя сказать до тех пор, пока последняя остается нам не известной. Во всяком случае, независимо от того, как этот вопрос будет решен, ясно, что культура типичной ямочно-гребенчатой керамики генетически связана с мезолитом лесной полосы и что ее дальнейшее развитие на восточном побережье Балтийского моря в значительной степени происходило на древней основе культуры Кунда.

Из центра своего возникновения типичная ямочно-гребенчатая керамика распространилась довольно быстро. На это указывает весьма однородный характер керамики этого типа. Как известно, в условиях первобытно-общинного строя глиняная посуда обычно не служила предметом обмена. Она изготовлялась на месте для удовлетворения потребностей самой общины, а поэтому надо полагать, что распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики было связано с расселением соответствующих групп населения. На территории, куда проникли племена типичной ямочно-гребенчатой керамики, проживало население, состоявшее из потомков племен культуры Кунда-Суомусъярви, а также смешавшихся с ними потомков племен, проникших, по-видимому, раньше с востока. Новые пришельцы вошли с местным населением в тесное соприкосновение. Общее и сравнительно быстрое распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики позволяет полагать, что пришлое население на всей области распространения этого типа керамики сравнительно быстро восприняло новый тип керамики. Смешению, несомненно, способствовал одинаковый уровень социально-экономического развития пришлых и местных племен, а также, возможно, и некоторое этническое родство.

Нет сомнения, что со времени появления типичной ямочно-гребенчатой керамики территории Эстонской и Латвийской ССР были непрерывно заселены. Более того, на некоторых неолитических поселениях мы можем констатировать непрерывность заселения и преемственность развития культуры их обитателей вплоть до возникновения древнейших укрепленных поселений в первом тысячелетии до н. э. Такими неолитическими поселениями являются, например, Акали и Кулламяги в районе устья реки Эмайыги, Вилла на берегу реки Выханду в юго-восточной Эстонии и Ича в восточной Латвии, хотя материал из раскопок последнего поселения имеет пока еще значительные пробелы.

Рассмотрим подробнее поселение Акали, которое изучено сравнительно лучше других.[35] Это поселение располагалось несколько поодаль от реки Акали, на песчаном бугре и его обращенном к реке подножье. Поселение занимало значительную площадь, около 17 000 кв. м, которая, однако, не вся была заселена одновременно. Вначале поселение располагалось у подножья бугра, где культурный слой содержит наиболее раннюю керамику, т. е. керамику нарвского типа. Непосредственно над ней и частично в одном с ней горизонте залегает типичная ямочно-гребенчатая керамика. Это свидетельствует о том, что последняя появилась сразу же после керамики нарвского типа, примерно во второй половине III тысячелетия до н. э. Типичная ямочно-гребенчатая керамика бытовала в течение нескольких столетий. За этот период поселение стало отодвигаться от реки, поднимаясь постепенно вверх по склону бугра. Это было вызвано повышением

---

[35] Подробнее о поселениях Акали и Кулламяги см. L. Jaanits, Neoliitilised ja varase metalliaja asulad Emajõe suudmealal. С резюме: Л. Ю. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья реки Эмайыги. Известия Академии наук Эстонской ССР, т. III, № 3, 1954, стр. 350—366.

уровня грунтовых вод, в результате чего низкие места стали заболачиваться и покрываться торфом. Процесс нарастания торфа продолжается по сей день. Поселение продолжало и позже отодвигаться от реки и подниматься все выше по бугру. На конечном этапе своего существования оно достигло вершины бугра. Благодаря такому продвижению поселения, его инвентарь хорошо отражает изменения, происшедшие в материальной культуре, особенно в керамике, на протяжении примерно двух тысячелетий.

Типичную ямочно-гребенчатую керамику в начале II тысячелетия сменила поздняя ямочно-гребенчатая керамика, развившаяся непосредственно из предыдущей. На конечном этапе существования поздней ямочно-гребенчатой керамики появляются новые типы керамики — шнуровая и текстильная керамика. С обоими этими видами керамики мы встретимся еще в настоящей статье. В данной связи важно отметить, что элементы шнуровой, текстильной и поздней ямочно-гребенчатой керамики во второй половине II тысячелетия слились, в результате чего сложилась керамика эпохи раннего металла. Обычной для этой керамики формой сосудов является плоскодонный горшок с отвесными стенками, иногда со слегка профилированной шейкой. Орнамент этих сосудов довольно скуден; он состоит преимущественно из маленьких ямочек и оттисков разного рода штампов, в которых прослеживаются следы орнаментации предшествующих видов керамики. Зачастую поверхность сосудов резко заштрихована, а иногда покрыта вдавлениями грубого текстиля. Эта керамика очень близка к глиняной посуде с укрепленных поселений последнего тысячелетия до н. э. Сосуды этого вида найдены на укрепленном поселении Асва, в древнейших горизонтах городищ Иру и Отепя, а также в синхроничных с ними могильниках с каменными ящиками.

Аналогичный процесс развития керамики можно проследить на стоянках Кулламяги и Вилла, а в восточной Латвии — на стоянке Ича. Таким образом, нет сомнения, что в формировании культуры ранних укрепленных поселений на территориях Эстонии и Латвии значительную роль сыграли потомки неолитических племен типичной ямочно-гребенчатой керамики; как мы увидим ниже, за это время сюда проникли извне еще новые этнические элементы. Судя по тому, что на протяжении всего рассматриваемого периода развитие культуры не прерывалось, надо полагать, что новые пришельцы не вытеснили прежнее население, а, наоборот, постепенно сами растворились в нем.

Исследованиями последних лет, в особенности работами К. Ф. Мейнандера,[36] также и в Финляндии доказана непрерывность развития материальной культуры, начиная от культуры ямочно-гребенчатой керамики. И в Финляндию проникали новые этнические элементы, но они не смогли вытеснить потомков племен культуры ямочно-гребенчатой керамики. Развитие материальной культуры продолжалось там в основном на местной, заложенной в неолите основе.

Таким образом, на территории Эстонской ССР и на ближайших соседних территориях мы можем проследить непрерывность заселения и преемственность развития материальной культуры, начиная от культуры ямочно-гребенчатой керамики вплоть до того периода, когда социально-экономическое развитие местных племен достигло такого уровня, что у них возникли укрепленные поселения и монументальные каменные могильники. Культура племен, оставивших названные памятники, несомненно, развива-

[36] C. F. Meinander, Die Kiukaiskultur. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 53, Helsinki 1954. C. F. Meinander, Die Bronzezeit in Finnland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 54, Helsinki 1954. C. F. Meinander, Var bodde urfinnarna? Nordenskiöld-samfundets tidskrift, 1954, стр. 79—87.

лась на основе предшествующих культур. Эти памятники позволяют, в свою очередь, проследить непрерывность существования местных племен и дальнейшее развитие их культуры вплоть до появления первых письменных источников.[37] По свидетельству древнейших письменных источников, в первых веках II тысячелетия н. э. прибалтийско-финские племена обитали на теперешних территориях Эстонии и северной Латвии, Финляндии и Карельской АССР, в Приладожье, Обонежье и на Белом озере, а также на пространстве между ними и Чудским озером. Область распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики охватывала, таким образом, преобладающую часть тех территорий, на которых обитали прибалтийско-финские племена. Так как нет основания сомневаться в том, что потомки племен культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики продолжали обитать на указанных территориях, и так как, с другой стороны, пока не обнаружено ни одной позднейшей археологической культуры, которая охватывала бы всю область, заселенную впоследствии прибалтийскими финнами или, по крайней мере, преобладающую ее часть, то можно полагать, что именно типичная ямочно-гребенчатая керамика была уже связана с предшественниками прибалтийско-финских племен.

По данным языкознания, прибалтийско-финские языки в далеком прошлом выделились из единого, общего языка, или языка-основы. Это разветвление произошло в результате расселения племен, ослабления контакта между ними и углубления их диалектных различий. Расселение древних прибалтийско-финских племен с прежней ограниченной территории на более обширную, вероятно, сопровождалось распространением ямочно-гребенчатой керамики. При этом, как уже отмечалось выше, эти племена попадали не на безлюдное пространство. Повсюду обитали, хотя и редкие, общины, с которыми пришельцы вошли в соприкосновение. Благодаря контакту с местным населением и последовавшему за этим смешению с ним, типичная ямочно-гребенчатая керамика в разных местах стала принимать свои особые, отличительные черты. Нет сомнения, что контакт между территориально удалившимися друг от друга племенами сильно ослаб. В создавшихся условиях дальнейшая судьба отдельных расселившихся групп неизбежно складывалась по-разному.

Судя по распространению типичной ямочно-гребенчатой керамики, древние прибалтийско-финские племена в ходе своего расселения местами проникали значительно дальше тех районов, в которых позднее, при появлении письменных источников, обитали их потомки. Особенно это относится к южным и юго-западным районам. Далеко на юге, в частности в северной части территории теперешней Польши, памятники культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики бытовали в течение лишь сравнительно короткого отрезка времени. Надо полагать, что оставившие эти памятники племена, продвинувшись далеко на юго-запад, рано были ассимилированы местным или пришедшим извне населением. Возможно, что их ассимилировали ранние славянские и балтийские племена, территория обитания которых, очевидно, охватывала Повисленье.[38] Культуру ямочно-гребенчатой керамики на территориях современной Калининградской области и Литовской ССР мы знаем пока еще очень мало. Имеются, однако,

---

[37] Х. А. Моора. Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XII, 1950, стр. 29—37.

[38] П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, стр. 35 и сл. В связи с этим вопросом следует упомянуть мнение польского языковеда Т. Лер-Сплавинского, согласно которому в балтийских и славянских языках имеется очень древняя угрофинская прослойка, которой в других индоевропейских языках нет. См. Т. Лер-Сплавинский, Новая попытка освещения проблемы происхождения славян. Вопросы языкознания, № 1, 1955, стр. 155.

признаки того, что она удерживалась там дольше, чем в более южных районах. На территории же Эстонской и Латвийской ССР и, вероятно, в примыкающих к ним районах РСФСР, вплоть до Приладожья и Приильменья, типичная ямочно-гребенчатая керамика бытовала продолжительное время, сменившись затем поздней ямочно-гребенчатой керамикой, о которой будет еще сказано ниже. Эти территории вместе с юго-западной частью современной Карельской АССР и Финляндией представляли собой основную область культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики. Здесь памятники этой культуры представлены в наибольшем количестве, и связи между культурой ямочно-гребенчатой керамики и культурами позднейших периодов прослеживаются совершенно четко. Таким образом, можно считать вполне вероятным, что прибалтийско-финский этнический элемент существовал здесь в эпоху неолита, в III тысячелетии до н. э.

В связи с вопросом этнической принадлежности носителей культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики следует еще остановиться коротко на северной группе этой культуры, распространенной в Финляндии, Приладожье и Обонежье. Надо полагать, что в этих местах распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики свидетельствовало о расселении прибалтийско-финских племен и их смешении с местным населением, изготовлявшим керамику типа Сперрингс. Возможно, что местное население состояло из протолопарских племен. Как показывают исследования топонимики, существование предшественников лопарей, или саамов, на территории Финляндии и Карелии восходит к очень древнему времени, причем южная граница их распространения доходит до Финского залива и Ладожского озера.[39] Протолопари когда-то говорили на языке, близком к самодийским языкам. Но уже в далеком прошлом они перешли на прибалтийско-финскую речь, которая в то время была еще довольно близка речи финно-угров Поволжья. Этот переход продолжался веками, причем в современном саамском языке остался весьма сильный протолопарский субстрат. Протолопарский язык, со своей стороны, также повлиял на прибалтийско-финские языки. С этим связано, по-видимому, наличие в прибалтийско-финских языках чередования ступеней согласных звуков, которого нет в других финно-угорских языках.[40] Таким образом, взаимоотношения прибалтийско-финских и саамского языков указывают на то, что говорившие на них племена долго жили по соседству или, скорее всего, вперемежку. Связи такого рода соответствуют, по-видимому, отношениям между племенами, изготовлявшими керамику типа Сперрингс, и племенами культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики. Охватив область распространения керамики типа Сперрингс, типичная ямочно-гребенчатая керамика стала постепенно распространяться дальше на север и запад. Встречаются поселения, на которых оба вида керамики залегают рядом и, как видно, бытовали примерно в одно и то же время.[41] На этих поселениях жило, вероятно, смешанное население. В общем же, керамика типа Сперрингс уступила место типичной ямочно-гребенчатой керамике, и последняя стала повсюду преобладать. Это отнюдь не означает, что население, изготовлявшее керамику типа Сперрингс, совершенно исчезло. Вероятнее всего, оно смешалось с новоприбывшим населением. Возможно, что

---

[39] По данным, полученным от проф. П. А. Аристэ.

[40] Y. H. Toivonen, Zum Problem des Protolappischen. Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1949, Helsinki 1950, стр. 187—188. См. также статью П. А. Аристэ в настоящем сборнике, стр. 14.

[41] А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 98 и сл., рис. 20: 1—4. A. Europaeus-Äyräpää, указ. соч., стр. 179 С. Ф. Мейнандер, Vetelin Hautakedon kivikautinen asuinpaikka, Suomen Museo XLIII, 1946, стр. 5—14.

именно в результате происшедшего в этот период этнического смешения и исчез протолопарский язык, сменившийся прибалтийско-финской речью, на базе которой позднее сложился саамский язык.

Типичная ямочно-гребенчатая керамика бытовала несколько веков, в течение которых характерная для этой керамики культура успела распространиться на обширную территорию, впитывая в себя повсюду местные особенности. Как уже указывалось, первоначально элементы местных предшествовавших видов керамики почти совершенно не отразились в типичной ямочно-гребенчатой керамике. Несмотря на обширную территорию своего распространения, последняя продолжала оставаться довольно однородной.

К началу примерно II тысячелетия, в результате дальнейшего развития типичной ямочно-гребенчатой керамики возникла поздняя ямочно-гребенчатая керамика, которая по сравнению с прежней характеризуется более беспорядочным орнаментом, разложением его зональности и исчезновением геометрических мотивов. В поздней ямочно-гребенчатой керамике начинает уже прослеживаться, хотя вначале еще слабо, наличие ограниченных групп с некоторыми местными особенностями. Появление этих локальных групп было вызвано, прежде всего, местным развитием керамики, которое при слабости взаимных связей в разных местах протекало несколько по-иному. Известную роль сыграло, по-видимому, и то обстоятельство, что ямочно-гребенчатая керамика распространялась на территорию, где уже до этого начали складываться в некоторой степени дифференцирующиеся местные группы. Последние частично существовали, по-видимому, и на протяжении всего периода бытования ямочно-гребенчатой керамики, хотя распространение культуры этой керамики несколько сгладило их различия. Примечательно, что в Финляндии, например, и в Приладожье, где в период существования культуры Суомусъярви прослеживалось наличие трех местных групп, ямочно-гребенчатая керамика расчленилась на те же три группы, а именно на юго-западную, юго-восточную (охватывающую и Приладожье) и северную группы, которые в территориальном отношении в основном соответствовали позднемезолитическим группам.

С другой стороны, при дифференциации культуры ямочно-гребенчатой керамики свою роль сыграли и внешние влияния. Они шли время от времени преимущественно с востока. О них свидетельствуют встречающиеся на ряде поселений обломки сосудов с характерным для восточных территорий орнаментом, часть которых залегала совместно с типичной ямочно-гребенчатой керамикой. На материале же поселений западного побережья Эстонии наблюдаются известные следы связей с западом. Сюда относятся некоторые особенности керамики из поселений Ягала, близ Таллина, и Ундва, на северо-западном побережье острова Сааремаа, которые прослеживаются и на керамике неолитических поселений о. Готланд и материка Швеции, отчасти также западной Финляндии. Из-за недостаточности материала границы намечающихся в этот период местных групп далеко еще не ясны.

Рассматривая памятники современной территории Эстонии и Латвии, можно заметить различия между инвентарем восточных и западных поселений (рис. 24). Восточные поселения образуют довольно многочисленную группу, в которую входят поселения Акали и Кулламяги в районе устья реки Эмайыги, Вилла и Тамула, Выруского района, и группа поселений в восточной Латвии. Из западных поселений наиболее компактно сосредоточена группа поселений юго-западной Латвии (Курземе), а именно: Пурциемс *C* и *D*, Силиньупе, Леяс-Цийскас и Сарнате. Поселение Риннюкалнс в северо-западной Латвии, на берегу Буртниекского озера, по характеру своей керамики, скорее всего, относится к восточной группе, где встре-

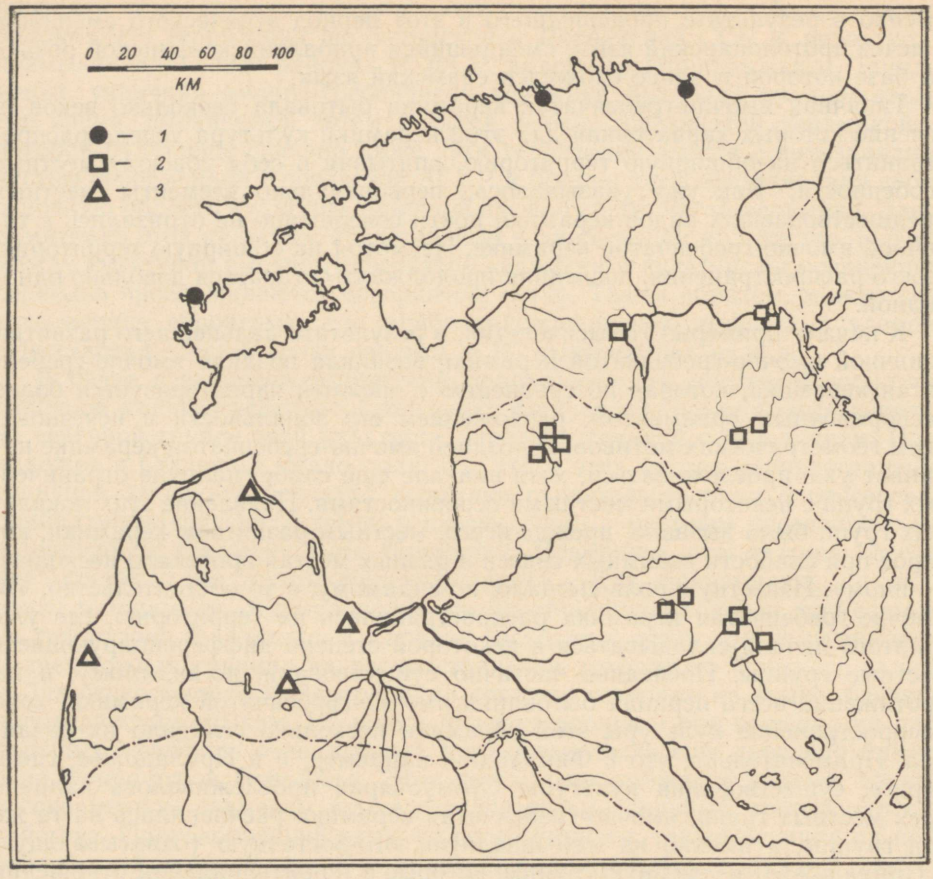


Рис. 24. Размещение поселений с поздней ямочно-гребенчатой керамикой на территории Эстонской и Латвийской ССР. *1* — поселения севера и запада Эстонии (не образуют однородной группы); *2* — поселения востока Эстонии и Латвии; *3* — поселения юго-запада Латвии.

чаются довольно близкие к этой керамике параллели в инвентаре Тамула и Ича. На некоторых поселениях юго-западной Латвии также обнаружены обломки глиняных сосудов, аналогичных керамике Риннюкалнс, но в значительно меньшем количестве. Известные в настоящее время поселения западной и северной Эстонии (Ундва, Ягала, Кунда) не образуют как будто особой группы с единым обликом. Возможно, что это впечатление создается отчасти из-за того, что мы располагаем еще слишком малым количеством материалов из этого района. Появляющиеся в начале II тысячелетия различия в керамике наблюдаются частично и во второй половине II тысячелетия, причем в пределах Эстонии и Латвии эти различия выступают в особенности между керамикой восточных поселений и поселений юго-западной Латвии. В западной же и северной Эстонии поселений этого периода пока не обнаружено.

Вырисовывающиеся на основании разного характера керамики группы неолитических поселений можно, по-видимому, увязать в некоторой степени с племенными группами. Если это так, то не исключена возможность, что в языке прибалтийско-финских племен, который после их первоначального расселения был, по-видимому, довольно однородным, в этот период начали усиливаться диалектные различия. В какой мере и каким образом

эти прослеживающиеся на материалах поселений II тысячелетия до н. э. племенные группировки и их диалекты послужили основой для формирования позднейших, известных уже по письменным источникам, прибалтийско-финских племен, — пока еще не выяснено.

На ряде поселений Восточной Прибалтики, в особенности на более восточных из них, встречается глиняная посуда, которая, судя по преобладанию на ней ямочного орнамента, относится к ямочно-гребенчатой керамике, характерной для волго-окского типа. Обычно остатки этих сосудов залегают вместе с более поздней типичной ямочно-гребенчатой керамикой и с наиболее ранней ямочно-гребенчатой керамикой позднего типа. Появление керамики восточного характера связано, по-видимому, с происходившим в конце III и начале II тысячелетия до н. э. обширным передвижением племен из районов Верхнего Поволжья или Оки на север, в пределы теперешней Ленинградской, Вологодской и Архангельской областей и Карельской АССР.[42] Надо полагать, что проникшие в Прибалтику из Волго-Окского бассейна элементы были не особенно многочисленны, так как в общей массе характерной для поселений Восточной Прибалтики местной керамики керамика волго-окского типа встречается только в небольшом количестве. Можно думать, что бóльшая часть этих племен продвигалась на север по более отдаленным восточным территориям, где имеются поселения с керамикой волго-окского типа. Бóльшая часть проникшего в ареал распространения типичной ямочно-гребенчатой керамики населения осела в Обонежье и частично в Приладожье, а также в районах, расположенных к юго-востоку от них (рис. 23), где пришельцы смешались, по-видимому, с племенами культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики. В результате этого ямочно-гребенчатая керамика в Обонежье приняла особый облик, отличный от характера той же керамики в соседних районах. В связи с этим продвижением населения произошли, очевидно, изменения как в племенных территориях, так и в межплеменных отношениях. Возможно, что этим и объясняется почти полное отсутствие валдайского кремня на поселениях Финляндии, давших позднюю ямочно-гребенчатую керамику, а также уменьшение в этот период количества кремня на поселениях Эстонии и Латвии.

Если характерная для Волго-Окского бассейна ямочно-гребенчатая керамика принадлежала поволжским финно-уграм,[43] то вполне возможно, что наблюдаемые языковедами в саамском языке следы поволжской финно-угорской речи[44] были восприняты именно в рассматриваемый период. Лингвистам следовало бы попытаться выяснить, не сказывается ли в обособлении карельских и в особенности вепсских диалектов от языков остальных прибалтийско-финских племен влияние поволжской финно-угорской речи. Ведь именно на тех территориях, где позднее обитали вепсские и карельские племена, поздненеолитическая керамика волго-окского типа встречается в относительно большем количестве.

По всей вероятности, еще до того, как различия между прибалтийско-финскими диалектами успели углубиться, в Восточную Прибалтику проникли, по-видимому, новые, чуждые местному коренному населению, этнические элементы, оставившие после себя памятники культуры ладьевидных топоров. Памятники этого типа представляют собой в Прибалтике совершенно новое явление, которое, вероятнее всего, следует увязать с про-

---

[42] М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 153 и сл., где приводится и другая литература.

[43] Х. А. Моора, Некоторые вопросы этногенеза эстонского народа в свете археологических данных, стр. 96.

[44] Y. H. Toivonen, указ. соч., стр. 187—188.

никновением с юга балтийских (литовско-латышских) племен.[45] Древнейшие памятники этой культуры в Восточной Прибалтике датируются началом II тысячелетия до н. э. Из Эстонии племена культуры ладьевидных топоров продвинулись дальше в Финляндию, где они осели преимущественно в юго-западной части страны. В течение продолжительного времени культура ладьевидных топоров существовала рядом с культурой ямочно-гребенчатой керамики, почти не смешиваясь с ней. Помимо этнического различия, этому, несомненно, содействовало и различие в характере хозяйства пришельцев и местного населения. Основным занятием племен культуры ладьевидных топоров были животноводство и, в меньшей степени, земледелие. Наоборот, племена культуры ямочно-гребенчатой керамики занимались главным образом рыболовством, охотой и собирательством. Не исключена возможность, что и у них существовали некоторые зачатки земледелия и животноводства, как это полагают языковеды,[46] но археологический материал неопровержимых доказательств этому пока не дал.

Из памятников культуры ладьевидных топоров нам известны в основном могильники и случайные находки. Следов поселений обнаружено пока немного. Первобытные скотоводческие племена время от времени меняли места своего обитания в поисках новых пастбищ. Вследствие этого их поселения не оставили такого мощного культурного слоя, как поселения с ямочно-гребенчатой керамикой, существовавшие в течение веков на одном и том же месте. Из могильного инвентаря следует отметить характерные для культуры ладьевидных топоров каменные проушные боевые топоры, которые очень хорошо обработаны и по своей форме напоминают ладью. По этим топорам культура и получила свое название. В могилах встречаются также четырехгранные каменные долота, нередко сделанные из кремня. Кремень — большей частью южного происхождения, привезенный с территории Литвы, Белоруссии или Польши, и указывает, таким образом, на южные связи племен культуры ладьевидных топоров. В могилах найдены и костяные предметы, отдельные из которых изготовлены из костей домашней козы или овцы. Найдены также кости других домашних животных, особенно свиньи, представляющие собой остатки положенной в могилы пищи. В некоторых могилах обнаружены сосуды особого типа, так называемая шнуровая керамика, получившая свое название по характерному для нее орнаменту. Эти сосуды имеют обычно плоское дно и профиль стенок, напоминающий букву S. Под верхним краем сосудов имеются оттиски шнура или ряды прочерченных линий (рис. 4). По глиняному тесту, форме и орнаменту шнуровая керамика резко отличается от ямочно-гребенчатой.

Сравнение костяков, найденных в могилах культуры ладьевидных топоров, с костяками, обнаруженными на некоторых поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой, показывает, что обе этнические группы отличались и в антропологическом отношении.[47]

Скотоводческие племена культуры ладьевидных топоров выбирали для поселения места, где имелись естественные пастбища. На территории Эстонской ССР их памятники — могильники и ладьевидные топоры — в наибольшем количестве обнаружены на островах, на морском побережье и в районе низины центральной части Эстонии. В Латвийской ССР они встречаются преимущественно в южных и западных районах республики.

---

[45] Х. А. Моора, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLVIII, 1952 стр. 3 и сл.

[46] P. Ariste, Vanimast läänemerelaste põllundusest keeleliste andmete põhjal. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, vihik nr. 38, Tallinn 1955, стр. 193—203.

[47] См. статью Е. Ю. Марк в настоящем сборнике, стр. 228 и сл.

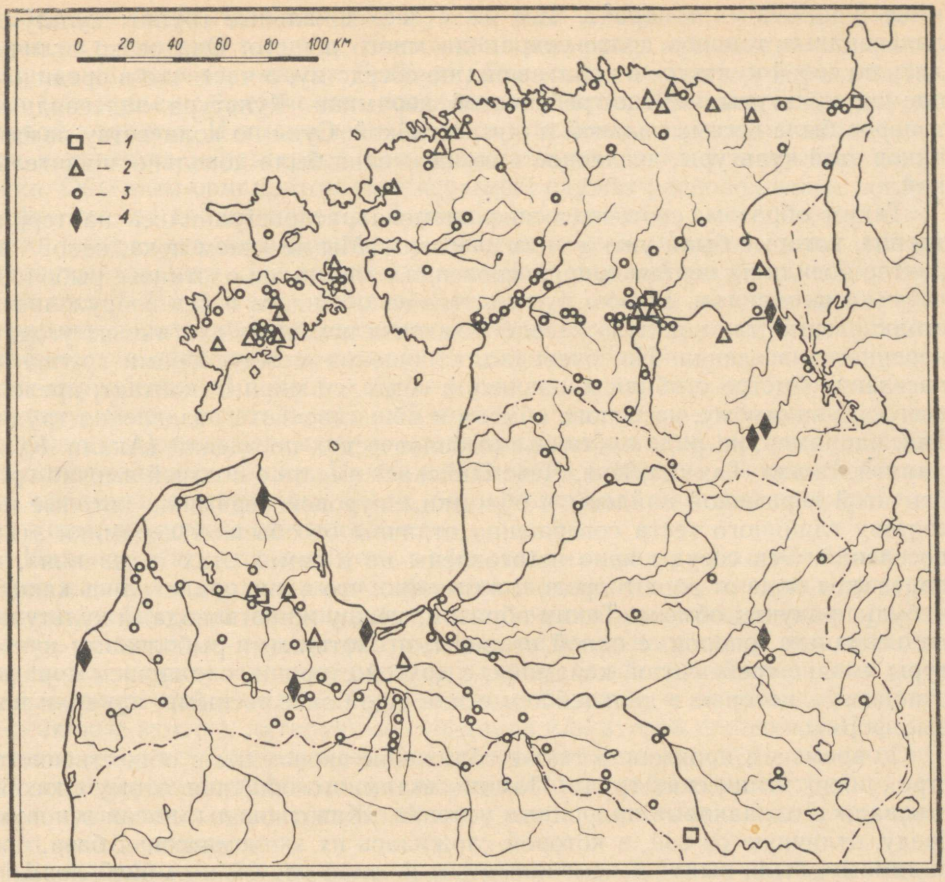


Рис. 25. Распространение памятников культуры ладьевидных топоров и современных им поселений с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Эстонии и Латвии. *1* — поселения культуры ладьевидных топоров; *2* — погребения; *3* — случайные находки ладьевидных топоров; *4* — поселения с ямочно-гребенчатой керамикой.

Судя по тому, что в северной Латвии и юго-восточной Эстонии найдены только единичные экземпляры ладьевидных топоров (рис. 25), общины первобытных скотоводов располагались там, по-видимому, реже.

Из последнего обстоятельства можно, очевидно, заключить, что проникшие на территорию Эстонии и Латвии скотоводческие племена разделились на две основные группы, из которых одна расселилась на территории Эстонии, в то время как вторая осела в теперешних южной и западной Латвии, частично, по-видимому, и на территории Литовской ССР. У каждой из этих групп позднее развились особые типы боевых топоров, которые, за малыми исключениями, были распространены только в пределах соответствующей группы. Южнее, в центральной и юго-западной Литве, на территориях теперешних Калининградской области, Белоруссии и Польши, имелись свои местные группы этой культуры. Особая группа, занимавшая сравнительно обширное пространство на юго-западе Финляндии, продвинулась вдоль побережья Финского и Ботнического заливов далеко на восток и север.

С течением времени материальная культура этих групп приобрела известные своеобразные черты, которые из-за одностороннего характера имеющегося пока материала прослеживаются главным образом на кера-

мике и каменных топорах. Тем не менее, локальные группы культуры ладьевидных топоров долго сохраняли много общего. Они резко отличались по своей культуре от обитавших по соседству, а частично и среди них племен культуры ямочно-гребенчатой керамики. Культура ладьевидных топоров была весьма сильной и жизнестойкой. Судя по количеству памятников этой культуры, численность ее населения была довольно значительной.

Таким образом, скотоводческие племена распространились на территориях, которые были уже до них заселены. Мы не знаем пока, какой характер носили их первые соприкосновения с местными охотничье-рыболовческими племенами. Нужно думать, что не обошлось и без вооруженных столкновений, так как дело касалось захвата исконных охотничьих угодий коренного населения. Но, очевидно, отношения между обеими группами населения быстро стабилизировались и создался мирный контакт, прежде всего, по-видимому, на основе обмена и общественного разделения труда. Так, например, на ряде охотничье-рыболовческих поселений (Акали, Кулламяги, Вилла, Тамула, Ича, Леяс-Цийскас) вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой найдены и обломки шнуровой керамики, которые по составу глиняного теста совершенно отличны от обычной керамики этих поселений. Эти сосуды явно изготовлены не в самих этих поселениях, а привезены сюда от животноводов; возможно, что в них приносились какие-нибудь продукты обмена. Таким образом, между животноводами культуры ладьевидных топоров, с одной стороны, и охотниками-рыболовами культуры ямочно-гребенчатой керамики, с другой стороны, сложились мирные отношения, которые в дальнейшем стали еще более тесными, приняли новые формы.

Со временем произошло также сближение экономики и общественного строя обеих этнических групп. Помимо взаимного общения, этому способствовали и одинаковые природные условия. Животноводы, попав в новую среду, отличную от той, в которой сложилась их экономическая база, по-видимому, были вынуждены заниматься больше охотой и рыбной ловлей. На это указывают встречающиеся уже в сравнительно ранних могильниках культуры ладьевидных топоров (на о. Муху в Кюласема и на о. Сааремаа в Тика) костяные наконечники гарпунов того же типа, что и в поздних поселениях культуры ямочно-гребенчатой керамики. О приспособлении хозяйства животноводов к местным естественным условиям свидетельствуют и несколько более поздние поселения культуры ладьевидных топоров, обнаруженные на Курской косе и на побережье Калининградской области, на юго-западном побережье Финляндии, а также в Эстонии (поселение Валма на северо-западном берегу озера Выртсъярв). Эти поселения, как и поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики, располагаются уже в непосредственной близости к водным бассейнам. В Валма поселение животноводов располагалось непосредственно на месте прежнего поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики. В культурных слоях поселений животноводов начинает встречаться много костей рыб и диких животных, а в приморских поселениях также и кости тюленя. Это говорит о том, что обитатели этих поселений в значительной мере занимались охотой и рыбной ловлей. Население культуры ладьевидных топоров продолжало, конечно, по-прежнему заниматься животноводством и земледелием, но местные, более суровые природные условия заставляли, по-видимому, уделять больше внимания и другим способам добывания средств к существованию.

Общение с племенами культуры ямочно-гребенчатой керамики в этот период стало еще более тесным и привело к этническому смешению населения. На это указывают главным образом поселения культуры ямочно-

гребенчатой керамики, которые изучены пока лучше, чем поселения культуры ладьевидных топоров. Смешение населения, как можно полагать, сопровождалось взаимными браками. Это видно по тому, что на некоторых охотничье-рыболовческих поселениях (Акали, Кулламяги, Вилла) во второй половине II тысячелетия до н. э. начинает встречаться значительное количество характерной для животноводов поздней шнуровой керамики. Обычным орнаментом этой керамики служат расположенные вокруг шейки сосуда горизонтальные борозды, заменившие, по-видимому, отпечатки шнура, или же небольшие угловатые ямочки. Сосуды имеют сильно отогнутый наружу край, причем прежний S-овидный профиль шейки выпрямился.[48] По составу глиняного теста эти сосуды похожи на прочую керамику поселений и изготовлены, по всей вероятности, на месте. Этнографические параллели показывают, что изготовлением керамики в условиях первобытно-общинного строя в основном занимались женщины, а поэтому можно полагать, что найденная на охотничье-рыболовческих поселениях шнуровая керамика изготовлялась женщинами, происходившими из скотоводческих общин. Попав в поселения культуры ямочно-гребенчатой керамики в результате брака, они продолжали изготовлять керамику прежним, знакомым им способом.

Надо полагать, что смешение с обитателями культуры ладьевидных топоров и влияние последних способствовали тому, что и у племен культуры ямочно-гребенчатой керамики стали развиваться животноводство и примитивное земледелие и что с ростом производительных сил у них начался переход к патриархальному родовому строю. О занятии земледелием свидетельствуют найденные на Курземском побережье, в поселении Сарнате, деревянные мотыги, датируемые серединой или второй половиной II тысячелетия до н. э.[49] Подтверждений тому, что племена культуры ямочно-гребенчатой керамики занимались и скотоводством, добыть очень трудно, так как в культурных слоях поселений этого периода кости животных, как правило, не сохранились.

В период слияния племен культур ямочно-гребенчатой керамики и ладьевидных топоров в Восточную Прибалтику с востока или юго-востока пришли, по-видимому, еще новые этнические группы, которые также слились с местным населением. Поскольку можно судить по археологическому материалу, роль этих групп в этногенезе народов Восточной Прибалтики была, однако, незначительной и имела лишь местное значение. Одним из признаков появления новых элементов служат найденные на некоторых поселениях обломки глиняных сосудов бомбовидной формы, покрытые оттисками грубой ткани. Керамика этого типа характерна для района Верхней Волги во II тысячелетии до н. э. Этот тип сосудов, или так называемая текстильная керамика, возник, по-видимому, на базе местной ямочно-гребенчатой керамики и керамики скотоводческих племен (так называемой фатьяновской культуры).[50] Аналогичные глиняные сосуды найдены также в Новгородской области, в поселениях на берегу реки Мсты, впадающей в Ильменское озеро.[51] На территории Эстонской ССР фрагменты таких сосудов обнаружены на поселениях Акали и Кулламяги, где они за-

---

[48] Древние поселения и городища, табл. XLV : 1, 4—6.

[49] Древние поселения и городища, табл. XXXI : 5, 6 (Л. В. Ванкина).

[50] П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР, № 5, 1941, стр. 15. О. Н. Бадер, Неолитические поселения Петровских озер. Материалы и исследования по археологии СССР, № 13, 1950, стр. 51. М. Е. Фосс, Древнейшая история севера Европейской части СССР, стр. 190 и сл.

[51] Н. Н. Гурина, Результаты археологического обследования среднего течения реки Мсты. Советская археология, XIII, 1950, стр. 297 и сл.

легали вместе с позднейшей ямочно-гребенчатой керамикой, появляясь несколько позднее ранней шнуровой керамики. Эти фрагменты представляют, по-видимому, древнейшую на территории Эстонской ССР текстильную керамику.[52]

Текстильной керамики, датируемой II тысячелетием до н. э., в Восточной Прибалтике найдено все же мало, и можно полагать, что ее здесь в этот период мало и употребляли. Кроме поселений района устья реки Эмайыги, один черепок сосуда характерной для ранней текстильной керамики формы найден в г. Нарве; несколько черепков керамики этого типа обнаружено в поселении Ича (восточная Латвия) и в поселении у дер. Серово, в восточной части Калининградской области. Отдельные черепки ранней текстильной керамики найдены и на Курской косе, где они залегали вместе с поздней шнуровой керамикой, и в поселении Сарнате — вместе с поздней ямочно-гребенчатой керамикой. Как видно, вначале текстильная керамика распространялась преимущественно в восточных частях Восточной Прибалтики, что, в свою очередь, подтверждает предположение о ее восточном происхождении. Текстильная керамика, возможно, была привезена сюда новыми поселенцами, численность которых, однако, не была большой. В тот же примерно период текстильная керамика распространилась и в южной Финляндии, вплоть до западного ее побережья.

В качестве второго нового явления во II тысячелетии до н. э. следует отметить каменные боевые топоры с плоской спинкой, датируемые несколько более поздним периодом, чем ранние ладьевидные топоры. В Волго-Окском бассейне топоры с плоской спинкой встречаются сравнительно редко, зато большое количество их найдено еще дальше на восток, на Средней Волге. В Восточной Прибалтике и Финляндии топоры этого типа обнаружены пока лишь в виде случайных находок, а поэтому нет возможности увязать их с каким-либо известным нам типом керамики. Неясно также, являются ли упомянутые топоры свидетельством появления новых племен или указывают только на обычный обмен и культурные связи.

Во второй половине II тысячелетия в Восточной Прибалтике произошло смешение различных этнических групп. К сожалению, археологический материал этого периода еще очень скуден. Как свидетельствуют немногие имеющиеся в нашем распоряжении данные, в рассматриваемый период получают всеобщее распространение животноводство и примитивное земледелие. В известных нам поселениях, как Сарнате, Пурциемс, Силиньупе, Вилла, наблюдается слияние элементов ямочно-гребенчатой и шнуровой керамики, а в некоторых восточных поселениях, как Акали и Кулламяги, с ними сочетаются и элементы текстильной керамики.

Поздняя ямочно-гребенчатая керамика оказала сильное влияние и на керамику, встречающуюся в немногочисленных известных нам могильниках этого периода, которые являются позднейшими погребальными памятниками культуры ладьевидных топоров. Керамика могильника в Кивисааре, на северном побережье озера Выртсъярв, очень похожа на керамику поселений того же периода. И в поселениях, и в могильниках, помимо одинаковой формы и орнамента, сосуды нередко имеют заштрихованную поверхность. Эта керамика продолжала развиваться и в I тысячелетии до н. э., когда, как показывает позднейшая керамика поселений Акали и Кулламяги, а также очень близкая к ней керамика ранних укрепленных поселений, появились глиняные сосуды с еще более резкой штриховкой. В I тысячелетии продолжает бытовать и еще более распространяться позднейшая текстильная керамика, которая по форме сосудов совершенно аналогична штрихованой керамике того же периода.

---

[52] Древние поселения и городища, табл. XLVI : 1.

Судя по археологическому материалу, к концу II и началу I тысячелетия до н. э. смешение поздненеолитических этнических групп в основном завершилось. В результате этого балтийские элементы на территории Эстонии и в северной Латвии, примерно к северу от рек Даугавы и Абавы, были ассимилированы финно-угорскими племенами, а финно-угорские элементы, обитавшие к югу от упомянутых рек, растворились среди балтийских племен. Не позднее чем с середины I тысячелетия до н. э. в Восточной Прибалтике сложились новые этнические группировки, которые уже довольно четко прослеживаются на археологическом материале, в первую очередь на разных по своему типу могильниках. На территории Эстонии и северной Латвии для этого периода характерны каменные курганы с ящиками, в то время как в южной Латвии и Литве распространены земляные курганы и грунтовые могилы. Так как дальнейшее развитие материальной культуры упомянутых этнических групп прослеживается вплоть до появления письменных источников, то северную группу можно увязать с эстонско-ливскими, а южную — с литовско-латышскими племенами.[53]

Прослеживаемые с середины I тысячелетия до н. э. границы племенных групп, по-видимому, сложились на основе предпосылок, возникших уже задолго до этого периода. Последние не могут быть еще прослежены с достаточной четкостью, но некоторые указания в этом отношении как будто дает группировка поселений с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, а также и распространение ладьевидных топоров (ср. рис. 24 и 25). Выше уже отмечалось, что среди поселений с поздней ямочно-гребенчатой керамикой, наряду с более крупными восточноэстонской и восточнолатвийской группами, выделяется еще одна, меньшая, но сравнительно компактная группа поселений на западе Латвии. Именно территорию этой последней группы поселений и захватила одна из основных групп культуры ладьевидных топоров, северная граница которой проходила примерно по реке Даугаве. Этой реки достигает и территория, заселенная балтийскими племенами в середине I тысячелетия до н. э. К северу же от реки Даугавы, в северной Латвии, в основном обитало, очевидно, население культуры ямочно-гребенчатой керамики, в то время как северная группа культуры ладьевидных топоров сосредоточивалась на территории Эстонии. Очень возможно, что к югу от Даугавы балтийские племена одержали верх отчасти благодаря постоянным связям с родственными племенами, обитавшими еще южнее. Население же культуры ладьевидных топоров обитавшее на территории Эстонии, оказалось, по-видимому, несколько обособленным от своих южных соплеменников.[54] Жившее же рядом с ним или среди него финно-угорское население имело свободный путь для связей с родственными племенами на востоке, на современной территории РСФСР, откуда время от времени могли проникать новые группы населения и на территорию Эстонии.

---

[53] Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии, стр. 29 и сл. Х. А. Моора, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике, стр. 14 и сл.

[54] Это не следует, конечно, понимать в том смысле, что поселившаяся на территории Эстонской ССР группа населения культуры ладьевидных топоров осталась совершенно изолированной от других соплеменных ей групп. На продолжение связей указывают общие черты в развитии позднейшей керамики, наблюдающиеся во второй половине II тысячелетия. Так, например, в этот период от Польши до Финляндии распространяется орнаментация сосудов горизонтальными желобками, что объясняется наличием устойчивых взаимоотношений. Тем не менее, население культуры ладьевидных топоров в Эстонии и Финляндии осталось несколько в стороне от своих южных соплеменников и теснее соприкасалось между собой, о чем свидетельствует сходство в их керамике и формах боевых топоров.

Кроме того, следует учесть и особенности экономики. Основой хозяйства племен культуры ладьевидных топоров были животноводство и примитивное земледелие. В южных районах имелись для этого более благоприятные условия, чем в северных. Поэтому прибалтийско-финские племена, жившее южнее, перешли к новому способу добывания средств существования, по-видимому, быстрее, чем их северные соплеменники. Вместе с тем они в большей степени восприняли и образ жизни, обычаи и даже язык балтийских племен и, в конце концов, растворились среди последних. В северной же Латвии, в Эстонии и Финляндии в более суровых природных условиях преимущества экономики племен культуры ладьевидных топоров не проявились в такой степени. Поселившимся на этих территориях балтийским племенам пришлось, по-видимому, перейти в значительной степени к охоте и рыбной ловле и вместе с тем перенять от прибалтийско-финских племен сложившиеся в местных природных условиях приемы и навыки труда. Естественно, что это, в свою очередь, не могло не оказать влияния на развитие этнических отношений.

Хотя племена культуры ладьевидных топоров и растворились под конец среди прибалтийских финнов, они все же сыграли большую роль в формировании эстонско-ливских племен. Это находит свое отражение в материальной культуре эпохи раннего металла на территории Эстонии и северной Латвии, об этом свидетельствуют и многочисленные балтийские заимствования в прибалтийско-финских языках, а также антропологические данные.

Племена культуры ладьевидных топоров сыграли, несомненно, свою роль и в формировании этнического состава населения Финляндии. Уже выше высказывалось предположение, что распространение типичной ямочно-гребенчатой керамики в Финляндии может служить признаком появления здесь прибалтийско-финских племен, от которых смешавшиеся с ними протолопари восприняли язык. Проникшие в первой половине II тысячелетия в юго-западную Финляндию носители культуры ладьевидных топоров находились, по-видимому, в близком родстве с племенами этой же культуры в Эстонии. Связи с населением южного побережья Финского залива, как показывают находки отдельных экземпляров ладьевидных топоров финского типа на территории Эстонии, а также топоров эстонского типа в Финляндии, продолжали существовать и позднее. В пользу такой возможности говорят в особенности так называемые остробушные топоры. Топоры этого типа характерны только для территории Эстонии и Финляндии (преимущественно ее южного побережья), причем нередко они изготовлены из уралит-порфирита — материала, который в Эстонии часто, а в Финляндии сравнительно редко употреблялся для изготовления проушных топоров.[55] Трудно предполагать, что все остробушные топоры, которые встречаются в Финляндии в довольно большом количестве, получены путем обмена. Применение для их изготовления уралит-порфирита свидетельствует об общности техники их изготовления в Эстонии и Финляндии. По-видимому, этот тип топоров был привезен в Финляндию переселившейся туда новой группой населения. Общение между племенами культуры ладьевидных топоров и ранее обитавшими здесь племенами, которые формировались, по всей вероятности, из смешанного прибалтийско-финского и саамского населения и у которых зарождались, возможно, зачатки современного саамского языка, со временем привело,

---

[55] K. Soikkeli, Suippokantaiset kohoteräiset kivikirveemme. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXVI: 20, Helsinki 1912, стр. 283—305. A. Laitakari, Die Schaftlochäxte der Steinzeit. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XXXVII: 1, Helsinki 1928, стр. 17 и сл. A. Äyräpää, Estnische Bootäxte. Acta Archaeologica XXIII, København 1952, стр. 95.

вероятно, к новым этническим смешениям, наподобие того, как это произошло на территории Эстонии и Латвии. В этот, по-видимому, период в саамский язык и проникли заимствования из балтийских языков.

В то время появление в юго-западной Финляндии племен культуры ладьевидных топоров, несомненно, способствовало экономическому, культурному, языковому, а также этническому обособлению этой части страны от остальной территории Финляндии. Это ясно прослеживается на памятниках периода, последовавшего за культурой ладьевидных топоров.[56]

Археологические исследования последних лет позволяют утверждать, что формирование материальной культуры эпохи раннего металла в Восточной Прибалтике происходило в основном на базе двух более ранних культур: 1) культуры ямочно-гребенчатой керамики, генетически связанной в своем развитии с мезолитом лесной полосы и 2) культуры ладьевидных топоров. Надо полагать, что племена — носители упомянутых культур дали наиболее существенную часть этнического состава населения Восточной Прибалтики. Культура ямочно-гребенчатой керамики Восточной Прибалтики, которую мы связываем с прибалтийско-финскими племенами, явно принадлежит к обширной культурной области лесной полосы Восточной Европы, где по сей день живет большинство народов, говорящих на финно-угорских языках, и где их предки, судя по всем признакам, обитали уже в глубокой древности. Культура же ладьевидных топоров, которую, вероятнее всего, следует связать с древними балтийскими племенами, происходила из района, расположенного к югу от Восточной Прибалтики, где в очень древние времена обитали и предки славян, которые, судя по языковым данным, имели общее происхождение с литовско-латышскими племенами.

В заключение следует отметить, что имеющиеся в настоящее время материалы позволяют наметить лишь в самых общих чертах контуры древнейшей этнической истории народов Восточной Прибалтики. Обрисовать их более определенно пока еще нельзя, и сделанные заключения носят в значительной мере гипотетический характер. Тем не менее, уже сейчас имеются основания полагать, что этнические элементы, на базе которых сложились основные племенные группы, а позднее — народности Восточной Прибалтики, появились на этой территории уже в очень далеком прошлом: балтийские племена — в эпоху позднего неолита, а финно-угорские — еще раньше. Последние пришли сюда, по-видимому, не все сразу, а постепенно. Время от времени в них вливались новые племена, проникавшие сюда с восточных территорий.

---

[56] C. F. Meinander, Die Kiukaiskultur, карта, рис. 96.

О ПЛЕМЕНАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЭСТОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

М. Х. ШМИДЕХЕЛЬМ

Археологические данные позволяют установить, что северо-восточная часть территории Эстонской ССР, древняя земля Вирумаа, была беспрерывно заселена по крайней мере начиная с VI—V вв. до н. э. Исключительно большое количество археологических памятников в этой части Эстонии, из которых многие исследованы систематическими раскопками, некоторые результаты изучения эстонских диалектов и наличие ранних письменных источников, касающихся этой территории, — все это вместе дает возможность проследить здесь формирование древних племен более последовательно, чем в какой бы то ни было другой части Эстонии.

Памятниками второй половины последнего тысячелетия до н. э. здесь, помимо нескольких городищ, являются могильники. Это каменные курганы, сложенные обычно из плитняка, диаметром в среднем 9—12 метров и высотой 0,5—1,5 метра (рис. 26). В этих курганах ящики для захоронения сложены также из плитняка. Отдельный курган чаще всего содержит два-три таких ящика, в которых нередко бывает захоронено по два или три человека.[1] Иногда встречаются еще скелеты или остатки трупосожжений вне ящиков. Число захоронений в одном кургане достигает, таким образом, 10—12.

Для каменных курганов с ящиками характерно, что они никогда не встречаются в одиночку, а расположены всегда группами. В северо-восточной части Эстонии такие курганные могильники состоят обычно из 3—6 курганов, но в одном месте, в Напа близ Люганусе (Кивиылиского района), число курганов достигает нескольких десятков. Учитывая то обстоятельство, что курганные могильники расположены обычно среди пашен, можно полагать, что с течением времени многие из них были распаханы и что первоначально группы были более многочисленными.

Курганные группы, в свою очередь, концентрируются на довольно ограниченных участках (рис. 28). Поскольку распространение археологических памятников позволяет судить о степени заселенности какой-либо территории, можно заключить, что значительные части территории Эстонии, покрытые первобытными лесами, в I тысячелетии до н. э. еще не были заселены. Население сосредоточивалось преимущественно по реч-

[1] Х. А. Моора, Памятники позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. Краткие сообщения ИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 19. М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.—V в. н. э.). Таллин, 1955, стр. 18 и сл.

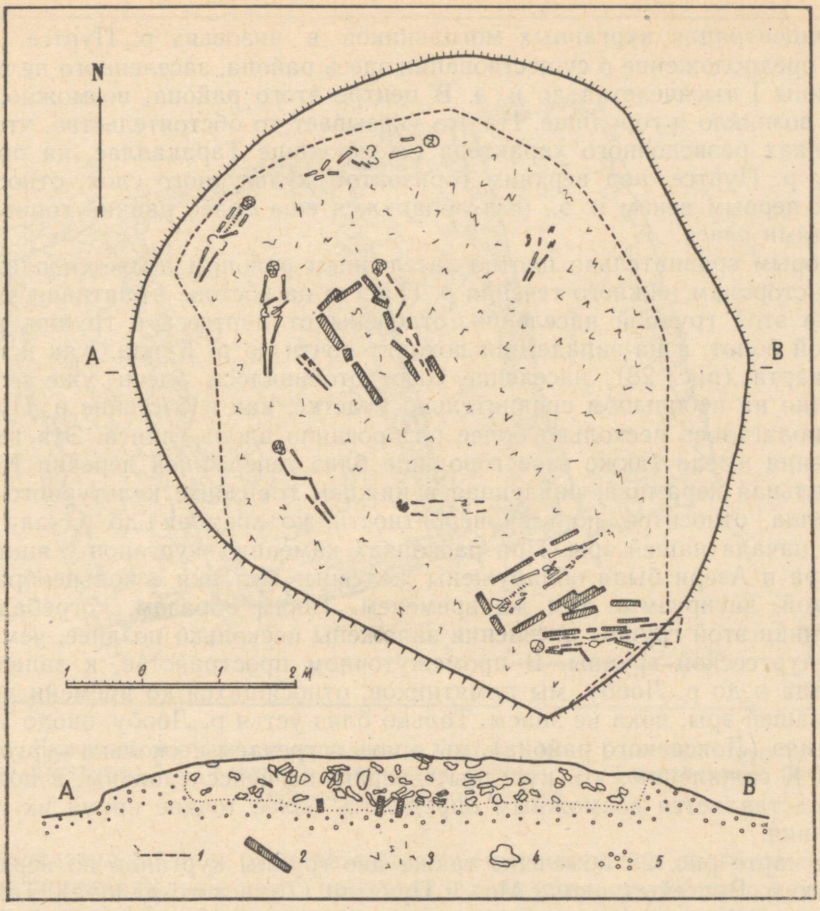


Рис. 26. Каменный курган с ящиками в Ябара (Кивиылиского района). *1* — граница раскопанной площадки; *2* — плитняковые стенки ящиков (сохранились только частично); *3* — плитняковая щебенка; *4* — более крупные плиты в насыпи кургана (показаны только в разрезе); *5* — грунт и нераскопанные боковые части кургана (в разрезе).

ным долинам, местами также близ побережья моря, образуя ясно выраженные группы.

Наиболее густо были заселены края долины по нижнему течению р. Пуртсе и ближайшие ее окрестности. Курганные могильники расположены здесь по обеим сторонам реки. Кроме упомянутых уже курганов в Напа, имеются еще группы курганов в Люганусе, Лиймала, Пуртсе, Ябара и Варья. Часть этих курганов исследована раскопками. В общем, каменные курганы бедны инвентарем. Чаще всего в них встречаются простые костяные булавки для скрепления одежды. Однако некоторые курганы в районе р. Пуртсе дали и металлические предметы. Особенно следует отметить погребение в одном из курганов в Ябара, расположенном в двух километрах на восток от устья р. Пуртсе. Здесь, при лежавшем в каменном ящике скелете были найдены бронзовая шейная гривна и другие предметы середины I тысячелетия до н. э. На основании инвентаря этого погребения и еще некоторых других погребений можно сказать, что в пределах северо-восточной части Эстонии наиболее ранними являются курганные могильники в районе Люганусе—Пуртсе.

Концентрация курганных могильников в низовьях р. Пуртсе допускает предположение о существовании здесь района, заселенного не позже середины I тысячелетия до н. э. В центре этого района, возможно, уже тогда возникло и городище. На это указывает то обстоятельство, что при раскопках разведочного характера на городище Таракаллас, на правом берегу р. Пуртсе, под верхним горизонтом культурного слоя, относящегося к первым векам н. э., был обнаружен еще более ранний горизонт с остатками очага.

Вторым сравнительно плотно заселенным районом является плато по обеим сторонам нижнего течения р. П а д а; на востоке памятники, оставленные этой группой населения, отделены от пуртсеской группы узкой полосой болот, а на западе они доходят почти до р. Кунда. Как показывает карта (рис. 28), население сосредоточивалось здесь уже не так скученно на небольшом сравнительно участке, как в бассейне р. Пуртсе, а располагалось несколько более разбросанно вдоль глинта. Эта группа населения имела также свое городище близ теперешней деревни Койла. Текстильная керамика, найденная в нижнем горизонте культурного слоя городища, относится, по всей вероятности, ко времени до начала или около начала нашей эры. При раскопках каменных курганов с ящиками в Куура и Азери были обнаружены железные булавки с кольцеобразной головкой, датируемые тем же временем. Таким образом, погребальные памятники этой группы населения заложены несколько позднее, чем курганы пуртсеской группы. В промежуточном пространстве, к западу от р. Кунда и до р. Лообу, мы памятников, относящихся ко времени до начала нашей эры, пока не знаем. Только близ устья р. Лообу, около Ватку и Илумяэ (Локсаского района), мы опять встречаем несколько курганных групп. К сожалению, эти курганы совершенно неисследованы, а поэтому не представляется возможным определить более точное время их существования.

На карте рис. 28 помечены также две группы курганов по верхнему течению р. Валгейыэ, около Моэ и Прюмли (Тапаского района). Так как они находятся уже за пределами древней земли Вирумаа, то мы на них останавливаться не будем.

О существовании четвертого заселенного района в восточной части рассматриваемой территории свидетельствует ряд курганных могильников на морском побережье около В а й в а р а, Йыхвиского района, где некоторые курганы были вскрыты уже в конце прошлого столетия. Вследствие несовершенной методики раскопок того времени, по сохранившимся отчетам невозможно составить сколько-нибудь точное представление об устройстве названных могильников, а почти полное отсутствие в них погребального инвентаря не допускает их точной датировки. Однако все же не может быть сомнения, что мы и здесь имеем дело с курганами с каменными ящиками. Группа поселений около Вайвара, как и остальные заселенные участки, была ограничена необитаемой зоной болот и лесов.

Возможно, что во второй половине I тысячелетия до н. э. на территории нынешнего города Нарвы существовало укрепленное поселение. При раскопках разведочного характера, произведенных в связи с постройкой Нарвской ГЭС, Л. Ю. Янитсом на неолитическом поселении, расположенном на берегу р. Нарвы, была обнаружена керамика, характерная для укрепленного поселения Асва середины и второй половины I тысячелетия до н. э. По-видимому, мы имеем здесь дело с остатками культурного слоя, сползшего с возвышающегося рядом холма, на котором и можно предполагать существование некогда поселения. Каменные же курганы в окрестности Нарвы неизвестны.

Из предыдущего видно, что могильники и городища второй половины

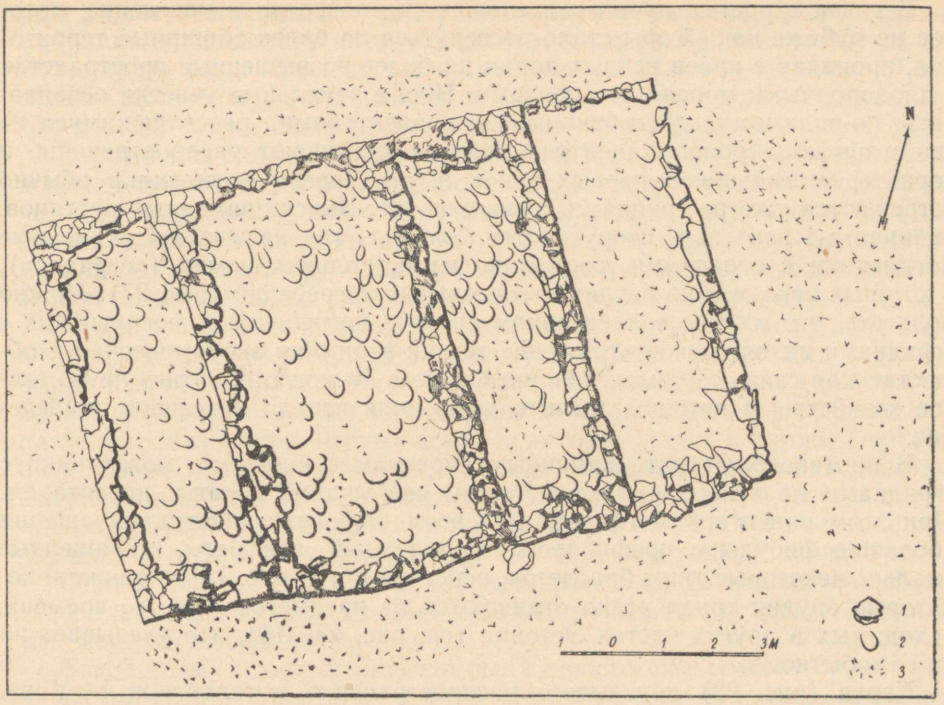


Рис. 27. Каменный могильник с оградками в Кохтла-Ярве. *1* — стенки оградок, сложенные из плитняка; *2* — валуны в заполнении оградок; *3* — плитняковая щебенка в оградах и краевой насыпи.

I тысячелетия до н. э. располагаются преимущественно по краям речных долин, причем больше всего памятников, свидетельствующих о существовании поселений указанного периода, сохранилось по нижнему течению двух рек — Пуртсе и Пада. Каждый из названных районов имел и свое городище. Некоторые курганные могильники, непосредственно не связанные с долинами рек, расположены на краю глинта в таких местах, где он не обрывается круто, а спускается к морю полого или террасами. Приречные низины и пологие склоны глинта были в то время почти единственными участками, не заросшими густыми лесами и представлявшими собой удобные естественные пастбища для скота. Животноводство и являлось основной отраслью хозяйства населения, оставившего каменные курганы с ящиками. Об этом свидетельствуют, между прочим, и кости домашних животных, нередко находимые в каменных курганах с ящиками. Конечно, нет сомнения, что население знало и земледелие, но последнее в тот период еще не играло основной роли в экономике. Хозяйственными единицами были, по всей вероятности, семейные общины, обитавшие еще сплоченно на территории, находившейся в общем владении всего рода.

Начиная с I века н. э. картина распределения населения в северо-восточной Эстонии существенно меняется. К этому времени основное значение в экономике ее населения приобрело земледелие. Последнее в значительной мере носило еще характер подсечного, однако можно полагать, что наряду с этим некоторую роль играло и примитивное пашенное земледелие.[2]

[2] Х. А. Моора, Археологические памятники I—IV вв. в Прибалтике. Краткие сообщения ИИМК, вып. 53, 1954, стр. 20—21. М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 191.

В связи с ростом производительных сил возросло и население, которое на рубеже нашей эры стало расселяться на более обширные территории, проникая с краев речных долин на более возвышенные пространства с плодородными моренными почвами. Новые земельные участки осваивались, по-видимому, обособившимися коллективами, расселявшимися из своих прежних родовых центров. На это указывают распространение и характер могильников первых веков н. э. Теперь могильники обычно встречаются уже не группами, а поодиночке. Вместо каменных курганов, начиная с I века н. э. сооружаются большие, так называемые каменные могильники с оградками, состоящие из нескольких камер («оградок»), в которых невозможно различить отдельных погребений (рис. 27). Можно полагать, что в этом коллективном способе погребения в могильниках с оградками находит свое отражение тесная взаимная экономическая и общественная связь семейных общин, без чего не могло обойтись примитивное хозяйство, в котором значительную роль играло подсечное земледелие.[3]

В противоположность каменным курганам с ящиками, могильники с оградками на северо-востоке Эстонии необычайно богаты инвентарем. При этом инвентарь могильников в этом районе, особенно украшения (большие фибулы с профилированной дужкой, предметы, украшенные эмалью, некоторые типы браслетов, перстней и пр.; рис. 12), а также и некоторые орудия труда резко отличаются от предметов того же времени, находимых в других частях Эстонии (ср. рис. 13—16), что указывает на их самобытность.

Карта (рис. 29) показывает распространение могильников I—V вв. н. э. В этот период в пределах северо-восточной Эстонии также вырисовывается ряд заселенных районов; некоторые из них выросли непосредственно из ранее существовавших районов, другие же были заселены только в первые века нашей эры.

Бассейн нижнего течения р. Пуртсе по-прежнему густо заселен. О распространении населения в восточном направлении говорят могильники, расположенные к востоку от Ябараских могильников. Некоторые еще не исследованные могильники имеются и в бассейне верхнего течения р. Пуртсе. Теперь, когда развитие производительных сил достигло такого уровня, который делал не только возможным, но и необходимым широкий межплеменной обмен, устье р. Пуртсе приобрело особое значение в качестве пристани. Это сказывается и в инвентаре могильников приустья этой реки, содержащих по сравнению с археологическим материалом остальной Эстонии относительно большое количество предметов, завезенных сюда с южного побережья Балтийского моря. Особого внимания заслуживает по-прежнему группа могильников в Ябара, одна из наиболее крупных и наиболее богатых инвентарем в Эстонии вообще.

Второй заселенный центр, расположенный по обеим сторонам р. Пада, также значительно разросся. Окрестности городища Койла в нижнем течении р. Пада были по-прежнему заселены, причем само городище было теперь укреплено более мощным валом; с другой стороны, заселенная территория расширилась в южном направлении, захватывая среднее течение реки. Крупный, богатый инвентарем могильник раскопан, например, около дер. Пада, где в свое время находились еще два могильника. Значительно уплотнилось население в окрестности Азери, где, между про-

---

[3] П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в восточной Европе. Известия Государственной Академии истории материальной культуры XIV : I, Л., 1932, стр. 4—5.

[4] Могильники и городища северо-восточной Эстонии первой половины I тысячелетия н. э. подробно описаны в названной уже работе М. Х. Шмидехельм, стр. 49 и сл., 166 и сл.

чим, рядом с каменными курганами с ящиками был сооружен могильник с оградками, инвентарь которого датируется первыми веками нашей эры. Более густо было заселено также междуречье Пада — Кунда. Об этом свидетельствует крупный могильник в Ийла; неподалеку, в Малла и других местах, также обнаружены подобные могильники.

Заселенный район по нижнему течению р. Л о о б у, по-видимому, продолжает существовать в виде небольшого островка, так как среди каменных курганов здесь имеются и более крупные могильники, которые, правда, пока не исследованы, но по размерам и характеру соответствуют могильникам с оградками. Как раньше, так и в первых веках нашей эры этот заселенный район образовал свою обособленную группу.

Что касается заселенного района в окрестности В а й в а р а, то здесь, в непосредственном соседстве с упомянутыми выше каменными курганами более поздние могильники нам не известны; население этого района, очевидно, продвинулось с неплодородного побережья на край возвышенного плато, где могильники первых веков н. э. сохранились в Утрия, Тюрсамяэ, на р. Сытке и в других местах. Самыми западными могильниками, принадлежащими этой группе населения, можно считать некоторые могильники в приустье р. Пюхайыги: один из них, в Тойла, был раскопан и содержал богатый инвентарь, датируемый первыми веками нашей эры.

Однако наряду с районами, заселенными уже до начала нашей эры, теперь образовался и ряд новых районов, не связанных с бассейнами рек или морским побережьем.

Такой новый заселенный центр был расположен к востоку от р. Пуртсе, на плато между К о х т л а - Я р в е, К у к р у с е и И ы х в и, где каменные могильники тянутся широкой полосой параллельно краю глинта. Из них наиболее ранним является могильник с оградками в Ярве, исследованный в конце прошлого столетия и давший находки, наиболее ранние из которых датируются первыми веками нашей эры; большинство же могильников возникло, по-видимому, только во II—IV вв.

В западной части земли Вирумаа новая группа населения появилась в окрестностях Р а к в е р е, где каменных курганов предыдущего периода до сих пор не обнаружено и где наиболее ранние могильники восходят к I веку н. э. В последующие века здесь возникает значительное количество больших, богатых инвентарем могильников, из которых можно назвать несколько могильников близ дер. Тырма, далее могильники в Аркна, Эссу, Оявески и др. По-видимому, в первые века нашей эры было построено и городище Клооди, расположенное в 7 км к северо-западу от г. Раквере. Некоторые могильники, сооруженные, должно быть, той же группой населения, находились несколько севернее, ближе к побережью; о них свидетельствуют, например, некоторые случайные находки из Вихула. С другой стороны, этот заселенный район простирался и на юго-восток от г. Раквере, где мы встречаем каменные могильники в окрестностях Мыдрику и Пылула. Из этих могильников имеются пока только отдельные случайные находки.

Особая группа образовалась примерно в I в. н. э. в окрестностях В я й к е - М а р ь я и С и м у н а. Здесь целый ряд могильников расположен на южном краю возвышенности Пандивере. Сравнительно ранний инвентарь, восходящий к I—II вв., содержали могильники в Роху и Трийги. Следует отметить, что по составу инвентаря эти могильники несколько отличаются от могильников прибрежной части северо-восточной Эстонии, так как здесь, помимо предметов, типичных для побережья, в значительном количестве встречаются и предметы, указывающие на тесные связи с древним населением средней Эстонии (окрестностей теперешних городов Пайдэ и Тюри).

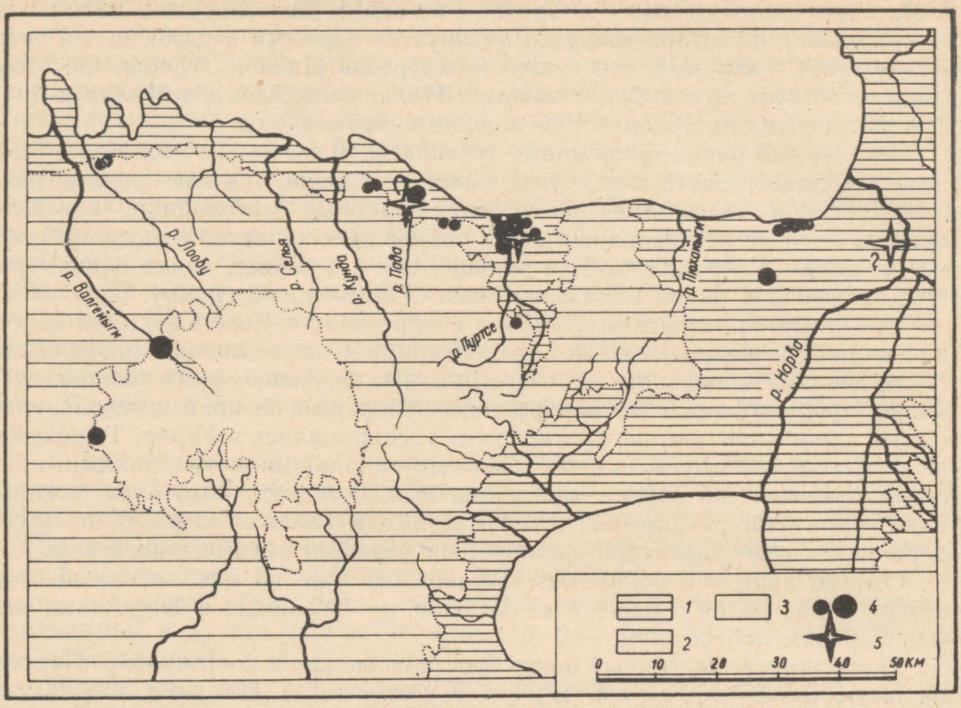


Рис. 28. Распространение памятников второй половины I тысячелетия до н. э. в Вирумаа. *1* — высота над уровнем моря 0—50 м; *2* — то же 51—100 м; *3* — то же свыше 100 м; *4* — каменные курганы (величина знака означает сравнительную величину курганных могильников); *5* — городища.

Таким образом, мы видим, что население древней земли Вирумаа и в первой половине I тысячелетия н. э. концентрировалось в известные группы, из которых одни соответствовали населенным центрам, существовавшим уже в I в. до н. э., а другие возникли на вновь освоенных, не заселенных до этого землях.

Как мы увидим ниже, образование этих групп не было случайным, а также не было вызвано географическими условиями, но отражало расширение известных племенных территорий. Это подтверждается данными диалектологии; в то же время племенные различия отражаются и в материальной культуре, в одежде, украшениях, в орнаментике разных предметов и т. д.

Дальнейший рост производительных сил, в первую очередь распространение пашенного земледелия, при котором отпала необходимость в сотрудничестве большого коллектива и с обработкой земли справлялась и малая, или индивидуальная, семья, — повлек за собой постепенное разложение семейной общины. В археологическом материале этот процесс нашел отражение как в распространении памятников на все бо́льшие пространства, так и в изменении характера захоронения покойников. Начиная с IV в. н. э. наряду с коллективными погребениями в оградках каменных могильников встречаются и индивидуальные захоронения вне оградок. В V веке индивидуальные погребения становятся господствующими.

Население осваивает все более обширные территории, проникая все дальше в глубь лесных массивов. С индивидуализацией производства разлагаются родовые и племенные отношения. Племенную организацию сме-

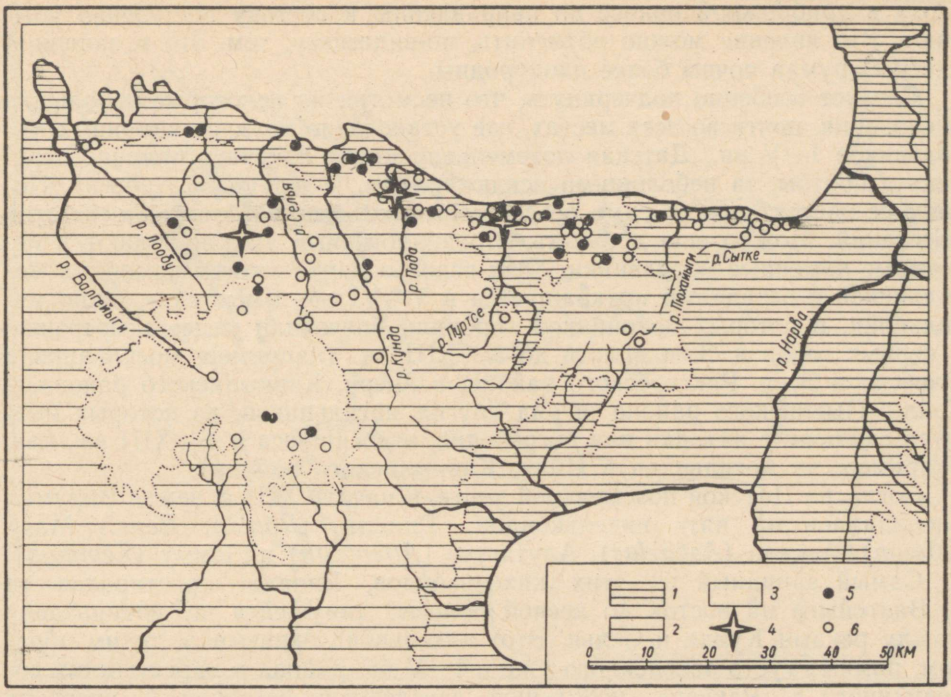


Рис. 29. Распространение памятников первой половины I тысячелетия н. э. в Вирумаа. *1* — высота над уровнем моря 0—50 м; *2* — то же 51—100 м; *3* — то же свыше 100 м; *4* — городища; *5* — каменные могильники с оградками (исследованные); *6* — неисследованные могильники.

няют территориальные объединения — «кихельконды» и их союзы — «мааконды» («земли»).

Распространение памятников второй половины I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э. показано на карте, рис. 20. Следует отметить, что поздние памятники на северо-востоке Эстонии менее изучены, чем памятники первой половины I тысячелетия н. э. Однако в отношении земли Вирумаа мы имеем подробный список населенных пунктов этой территории в Датской поземельной книге (Liber Census Daniae). Этот источник восходит к началу XIII в. и содержит перечень деревень на севере Эстонии, в землях Рявала, Харьюмаа и Вирумаа, в котором отмечены и размеры деревень в «сохах». В названиях почти всех деревень, перечисленных в Датской поземельной книге, несмотря на их искаженную транскрипцию, можно узнать эстонскую топонимику, сохранившуюся до наших дней.

Если сравнить карту населенных пунктов, составленную на основании списков Датской поземельной книги (рис. 30), с картой распространения археологических памятников X—XIII вв. (рис. 20), а также с картой распространения памятников I—V вв. н. э. (рис. 29), то становится очевидным, что население в XIII веке обитало в тех же местах, которые были заселены уже в первых веках нашей эры. Как выше уже было отмечено, заселенная территория к XIII веку все же значительно расширилась. По сравнению с поселениями начала нашей эры произошли и некоторые изменения в плотности населения и в размере поселений. Согласно данным Датской поземельной книги, наибольшая плотность населения и наиболее крупные деревни (по числу «сох») были в западной части Вирумаа, в окрестностях Раквере, Хальяла и Кадрина, в то время как показатели

«сох» в прибрежной полосе по направлению к востоку постепенно убывают. Это явление можно объяснить, по-видимому, тем, что в западной части Вирумаа почвы более плодородны.

Следует особенно подчеркнуть, что несмотря на некоторые небольшие отклонения, почти во всех местах, где установлено наличие каменных могильников I—V вв., Датская поземельная книга отмечает наличие деревень и притом, за небольшими исключениями, — крупных деревень. Последнее обстоятельство само по себе свидетельствует об исконности этих поселений. Можно еще добавить, что аналогичные указания дают и некоторые каменные могильники. Хотя использование многих каменных могильников с оградками прекращается в V—VI вв., имеются и такие могильники, в которых покойников хоронили более или менее непрерывно с первых веков н. э. и вплоть до X—XIII вв. (например, могильники в Оявески и Эссу, Раквереского района, в Азери, Кивиылиского района, в Тойла, Йыхвиского района, и ряд других могильников, из которых имеются единичные находки или погребения, относящиеся к X—XIII вв., как, например, из могильника в Ийла, Кивиылиского района).

Согласно Датской поземельной книге, в начале XIII в. земля Вирумаа распадалась на пять кихелькондов: Ряпала, (*Räpala*, *Repel*), Маху (*Maum*), Аскала (*Askaelae*), Алутагусе (*Allentagh*) и Лемму (*Lemmun*).

Самый западный из этих кихелькондов, Ряпала, простирался от р. Валгейыги на восток до лесной полосы, тянущейся по водоразделу между реками Кунда и Селья. Этот кихельконд охватывал, таким образом, помимо густо заселенного уже в I—V вв. района в окрестностях современного г. Раквере, небольшой заселенный островок в низовьях р. Лообу. В последующем мы не будем приводить названий всех тех селений, которые перечислены в Датской поземельной книге и существование которых в I—V вв. засвидетельствовано наличием там каменных могильников, а ограничимся лишь некоторыми примерами.

Из Раквереской группы в Датской поземельной книге в качестве одного из наиболее крупных населенных пунктов отмечена деревня Тырма (*Tormas*), размеры которой достигали 70 сох. На крупное значение этого селения в начале II тысячелетия н. э. указывает и археологический материал: в окрестностях этой деревни найдены два клада серебряных вещей.[5] В первой половине I тысячелетия до н. э. здесь было, по крайней мере, два каменных могильника, из которых один в пределах Вирумаа относится к числу наиболее крупных и наиболее богатых инвентарем.[6] Из других деревень, отмеченных также наличием могильников первой половины I тысячелетия н. э., можно назвать: Кыннасте (*Køndos*, близ большого могильника в Оявески, 40 сох), Аркна, (*Arkenallae*, 27 сох), Мыдрику (*Modrigas*, 30 сох), Эссу (*Gesse*, 6 сох)[7] и др. Из деревень, расположенных в низовьях р. Лообу, в Датской поземельной книге указана дер. Ватку (*Watekya*, 20 сох).

Кихельконд Маху (впоследствии Виру-Нигула) охватывал главным образом бассейны рек Кунда и Пада от восточной границы кихельконда Ряпала и до водораздела бассейнов рек Пада и Пуртсе. Северная часть этого кихельконда соответствует, таким образом, территории, заселенной уже в первой половине I тысячелетия н. э.; на этой территории имеются также каменные курганы предшествующего периода. Из деревень

---

[5] ИИ 2504 : 1—17 и 2660 : 1—9.

[6] М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 146 и сл.

[7] Могильники в Эссу дали, кроме вещей первых веков, большое количество находок X—XIII вв.; в окрестностях Эссу обнаружено также несколько кладов того же времени. Поэтому кажется, что эта деревня представляла собой все же более значительный населенный пункт, чем это можно предполагать по малому числу ее сох.

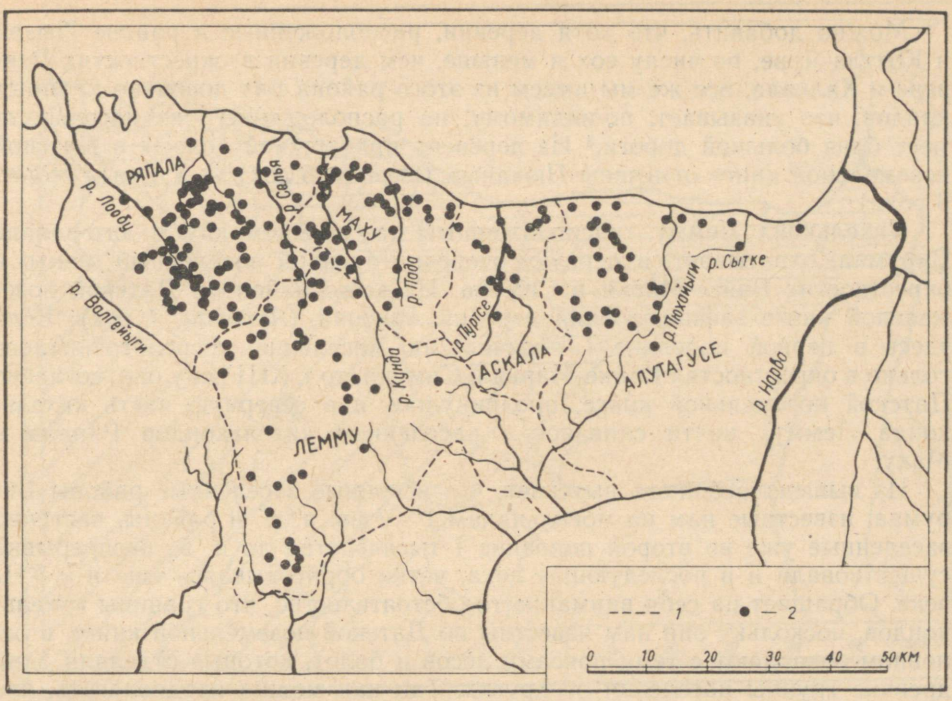


Рис. 30. Деревни и кихельконды в начале XIII в. (по данным Датской поземельной книги). *1* — границы кихелькондов; *2* — деревни.

этого кихельконда, перечисленных в Датской поземельной книге, можно назвать: Ийла (*Ydiala*, 25 сох), Койла (*Kokael*, 40 сох), Пада (*Padagas*, 40 сох), Раудна (*Raudanal*, 20 сох) и др.

Кихельконд Аскала, которому впоследствии соответствовал исторический кихельконд Люганусе, охватывал преимущественно бассейн р. Пуртсе, т. е. именно ту территорию, где мы выше отметили существование исконного заселенного района в пределах Вирумаа, восходящего к середине первого тысячелетия до н. э. Из поселений в бассейне р. Пуртсе в Датской поземельной книге отмечены в качестве наиболее крупных центров Люганусе (*Lygenus*, 45 сох), Пуртсе (*Purdus*, 32 сохи), Аа (*Hazae*, 13 сох) и пр. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что окрестности Ябара, где расположена самая крупная в Эстонии группа каменных могильников I—V вв., к XIII в. значительно опустели. Деревня Молдова (*Muldilippae*), наиболее близко расположенная к Ябараским могильникам, по данным Датской поземельной книги, охватывала всего лишь 4 сохи.

Кихельконд Алутагусе занимал всю восточную часть земли Вирумаа. В него входили заселенный район между Кохтла-Ярве и Йыхви, а также окрестности Вайвара. Хотя поселения, как показывает карта (рис. 30), заходили здесь в XIII в. значительно южнее, чем в III—IV вв., болотистые и лесистые восточные районы этого кихельконда еще не были заселены или были заселены очень слабо.

В окрестностях Кохтла-Ярве и Йыхви Датская поземельная книга называет целый ряд поселений, в том числе Йыхви (*Gevi*, 20 сох), Ярве (*Jervius*, 16 сох), Пеэри (*Pyari*, 4 сохи), Кахула (*Kawal*, 18 сох), Эдисе (*Eteus*, 5 сох) и пр.

Можно добавить, что хотя деревни, расположенные в районе Йыхви и Кохтла-Ярве, по числу сох и меньше, чем деревни в окрестностях Раквере и Хальяла, все же мы имеем из этого района ряд довольно крупных кладов, что указывает, по-видимому, на расположение этих населенных мест близ большой дороги.[8] Из деревень прибрежной полосы в Датской поземельной книге отмечены Пюхайыэ (*Pododt*, 6 сох) и Утрия (*Ydrigas*, 3 сохи).

Кихельконд Лемму, расположенный на крайнем юге и юго-западе Вирумаа, охватывает, в первую очередь, древний заселенный центр в окрестностях Вяйке-Марья и Симуна. Из этого района в Датской поземельной книге зафиксирована деревня Ависпяа (*Avespaa*, 7 сох). Если здесь в первой половине I тысячелетия население сосредоточивалось только в окрестностях Вяйке-Марья и Симуна, то к XIII веку оно, согласно Датской поземельной книге, продвинулось и в северную часть кихельконда Лемму, почти сливаясь с населением кихелькондов Ряпала и Маху.

Из вышеизложенного вытекает, что исконные заселенные районы Вирумаа, известные нам по могильникам I—V вв. н. э., и районы, частично заселенные уже во второй половине I тысячелетия до н. э., беспрерывно существовали и в последующие века, четко обрисовываясь еще и в XIII веке. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что границы кихелькондов, поскольку они нам известны по Датской поземельной книге, в основном совпадают с теми поясами лесов и болот, которые отделяли одни древние группы населения от других. Так как можно предполагать, что заселенные районы I—V вв. представляют собой племенные территории, то кажется вероятным, что на основе этих племенных территорий в общем образовались территориальные единицы — кихельконды.

Совпадение распространения местных говоров эстонского языка с указанными древними заселенными районами подтверждает наше предположение о том, что эти районы действительно представляли собой различные племенные территории.

В прибрежной части северной и северо-восточной Эстонии, в полосе, простирающейся от г. Таллина до г. Нарвы, распространен северный прибрежный диалект (рис. 31). В западной части территории распространения этого диалекта он в настоящее время охватывает только край побережья, особенно полуострова, вдающиеся в Финский залив. Восточнее же граница распространения северного прибрежного диалекта заходит значительно южнее, особенно в бассейне р. Пуртсе. Еще дальше на восток граница распространения этого диалекта опять несколько приближается к Финскому заливу, достигая р. Нарвы немного южнее города Нарвы, и проходит затем по реке к северу до побережья моря.

Северный прибрежный диалект сохранил отчасти весьма древние черты, на основании которых можно полагать, что он существовал уже около начала нашей эры или даже еще раньше. Этот диалект распадается на ряд говоров. Особенно четкая граница между двумя говорами проходит по водоразделу между бассейнами рек Пада и Пуртсе. Эта граница, таким образом, полностью соответствует древней границе между кихелькондами Маху (Виру-Нигула) и Аскала (Люганусе), которую можно уста-

[8] Клад, содержавший свыше 500 арабских монет, найден на месте теперешнего города Кохтла-Ярве (W. Anderson, R. Vasmer, Der Chalifenmünzfund von Kochtel. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B VII : 2, Dorpat 1926); у деревни Кохтла найден клад из 17 немецких и англо-саксонских серебряных монет XI—XII вв.; в Эдисе — клад арабских, датских и немецких серебряных монет X—XI вв.; в Ярве обнаружен клад, содержавший фрагменты серебряной шейной гривны, височное кольцо и бусы.

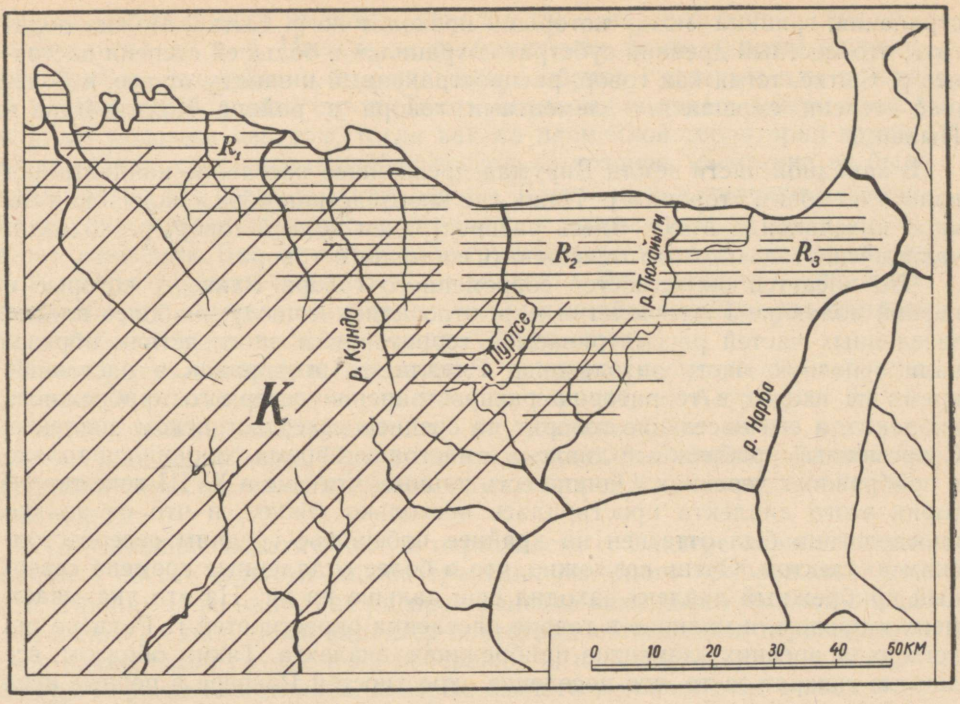


Рис. 31. Распространение диалектов и говоров эстонского языка на территории северо-восточной Эстонии: $R_1R_2R_3$ — говоры северного прибрежного диалекта; К — средний североэстонский диалект.

новить на основании Датской поземельной книги. Как мы видели выше, эта граница, в свою очередь, совпадает с границей двух древних заселенных центров. Она существовала как в первой половине I тысячелетия н. э., так и в последнем тысячелетии до нашей эры, отделяя друг от друга два искони заселенных района, из которых один был сосредоточен в низовьях р. Пуртсе, а другой — между реками Пада и Кунда. Вряд ли можно сомневаться в том, что мы здесь действительно имеем дело с очень древней племенной границей.

Район, расположенный восточнее, между Кохтла-Ярве и Йыхви, в отношении говора мало отличается от окрестностей Люганусе—Пуртсе. Поэтому можно полагать, что древнее население этого района выделилось в свое время именно из пуртсеской группы. Оно выделилось, по-видимому, только после того, как сложилась четкая граница между пуртсеской и кунда-падаской группами. Археологические памятники показывают, что район между Кохтла-Ярве и Йыхви был заселен не позднее чем в начале нашей эры, возможно и несколько раньше.

Говор населения окрестностей Вайвара в общем близок к говору, распространенному в районе Кохтла-Ярве и Йыхви, однако некоторые различия между этими говорами все же имеются. Если принять во внимание, что побережье Вайвара по крайней мере к началу нашей эры уже было заселено, о чем свидетельствуют имеющиеся здесь в большом количестве каменные курганы с ящиками, то представляется вероятным, что говор населения окрестностей Вайвара имеет и некоторые глубокие местные корни. Лингвистами установлено, что в самом этом говоре имеются некоторые различия между восточной и западной территориями его распро-

странения, граница между которыми проходит по р. Сытке. Можно полагать, что местный древний субстрат сохранился в большей степени восточнее р. Сытке, тогда как говор, распространенный к западу от нее, в большей степени смешался с элементами говора в районе Кохтла-Ярве и Йыхви.

В западной части земли Вирумаа древнейшее население концентрировалось по обеим сторонам р. Пада, где впоследствии образовалось как бы ядро кихельконда Маху. Здесь распространен другой говор, резко отличающийся от только что описанного восточного говора.

Что касается окрестностей современного говора Раквере, которые в первой половине I тысячелетия н. э. относились к числу наиболее плотно заселенных частей рассматриваемой территории и впоследствии образовали основную часть кихельконда Ряпала, то этот район в настоящее время не входит в территорию распространения северного прибрежного диалекта, а его население говорит на среднем североэстонском диалекте. Современный прибрежный диалект в настоящее время сохранился только в прибрежных деревнях. Однако есть данные, что еще в XVIII веке территория этого диалекта простиралась несколько южнее, и что он только впоследствии был оттеснен на крайнее побережье средним североэстонским диалектом. Очень возможно, что в более отдаленные времена северный прибрежный диалект заходил еще дальше на юг. На это указывает, между прочим, и наличие в говоре населения окрестностей г. Раквере целого ряда древних элементов прибрежного диалекта. Таким образом, все данные говорят за то, что население окрестностей Раквере в первые века нашей эры входило в то же племя, что и группа населения в районе Пада и Кунда. Это тем более правдоподобно, что инвентарь раквереской группы могильников почти ничем не отличается от инвентаря могильников прибрежной части северо-восточной Эстонии; поэтому и этническое различие между обеими этими группами населения едва ли могло быть значительным.

Иную картину представляют собой окрестности Вяйке-Марья и Симуна, входившие в XIII в. в кихельконд Лемму. Сюда северный прибрежный диалект никогда не заходил, и этот район относился, по-видимому, уже в древности к области распространения среднего североэстонского диалекта. Как мы уже видели, этот район и по своей материальной культуре в первые века нашей эры заметно отличался от прибрежной полосы северо-восточной Эстонии.

Совпадение, с одной стороны, территории распространения археологических памятников первых веков нашей эры с позднейшими кихелькондами и, с другой стороны, соответствие этих кихелькондов территориям распространения разных диалектов и говоров эстонского языка допускает предположение о том, что в древних кихелькондах северо-восточной Эстонии, зафиксированных в письменных источниках, в виде пережитка сохранились древние эстонские племенные территории.

Таким образом, формирование эстонских племен на северо-востоке Эстонии можно в общих чертах представить себе следующим образом: во второй половине I тысячелетия до н. э. побережье северо-восточной Эстонии в основном охватывало три племенные территории, из которых одна, расположенная преимущественно в бассейне нижнего течения рек Кунда и Пада, соответствовала образовавшемуся позднее кихельконду Маху (еще позже Виру-Нигула), другая — в низовьях р. Пуртсе — кихельконду Аскала (позднее Люганусе), между тем как третья сосредоточивалась на побережье около Вайвара. На основании археологического материала наиболее ранней из них следует считать группу населения района Люга-

нусе и Пуртсе, откуда имеются находки уже из погребений середины I тысячелетия до н. э. Именно здесь памятники этого времени расположены наиболее компактно, что является особенно типичным для поселений в условиях родового строя. Таким образом, мы здесь имеем дело с исконным родовым центром, тогда как на племенной территории группы Кунда и Пада, сформировавшейся несколько позднее, население не было сосредоточено так тесно в одном центре. Для точной датировки вайвараской группы археологические материалы, к сожалению, не дают достаточных оснований. Все эти племенные группы находились в родстве между собой, на что указывает общность их диалекта. Этот диалект распадался, правда, на ряд местных говоров, из которых наиболее четко различались между собой говоры населения первых двух групп.

Некоторые элементы, выделившиеся из пуртсе-люганусеской группы, положили в основном начало заселению территории Алутагусе. Археологические данные показывают, что это должно было иметь место не позже начала нашей эры. При этом на востоке от Вайвара сохранилась небольшая самостоятельная группа, язык которой имел свои древние местные корни.

Есть основание полагать, что и окрестности г. Раквере первоначально входили в состав области распространения северного прибрежного диалекта. Принимая во внимание распространение каменных курганов с ящиками, а также однородный характер инвентаря могильников первых веков н. э. в ракверескоой группе и на побережье и, наконец, отсутствие в окрестностях Раквере памятников, которые свидетельствовали бы о наличии в этом районе постоянных поселений еще до начала нашей эры, мы приходим к заключению, что в этот район население проникло из кунда-падаской группы, т. е. со стороны кихельконда Маху (Виру-Нигула). Этот процесс должен был начаться в период, когда каменных курганов уже больше не сооружалось, т. е. примерно около начала нашей эры. Процесс освоения новых земель совершался, конечно, в течение продолжительного времени, вероятно нескольких веков.

Памятники Локсаского района в низовьях р. Лообу еще не исследованы, поэтому более точно определить время возникновения здесь заселенного центра пока невозможно. В говоре современного населения этого района имеются элементы как северного прибрежного, так и среднего североэстонского диалекта.

В районе Вяйке-Марья и Симуна, где впоследствии возник кихельконд Лемму, мы имеем археологические памятники, оставленные в начале нашей эры населением, которое состояло из иных этнических элементов, чем в прибрежных районах. Заселение этой территории происходило, по-видимому, с юго-запада. Не исключена возможность, что население проникло сюда и из окрестностей современного города Тапа, где имеется несколько обширных групп каменных курганов (около Прюмли, Моэ и Найстевялья). Однако этот вопрос требует еще более подробного изучения.

Нужно отметить, что на археологическом материале в первые века нашей эры прослеживаются довольно тесные связи между северо-восточной Эстонией и окрестностями Пайде и Тюри. Общение между этими областями происходило через Пандиверескую возвышенность, т. е. через территорию, занятую группой населения Вяйке-Марья и Симуна. Вполне естественно, что это население и впоследствии сохраняло связи с названной соседней территорией. Позже, как мы видели, население из окрестностей Вяйке-Марья и Симуна проникло дальше на север и северо-восток, в результате чего к началу XIII в. была заселена уже и северная часть кихельконда Лемму, смежная с кихелькондами Ряпала и Маху. Распро-

странение на север и северо-восток населения, говорившего на среднем североэстонском диалекте, продолжалось и в последующие века.

Таким образом, археологический материал в сочетании с данными эстонской диалектологии показывает, что формирование в конце I тысячелетия территориальных единиц — кихелькондов и их союзов — маакондов, или «земель», происходило в основном на базе древних племенных территорий. Но именно земля Вирумаа, в формировании которой принимали участие разные этнические элементы, показывает, что иногда территориальные объединения складывались на базе разнородных племен.

К ИЗУЧЕНИЮ ПЛЕМЕН I—IV ВЕКОВ В ЗАПАДНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЭСТОНИИ

А. К. ВАССАР

I

Для успешного исследования истории древних племен необходимо наличие в достаточном количестве более или менее равномерно изученного археологического материала. Это предполагает систематическую регистрацию и картографирование по возможности всех археологических памятников на исследуемой территории. Научная разработка и обобщение всего материала могут привести к положительным результатам лишь при условии изучения его на основе марксистско-ленинской методологии, в тесном сотрудничестве с представителями других отраслей науки. В этой связи становится понятным, что лишь в условиях советского строя стало возможным подлинно научное исследование процесса образования и развития племен и складывания на основе их народностей.

Археологические памятники на территории Эстонской ССР исследованы относительно хорошо; правда, это можно сказать не о всех периодах и районах. Так, даже памятники первой половины I тысячелетия н. э., по исследованию которых проделана большая работа, в разных районах республики изучены неравномерно. Наряду с богатым археологическим материалом по северо-восточной Эстонии, прекрасно обработанным М. Х. Шмидехельм, более или менее хорошо изучены также памятники этой эпохи в восточной Эстонии и в современных Пайдеском и Харьюском районах. В то же время значительно слабее исследованы памятники этого периода на юго-западе и западе Эстонии. Указанное явление имеет глубокие исторические корни, и в прежнее время оно не раз приводило исследователей к ошибочным заключениям.

В дооктябрьский период археологией Эстонии занимались по преимуществу ученые и любители прибалтийско-немецкого происхождения, которые исходили в своих исследованиях из ложных, антинаучных культуртрегерских концепций, отвечавших интересам немецких помещиков и буржуазии. В связи с этим они рассматривали с антиисторических позиций также и вопросы этнической истории древнего населения Прибалтики.[1] Прибалтийско-немецкие ученые не были заинтересованы в тщательном и равномерном исследовании археологических памятников на всей террито-

[1] Подробнее см. М. Х. Шмидехельм, Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в до н. э. — V в. н. э.). Таллин, 1955, стр. 7 и сл.

рии Эстонии, что отражается и в пробелах на составленных ими картах археологических находок Восточной Прибалтики.[2]

В последней четверти XIX в. учитель эстонской приходской школы Ян Юнг, по примеру финских археологов, приступил к регистраци археологических памятников по всей территории Эстонии. К этой работе он стремился привлечь и многочисленных корреспондентов на местах. Но так как Юнг не обладал ни специальной подготовкой, ни необходимыми материальными ресурсами, то его работа не приобрела должного размаха и имела ряд существенных недостатков. Систематическая регистрация и описание археологических памятников на всей территории Эстонии были проведены созданным в 1921 году при Тартуском университете Археологическим кабинетом. Последним были также зарегистрированы все местонахождения древних предметов и составлены описания музейных коллекций. Это дало возможность составить карты распространения археологических находок по отдельным периодам, в том числе и карты распространения памятников I—IV вв.[3]

В настоящее время наряду с исследованными археологическими памятниками и находками, хранящимися в музеях, нам известна, правда в самых общих чертах, и топография еще не изученных археологических памятников: могильников, городищ и т. п. Хотя собранные о памятниках сведения не являются исчерпывающими и, к тому же, по внешним признакам археологические памятники невозможно точно датировать, все же указанные материалы дают достаточную основу для исследования истории заселения различных районов Эстонии.

В результате регистрации памятников I—IV вв. оказалось, что в восточных и центральных районах Эстонии они обнаружены в значительно большем количестве, чем в западных. Это обстоятельство до недавнего времени объяснялось недостаточной археологической изученностью западной Эстонии или же просто случайностью.[4] Но в то же время на западе материковой части Эстонии и на острове Сааремаа было собрано большое количество находок каменного века. Х. А. Моора пытался объяснить малочисленность в западных районах Эстонии и на островах памятников I—IV веков значительным уменьшением численности населения в начале нашей эры, вызванным якобы тем, что в этот период основным занятием населения становится земледелие. Согласно его предположению, население западных частей Эстонии, обитавшее на малоплодородных землях, на рубеже нашей эры переселилось в центральную и восточную Эстонию, где почвенные условия были более благоприятными.[5]

Опубликованная в самое последнее время карта распространения археологических памятников I—IV вв. также показывает наиболее густое распределение находок в восточной и центральной Эстонии, в том числе

---

[2] C. Grewingk, Erläuterungen zur Karte des Stein-, Bronze- und ersten Eisenalters von Liv-, Est- und Kurland. Verhandlungen GEG XII, Dorpat 1884. J. Sitzka, Arhäologische Karte von Liv-, Est- und Kurland, Jurjew 1896. A. Friedenthal, Ein Versuch zur Herstellung baltisch-archäologischer Typenkarten. „Mannus". Zeitschrift für Vorgeschichte, Bd. XV, Leipzig 1923, стр. 113—125 и 5 карт.

[3] Г. Моора. Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. Краткие сообщения ИИМК, вып. X, 1941, стр. 89 и сл.

[4] A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B III, 6, Dorpat 1922, стр. 81.

[5] H. Moora, Die Vorzeit Estlands. Tartu 1932, стр. 35 и сл. См. также H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. II. ÕES Toimetused XXIX, Tartu 1938, стр. 593 и сл. Автор настоящей статьи также полагал, что эстонские острова опустели в начале нашей эры, но связывал это с предполагаемым переселением населения островов в юго-западную Финляндию. См. A. Vassar, Soomlaste Soome siirdumise lähteruumist. Ajalooline Ajakiri XVII, 1938, стр. 58 и сл.

и в окрестностях Таллина, вся же западная Эстония, а также острова по-прежнему бедны находками.[6]

Тем не менее, нет основания полагать, что западная Эстония в описываемый период опустела (см. рис. 10 и 43). Малочисленность археологических находок в данной части территории Эстонии объясняется как рядом пробелов в нашей исследовательской работе, так и некоторыми отличиями в способе добывания средств к жизни, а также известными особенностями погребального обряда и материальной культуры племен западной Эстонии.

Следует, во-первых, иметь в виду, что на территории Эстонии мы до сих пор очень плохо знаем поселения I—IV вв. В связи с тем, что эти поселения, как и могильники, располагались, по-видимому, в местах, находящихся в настоящее время под пашнями или, возможно, под строениями, они частично подверглись разрушению в результате последующего строительства и обработки земли. Из археологических памятников сохранились по преимуществу каменные могильники благодаря массивности строительного материала и бережному отношению к ним крестьянского населения. В связи с этим мы располагаем по I—IV вв. в основном только такими находками, которые были обнаружены в могильниках. Могильный же инвентарь является значительно более односторонним, чем материалы из поселений. Могильники и их инвентарь, характер которых зависит от религиозных верований и обычаев, отражают в некоторой степени племенные различия, но являются недостаточно объективным основанием для сравнения уровня общественно-экономического развития различных племенных групп.

Во-вторых, следует отметить, что исследования могильников I—IV вв. не проведены равномерно во всех районах Эстонии. По внешнему виду каменных могильников их нельзя точно датировать. В западной Эстонии в I—IV вв. погребальными сооружениями являлись, по-видимому, каменные курганы. Научно поставленные же раскопки подобных могил производились до последнего времени крайне редко. Немаловажное значение имело бы проведение систематических археологических раскопок на юго-западе Эстонии — в Абьяском, Вильяндиском и Тырваском районах, а также в южных частях юго-восточной Эстонии, граничащих с РСФСР и Латвийской ССР. Следует учитывать и то, что в описываемый период покойников хоронили частично в грунтовых могилах, о чем свидетельствуют соответствующие находки в Рапласком и Эльваском районах.[7] Обнаружение же подобных могильников зависит полностью от случая.

Нельзя забывать, что мы еще не располагаем в достаточной мере равноценным археологическим материалом по всей территории Эстонии. Это, естественно, затрудняет изучение вопросов этногенеза эстонского народа и, в частности, отдельных эстонских племен.

На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов труднее всего проследить группу племен, обитавших в I—IV вв. в западной Эстонии. В конце 1930-х годов исследователи выделяли в Эстонии в I—IV веках только две крупные культурные группы: североэстонскую и южноэстонскую.[8] Результаты произведенных за последнее время раскопок некоторых описываемых ниже памятников проливают новый свет на историю племен западной и юго-западной Эстонии в указанный период. Благодаря этому в настоящее время имеется возможность выделить еще и третью основную группу эстонских племен — западную, в которую входят

[6] М. Х. Шмидехельм, указ., соч., стр. 197. Eesti NSV ajalugu kolmes köites, 1 köide, Tallinn 1955, стр. 48.

[7] ИИ 3238, 3669.

[8] Н. Моога, Die Eisenzeit in Lettland II, стр. 611, 632—633 и карта на стр. 622.

и племена, населявшие острова (так называемые сааре-ляанеские племена).

В пояснение к употребляемым в настоящей статье племенным названиям необходимо отметить следующее. В связи с тем, что племенные территории I—IV вв. в значительной степени послужили основой для образования позднейших древнеэстонских маакондов, или так называемых земель, то представляется наиболее целесообразным, касаясь предшествующего периода, называть древние племена по соответствующим маакондам, а именно: сааре-ляанеские, рявалаские, сакалаские, угандиские, вируские и др. племена.

II

В результате произведенных за последнее время археологических исследований выяснилось, что остров Сааремаа не настолько уже лишен археологических памятников I—IV вв. (рис. 43), как это казалось прежде. Более того, при сравнении количества обнаруженных археологических находок I—IV вв. н. э. с числом находок I тысячелетия до н. э. (ср. рис. 7 в статье Х. А. Моора) оказывается, что количество находок даже увеличилось, что не только подтверждает наличие здесь в ту пору постоянного оседлого населения, но и свидетельствует о его росте.

В инвентарь укрепленного поселения Асва, Ориссаареского района, входит целый ряд предметов, в том числе и керамика, относящихся к первым векам нашей эры. Асваское укрепленное поселение к тому времени, по-видимому, уже перестало существовать. В связи с успехами земледелия и распадом родо-племенных отношений основным типом поселений стали открытые селища. Возможно все же, что часть населения осталась на старом месте.[9]

Не позднее первых веков нашей эры на острове Сааремаа были заложены Тынияский могильник в Ориссаареском районе и Илплаский могильник в Кингисеппском районе.[10] При постройке подвала на «Туулингумяги» в деревне Тыния найдено несколько предметов, которые могут относиться к описываемому периоду,[11] что подтверждается расположением могильника и его внешним обликом. При выемке песка с поля, носящего у местного населения название Кийври (Kiivripõld), на бывшем хуторе Сепа, на полуострове Сырве, были обнаружены человеческие кости и при них 2 булавки с кольцеобразной головкой, в настоящее время, к сожалению, утерянные. В 1926 году А. М. Тальгрен при археологической разведке этого места обнаружил на глубине примерно 8 см остатки черепа и обломки глиняных сосудов.[12] По всей вероятности, мы имеем здесь дело с грунтовой могилой; подобные могилы, относящиеся к I—IV векам, известны также и на материке Эстонии. К описываемому периоду относится, может быть частично, и раскопанный в 1927 году Х. А. Моора каменный могильник на полуострове Сырве в деревне Лябара, на так называемом «поле Таудику» (Taudikupõld).[13] В 1940 году М. Х. Шмидехельм раскопала в Рандвере, Ориссаареского района, небольшой каменный курган без определенной структуры, который находился на южном

---

[9] Древние поселения и городища. Археологический сборник I, Таллин 1955, стр. 129—130.

[10] ИИ К 84 : 10 и К 1 : 194—196, 199; A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B VIII 1, Dorpat 1925, рис. 60, стр. 30, 47.

[11] ИИ 2446.

[12] ИИ 2601 : 11—12.

[13] ИИ 2703 : 1—6.

краю более крупного могильника, относящегося к периоду раннего феодализма. В каменном кургане, кроме черепков керамики, фрагментов железных изделий и шлифовальных камней, были найдены также обломок железного серповидного ножа и булавка с кольцеобразной головкой (рис. 32 : 1).[14] Тем же периодом датируются, по-видимому, и некоторые каменные могильники на западе острова, вблизи Кихельконда [15], и каменный курган «Тютарваре» в Пидула.[16] Приблизительно в этот же период возникли могильники и в Пайкюла. Здесь имеется целый ряд каменных могильников с остатками трупоположений и трупосожжений. Наиболее ранней из обнаруженных здесь находок является уникальная бронзовая фибула со своеобразной бляшкой для прикрепления нагрудных цепочек и треугольной подвеской (рис. 32 : 2). По своему орнаменту эти предметы близки к некоторым фибулам и поясным украшениям, бытовавшим у славянских, балтийских и эстонских племен в первые века нашей эры.[17]. Наиболее близкие соответствия подвеске (рис. 32 : 2) имеются в материале с Верхнего Поволжья, причем шнуровой мотив и бугорки характерны здесь и для других предметов украшения.[18]

К сожалению, большинство из этих находок обнаружено раскопками, произведенными на низком уровне, вследствие чего более подробные сведения о строении могильников отсутствуют и тщательный сбор керамики не производился. Ряд других случайных находок, относящихся к тому же времени, — в Кантси на о. Муху, Сайкла на о. Сааремаа и др., — вероятно, также получен из могильников.[19]

Наиболее богатый из известных до настоящего времени могильников I—IV вв. на Сааремаа находится на полуострове Сырве, на территории деревни Карусте. Он был раскопан автором в 1940 году. Поскольку указанный могильник и найденные в нем материалы являются характерными для всей группы сааре-ляанеских племен описываемого периода, то мы остановимся на нем более подробно.

Могильник был окаймлен не совсем правильным кругом из крупных валунов. Диаметр этого венца составлял с севера на юг 15 метров, а с востока на запад 12,7 метра. Насыпь состояла из камней и земли (рис. 33, 34).

В разрушенной средней части кургана был обнаружен большой фрагмент человеческого черепа, происходивший, по-видимому, из центрального захоронения. Согласно сведениям, полученным от одного из местных жителей, здесь при копке земли когда-то были обнаружены известняковые плиты, которые, однако, не сохранились. Ввиду того, что остальная часть могильника сложена из валунов, можно предположить, что первоначально в центре могильника находился построенный из известняковых плит каменный ящик.

Бóльшую часть находок составляют фрагменты глиняных плоскодон-

---

[14] М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 56—57; находки ИИ 3894 : 1—41.

[15] ИИ К 12 : 2, железный наконечник копья, который относится к подгруппе так называемых непрофилированных наконечников копья, описанных Х. А. Моора, указ. соч., стр. 509.

[16] ИИ 3822 : 26—28.

[17] Более подробный анализ этих украшений дает H. Moora, Tutuli de l'âge du fer romain dans la région de la Baltique orientale. OES Toimetused XXX, Tartu 1938, стр. 447 и сл. Украшение бугорками по краю характерно также для эстонско-ливских дискообразных фибул; на некоторых типах эстонско-ливских фибул мы находим также специальные петельки для прикрепления подвесок.

[18] П. Н. Третьяков, К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР, № 5, 1941, рис. 11; 46 г. д; 31 : 4, М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 40, 102.

[19] ИИ 2643 : 145; К 37 (A. M. Tallgren, указ. соч., рис. 44).

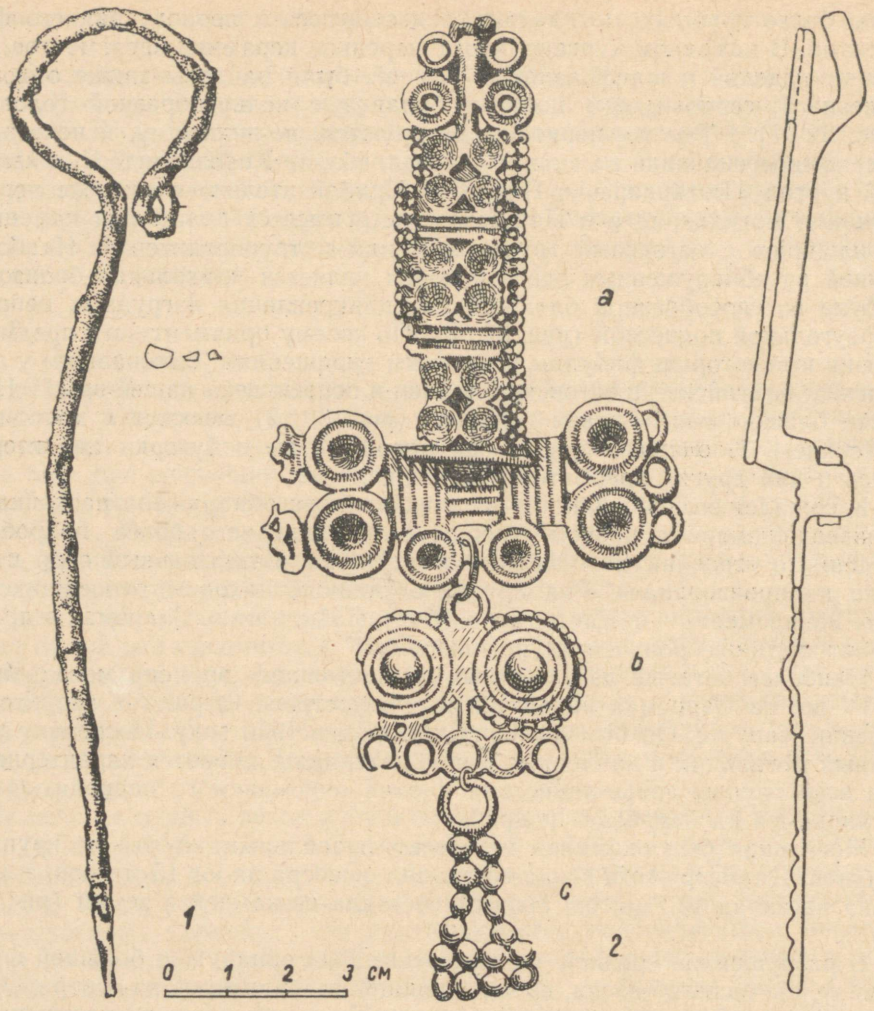


Рис. 32. Предметы первых веков н. э. с острова Сааремаа. *1* — железная булавка с кольцевидной головкой, Рандвере; *2* — бронзовая фибула (*a*) с бляшкой (*b*) и подвеской (*c*), Пайкюла (ИИ 3894 : 5; ИИ К 34 : 1).

ных сосудов (рис. 35 : 1—9). Черепки настолько малы, что невозможно установить точную форму или величину самих сосудов.[20] Сосуды изготовлены из глиняного теста с примесью песка, вследствие чего их поверхность неровная. По самому краю и на плечике сосуды украшены вдавлениями шнура в два ряда, соединенными между собой косыми линиями (рис. 35 : 1—5). Часть орнамента выражена очень слабо. Найденная в Карустеском могильнике керамика как по своему составу, так по окраске и форме соответствует керамике I—IV вв., встречающейся на материке. Подобная керамика со шнуровым орнаментом обнаружена в могильниках западной и северо-западной Эстонии (в могильниках Кымси, Лихулаского района, Адила, Раплаского района, Курна, Лагеди, Раннамыйза и Саха, Харьюского района, Муукси, Локсаского

[20] ИИ 3882 : 3—5, 7, 13, 16, 17, 19, 20.

Рис. 33. Круг из валунов в основании каменного могильника в Карусте. Вид с юго-юго-востока.

района, и др.).[21] В центральной и восточной Эстонии этот орнамент в I—IV вв. больше не встречается, хотя несколько раньше, в последнем тысячелетии до н. э., он имел весьма широкое распространение. В западной и северо-западной Эстонии, а также на о. Сааремаа керамика со шнуровым орнаментом бытовала более продолжительное время, составляя один из наиболее характерных элементов культуры местных племен.[22]

Из бронзовых украшений было найдено несколько браслетов и фрагментарная спиралька. Браслет (рис. 36 : 2) является частью украшения, состоявшего из нескольких подобных браслетов, но, по-видимому, такие браслеты носили также по одному. Чаще всего браслеты этого типа встречаются в каменных могильниках, датируемых II веком.[23] Интересно отметить, что подобные браслеты обнаружены не только на о. Сааремаа, но и в материковой части западной Эстонии,[24] которая, кстати, весьма бедна находками этого периода. Очевидно, к тому же времени относится фрагмент спирального браслета, изображенный на рис. 36 : 5. Этот фрагмент имеет плоско-выпуклое поперечное сечение, концы его несколько расширены и плоские. По данным Х. А. Моора, спиральные браслеты с расширяющимися уплощенными концами были распространены в I—II вв. не только на территории Эстонии, но и Латвии, Литвы, Калининградской области, а также Финляндии.[25] Карустеский экземпляр не соответствует вполне ни одному из описанных в литературе браслетов и, очевидно, был изготовлен на месте.

---

[21] Beiträge zur Kunde Estlands, Bd. IX, Reval 1923, стр. 112 и сл.; Bd. XI, Reval 1925, стр. 22 и сл. A. M. Tallgren, Zur Archäologie Eestis 1, стр. 70, 86.

[22] A. Vassar, Drei Steinkistengräber aus Nordestland. ÖES Aastaraamat 1937 1, Tartu 1938, стр. 353 и сл.

[23] М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 37—38, 67.

[24] В Вихтраском могильнике Вяндраского района (Пярнуский межрайонный краеведческий музей) и в Паюмаском могильнике Лихулаского района (Исторический музей АН ЭССР).

[25] H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland II, стр. 452 и сл.

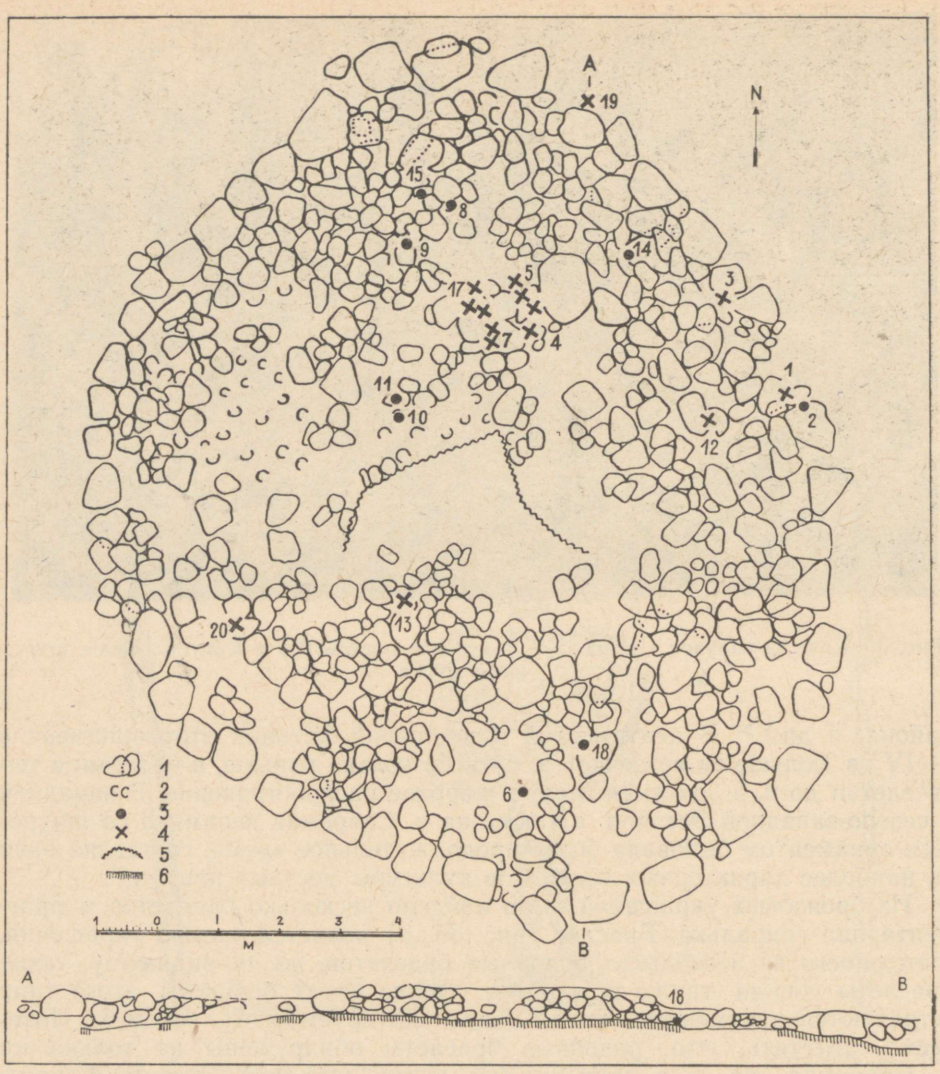


Рис. 34. План каменного могильника в Карусте. *1* — валуны; *2* — булыжник (обозначен условно); *3* — металлические предметы; *4* — керамика; *5* — потревоженная часть могильника; *6* — материк (на профиле).

Фрагмент бронзового предмета (рис. 36 : 6) являлся, может быть, частью пластинчатого браслета. Спиралька (рис. 36 : 3) напоминает среднюю часть ранних височных украшений с пластинчатыми, выпуклыми концами (рис. 16 : 3). В Эстонии украшения подобного типа были распространены, по данным Х. А. Моора, по преимуществу на о. Сааремаа, где их найдено около десятка, на материке же они обнаружены в Кадьястеском могильнике Вяндраского района.[26]

К числу украшений, найденных в Карустеском могильнике, относится

[26] H. Moora, Neue Funde der Bronze- und frühen Eisenzeit aus Estland. OES Aastaraamat 1937 1, Tartu 1938, стр. 372—378. Две спиральки, напоминающие среднюю часть таких же височных украшений, найдены также в восточной Эстонии, в могильниках Тойла и Нава, относящихся к началу н. э., см. М. Х. Шмидехельм, указ., соч., стр. 58.

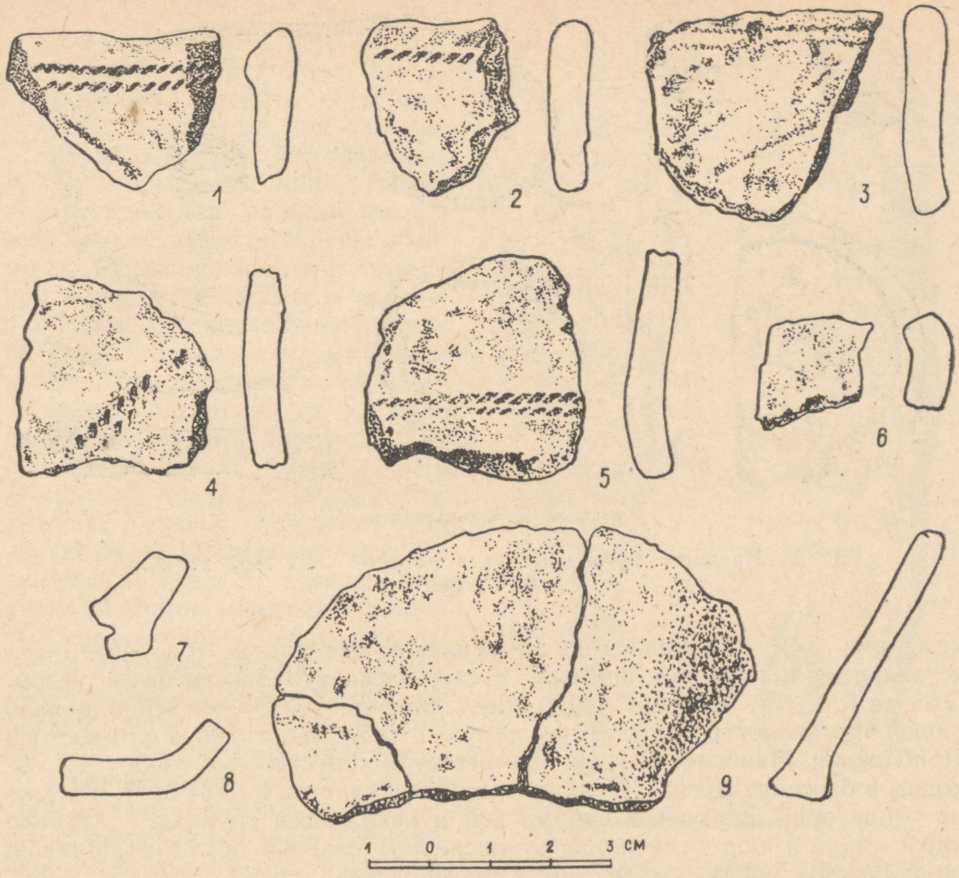


Рис. 35. Типы керамики из могильника в Карусте. (*1, 2, 4, 5, 9* — ИИ 3882 : 17; *3* — 3882 : 7; *6, 7* — 3882 : 5; *8* — 3882 : 20.)

также обломок двойной янтарной пуговки (см. рис. 36 : 1), следов носки на которой не заметно. Подобные пуговицы обнаружены в каменных курганах на территории Латвии, а также южнее, на юго-восточном побережье Балтийского моря.[27] В Карустеском могильнике был, далее, найден кусок необработанного янтаря.[28] Как известно, янтарь попадается и на сааремаском побережье, однако его большей частью, несомненно, получали путем обмена от южных соседей. Куски сырого янтаря и янтарные бусы весьма характерны для инвентаря укрепленных поселений Эстонии (Асва, Иру).

Неизвестно назначение небольшого диска, изготовленного из песчаника (рис. 36 : 4). По данным К. К. Орвику, указанный диск изготовлен, скорее всего, из силурийского песчаника, встречающегося на острове Готланд; песчаник этот употребляли на изготовление растиральных камней. Следовательно, рассматриваемый диск либо был привезен с Готланда, либо изготовлен из материала, привезенного оттуда. Карустеский экземпляр является, вероятно, предметом украшения.

В могильнике был найден также железный топор с поломанным обу-

---

[27] Senatne un Māksla 1936, I, стр. 79, рис. 9 с. R. Klebs, Der Bernsteinschmuck der Steinzeit. Beiträge zur Naturkunde Preussens 5, Königsberg 1882, табл. 1 : 25, 26.

[28] ИИ 3882 : 18.

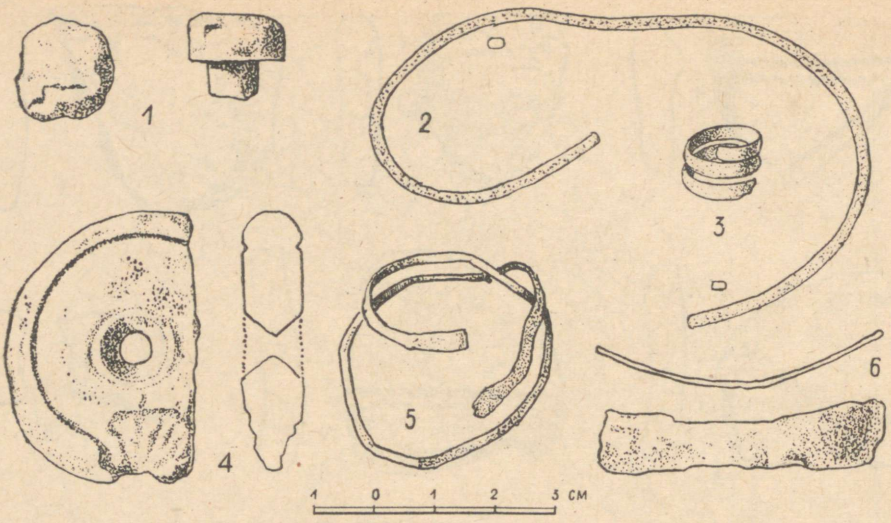


Рис. 36. Предметы из могильника в Карусте. (ИИ 3882 : 10, 9, 15, 6, 11, 8).

хом (рис. 37). Как видно, по направлению проушины, топорище было вставлено в него не под прямым, а под несколько заостренным углом. Отсюда следует, что этот топор имел длинное топорище, что в начале нашей эры является характерным для всех проушных топоров юго-востока Прибалтики. Наиболее близкие соответствия карустескому топору мы находим в бассейне Десны (Калининградская область) в I—II вв.[29], а также на территории Эстонии в вирумаской и сакалаской группах.[30] Однако карустеский топор отличается от последних формой обуха и является, по-видимому, предметом местного производства.

Подводя итоги, следует сказать, что находки, обнаруженные в Карустеском могильнике, относятся к I—II вв.; этой датировке соответствуют также форма могильника и обряд погребения. В Карустеском могильнике можно отметить ряд древних черт, связывающих его с каменными курганами с захоронениями в ящиках, характерными для предшествующего периода: устройство могильника, трупоположение, малочисленность погребального инвентаря и наличие в инвентаре предметов украшения местного типа, бытовавших в данном районе уже в предыдущий период. При этом характер Карустеского могильника и его инвентарь не представляют собой чего-нибудь исключительного, а являются, в общем, типичными для современной культуры как островной, так и материковой части западной Эстонии, а также для северо-западной Курземе. Для всей этой территории в I—IV вв. характерны: 1) относительно редкая заселенность; 2) своеобразная форма могильников (каменный курган с круглым венцом или четырехугольной оградкой, или же вообще без определенной структуры), развившаяся из каменных курганов с ящиками; 3) ряд особенностей керамики и металлических изделий, которые тесно связаны с материальной культурой предыдущего периода.

---

[29] Е. И. Горюнова, Городище Торфель, Краткие сообщения ИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 154, рис. 31; H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland II, стр. 486 и сл., особенно стр. 495.

[30] М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 39, рис. 9 : 7 и стр. 40—41. Об узких проушных топорах сакалаской подгруппы см, стр. 210 (п. 2а) и стр. 211 (п. 11) настоящей статьи.

В начале нашей эры на острове Хийумаа (в районе Кыпу) продолжали бытовать каменные курганы с ящиками или сходные с ними каменные могильники. В некоторых курганах, кроме характерной для раннего железного века керамики, найдены фрагменты железных изделий, костяной наконечник стрелы и бронзовая булавка с кольцеобразной головкой.[31] Ряд находок I—IV вв. известен также из западной части эстонского материка, из Лихулаского (Кымси, Паюмаа)[32], Пярнуского (Линди)[33], Вяндраского (Кадьясте, Вихтра)[34], Раплаского (Адила, Куузику, Кябикюла, Сикельди)[35] и Кейлаского районов (Леэтси, Пакре).[36] Большинство этих предметов найдено в каменных могильниках. Наиболее характерны для этих местностей железные булавки с кольцеобразной головкой (типа рис. 32 : 1) и керамика со шнуровым орнаментом.

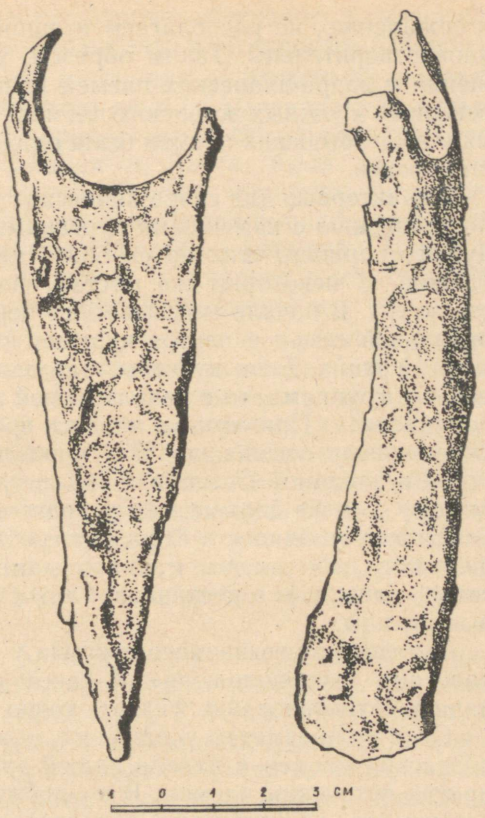


Рис. 37. Железный топор из могильника в Карусте (ИИ 3882 : 2).

Дальше к востоку, в Харьюском районе, памятники этого периода встречаются чаще и могильный инвентарь становится богаче. Господствующим типом погребальных памятников II—IV вв. там являются каменные могильники с оградками, в инвентарь которых входят многочисленные предметы украшения, неизвестные в западной Эстонии.

Для сааре-ляанеских племен характерны каменные курганы с погребениями коллективного характера. Курган огражден одним или двумя каменными венцами или же четырехугольной оградкой. Так, например, два концентрических венца из валунов имел курган I—IV вв. в Адила. Отдельные могильники, состоящие из каменных курганов, можно встретить также южнее, в районе распространения каменных могильников с оградками. Так, могильник с двумя венцами из валунов отмечен в Холстре (Вильяндиский район)[37]; могильники с каменными венцами известны также в северной Латвии. Типичные могильники с оградками, вытянутые с востока на запад и состоящие из большого числа оградок, в западноэстонской группе, по-видимому, отсутствуют, за исключением, возможно, лишь одного могильника в Кымси, точным планом которого мы,

---

[31] ИИ 2683 : 1—14 и 3909 : 1—29.
[32] ИМ 262 : 1—9; 135 : 10.
[33] Пярнуский музей 2584 : 1—8.
[34] ИИ 2596 : 1—61. Пярнуский музей 1—19. Sitzungsberichte der Alterthumforschenden Gesellschaft zu Pernau 1899 — Juli 1901, Pernau 1901, стр. 150 и сл.
[35] A. M. Tallgren, указ. соч., стр. 86 и сл.; ИМ 300; 260 : 1—6; ИИ 3238.
[36] ИИ 2534 : 4; 3880 : 1—12.
[37] Tallgren, указ. соч., стр. 88.

к сожалению, не располагаем и данные о раскопках которого весьма неудовлетворительны. Таким образом, развитие форм погребальных сооружений у сааре-ляанеских племен пошло по несколько иному пути, чем у северных и южных эстонских племен, несмотря на то, что исходная форма их у всех эстонских племен была одна и та же, а именно каменный курган с ящиками.

Характерные для сааре-ляанеских племен каменные курганы I—IV вв., по сравнению с каменными курганами с захоронениями в ящиках предыдущего периода, становятся более плоскими и выстроены они более небрежно. В некоторых же местах они вообще теряют свою внутреннюю структуру. В начале описываемого периода для захоронения главы патриархальной семьи в центре кургана изредка еще строится отдельный каменный ящик. Если курганы с каменными ящиками встречаются обычно целыми группами, то в начале нашей эры могильные курганы встречаются поодиночке. Примерно в это же время население покидает и прежние укрепленные поселения. Эти процессы отражают разложение родового строя в западной Эстонии. Старые традиции удерживались здесь, по-видимому, все же дольше, чем у родственных племен, обитавших восточнее. Большая устойчивость старой погребальной обрядности выражается, по-видимому, и в том, что наряду с каменными могильниками здесь сравнительно чаще, чем в центральной и восточной Эстонии, встречаются грунтовые могилы.

В начале описываемого периода у сааре-ляанеских племен господствовало еще трупоположение. В каком именно веке у них начинает преобладать трупосожжение, сказать точно пока еще трудно.

Судя по предметам украшения, можно предполагать, что одежда сааре-ляанеских племен в начале нашей эры несколько отличалась от одежды других эстонских племен. В то время как у северных и южноэстонских племен (за исключением сакаласких) во II—III вв. для скрепления одежды стали применяться в основном фибулы, сааре-ляанеские племена для этой цели по-прежнему применяли булавки (преимущественно с кольцеобразной головкой). Следует, правда, отметить, что наиболее ранняя из обнаруженных в Эстонии фибул (в первой половине последнего тысячелетия до н. э.) найдена именно на острове Сааремаа. Однако эту фибулу, по всей вероятности, здесь не носили, она была привезена лишь в качестве сырья для местных литейщиков бронзы,[38] образцы ремесленного производства которых представлены находками из укрепленного поселения Асва. По-видимому, только в конце описываемого периода (в IV в.) фибулы стали распространяться и у сааре-ляанеских племен. Доказательством этого служит фибула с симметричными концами из Сайкла, Орисаареского района (рис. 16 : 2). Исключение по своему типу составляет фибула из Пайкюла (рис. 32 : 2а). Она поступила в Эстонию, по всей вероятности от славянских племен.

Структура могильных памятников, погребальная обрядность и обнаруженный в могильниках вещественный материал рассматриваемого периода на западе Эстонии показывают преемственную связь с культурой предыдущего периода. Из этого можно заключить, что сааре-ляанеские племена сложились на основе более древнего местного населения. Это подтверждается также ясно прослеживаемой непрерывностью заселения западных районов Эстонии в последнем тысячелетии до н. э. и в первых веках нашей эры.

Не позднее описываемого периода завершился процесс отделения

---

[38] ÕES Aastaraamat 1932, Tartu 1935, стр. 259, 261.

сааре-ляанеских племен от ряваласких племен, обитавших в окрестностях современного Таллина, в пределах Харьюского и Локсаского районов.

Как показывают археологические материалы из раскопок укрепленных поселений Асва и Иру, в I тысячелетии до н. э. материальная культура племен, обитавших на острове Сааремаа и в северо-западной части материка Эстонии вплоть до Таллина и Локса, была весьма однородна. В первые века нашей эры эта общность культуры распадается, хотя и впредь из числа всех прочих эстонских племен наиболее близкими к сааре-ляанеским племенам остаются ряваласские племена. Их культура сохраняет многие общие черты, например, в характере могильников, в погребальных обрядах, керамике (шнуровой орнамент) и т. п.

Анализ археологических памятников показал, что, несмотря на известную культурную обособленность сааре-ляанеских племен, они поддерживали связи не только с другими эстонскими племенами, но и с балтийскими, и славянскими соседями, а также с обитавшим на западном побережье Балтики германским населением. Заслуживает внимания также то обстоятельство, что на территории сааре-ляанеских племен обнаружен ряд римских монет I—III вв. Этих монет найдено здесь отнюдь не в меньшем количестве, чем в северной, центральной и юго-восточной Эстонии (рис. 43). Римские монеты являются доказательством того, что местное население поддерживало связи, в первую очередь, со своими южными соседями.

Установленная на основании археологических памятников общность культуры сааре-ляанеских племен соответствует общности их языка и фольклора (см. рис. 1 и 86). В статье А. Х. Каска приведены многие общие черты, объединяющие островной и западный диалекты эстонского языка и позволяющие говорить о существовании когда-то более или менее общей сааре-ляанеской племенной речи. Особенный интерес представляет то обстоятельство, что ряд особенностей сааре-ляанеского диалекта распространен на востоке вплоть до современных Кейлаского, Раплаского, Вяндраского и Пярнуского районов, что соответствует распространению материальной культуры названных племен в первых веках нашей эры. Позднее наблюдается постепенное обособление как диалектов, так и материальной культуры населения Сааремаа и Ляанемаа. Западноэстонская фольклорная группа достигала в восточном направлении, так же как и древняя западноэстонская культурная область, окрестностей Таллина и Раплаского, Вяндраского, Пярнуского районов. Немало общих черт наблюдается и в этнографическом материале этой части Эстонии (см. рис. 53, 81, 85).

Можно предполагать, что в описываемый период в сааре-ляанеской племенной группе, как и в североэстонской и южноэстонской группах, выделилось несколько местных подгрупп. Мы не располагаем пока еще достаточным материалом для более определенной локализации этих подгрупп. Судя по некоторым признакам, особые подгруппы как будто намечаются в районе между Пярнуским и Хаапсалуским заливами, а также в окрестностях Рапла и Вяндра.

Данные раскопок укрепленного поселения Асва позволяют заключить, что начиная с середины I тысячелетия до н. э. и вплоть до первых веков нашей эры основным занятием обитателей острова Сааремаа было скотоводство, важную роль играло также земледелие. Тот же характер носило хозяйство, по-видимому, у населения всей западной Эстонии. В то же время в средней и восточной частях Эстонии, где почва была более плодородной, основой хозяйства стало земледелие. Естественно, что преобладание в разных частях территории Эстонии разных типов хозяйства ска-

зывалось на характере заселения соответствующих районов и обусловило также известные местные особенности материальной культуры.

В целом, судя по характеру и распространению памятников материальной культуры, территория сааре-ляанеских племен была заселена несколько реже, чем центральные и восточные районы Эстонии (см. рис. 43).

Могильники I—IV вв. в западной Эстонии расположены в основном в тех же местах, где находились каменные курганы предшествующего периода. Зачастую могильники обоих периодов даже составляют общие группы или же расположены в непосредственной близости друг от друга, как, например, на полуострове Сырве, в Кыпу, Вихтра, Пакре и Раннамыйза. В большинстве своем могильники располагаются на альварах, представляющих собой удобные пастбища для скота.

Могильники расположены обычно поодиночке или небольшими группами, которые, по-видимому, отражают характер заселения данной территории отдельными патриархальными семьями или небольшими родовыми общинами. Из всего этого можно сделать вывод, что основным способом добывания средств к жизни в первые века нашей эры у сааре-ляанеских племен все еще оставалось скотоводство.

Хотя население западной Эстонии издавна знало подсечное земледелие, его территория не представляла столь благоприятных естественных условий для развития этого типа земледелия, как центральные и восточные части Эстонии, которые имели более глубокие почвы на моренной основе. Для западной и северо-западной Эстонии, в особенности для прибрежных районов и островов, характерны альвары, весьма маломощный почвенный покров которых (мощностью местами всего 5—20 см) подстилается сплошным известняком. В наши дни они нередко покрыты чахлым можжевельником. Естествоведы установили, что западноэстонские альвары приобрели такой вид именно в результате уничтожения человеком с переходом к подсечно-огневому земледелию их первоначальной растительности.[39] Современные альвары в Эстонии возникли, скорее всего, именно в последнем тысячелетии до н. э., когда человек стал выжигать все бóльшие массивы покрывавших их сосновых лесов. Вследствие маломощности пóчвенного покрова лес после его выжигания восстанавливался очень медленно или же сменялся лишь зарослями можжевельника и кустарников, ввиду чего периодическое использование этих земель под подсеку стало невозможным. К тому же, выжигание леса на маломощных почвах нередко приводило к полному уничтожению накопившихся в почве органических веществ и к нарушению структуры почвы, вследствие чего соответствующий участок терял плодородие на долгий срок. Именно поэтому на маломощных каменистых почвах северо-западных и западных районов Эстонии и отсутствуют следы непрерывной заселенности одних и тех же участков за весь отрезок времени от раннего периода металла до раннефеодального периода. Дальнейшее развитие земледелия на указанных почвах могло осуществиться только с развитием переложного пашенного земледелия и с удобрением полей, т. е. начиная со второй половины I тысячелетия нашей эры.

Маломощные каменистые (рихковые почвы) на западе Эстонии, не допускавшие интенсивного подсечного земледелия, в то же время по характеру естественной растительности были весьма благоприятными для первобытного скотоводства. Характерно, что наиболее крупные группы каменных курганов с ящиками, обнаруженные в окрестностях озера Кахала в Локсаском районе и в других местах, расположены именно на аль-

---

[39] T. Lippmaa, Eesti vegetatsioonikaardi koostamise alused ning senise töö tulemusi. Eesti Loodus V, Tartu 1937, стр. 61.

варах с известняковым грунтом, представлявших собой в древности природные пастбища. Даже в тех случаях, когда лес был уничтожен подсекой, альвары покрывались растительностью, которая позволяла использовать их в качестве выпасов, в особенности для овец или коз, которые «обстригают» даже можжевельник.

При существовавшем уровне развития производительных сил в западной Эстонии в начале нашей эры земледелие оставалось на прежнем уровне. Этим и объясняется то обстоятельство, что на о. Сааремаа и в прибрежных районах западной и северо-западной Эстонии в условиях сравнительно мягкого морского климата преобладающим источником средств существования оставалось по-прежнему животноводство, в то время как в центральной и восточной Эстонии ведущей отраслью хозяйства стало земледелие. Некоторая экономическая отсталость сааре-ляанеской группы племен и явилась причиной относительно медленного и своеобразного развития их материальной культуры и погребальной обрядности.

Первобытное скотоводство не обеспечивало непрерывного роста производительных сил. Скот, который и в зимнее время в основном находился на подножном корму, был хилым, много скота гибло от хищников и эпизотий. Земледелие же с достижением известного уровня развития стало более устойчивым способом добывания средств к жизни и тем самым содействовало значительному росту и большей плотности населения соответствующих районов.

В этнографической литературе можно найти немало примеров, подтверждающих, что скотоводческим племенам требовалось гораздо более обширная территория, чем племенам земледельческим. В качестве примера можно привести африканские племена банту, у которых существует патриархально-родовой строй. Они знают как скотоводство, так и мотыжное земледелие. Одно из этих племен, насчитывающее 39 500 человек, занимается наряду с мотыжным земледелием разведением крупного рогатого скота, которое является для этого племени основным источником средств существования (в среднем на семью приходится по 17,7 головы крупного рогатого скота). Другое племя, насчитывающее 45 800 человек, живет главным образом мотыжным земледелием, скотоводство же у этого племени играет значительно меньшую роль (2—3 головы скота на семью). Территория, занимаемая первым племенем, составляет 656 квадратных английских миль, площадь же территории второго племени, более многочисленного, — всего лишь 95 квадратных миль, т. е. почти в 7 раз меньше.[40] Этот пример показывает, чем объясняется меньшая плотность населения на территории сааре-ляанеских племен, в хозяйстве которых преобладало скотоводство, по сравнению с районами североэстонских и южноэстонских племен, хозяйство которых основывалось в большей мере на земледелии.

Несмотря на некоторое отставание сааре-ляанеских племен в хозяйственной области, не может быть сомнения в том, что развитие у них общественных отношений и материальной культуры шло в общем в том же направлении, что и у родственных восточных племен. Как было показано выше, в этот период у них также происходило разложение родового строя.

Несмотря на то, что в западной Эстонии нам известно чрезвычайно мало археологических источников, в особенности памятников III—IV вв., у нас нет оснований полагать, будто население этой области в рассматриваемый период поредело или же вообще покинуло ее. Доказательством этого могут служить количество и характер памятников последующих,

---

[40] G. Wagner, Die traditionelle und die moderne Familie bei den Bantu-Kavirondo, Archiv für Anthropologie, N. F. XXV, 1939, стр. 2.

V—IX вв. Учитывая распространение памятников второй половины I тысячелетия н. э., нельзя сомневаться в том, что западная Эстония в ту пору была заселена отнюдь не реже, чем средние и восточные части Эстонии. На островах Сааремаа и Муху памятники этого периода обнаруживаются даже в сравнительно большем количестве, чем на любой части материковой территории таких же размеров. Археологические находки с острова Сааремаа показывают, что развитие материальной культуры шло и в этот период здесь несколько иным путем, чем на эстонском материке. Так, на о. Сааремаа отсутствуют многие формы украшений, характерные для материка (украшенные колечками арбалетные фибулы с отогнутой ножкой, арбалетные фибулы с пластинчатой лопатообразной ножкой, массивные браслеты трехгранного сечения), другие же обычные на материке украшения, представлены здесь только 1—2 экземплярами (например, арбалетные фибулы с литым приемником для булавки, шейные гривны и браслеты с утолщенными концами). Население о. Сааремаа имело непосредственные связи с племенами, обитавшими южнее и западнее Эстонии. Доказательством этому служат обнаруженные на о. Сааремаа восточноримские золотые солиды, лучевая фибула, ножка которой заканчивается головкой животного, булавки с полусферической головкой, бляшки скандинавского происхождения и т. п. Местное ремесленное производство засвидетельствовано находками специфических типов булавок с кольцеобразной головкой, наконечников копий с широким лезвием. Количественное преобладание булавок в качестве застежек для одежды над фибулами свидетельствует об устойчивости местных традиций в народной одежде. Археологический материал показывает одновременно, что с V века материальная культура населения Сааремаа все более четко обособливается от относительно однородной прежде культуры сааре-ляанеской племенной группы.

Помимо генетической связи между многими разновременными элементами материальной культуры, о непрерывности заселения острова Сааремаа свидетельствует также существование ряда могильников начиная с первых веков вплоть до XIII века н. э.

Непрерывность заселения и относительная самостоятельность развития материальной культуры в западной Эстонии, в особенности на о. Сааремаа, в I тысячелетии до н. э. и до эпохи раннего феодализма убедительно показывают, что в этой части Эстонии в течение примерно двух тысячелетий не происходило никаких резких изменений в составе населения и что не может быть речи о каких-либо массовых переселениях местных жителей. Археологические материалы не дают никаких оснований полагать, будто территория западной Эстонии в начале нашей эры была покинута прежним населением и в середине I тысячелетия вновь заселена пришельцами из северной Эстонии, как это предполагалось прежде.[41] Все археологические, языковые и фольклорные данные единогласно свидетельствуют о том, что развитие сааре-ляанеской племенной группы происходило в общем на основе древнего местного населения. В составе населения этих районов могли иметь место лишь небольшие локальные сдвиги, которых имеющийся в нашем распоряжении материал еще не отражает.

Распад родового строя и складывание территориальных общин привели к образованию на бывших племенных территориях древнеэстонских кихелькондов и их объединений, так называемых маакондов, или земель. На территории сааре-ляанеских племен также сложился ряд кихелькон-

[41] В зарубежной исторической литературе даже в настоящее время продолжает распространяться ошибочный взгляд, будто Сааремаа и западное побережье Ляанемаа были вновь заселены пришельцами из северной Эстонии в V—VIII вв. См. M. Hellmann, Das Lettenland im Mittelalter. Beiträge zur Geschichte Osteuropas, Bd. 1, Münster—Köln 1954, стр. 33.

дов и земель, причем с распространением пашенного земледелия население этого края значительно увеличилось и уплотнилось. Разные подгруппы сааре-ляанеских племен легли в основу позднейших земель Сааремаа и Ляанемаа. По свидетельству древнейших письменных источников, юго-восточная граница земли Ляанемаа доходила в ту пору до реки Пярну, совпадая с древней границей сааре-ляанеской племенной территории. В то же время восточные и северо-восточные районы, входившие в состав территории этих племен, слились с территориями других племен. Та часть сааре-ляанеской племенной группы, которая обитала в нынешнем Рапласком районе, стала, по-видимому, ядром, вокруг которого возникла древняя земля Харью, самые же северные части сааре-ляанеской территории слились с рявалаской группой.

III

Относительной малочисленностью могильного инвентаря первой половины I тысячелетия отличается также область, расположенная между озером Выртсъярв, рекой Пярну и Рижским заливом, которую мы будем впредь именовать, по названию соответствующего древнеэстонского мааконда, сакалаской группой. Судя по карте распространения археологических памятников рассматриваемого периода, расположенный к западу от озера Выртсъярв район так называемой Сакалаской возвышенности не особенно богат находками, хотя их здесь обнаружено больше, чем в западной Эстонии (рис. 43). Сакалаская возвышенность с ее мощными суглинистыми моренными почвами, которые относятся к наиболее плодородным почвам Эстонии, обладала благоприятными условиями для развития земледелия. Несмотря на то, что в этой части территории Эстонии до последнего времени производилось чрезвычайно мало научных раскопок, даже имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что этот район уже в описываемый период был заселен сравнительно густо.

Характерным для сакалаской племенной группы памятников является каменный могильник на участке бывшего хутора Юлпре (деревня Ремси, Абьяского района), раскопанный автором в 1941 году. Исследованный могильник является наиболее северным из пяти каменных могильников, составляющих с ним одну группу (рис. 38—39).[42]

Возраст остальных, не исследованных могильников юлпреской группы остается пока неопределенным. У восточного края соседнего могильника, расположенного параллельно с раскопанным, на поле было случайно найдено бронзовое кольцо (рис. 41 : 2), которое, по-видимому, относится к I—IV вв.

Длина раскопанного могильника (рис. 40) с запада на восток — 21,5 м, ширина на восточном конце — до 11,5 м, а на западном — 8,5 м. Могильник представляет собой типичное для эстонских племен погребальное сооружение с оградками (на плане его валуны, образующие стенки оградок, отмечены более жирным контуром).

Анализ конструкции оградок показывает, что первоначально были построены две небольшие оградки (оградки AB и EF), которые находились на расстоянии примерно 5 м одна от другой. С течением времени к каждой из них были пристроены (в западном направлении) новые оградки, причем западная стенка каждой предшествующей оградки образовала восточную стенку новой. Так добавлялись новые оградки до тех пор, пока обе первоначальные оградки внешне не слились друг с другом. К сожа-

[42] См. J. Jung, Muinasaja teadus Eestlaste maalt II, Jurjew 1898, стр. 30—31, № 13—15, 17, 18.

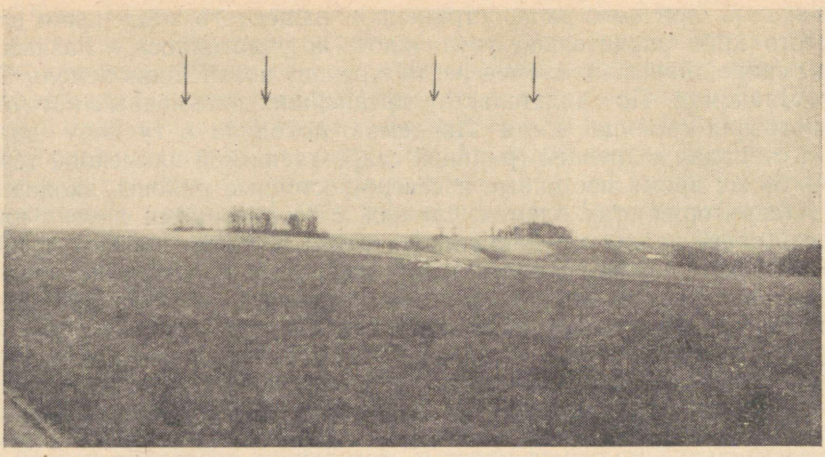


Рис. 38. Каменные могильники у хутора Юлпре, вид с запада. Расположение отдельных могильников показано стрелками. Крайний левый могильник раскопан в 1941 году. На переднем плане, под второй стрелкой справа, плоский жертвенный камень с чашечками.

лению, датирующих предметов в нашем могильнике обнаружено так мало, что установить более точный возраст отдельных его оградок невозможно. Процесс возникновения и постепенного роста могильника можно, однако, с известной достоверностью восстановить путем анализа полученных раскопками данных.

Каждая из первоначальных групп оградок служила, по-видимому, местом захоронения отдельной патриархальной семьи. Слияние обеих групп оградок в единый могильник отражает, возможно, сближение этих двух семей или даже их слияние.

Костей в Юлпреском могильнике было найдено очень мало. Некоторое количество пережженных костей было обнаружено только в западной его части. Следует полагать, что в восточной части покойники погребались по обряду трупоположения, причем вследствие малой глубины захоронения кости не сохранились. По характеру культурного слоя все же видно, что общее количество захоронений в описываемом могильнике было небольшим.

В Юлпреском могильнике было обнаружено мало вещественного материала, из которого три предмета (кусок шлака, кусок железа и осколок кремня)[43] не поддаются датировке, хотя находки подобного рода неоднократно обнаруживались и в других могильниках с оградками II—V вв. Нож и подковообразная фибула (рис. 41 : 12, 13) относятся к значительно более позднему времени, чем остальной могильный инвентарь.

Керамика представлена 11 фрагментами.[44] Среди них имеются отдельные небольшие черепки венчиков и плечиков сосудов, но все без орнамента (рис. 41 : 9, 10). Сосуды были тонкостенные и плоскодонные (рис. 41 : 11); изготовлены они из мелкозернистого теста; фрагменты весьма хрупкие. Подобная лепная керамика вообще типична для могильников с оградками. Характерной чертой могильников этого типа является

[43] ИИ 3910 : 3, 12, 6.

[44] Пять из них было найдено вместе (ИИ 3910 : 18), остальные разрозненно (ИИ 3910 : 4, 6, 10, 13, 19, 22).

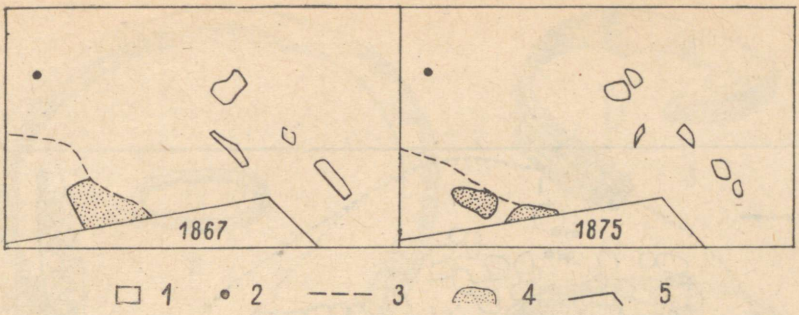


Рис. 39. Части планов земельного участка хутора Юлпре в 1867 и 1875 гг., с обозначением археологических памятников. *1* — каменные могильники; *2* — жертвенный камень с чашечками; *3* — дорога; *4* — место выемки гравия; *5* — граница земельного участка.

во II—IV вв. также малочисленность обломков глиняной посуды. Начиная с V в. количество керамики в этих могильниках резко возрастает.

Более точной датировке не поддаются три растиральных камня.[45] Растиральными камнями пользовались в Эстонии в I тысячелетии до н. э.; они часто встречаются также в могильниках с оградками, а также и на более поздних городищах. Они служили главным образом для растирания и дробления зерна по меньшей мере на протяжении двух тысячелетий, т. е. до тех пор, пока ступа и ручной жернов не вытеснили их. Найденные в Юлпреском могильнике растиральные камни могут служить одним из доказательств того, что местное население занималось земледелием.

Из предметов украшения в Юлпреском могильнике были найдены фрагмент бронзовой шейной гривны, 3 браслета и 2 стеклянные бусины с позолотой.

Фрагмент шейной гривны относится к гривнам с концами в виде раструбов. Гривна посередине переломана и скручена (рис. 41 : 1). Массивный раструбчатый конец гривны, как и сама гривна, вылиты в один прием. Юлпреский экземпляр относится, по всей вероятности, к III в.[46]

Браслет округлого сечения с внутренней стороны несколько уплощен. Суживающиеся концы его обломаны (рис. 41 : 5), орнамент отсутствует. Браслеты этого типа, как и шейные гривны с раструбчатыми концами, распространены по всему восточному побережью Балтийского моря, от Литвы до Финляндии.[47] На территории же Эстонии, за исключением одного сомнительного экземпляра, найденного в Кивиылиском районе,[48] они известны только на юге. Два тонких браслета подобного типа найдены в Тамсаском могильнике (Эльваский район), весь инвентарь которого относится к I веку.[49] Согласно данным Х. А. Моора, найденный в Юлпреском могильнике браслет следует датировать II—III вв.

Остальные два браслета (рис. 41 : 3, 4) относятся к числу браслетов пластинчатого сечения с цилиндрическими концами, украшенными на внешней поверхности линейным орнаментом. Браслеты этого типа бытовали в I—II вв. у латышско-литовских племен.[50] В Эстонии найдено около

---

[45] ИИ 3910 : 5, 15, 17.

[46] О датировке этих шейных гривен см. М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 163. О распространении их см. Н. Моора, Die Eisenzeit in Lettland II, стр. 264 и сл.

[47] Н. Моора, указ. соч., стр. 381 и сл.

[48] ИМ 235 : 17.

[49] ИИ 3669 : 14, 20. М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 57, 203.

[50] Н. Моора, указ. соч., стр. 375 и сл.

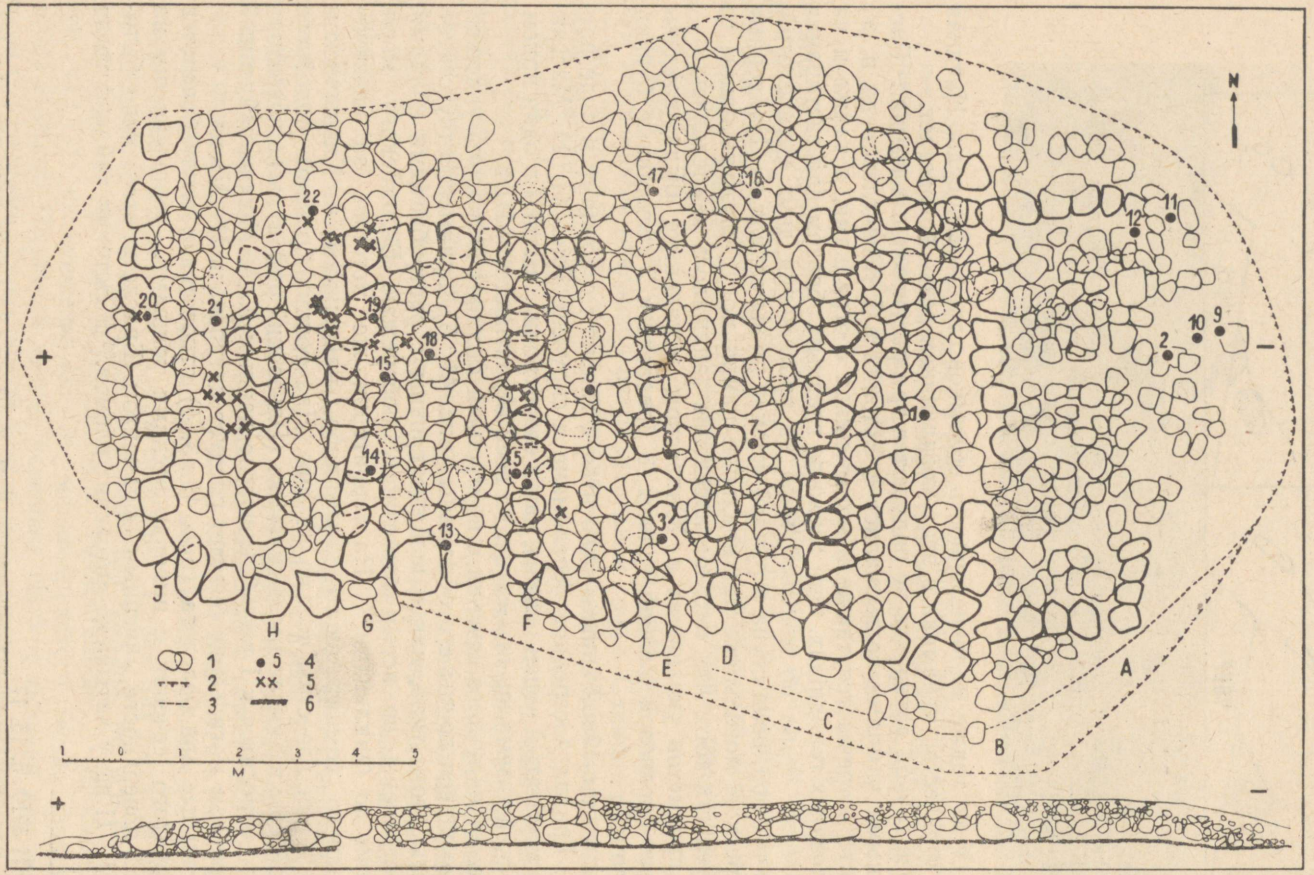


Рис. 40. План каменного могильника с оградками у хутора Юлпре. *1* — камни; *2* — раскопанная часть; *3* — периферия могильника; *4* — находки; *5* — остатки трупосожжений; *6* — материк (на профиле).

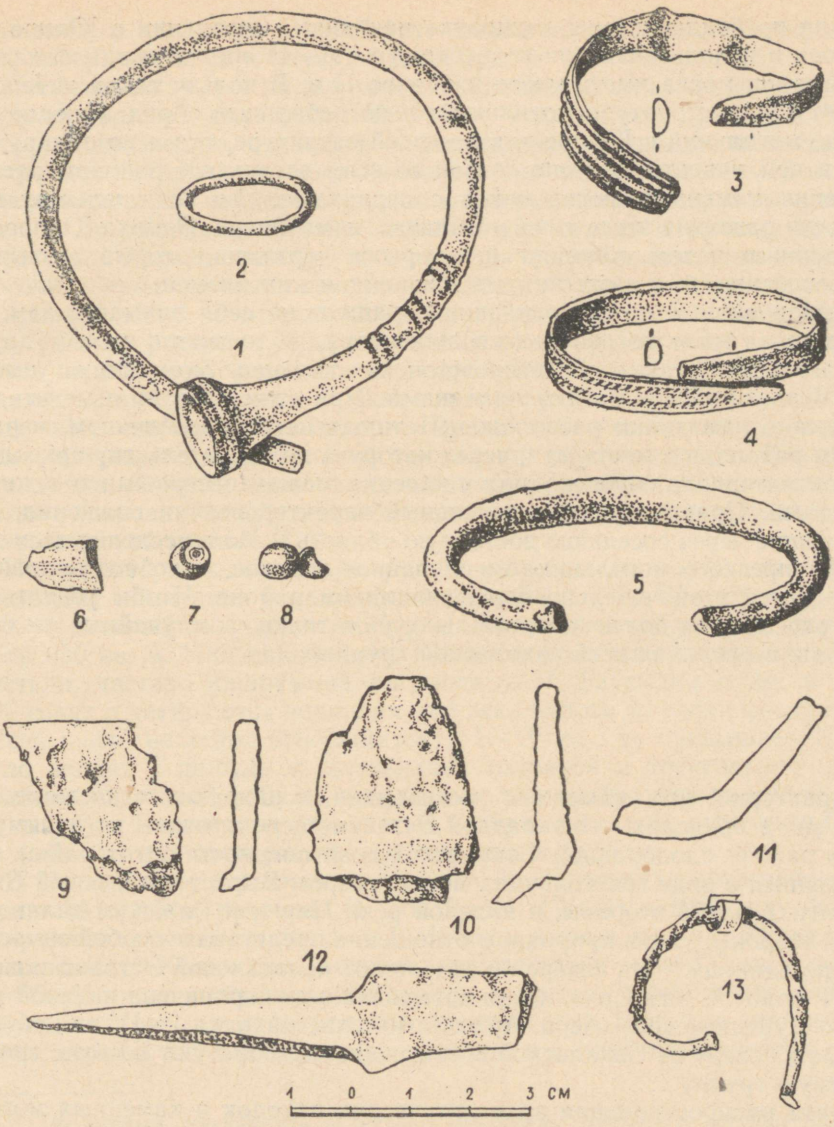


Рис. 41. Некоторые предметы из раскопок могильника у хутора Юлпре (ИИ 3910 : 2; 3911; 3910 : 1, 14, 8, 11, 16, 7, 18, 13, 21, 20).

двух десятков подобных браслетов, которые распространены более или менее равномерно по всей территории как южноэстонских, так и североэстонских племен. Согласно датировке Х. А. Моора, юлпреские браслеты следует отнести к III—IV вв. Тем же временем датируются также найденные в Юлпреском могильнике стеклянные бусины с позолотой (рис. 41 : 7, 8). На территории Эстонии обнаружено более 1000 бусин этого рода, свыше половины из них получено из могильников северо-восточной Эстонии. Часто встречаются они и в могильниках пайде-тюриской группы; в остальных районах Эстонии они относительно редки. Бусы этого типа изготовлялись в римских провинциях и проникли в Эстонию путем обмена от соседних южных племен. Они завозились сюда как по суше, так и (преимущественно) морским путем.

Судя по поддающимся датировке находкам, могильник в Юлпре был построен и использован для погребений в III—IV вв., хотя закладка первых оградок могла иметь место уже и во II в. В пользу такой датировки говорят также структура могильника и погребальный обряд. Как мы убедились, могильник в Юлпре как по своей структуре, так и по обнаруженному в нем инвентарю тесно связан со всем остальным районом распространения каменных могильников с оградками, что свидетельствует об общности развития этого типа могильных памятников. Однако Юлпреский могильник в целом обладает некоторыми чертами, которые связывают его в особенности с памятниками южноэстонских племен.

Исследованный нами могильник обращает на себя внимание тем, что он содержал мало погребального инвентаря, в то время как у других южноэстонских, так и у североэстонских племен могильники именно III—IV вв. наиболее богаты находками. При этом следует отметить, что Юлпреские памятники расположены отнюдь не в обособленном, периферийном районе, а в местности, через которую, по свидетельству археологического материала, происходили сношения между северными и южными племенами. Правда, более интенсивный характер носили сношения, происходившие через соседнюю восточную область.[51] Малочисленность инвентаря Юлпреского могильника не случайное явление, подобное положение наблюдается в значительно более обширном районе. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим более обстоятельно памятники и случайные находки I—IV вв. в пределах всей сакалаской группы.

IV

Характерно, что каменные могильники и находки, относящиеся к I—IV вв., в пределах юго-западной Эстонии сосредоточены по преимуществу в районе плодородной Сакалаской возвышенности. Этот район, расположенный в виде треугольника между озером Выртсъярв и рекой Вяйке Эмайыги, с одной стороны, и низиной реки Пярну и Рижским заливом, с другой стороны, уже в природном отношении представляет собой самостоятельную единицу.[52] На севере он отделен от центральной Эстонии полосой лесов и болот. С юга Сакалаская возвышенность ограничена низиной реки Сяде и Буртниекского озера. Археологические находки I—IV вв., обнаруженные к северу от Сакалаской возвышенности, образуют особую, среднеэстонскую группу.

Карта распространения археологических находок и каменных могильников (рис. 42) свидетельствует о том, что в первой половине I тысячелетия н. э. население этого района Эстонии концентрировалось преимущественно на возвышенных, удобных для земледелия местах. Незаселенными оставались территории, покрытые крупными массивами лесов и болотами, а также побережье Рижского залива и прибрежные районы озера Выртсъярв. Сравнивая карту размещения памятников этого периода с картой распространения находок III—II тысячелетий до н. э., мы убеждаемся, что картина расселения древних племен на рассматриваемой территории за это время изменилась коренным образом. Это изменение отражает процесс перехода древних обитателей данной территории от хозяйства при-

---

[51] Н. Моора, указ. соч., стр. 648 и карты IV, VI, XI.

[52] Основанием Сакалаской возвышенности является западная часть среднедевонского плато, что ясно прослеживается на картосхеме рельефа коренных пород Эстонской ССР. См. К. К. Орвику, Основные черты геологического развития территории Эстонской ССР в антропогеновом периоде, Известия Академии наук Эстонской ССР, т. IV, 1955, стр. 235, 237.

сваивающего характера к хозяйству, основанному на земледелии, — процесс, завершившийся к началу нашей эры.

Несмотря на то, что на территории Сакалаской возвышенности в общем известно большое количество каменных могильников (рис. 42),[53] часть которых, несомненно, относится к описываемому периоду, вещественного материала, датируемого этим периодом, мы знаем еще весьма немного. Бóльшая часть его найдена случайно или в результате разрушения могильников и их распашки. Поэтому невозможно судить о количестве содержащегося в могильниках данного периода погребального инвентаря. Немногочисленные археологические раскопки в этом районе произведены по преимуществу во второй половине прошлого или в начале текущего века. Техника раскопок была в то время очень примитивной — не составлялось ни плана раскопок, ни их подробных описаний. Памятник раскапывался весьма небрежно, в связи с чем в руки исследователей попадала лишь часть могильного инвентаря. Все это, естественно, затрудняет сравнение материалов, добытых в этих могильниках, с инвентарем Юлпреского могильника, который является до настоящего времени единственным полностью раскопанным археологическим памятником этого периода в пределах сакалаской группы.

На территории сакалаской группы известны до настоящего времени следующие памятники и находки, относящиеся к I—IV вв.[54]

1. Каменный могильник в Кууде, Вильяндиского района, площадью около 650 кв. м. Найденные здесь предметы получены частью от местных крестьян, частью обнаружена раскопками Р. Гаусмана и др. в 1895—1896 годах и датируются периодом от I века вплоть до эпохи феодализма.[55] Общее число находок, относящихся к I—IV вв., не превышает 25; в их число входят 1 фибула с щитовидной головкой и треугольной ножкой, фрагмент глазчатой фибулы, 4 булавки с кольцеобразной головкой, серповидный нож, 2 железных втульчатых топора с петлями, несколько браслетов (один из них типа рис. 41 : 5), перстни и бусины.

2. Могильник с оградками в Вана-Выйду, Вильяндиского района, площадью 19 × 8,5 м, раскопан О. фон Валем (Wahl) в 1905 году. Находки датируются периодом начиная с I—II вв. и кончая, как и в Кууде, эпохой феодализма.[56] Количество находок, относящихся к I—IV вв., достигает 15—20. В числе найденных предметов имеются 2 фрагмента глазчатой фибулы так называемой южнобалтийской серии II в. (по-видимому, обломки одной и той же фибулы); 1 ранняя и 1 поздняя глазчатая фибула

---

[53] По данным, имеющимся в секторе археологии Института истории АН ЭССР, на этой территории известны следующие могильники: 3 разрушенных каменных могильника в Сууре-Яниском кихельконде, 5 разрушенных и 3 сохранившихся каменных могильника в Вильяндиском кихельконде, 2 разрушенных и 10 сохранившихся могильников в Пайстуском кихельконде, 12 каменных могильников в Тарвастуском кихельконде, 7 разрушенных и 5 сохранившихся каменных могильников в Хельмеском кихельконде, 1 разрушенный и 8 сохранившихся каменных могильников в Каркисском кихельконде, 6 разрушенных и 4 сохранившихся каменных могильника в Халлистеском кихельконде. В настоящее время перечисленные кихельконды входят в состав Сууре-Яниского, Вильяндиского, Тырваского и Абьяского районов.

[54] В нижеследующем описании опущены поступившие в музеи в виде случайных находок каменные кресала, обнаруженные, в противоположность предметам, входившим в могильный инвентарь, по преимуществу в лесистых местностях, видимо утерянные охотниками.

[55] Вильяндиский межрайонный краеведческий музей, таблицы 1—47. ИИ 3482, ИМ 151. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga, № 659—666. Jahresbericht der Felliner litterarischen Gesellschaft 1890—1895, Fellin 1898, стр. 28 и сл.; 1896—1899, Fellin, 1900, стр. 7, 9, 10.

[56] Вильяндиский межрайонный краеведческий музей, таблицы 50—51. Jahresbericht der Felliner litterarischen Gesellschaft 1905—1906, Fellin 1907, стр. VII—IX. Ср. М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 202, 203.

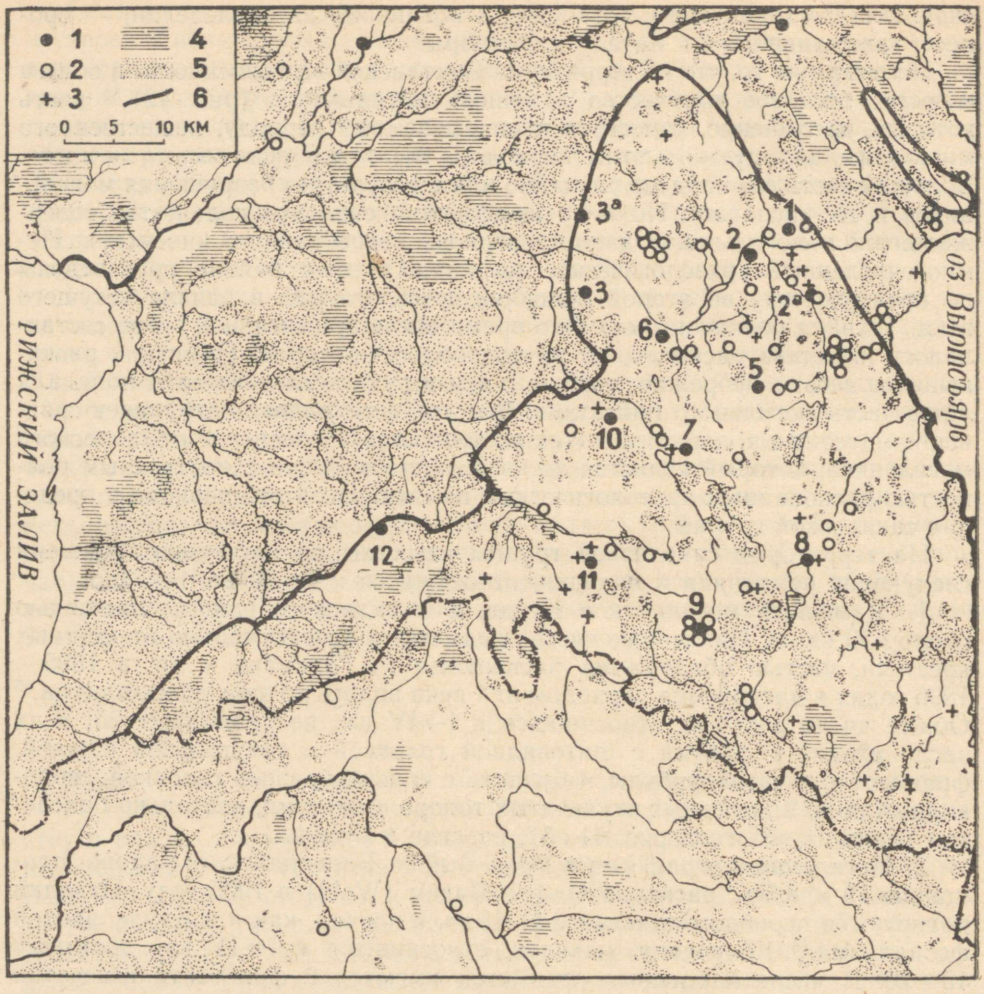


Рис. 42. Археологические памятники железного века на Сакалаской возвышенности. *1* — находки I—IV вв.; *2* — каменный могильник; *3* — разрушенный каменный могильник; *4* — болото; *5* — лес; *6* — примерная граница Сакалаской возвышенности.

так называемой эстонской серии, несколько браслетов (два из них типа рис. 41 : 5), перстни и железный топор со стержнем.

2а. Железный проушной узколезвийный топор, найденный в поле между деревнями Саарекюла и Лаанекюла, Вильяндиского района, на правом берегу реки Ярма.[57]

3. Браслет из каменного могильника в Пуйату, Вильяндиского района.[58]

4. Два браслета из окрестностей Вильянди (сходные с браслетом рис. 41 : 5). Более точное место находки неизвестно, но, по всей вероятности, браслеты относятся к одному и тому же могильнику.[59]

---

[57] М. Шмидехельм датирует находку I веком н. э. (см. указ. соч., стр. 202; в качестве места находки там указана Уусна; местонахождение топора, бывшего раньше в частном владении, в настоящее время неизвестно).

[58] Пярнуский межрайонный краеведческий музей, № 1841.

[59] Хранится в Государственном центральном историческом музее Латвийской ССР в Риге, № 789—790. H. Moora, Die Eisenzeit in Lettland II, стр. 382, 425.

5. Каменный могильник в Вийзу, Вильяндиского района. Западный конец могильника был разрушен и распахан около 1850 года. Поступившие оттуда в музей предметы (2 шейные гривны с раструбчатыми концами, 1 браслет, 1 фрагмент какого-то бронзового предмета и железный топор со стержнем)[60] относятся к описываемому периоду.

5а. Неподалеку от могильника в Вийзу, в Холстре, И. Сиверс в 1844 году частично раскопал каменный могильник, который, судя по описанию, был окружен двумя концентрическими кругами из валунов. В центре могильника были найдены остатки костей и уголь, а также несколько фрагментарных бронзовых предметов («полоска и кусок проволоки»), которые, к сожалению, утеряны. Ближе к краю могильника были найдены «крупные обломки костей».[61] Могильник содержал, повидимому, как остатки трупосожжения, так и трупоположения.

6. Каменный могильник в Хеймтали, Вильяндиского района. Каменная кладка не возвышается над поверхностью земли, вследствие чего точные размеры могильника неизвестны. Поступившие в музей предметы относятся главным образом к эпохе раннего феодализма и к еще более позднему периоду. Из предметов III—IV вв. найдена только 1 шейная гривна с конусообразными шляпками на концах.[62]

7. Ромбовидная подвеска из Ыйсу, Абьяского района, случайная находка.[63]

8. Среди находок, обнаруженных в разрушенных каменных могильниках на берегу озера Вейсъярве (на границе Тырваского района), находится 1 браслет типа рис. 41 : 5, только с украшенными концами.[64]

9. Описанные выше каменные могильники в Юлпре.

10. Могильник на участке бывшего хутора Тарту в деревне Саммасте, Абьяского района. Раскопан частично И. Р. Аспелином и Я. Юнгом в 1880 году. Площадь раскопанной части 27,5 × 11 м. Все обнаруженные предметы (1 втульчатый топор с петлей, 1 топор со стержнем, 2 железных наконечника стрелы, обломок втулки наконечника копья, обломки ножей и булавок с кольцеобразной головкой, фрагменты по крайней мере двух серповидных ножей; среди найденных предметов только один спиральный браслет[65] относится к описываемому периоду.

11. Железный проушной узколезвийный топор найден в 1881 г. в разрушенном каменном могильнике в Сука, Абьяского района (такого же типа, как 2а). По данным Я. Юнга, указанный могильник представлял собой небольшой, расположенный посреди поля каменный курган, размером 10 × 10 шагов. Кроме топора, там были найдены 2 бронзовых браслета и несколько стеклянных бусинок, которые утеряны.[66]

12. Железный втульчатый топор найден в лесу на старой дороге, вблизи Волтвети, Килинги-Ныммеского района.[67] Край втулки обломан, поэтому неизвестно, имела ли она петлю.

К описываемому периоду относится, вероятно, и находка, обнаружен-

---

[60] ИИ 1218 : 1—5. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga, № 383. Jahresbericht der Felliner litterarischen Gesellschaft 1896—1899, стр. 8.

[61] Verhandlungen GEG VI, Heft 3—4, Dorpat 1871, стр. 266, табл. XIX : 41.

[62] В Вильяндиском межрайонном краеведческом музее, табл. 67 : 12. Jahresbericht der Felliner litterarischen Gesellschaft 1890—1895, стр. 28, 33 и сл.; 1896—1899, стр. 8.

[63] ИИ 620.

[64] ИИ 2513 : 31.

[65] Находки хранятся в Финском национальном музее в Хельсинки, 2021 : 1—14; J. Jung, Muinasaja teadus Eestlaste maalt II, Jurjew 1898, стр. 5—7. A. M. Tallgren, Esiajaloolised Eesti asjad Helsingi Muuseumis, Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat I, Tartu, 1925, стр. 39 исл.

[66] ИМ 159. Jung, Muinasaja teadus II, стр. 8.

[67] Пярнуский межрайонный краеведческий музей, 2806.

ная к северу от реки Раудна, в Метскюла, Сууре-Яниского района (№ 3а на карте рис. 42). В 1880 году здесь при копке канавы, на глубине 1,2 м была обнаружена массивная шейная гривна с отогнутыми кверху раструбчатыми концами и другая шейная гривна, изготовленная из более тонкой проволоки. М. Х. Шмидехельм отмечает, что такие массивные гривны в могильниках не встречаются и что они, по всей вероятности, имели культовое назначение.[68] По своему составу и характеру эта находка напоминает клад, обнаруженный в Лиймала (северо-восточная Эстония), который также состоял из двух шейных гривен: одной очень тяжелой с большими раструбчатыми концами и другой более тонкой, свитой из двух проволок.[69] Этот клад относится к концу III или к началу IV в. Метскюласкую шейную гривну обычно относили к последним векам до н. э., однако М. Х. Шмидехельм вполне справедливо считает эту датировку слишком ранней. Гривны, соответствующие метскюлаской и обнаруженные в Курземе и в окрестностях Клайпеды, датируются археологами также первыми веками нашей эры.

Таким образом, находки из Юлпреского могильника могут быть сопоставлены с материалами из каменных могильников в Кууде, Вана-Выйду и Тару, которые до настоящего времени являются самыми богатыми из сакаласких могильников I—IV вв. Если же сравнить количество обнаруженных в этих могильниках предметов с количеством материала, добытого раскопками могильников, проводившимися примерно в то же время и теми же методами в северо-восточной или юго-восточной Эстонии, например, в Тюрсамяэ, Ярве, Пеэри, Камбья, Яагупи, Унипиха, Саамуэли, Кививаре и др.,[70] то видно, как бедны инвентарем соответствующие по времени могильники сакалаской группы. То же самое явление бросается в глаза в отношении случайных находок, обнаруженных при вспашке целинных земель, при строительных и других подобных работах. Во второй половине XIX в. на сакалаской территории в связи с развитием капитализма происходила интенсификация земледелия, расчистка полей от камней и подъем целины, в результате чего было разрушено большое число каменных могильников (см. рис. 42). В то же время в музеи поступило чрезвычайно мало случайных находок, несмотря на то, что уже в 70-х годах XIX в. Я. Юнг развернул в этом районе энергичную работу по сбору древних предметов, а с 1881 года начал свою деятельность музей Вильяндиского литературного общества. Местные жители помнят об обнаружении в некоторых из разрушенных каменных могильников отдельных древних предметов, но в отношении большинства могильников утверждают, что ничего в них найдено не было. Ряд могильников, описанных в свое время Юнгом при перерегистрации их в 1927—1935 годах, оказался разрушенным. Часть их была разрушена даже в промежуток времени с 1927 по 1935 год, несмотря на то, что тогда действовал уже закон об охране памятников. И в могильниках, разрушенных в позднейшее время, обычно не обнаружено каких-либо находок. В противоположность этому, много случайных находок было за это время выявлено, например, в северо-восточной Эстонии, а также в Харьюском районе, где и раскопками каменных могильников получен богатый могильный инвентарь. На основании этого можно утверждать, что

---

[68] ИИ 2513 : 88; тонкая шейная гривна потеряна. Описаны Р. Гаусманом в сборнике Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte, Riga 1914, стр. 45—47, табл. VII. О датировке и характеристике находки см. М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 163.

[69] М. Х. Шмидехельм, указ. соч., стр. 164, рис. 46.

[70] R. Hausmann, Grabfunde aus Estland, Reval, 1896. Verhandlungen GEG XIII, Dorpat, 1888, стр. 7 и сл. Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga, № 372—379.

малочисленность погребального инвентаря в Юлпреском могильнике не случайна, а является характерной для всей сакалаской группы.

В III—IV вв. и вообще в первой половине I тысячелетия н. э., если не считать периода раннего феодализма, могильники эстонских племен наиболее богаты инвентарем. Однако обилие инвентаря в могильниках наблюдается только в некоторых ограниченных районах (рис. 43). На большей части территории Эстонии могильники I—IV вв. бедны инвентарем или даже лишены его. Например, бóльшая часть каменных могильников с оградками, раскопанных Я. Юнгом в 1878 году в деревнях Курла (Мяаруский могильник) и Виллавере, Тюриского района, была почти лишена инвентаря; в целом большом могильнике было обнаружено едва ли с десяток находок.[71] Некоторые обследованные в том же году могильники, как, например в деревнях Аркма и Курла (Виллемиский могильник), не дали вообще никаких находок или же в них найдены только обломки глиняных сосудов.[72]

Большинство оградок каменного могильника в Вяатса (Пайдеский район), раскопанного Р. Гаусманом, также не дало никаких находок. В целом этот очень крупный могильник дал не более полутора десятка предметов I—IV вв.[73]

Немногим больше находок было получено раскопками двух могильников в Пыльтсамаском районе. Мало предметов I—IV вв. обнаружено также в могильниках с оградками в центральной части восточной Эстонии, например в Кярде, Йыгеваского района, и в Лахепере, Калластеского района (всего по 10—15 находок в каждом).[74] Подтверждением того, что незначительное количество находок в могильниках с оградками племен центральной Эстонии обусловлено не только несовершенством методики раскопок, могут служить результаты раскопок, произведенных под руководством Х. А. Моора в послевоенные годы в Нава и Тоовере,[75] где в подобных могильниках также было обнаружено очень мало металлических предметов.

В то же время интересно отметить, что характерной чертой могильников племен центральной Эстонии является чрезвычайно долгий срок их использования — начиная с I—IV вв. и вплоть до XI—XIII вв. Эта же черта характерна и для части сакаласких могильников, особенно для тех, которые обнаружены в окрестностях Вильянди. В связи с этим именно в центральной Эстонии мы можем наблюдать более длительное, чем у других эстонских племен, бытование древних форм могильников. В этом сказывается исключительная устойчивость древних местных традиций, которую не смогли поколебать происшедшие за это время значительные изменения в жизни общества.

В отношении богатых инвентарем могильников зачастую наблюдается совершенно противоположное явление — большинство их перестает использоваться, по-видимому, в V—VI вв; более поздние захоронения встречаются в них только в виде исключения. Поэтому можно предполагать, что в районах распространения каменных могильников с богатым инвентарем в V—VI вв. имел место более глубокий перелом в погребальных обрядах, чем в районе распространения могильников, бедных инвентарем.

---

[71] J. Jung, указ. соч., стр. 177, 180, 189 и Sitzungsberichte GEG 1878, стр. 188, 192; некоторые предметы из Мяаруского могильника находятся также в ИИ 2540 : 2—3, и ИМ 149.

[72] J. Jung, указ. соч., стр. 177, 179.

[73] ИИ 1994 : 1—56; Отчет о раскопках Р. Гаусмана в секторе археологии ИИ.

[74] ИИ 1918 : 1—22; 1984: 1—138; Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga, № 380 и 687—690.

[75] ИИ 3968 и 3979.

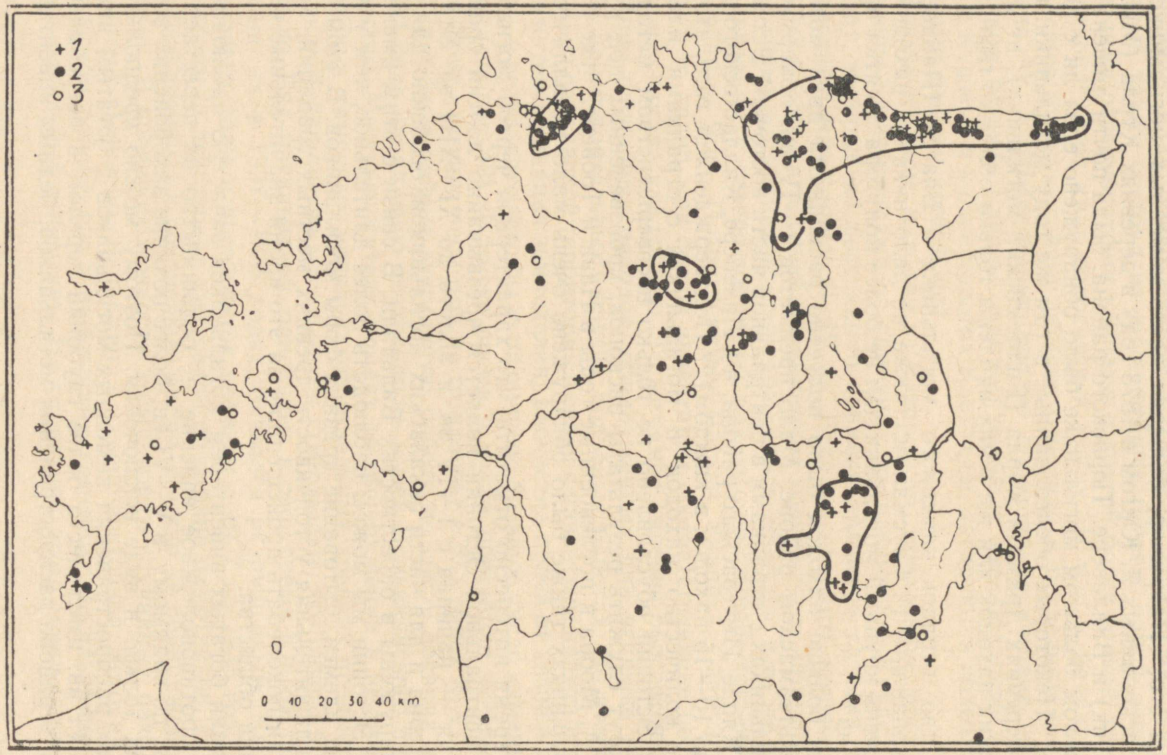


Рис. 43. Распространение памятников I—IV вв. в Эстонии. *1* — памятники I—II вв.; *2* — памятники III—IV вв. (сюда включены также памятники I—IV вв., не поддающиеся более детальной датировке); *3* — римские монеты. Линией обведены группы наиболее богатых инвентарем могильников.

То, что в этих местах новые коллективные могильники с оградками больше не сооружались, а прежние перестали существовать, объясняется изменениями в общественных отношениях, вызванных, в свою очередь, ростом производительных сил. С разложением родо-племенного строя община, основанная на родстве своих членов, сменилась территориальной, сельской общиной, общественно-хозяйственной ячейкой которой была уже не большая, а малая семья. Именно в тех местах, где общественно-экономическое развитие протекало более быстрыми темпами, процесс изменения родового культа предков проходил наиболее остро. Здесь относительно быстро совершался переход к захоронениям индивидуального характера и старые коллективные могильники перестали использоваться.

Исключительное богатство могильников в некоторых определенных районах погребальным инвентарем II—IV вв. объясняется, по всей вероятности, стечением ряда особенно благоприятных экономических факторов на определенной ступени развития первобытно-общинного строя. Успехи в области земледелия повели к численному увеличению и выдвижению некоторых родственных общин или даже целых племен, к развитию ремесла и обмена. В этих районах происходил также более быстрый процесс выделения и усиления родо-племенной знати, что находило свое отражение и в религиозном культе предков, и в захоронении с покойниками многочисленных предметов. Характерно, что могильный инвентарь этого периода состоит главным образом из предметов украшения, которые были, как известно, личной собственностью. Следует также учитывать, что культ родовых предков у разных общин и племен имел свои различия.[76]

Процесс выделения районов с богатыми инвентарем могильниками, отражает, в общем, рост населения, ускорение развития ремесла и обмена, возникновение более компактных племенных центров, подчинивших своему влиянию и соседние племена. На территории этих племенных центров происходил интенсивный процесс формирования специфических для данного племени культурных особенностей. В результате относительно быстрого роста производительных сил и, вместе с тем, населения, с усилением общения из указанных районов некоторая часть населения стала переселяться в соседние районы; одновременно в эти центральные районы стали проникать инородные элементы (например, в виде рабов). Следовательно, развитие указанных племенных центров содействовало в общем итоге смешению старых родов и племен и возникновению новых общин на территориальной основе. Именно вокруг таких племенных центров, характеризующихся во II—V вв. могильниками с богатым инвентарем, и сложились древние эстонские земли, или мааконды, — Вирумаа, Ярвамаа, Рявала, Уганди (см. карты, рис. 43 и 20).

Хотя мааконд Сакала не имеет столь ясно выраженного племенного центра, как перечисленные выше земли, он также сложился на основе определенной племенной территории, границы которой прослеживаются уже в I—IV вв. Сакалаская группа является наглядным примером того, как старые племенные территории в основном сохраняют свои границы, как возникает древняя «земля» и племена сменяются территориальными объединениями. Центр сакалаской группы находился, по-видимому, в районе современного города Вильянди, расположенного в месте перекрещивания сухопутного пути, связывавшего юг с севером, с водным путем, проходившим с востока на запад. Подтверждением этого служат в первую

[76] Интересные данные по этому вопросу приводит, например С. А. Токарев, Пережитки родового культа у алтайцев. Труды Института этнографии АН СССР, нов. серия, т. 1, 1947, стр. 139 и сл.

очередь, могильники в Кууде и Вана-Выйду, в которых найдено больше металлических изделий того же периода, чем в других могильниках Сакалаской возвышенности.

Сакаласские племена входили в число южноэстонских племен, о чем ясно свидетельствуют как их материальная культура, так и погребальные обряды и каменные могильники с оградками. В то же время сакаласские племена все же отличаются от других южноэстонских племен некоторыми своеобразными чертами культуры, которые бросаются в глаза при анализе даже тех относительно немногочисленных находок, которыми мы располагаем.[77] Среди родственных племен, обитавших в позднейшем маа-конде Уганди (южнее г. Тарту), в центральной Эстонии и по реке Гауя, во II—IV вв. получили всеобщее распространение фибулы, у сакаласких же племен их почти не наблюдается. Однако и здесь фибулы отсутствуют не повсеместно. В могильниках Кууде и Вана-Выйду найдено несколько фибул, которые проникли, по-видимому, от соседних северных племен. При этом достойно внимания, что, например, перекладчатые и дискообразные фибулы, характерные именно для угандиской территрии, не известны среди племен, обитавших к западу от озера Выртсъярв. Это обстоятельство едва ли может быть случайным, наоборот, оно отражает различия, существовавшие в народной одежде сакаласких и угандиских племен.

Устойчивое сохранение вплоть до XIX в. своеобразных черт культуры древних сакаласких племен находит выражение не только в народной одежде, но и в области языка и фольклора. Территориально западный южноэстонский диалект и сакалаская народная одежда и фольклорная группа с удивительной точностью совпадают с культурной областью сакалаской племенной группы I—IV вв. (ср. карты рис. 1, 53, 86).

Среди обнаруженных в сакаласких могильниках находок привлекает внимание относительное обилие предметов из железа по сравнению с бронзовыми (могильники в Тару, Кууде). На Сакалаской возвышенности найдено больше одной четверти всех относящихся к описываемому периоду железных топоров, зарегистрированных в Эстонии. Ввиду общей бедности сакаласких могильников инвентарем, это явление следует отметить в качестве одной из особенностей данной группы. Из известных до сих пор шести экземпляров топоров со стержнем, характерных для эстонско-ливских племен, половина найдена в районе обитания сакаласких племен. Возможно, что этот тип топора возник именно здесь и отсюда проник к соседям. В то же время на территории угандиских племен до настоящего времени не обнаружено ни одного топора I—IV вв. Это, конечно, не означает, что топоры здесь не применялись, но служит отражением различий в погребальном ритуале и культе названных соседних племен.

Судя по могильному инвентарю, характерному для сакаласких племен, у последних не было такого обилия типов украшений и не возникло столько новых украшений, как, например, в Уганди или Вирумаа. Возможно, что обработка металлов, за исключением железа, не получила здесь такого развития, как в районах могильников с богатым инвентарем. Однако в то же время было бы ошибочным полагать на основании малочисленности находок, что здесь вообще было мало металла или же что местные племена сильно отставали в своем развитии. Как в центральной Эстонии, так и в пределах Сакалаской возвышенности в тот период имелись благоприятные условия для развития земледелия и животноводства. Примитивное земледелие получило здесь развитие уже в конце

[77] Одной из черт, общих для сакаласких и угандиских племен, является, например, браслет рис. 41 : 5. Судя по известным до настоящего времени археологическим находкам, предметы, изображенные на рис. 15, у сакалаской племенной группы не встречаются.

II и в начале I тысячелетия до н. э. Судя по археологическому материалу, сакаласские племена поддерживали оживленные сношения и с соседними племенами. Особое значение имеет то обстоятельство, что бедные инвентарем могильники с оградками по своим размерам, конструкции и погребальному обряду в большинстве своем полностью соответствуют могильникам с оградками в других районах, отличающихся богатством погребального инвентаря. Кроме того, и распад внутренней структуры могильников с оградками произошел в тех и других районах одновременно, в V веке. В соответствии с этим как в районе с богатым, так и в районе с бедным инвентарем могильниками мы имеем дело с большими патриархальными семьями, основой хозяйства которых было земледелие и скотоводство. Дальнейший рост производительных сил, в особенности же распространение пашенного земледелия, вел здесь к укреплению обособившихся малых семей и к переходу от родового строя к сельской территориальной общине. В ходе этого процесса несколько впереди шли только племенные центры.

Характерно, что именно в VI—IX вв., когда в Эстонии, судя по археологическим материалам городищ и поселений, происходил значительный рост производительных сил и развитие материальной культуры, могильники исключительно бедны находками. В буржуазной Эстонии археологи на основании этого ошибочно допускали, что в эпоху так называемого среднего железного века (V—IX вв.) якобы имело место переселение жителей на другие территории или общий регресс развития хозяйства и культуры. В действительности в этот период у эстонских племен наблюдается значительное развитие экономики и общества. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые очень богатые могильные находки и клады. Однако эти находки не сосредоточены в этот период в отдельных районах, как во II—IV вв., а разбросаны по всей территории Эстонии. Это обстоятельство ярко характеризует те глубокие изменения в обществе, которые произошли с переходом от родо-племенного строя к территориальной общине и с возникновением зачатков классовых отношений.

Как известно, кривичские длинные курганы также бедны могильным инвентарем.[78] Как по времени, так и по уровню общественно-экономического развития оставившего их населения эти курганы в основном соответствуют каменным могильникам с оградками у эстонско-ливских племен. В юго-восточной Эстонии каменные могильники и длинные курганы встречаются в непосредственном соседстве друг с другом, что свидетельствует о возникновении смешанных поселений в районах тесного соприкосновения двух этнических групп. До последнего времени в археологической и исторической литературе прочно укоренилось мнение о том, что восточные славяне, обитавшие на севере в первой половине I тысячелетия, весьма значительно отставали в своем развитии от своих южных соплеменников. Это ошибочное утверждение, основанное на недостаточном знании и неверном толковании материала, решительно опровергнуто С. А. Тараканової, показавшей, что существенной разницы в уровне общественно-экономического развития между северными и южными славянскими племенами не было.[79] Результаты ее исследований имеют большую ценность и для понимания особенностей общественно-экономического развития эстонских племен в первой половине I тысячелетия, особенно в районах распространения могильников, бедных инвентарем.

---

[78] С. А. Тараканова, Длинные и удлиненные курганы, Советская археология, XIX, 1954, стр. 101.

[79] С. А. Тараканова, указ. соч., стр. 108—109.

Из сказанного следует, что в западных и юго-западных районах Эстонии, относительно бедных археологическими памятниками, в I—IV вв. обитали слабо изученные до настоящего времени сааре-ляанеские и сакаласские племена, которые сложились в основном на базе местного древнего населения и послужили, в свою очередь, основой, на которой сформировались соответствующие древние эстонские земли. На основе этих, а также ряда других родственных племен позднее начала складываться эстонская народность. Более глубокое изучение этих племен является одной из актуальных задач, разрешение которой насущно необходимо для дальнейшего изучения этнической истории эстонского народа.

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО НАРОДА В СВЕТЕ ДАННЫХ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

К. Ю. МАРК

Сложные вопросы древней этнической истории нельзя решать лишь на основании данных одной отрасли науки, необходима совместная работа представителей различных специальностей, в том числе и антропологов.

Этническая антропология, которая занимается изучением сходства и различия, однородности или разнородности этнических групп по их физическому типу, всегда в известной степени связана с изучением проблем этногенеза. Особое значение приобретают данные антропологии в освещении проблем этногенеза в связи с марксистским учением о нации и языке. Согласно этому учению, нация не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей. Советские антропологи уже давно опровергли расистскую концепцию о языке и культуре как о явлениях «души расы». Поэтому неправильно искать, например, расу, первоначально свойственную всем финно-угорским народам, как это делали антропологи прошлого столетия.

Из этого не следует, однако, что распространение рас и антропологических типов не имело ничего общего с историей народов и языков, как ошибочно полагают представители другого направления в буржуазной антропологии, рассматривая связи антропологических типов, языков и этнографических общностей. Советские антропологи рассматривают расселение и смешение антропологических типов как следствие исторических процессов. Язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но антропологические типы обычно не распространяются без культуры и языка.[1] Когда данные антропологии указывают на распространение известного антропологического типа, перед археологами, этнографами и языковедами встает задача установить исторические условия, вызвавшие это распространение, а также выяснить вопрос, были ли и в какой мере были с ними связаны известные историко-культурные и языковые явления. Во всяком случае, в борьбе с расистскими лжетеориями нельзя недооценивать значение данных антропологии для изучения вопросов этногенеза. Антропологические факты играют тем большую роль в изучении этнической истории, чем дальше от современности отстоят периоды ее, где пробелы в исторических и лингвистических материалах наиболее ощутимы.

Буржуазные антропологи к решению вопросов происхождения и формирования эстонцев подходили также с неправильных позиций. Их

[1] Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин, Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза. Советская этнография, № 1, 1952, стр. 24.

взгляды во многих отношениях отличались от точки зрения современной передовой науки.

Многие прибалтийско-немецкие и западноевропейские авторы в прошлом веке и в начале нынешнего столетия полагали, что прибалтийские финны, в том числе и эстонцы, относятся к монголоидам. Этот взгляд частично основывался на прежнем ошибочном смешении понятий расы и языка. Относя эстонский и финский языки, в числе других финно-угорских языков, к восточным языкам, эстонцев и финнов и в антропологическом смысле связывали с востоком, т. е. с монголоидной расой. Всех финно-угров, в том числе и эстонцев, относили к монголоидам уже некоторые из первых классификаторов человеческих рас, например немецкий антрополог И. Ф. Блуменбах (1752—1840) и французский антрополог П. Брока (1824—1880).

Выводы антропологов того периода основывались на чрезвычайно скудном материале — на отдельных измерениях единичных черепов. Принадлежность того или иного народа к монголоидной или к какой-либо другой большой расе определяли обычно не по основным особенностям этих рас, а по тем признакам, на основании которых выделяются только расы второго порядка (например, черепной указатель, носовой указатель и т. д.). И короткоголовые, и мезоринные формы встречаются, как известно, среди представителей каждой большой расы. Но Брока, например, относил эстонцев и финнов к монголоидам именно потому, что у четырех измеренных им эстонских и пяти финских черепов случайно оказались такие же черепные и носовые указатели, как у некоторых татарских, калмыцких и китайских черепов, — все они характеризовались короткоголовостью и мезоринией. Упомянутые выводы были ошибочны, что обусловливалось как скудностью материалов, так и неудовлетворительностью исследовательских методов того времени.

Кроме того, следует отметить, что ряд западноевропейских антропологов получал в то время данные от прибалтийско-немецких авторов, некоторые, например Р. Вирхов (1821—1902), даже от прибалтийско-немецких помещиков, известных тем, что они считали коренное население Прибалтики «неполноценным». Так как многие антропологи того времени усматривали в монголоидности признак «низшей» расы, то это во всех отношениях отвечало взглядам и интересам господствующего класса прибалтийских немцев.

Теория о монголоидности эстонцев получила широкое распространение и удерживается в западноевропейской литературе и в настоящее время.

Против антинаучных взглядов в антропологии, как, например, деление рас на «высшие» и «низшие», выступали представители, второго, более прогрессивного направления, в том числе и русские антропологи (в частности, А. П. Богданов, 1834—1896, и др.). Представители этого направления правильно отмечали известное отличие древних антропологических типов от современных, но характерное для всей буржуазной науки метафизическое миропонимание помешало им раскрыть преемственную связь между антропологическими типами древнего и современного населения. После первой мировой войны среди буржуазных ученых все более крепло представление о том, что эстонцы, финны и другие прибалтийско-финские народы принадлежат не к монголоидам, а к европеоидам. Этот правильный сам по себе взгляд сложился в борьбе против широко распространенной теории монголоидности этих народов, но сторонники его впадали в другую крайность — они категорически отрицали наличие каких бы то ни было монголоидных элементов у названных народов. Подобное утверждение косвенно несло на себе следы влияния расистских лжетео-

рий, так как расценивало монголоидность как признак неполноценности соответствующей антропологической группы.

Как уже раньше указывали многие прогрессивные исследователи и в особенности доказали в своих работах советские антропологи, между физическими особенностями и умственными способностями людей никакой связи нет, поэтому советская наука ни одну расу не считает менее полноценной в сравнении с остальными. Эта точка зрения легла в основу ленинской национальной политики, осуществляемой в советской стране. Советские ученые, свободные от влияний всяких лжетеорий, рассматривают наличие тех или иных антропологических признаков объективно и без всяких предрассудков.

Как мы увидим ниже, наличие или отсутствие монголоидных элементов в разные эпохи значительно содействует разрешению вопросов происхождения и формирования финно-угров, в том числе и эстонского народа.

Ниже мы сделаем попытку показать, что эстонцы, относящиеся в общем, несомненно, к европеоидам, несут на себе при этом и некоторые слабые следы древнего смешения с монголоидами. У древних прибалтийско-финских племен встречается уже довольно заметная монголоидная примесь, свидетельствующая о том, что в их состав вошли некоторые элементы восточного происхождения.

В сравнении с более ранними представлениями о расовом составе эстонцев, основанными на несовершенной измерительной технике, в основу настоящей статьи легли данные, полученные путем значительно более точных измерений, широко применяемых, а также усовершенствованных именно советскими антропологами. Кроме того, и материалы, позволяющие нам прийти к этим выводам, в советский период, в сравнении с предыдущими, значительно увеличились.

В буржуазной Эстонии был собран обширный материал по антропологическим признакам современного населения. Выдающиеся заслуги в этой области принадлежат, в особенности, Ю. А у л ю. На разработку же палеоантропологических материалов в то время обращали мало внимания.

Слабый интерес буржуазных ученых к палеоантропологии, к истории развития и изменения антропологических типов частично был обусловлен метафизической точкой зрения, согласно которой они рассматривали явления природы более или менее статически, неизменными. Они, например, недооценивали того, что антропологические типы с течением времени, от эпохи неолита до наших дней, изменялись и что существовавшие в древности типы нельзя отождествлять с современными, как это делали в литературе того периода. Не учитывая развития и эпохальных изменений антропологических типов, буржуазные ученые предполагали, что уже в неолите существовали в основном те же антропологические типы, что и в настоящее время. Таким образом, буржуазные антропологи не смогли внести сколь-нибудь существенного вклада в освещение вопроса происхождения и формирования физического типа эстонцев.

Антропологические материалы по первым обитателям территории современной Эстонской ССР пока, к сожалению, отсутствуют. Вопрос об их происхождении не совсем ясен еще потому, что и археологические памятники этого раннего периода нам пока мало известны.

Данные археологии показывают, что территория Эстонии была впервые заселена в мезолите. На древнейших стоянках найдены костяные и роговые изделия охотников и рыболовов, а также различные каменные

предметы. Эти находки относятся к культуре Кунда, датируемой VII—VI тысячелетиями до н. э.[2] Аналогичная культура первобытных охотников и рыболовов в то время была широко распространена и во всей остальной лесной полосе Восточной Европы.

В связи с тем, что древнейшие мезолитические памятники обнаружены в южных частях Восточной Прибалтики, можно предполагать, что северные районы, по-видимому, были заселены позже и что, вероятно, первые обитатели проникли сюда с юга.

С этим предположением согласуются и данные антропологии, хотя они пока весьма скудны. На территории Литовской ССР обнаружены два черепа, вероятно, относящиеся к мезолиту. Один из них найден в Кирсна (на юге Литвы),[3] другой — в Кебеляй (на западе Литвы).[4] Череп из Кирсна принадлежит представителю длинноголовой европеоидной расы, характеризующейся большими размерами мозговой коробки, наклонным лбом, сильно развитыми надбровными дугами, а также узким и высоким лицом.

У черепа из Кебеляй не сохранилась лицевая часть, но в остальном он полностью сходен с черепом из Кирсна. Сходные с этим черепом и датируемые тем же периодом формы известны из Средней и Южной Европы, в особенности из южных областей Восточной Европы (Нижнее Поднепровье). Поэтому нет оснований сомневаться в том, что эти длинноголовые европеоиды проникли сюда с юга.

В неолите, т. е. в III тысячелетии и начале II тысячелетия до н. э., по восточному побережью Балтийского моря, как и повсюду в лесной полосе Восточной Европы, были распространены культуры охотников и рыболовов с характерной для них ямочно-гребенчатой керамикой. Неолитические культуры Прибалтики и более восточных частей лесной полосы Восточной Европы в общем весьма сходны. На этом основывается гипотеза А. Я. Брюсова, согласно которой заселение севера Европейской части СССР могло идти с востока на запад.[5]

Антропологические материалы со стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой, к сожалению, еще немногочисленны, но в некоторой мере они все же могут дать представление об антропологическом составе населения этих стоянок, что, в свою очередь, способствует выяснению вопроса о происхождении древнейшего населения Восточной Прибалтики.

Ранненеолитические и неолитические черепа, обнаруженные в лесной полосе Восточной Европы, большинство которых представляет население культуры ямочно-гребенчатой керамики, не являются сходными между собой, но принадлежат к разным антропологическим типам. На южном побережье Ладожского озера найдены долихокранные европеоидные черепа представителей протоевропейского или кроманьонского типа с широким и низким лицом.[6] Из могильника на Южном Оленьем острове (на

---

[2] См. статью Л. Ю. Янитса в настоящем сборнике, стр. 142 и сл.

[3] J. Žilinskas, Akmens periodo žmogus Žemaitijoj ir Suvalkijoj, Kaunas 1931.

[4] В. К. Гуделис, С. В. Повилонис, Палеоантропологические находки в Литве. Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, № 20, 1955, стр. 30—40. П. З. Куликаускас, Некоторые данные о первоначальном заселении территории Литвы и о племенных группах в I и начале II тысячелетия н. э. по данным археологии. Труды Института этнографии, новая серия, т. XXIII. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год), М., 1954, стр. 39, 40.

[5] А. И. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952, стр. 32—34.

[6] Г. Ф. Дебец, Палеонтропология СССР, Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. IV, 1948, стр. 89—91.

Онежском озере)[7], датируемом, вероятно, IV—III тысячелетиями до н. э.[8], получено большое количество черепов, среди которых можно выделить два типа: большинство представляет протоевропейский тип, меньшая же часть отличается монголоидными чертами — плоским лицом и низким переносьем. В Караваевском могильнике (Вологодская область)[9] обнаружены черепа как протоевропейского, так и массивного короткоголового типа, с некоторыми признаками монголоидности. Кроме того, в Караваихе был найден один брахикранный череп с небольшими размерами мозговой коробки, низким и плоским лицом, характерным для лапоноидного типа. Описанному черепу очень близок череп с Модлонской стоянки,[10] расположенной недалеко от Караваихи.

В Волго-Окском бассейне также известны представители лапоноидного типа, именно из Языковского могильника (Калининская область)[11], из старшего Волосовского могильника (Владимирская область)[12] и с Володарской стоянки (Горьковская область).[13] Другой череп из Володар, а также череп, обнаруженный на Панфиловской стоянке (Горьковской области),[14] следует отнести к протоевропейскому типу. Кроме того, с Гавриловской стоянки (Горьковская область)[15] был получен своеобразный череп, который по своим антропологическим признакам образует особый, локальный тип.

Большой интерес представляют два ранненеолитических черепа, найденные на Урале вместе с находками шигирской культуры.[16] Эти черепа обладают комплексом признаков, характерным для лапоноидного типа.

В то же время на юге Восточной Европы, в степных областях, были распространены европеоиды, главным образом представители протоевропейского типа.

Из этого следует, что древнейшее население лесной полосы Восточной Европы происходит из двух областей: с юга проникали сюда европеоиды, но уже в очень раннюю эпоху, по крайней мере в позднем мезолите, здесь появились и насельники с востока, представители характерного для Азии монголоидного типа.

Из черепов, обнаруженных на стоянках культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории Эстонской ССР, к неолиту следует отнести (примерно к середине или второй половине III тысячелетия до н. э.) три черепа из Нарва—Рийгикюла и два из Валма, на северо-западном побережье озера Выртсъярв, а к позднему неолиту (к середине II тысячелетия до н. э.) — шесть черепов со стоянки на берегу озера Тамула около города Выру. Названные черепа, найденные в Эстонии, представляют разные антропологические типы (рис. 44).

---

[7] Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. Краткие сообщения ИИМК, вып. VI, 1940, стр. 53.

[8] По устному сообщению проф. А. Я. Брюсова и В. М. Раушенбах (Москва). Более поздним временем, а именно второй половиной III тысячелетия, датирует этот могильник Н. Н. Гурина, Оленеостровский могильник. Материалы и исследования по археологии СССР, № 47, 1956, стр. 258.

[9] М. С. Акимова, Новые палеантропологические находки эпохи неолита на территории лесной полосы Европейской части СССР. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XVIII, 1953 стр. 56—59.

[10] Там же, стр. 57.

[11] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 87.

[12] А. А. Тихомиров. О черепе каменного века, найденном при раскопках графом А. С. Уваровым. Антропологическая выставка, т. III, ч. 1, М., 1879, стр. 1—6.

[13] М. С. Акимова, указ. соч. стр. 59.

[14] Там же, стр. 59.

[15] М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1949, стр. 90—91.

[16] Г. Ф. Дебец, К палеоантропологии Урала, Краткие сообщения Института этнографии, вып. XVIII, 1953, стр. 67—68.

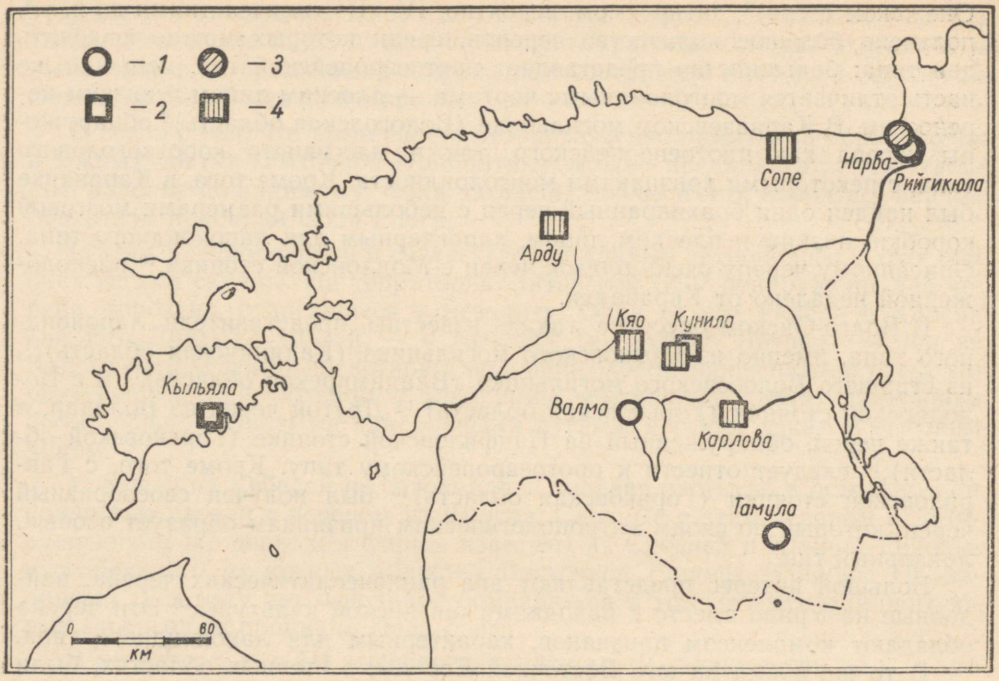


Рис. 44. Антропологические типы неолитической и поздненеолитической эпохи на территории Эстонской ССР. *1* — черепа короткоголового типа с монголоидной примесью из поселений культуры ямочно-гребенчатой керамики; *2* — аналогичные черепа из могильников культуры ладьевидных топоров; *3* — черепа длинноголового европеоидного типа из поселений культуры ямочно-гребенчатой керамики; *4* — черепа того же типа из могильников культуры ладьевидных топоров.

Один из них — долихокранный — представляет собой вполне европеоидный тип, с высоким и узким лицом. Древнейшую известную пока находку, относящуюся к этому типу, составляет детский череп со стоянки Нарва—Рийгикюла I. Он напоминает предполагаемые мезолитические черепа из Литвы (Кирсна и Кебеляй).

В своей же преобладающей части черепа со стоянок культуры ямочно-гребенчатой керамики Эстонии, наоборот, брахикранны, с широким и низким лицом. При этом лицо уплощенное и переносье на двух черепах (Валма II и Тамула XIV) очень низкое, что характерно для монголоидов; орбиты на некоторых черепах высокие, типичные для монголоидов. Наряду с этим некоторые из этих черепов имеют довольно выступающий, вполне европеоидный нос (например, череп Валма II). Таким образом, можно говорить о наличии у этих черепов монголоидной примеси (табл. 1).

Часть черепов этого типа характеризуется крупными размерами и массивностью (Валма III, Тамула XI и XIV), остальные же имеют небольшие размеры и являются более грацильными (Тамула I и мужской череп со стоянки Нарва—Рийгикюла I).

Последние черепа обнаруживают значительное сходство с лапоноидным типом, относящимся к группе урало-лапоноидных типов, или к уральской расе. К этой расе следует отнести и массивные брахикранные черепа с монголоидной примесью. Из современных народов и народностей к уральской расе принадлежат лопари, ненцы, ханты, манси, мари, частично коми и др.

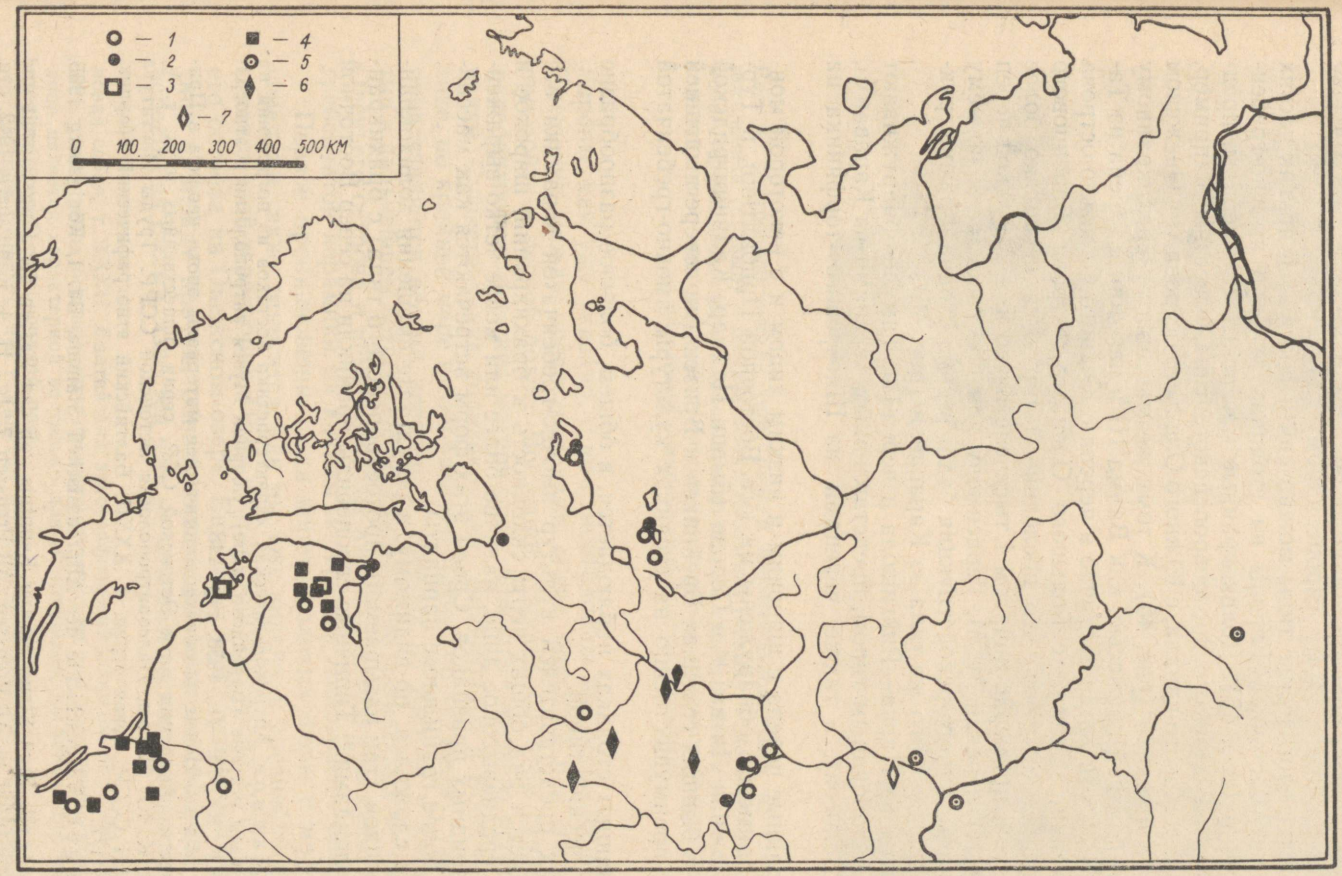


Рис. 45. Антропологические типы неолитической и поздненеолитической эпохи в лесной полосе Восточной Европы. *1* — черепа короткоголового типа с монголоидной примесью из поселений культуры ямочно-гребенчатой керамики; *2* — черепа длинноголового европеоидного типа из местонахождений той же культуры; *3* — черепа короткоголового типа с монголоидной примесью из погребений культуры ладьевидных топоров; *4* — черепа длинноголового европеоидного типа из погребений той же культуры; *5* — черепа короткоголового типа с монголоидной примесью из местонахождений восточной части лесной полосы; *6* — черепа европеоидного типа из погребений фатьяновской культуры; *7* — черепа европеодиного типа, более грацильные, из восточной части области распространения фатьяновской культуры (Балановский могильник).

Переходную форму к европеоидному, длинноголовому типу представляет IX череп из Тамула. Он является более долихокранным, европеоидным и характеризуется более высоким и узким лицом по сравнению с остальными черепами из Тамула и Валма. Среди последних этот череп по своим признакам образует крайний вариант и стоит к ним гораздо ближе, чем к длинноголовому европеоидному типу.

Те же антропологические типы можно найти повсюду в других частях лесной полосы Восточной Европы на стоянках культур ямочно-гребенчатой керамики (рис. 45). Долихокранные массивные европеоиды, представители так называемого протоевропейского типа, известны, например, со стоянок Ладожского канала, с Южного Оленьего острова (на Онежском озере) и из Караваихи (рис. 46). К тому же массивному брахикранному типу с монголоидной примесью, как Валма III и некоторые черепа из Тамула (XI, XIV), относятся частично и черепа с Южного Оленьего острова и из Караваихи, а также с Большого Оленьего острова Баренцового моря.[17] Следует отметить, что последние датируются несколько более поздней эпохой, примерно началом I тысячелетия до н. э. Мужской череп из Валма (III) передан М. М. Герасимову для восстановления по нему лица. По-видимому, его реконструкция будет весьма сходна с реконструкциями лиц черепов того же типа из Караваихи (рис. 46).

Два черепа из Нарва—Рийгикюла и череп I из Тамула обнаруживают сходство с лапоноидным типом, представленным черепами из Караваихи, Модлоны, Волосова, и также черепами из Шигирского торфяника на Урале.

Брахикранные черепа с широким и низким лицом и с некоторой монголоидной примесью обнаружены на юге Восточной Прибалтики, в Турлоишкесе (южная Литва),[18] в Серове (бывш. Цедмар, Калининградской области),[19] в бывших селениях Брейникен и Бризен (на севере нынешней Польши),[20] преимущественно на стоянках культуры ямочно-гребенчатой керамики.

На указанных стоянках наблюдается, в общем, большое разнообразие антропологических типов.

У многих представителей культур ямочно-гребенчатой керамики все же наблюдается ряд общих черт: склонность к брахикрании, широкое и низкое или средневысокое лицо, наличие более или менее четко выраженных монголоидных признаков. Среди этих форм встречаются как массивные, так и более грацильные варианты.

Этот тип сложился, по-видимому, в результате смешения долихокранных европеоидов (так называемого протоевропейского типа) с брахикранными монголоидами.[21] Типичные европеоиды проникли на север Восточной

---

[17] В. П. Якимов, Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцово море). Сборник Музея антропологии и этнографии, АН СССР, XV, М.—Л., 1953, стр. 448.

[18] К. Ю. Марк, Новые палеоантропологические материалы эпохи неолита в Прибалтике. Известия Академии наук Эстонской ССР, серия общественных наук, т. V, 1956, стр. 50. К. Ю. Марк, Палеоантропология Эстонской ССРР. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XXXII, Балтийский этнографический сборник, М., 1956, стр. 177.

[19] C. Engel, Vorgeschichte der Altpreussischen Stämme, Bd. I, Königsberg 1935, Taf. 53.

[20] G. Perret, Zum Stand unserer Kenntnis von den Rassen der Jungsteinzeit und der frühen Bronzezeit in Alt-Preussen, Alt-Preussen 7, Jg., H. 4, Königsberg 1942, стр. 63—64.

[21] В отличие от большинства советских антропологов, некоторые исследователи отрицают наличие монголоидной примеси у этого типа. (См. В. П. Якимов. Начальные этапы заселения Восточной Прибалтики. Труды Института этнографии АН СССР,

Рис. 46. Антропологические типы ранней неолитической эпохи из Оленьостровского могильника (правый) и Караваевского поселения (левый). Реконструкции М. М. Герасимова. Первый представляет собой длинноголовый европеоидный тип, второй — коротконоголовый тип с монголоидной примесью, к которому относится большинство черепов с поселений с ямочно-гребенчатой керамикой.

Европы, как уже указано, с юга, монголоиды же, несомненно, с востока. Смешение между представителями обеих больших рас могло частично произойти в лесной полосе Восточной Европы. Об этом свидетельствуют палеоантропологические материалы с Южного Оленьего острова и Караваихи. Существование долихокранных европеоидов в Восточной Прибалтике, по крайней мере на территории Литвы, по-видимому, уже в мезолите представляется весьма вероятным (черепа из Кирсна и Кебеляй). Этот тип в дальнейшем встречается среди ранненеолитических черепов Южного Оленьего острова и немного позже вместе с находками культуры ямочно-гребенчатой керамики на южном побережье Ладожского озера.

Первое проникновение сюда короткоголовых форм с монголоидными черепами также относится, как мы уже видели, к древнейшим этапам заселения этой территории. Нами уже упомянуты черепа этого типа с Оленьего острова на Онежском озере. Еще один череп, относящийся к тому же типу и, между прочим, обнаруживающий большое сходство с мужским черепом из Валма, известен уже из мезолитической эпохи с южного побе-

---

новая серия, т. XXXII. Балтийский этнографический сборник, М., 1956, стр. 268 и сл.). Эта точка зрения основывается преимущественно на том положении, что уплощенность лица является характерной не только для монголоидов, но также для многих древних представителей европеоидной расы.

Следует отметить, что о наличии монголоидной примеси у названного брахикранного типа свидетельствует не только уплощенность лица, но также ряд других признаков, характерных именно для монголоидов, в том числе низкое переносье и высокие орбиты, которым авторы, придерживающиеся противоположной точки зрения, почему-то не придают должного значения.

режья Балтийского моря (Плау, в Мекленбурге).[22] В неолите представители обеих больших рас установлены и на территории Эстонской ССР: долихокранный европеоидный череп обнаружен на стоянке Нарва—Рийгикюла I и черепа с монголоидной примесью — на стоянках Валма и Тамула.

Первоначальное смешение между монголоидами и европеоидами произошло, вероятно, уже в очень древнюю эпоху, возможно даже в мезолите, где-то на востоке, как предполагает Н. Н. Чебоксаров,[23] может быть в Приуралье. Таким образом, не исключена возможность, что на запад постепенно распространялись уже смешанные формы урало-лапоноидной группы. В пользу этого предположения говорит целый ряд черепов такого типа, обнаруженных вместе с находками культур ямочно-гребенчатой керамики на обширной территории от Урала (Шигирский торфяник) до Прибалтики.

Следует отметить, что на стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой пока не обнаружен ни один череп чисто монголоидного облика, а только лишь черепа с известной монголоидной примесью. При этом представители этого типа весьма сходны во всей лесной полосе Восточной Европы, от Урала до Балтийского моря, как по степени выраженности многолоидных особенностей, так и по целому ряду других признаков.

Если учесть раннее распространение монголоидных элементов во всей лесной полосе Восточной Европы и проникновение этого типа уже в мезолите вплоть до современного Мекленбурга на южном побережье Балтийского моря, то есть основания предполагать, что этот тип распространился довольно рано и в Прибалтике. Но сюда, как мы увидим ниже, новые насельники с востока проникали, вероятно, еще и позже, в неолите.

Значительная часть населения, обитавшего в III—II тысячелетиях до н. э. в лесной полосе Восточной Европы и оставившего нам поселения с ямочно-гребенчатой керамикой, по мнению советских археологов, в частности А. Я. Брюсова, относилась к финно-угорским племенам.[24]

Неолитическую культуру Восточной Прибалтики, характеризуемую ямочно-гребенчатой керамикой, также приходится, по всей вероятности, приписывать древним финно-уграм. В Восточной Прибалтике типичная ямочно-гребенчатая керамика не имеет прямой генетической связи с более древней местной керамикой. Поэтому весьма вероятно, что появление здесь типичной ямочно-гребенчатой керамики в середине III тысячелетия до н. э. можно объяснить проникновением новых племен. Последние пришли сюда, по-видимому, с территории, охватывающей Приладожье и соседние более южные области. Новые племена были, по-видимому, родственны местному населению, поэтому они вскоре слились с последним.[25]

Таким образом, заселение Восточной Прибалтики с востока, по-видимому, происходило несколькими волнами. В антропологическом составе населения Прибалтики, проникшего сюда с востока, как видно, господствовали смешанные формы. В результате дальнейшего смешения их с местными, более древними пришельцами с юга — представителями протоевропейского типа, здесь стали преобладать европеоидные особенности.

---

[22] A. Schlitz, Die Vorstufen der nordischeuropäischen Schädelbildung. Archiv f. Anthropologie, N. F., Bd. 13, Braunschweig 1914, стр. 169—201.

[23] Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. Советская этнография № 1, 1952, стр. 43.

[24] А. Я. Брюсов, О заселении севера Европейской части СССР в неолитическую эпоху. Тезисы докладов на пленуме ИИМК АН СССР, посвященном вопросам археологии Прибалтики, 1951 г., М., 1951, стр. 23.

[25] Л. Янитс, Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья р. Эмайыги. Автореферат диссертации, Тарту, 1953, стр. 19—20. См. также статью Л. Ю. Янитса в настоящем сборнике, стр. 156.

В позднем неолите, в начале II тысячелетия до н. э., в Восточную Прибалтику, в том числе и на территорию Эстонии, проникла новая волна пришельцев. Это были скотоводческие племена, материальная культура которых, так называемая культура ладьевидных топоров, или шнуровой керамики, резко отличалась от местной, более древней культуры охотников и рыболовов, или культуры ямочно-гребенчатой керамики.

Культура ладьевидных топоров не имеет связи с предыдущей, местной культурой, поэтому археологи полагают, что эту культуру следует считать новым явлением, принесенным пришлым населением.

Стоянки охотников и рыболовов культуры ямочно-гребенчатой керамики продолжали существовать наряду с поселениями племен культуры ладьевидных топоров. Таким поздним, одновременным с культурой ладьевидных топоров, поселением культуры ямочно-гребенчатой керамики является, например, уже упомянутая стоянка Тамула около города Выру.

Высказывалось мнение, что культуру ладьевидных топоров принесли с собой в Прибалтику ранние балтийские племена,[26] далекие предки литовцев и латышей. Балтийские племена были близко родственны славянским племенам. Согласно мнению П. Н. Третьякова, М. И. Артамонова и других советских ученых, общих предков балтийских и славянских племен следует искать среди неолитических племен бассейнов Вислы и Одера. Примерно на рубеже III и II тысячелетий часть из них продвинулась к востоку, другая же часть — предки балтийских племен — на северо-восток, в Прибалтику. Продвигаясь к северу, балтийские племена проникли не только на территорию Эстонии, но также и на противоположное побережье Финского залива, на юго-запад Финляндии и даже в современную среднюю Швецию.[27]

По данным лингвистики, в эстонском и других прибалтийско-финских языках встречаются весьма древние слова балтийского происхождения. Целый ряд этих слов связан с первобытным скотоводством и земледелием, брачными и родственными отношениями и т. д., свидетельствуя о тесных связях прибалтийско-финских и балтийских племен в эпоху возникновения скотоводства и земледелия.

Антропологические материалы, обнаруженные в погребениях представителей культуры ладьевидных топоров в Эстонии, более многочисленны, чем на стоянках ямочно-гребенчатой керамики. К ним принадлежат (см. карту, рис. 44) мужской череп из Кяо (Выйзику, Пыльтсамаский район), два женских черепа из Сопе (Кивиылиский район), два мужских черепа из Арду (Косеский район), мужской череп из Карлова (город Тарту), два фрагментарных черепа из Кунила (Пыльтсамаский район), а также, по всей вероятности, женский череп из Кыльяла (остров Сааремаа). Ранее из них были уже опубликованы черепа из Кыльяла, Кяо (Выйзику),[28] Сопе и один череп из Арду.[29]

Среди представителей культуры ладьевидных топоров на территории Эстонской ССР преобладал чисто европеоидный тип, характеризующийся большими абсолютными размерами, массивностью, крайней долихокра-

---

[26] H. Moora, Pirmatnējā kopienas iekārta un agrā feodalā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīgā 1952, стр. 43. См. также статьи Х. А. Моора и Л. Ю. Янитса в настоящем сборнике, стр. 69 и стр. 164.

[27] См. статью Х. А. Моора в настоящем сборнике, стр. 65.

[28] C. M. Fürst, Neolithische Schädel von der Insel Ösel. Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte, Riga 1914, стр. 33—44. R. Weinberg, Der Schädel von Woisek. Sitzungsberichte der Naturforscher-Gesellschaft bei der Universität Jurjew. Bd. 14, 1, 1904, Jurjew (Dorpat) 1905, стр. 86—113.

[29] J. Aul, Etude anthropologique des ossements humains néolithiques de Sope et d'Ardu. ÕES Aastaraamat 1933, Tartu 1935, стр. 224—282.

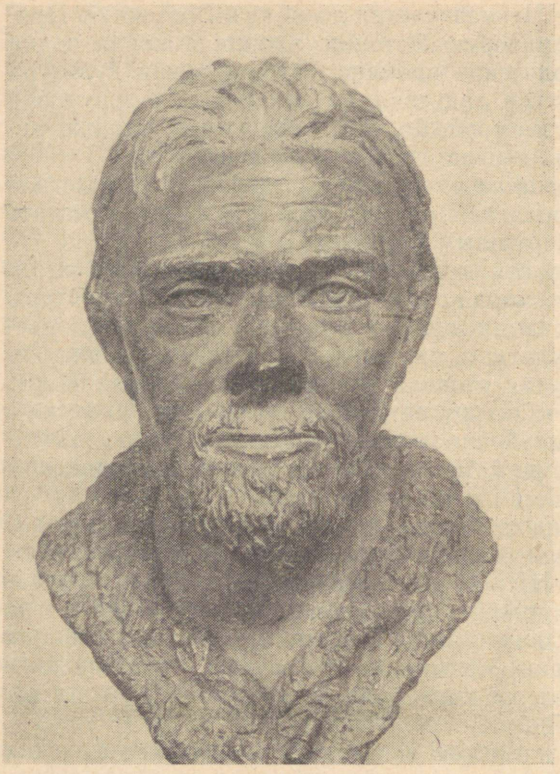


Рис. 47. Длинноголовый европеоидный тип, господствовавший среди населения культуры ладьевидных топоров. Реконструкция М. М. Герасимова по мужскому черепу из поздненеолитического погребения в Арду, Косеского района.

нией, высоким и узким лицом, узким носом, наклонным лбом и сильно развитым надбровьем (табл. 1, рис. 47 и 48). В общем, этот тип был широко распространен в то время почти повсюду, где обитали представители европеоидной расы. К более или менее такому же типу относятся, например, уже упомянутые черепа, найденные в Ладожском канале,[30] черепа из погребений фатьяновской культуры (Верхнее Поволжье),[31] черепа, добытые из курганов бронзового века в среднем Поднепровье[32] и в Нижнем Поволжье.[33] Частично этот тип встречается и среди черепов, обнаруженных в могильнике Южного Оленьего острова на Онежском озере.[34] Г. Ф. Дебец называет этот тип протоевропейским. Искать соответствующие формы среди современных антропологических типов, как это делали буржуазные антропологи, неправильно, потому что к этому времени еще не образовались современные европейские расы второго порядка.[35]

Черепа представителей культуры ладьевидных топоров, найденные в Эстонии, показывают все же некоторые отличия. Для них характерно более узкое и значительно более высокое лицо, в сравнении с остальными одновременными черепами протоевропейского типа, а также более крупный высотный диаметр. Поэтому Г. Ф. Дебец считает возможным выделить среди широко распространенного протоевропейского типа особый прибалтийский вариант с более высоким черепом.[36] К этому варианту следует отнести также ладожские черепа и черепа носителей культуры ладьевидных топоров в Южной Прибалтике. Сюда относятся, например, два черепа, найденные на Земландском полуострове в Каупе (ныне Калинин-

---

[30] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 89—91.

[31] М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. I, 1947, стр. 271—274.

[32] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 97—98.

[33] Г. Ф. Дебец, Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антропологический журнал № 1, 1936, стр. 67.

[34] Е. В. Жиров, Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова. Краткие сообщения ИИМК, вып. VI, 1940, стр. 53.

[35] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 108—109.

[36] Там же стр. 158.

градский полуостров в Калининградской области),[37] череп из Домшина (б. округ Лабиау, нынешняя Калининградская область),[38] и ряд других черепов с территории нынешней Калининградской области.[39]

Что касается представителей культуры шнуровой керамики с более южных территорий, то можно сказать, что, например, в Чехословакии черепа этой культуры[40] обнаруживают сходство с эстонскими, но отличаются меньшими размерами лица и относительной грацильностью.

Черепа носителей мегалитической культуры в южной Швеции[41] также отличаются от черепов, найденных в погребениях культуры ладьевидных топоров Эстонии, меньшими размерами лица.

Рис. 48. Длинноголовый европеоидный тип, господствовавший среди населения культуры ладьевидных топоров. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из позненеолитического погребения в Сопе, Кивиылиского района.

Таким образом, данные антропологии подтверждают предположения археологов о проникновении на территорию Эстонии культуры ладьевидных топоров из Южной Прибалтики.

Протоевропейский тип не проник в Прибалтику впервые вместе с культурой ладьевидных топоров, а существовал здесь, как мы видели, частично уже раньше, наряду с брахикранным типом, отличающимся некоторыми монголоидными особенностями. Но не вызывает сомнения и то, что появление носителей культуры ладьевидных топоров привело к еще большему увеличению удельного веса европеоидного элемента среди населения территории Эстонии. Весьма правдоподобно, что наличие только очень слабой монголоидной примеси на некоторых тамуласких черепах является результатом первоначального смешения между носителями культуры ладьевидных топоров и культуры ямочно-гребенчатой керамики. То же самое можно предполагать и относительно черепа из Кыльяла и одного черепа из Кунила.

На протяжении последующих веков проникшие в Прибалтику предста-

[37] J. Heydeck, Zwei Steinzeitskelette, liegende Hocker in dem Prussia-Museum. Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia, H. 18, Königsberg 1893, стр. 46 и рис. 20.

[38] C. Engel, Vorgeschichte der Altpreussischen Stämme, I. Bd., Königsberg 1935, Taf. 53.

[39] G. Perret, Zum Stand unserer Kenntnis von den Rassen der Jungsteinzeit und der frühen Bronzezeit in Alt-Preussen. Alt-Preussen, 7. Jg., H. 4, Königsberg 1942, стр. 62—64.

[40] O. Reche, Zur Anthropologie der jüngeren Steinzeit in Schlesien und Böhmen. Archiv für Anthropologie, N. F., Bd. VII, Braunschweig 1908.

[41] G. Retzius, Crania suecica antiqua, Stockholm 1900.

вители культуры ладьевидных топоров — предполагаемые предки балтийских племен — постепенно смешались и слились с местным, более древним населением, носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики, которые были, по всей вероятности, предками финно-угорских племен. При этом на современной территории Эстонии и северной Латвии победила финская речь, а в более южных областях — балтийская речь.

В конце эпохи бронзы и в начале железного века, т. е. в середине и во второй половине I тысячелетия до н. э., на основе археологических материалов в Прибалтике можно проследить выделение двух этнических групп: 1) эстонско-ливской группы, характерным типом погребений у которой являются каменные курганные могильники с ящиками, и 2) латышско-литовской группы с курганами или грунтовыми могилами.[42] Наличие обеих названных этнических групп в тот период в Прибалтике предполагают и языковеды.[43]

Ряд черепов, относящихся к этому периоду, обнаружен на севере Эстонии. Эти черепа добыты из каменных курганов с ящиками в Муукси (Локсаский район) и Напа (Кивиылиский район)[44] и принадлежат к тому же протоевропейскому типу, который был представлен черепами населения культуры ладьевидных топоров (табл. 1). Так как и эти черепа отличаются исключительно большой высотой, Г. Ф. Дебец относит их вместе с неолитическими черепами Эстонии и Ладожского канала к прибалтийскому варианту протоевропейского типа.[45]

А. Фриденталь, археолог-любитель и антрополог из прибалтийских немцев, всячески старался доказать, что на территории Эстонии уже с древнейших времен обитали германцы. Костяки из Муукси и Напа он относил к «северной расе», неправильно связывая их с этим позднейшим типом. «Северную расу» он без всяких оснований отождествлял с германцами и считал, таким образом, доказанным, что северная Эстония в I тысячелетии до н. э. была населена германцами, пришедшими сюда из Скандинавии или с территории Германии.[46] Как мы видели, нет основания сомневаться в принадлежности костяков из Муукси и Напа к тому же антропологическому типу, который существовал на территории Эстонии уже в более древние времена. Хотя, по мнению археологов,[47] в рассматриваемую эпоху на побережье Прибалтики проникли и некоторые этнические элементы из Скандинавии, они не могли быть многочисленными и вряд ли оказали существенное влияние на антропологические особенности местного населения. Не может быть сомнения в том, что основная часть населения являлась здесь потомками местного, более древнего населения.

В I тысячелетии н. э. для эстонских племен характерно погребение в каменных могильниках с оградками, преемственно связанных с каменными курганами предшествующего периода. В каменных могильниках встречается как трупосожжение, так и трупоположение, но в общем костяки этого периода не сохранились. Исключение составляет женский череп, обнаруженный в каменном могильнике с трупосожжением и трупоположением в Пуртсе-Матка (Кивиылиский район), датируемый III ве-

---

[42] Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XII, 1950, стр. 29—30. См. также статью Х. А. Моора в настоящем сборнике, стр. 80, 81.

[43] P. Ariste, Läänemere vanadest hõimudest, „Edasi", nr. 193, 1951. См. статью П. А. Аристэ в настоящем сборнике стр. 12.

[44] A. Friedenthal, Ein Beitrag zur vorgeschichtlichen Anthropologie Estlands. Zeitschrift für Ethnologie, Jg. 63, Berlin 1931, стр. 1 и сл.

[45] Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 158.

[46] A. Friedenthal, ука. соч., стр. 1 исл.

[47] См. статью Х. А. Моора в настоящем сборнике, стр. 94, 103.

Таблица I

Средние размеры мужских черепов из Эстонии
(III тысячелетие до н. э. — XVIII в. н. э.)

Нумерация признаков	Место находки / Признаки / Эпоха	Стоянки культуры ямочно-гребенчатой керамики	Могильники культуры лапьевидных топоров	Муукси и Напа	Пярсамаа	Йыуга	Каберла	Отепя	Варбола	Аймла	Кабина	Кыргепалу	Ряпина	Кохтла-Ярве
				каменные курганы с ящиками	грунтовые могилы	курганы	могильники		могильники					
		III—II тысячелетия до н. э.	II тысячелетие до н. э.	VI—I вв. до н. э.	XIII в.	XI—XIV вв.	XIII—XVII вв.	XIV—XVI вв.	XVI—XVII вв.	XVI—XVII вв.	XVII вв.	XV—XVII вв.	XVII вв.	XVII—XVIII вв.
1.	Продольный диаметр	179,8(5)	195,4(5)	196,1(9)	190,7(11)	184,9(18)	186,3(9)	187,6(20)	183,6(13)	182,8(9)	180,5(21)	183,3(14)	179,8(6)	182,4(19)
8.	Поперечный диаметр	146,0(6)	137,2(5)	144,0(9)	134,8(11)	141,3(18)	137,9(10)	143,5(20)	139,9(13)	142,7(9)	139,1(20)	137,3(20)	143,2(6)	143,5(20)
8 : 1.	Черепной указатель	81,2(5)	70,3(5)	73,4(9)	70,8(11)	76,4(18)	73,9(9)	76,8(20)	76,1(13)	78,1(9)	76,6(20)	74,9(14)	79,7(6)	78,7(19)
17.	Высотный диаметр	134,0(3)	140,7(3)	148,2(8)	136,4(8)	137,1(22)	136,7(10)	138,0(20)	133,7(12)	134,6(9)	133,1(15)	133,0(17)	133,7(6)	137,2(17)
17:0,5(1+8).	Смешанный высотный указатель	82,5(3)	84,2(3)	86,6(8)	83,9(8)	84,9(17)	84,9(9)	83,2(20)	82,6(12)	81,6(9)	83,1(15)	82,8(12)	82,8(6)	83,9(16)
9.	Наименьшая ширина лба	95,0(7)	97,5(4)	98,4(9)	96,0(10)	98,5(10)	99,9(9)	97,2(20)	98,4(12)	97,6(9)	96,4(22)	94,9(8)	94,3(6)	96,3(19)
45.	Скуловой диаметр	137,0(6)	136,5(2)	139,6(7)	131,7(11)	134,0(6)	136,3(9)	134,9(11)	132,1(11)	131,3(9)	130,6(9)	133,9(13)	134,0(6)	133,9(13)
48.	Верхняя высота лица	69,8(5)	74,6(5)	77,0(6)	73,3(11)	67,9(17)	73,6(7)	70,6(15)	68,0(12)	68,8(8)	68,1(17)	69,1(9)	68,8(6)	70,5(16)
48 : 45.	Верхнелицевой указатель	51,3(4)	54,7(2)	54,7(6)	55,7(11)	50,7(6)	53,7(7)	52,3(11)	51,9(11)	52,3(8)	52,1(9)	52,4(7)	51,3(6)	53,7(13)
47.	Полная высота лица	120,7(3)	121,8(4)	125,4(5)	121,7(11)	112,1(15)	121,3(7)	118,1(15)	113,8(10)	116,2(8)	118,0(2)	114,7(7)	116,5(2)	111,8(10)
47 : 45.	Лицевой указатель	87,1(3)	89,2(2)	89,8(5)	92,4(11)	83,6(6)	88,9(7)	87,6(11)	86,9(9)	88,4(8)	90,3(2)	84,5(5)	85,6(2)	83,5(10)
54 : 55.	Носовой указатель	46,2(6)	50,2(5)	47,0(7)	44,6(10)	51,3(9)	46,0(7)	49,0(15)	49,3(12)	49,4(8)	49,9(17)	51,8(8)	48,8(6)	49,8(17)
52 : 51.	Орбитный указатель	80,4(5)	72,5(4)	71,6(7)	75,8(10)	76,5(10)	78,7(6)	77,1(16)	77,2(11)	73,4(8)	75,7(16)	73,9(7)	76,8(6)	74,9(17)
—	Назо-малярный угол	144,4(7)	133,5(3)	133,3(5)	139,0(10)	137,4(3)	138,2(9)	139,7(15)	140,4(13)	139,7(9)	139,3(21)	134,3(2)	141,8(6)	139,1(15)
—	Зиго-максиллярный угол	134,0(2)	—	117,7(3)	126,9(9)	127,0(5)	128,0(5)	125,5(14)	130,4(10)	130,1(9)	126,9(15)	130,3(2)	127,9(6)	128,4(13)
DS.	Дакриальная высота	11,3(1)	14,9(3)	14,5(3)	12,8(7)	12,8(10)	13,8(6)	13,3(15)	13,5(12)	11,8(8)	12,4(16)	12,6(5)	13,2(6)	13,5(12)
DS : DC.	Дакриальный указатель	44,0(1)	58,0(3)	51,6(3)	63,4(7)	55,2(10)	58,8(6)	58,1(15)	56,9(13)	55,5(8)	56,3(17)	52,7(5)	67,1(6)	59,5(12)
SS.	Симотическая высота	3,2(2)	5,3(3)	4,8(4)	4,1(10)	4,8(9)	5,2(6)	4,1(16)	3,9(12)	4,3(9)	4,2(16)	3,9(7)	4,4(6)	5,0(11)
SS : SC.	Симотический указатель	38,6(2)	49,8(3)	48,9(4)	50,0(9)	46,6(10)	54,3(6)	40,7(16)	39,6(12)	41,6(9)	44,2(16)	37,0(7)	46,7(6)	46,0(11)
32.	Угол лба	80,5(2)	80,7(3)	84,2(5)	81,8(10)	84,4(11)	82,3(7)	84,7(15)	83,1(11)	85,9(9)	84,1(15)	80,4(10)	83,4(5)	83,8(15)
72.	Общий угол лица	85,3(3)	85,5(2)	85,2(4)	82,8(10)	83,5(4)	84,5(6)	83,4(14)	83,8(10)	84,0(8)	83,7(13)	84,5(4)	84,2(5)	86,3(13)
75 (1)	Угол носа	—	29,3(3)	31,3(3)	28,3(6)	29,0(1)	25,8(4)	30,4(10)	31,4(10)	26,4(8)	28,7(15)	—	29,8(5)	29,7(9)
—	Надбровье (по Мартину 1—6)	3,5(4)	4,5(4)	4,0(8)	3,5(11)	3,5(19)	3,4(9)	3,4(20)	3,8(13)	3,1(9)	3,6(22)	3,0(13)	4,0(6)	3,5(18)
—	Глубина клыковой ямки (мм).	—	7,5(4)	4,0(2)	5,4(10)	4,2(4)	6,6(7)	5,2(16)	4,7(11)	4,6(8)	5,8(16)	4,3(6)	5,7(6)	4,9(19)

ком н. э.[48] Характерные особенности этого черепа — брахикрания и небольшие размеры мозговой коробки — сближают его с черепами лапоноидного типа и напоминают черепа с неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой.

Одновременно этот череп свидетельствует о том, что здесь, несмотря на постоянное смешение с представителями протоевропейского типа, могли сохраняться, по крайней мере местами, формы с характерными признаками урало-лапоноидной группы.

Учитывая то, что памятники культуры ладьевидных топоров наиболее часто встречаются на западе и северо-западе Эстонии (см. карту, рис. 2), а также то, что потомки соответствующего антропологического типа и позже преобладают именно в этих районах, можно предполагать, что юго-восток Эстонии представлял большие возможности для сохранения и дальнейшего развития антропологических типов, связанных с культурой ямочно-гребенчатой керамики. Судя по черепу из Пуртсе-Матка, этот тип частично сохранился и в северо-восточной Эстонии. В какой мере потомки рассматриваемого типа продолжали существовать в той или иной части территории Эстонии, мы сможем сказать лишь в будущем, когда у нас будет больше материала.

В начале II тысячелетия н. э., т. е. в XI—XIII вв., на территории Эстонии продолжают существовать каменные могильники с трупосожжением, но наряду с ними все чаще встречаются и трупоположения в грунтовых могилах. Благодаря этому начиная с XI в. в нашем распоряжении имеется большее количество антропологических материалов.

Черепа из Эстонии, относящиеся к началу II тысячелетия н. э., по характеру могильников, из которых они обнаружены, а также по антропологическому типу могут быть разделены на две группы.

Первую группу составляют черепа, обнаруженные в грунтовых могилах XI—XIII вв. Сюда относятся, прежде всего, серии черепов из Каберла (Локсаский район) и Пярсамаа (о. Сааремаа, Ориссаареский район), добытые археологическими раскопками в 1955 году. Пярсамаский могильник датируется на основании погребального инвентаря XIII веком; в Каберла кроме того встречаются и захоронения XV—XVII веков.

Из черепов, найденных в Каберла, было измерено 10 мужских и 7 женских черепов. Характерными особенностями этих черепов являются: длинная, средней ширины и большой высоты мозговая коробка, наклонный лоб и средневыступающее надбровье. Лицо у большинства из них широкое и высокое, по указателю приближается к лептенному, с узким носом. По углам горизонтальной профилировки лица, высоте переносья и углам носа они являются вполне европеоидными (табл. 1). В общем, они весьма напоминают черепа носителей поздненеолитической культуры ладьевидных топоров. Нет сомнения в том, что они преемственно связаны с последними. Черепа, по форме довольно сходные с черепами из Каберла, имеются и среди одновременного антропологического материала с территории Латвии. Из латвийских находок сюда относятся в первую очередь черепа из могильника XI в. в Нукшас (Лудзенский район)[49] и черепа X—XII вв. из ряда других латгальских могильников.[50]

11 мужских и 6 женских черепов из Пярсамаа имели более или менее хорошую сохранность, что дало возможность измерить их. В целом эта

---

[48] A. Friedenthal, Ein Hügelgrab der älteren Eisenzeit Estlands. Beiträge zur Kunde Estlands, Bd. XVIII, H. 1—5, Reval 1932/34, стр. 14—24.

[49] И. Дайга, Антропологический материал латгальского могильника Нукши (рукопись, любезно предоставленная автору для ознакомления).

[50] J. Līcis, Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme, Rīgā 1939, стр. 64—82.

серия сближается с каберласкими черепами. Она также характеризуется долихокранией, длинным, узким и средней высоты черепом по абсолютным размерам. Лицо высокое, узкое, с узким носом. Таким образом, и здесь мы имеем дело с типичными европеоидами (табл. 1). При этом пярсамаские черепа отличаются от черепов из Каберла более узким лицом. Этот признак отличает их и от черепов представителей культуры ладьевидных топоров, хотя по остальным признакам они обнаруживают значительное сходство с последними. Более узкое лицо сближает черепа из Пярсамаа с черепами, найденными в Земгале (средняя часть южной Латвии) в могилах V—VII вв.[51] Они также имеют общие черты с ливскими черепами с нижнего течения р. Гауи, датируемыми XI веком,[52] а также с черепами I тысячелетия н. э., найденными в средней Литве, около Каунаса (могильники в Ейгуляй, Вершвай и Саргенай).

Отдельные черепа доставлены также из других одновременных грунтовых могильников Эстонии: Кюти (Раквереский район), Хаймре (Мярьямаский район), Мартна (Хаапсалуский район), Ыви (Тартуский район) и Лахепера (Калластеский район). Несмотря на то, что черепа эти добыты в разных местах, они обнаруживают большое сходство между собой. Все они характеризуются долихокранией, крупными абсолютными размерами, наклонным лбом, сильно развитым надбровьем, а также узким и высоким, совершенно европеоидным лицом. Наблюдается близкое сходство, с одной стороны, между этими черепами и упомянутыми земгальскими черепами V—VII вв., а с другой стороны, между ними и поздненеолитическими черепами Эстонии из могильников культуры ладьевидных топоров. Кроме того, рассматриваемые черепа XI—XIII вв. сближаются с только что упомянутыми черепами из Каберла и в особенности из Пярсамаа, а также с соответствующими латвийскими, ливскими и литовским черепами. Все названные серии относятся к одному, долихокранному, высоколицему антропологическому типу, который в I тысячелетии и в начале II тысячелетия был распространен в Восточной Прибалтике (рис. 49). Близкое сходство этого типа с протоевропейским, по-видимому, нельзя объяснить иначе, как преемственными связями между населением соответствующих областей Эстонии и Латвии в I тысячелетии и в начале II тысячелетия, с одной стороны, и племенами культуры ладьевидных топоров, с другой стороны.

Другую антропологическую группу составляют черепа, найденные в курганных могильниках. На северо-востоке Эстонии в XI—XIV вв. встречаются курганы, по своему характеру вполне соответствующие новгородским курганам. Инвентарь в этих курганах также новгородского типа, хотя имеет и некоторые водские элементы. Подобные курганы раскопаны на юге Йыхвиского района, в Йыуга и Пюхтице. При этом было обнаружено достаточно большое количество антропологического материала. Черепа, добытые в названных курганах, по своему антропологическому типу значительно отличаются от только что описанных черепов, происходящих из грунтовых могил. Они короче и шире, по индексу мезокранны, абсолютные размеры у них в общем меньше, лицо шире и ниже, нос шире, лоб менее наклонен, а надбровье слабее развито, т. е. они более грацильны. Эти черепа также европеоидные, однако в сравнении с предыдущими лицо у них несколько более плоское (табл. 1).

Черепа того же типа обнаружены и в курганах Ольгина Креста, на восточном берегу реки Нарвы (Ленинградская область). Покойники погре-

---

[51] J. Līcis, Kraniologische Untersuchungen an Schädeln altlettischer Stämme, стр. 39—63.

[52] R. Weinberg, Crania livonica. Archiv für die Naturkunde Liv-, Est- und Kurlands, XII, Dorpat 1902, стр. 34—36.

бены там в таких же курганах новгородского типа, как в Йыуга и Пюхтице.

Близкие к этому антропологическому типу формы встречаются в одновременных курганах приильменских славян. Славянские черепа XIII—XIV вв. из могильников у Горцов и Волотова близ Новгорода [53] в общих чертах сходны с черепами из Йыуга и Пюхтицы, но отличаются от них более ярко выраженной брахикранией, грацильностью, наклонным лбом и монголоидностью. Н. Н. Чебоксаров объединяет серии черепов из курганов у Горцов и Волотова в одну группу и относит их к восточно-балтийскому типу. К тому же типу он относит и черепа XIII—XIV вв. из могильников Шелонской пятины и черепа XI—XII вв. из Ново-Сиверской (Ленинградская область).[54]

Более близкие к указанным черепам формы из курганов северо-восточной Эстонии встречаются среди черепов из приильменских курганов у Хрепле (IX—X вв.) и Косицкого (XI—XII вв.).[55] Последние названы Н. Н. Чебоксаровым ильменским вариантом; этот вариант своим происхождением связан с Днепровским бассейном и с северным Причерноморьем. Черепа из северо-восточной Эстонии отличаются от черепов ильменского варианта главным образом более широким лицом и несколько менее выступающим носом.

Такого же рода европеоидный узколицый тип, как в курганах у Хрепле и Косицкого, распространен также в курганах со славянским инвентарем в северо-западных землях Великого Новгорода.[56] В курганах того же района, но с водским инвентарем, встречаются черепа с более широким и плоским лицом и менее выступающим носом. Черепа из курганов северо-восточной Эстонии занимают промежуточное положение между обеими группами, т. е. между сериями славянских и водских черепов.

В общем, черепа из курганов северо-восточной Эстонии более сходны с черепами из курганов, расположенных к востоку от Чудского озера и реки Нарвы, в Приильменьи и других частях Новгородской земли, чем с одновременными вышеописанными черепами из грунтовых могил Эстонии. Первые относятся к одному мезокранному широколицему типу, отдельные варианты которого можно выделить только по ширине лица (см. рис. 49). Из этого следует, что обитатели южной части современного Йыхвиского района, по-видимому, были генетически связаны с населением соседних восточных районов, состоявшим из смешанных славяно-водско-ижорских элементов. Это население, между прочим, отличается от славян Верхнего Поднепровья более брахикранным черепом. Весьма вероятно, что это различие является результатом смешения новгородских славян с финскими племенами, у которых в этих районах, по всей вероятности, в большей степени сохранились черты урало-лапоноидной группы, связанной в неолите с культурами ямочно-гребенчатой керамики. Соответствующих антропологических материалов из юго-восточной Эстонии в нашем распоряжении пока еще нет. Однако на соседней псковской территории, в Верепкове (Печорский район), в курганах XI—XII вв. были найдены отдельные черепа, оказавшиеся такими же брахикранными и низколицыми, как только что упомянутые черепа из курганов южной части Йыхвиского района.

Судя по археологическим данным, именно на юго-востоке Эстонии

---

[53] Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. I, 1947, стр. 262.

[54] Н. Н. Чебоксаров, Ильменские поозеры, стр. 264—266.

[55] Там же, стр. 262—266.

[56] В. В. Седов, Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода. Краткие сообщения Института этнографии, вып. XV, 1952, стр. 72—85.

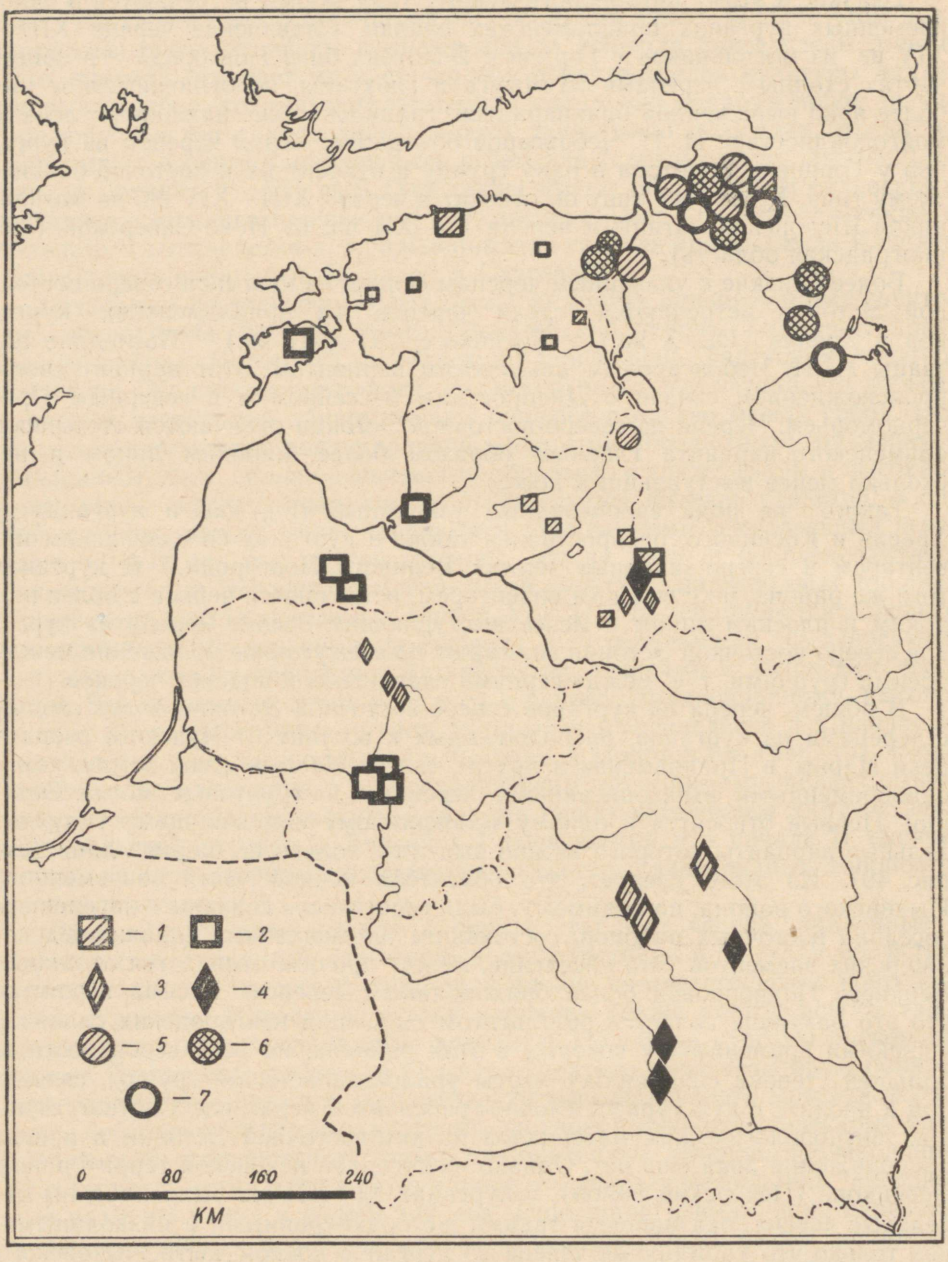


Рис. 49. Антропологические типы в Восточной Прибалтике в I и начале II тысячелетия. *1* — длинноголовый с высоким и широким лицом; *2* — длинноголовый с высоким и узким лицом; *3* — длинноголовый с низким и широким лицом; *4* — длинноголовый с низким и узким лицом; *5* — среднеголовый с низким и широким лицом; *6* — среднеголовый с низким и умеренно широким лицом; *7* — среднеголовый с низким и узким лицом. Знак большего размера соответствует серии, меньшего — единичным черепам.

могли сохраниться в большем количестве, чем в других районах Эстонии, потомки тех древних антропологических типов, которые обнаружены на стоянках с ямочно-гребенчатой керамикой. Позже, в середине I тысячелетия н. э., на юго-востоке Эстонии прослеживается появление славянских курганов, которые к началу II тысячелетия постепенно исчезают.[57] В письменных источниках, датируемых XIII в., здесь упоминаются только эстонцы. Славянские элементы в этих районах, по-видимому, к тому времени в основном уже слились с эстонскими. Поэтому не исключена возможность, что на юго-востоке Эстонии могло существовать население такого же антропологического облика, как на северном побережье Чудского озера.

Как видно из предыдущего, в XI—XIV вв. на территории Эстонии можно выделить два антропологических типа: долихокранный высоколицый (черепа из грунтовых могил) и мезокранный низколицый (черепа из курганов северо-восточной Эстонии). Последний тип был, по всей вероятности, распространен также на юго-востоке Эстонии.

Формирование более крупных этнических групп — народностей в Прибалтике началось приблизительно в XIII в. и продолжалось в течение последующих столетий. Существенную роль в процессе этнической консолидации сыграла совместная борьба всего коренного населения территории Эстонии против немецко-скандинавских завоевателей, под власть которых Восточная Прибалтика подпала в начале XIII века.

Эстонская народность сложилась на основе преимущественно северо-эстонских и южноэстонских племен. На северо-востоке Эстонии с ними слились водские и некоторые словенские, на юго-востоке Эстонии — кривичские элементы. В XIII—XIV вв. прибрежная полоса северо-западной Эстонии, а также некоторые острова были заселены шведским крестьянским населением, большей частью выходцами из Финляндии. Однако смешение с малочисленными шведскими элементами не сыграло существенной роли в формировании эстонской народности. Известно, что начиная с XIV в. на северном побережье Чудского озера, т. е. в том же районе, где расположены Йыугаский, Пюхтицкий и другие курганные могильники,[58] расселялись русские. Начиная с XVI в. русские упоминаются и на западном побережье Чудского озера.

В XIII—XVII вв., когда Эстония находилась под властью немецких и скандинавских феодалов, сюда в небольшом количестве проникли немецкие элементы, которые, однако, жили главным образом в городах. Немецкое влияние на широкие массы местного населения было весьма поверхностным.

В XIII веке, а также в последующие столетия территория Эстонии часто была ареной опустошительных войн. В результате этих войн, а также голода и эпидемий, вызванных крепостнической и колониальной эксплуатацией эстонского народа немецкими и шведскими феодалами, погибла значительная часть местного населения. Опустевшие деревни были заселены частично эстонцами, частью же русскими, финскими, латышскими, литовскими и другими пришлыми крестьянами.

Как показывает карта рис. 50, в конце XVI и начале XVII века, после продолжительных войн в эстонскую часть Лифляндии переселилось большое количество русских крестьян. Приблизительно в то же время и в те же районы пришли и латышские крестьяне. В результате того, что пришлые элементы жили главным образом разбросанно, отдельными семьями, они скоро слились с местным населением. Таким образом, на территорию

---

[57] См. статью Х. А. Моора в настоящем сборнике, стр. 125, 131.
[58] O. Liiv, Vene asustusest Alutaguses, Tartu 1929, стр. 9 и сл.

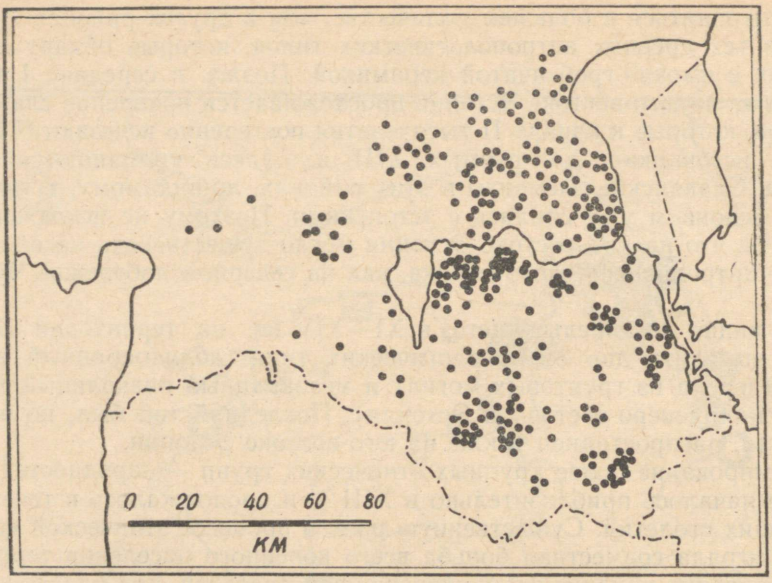


Рис. 50. Русские крестьяне в эстонской части Лифляндии по данным ревизии 1638 г. Каждый кружок соответствует одной семье.

Эстонии постоянно просачивались новые элементы, главным образом с востока и юго-востока.

Изменения в составе населения Эстонии в более позднее время (XVII—XVIII вв.) происходили также в результате переселения помещиками крестьян с одного места на другое.

30 черепов из юго-восточной Эстонии (из Отепя) датируются XIV—XV и даже XVI веками. В коллекциях Института истории Академии наук Эстонской ССР хранятся, кроме того, 8 черепов того же времени с соседней русской территории, из пос. Виски около Изборска, Псковской области. Черепа этих серий еще относительно массивные, мезокранные, с довольно широким и высоким лицом (табл. 1). Они обнаруживают сходство с неолитическими черепами культуры ладьевидных топоров. Одновременно обе группы имеют много общего с черепами XI—XIV вв. из Йыуга. Таким образом, они занимают промежуточное положение между двумя типами. Наблюдается также сходство с более поздними черепами. Описанные выше черепа XIII—XVII вв. из Каберла в общем сближаются с черепами из Отепя и Виски (см. стр. 233).

Антропологический материал, датируемый XVI—XVIII вв., получен из следующих мест Эстонии: из Варбола (Мярьямаский район) 26 черепов, из Аймла (Сууре-Яниский район) 16 черепов, из Кабина (Тартуский район) 43 черепа, из Кохтла-Ярве (Йыхвиский район) 51 череп, из Ряпина (Ряпинаский район) 8 черепов и из Кыргепалу (Антслаский район) 34 черепа. Кроме того, имеются некоторые отдельные черепа с острова Сааремаа из Муйкюла (Ориссаареский район), из Тыстамаа (Пярнуский район) и из Раади (Тартуский район).

Черепа из Варбола характеризуются мезокранией, средними размерами мозговой коробки, наклонным лбом и сильно развитым надбровьем. Лицо у них узкое и средневысокое, с наклонностью к лептопрозопии, нос средней ширины. Углы горизонтальной профилировки небольшие, угол же носа довольно большой — эти признаки характерны для европеоидов.

Впрочем, от последних эти черепа отличает несколько низкое переносье. По сравнению с черепами из грунтовых могил Эстонии (XI—XIII вв.) черепа из Варбола являются более брахикранными, характеризуются менее крупными абсолютными размерами, более прямым лбом, более низким и плоским лицом и более низким переносьем.

Большое сходство с варболаскими черепами обнаруживают и все остальные серии черепов, датируемых XVI—XVIII вв. Черепа, полученные из Аймла, также отличаются узким и средневысоким лицом и мезокранией; они лишь несколько более короткоголовые и по абсолютным размерам более крупные, чем варболаские черепа.

Черепа из Кабина характеризуются, так же как и варболаские, мезокранией, средними размерами мозговой коробки и узким, средневысоким лицом. По указателю лицо на мужских черепах также лептопрозопное, а на женских черепах из Кабина мезопрозопное.

Серия черепов из Кохтла-Ярве существенно не отличается от черепов предыдущих групп. Размеры мозговой коробки у кохтла-ярвеских черепов выше среднего, так же как у аймласких черепов, по черепному указателю они тоже сближаются с последними, но лицо у них шире и ниже, по указателю мезопрозопное, лоб, как и у кабинаских черепов, менее наклонный по сравнению с черепами из Варбола и Аймла.

Большое сходство прослеживается между черепами из Кохтла-Ярве и Ряпина. Это касается в первую очередь черепного указателя и размеров лица. Они также менее долихокранны и более широколицы, чем черепа из Варбола.

С последней группой по ряду признаков сближаются и черепа из могильника Кыргепалу в Антсласком районе. У них лицо также средней высоты и шире, чем у варболаских черепов. Размеры мозговой коробки средние, по черепному указателю они относятся к мезокранным, хотя этот указатель немного меньше, а следовательно они являются более долихокранными, чем черепа из Кохтла-Ярве и Ряпина, и сближаются в этом отношении с черепами из Варбола. Кроме того, лоб у них более наклонный. Как уменьшение черепного указателя, так и увеличение наклона лба на черепах из Кыргепалу объясняется, по-видимому, тем, что среди этих черепов встречается ряд более ранних форм, относящихся к XIV—XVI вв., которые в большей степени характеризуются этими признаками, чем более поздние черепа.

Таким образом, все серии черепов XVI—XVIII вв. обнаруживают между собой большое сходство; все они являются сравнительно грацильными, мезокранными, со средневысоким лицом. По лицевому указателю они мезопрозопные, с мезоринным носом; лицо у них европеоидное, но более плоское, чем на черепах из грунтовых могил XI—XIII вв.

Антропологические типы среди этих поздних черепов выделить значительно труднее, чем на материале XI—XIV вв. Оба антропологических типа, четко различаемые в более ранние эпохи, по-видимому, к этому времени уже сильно смешались. Все же следует отметить, что черепа из Варбола, представляющие собой самую западную серию, отличаются от остальных одновременных серий несколько большей долихокранией, более наклонным лбом, а также сильнее развитым надбровьем; нос у них более узкий.

Наиболее четкие отличия между черепами XVI—XVIII вв. и более ранними проявляются в ширине лица, что сказывается на лицевом указателе. На этом основании в тот период на территории Эстонии можно выделить два типа: мезокранный узколицый и мезокранный широколицый типы (рис. 51). К узколицему типу принадлежат серии черепов из Варбола, Аймла и Кабина, по всей вероятности и отдельные черепа, найденные в

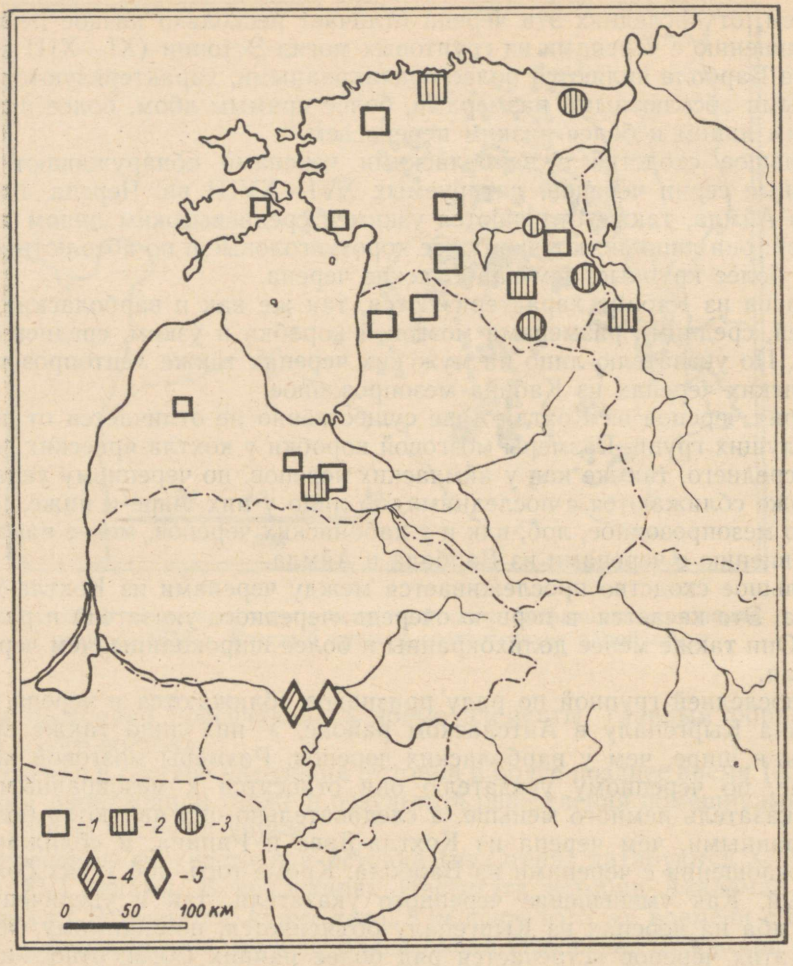


Рис. 51. Антропологические типы в Восточной Прибалтике в XIV—XVIII вв.

1—3 — переходные формы западно- и восточнобалтийского типов (*1* — с преобладанием западнобалтийского, *2* — то же, более массивные формы, *3* — с преобладанием восточнобалтийского типа); *4*, *5* — переходные формы среднеевропейского и ильменско-днепровского типов (*4* — с преобладанием первого, *5* — с преобладанием второго). Знак большего размера соответствует серии, меньшего — единичным черепам.

Тухалаане, Тыстамаа (Пярнуский район) и Муйкюла (Сааремаа). К ним приближаются черепа того же времени из Пале и Риннюкалнса, расположенных в северо-западной части территории Латвийской ССР, а также ряд земгальских черепов. Некоторое сходство с ними обнаруживают каунасские черепа XVIII—XIX вв. и новгородские черепа XVI в.

Область распространения другого, широколицего типа охватывает в Эстонии более восточные районы. Сюда относятся серии черепов из Кохтла-Ярве (северо-восточная Эстония), а также из Кыргепалу и Ряпина (юго-восток Эстонии). Некоторые черепа, обнаруженные в Раади (около г. Тарту), в общем также напоминают этот тип.

Что касается черепов XIV—XV вв. (Отепя, Изборск и Каберла), то они, по-видимому, представляют особый тип, с более крупными разме-

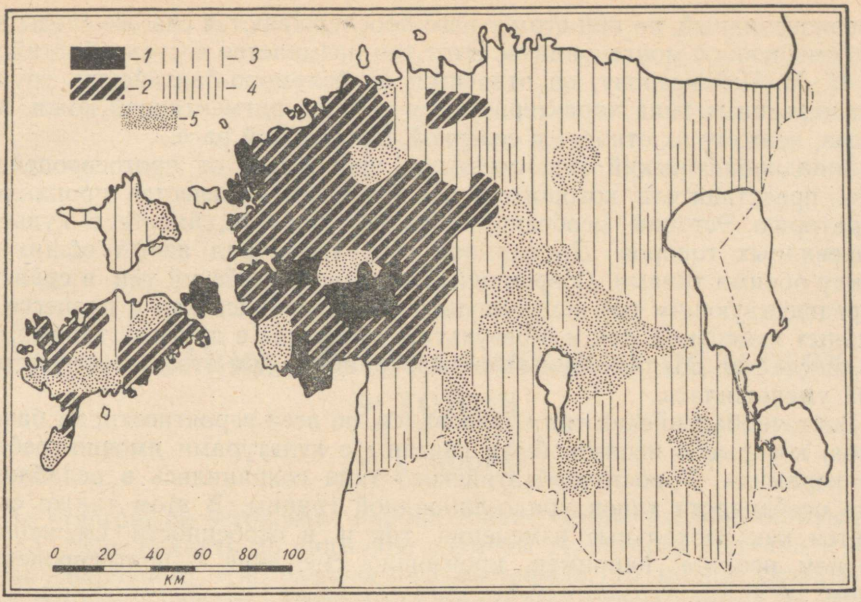


Рис. 52. Антропологические типы современного населения Эстонии (по Ю. Ю. Аулю). *1* — значительное преобладание западнобалтийского типа (свыше 20%); *2* — преобладание западнобалтийского типа (свыше 5%); *3* — преобладание восточнобалтийского типа (свыше 5%); *4* — значительное преобладание восточнобалтийского типа (свыше 20%); *5* — западно- и восточнобалтийский тип представлены примерно в одинаковой мере.

рами мозговой коробки и с более высоким лицом. С одной стороны, этот тип, очевидно, является более развитой формой долихокранного узколицего типа XI—XIII вв., с другой же стороны, он — предковая форма более позднего мезокранного узколицего типа. К этому массивному, высоколицему типу следует отнести и серию черепов XVI в. из Тервете на юге Латвии. В общем его следует считать смешанной формой западно- и восточнобалтийского типов, с преобладанием признаков западнобалтийского типа. То же самое можно сказать о мезокранных узколицых черепах, только последние значительно более грациальны, что объясняется эпохальными изменениями. Третья группа средневековых черепов в Эстонии — мезокранный широколицый тип — представляет, в свою очередь, переходную форму между западно- и восточнобалтийскими типом, но с преобладанием признаков последнего.

В настоящее время антропологические различия между населением отдельных частей Эстонской ССР незначительны. Все же здесь можно выделить в основном два антропологических типа. На западе Эстонии преобладает более высокорослый, сравнительно более долихокранный, массивный, более высоколицый европеоидный тип, названный Н. Н. Чебоксаровым западнобалтийским (рис. 52). Этот тип принадлежит к атлантобалтийской группе типов, называемой также «северной расой». Однако последнее название так часто использовалось реакционными антропологами в качестве расистского антинаучного понятия, что ему мы предпочитаем название, предложенное Н. Н. Чебоксаровым.

На востоке Эстонии (см. рис. 52) чаще встречается другой тип, характеризующийся более низким ростом, брахикефалией, большей степенью грациальности, более низким и слегка уплощенным лицом. Этот тип так-

же европеоидный, но при этом у него прослеживаются слабые следы древнего смешения с монголоидами. Этот тип называется восточнобалтийским. По Н. Н. Чебоксарову, он относится к беломоро-балтийской группе.[59] Оба названных типа характеризуются светлой пигментацией кожи, волос и глаз, поэтому их относят к северной европейской расе.

Западнобалтийский тип, очевидно, происходит от протоевропейского типа, представители которого в значительном количестве проникли на территорию Эстонии, особенно в позднем неолите, вместе с культурой ладьевидных топоров. До сих пор сохранился ряд явных общих черт между обоими типами. Современный западнобалтийский тип в сравнении с предшествующим все же несколько видоизменился как в процессе эпохальных изменений, так и в результате смешения с другими типами. Сейчас он уже не долихокранный, а мезокранный, при этом массивность черепа уменьшилась.

Восточнобалтийский тип образовался, по всей вероятности, на базе тех типов, которые в неолите были связаны с культурами ямочно-гребенчатой керамики. У восточнобалтийского типа сохранились в ослабленном виде особенности типов урало-лапоидной группы. В этом также сказываются как эпохальные изменения, так и в особенности смешение. В позднем неолите, например, произошло смешение с протоевропейским типом.

Позже, в начале II тысячелетия н. э., на северо-востоке и юго-востоке Эстонии продолжалось смешение с проникавшими сюда с востока славянскими и водскими элементами. В ареале распространения этого типа и в более поздние века прослеживается дальнейшее смешение населения с различными местными и пришлыми элементами.

Представленные палеантропологические данные дают возможность определить в общих чертах главные этапы и решающие факторы формирования антропологического состава населения Эстонии. Имеющийся материал, конечно, содержит еще довольно много пробелов. Не представлены, например, скелетами некоторые эпохи, отсутствует антропологический материал по целому ряду районов Эстонии. Неудовлетворительным является также материал с соседних с Эстонией территорий. Поэтому представленная нами картина не может еще претендовать на полноту и ясность во всех деталях. Но интенсивная антропологическая исследовательская работа, которая ведется как в нашей республике, так и всюду на территории Советского Союза, позволит в скором времени значительно восполнить и уточнить эти данные.

---

[59] Н. Н. Чебоксаров, Новые данные по этнической антропологии Советской Прибалтики. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XXIII. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.), М., 1954, стр. 23 и сл.

ОБ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОБЛАСТЯХ ЭСТОНИИ

А. Х. МООРА

По этнографии эстонского народа собран исключительно богатый материал. Если принять во внимание размеры территории Эстонии и количество собранного этнографического материала, то можно сказать, что лишь немногие народы располагают таким богатством данных по истории культуры и быта. В Этнографическом музее Академии наук Эстонской ССР, который является основным средоточием этих материалов, хранится 26 600 номеров текстиля, 20 700 предметов из дерева, по преимуществу орудий труда и разного рода утвари, 2800 номеров украшений и т. д. Этнографические предметы в значительном количестве имеются также и в других музеях. Дополнением к вещественному материалу служат многочисленные описания, рисунки и фотографии. В архиве Этнографического музея находится свыше 30 000 страниц этнографических описаний, около 60 000 страниц корреспондентских текстов, присланных в ответ на специально рассылаемые вопросники, свыше 2300 рисунков, 37 000 фотографий и т. д. Много материала, содержащего этнографические данные, имеется также в Литературном музее им. Ф. Р. Крейцвальда и в секторе исследования языка Института языка и литературы Академии наук ЭССР. Новые ценные этнографические данные, в особенности по южной и восточной Эстонии, собраны Прибалтийской объединенной комплексной экспедицией, работающей с 1952 года. Все упомянутые фонды и материалы хорошо систематизированы и уже в такой степени разработаны, что на их основании можно сделать некоторые исторические обобщения.

Несмотря на небольшие размеры территории Эстонии, эстонский этнографический материал неоднороден и образует несколько ярко выраженных местных групп, или областей. Местные особенности в эстонской материальной культуре обращали на себя внимание уже давно. В конце XVIII века один из первых собирателей материалов по народной культуре А. В. Хупель отмечал, что эстонская народная одежда отлична в каждом уезде, а на острове Сааремаа даже в каждом кихельконде.[1] Локальные различия в материальной культуре эстонского народа отмечали также и буржуазные этнографы.

Эстонский этнографический материал в прошлом собирали и группировали соответственно дореволюционному административному делению Эстонии — по уездам и их подразделениям, кихелькондам (приходам).

[1] A. W. Hupel, Topographische Nachrichten von Lief- und Ehstland, Bd. II, Riga 1777, стр. 152, 177, 178; Bd. III, Riga 1782, стр. 365.

Научная разработка этого материала показала, что его особенности проступают не только на территории отдельных кихелькондов и уездов, но образуют также более обширные группы. Не говоря уже о ярко выраженных особенностях культуры населения эстонских островов, своеобразные черты отмечались в этнографическом материале южной и северной Эстонии. Не могли, естественно, оставаться незамеченными и специфические черты в культуре сету, ее тесная связь с русской и белорусской народной культурой.[2]

Однако объяснить возникновение местных групп старая буржуазная этнография не смогла. Буржуазные этнографы считали образование местных особенностей материальной культуры поздним явлением, точно так же, как это делали лингвисты в отношении эстонских диалектов. Они полагали, что своеобразные черты местных групп сложились в основном только в период позднего феодализма, в условиях обособленности разных частей территории Эстонии. Это положение не соответствовало действительности. Условия феодализма, несомненно, способствовали сохранению местных групп материальной культуры и в некоторых случаях возникновению новых особенностей, но основные ее группировки сложились значительно раньше.

Буржуазная этнография была не в состоянии проследить развитие материальной культуры и возникновение ее местных различий, так как исходила с неправильных позиций. Этнографические материалы изучались в отрыве от истории общества. Буржуазные этнографы не понимали того, что формирование материальной культуры определяется, как и развитие всего человеческого общества, в конечном счете развитием производительных сил и связанных с ними производственных отношений, т. е. причинами внутреннего порядка. Основным фактором развития культуры буржуазная этнография считала, да и продолжает считать внешние влияния. Поэтому и местные отличия эстонского этнографического материала старая этнография пыталась объяснить заимствованиями. Так, например, многие своеобразные черты западноэстонского материала считали результатом шведского влияния, особенности этнографии северной Эстонии пытались объяснить финским влиянием и т. д. Характерно, однако, что чертам, связывающим древнюю эстонскую культуру с латышской и русской народными культурами, придавалось меньшее значение.

Основные эстонские этнографические группы, или области, не могли сформироваться, как ранее полагали, в период позднего феодализма. Это следует уже из того факта, что означенные культурные области далеко не всегда совпадают с административными подразделениями того времени. Так, например, в старой литературе высказывалось мнение, что североэстонская этнографическая область якобы соответствует прежней Эстляндской губернии, а южноэстонская — Лифляндской губернии.[3] В действительности же ни территория Эстляндии, ни Лифляндии никогда не представляли собой единого целого в отношении материальной культуры. Западная часть Эстляндии (Ляанемаа) резко отличалась от ее восточной части. Самая северная часть Лифляндии, население которой говорило на североэстонских диалектах, по характеру своего этнографического материала была тесно связана с северной Эстонией. Районы южной Лифляндии, в которых были распространены южноэстонские диалекты, отличались своей материальной культурой не только от вышеупомянутой северной части, но и друг от друга. Так, например, своя специ-

[2] F. Leinbock, Die materielle Kultur der Esten, Tartu 1932, стр. 87 и сл.

[3] Значение границы между Эстляндией и Лифляндией для возникновения местных особенностей эстонской народной культуры отмечал, например, I. Manninen, Eesti rahvariiete ajalugu. ERM Aastaraamat III, Tartu, 1927, стр. 261, сноска I.

фика была у культуры населения южной Сакала (современных Тырваского, Абьяского районов и южной части Вильяндиского района), свои особенности имела культура населения Вырумаа (юго-восточная часть Эстонии). Распространение этнографических групп, таким образом, не совпадает с позднейшим административным делением. Не трудно заметить, что этнографические области соответствовали в общем территориям распространения основных эстонских диалектов, а также фольклорных групп и древних археологических культур (рис. 1, 86, 10), которые отражают территории древних эстонских племен. Поэтому нет основания сомневаться в том, что процессы сложения эстонских этнографических областей своим началом восходят к глубокой древности. В ходе дальнейшего исторического развития они, конечно, не оставались неизменными, но эти последующие изменения не стерли полностью контуров более ранних группировок.

Выяснение вопросов образования культурных областей и их подгрупп, выявление факторов, их обусловивших, является одной из наиболее важных научных проблем, стоящих перед эстонской этнографией.

Местные особенности более или менее четко прослеживаются во всех элементах материальной культуры — в типах поселений, орудий труда, одежды и т. д. Однако развитие и распространение особенностей разных элементов не было обусловлено одними и теми же факторами, а определялись в некоторой степени различными закономерностями. Соответственно этому советские этнографы различают в материальной культуре разных народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития, две категории элементов, показывающих местные различия. С одной стороны, выделяются исторически сложившиеся комплексы явлений, особенности которых обусловлены по преимуществу направленностью хозяйственной деятельности народа и влиянием природной среды. Сюда относятся, например, орудия труда, средства передвижения, различные технические навыки и т. д. Комплекс подобных явлений предлагается называть «хозяйственно-культурным типом» или «хозяйственно-культурной группой». Вместе с тем в культуре тех же народов прослеживаются некоторые общие черты (например, в одежде, орнаменте, быту), происхождение которых не может быть объяснено ни географической средой, ни характером хозяйства, но распространение которых приходится объяснять длительными взаимоотношениями между соответствующими народами и общностью их исторических судеб. Территорию, характеризующуюся подобными общими явлениями, предлагается называть «историко-этнографической» или «культурно-исторической областью».

Прибалтика в этой связи рассматривается советскими этнографами как единая большая историко-этнографическая область, в которой, в свою очередь, могут быть выделены три подобласти: юго-восточная, охватывающая восточные части Литвы, Латвии и южной Эстонии, юго-западная, к которой относятся западные районы Литвы и Латвии, и северная, включающая северную и западную Эстонию.[4] Рассматривая в настоящей работе только Эстонию, условимся для краткости называть упомянутые подобласти областями, которые, в свою очередь, распадаются на меньшие подразделения.

В Эстонии есть основание выделить из указанной северной области ее западную часть, в том числе и острова, в качестве особой области. Западные районы Эстонии, в отличие от северной части, имели древние связи с

[4] М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. Советская этнография, № 4, 1955, стр. 3, 13 и 14. С. Тараканова, Л. Терентьева, Н. Чебоксаров, Некоторые вопросы этногенеза народов Прибалтики. Советская этнография, № 2, 1956, стр. 13, и сл.

западной Латвией, вследствие чего их можно в известном отношении поместить между упомянутыми северной и юго-западной культурными подобластями Прибалтики.

Следует однако отметить, что между явлениями, характерными для хозяйственно-культурных типов или групп, с одной стороны, и для историко-этнографических областей, с другой, не всегда может быть проведена четкая грань. Как мы увидим ниже, иногда например, некоторые орудия труда, связанные в первую очередь с хозяйственной деятельностью народа, надолго сохраняют отдельные традиционные черты, которые, как и другие подобные пережитки материальной культуры, имеют известную ценность для выяснения древних этнических и культурных взаимосвязей. Для изучения этнической истории народов представляют прежде всего интерес такие элементы материальной культуры, которые связаны с устойчиво сохраняющимися традициями, т. е. преимущественно явления, характеризующие известные историко-этнографические области. Но, в общем, необходимо все же сказать, что даже эти явления материальной культуры редко позволяют делать неоспоримые выводы относительно этнической принадлежности населения. Выводы, сделанные на основании этнографических материалов, могут считаться достоверными лишь в тех случаях, если они подтверждаются данными письменных источников, лингвистических и других материалов.

Этнографический материал как исторический источник имеет один существенный недостаток — он относится лишь к позднейшим историческим периодам. Так, например, лишь небольшая часть эстонского этнографического материала восходит к концу XVIII века, основная же его масса датируется XIX веком. Поэтому наблюдаемые на основании этих материалов явления, в том числе и культурные области и их особенности, выступают перед нами, по существу, в том виде, в каком они сложились к прошлому веку. Однако сопоставление этнографических данных со сведениями, почерпнутыми из письменных источников, а также с данными археологии и языкознания позволяют во многих случаях проследить историю соответствующих явлений в более отдаленном прошлом. Историко-этнографические области в Эстонии можно связать даже с местными культурами первых веков н. э. Это объясняется особенностями истории Эстонии. Эстонская территория в своей значительной части была заселена уже с начала нашей эры и в последующие века в ее заселении не происходило каких-либо значительных сдвигов или перемещений, которые коренным образом изменили бы границы сложившихся в пределах Эстонии в далеком прошлом этнических группировок.

Такие конкретные элементы материальной культуры, как постройки, одежда, орудия труда и др., претерпели на протяжении многовековой истории значительные изменения. Но при этом все же характерно, что многие новые, даже позднейшие явления распространялись не на какой-либо произвольной части территории Эстонии, а обычно в пределах известных культурных районов, связанных общностью старых традиций. Эстонские этнографические области оказались в результате этого удивительно устойчивыми на протяжении многих веков. Конечно, местами древние границы стерлись или сместились, в отдельных случаях наблюдается даже образование новых этнографических подразделений (например, в качестве самостоятельной подгруппы выделился остров Хийумаа), но даже и эти позднейшие подразделения дают возможность проследить связи с более ранними группировками.

*

Приступая к рассмотрению местных групп эстонской народной одежды, необходимо подчеркнуть, что несмотря на многообразные локальные различия, эстонская народная одежда все же образует единое целое. Ее основные элементы являются очень древними и общими для всей Эстонии. О некоторых древних элементах одежды можно судить по археологическим материалам. Некоторые части костюма являются общими с элементами одежды других финно-угорских народов (например, девичьи головные уборы на каркасе из бересты, некоторые женские головные уборы, накладки на волосы под головной убор, набедренники, украшения из раковин каури и многочисленных монет).

Эстонская народная одежда вместе с тем имеет и много общих черт с одеждой балтийских народов — латышей и литовцев.[5] Общими являются даже многие основные элементы древней одежды, например туникообразная (т. е. без швов на плечах) рубашка, наплечное покрывало «сыба» (*sõba*), некоторые головные уборы, тканые пояса и их орнамент, ряд видов металлических украшений и т. д. Общими с другими прибалтийскими народами являются и многие типы одежды, распространившиеся в более позднее время — продольнополосатая юбка, лифчик и кофта в талию. Одинаковый характер имела мужская одежда эстонцев и других прибалтийских народов. Благодаря значительной общности основных признаков, одежда всех балтийских народов образует самостоятельное целое, хотя эстонцы, с одной стороны, и латыши и литовцы, с другой, коренным образом различаются как по языку, так и по своему происхождению. Однако длительное совместное обитание на побережье Балтийского моря и продолжительное взаимное общение, другими словами общность исторических судеб, обусловили значительную однородность не только одежды, но и остальной материальной культуры этих народов.

Те же самые причины обусловили многие общие черты в одежде эстонцев и их восточных соседей — славян. Так, например, в восточной Эстонии имел распространение «линик» (*linik*), старинный полотенчатый головной убор типа белорусской намитки; общими также были некоторые типы тканых поясов, в северо-восточной Эстонии бытовал общий с восточными соседями женский головной убор типа «сороки». Из более поздних явлений, общих для эстонской и русской народной одежды, в числе других следует отметить гарусные украшения верхней одежды, встречающиеся на территории всей южной Эстонии.

Несмотря на то, что эстонская народная одежда в основном составляла некое целое, местами в отдельных ее частях, в орнаменте и украшениях проступают различия, которые иногда объясняются особенностями старых местных традиций, в других же случаях несут на себе следы влияния соседей. Ввиду того, что локальные особенности народной одежды играют значительно бóльшую роль для выяснения историко-этнографических областей, чем многие другие элементы материальной культуры, мы свой обзор начинаем с одежды.

В эстонской народной одежде в соответствии с ее местными особенностями выделяются четыре большие группы: южная, северная, западная и островная,[6] которые по территории своего распространения соответствуют

---

[5] М. К. Слава, Латышская женская одежда и ее орнаментация (XVIII—XX вв.). Автореферат диссертации, М., 1955, стр. 6.

[6] В выделении областей и подгрупп, прослеживаемых по народной одежде, мы следуем тому делению, которое принято в труде «Эстонская народная одежда в XIX и начале XX века», подготовленном к опубликованию в печати Этнографическим музеем совместно с Институтом истории АН ЭССР. Многочисленный материал по народному костюму эстонцев разработан в труде I. Manninen, Eesti rahvariiete ajalugu. ERM Aastaraamat III, Tartu 1927, Новейшие данные автором получены из Этнографического музея АН ЭССР.

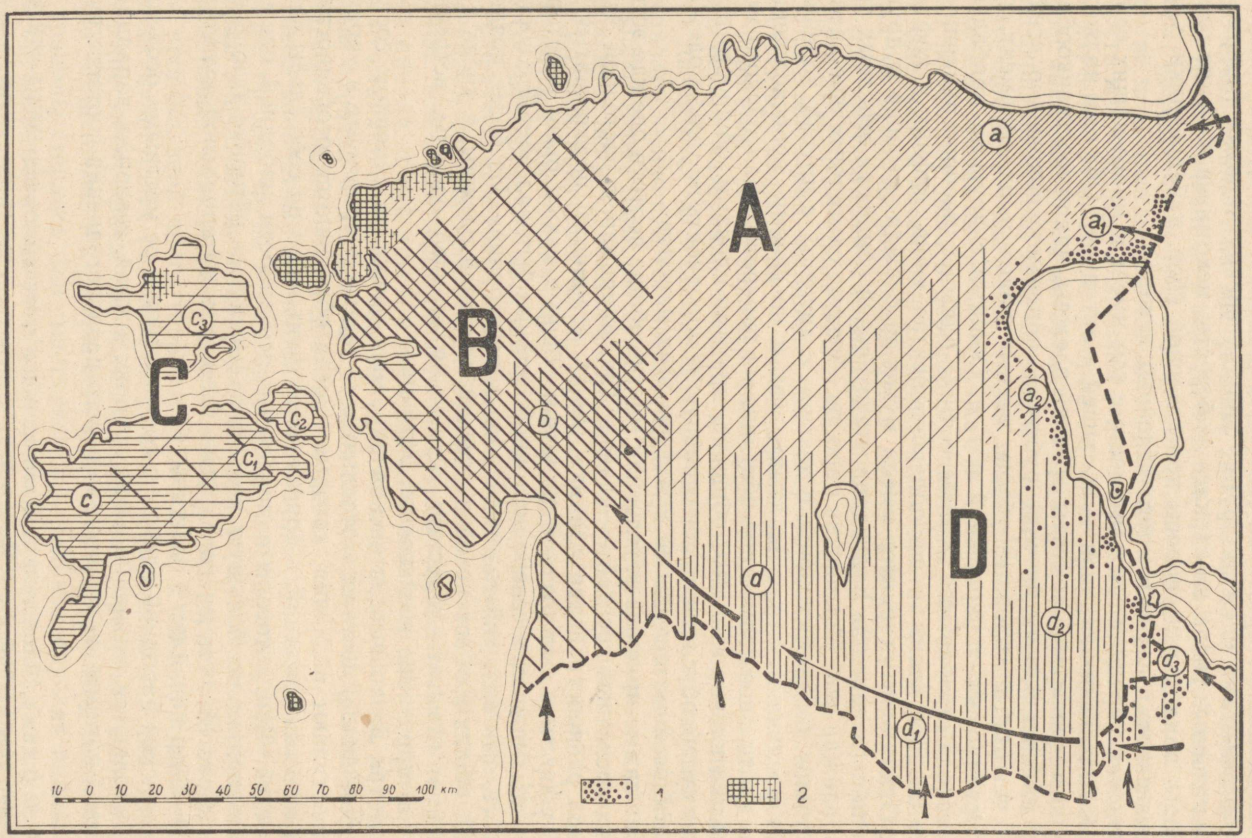


Рис. 53. Местные группы эстонской народной одежды в первой половине XIX в. *A* — североэстонская, *B* — западноэстонская, *C* — островная, *D* — южноэстонская группа; *a*, a_1, *b*, *c* и т. д. обозначают меньшие подгруппы. *1* — русская народная одежда или русские элементы в эстонской одежде; *2* — шведская народная одежда. Стрелками показаны направления проникновения важнейших внешних влияний.

четырем этнографическим областям Эстонии (рис. 53). Последние две области когда-то в далеком прошлом, возможно, составляли единое целое, но с течением времени они развивались настолько различно, что их следует рассматривать в качестве самостоятельных групп.

Одну из основных групп составляет, как уже было указано, одежда населения ю ж н о й Э с т о н и и. Южноэстонская группа охватывает территории уездов Вырумаа, Тартумаа, Вильяндимаа и юго-восточную часть Пярнумаа, исторически сюда входила и территория, населенная сету. Соответственно современному административному делению, южноэстонская группа в общих чертах охватывала территорию Вастселинаского, Ряпинаского, Пыльваского, Выруского, Антслаского, Валгаского, Отепяского, Эльваского, Тартуского, Калластеского, Муствеского, Йыгеваского, Тырваского, Абьяского, Вильяндиского, Сууре-Яниского и Пыльтсамаского районов.

Основная часть южной группы была распространена на территории, лежащей к югу от городов Тарту и Вильянди. К северу же от названных городов находился район, представляющий собой переходную зону, в которой элементы южной одежды выступали в сочетании с элементами северной одежды. Согласно сообщениям А. В. Хупеля, во второй половине

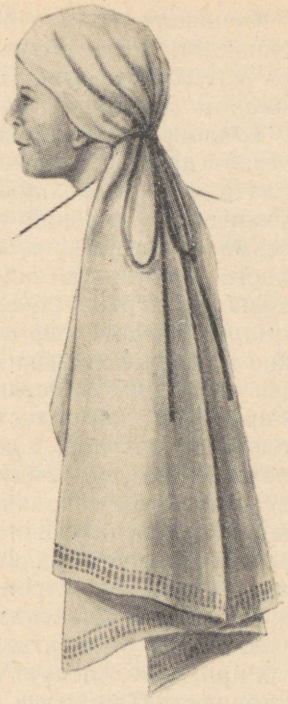


Рис. 54. Женская головная повязка «линик». Пыльва, юго-восточная Эстония. (По материалам ЭМ).

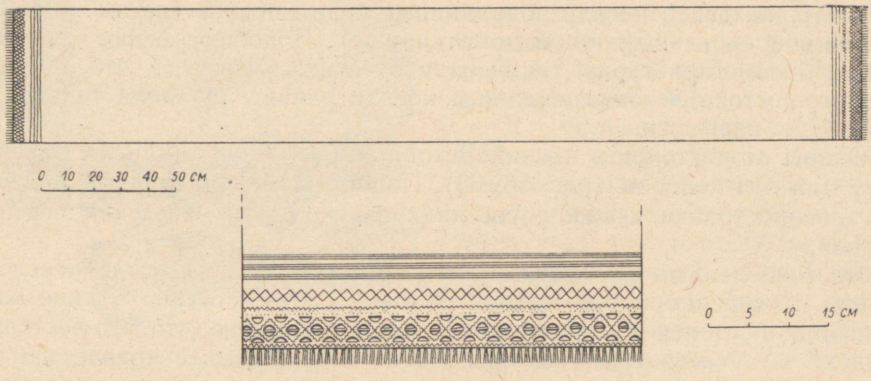


Рис. 55. Женская головная повязка «линик». Пыльва, юго-восточная Эстония. На концах красные вотканные узоры, кружево и бахрома. (ЭМ А 151 : 13.)

XVIII столетия не только на севере Вильяндимаа, но и в северных районах Тартумаа носили в общем ту самую одежду, что и в северной Эстонии.[7] В XIX веке сюда, очевидно, все больше и больше проникают различные элементы южной одежды.

[7] На севере Вильяндимаа и Тартумаа, например, женщины носили головной убор «линук», характерный для северной Эстонии, и такую же несшитую поясную одежду, как в Ярвамаа, см. A. W. H u p e l, Topographische Nachrichten II, стр. 178, 179.

Основная область распространения южноэстонской народной одежды совпадает, таким образом, в общих чертах с территорией южных диалектов эстонского языка (см. карту, рис. 1), а также с южным фольклорным районом (см. карту, рис. 86).

Южная группа характеризуется, в первую очередь, значительным количеством древних элементов одежды, которые здесь устойчиво сохранялись вплоть до первой половины XIX века, а частично и позднее. Из наиболее архаических явлений могут быть названы туникообразные рубашки весьма примитивного покроя, женская поясная одежда, состоящая из одного полотнища, запахивающаяся на боку — «юмбрик» (*ümbrik* дословно «обвёртка»; местное название «сыуке» — *sõuke*, «паллапоол» — *pallapool*), наплечное покрывало «сыба», или «кырик», набедренник, женские головные повязки (на юге Сакала типа платков рис. 59), в восточной части южной Эстонии — полотенчатый убор «линик» (рис. 54, 55)). В пределах этой области доминировал древний геометрический орнамент вплоть до тех пор, пока народная одежда не исчезла из повседневного употребления. Наряду с вышитым орнаментом, местами на некоторых частях одежды сохранялись старинные украшения из бронзовых спиральных пронизок и оловянных бляшек. Бронзовые пронизки были характерным украшением одежды финских и балтийских народов в эпоху первобытно-общинного строя.

Как было уже сказано, южноэстонская народная одежда включала и некоторые элементы русской и белорусской одежды. Кроме приведенных примеров, следует отметить, что начиная с конца XVIII века в южной Эстонии, так же как у соседних русских и на востоке и юго-востоке Латвии, получает распространение красная кумачовая пряжа, которая шла на вышивку льняной ткани, а в восточной Эстонии также на вотканные украшения. В юго-восточной же Эстонии не только красный цвет орнамента, но даже и расположение узора на рукавах рубашек носило русский характер.

В пределах южной области мужчины, в противоположность остальной Эстонии, долго носили полудлинные белые штаны (летом — холщовые, зимой — из шерстяной домотканины). Подобные белые холщовые штаны были характерны также для русских. Известно, что на крайнем юго-востоке Эстонии мужчины носили раньше рубашки так же как русские — навыпуск.

Оборы от пастолов в южной Эстонии завязывались или на половине икры или под коленом (рис. 56, 63). Подобный способ завязывания обор был распространен также у соседних русских и у населения северной Латвии.

Многочисленным элементам русского характера в одежде населения южной и особенно юго-восточной Эстонии соответствуют русские заимствования в эстонских говорах этого района. Известно, что юго-восточный диалект эстонского языка впитал в себя и наибольшее количество русских слов. Представляется вероятным, что некоторые русские или славянские элементы в одежде населения южной и юго-восточной Эстонии являются очень древними, другие же восприняты, по-видимому, в более позднее время. Ввиду недостаточной изученности как эстонского, так и русского этнографического материала, в настоящее время нельзя еще в каждом отдельном случае определенно сказать, какие из общих элементов эстонской и русской одежды следует по своему происхождению считать русскими, какие — эстонскими или балтийскими.

В XIX веке, с развитием капиталистических отношений и ликвидацией феодальной обособленности, в одежду населения южной Эстонии проникают в значительном количестве североэстонские или общеприбалтийские

Рис. 56. Женская одежда середины XIX века, Вастселийна, юго-восточная Эстония. Характерные части одежды: рубашка, украшенная вышивкой красной бумажной пряжей, продольнополосатая юбка, кофта, украшенная гарусом, и чепец (под головным платком). (По материалам ЭМ.)

элементы. Эти новые типы одежды стали оттеснять местные старые особенности на второй план. Такими новыми, широко распространенными явлениями в составе южноэстонской женской одежды были полосатая юбка, шерстяная кофта в талию, маленький чепец; верхнюю одежду в этот период на юге Эстонии, так же как и на севере, стали окрашивать в синий цвет. Мужчины начинают в XIX веке носить куртку и короткие до колен штаны, бытовавшие в других частях Эстонии значительно раньше. И тем не менее, несмотря на распространение здесь этих новых типов одежды, женский южноэстонский костюм сохранил свою специфику (рис. 56). Здесь, например, не получила распространения характерная для северного комплекса женской одежды блузка «кяйсед» (*käised*), вместо нее носили соответственно украшенную рубашку, на которую в холодную погоду надевали кофту в талию. По расцветке продольнополосатые юбки также отличались от юбок, какие носили в северной Эстонии. Здесь по-прежнему доминировал геометрический орнамент и сюда не проник распространенный в других районах Эстонии растительный узор.

В большой южноэстонской области могут быть выделены некоторые подобласти. Не говоря уже о небольшой территории сету, четко выделяется подобласть южной части древней земли Сакала. Свои особенности имеет также одежда населения кихельконда Харгла (пограничная с Латвией часть западной Вырумаа) и некоторых соседних кихелькондов. В полосе, расположенной к северу от города Тарту, которая представляет собой переходную область между южной и северной Эстонией, особняком стоит кихельконд Кодавере.

Южносакалаская подобласть (южная часть современного Вильяндиского района, Абьяский и Тырваский районы) выделяется по ряду чрезвычайно стойко сохраняющихся древних элементов народной одежды.

Здесь, особенно в кихельконде Халлисте, значительно дольше, чем где бы то ни было, продолжали бытовать различные древние части одежды. Так, например, в Халлисте сохранилась очень примитивная туникообразная рубашка, выкроенная из цельного полотнища; ее ворот имеет форму прямого прореза на груди; эта рубашка лишена еще характерных для более поздних рубах наплечных нашивок (рис. 57). Чрезвычайно простым по покрою был также распашной кафтан — «пикк-кууб» (*pikk-kuub*, рис. 58). Не привились у населения южной Сакала и распространенные в остальной Эстонии мужские штаны до колен и куртка; здесь мужчины носили

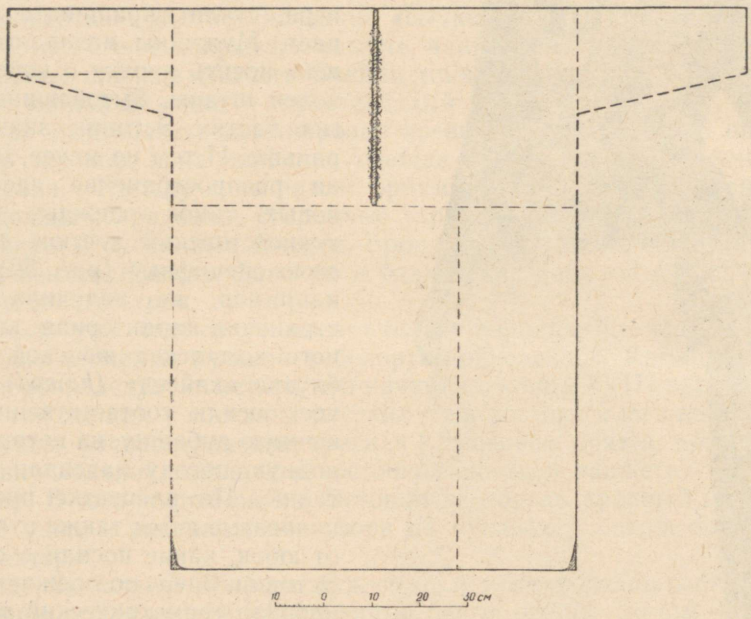


Рис. 57. Рубашка примитивного покроя, Халлисте, южная Эстония. (ЭМ А 447 : 270.)

белые штаны своеобразного покроя. Они носили старинные черные распашные кафтаны даже в то время, когда в других местах мужская народная одежда уже перестала бытовать.

Не случайно, что наиболее примитивные и старинные предметы эстонской народной одежды, хранящиеся в музеях, доставлены с территории южной Сакала. Так, например, хранящиеся в Этнографическом музее АН ЭССР единственные экземпляры старинной несшитой поясной одежды, красной «пулмасыпу» (*pulmasõpu*, т. е. свадебная одежда) и подобной же черной (рис. 60), доставлены из Халлисте. Из южной части Сакала, из Пайсту, получены девичьи головные повязки, украшенные по-старому бронзовыми спиральными пронизками или имитацией этих спиралек из нити (рис. 61). Из этих же мест получено белое шерстяное наплечное покрывало (*kõrik*)[8] с бронзовыми пронизками по краю, хранящееся в Государственном Русском музее в Ленинграде. В Пайсту и Халлисте собраны старинные набедренники, выделяющиеся своим архаиченым орнаментом. Укажем, что набедренники, как и известные налобные укра-

[8] Государственный Русский музей в Ленинграде, отдел народного искусства, В 2579. О старинной технике украшения повязок см. H. Kurrik, Tekstiiltehnilisi haruldusi Eesti Rahva Muuseumis. ERM Aastaraamat IX—X, Tartu 1934, стр. 225 и сл.

шения (см. стр. 257) носили, по-видимому, молодухи. После рождения первого ребенка женщина начинала носить обычный женский головной убор

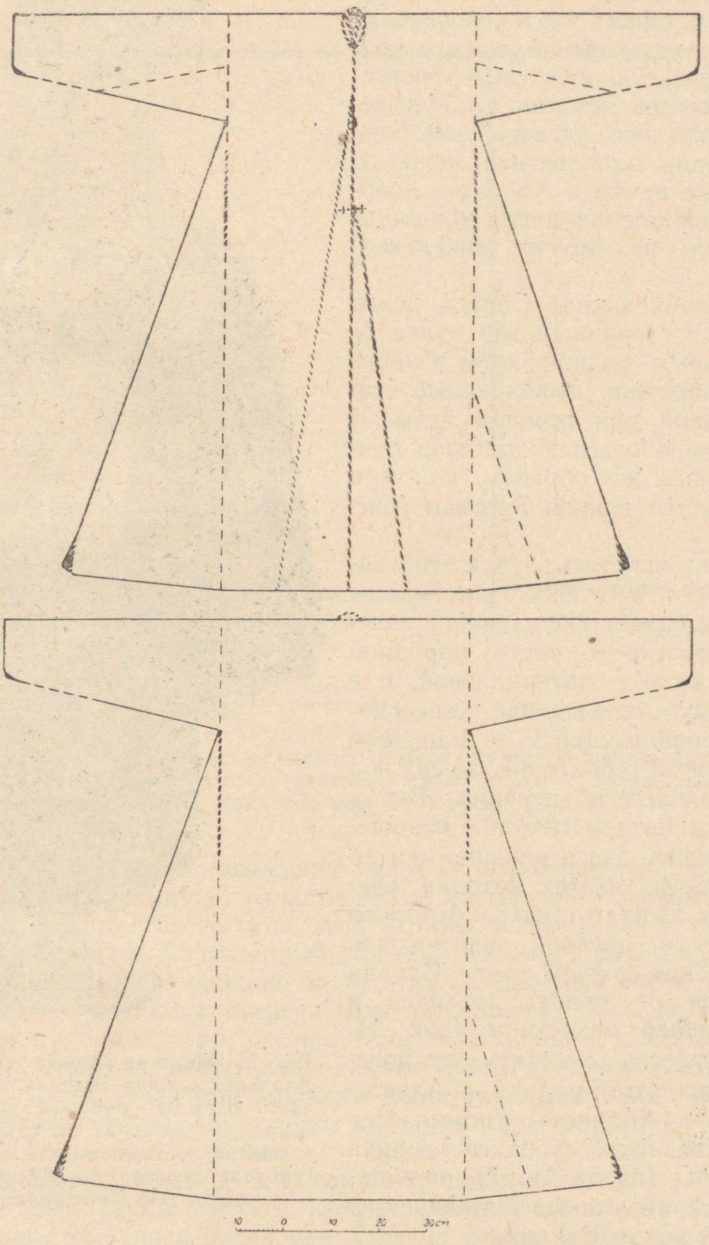


Рис. 58. Длинный кафтан, Халлисте, южная Эстония. (ЭМ 1766.)

и передник. Старинный обряд, по которому молодая носила особые предметы одежды, отмечен также у ижорцев.[9]

[9] I. Manninen, Etnograafilisi märkmeid Eesti Ingerist. ERM Aastaraamat IV, Tartu 1928, стр. 42.

Об исключительной консервативности, проявляющейся в народной одежде населения южной Сакала, говорит и тот факт, что в кихельконде Халлисте женщины не носили продольнополосатую юбку, распространенную по всей Эстонии. Старую несшитую поясную одежду «юмбрик» там сменила одноцветная юбка. В позднейшее время в Халлисте полосатые юбки носили лишь женщины, пришедшие из других кихелькондов.[10]

У женщин южной Сакала долго сохранялся старинный тип чулка со значительным расширением в части икры и варежки, выполненные старой техникой при помощи иглы. В этом районе оборы завязывались примерно таким же образом, как и в других частях южной Эстонии (рис. 63).

Следует отметить, что в этой части Эстонии в течение длительного периода удерживались древние явления не только в части народной одежды, но и в материальной, и в духовной культуре вообще. Консерватизм, проявляющийся в народной культуре этой территории, до сих пор еще не нашел объяснения. Ввиду того, что капиталистические отношения развились здесь раньше, чем во многих других частях Эстонии, следовало бы ожидать и более быстрого исчезновения древних пережитков.

Население южной части Сакала отличается от прочих эстонцев и своим особым диалектом (рис. 1). Небезынтересно отметить, что позднейшее ядро этого района — Алистекунде (т. е. Халлисте) упоминается уже в «Ливонской хронике» Генриха Латышского (глава XV : 7); по-видимому этот район тогда выделялся из остальной земли Сакала.

Рис. 59. Женская одежда начала XIX в. Халлисте, южная Эстония. Характерные части одежды: рубашка примитивного покроя, украшенная на груди строчкой, несшитая поясная одежда, набедренник, головная повязка: на руках — покрывало. (По материалам ЭМ.)

Одной из особенностей южносакалаской подгруппы является то, что наряду с геометрическим орнаментом здесь встречается и особый архаический растительный орнамент, которым украшались некоторые из указанных старинных элементов одежды, женские головные уборы, наплечные покрывала и передники. Наиболее древним предметом, украшенным примитивным разноцветным узором в виде розеток, является упомянутое выше белое покрывало «кырик» из Пайсту, датируемое XVII или XVIII

[10] Сведения собраны Л. Б. Треэс в 1952—1955 гг.

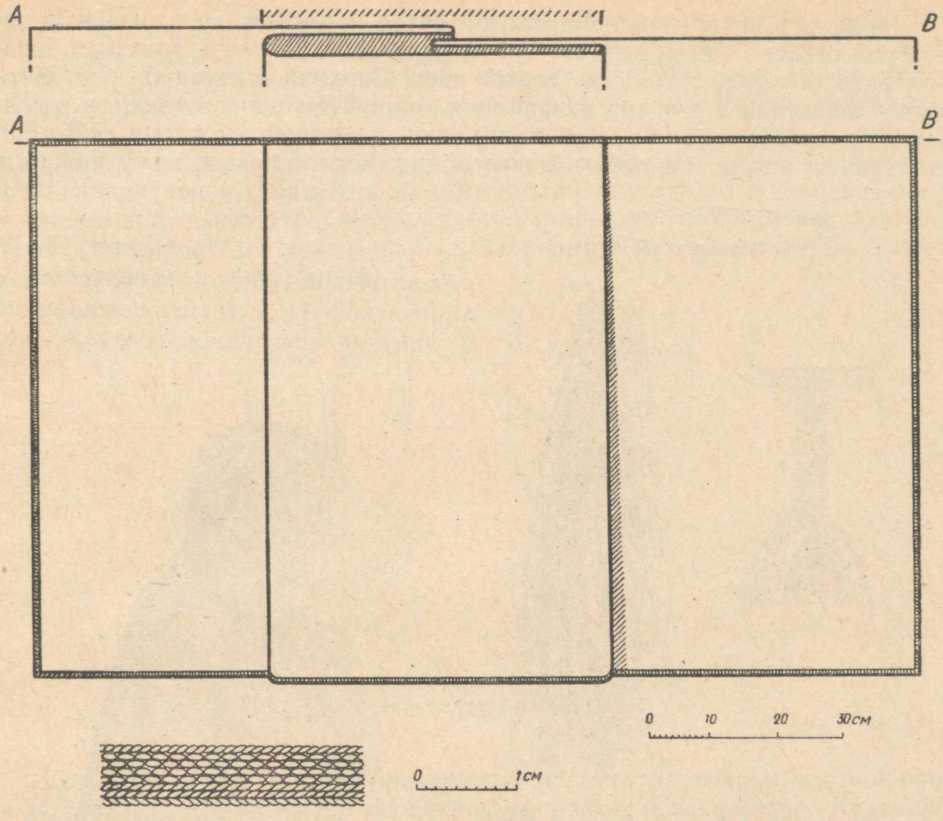


Рис. 60. Женская несшитая поясная одежда («сыпп») из черной шерсти, в средней части две встречные складки, сшитые по верхнему краю, внизу — деталь плетеной цветной каймы. Халлисте, южная Эстония. (ЭМ 1790.)

веком (стр. 252). По расположению орнамента и общему характеру узора это покрывало напоминает отчасти белые латышские покрывала так называемого крустпилсского типа, хотя мотивы орнаментики и техника вышивки их различны. Характерный для крустпилсских покрывал чередующийся в определенном порядке мотив, так называемый *krūmi* («кусты»), очень близок к розеткам, встречаемым на головных платках, в вышитых украшениях рубашек и других частей одежды женщин кихельконда Тарвасту. На эстонских покрывалах «сыба» цветная бахрома расположена только по углам. Подобной бахромой были украшены также ливские покрывала в окрестностях Вентспилса в Латвии.[11] На территории Латвии мы встречаем параллели также и большим клетчатым покрывалом, которые в первой половине XIX века носили женщины южной части Сакала (рис. 59). Таким образом, в одежде населения этого района проявляются известные латышские или ливские черты, которые не наблюдаются в других частях южной Эстонии. Впрочем, некоторые явления материальной культуры населения южной Сакала перешли и к их соседям. Следует отметить, например, что древний растительный орнамент, характерный на юге Сакала для набедренников, встречается и на более старинных передниках с о. Кихну, что следует объяснить общим происхождением.

[11] H. Kurrik, Eesti rahvarõivad. Tartu 1938, рис. 189, 190. Сравнительные данные по латышской народной одежде автору сообщил хранитель фондов Центрального госу-

Также и в кихельконде Харгла развитие народной одежды шло в некоторой степени своим особым путем. Как женская, так и мужская верхняя одежда здесь сохранила белый цвет. Верхняя одежда белого цвета встречалась ранее и в других районах южной Эстонии, а также в соседней Латвии. Из других частей харглаской народной одежды в особенности тканые пояса проявляют много общих черт с латышскими поясами. Как и в Латвии, пояса ткали здесь на шерстяной основе, они имели ту же расцветку, что и пояса соседних латышей. Некоторые особенности харглаской одежды прослеживаются в одежде населения соседних ки-

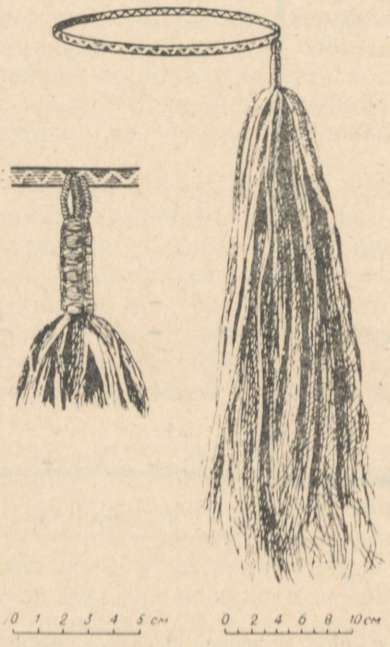


Рис. 61. Девичья головная тесемка («пэалынг»). Пайсту, южная Эстония. Нитки, на которых висит кисть, проходят через бронзовые спиральные пронизки. (ЭМ 9215.)

Рис. 62. Девичья головная тесемка. Пайсту, южная Эстония. (По материалам ЭМ.)

хелькондов — Карула, Урваете, западной части Рыуге, отчасти даже кихельконда Сангасте. Для Харгла характерно наличие латышских черт также в говоре (стр. 46) и фольклоре.

На известное своеобразие одежды населения кихельконда Кодавере, которая сохранила ряд относительно древних элементов, обратил внимание уже А. В. Хупель.[12] Здесь, например, женщины долго носили несшитую поясную одежду, в качестве женского головного убора еще в конце XVIII века бытовал «линик». Одной из особенностей кодавереского женского наряда, как отмечает Хупель, были серьги, которые не встречались в остальной Эстонии,[13] но зато являлись украшением русских и водских женщин. Старые женщины еще и сейчас помнят, что их бабушки носили серьги. Рубашки и другие части одежды в Кодавере вышивались, как и в южной Эстонии, красной пряжей. По сообщению А. В. Ху-

---

дарственного исторического музея Латвийской ССР в Риге, Г. Иванова. В орнамент южносакаласких набедренников входят кружки с зазубринами или лучами по периферии. Подобный мотив встречается в литовских вышивках под названием saulote. («солнышко»).

[12] A. W. Hupel, Topographische Nachrichten II, стр. 177, 181, 182.

[13] A. W. Hupel, Topographische Nachrichten II, стр. 182.

пеля, в Кодавере молодуха в первый год замужества носила налобное украшение с подвесками из монет, называемое «нярэ» (*näre*).[14] Особые головные уборы, характеризующие возраст женщин и ее положение в семье, встречаются и у других финно-угорских народов.[15] Некоторые своеобразные черты, присущие в прошлом кодавереской народной одежде, сближают ее с одеждой населения других районов Причудья, в том числе и с одеждой сету. Если это обстоятельство подтвердится дальнейшими исследованиями, то это будет свидетельствовать о возможном наличии очень древней общей культурной, а следовательно, и этнической основы у населения этих территорий.

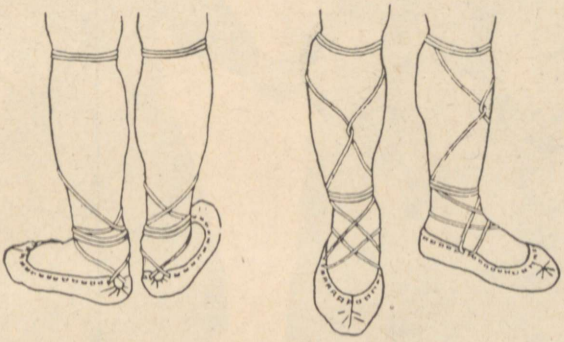


Рис. 63. Повязывание обор. Пайсту, южная Эстония. (По материалам ЭМ.)

Кодавере образует своеобразную подобласть не только в отношении народной одежды, но и по особенностям языка и фольклора. Кодавереский говор, так же как и материальная культура, отличается некоторыми водскими чертами (см. стр. 44).

Народная одежда сету, которая частично бытует еще и в настоящее время, заметно отличается от остальной южноэстонской одежды. В материальной и духовной культуре сету, которые с древних времен живут на Псковской земле среди русских, имеется значительное количество русских элементов.

Сильное русское влияние проявляется и в одежде сету. Позднейшая одежда сету сохранила лишь некоторые детали южноэстонской одежды. Отдельные общие черты она сохранила также с древней одеждой некоторых других финно-угорских народов. Костюм сету мы знаем в нескольких разновременных комплексах.

Целый ряд деталей явно русского происхождения включает уже женский костюм первой половины XIX века (рис. 64). Так, по своему характеру русской является рубашка с длинными рукавами («хамэ» — *hamõ*) и глухая одежда типа сарафана («рююд» — *rüüd*). Расположение орнамента на рубашке то же, что и у русских. Характер орнамента был тот же, что и у других южных эстонцев и многих других финно-угорских народов — геометрический. Характерную часть костюма замужней женщины составлял «линик», который отличался от лиников, бытовавших в юго-восточной Эстонии (см. рис. 55), своей длиной и богатым украше-

[14] A. W. Hupel, Topographische Nachrichten II, стр. 177. A. W. Hupel, Nordische Miscellaneen, 22, u. 23. Stück, Riga 1790 стр. 337.

[15] В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов. Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. X, М., 1951, стр. 59—60.

нием. Линики такой же длины, как у сету, носили ижорские женщины.[16] К древнему женскому костюму относился и набедренник, перекинутый через пояс. Ранее набедренников, очевидно, было два — по одному на каж-

Рис. 64. Женская одежда сету первой половины XIX в. Характерные части костюма: рубашка с длинными рукавами, сарафан из белой шерсти, набедренник, головная повязка «линик» и головная тесемка. (По материалам ЭМ.)

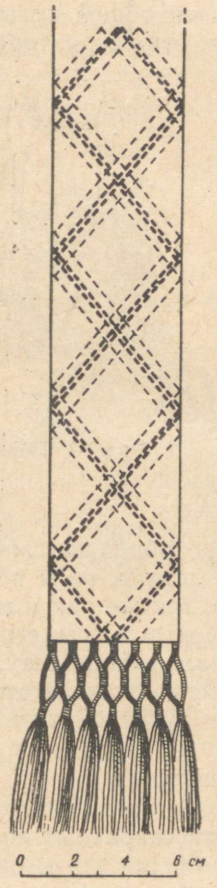


Рис. 65. Женская головная тесемка сету. Украшена красным узором; бахрома перевита мишурой. Длина 194 см. (ЭМ А 417 : 7.)

дом бедре. Эта древняя деталь одежды сохранилась местами и в других частях южной Эстонии, а также у води, ижорцев и мордвы. Металлические украшения носят по большей части эстонский характер.[17]

[16] I. Manninen, Soome sugu rahvad. Tartu 1929, рис. 67.

[17] Е. В. Рихтер, Женская народная одежда сету. Известия Академии наук Эстонской ССР, т. III, 1954, стр. 51 и сл.

Рис. 66. Парень и девушка в одежде начала XVIII века. Ярвамаский уезд, северная Эстония. (По рисунку на карте мызы Эсна, 1722 г.)

Есть основание полагать, что некогда женщины сету, как и другие южноэстонские женщины, носили несшитую поясную одежду «кырик» и наплечное покрывало, называемое также «кырик».

Во второй половине XIX века, в связи с развитием капитализма и усилением общения между населением смежных территорий, в женский костюм сету входят новые русские элементы. Прежняя рубашка с длинными рукавами в этом более позднем комплексе была заменена рубашкой с широкими рукавами, так называемого новгородского типа. Наплечной одеждой, надеваемой поверх рубашки, становится «сукман». По своему покрою он был сходен с прежним рююд, однако не имел ложных рукавов. К концу прошлого столетия сукман становится шире, шьют его из темно-синей ткани, еще позже из черного сукна. Славянским или балтийским по происхождению, в смысле названия и формы, является «ваник» (латвийское *vainags*, русское *венок*) — девичий праздничный головной убор, который впоследствии, по более поздним данным, носили только подружки — девушки, сопровождающие невесту.

Рис. 67. Женская одежда первой половины XIX в. Вирумаский уезд, северо-восточная Эстония. Характерные части одежды: рубашка без рукавов или с короткими рукавами, блузка «кяйсед», продольнополосатая юбка и головной убор «линук». (По материалам ЭМ.)

Мужской костюм сету, по всей вероятности, уже к началу прошлого века приобрел русский облик. Женский же костюм, несмотря на то, что в течение времени он воспринимал отдельные элементы русской одежды, все же и в более позднее время представлял собой своеобразный комплекс.

Народная одежда населения северной Эстонии образовала вторую большую группу, которая охватывала уезды Харьюмаа, Ярвамаа и Вирумаа, или, по современному административному делению, Кейласский, Харьюский, Рапласский, Косеский, Локсаский, Тапаский, Пайдеский, Тюриский, Раквереский, Вяйке-Марьяский и Кивиылиский районы, а также северную часть Йыхвиского района.

Ранее, т. е. до XVII века, комплекс женской одежды, который носили здесь, по своим основным компонентам был сходен с южноэстонским комплексом. Он также состоял из рубашки, несшитой поясной одежды «юмбрик», наплечного покрывала «сыба» и распашного кафтана «пикк-кууб». В деталях этот комплекс все же отличался своими местными особенностями.

Одной из этих особенностей является то, что здесь сравнительно долго, до XVIII, а кое-где даже до начала XIX века, сохранились свисающие с пояса набедренные украшения из бронзовых цепочек — «рыхуд» (*rõhud*).

Начиная с XVIII века (частично уже с XVII века) в северной Эстонии постепенно распространяется новый комплекс одежды, который состоит из рубашки, черной юбки (сохранившей, однако, прежнее название «юмбрик», и надеваемой поверх рубашки короткой, не доходящей до талии, блузки «кяйсед» (*käised* дословно «рукава», рис. 66). В Ярвамаа, согласно данным А. В. Хупеля, несшитая поясная одежда юмбрик сохранялась вплоть до конца XVIII века. Возможно, что и в костюме, изображенном на рис. 66, черная юбка была еще несшитой. Воспроизведенная на этом рисунке одежда в общем соответствует описаниям ярвамаской народной одежды у Хупеля. Хупель сообщает, что женщины в Ярвамаа вместо юбки носили еще прямоугольные полотнища — зимой толстые

шерстяные, летом из грубого холста, которые они закрепляли на талии тканым поясом, обертываемым несколько раз вокруг тела от талии до груди, что придавало особую стройность талии. С бедер свисали бронзовые цепочки чешуйчатого плетения, которые назывались «рыхуд». Хупель далее сообщает, что ярвамаские женские рубашки не имели рукавов (см. рис. 69 : 1), а поверх них надевались особые блузки.[18]

Кяйсед вообще являются наиболее своеобразной особенностью североэстонского женского костюма. Их надевали поверх рубашки без рукавов или с полудлинными рукавами. Шились также рубашки с длинными рукавами, которые носили на работу без кяйсед. Ввиду того, что поверх рубашки обычно надевали кяйсед, рубашка здесь не украшалась в такой степени, как в других местностях; поэтому в музейных коллекциях североэстонские рубашки имеются только в отдельных случайных экземплярах (рис. 69). Кяйсед носили также шведские женщины на северо-западном побережье Эстонии.

Второй важной особенностью североэстонской женской народной одежды является своеобразный растительный орнамент, которым, начиная со второй половины XVIII века, украшались кяйсед и головные уборы (рис. 67, 68).

Головным убором замужней женщины в пределах этой области вплоть до XVIII века была, по всей вероятности, полотенцеобразная повязка «линик», которую позднее сменил своеобразно сшитый «линук» (рис. 68).

В конце XVIII века североэстонский женский костюм претерпел ряд изменений. Здесь так же, как и в других частях Прибалтики, распространилась широкая, многоцветная, продольнополосатая юбка «сеэлик» (seelik), вытеснившая постепенно прежнюю узкую черную юбку «юмбрик». Появляется новый праздничный женский головной убор типа кокошника — «потт-мютс» (*pott* — горшок, *müts* — шапка), постепенно сменивший «линук». В будни женщины носили или платки, или чепцы. Кокошник распространился первоначально в западной части северной Эстонии, между тем как на востоке, в Вирумаа, сохранился дольше чепец. Праздничный чепец был богато вышит растительным узором. В Алутагусе, т. е. на северо-востоке Эстонии, до первой половины прошлого столетия женским головным убором был так называемый харьякас (*harjakas* или *harakas*), который, по-видимому, соответствовал «сороке» — женскому головному убору русских и прибалтийских финнов, живших к востоку от Нарвы. Головной убор линук, который, по сведениям Хупеля, в XVIII веке носили также в Пыльтсамаа и в других кихелькондах переходной зоны между северной и южной областями, был, по-видимому, также в какой-то степени связан как по своей форме, так и по терминологии отдельных частей с сорокой; он имел те же составные части, что и сорока, — налобник, макушку и хвост. Русское влияние проявляется, очевидно, и в том, что вирумаские женские головные уборы были обычно украшены позументом.

Согласно воспоминаниям Ф. Р. Крейцвальда, еще в начале прошлого столетия отдельные пожилые женщины носили праздничные наплечные покрывала «сыба» из белой шерстяной ткани. Сыба здесь носили, однако, по-иному, чем в южной Эстонии и Латвии. Покрывало не набрасывалось на плечи, а свисало вдоль спины, и углы его верхнего конца скреплялись на груди пряжкой.[19]

Кофта в талию, которую женщины носили повсеместно в южной и за-

---

[18] A. W. Hupel, Topographische Nachrichten II, стр. 178, 179.

[19] См. I. Manninen. Eesti rahvariiete ajalugu, рис. 204. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft, VI. B., 3. und 4. Heft, Dorpat 1871, стр. 12.

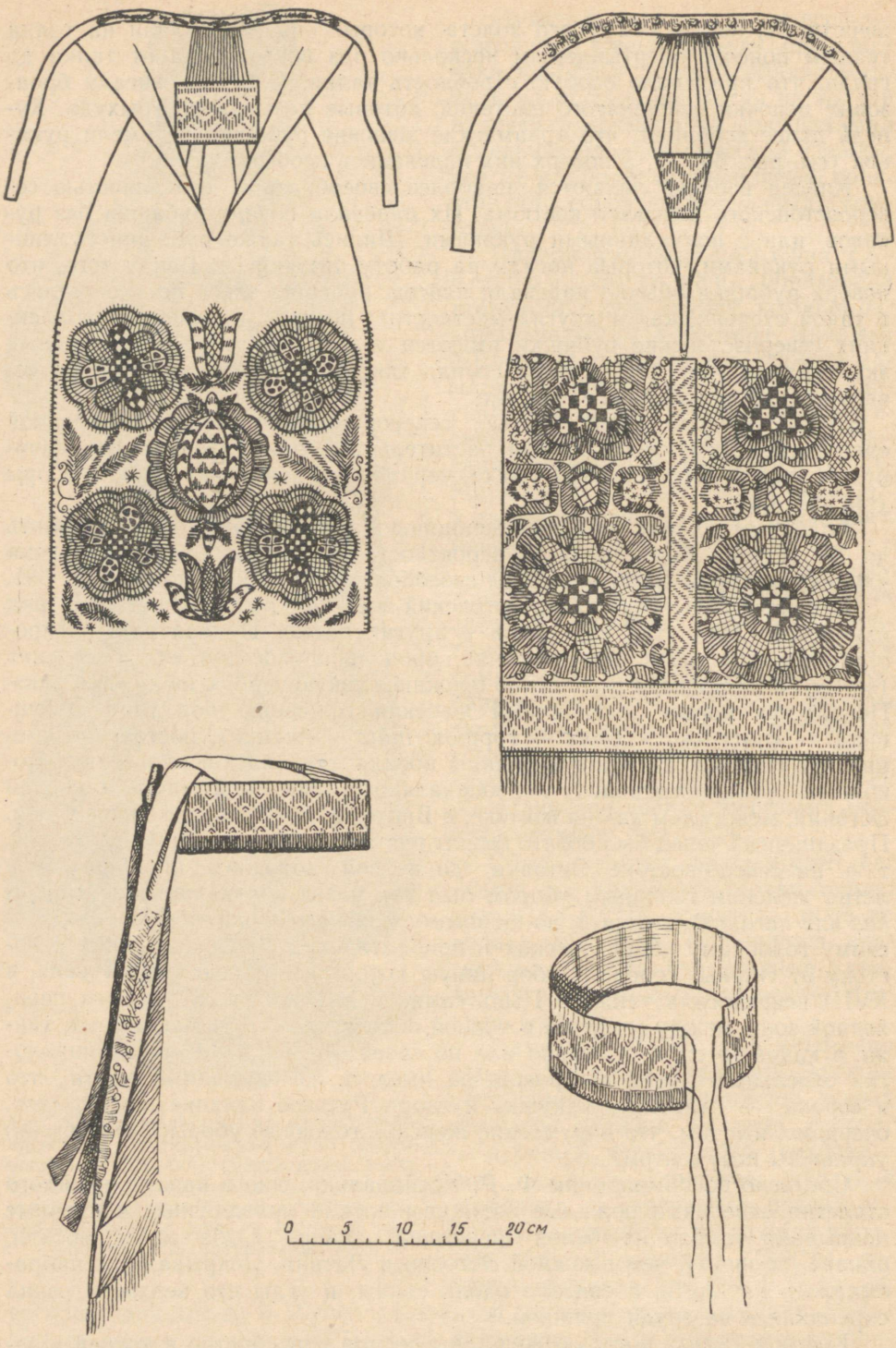


Рис. 68. Вышивка хвоста двух «линуков» (наверху), Амбла, северная Эстония и Колга-Яни, средняя Эстония; «линук» в сборе (внизу слева), Пилиствере, средняя Эстония; внизу справа — украшенный позументом налобник того же «линука». (ЭМ 11176, 14138, kr. 1636 : 16.)

падной Эстонии, в северной Эстонии бытовала лишь на ограниченной территории. Старинной традиционной верхней одеждой, одинаковой как для женщин, так и для мужчин, был распашной кафтан (*pikk-kuub*). В начале XIX века и женские, и мужские кафтаны стали красить в синий цвет. Одновременно с синими продолжали носить и черные кафтаны, однако синие считались более нарядными. Кафтаны и по своему покрою, и по украшениям имели локальные различия.

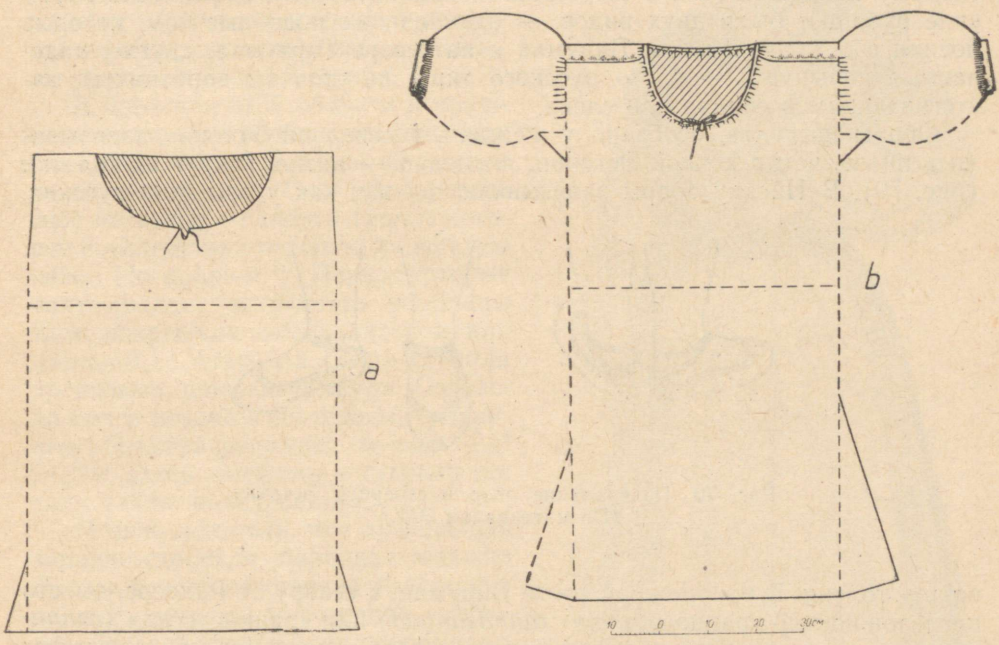


Рис. 69. Североэстонские женские рубашки: *a* — Йыхви, *b* — Кейла. (ЭМ А 447 : 266; 2212.)

Мужской костюм состоял, как и в XVIII веке, из рубашки, коротких по колено штанов, длинных чулок и распашного кафтана. Мужская одежда в начале XIX века дополнялась короткой курткой того же цвета, что и штаны. Праздничная одежда обычно была темно-синего цвета, из домотканного сукна, рабочая — из холстины.

В североэстонской области могут быть отмечены некоторые подобласти с местными особенностями. Так, в известной степени выделяется побережье Эстонии, в том числе его восточная часть. Но особенности этих местных групп требуют еще уточнения в деталях.

Особняком от остальной северной Эстонии в отношении народной одежды стоял Ийсакский кихельконд (южная часть современного Йыхвиского района). Народную одежду этой территории характеризуют известные русские, а частично и водско-ижорские черты. Женщины Ийсаку носили совершенно отличный костюм. Основной частью его были рубашка с вышивкой на плечах и груди и «красик», косоклинный сарафан белого цвета, напоминающий сукман у сету. Распашную поясную одежду, юмбрик, или юбку, здесь не помнят. В Этнографическом музее АН ЭССР имеется запись, согласно которой ранее женщины в Ийсаку поверх рубашки носили свисающий с пояса кусок ткани, напоминающий набедренник у финно-угорских народов. Старинный женский головной убор, быто-

вавший в Ийсаку, напоминает ижорско-водскую «сабану». Более поздний головной убор — повойник — был чисто русского типа.

Мужской костюм также сильно отличался от одежды, бытовавшей в остальной Эстонии. Ни штанов по колено, ни куртки ийсакские мужчины не знали. Штаны были полудлинными и шились из холстины, подобно тем, которые мужчины в южной Эстонии местами носили на работу. Длинный распашной балахон из белого холста был по своему примитивному покрою сходен с шерстяными халлистескими кафтанами. Мужские рубашки были двух видов — одни из них подобные тем, которые носили в остальной части Вирумаа и на севере Тартумаа, другие, надеваемые навыпуск, — чисто русского типа: со стоячим воротником, застегивающимся справа или слева.

Оборы пастолов, особенно у женщин, в северной Эстонии завязывались иначе, чем в южной Эстонии, а именно — низко, вокруг щиколотки (рис. 70). В Ийсаку оборы завязывали так же, как у соседних русских,

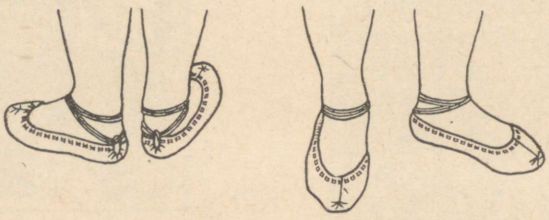


Рис. 70. Повязывание обор в северной Эстонии.
(По материалам ЭМ.)

вокруг голени. В прибрежной части Вирумаа, к северу от Раквере, вместо пастолов носили «раннасаапад» (*rannasaapad*) или «раннасуссид» (*rannasussid*) — мягкие закрытые туфли или сапоги с голенищами, у которых носок был загнут кверху.

Область североэстонской одежды в общем совпадает с территорией распространения северного прибрежного и среднего североэстонского диалектов (рис. 1 : R, K). Она совпадает также и с североэстонскими фольклорными районами (рис. 86). Северные части Вильяндимаа и Тартумаа как в отношении народной одежды, так и по особенностям языка и фольклора являлись переходной зоной между северо- и южноэстонской группами.

Резкое отличие народной одежды Ийсаку может быть объяснено тем, что в прошлом население этой местности было смешанным, состояло из эстонских, русских и водско-ижорских элементов. К концу прошлого столетия население этого района в целом эстонизировалось, но народная одежда сохранила следы различного происхождения ее носителей.[20]

Областью западноэстонской народной одежды была территория уезда Ляанемаа и большей части уезда Пярнумаа. В целом она совпадала с современными Хаапсалуским, Мярьямаским, Лихуласким, Пярну-Ягуписким, Вяндраским, Пярнуским и Килинги-Ныммеским районами.

Отдельные данные о крестьянской одежде Ляанемаа в XVII веке приводит Т. Йерне (Hjärne) в своей «Истории Ливонии»; отдельные сведе-

[20] А. Моора, Eesti ja vene elemendid Eesti NSV kirdeosa elanikkonna materiaalses kultuuris. С резюме: А. Х. Моора, Эстонские и русские элементы в материальной культуре населения северо-восточной части Эстонской ССР. Известия Академии наук Эстонской ССР, т. II, 1953, стр. 194 и сл.

ния об одежде населения окрестностей города Пярну в XVIII веке, встречаются у И. Л. Бёргера.[21] Но все эти данные носят характер отрывочных заметок. На основании этих скудных сведений может быть составлено лишь самое общее представление о бытовавшей там народной одежде. Основными своими компонентами она не отличалась от одежды других районов Эстонии.

В пределах этой области в прошлом женщины носили, очевидно, как и в других частях Эстонии, несшитую поясную одежду. Она имела здесь свое название — «кёрт» (*kört*), которое впоследствии перешло на сшитую юбку. По данным Т. Йерне, которые подтверждает и Бёргер, женщины здесь покрывали головы платком, или лиником, с пояса на бедра свисали бронзовые цепочки «рыхуд». Согласно более поздним сведениям, собранным Этнографическим музеем АН ЭССР, здесь женщины в старину носили также набедренники.

Можно полагать, что древнейшая западноэстонская народная одежда была в известной степени родственна одежде населения соседних островов. Это предположение основывается на сходстве металлических украшений, найденных на о. Сааремаа и на западе материковой части Эстонии в погребениях XI—XIII вв. В северной части данной области в прошлом столетии в народной одежде обнаруживаются некоторые общие черты с североэстонской одеждой, в то же время в центральной и южной ее частях наблюдается целый ряд общих явлений с одеждой населения южной Эстонии. В этой области народная одежда, кроме того, имела некоторые общие элементы и с одеждой островитян. Но в целом, как в отношении одежды, так и в отношении всей материальной культуры, западноэстонская область занимает все же особое место.

Рис. 71. Женская одежда первой половины XIX в., Ляане-Нигула, западная Эстония. Характерные части костюма: рубашка, украшенная вышивкой, продольнополосатая юбка, наплечный платок и «копытообразный» кокошник. (По материалам ЭМ.)

Западноэстонский женский костюм в прошлом веке состоял из ру-

[21] Th. Hiärn, Ehst-, Lyf- und Lettländische Geschichte. Monumenta Livoniae antiquae, Bd. I, Riga, Dorpat und Leipzig 1835, стр. 47 и сл. J. L. Börger, Versuch über die Alterthümer Lieflands und seiner Völker, besonders der Letten, Riga 1778, Vorbericht (A_5) и стр. 96.

башки, продольнополосатой юбки, наплечнего цветного платка, или лифчика (рис. 71). В прохладную погоду женщины носили кофту в талию. Праздничным головным убором в северной части этой области был тот же «горшкообразный» кокошник, что и в северной Эстонии, или особый «копытообразный кокошник (*kabimüts*), в центральной же и в южной части — чепец. Повседневно как мужчины, так и женщины носили тесно облегающие голову шапочки из разноцветных клиньев или вязаные шапочки с маленькими кисточками. Последние, как и «копытообразные» кокошники женщин Ляанемаа, были распространены также на о. Сааремаа.

Мужская одежда, как и повсюду, состояла из рубашки, куртки и коротких по колено штанов. Верхней одеждой как у мужчин, так и у женщин уже с древних времен был распашной кафтан. Кафтаны, так же как

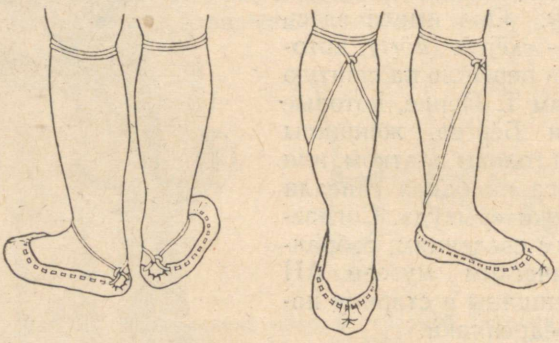


Рис. 72. Повязывание обор. Тыстамаа, юго-западная Эстония. (По материалам ЭМ.)

и кофты в талию, были различными по своему покрою и цвету в северной, центральной и южной частях западной Эстонии. В северной части этой области особенностью кафтанов были небольшие оловянные пуговицы, пришитые по краю полы. Здесь, так же как и в северной Эстонии, верхняя одежда была по преимуществу синего цвета, в центральной же и южной части этой области (т. е. в Пярнумаа) кафтаны шились из сукна натурального цвета овечьей шерсти — коричневой или черной. Так же как и в южной Эстонии, их в этих частях западной Эстонии украшали гарусом.

В северной части рассматриваемой области женская рубашка была без воротника, в южной и центральной — обычно с широким отложным воротником; в том случае, если у рубашки отсутствовал воротник (как в Пярну-Яагупи) то, уходя из дому, надевали воротник на рубашку.

Как следует из вышеизложенного, в пределах западноэстонской области выделяются некоторые подобласти, характеризуемые местными особенностями, которые своими корнями восходят к далекому прошлому. На севере западной Эстонии, т. е. в большей части уезда Ляанемаа, народная одежда показывает многочисленные связи с североэстонской одеждой. Самостоятельную подобласть составляла северная часть Пярнумаа, которая в основном совпадала с территорией древних кихелькондов Соонтага и Кырве. Одним из наиболее существенных признаков народной одежды этого района в прошлом столетии были своеобразные женские головные уборы — высокие конусообразные чепцы (на соответствующем каркасе), украшенные растительным орнаментом. В XII—XIII вв. Соонтага и Кырве входили в древнюю землю Ляанемаа, но как следует из «Ливонской хро-

ники» Генриха Латышского, стояли все же в некоторой степени особняком от остальной Ляанемаа. Эта обособленность позже нашла отражение в своеобразии материальной культуры, языка и фольклора. В южной части данной области, в кихелькондах Саарде и Хяадемеэсте, в народной одежде западноэстонские элементы переплетаются с южноэстонскими. Территория этих кихелькондов была заселена поздно, вероятно лишь в XV—XVI веках, и заселение ее шло с двух направлений — с северо-запада, из Ляанемаа, и с востока, из южной Эстонии. Формирование населения из разнородных компонентов совершенно отчетливо подтверждается материалами народной одежды.

Западноэстонские говоры входят в северное наречие эстонского языка. Они образуют по своим особенностям особый западноэстонский диалект (рис. 1), который является переходным к островным диалектам. Западная Эстония связана с островами также сходством в фольклоре — обе эти территории в смысле фольклора рассматриваются в качестве единой большой группы (см. карту рис. 86). В языке и народном устном творчестве западной Эстонии в общем выделяются те же самые территориальные подгруппы, которые характерны и для народной одежды.

Рис. 73. Женская одежда первой половины XIX в., Карья, остров Сааремаа. Характерные части одежды: украшенная вышивкой и кружевом рубашка, черная юбка с поперечными цветными полосами в нижней части, лифчик и головной убор на каркасе. (По материалам ЭМ.)

Острова Сааремаа, Муху и Хийумаа — современные Кингисеппский, Орисааресский и Хийумаский районы — следует рассматривать в качестве самостоятельной области. Своеобразие материальной культуры островов проявляется уже в археологических материалах.[22] Самые ранние сведения, касающиеся народной одежды островитян, восходят к XVII веку, свидетельствуя,

[22] См. статьи Х. А. Моора и А. К. Вассара в настоящем сборнике, стр. 115, 190 и сл.

что она состояла из тех же самых основных частей, что и в остальной Эстонии: рубашки, несшитой поясной одежды, пояса, верхней одежды типа кафтана и женского головного убора — своеобразно повязываемого платка.[23]

Сааремаская женская рубашка середины прошлого века изображена на рис. 75. Несшитая поясная одежда уже в XVIII веке или в начале XIX века сменилась глухой юбкой, которую называли так же, как несшитую одежду в северной Эстонии, — «юмбрик» или же «кууб» (*kuub*). В первой половине XIX века юбка была черного цвета, но в отличие от североэстонской юбки, она была плиссированной, с украшенным цветными поперечными полосками подолом. В западной части Сааремаа (кихельконд Мустъяла и полуостров Сырве) со временем полосы стали шире и охватили почти две трети подола юбки. На востоке же острова юбка со-

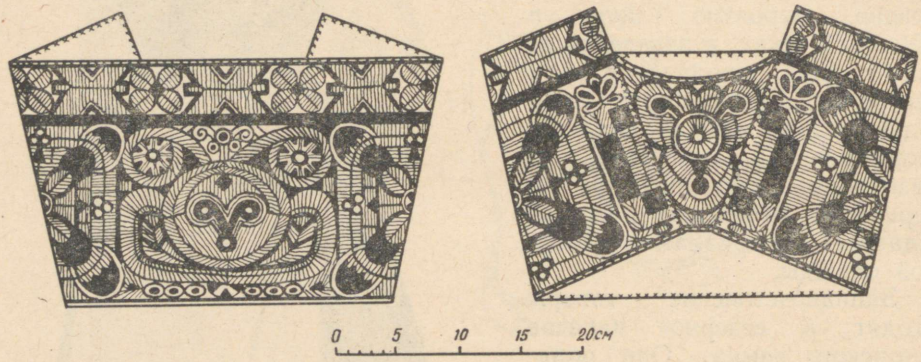


Рис. 74. Женский головной убор на каркасе с характерным для западной части о. Сааремаа вышитым орнаментом. (ЭМ 13395.)

хранила узкие полосы. В третьей четверти XIX века подобные юбки на острове Муху и в большей части Сааремаа (не считая полуостров Сырве) сменились продольнополосатыми юбками.

Для сааремаского женского костюма характерен короткий лифчик — «абу» (*abu*; см. рис. 73). На полуострове Сырве он был пришит к юбке, образуя подобие сарафана с лифчиком. Отметим, что лифчик часто входил также в костюм литовских и латышских женщин, но был значительно длиннее.

Женские головные уборы на острове Сааремаа были весьма разнообразны. Повседневно женщины носили вязаные на спицах колпаки с кисточками на концах (*tuttmüts*). Праздничным головным убором были различные шапки, которые, так же как зимние шапки южноэстонских женщин, украшались мехом. Отметим из них так называемую «рогатую шапку» (*sarviküll*), весьма сходную с шапкой украинских женщин (в XVIII веке), а также «круглую шапку» (*ratasüll*) в форме берета, которую, судя по некоторым данным И. Л. Бёргера, носили, видимо, и на материке, в окрестностях г. Пярну. К традиционной праздничной одежде замужней женщины относился своеобразный головной убор на твердом каркасе (рис. 74). Его женщины на о. Сааремаа носили почти повсеместно (исключая лишь полуостров Сырве) вплоть до первой половины XIX века. Высота его различалась по местностям. Наиболее высоким он был в кихельконде Мустъяла и особенно на острове Муху, где в позднейшее

[23] ERM Aastaraamat XI, Tartu, 1936, стр. 14 и сл. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft VI : 3, 4, Dorpat 1871, стр. 2, 3.

время сохранился лишь как часть свадебного наряда невесты. На острове Муху он назывался «харьютану» (*harjutanu*), что дает основание отнести его к разряду головных уборов типа «сороки» (сорока по-эстонски *harjakas*). Наряду с головными уборами этого типа в середине прошлого века на о. Сааремаа распространились точно такие же «копытообразные» кокошники, как и в Ляанемаа, называемые здесь «пиньмютс» (*pinnmüts*).

В противоположность материковой части Эстонии, население о. Сааремаа носило не пастолы, а туфли из ткани. Праздничной обувью женщин были башмаки.

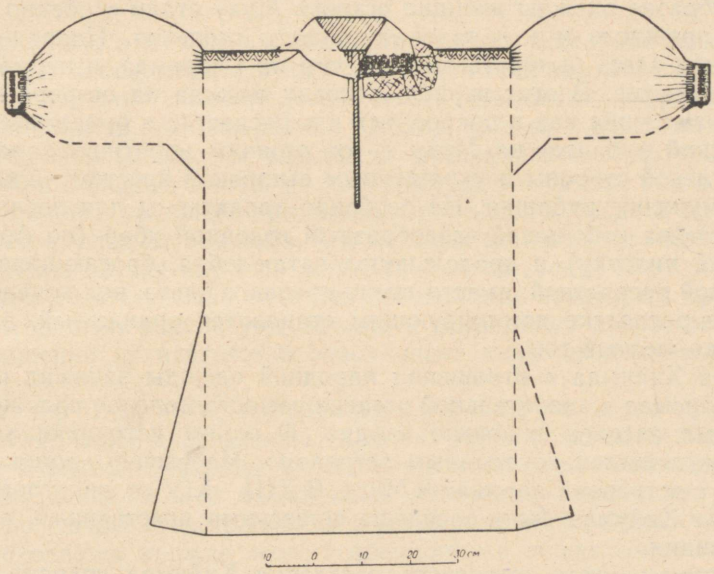


Рис. 75. Женская рубашка. Пэйде и Яни, о. Сааремаа. Вышивка и кружево, украшающие отложной воротник, показаны только на правой стороне рисунка. (ЭМ А 291 : 268.)

Мужская одежда состояла из рубашки, штанов по колено, куртки и длинного кафтана. Верхняя одежда, сшитая из шерстяной домотканины, и у мужчин, и у женщин о. Сааремаа была по цвету различной в восточной и западной части острова. На востоке она имела коричневый цвет натуральной овечьей шерсти, на западе же — серый. В отличие от материковой части Эстонии, на островах одежду не красили в синий цвет.

На островах Сааремаа и Муху народная одежда украшалась, как правило, геометрическим орнаментом. Исключение составлял лишь упомянутый традиционный женский головной убор, вышивавшийся, особенно в западной части о. Сааремаа, растительным орнаментом, который в целом напоминал североэстонский орнамент, но был значительно сильнее стилизован (рис. 74).

Как в свое время уже указывал А. В. Хупель, одежда населения острова Сааремаа различалась почти в каждом кихельконде. Помимо того, в народной одежде этого острова выделяются две более крупные подобласти — восточная и западная. Переходной между этими подобластями является одежда населения кихелькондов Карья и Вальяла. О некоторых отличиях в народной одежде в этих подобластях упоминалось уже выше. К сказанному следует добавить, что особенности западно- и восточносааремаского народного костюма проявляются также и в орнаментике.

От сааремаской народной одежды по расцветке и по особенностям некоторых частей костюма заметно отличается одежда населения острова Муху. В начале прошлого столетия эта разница была сравнительно невелика. Основное отличие состояло в том, что женщины на острове Муху, так же как и на соседнем острове Хийумаа, носили блузку «кяйсед», которая была неизвестна на о. Сааремаа. В качестве одной особенности костюма населения Муху следует отметить также своеобразный геометрический мотив — звездчатую розетку, вписанную в восьмиугольник, — так называемый узор «мухумянд» (*muhumänd*).

Своеобразие одежды женщин острова Муху стали особенно заметным в конце прошлого и в начале настоящего столетия. Народная одежда продолжала здесь бытовать дольше, чем на Сааремаа, и пережила дальнейшее развитие. В этот период женская одежда на острове Муху претерпела изменения как в покрое, так и в расцветке и орнаменте. Поздний тип женской рубашки на Муху — со стоячим воротником, застегивающимся с левой стороны и украшенным вышивкой крестом — напоминает русские мужские рубашки. Но особенно характерны для позднего мухуского костюма небольшой своеобразный головной убор (по форме напоминающий пилотку) и продольнополосатая юбка, бросающаяся в глаза своей яркой расцветкой; вместо темно-красного цвета, под конец прошлого века в ее расцветке доминирующим становится оранжевый, а еще позже — ярко-желтый тон.

Остров Хийумаа в отношении народной одежды занимал по сравнению с Сааремаа в значительной степени самостоятельное положение. Этот остров был заселен довольно поздно. В одном источнике конца XIII века он называется «пустынным островом». Население проникло сюда в основном с островов Сааремаа и Муху. В XIII—XIV вв. некоторые деревни на острове Хийумаа были заселены шведскими крестьянами, выходцами из Финляндии.

Народная одежда эстонского населения Хийумаа сохранила многие древние черты, которые на названных соседних островах исчезли раньше (например, пояс с бронзовыми бляшками, набедренные украшения из цепочек и др.). Вместе с тем, отдельные элементы в одежде хийумасцев были общими с одеждой шведов, живших на этом же острове.

Характерной частью хийумаского костюма в первой половине XIX века была черная юбка, такая же как и на Сааремаа, с той лишь разницей, что она не была плиссированной и пришивалась к лифчику. С этой юбкой носили короткие блузки «кяйсед», которые так же, как подобные блузки у эстляндских шведов и северных эстонцев, были заложены в складку. Растительный орнамент, распространенный в северной Эстонии в качестве украшения блузок и головных уборов, на Хийумаа не привился.

В середине прошлого столетия женщины Хийумаа начинают носить продольнополосатые юбки (*küütkuub*).

Еще в середине века женщины покрывали голову по-старинному лиником, повязывая его поверх другого головного убора на каркасе. Возможно, что в своеобразном способе повязывания линика сохранились некоторые общие черты с народной одеждой населения северной части Курземе, территории древних ливов.[24] В более поздних головных уборах проступает некоторое шведское влияние. Шведским по типу является, например, своеобразный головной венок невесты — «сеппел» (*seppel*).[25]

Так же как и другим областям, и островной области соответствуют особый диалект и фольклорный район. Близко родственные между собой

---

[24] I. Manninen, Eesti rahvariiete ajalugu, стр, 54 и сл.
[25] Там же, стр. 42 и сл.

говоры островного населения принадлежат в общем к североэстонскому наречию, но при этом они отличаются весьма заметными древними особенностями. Как в говорах, так и в фольклоре населения эстонских островов можно выделить в основных чертах те же подгруппы, что и в отношении народной одежды. На Сааремаа выделяются восточная и западная части, известные локальные черты прослеживаются и на островах Муху и Хийумаа (см. карты, рис. I и 86).

*

Как уже было отмечено в начале статьи, весь остальной этнографический материал в основных чертах может быть подразделен в зависимости от своих локальных особенностей на те же самые территориальные группы или области, что и народная одежда, правда с известными исключениями. Однако на прочих элементах материальной культуры локальные различия большей частью не проявляются так четко, как в наиболее тесно связанной с древними традициями народной одежде и ее орнаментике. Впрочем, следует отметить, что местные особенности большей части этих элементов до сих пор еще не достаточно изучены. Поэтому укажем здесь только на отдельные местные особенности некоторых других элементов материальной культуры эстонцев, подчеркнув при этом еще раз, что в отношении их настоящий обзор носит лишь предварительный характер.

Типы поселений, планировки двора и построек на первый взгляд дают чрезвычайно сходную картину по всей Эстонии. Но при более близком ознакомлении с планировкой поселений и дворов и с постройками в них можно обнаружить известные локальные различия. Характер поселений и построек, как и всей остальной материальной культуры, определяется прежде всего особенностями общественно-экономического развития населения. Наряду с этим те или иные их специфические особенности возникли под влиянием древних, сложившихся на протяжении многих веков, традиций, а также под воздействием природных условий, в частности рельефа поверхности, и других, более второстепенных факторов.[26] Характер поселений, дворов и построек не оставался на протяжении веков неизменным, как это ошибочно представляли себе некоторые буржуазные исследователи, а претерпевал изменения в зависимости от сдвигов в социально-экономических условиях. Это наглядно иллюстрируют те изменения, которые произошли в условиях капитализма, например, в планировке старых эстонских деревень, а также в типах построек. И в настоящее время социалистический строй неизбежно несет с собой новые формы поселений, жилья и хозяйственных построек. Естественно, что в условиях более ранних периодов, когда производительные силы и общественные отношения развивались медленно, рассматриваемые элементы материальной культуры изменялись также чрезвычайно медленно.

Из предыдущего следует, что планировку поселений и дворов следует рассматривать не только с точки зрения расположения построек, как это делали раньше, но необходимо обратить внимание и на расположение их земельных угодий, а также на связанные с типами деревень и дворов социальные и бытовые особенности. Выполнить это в рамках данной статьи не представляется возможным, поскольку для этого потребовались бы специальные исследования. Необходимо отметить также, что

[26] Об образовании типов поселений и о их классификации см. М. В. Витов, О классификации поселений. Советская этнография № 3, 1953, стр. 27 и сл.

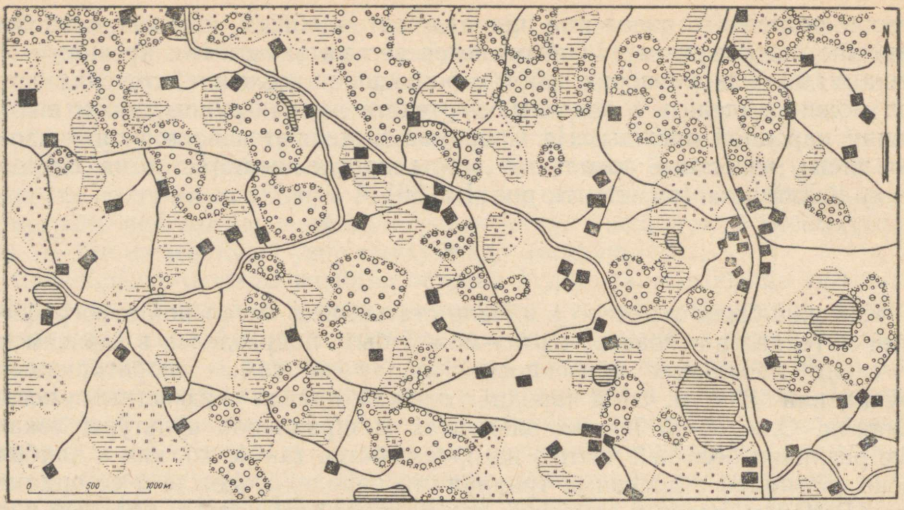


Рис. 76. Южноэстонский тип поселений, Вастселинаский район. Господствуют деревни разбросанного характера, встречаются все же и отдельные кучевые деревни.

для полного и правильного сравнения различных форм поселений и построек следовало бы поступать так же, как мы в известной степени делали в отношении одежды, т. е. прослеживать их в каждом определенном районе на протяжении длительного периода развития. К сожалению, однако, в силу указанных выше причин эти требования не могут быть выполнены. Поэтому мы постараемся на первых порах ограничиться только сравнительными данными за короткий отрезок времени, начиная примерно с середины прошлого века.

В отношении распространения типов поселений, а отчасти также типов дворов и построек территорию Эстонии можно в общих чертах подразделить на те же две основные, отличные друг от друга области, которые обозначают разные наречия эстонского языка, местные большие группы народной одежды и других элементов материальной культуры: с одной стороны — южную Эстонию с господствующими там деревнями разбросанного типа, с другой стороны — северную и западную Эстонию, где доминируют деревни с более тесно расположенными один возле другого дворами (рис. 81).[27]

[27] Известное представление о типах поселений рассматриваемого нами периода можно составить по трехверстным топографическим картам Эстляндской и Лифляндской губерний, изданным в 1862 году. На основании их и составлена наша карта, приведенная на рис. 81. В части Лифляндии типы старых поселений в известной мере передает также карта Рюккера — G. Rücker, Specialkarte von Livland in 6 Blättern, 1839. Для более глубокого исследования вопроса необходимо, конечно, использовать сохранившиеся в архивах карты прежних имений и принадлежавших им деревень.

Классификацию типов эстонских деревень дал J. G. Gränö, Eesti maastikulised üksused, „Loodus" 1922. Автор этой работы исходит с позиции буржуазной антропогеографии, которая основным фактором формирования разных типов поселений считает рельеф местности. Автор признает также и исторические факторы, но на деле в своей работе он их не учитывает, а выделяет по чисто внешним, формальным признакам множество групп, или областей, эстонских поселений. К тому же в основу своей работы он положил карты рубежа прошлого и настоящего веков, для наших целей слишком поздние, так как к этому времени в условиях капитализма уже многие деревни значительно изменили свой характер.

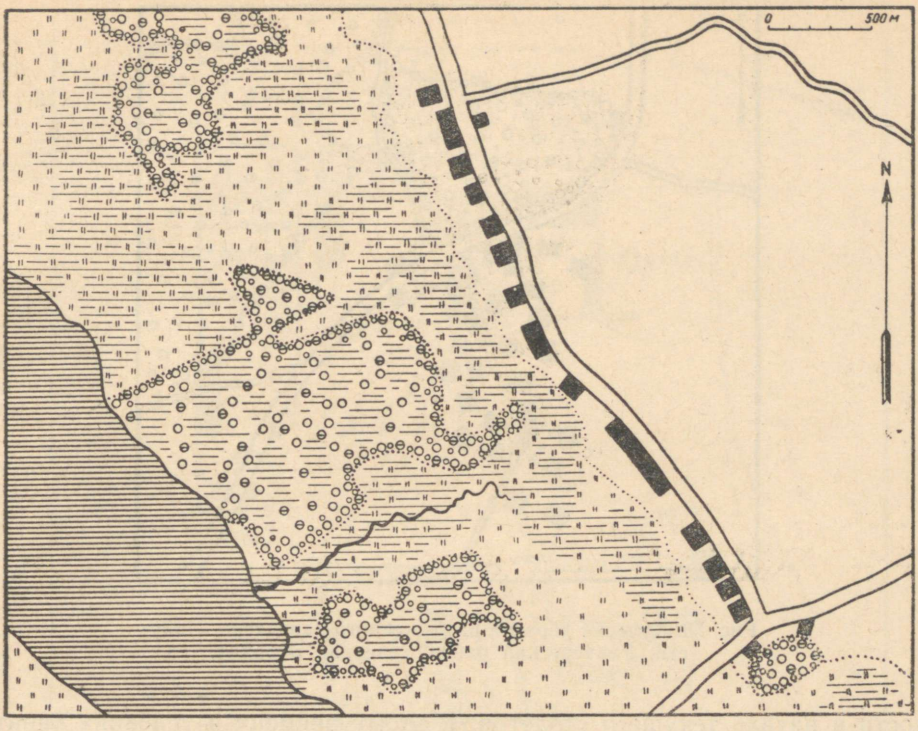


Рис. 77. Деревни рядовой планировки. Тооверe и Кыдукюла, Йыгеваский район, средняя Эстония.

Как уже было отмечено, для большей части южной Эстонии, т. е. территории к югу от городов Тарту и Вильянди, характерны малодворные деревни разбросанного характера (*hajaküla*). Это такие поселения, где отдельные хозяйства или дворы располагаются обособленно, без определенного порядка. Образованию подобного типа деревень способствовал ландшафт южноэстонских возвышенностей — Отепяской, Хааньяской и Сакалаской, известных своим пересеченным холмистым рельефом. Однако не только характер рельефа обусловил тип поселений в южной Эстонии, в этом сказываются и некоторые различные старые традиции. На это указывают и особенности топонимики. Так, например, для деревень южной Эстонии чужды названия с окончанием «вере» (*-vere*; например, Кодавере), которые весьма характерны для деревень средней и северной Эстонии.[28] Земельные угодья южноэстонских деревень — поля, покосы, пастбища — также размещались без определенного порядка (рис. 76).

Наряду с господствующими поселениями разбросанного характера в южной Эстонии, как и повсюду, но в меньшей мере, встречались и другие типы планировки деревень. Среди поселений с разбросанной планировкой там и тут встречались единичные кучевые, звеньевые и даже некоторые рядовые деревни. Звеньевые и рядовые деревни существовали по преимуществу на побережье озера Выртсъярв (кихельконды Тарвасту, Ранну, Пухья), для деревень же Причудья, т. е. Ряпинаского района, нередко была характерна более или менее скученная планировка.

Буржуазные авторы называли южную часть Эстонии областью однодворных поселений. В известной степени это соответствовало действитель-

[28] L. Kettunen, Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia, sarja B, nide 90, Helsinki 1955, стр. 320 и сл.

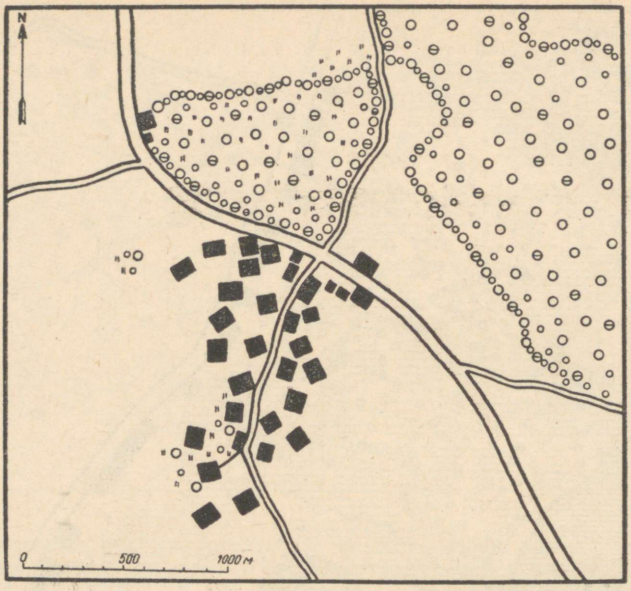


Рис. 78. Кучевая деревня разреженного характера. Пайусти, Раквереский район, северная Эстония.

ности в начале текущего столетия. К этому времени в условиях капитализма старые деревни уже распались. Но это не означает того, что в южной Эстонии и в более ранние периоды господствовали только однодворные поселения, как это ошибочно представляли те же самые буржуазные исследователи. До середины прошлого века, т. е. до выкупа земель крестьянами, отдельные хозяйства в южной Эстонии, несмотря на их разбросанность, были объединены в деревни. О характере деревень сету и о планировке входящих в них усадеб будет сказано ниже.

Если по характеру народной одежды северные районы Тартумаа и Вильяндимаа образуют переходную территорию, то по типу поселений они, скорее всего, относятся к северной Эстонии. Господствующими типами здесь являются рядовая и звеньевая деревни, в местностях с более ровным рельефом встречаются и кучевые деревни.

Рядовой деревней, как известно, называется деревня, в которой дворы расположены более или менее тесно в ряд, по одну сторону дороги. Звеньевую деревню можно рассматривать как разновидность рядовой деревни. Дворы в ней расположены в ряд, однако на большем расстоянии одна от другой, чем в рядовой деревне. Деревни с рядовой планировкой входящих в нее дворов обычно располагаются под откосом друмлина [29] или какой-либо другой возвышенности. Для них характерно то, что пашни отходят в одном направлении — в сторону возвышенности, в то время как приусадебные участки, выгоны и луга расположены по другую сторону деревни, в более низких местах (рис. 77).

Кучевой деревней называется такое поселение, в котором дворы расположены кучеобразно, без определенного порядка. На материке Эстонии дворы в деревнях этого типа находятся один от другого на более значительном расстоянии, чем на островах, их можно назвать деревнями разреженного характера. Обычно дворы кучевой деревни соединены схо-

[29] Друмлин — удлиненная возвышенность ледникового происхождения.

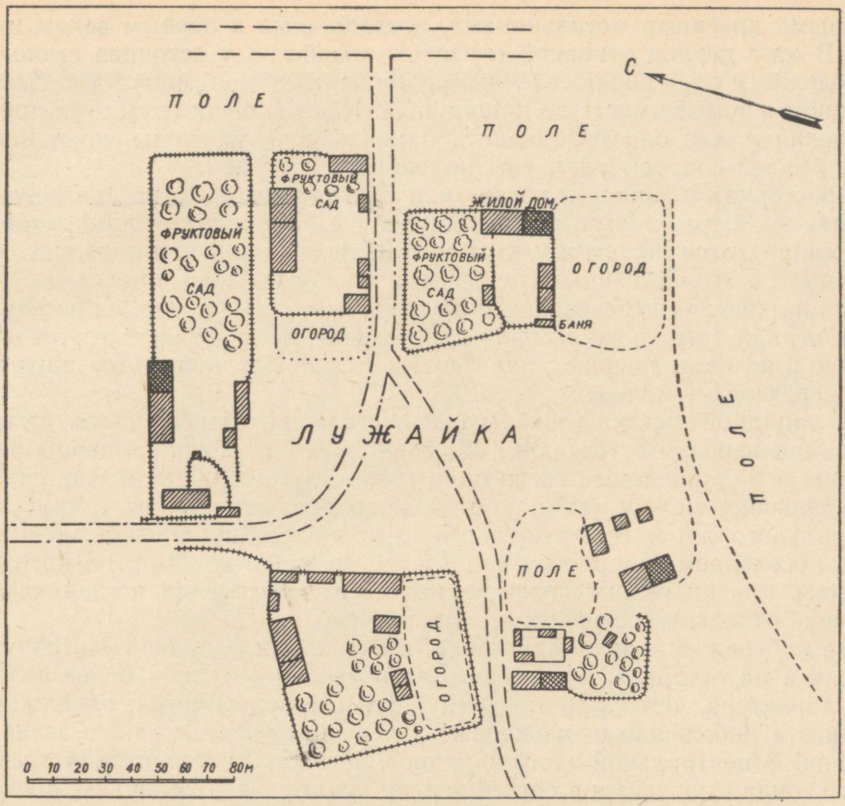


Рис. 79. Небольшая деревня кучевой планировки. Неэмиескюла, Эльваский район, южная Эстония.

дящимися с разных сторон к центру деревни дорогами и улицами. Поля, сенокосы и выгоны деревень этого типа располагаются вокруг поселения (рис. 78, 79).

Звеньевые и рядовые деревни особенно часто встречались в северных районах Тартумаа: образованию их явно содействовала резко выраженная друмлинность рельефа. Там, особенно в северной части Вильяндимаа, встречались все же нередко кучевые деревни.

Для северной Эстонии наиболее характерными были разреженные кучевые деревни. В центральной же части северной Эстонии, в Ярвамаа, а отчасти и в соседних кихелькондах, на юго-западе Вирумаа, встречались также звеньевые и рядовые деревни. Среди упомянутых форм поселений, конечно, были также и переходные формы. Для Вирумаа, особенно для северо-западной и северной ее частей, окрестностей Раквере—Кунда, были характерны большие кучевые деревни. В Харьюмаа деревни в общем имели меньшие размеры.

Территория уезда Вирумаа была плотно заселена уже в первые века нашей эры, о чем свидетельствуют большие и многочисленные крупные каменные могильники на полях близ деревень (см. карту, рис. 29). Как известно, Датская поземельная книга в начале XIII столетия отмечает именно в Вирумаа ряд наиболее крупных поселений. Самое большое из них — деревня Тырма, близ современного города Раквере, выделялась своими размерами и в прошлом столетии. Таким образом, наиболее крупные эстонские деревни оказываются до некоторой степени связанными с

крупными древними могильниками, восходящими к первым векам нашей эры. В этот период основной отраслью хозяйства у эстонцев становится земледелие, и с тех пор поселения продолжали, по-видимому, существовать на одном и том же месте до наших дней. Каковы были типы этих древних поселений и как они развивались в позднейшие периоды, пока неизвестно; все эти вопросы ждут еще подробного изучения.

Просторная площадь в центре или иногда несколько на краю кучевой деревни — «кюлавайну» или «вайнупеалне» (*külavainu, vainupealne*), к которой сходятся дороги и улицы, в известном отношении являлась общественным и хозяйственным центром поселения: сюда приходила покачаться на качелях деревенская молодежь, здесь собирались на беседу старики, играли дети, сюда сгоняли деревенское стадо перед выгоном на пастбище и по возвращении с пастбища и т. д., здесь часто находился и общий деревенский колодец.

В западной части Харьюмаа и в северо-восточной части соседней Ляанемаа нередко встречаются деревни, в центре которых дворы расположены более или менее тесно один возле другого, образуя, так сказать, ядро деревни, между тем как отдельные дворы рассеяны вокруг этого центрального ядра. Кучевую деревню подобной планировки можно назвать поселением «ядерного» характера. Является ли этот тип поселений древним или он возник позже, в результате выселения помещиками из деревень отдельных хозяйств — еще не ясно.

На побережье западной Эстонии, в окрестностях залива Матсалу, так же как и на островах, можно встретить кучевые деревни более сплоченного характера, чем на севере республики. Наряду с ними, однако, здесь имелись и небольшие разреженные кучевые деревни, а также звеньевые деревни. В центральной части западной Эстонии, на территории древнего кихельконда Соонтага и в бассейне реки Пярну, а также на юге, в кихельконде Хяадемеэсте, сравнительно часто наблюдались разные планировки дворов. В богатом лесами кихельконде Саарде были распространены поселения разбросанного характера.

Для островов с их более ровным рельефом были характерны упомянутые уже сплоченные кучевые деревни. На рис. 80 изображен вид с птичьего полета подобной типичной для Сааремаа кучевой деревни Йыйсте, близ Лейси (в северной части острова). Дворы теснятся друг к другу, в центре деревни, на перекрестке дорог, — центральная площадь «кюлавайну». Дворы, улицы и ведущие в деревню дороги окаймлены плитняковыми оградками. Вокруг деревни располагаются характерные для поселений Сааремаа небольшие ветряные мельницы. Так как на островах положение с питьевой водой было более трудным, чем где-либо на материковой части, то обычным для островных деревень был общий, центральный колодец.

Крестьянский двор на Сааремаа, огороженный плитняковой оградой, был чаще всего неправильной планировки и отличался от большинства дворов на материке тем, что обычно был разделен на две части, из которых одна часть была чистым двором, куда не пускали скот. Крестьянский двор на острове Сааремаа был окружен не только оградой из плитняка, но и большим количеством мелких хозяйственных построек различного назначения, которые в таком количестве на материке не встречались. Особенно выделялась среди них такая постройка, как летняя кухня (*paargu*), с которой очень часто была соединена баня или домашняя кузница. Тесно скученные островные деревни были окружеы полями, размежеванными на множество участков, по числу дворов.

Как показывает карта на рис. 81, дворы в деревнях западной части Сааремаа были расположены немного менее скученно, чем в восточной

Рис. 80. Кучевая деревня (сплоченного характера), Йыйсте, Ориссаареский район, остров Сааремаа.

части. В этом, так же как и в некоторых отличных типов построек, в свою очередь, проявляется особенность материальной культуры западной части Сааремаа. На нашей карте эти деревни нанесены теми же условными знаками, которыми обозначены разреженные кучевые деревни на материке Эстонии, и так же, как там, крестики указывают отдельные имеющиеся на Сааремаа деревни разбросанного типа. Это, конечно, не означает, что островные или западноэстонские деревни полностью соответствуют таким же деревням северной или южной Эстонии. Они отличаются своими местными особенностями, проявляющимися в расположении дворов и угодий, в планировке усадеб и в постройках, что на карте не передается, поскольку все эти вопросы требуют еще уточнения.

Старое эстонское крестьянское жилище — жилая рига представляет собой своеобразный комплекс, в котором объединены под одной крышей изба (*tuba*; в южно-эстонских диалектах *tare*), гумно (*rehealune*) и коморы (*kambrid*). Жилая рига в общем весьма однородна по всей Эстонии. Тем не менее, в ее деталях могут быть обнаружены известные местные особенности, которые по своему распространению в основных чертах совпадают с описанными большими культурными областями. Наиболее заметные различия выступают, с одной стороны, на юге и востоке, а с другой — на севере и западе.

Жилое помещение (*tuba*), в котором осенью сушился хлеб, было в общем выше и у́же гумна, но в южной Эстонии у старых построек обе эти части имеют одинаковую ширину. Эта особенность отмечается и на территории северной Латвии, поскольку там прежде также существовала жилая рига. Это явление можно проследить и на островах, и в северо-восточной Эстонии. Местами (особенно в небольших хозяйствах) это могло быть обусловлено необходимостью соблюдать при постройке экономию, но вообще это явление прослеживается главным образом на окраинах, т. е. там, где эстонский тип жилища соприкасался со строениями другого типа. В южной и главным образом в юго-восточной Эстонии можно было бы указать и на другие, характерные для жилищ и для связанной с ними терминологии особенности. Здесь мы на них не останавливаемся, так как по этому вопросу сотрудник Этнографического музея АН ЭССР Т. М. Хабихт готовит специальное исследование.

Существенной частью жилища является печь. Почти у каждого народа печь отличается своеобразием и развивалась своим путем. Особенности в устройстве печей могут быть отмечены и в пределах Эстонии. В прошлом в южной Эстонии был распространен особый тип печи — глухая печь без каменки (*umbahi*); подобные печи встречались также на острове Сааремаа и на других островах.[30] В то же время в остальной Эстонии повсюду преобладал тип печи с каменкой — «керисом» (*keris*). И печь с каменкой, и название ее явно местное явление древнего происхождения, которое так или иначе может быть связано с открытым, сложенным из камней очагом. Такие очаги были обычными в жилище вплоть до I тысячелетия н. э. Прототип же так называемой глухой печи следует искать среди подобного типа печей у соседних славянских народов. Подобная печь встречается и в жилой риге северных латышей.[31] Можно полагать,

---

[30] G. Ränk, Saaremaa taluehitised. Opetatud Eesti Seltsi Kirjad V, Tartu 1939, стр. 155 и сл.

[31] Следует отметить, что наиболее древние печи с открытым керисом были обнаружены в 1954—1955 годах при археологических раскопках близ Риги в Огреском районе, на поселении Кентескалн, расположенном в древней пограничной полосе между территорией латышей и ливов (VII—VIII вв. н. э.). Раскопками последних лет на городище Асоте в среднем течении Даугавы (датируется X—XIII веками) были обнаружены глинобитные глухие печи (данные сотрудников Института истории и мате-

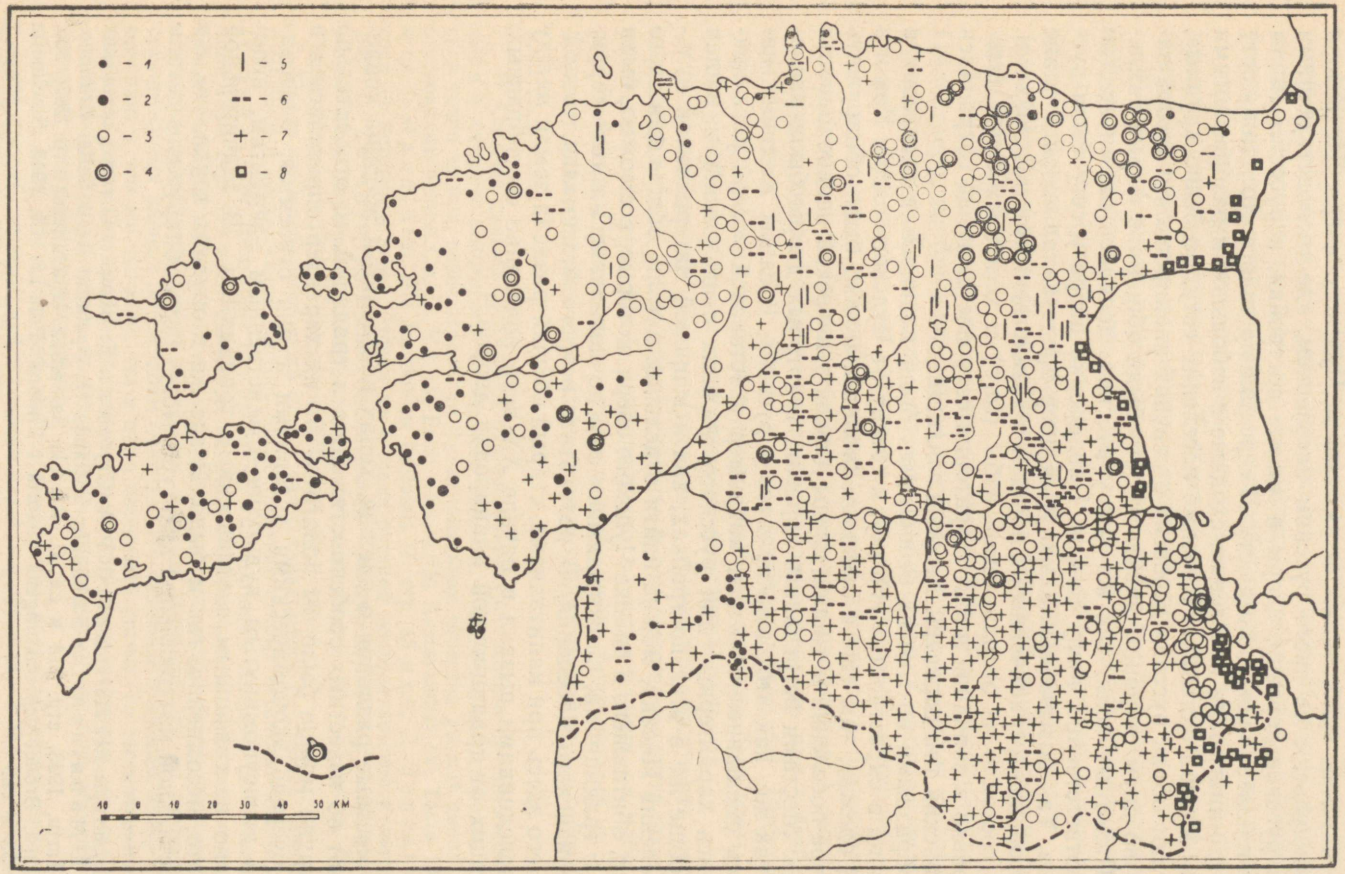


Рис. 81. Типы поселений в середине XIX в. в Эстонии (составила С. К. Лауль по трехверстной карте 1862 г.). *1* — кучевая деревня; *2* — крупная кучевая деревня (15 и свыше дворов); *3* — кучевая деревня разреженного характера; *4* — крупная кучевая деревня разреженного характера (15 и свыше дворов); *5* — рядовая деревня; *6* — звеньевая деревня; *7* — деревня разбросанного типа; *8* — деревня уличного типа.

что этот тип печи проник на эстонские острова с латышско-ливской территории. С другой стороны, возможно, что островное население восприняло этот тип печи от шведов, живших на островах и побережье Эстонии.

Совершенно особняком по типам поселений и жилища стоят территория сету и узкая прибрежная полоса вдоль Чудского озера. Не говоря уже о Причудье, с ее чисто русским населением, где господствующими являются русские деревни, дворы и жилые постройки, к русским типам все более и более переходили и сету. В середине прошлого столетия у сету в общем доминировали поселения, сходные с небольшими разбросанными деревнями южной Эстонии. Но позже поселения сету, особенно крупные, приобретают облик русских деревень с уличной планировкой и тесной застройкой по двум сторонам улицы. У сету была общинная форма земледелия. Пахотные поля, так же как у русских, делились на множество полос, соответственно числу едоков. Планировка двора у сету была русского типа. Так называемый замкнутый двор представлял собой в плане четырехугольник, ограниченный жилищем и хозяйственными постройками. Жилище состояло из отапливаемой избы (*tare*) и холодных сеней (*seenine*). Только в западной части территории сету местами еще сохранился южноэстонский тип деревень, двора и жилища.

Своеобразными во многих отношениях были планировка поселения и тип жилища в окрестностях Ийсаку, к северу от Чудского озера. Как и в народной одежде, там еще в прошлом столетии можно было обнаружить в характере поселений и жилищ следы давней этнической неоднородности населения. Местами встречались деревни, в которых дворы были расположены так же, как это было принято у русских. В самих жилищах наблюдались смешанные явления, например к эстонской жилой риге пристраивались характерные для русского жилища сени (*seeni*) и жилая изба. Вообще же в этих постройках, как и в прочей материальной культуре населения Ийсаку, можно найти отдельные детали, общие для всего населения, обитавшего в районе Чудского озера, которые, возможно, были связаны с традициями, сложившимися еще до появления на этой территории славянского населения. В результате острого безземелья, господствовавшего здесь при капитализме, старый обычай раздела земли между всеми наследниками вызвал в начале XX века появление своеобразных, отступающих от традиционной планировки дворов.[32]

*

Если местные различия в одежде, типах поселений и жилища свидетельствуют об известных особенностях быта и традиций, то относительно орудий труда можно было бы полагать, что их характер определяется в первую очередь экономическими условиями и они относятся, следовательно, к вышеупомянутым культурно-хозяйственным элементам, непосредственно не связанным с этническими традициями. В значительной степени это, несомненно, так и было. И все же в орудиях труда, так же как и в остальной материальной культуре, могут быть обнаружены детали

риальной культуры АН Латвийской ССР А. Стубавса и Е. Шноре). О типах эстонских печей см. I. Manninen, Die Sachkultur Estlands II. Õpetatud Eesti Seltsi Eritoimetused II, Tartu, 1933, стр. 214 и сл. G. Ränk, Saaremaa taluehitised, стр. 205, 206. K. Vilkuna, Brödet och bakningens historia i Finland. Folk-Liv IX, 1945, Stockholm 1946, стр. 33 и сл.

[32] Подробнее об этом см. A. Moora, Eesti ja vene elemendid Eesti NSV kirdeosa elanikkonna materiaalses kultuuris, стр. 201 и сл. А. Х. Моора, русские и эстонские элементы в материальной культуре населения северо-востока Эстонской ССР. Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год). Труды Института этнографии АН СССР, новая серия, т. XXIII, М., 1954, стр. 138 и сл.

и черты пережиточного характера, которые нередко на первый взгляд прослеживаются лишь с трудом. Эти детали тем не менее связаны с известными древними локальными традициями, благодаря чему они имеют значение для прослеживания культурных и этнических взаимоотношений.

Употребляемые в Эстонии типы пахотных орудий были распространены не только на ее территории, но и в соседних областях, далеко за пределами Эстонии, так как они сложились в соответствии с известной природной средой и практическими потребностями. Мы не будем здесь рассматривать подробно эстонские пахотные орудия, так как по ним имеется немало данных в литературе,[33] отметим лишь некоторые факты, имеющие значение для поставленной перед нами задачи.

В Эстонии были распространены в основном три типа пахотных орудий: рало, сделанное первоначально, в своей наиболее примитивной форме, из корневища (*juurpuuader*, рис. 82 : 1, 2), рало особого, островного типа, распространенное на Сааремаа и в прибрежной части Ляанемаа (рис. 82 : 3), и соха, употреблявшаяся в большей части материковой Эстонии (рис. 83, 84).

На стр. 282 воспроизводится рисунок (82 : 1) корреспондента музея из Пилиствере, изображающий по воспоминаниям наиболее простое и примитивное рало. Такое рало существовало в старину, «когда еще пахали на волах». Сделано оно из корневища ели, на котором оставлены три подрубленных корня. Самый толстый из них заострен и образует ральник, который в данном случае не имел железного наральника; к двум противоположным, более тонким корням приделана рукоять для управления ралом. Лесина же, или ствол дерева, служила дышлом. Работая таким ралом, пахарь, как сообщает корреспондент, должен был иметь при себе топор и нож, чтобы время от времени заострять ральник.

Основываясь на различных данных, можно предположить, что рало из корневища, хотя в некоторой степени и отличающееся деталями от изображенного на рис. 82 : 1, некогда было в употреблении на всей территории Эстонии. Примитивное рало дольше всего сохранилось в Ляанемаа. В некоторых случаях оно имело только одну рукоятку, в верхней части

---

[33] Следует сказать, что в более ранней литературе пахотные орудия рассматривались часто в качестве некоторого этнического явления, а позже с односторонне типологической точки зрения, вовсе игнорируя функциональные свойства разных типов и их связь с условиями почвы. См. G. Ränk, Eesti ader. ERM Aastaraamat IV, Tartu 1928, стр. 19 и сл. I. Manninen, Die Sachkultur Estlands II, стр. 45 и сл., Д. Зеленин, Русская соха, ее история и виды. Очерки из истории русской земледельческой культуры. Вятка, 1907. D. Zelenin, Russische (Ostslavische) Volkskunde, Berlin u. Leipzig 1927, стр. 9 и сл. В более широком аспекте рассматривает развитие сохи K. Vilkuna, Gaffelplogen. Finskt, Muuseum 1935, Helsingfors 1936, стр. 59 и сл.

После написания настоящей статьи автор ознакомился со статьей, опубликованной в Швеции и посвященной вопросу происхождения старых эстонских пахотных орудий: H. Hagar, Zur Geschichte des baltischen Hakenpfluges. Apophoreta Tartuensia, Stockholm 1949, стр. 119 и сл. Несмотря на то, что сборник, в котором появилась статья, в целом является тенденциозным, упомянутая статья заслуживает внимания. В этой статье не приводится нового материала, выводы основываются по преимуществу на сравнительных данных по соседним народам. По основным вопросам автор этой статьи приходит к тем же выводам, что и мы в настоящей статье. То обстоятельство, что, несмотря на различные рассматриваемые обоими авторами материалы, они все же пришли к одинаковым результатам, может служить доказательством того, что эти выводы в основных своих чертах правильны.

После того, как настоящая работа была сдана в печать, автор ознакомился еще с одной статьей, посвященной эстонским пахотным орудиям: G. Ränk, Die Hakenpflüge Estlands, Suomen Museo LXII, Helsinki 1955, стр. 5 и сл. В этой статье освещается ряд детальных вопросов, однако в целом автор оперирует поздними материалами, относящимися ко времени, когда старые пахотные орудия уже выходили из употребления. Положение, выдвигаемое в указанной статье, что древнейшим типом пахотного орудия в Эстонии было якобы сааремаское рало, необосновано.

которой укреплялась ручка. Корреспондент из Пилиствере, приславший указанный выше рисунок, отмечает, что рало того же типа было известно в Кодавере, на западном побережье Чудского озера, где его называли «крюковым» ралом (*konksader*). Следует отметить, что в настоящее время в Кодавере так называют обычную двузубую соху. Однозубое рало помнит также население Ряпина (северо-западное побережье Псковского

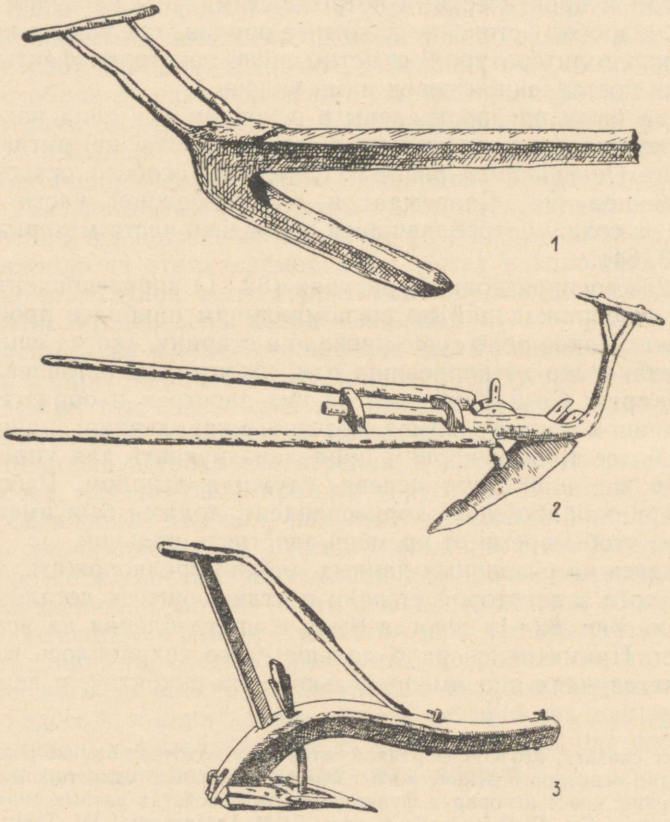


Рис. 82. Типы рала в Эстонии. *1* — примитивное рало, запрягаемое парой волов, Пилиствере, средняя Эстония (ЭМ Kv. 21, стр. 788); *2* — рало с железным наральником, запрягаемое лошадью, Пярну-Ягупи, юго-западная Эстония (по И. Маннинену); *3* — рало островного типа, запрягаемое лошадью, остров Муху (ЭМ А 282 : 123).

озера). По другим данным, об однозубом рале сохранились воспоминания в Рыуге, в юго-восточной Эстонии, где, впрочем, издавна пахали двузубой сохой (рис. 84 : 1). Некоторые материалы позволяют предполагать, что рало из корневища было известно также на северном побережье (северо-восточная Эстония). Однако чаще всего этот тип в конце прошлого века можно было встретить в восточной части Ляанемаа, а также в соседних районах Харьюмаа, т. е. на северо-западе Эстонии. Эта часть уезда Ляанемаа характеризуется более мощным почвенным покровом, чем западная, прибрежная полоса. Кроме указанного рала из Пилиствере (рис. 82 : 1) и некоторых подобных примитивных экземпляров в соответствующих описаниях, остальные однозубые рала, о которых упоминается

в музейных материалах, представляют собой более развитые формы. У них ральник прикреплен подвижно к дышлу, так что его наклон можно регулировать. Кроме того, он снабжен железным наральником (рис. 82 : 2). Несмотря на усовершенствования, это пахотное орудие оставалось, по существу, все тем же — оно характеризуется однозубой, поставленной более или менее наклонно рабочей частью.

Подобное примитивное рало встречается и за пределами Эстонии. Таким орудием, например, пахали в Белоруссии и в Новгородских землях,[34] а также в Литве и восточной Пруссии.[35] Из этого следует, что этот простой тип рала когда-то должен был быть распространен и на всей территории Прибалтики. Широкое распространение этого пахотного орудия и некоторые связанные с ним термины, перенесенные позже на соху, подтверждают ранее высказанное предположение о том, что этот тип рала является самым ранним из всех пахотных орудий, употреблявшихся в Эстонии.[36] До сих пор остается еще не выясненным вопрос о том, каким образом это пахотное орудие, одинаковое по своему типу у эстонцев, балтийских и славянских народов, стало называться у прибалтийских финнов германским термином *ader*. Как нам сообщил профессор К. Вилкуна, он полагает, что первоначально это орудие называлось не *ader*, а сохранившимся в финском языке термином *koukku*, соответствием которому в эстонском языке является название *konksader* (дословно «крюковое рало», ср. также глагол *koukima*, что по-эстонски означает ковырять, корчевать). Термин *ader* для обозначения рала распространился, очевидно, позднее, в связи с некоторыми усовершенствованиями, воспринятыми от скандинавов.

На островах и северо-западном побережье эстонского материка бытовал другой, островной тип рала — «ваннасадер» (*vannasader*). Для него характерно более или менее горизонтально расположенный клинообразный ральник («ваннас», *vannas*; рис. 82 : 3). Сравнение карты распространения этого типа рала с почвенной картой Эстонии показывает, что этот вид пахотного орудия был обусловлен особенностями почвенного покрова. Рало этого типа было распространено в районах, для которых характерны каменистые рихковые маломощные почвы, подстилаемые плитняком, и где вследствие этого пахали очень неглубоко. Точно такое же рало было распространено в юго-западной и в западной частях Финляндии, где почва также была каменистой.

Возможно, что ваннасадер сложился под влиянием пахотных орудий, употреблявшихся шведскими крестьянами, обитавшими на побережье Эстонии. Этот тип рала имеет в общем одинаковое устройство у эстонцев и прибрежных шведов, общей является также терминология отдельных частей этого орудия.[37] С другой стороны, рало этого типа представляет собой, по-видимому, дальнейшее развитие примитивного рала. Доказательством этого может служить терминология основных его частей, одинаковая у обоих типов рала. Так, например, дышло островного рала (ваннасадер) называлось так же, как и у рала из корневища, — «лесиной» (*vars*), а рукоять — «журавцом» (*kurg*).

---

[34] D. Zelenin, Russische Volkskunde, рис. Ia. С. Н. Орлов, К вопросу о древнем пашенном земледелии Ст. Ладоги. Краткие сообщения ИИМК, вып. 65, 1956, стр. 142 и сл.

[35] R. Braungart, Die Urheimat der Landwirtschaft aller indogermanischer Völker. Heidelberg 1912, рис. 155.

[36] Läänemaa. Maateaduslik, majanduslik ja ajalooline kirjeldus, Tartu 1938, стр. 121 (Г. Рянк).

[37] I. Manninen. Die Sachkultur Estlands II, стр. 53 и 50, сноска 1.

В тех районах материковой части Эстонии, где почвенный покров разрешал более глубокую пахоту, распространилась двузубая соха. Соха с раздвоенной рассохой появилась первоначально у восточных славян, вероятно где-то в верховьях Днепра. Как показали Д. Зеленин и К. Вилкуна, соха стала основным орудием обработки земли на территории всей лесной полосы Восточной Европы, где преобладали суглинистые почвы на моренной основе. Двузубая соха распространилась в западном направлении вплоть до древних прусских земель, в северном и северо-восточном направлениях — по всей территории Севера позднейшей России, вошла в обиход в Прибалтике и Финляндии и была занесена финскими переселенцами даже в центральную Швецию.

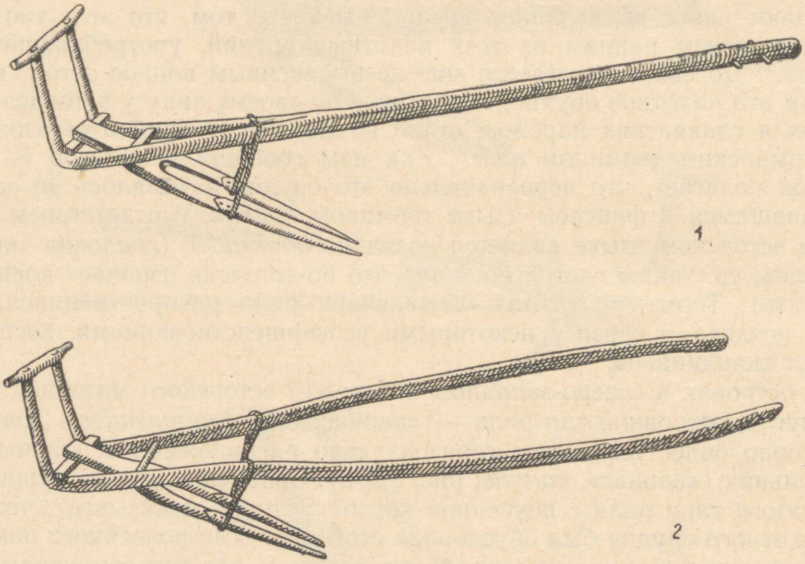


Рис. 83. Сохи конца XVII в. из средней Эстонии. (По рисункам Р. Р. Брокмана.) *1* — соха с «журавцами», запрягаемая парой волов; *2* — соха того же типа, запрягаемая лошадью.

В целом двузубую соху следует рассматривать, как известное явление хозяйственно-культурного типа, распространение которого не ограничивалось какой-либо одной этнической группой, но охватывало территорию различных племен и народов. И все же на значительной территории ее распространения сложилось довольно много вариантов сохи, отличающихся деталями, которые в той или иной мере были связаны с местными навыками и, следовательно, с этническими традициями. Эти различия были отчасти обусловлены тем обстоятельством, что соха, по-видимому, распространялась не одновременно, а несколькими волнами и притом несколько различными путями.

Наиболее древний вариант двузубой сохи, очевидно, представлен такой сохой, основой которой служило такое же корневище с журавцом, как и у примитивного рала, но вместо ральника к корневищу прикреплялась двузубая рассоха, наклон которой мог регулироваться. Такие сохи известны из Белоруссии, Литвы [38], а также из бывшей Восточной Пруссии. Соха такого типа в советской этнографии называется «полесской сохой». Эту соху тянула пара волов. Доказательством того, что эта соха про-

[38] I. Manninen, Die Sachkultur Estlands II, рис. 37, 38

никла на территорию древней Пруссии от славян, может служить ее название *Zoche*[39]. Этот вариант сохи встречался также в Эстонии. Так, в северо-западной Эстонии, в пограничной полосе между Ляанемаа и Харьюмаа, еще недавно пахали сохой, состоявшей из корневища с прикрепленной к нему короткой и широкой рассохой (рис. 85 : 4)[40].

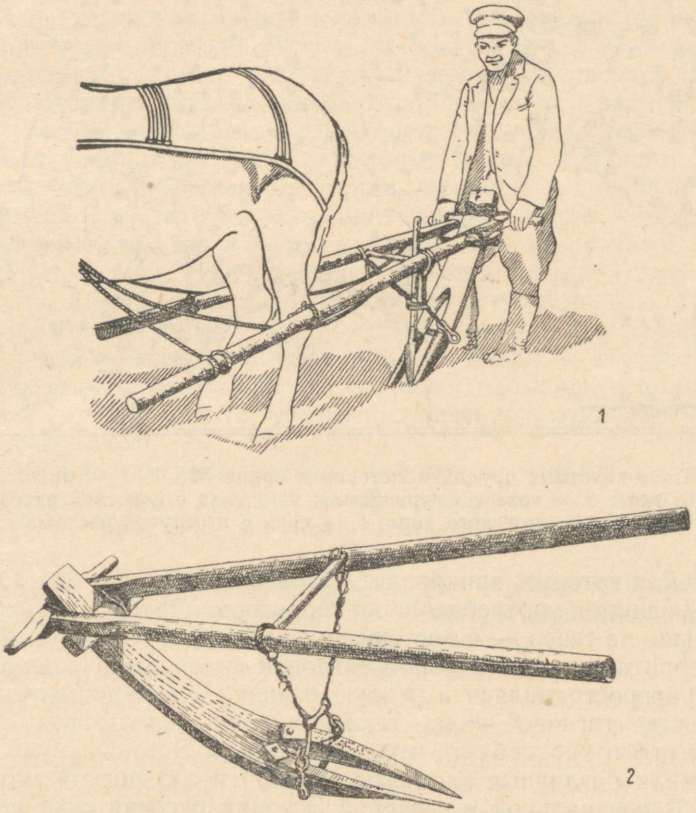


Рис. 84. Типы сох. *1* — соха южноэстонского типа, Пылъва (по фотографии ЭМ 419 : 39); *2* — соха с изогнутой рассохой и ножевидными сошниками, Ийсаку, северо-восточная Эстония (из материалов автора).

Очень рано, по-видимому одновременно с расселением восточнославянских племен на Псковской и Новгородской землях, соха этого типа стала распространяться с верховьев Днепра в северном направлении. Предполагают, что не позже IX века соху употребляли уже в Приильменье и южном Приладожье,[41] и примерно в это же время соха (и ее название *sahk*) проникла и в Эстонию.

В северной части Руси основной тягловой силой была лошадь, а не волы, поэтому и соха у русских получила соответствующую конструкцию. Основой русской сохи являлось не корневище, а пара соединенных между

---

[39] R. Braungart, Die Urheimat der Landwirtschaft, рис. 155.

[40] Lääпemaa, рис. 50 : 7.

[41] А. В. Кирьянов, История земледелия Новгородской земли X—XV веков. Автореферат диссертации, М., 1956, стр. 6. См. также В. И. Довженок, К истории земледелия у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. Материалы по истории земледелия СССР. Сборник I, М., 1952, стр. 115—159.

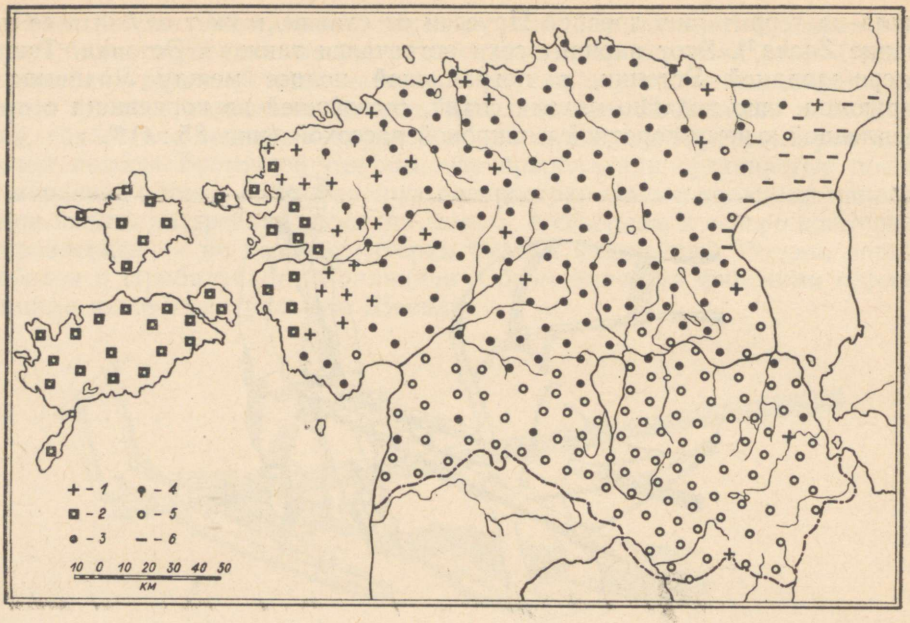


Рис. 85. Типы пахотных орудий в Эстонии в конце XIX в. *1* — рало; *2* — рало островного типа; *3* — соха с «журавцами»; *4* — соха с короткой рассохой; *5* — соха южноэстонского типа; *6* — соха с изогнутой рассохой.

собой обжей, к которым прикреплялась рассоха (ср. рис. 84). Соха подобной формы вошла в употребление на территории Литвы [42] и Латвии и проникла дальше на север — в восточные и центральные районы Финляндии, т. е. на территории, где основной тягловой силой была лошадь. В Эстонии соха распространилась в первую очередь в юго-восточных районах, где в качестве тягловой силы также широко использовалась лошадь; позднее ее стали употреблять и во всей южной Эстонии, куда уже и ранее проникали различные элементы русской и латышской материальной культуры. В центральной и северной Эстонии русская соха не получила распространения, так как здесь крестьяне пахали по преимуществу на волах (крупный рогатый скот в старину называли *vediksed* — «тягловым скотом», от глагола *vedama* — тянуть). Здесь образовался своеобразный тип сохи с «журавцами» (*kured*), в котором сочетались черты сложившейся на основе примитивного рала ранней (полесской) сохи и сохи русского типа. Соха, которой пахали на лошадях, отличалась от русских сох тем, что основной ее частью были не прямые и короткие обжи, а две длинные лесины с журавцами (рис. 83 : 2). Соха, в которую впрягали волов,

[42] О старинных литовских пахотных орудиях см. Ю. М. Юргинис, Земледелие и техника сельского хозяйства Литвы в XIII—XV веках. Труды Академии наук Литовской ССР, серия А, I, Вильнюс, 1955, стр. 60 и сл. Как показано в этой статье, в XV веке в Литве, наряду с более ранним типом однозубого рала употребляли и более тяжелую соху, в которую впрягалась пара волов. Согласно данным, основной тягловой силой, используемой там при пахоте однозубой сохой была лошадь. Поэтому в литовском языке с пахотой связана в первую очередь лошадь (а не крупный рогатый скот, как в эстонском языке). Соха по-литовски — arklas, лошадь — arklys, т. е. «пахотное животное». В начале XIX века с появлением более сильных лошадей, их стали впрягать и в тяжелую соху.

Позже, уже когда настоящая статья находилась в печати, вышла новая работа по данному вопросу: П. Дундулене, Земледелие в Литве в эпоху феодализма. Балтийский этнографический сборник. Труды Института этнографии, новая серия, т. XXXII, М., 1956, стр. 3 и сл.

имела не две, а одну лесину (или корневище) с журавцами, задняя часть которой была раздвоена, и в образовавшуюся таким образом развилину установлена рассоха. Рассоха у обоих этих вариантов эстонской сохи с журавцами была прикреплена тем же способом, как и у русской сохи (рис. 83 : 1).

То, что путь развития двузубой сохи в Эстонии был именно таков, подтверждает не только сравнение многообразных вариантов ее, но и связанная с ними терминология. В то время как в южной Эстонии обжи сохи назывались «райед» (*raied — raiuspuud, rakked*), в северной Эстонии они сохранили название, унаследованное от примитивного рала из лесины, — «варред» (*varred* — лесина), а загибающиеся кверху корни по-прежнему назывались журавцами и т. д. В некоторых местах журавцом стали называть и всю лесину.[43] Детали крепления рассохи и в южной и в северной Эстонии имеют одни и те же названия: *rindpakk, väädid, kast* и др. Название же пахотного орудия в целом складывалось по-разному. В то время как в южной Эстонии, расположенной ближе к исходной территории распространения нового типа пахотного орудия, сохранилось старое эстонское название его — «адер» (*ader*), «сохой» там и в центральной Эстонии называли лишь рассоху или даже только сошник. В северной же Эстонии русским словом «соха» (эстонское *sahk*) называли все пахотное орудие в целом, несмотря на то, что именно здесь оно отличалось по устройству от русской сохи.

Когда именно получил распространение в Прибалтике упомянутый вариант русской сохи — неизвестно. В Эстонии он был известен по крайней мере уже с XVII века, но можно полагать, что его знали уже значительно раньше.

Если между примитивным ралом, ралом особого, островного типа и двузубой сохой могут быть отмечены некоторые функциональные различия, определяющие их распространение, то между сохой с короткими обжами и сохой с журавцами такой резкой разницы не было. Их распространение было вызвано в первую очередь тем, что на юге и особенно на юго-востоке Эстонии основной тягловой силой, так же как на соседней территории у русских и латышей, была лошадь, в то время, как в центральной и северной Эстонии в качестве тягловой силы широко использовался крупный рогатый скот. С развитием капитализма здесь крупный рогатый скот был вытеснен лошадьми, в связи с чем начинает постепенно распространяться на север и более простая и легкая южноэстонская, или русская, соха [44]. Но старая традиционная соха с журавцами отступала не сразу, ее пытались несколько видоизменить с тем, чтобы приблизить к более простой и легкой русской сохе, характерной для южных районов Эстонии. Южноэстонской сохой, запрягаемой при помощи коротких обжей и постромок, было легче управлять, особенно на поворотах в конце борозды. Чтобы придать бóльшую подвижность североэстонской сохе с журавцами, концы лесин удлинялись путем прикрепления к ним подвижных деревянных звеньев, но в целом старый тип сохи на севере Эстонии остался прежним.

Из местных особенностей двузубой сохи можно отметить рукоять в виде доски с двумя отверстиями для продевания рук, встречавшуюся в кихелькондах Халлисте и Каркси. Эта и некоторые другие особенности земледельческих орудий (например, так называемая «полукоса» — *rauts*

---

[43] В Кодавере и Паламусе для журавцов существовало и более редкое название — *jugud*. Вообще *jugu* означает искривившееся при росте дерево или корневище.

[44] Распространение этих типов пахотных орудий в 20-х годах отображено на карте I. Manninen, Die Sachkultur Estlands II, рис. 35.

для кошения хлебов) относятся к элементам латышского происхождения, которые проникли в южную часть древней земли Сакала.[45]

В Эстонии был в употреблении еще и третий вариант сохи, который до сих пор оставляли без внимания, причисляя его к южноэстонским сохам[46]. Эта соха, для которой характерны сильно изогнутая рассоха и длинные, узкие ножевидные сошники, в прошлом веке, а может быть и раньше, была распространена в окрестностях Ийсаку, на северном побережье Чудского озера, и находила применение также в русских деревнях северо-западного Причудья (рис. 84 : 2). В начале текущего столетия соха этого типа проникла несколько дальше — в окрестности Йыхви и Люганусе, на южное побережье Финского залива. Эту соху называли «кульпадер (*kulpader*; *kulp* — черпак), «алутагусе адер» (*alutaguse ader*), а иногда и «вене адер» (*vene ader* — русская соха), что указывает на ее происхождение.

На соседней русской территории сложились две, несколько отличающиеся друг от друга разновидности сохи. Одну из них можно назвать южной разновидностью. У нее была более или менее прямая или (позднее) только слегка изогнутая рассоха, на концах которой были укреплены втульчатые или полувтульчатые сошники. Соху этого вида можно объединить с сохой, распространенной в южной Эстонии и в Латвии. Второй вариант сохи был распространен севернее, и его можно назвать северной разновидностью; для него характерна сильно изогнутая рассоха. На концы развилин рассохи сверху прикреплялись плоские ножевидные («коловые») сошники. Эта соха была господствующим типом пахотного орудия также у води и ижор и поэтому, вероятно, достигла Алутагусе, территории со смешанным русско-водско-эстонским населением. Одновременно эта соха распространялась в Карелии и в восточной и северной частях Финляндии, где ее наличие засвидетельствовано данными 1751 года[47]. Следует отметить, что отдельные экземпляры такой сохи проникли из Финляндии на побережье северной Эстонии — в Куусалу, где этот тип называют «финской сохой». У русских в Алутагусе соха с сильно загнутой рассохой называется «рогачом» или «ругачулькой». Примерно такое же название известно и в Финляндии[48]. То обстоятельство, что рукоять, упомянутой сохи в Финляндии называли журавцом (*kurki*)[49], указывает, что в прошлом там должно быть бытовало пахотное орудие с журавцами, по всей вероятности примитивное рало или ранний тип сохи с основой из корневища.

Алутагусеский вариант двузубой сохи не отличается заметно от вышеописанных сох. Распространение этой сохи показывает, что известные типы орудий прививались прежде всего на территории, связанной с их исходной территорией этническими или древними культурными традициями, и затем уже постепенно проникали за пределы этой территории.

В общем тем же путем шло распространение и других типов и вариантов сельскохозяйственных орудий, борон, серпов, кос, цепов. В соответствии с местными особенностями сельскохозяйственных орудий Эстония может быть подразделена на две части: с одной стороны, на южную и

---

[45] I. Manninen, Die Sachkultur Estlands II, стр. 58 и рис. 31.

[46] Этот тип сохи, однако, отмечен у ижор. См. I. Manninen, Etnograafilisi märkmeid Eesti-Ingerist. ERM Aastaraamat, IV, Tartu 1928, стр. 46 и сл., рис. 36. Можно было бы отметить еще и третий, восточный вариант русской сохи, который отличается длинными, сравнительно далеко отстоящими друг от друга параллельными обжами; в соху этого типа лошадь впрягалась при помощи дуги. См. D. Zelenin, Russische Volkskunde, рис. 4.

[47] K. Vilkuna, Gaffelplogen, стр. 60, 62 и рис. I.

[48] U. T. Sirelius, Suomen kansanomaista kulttuuria I. Helsinki 1919, стр. 266.

[49] K. Vilkuna, указ. соч. стр. 60.

восточную часть, с другой — на северную и западную [50]. Нередко на формирование типов этих орудий оказывали влияние природные факторы, но наряду с этим в указанных орудиях прослеживаются также и некоторые традиционные особенности.

*

Следует упомянуть еще об одном элементе материальной культуры, который, по-видимому, прочно связан с древними местными традициями, — о народной пище. В прошлом вопросам эстонской народной пищи, к сожалению, уделялось очень мало внимания; в ближайшее время ожидается окончание специального исследования, посвященного этому вопросу. На основе собранных материалов по народной пище были установлены некоторые различия между пищей населения южной и восточной Эстонии, с одной стороны, и северной и западной ее части — с другой. Наиболее заметными особенностями в пище населения южных и восточных районов были: творог, конопляное молоко и густая каша из толченых семян конопли (ее намазывали на хлеб вместо масла). Эти блюда не были известны в западной и северной частях Эстонии (исключая северо-восточные районы), но зато все они встречаются у соседних русских. Местами некоторые виды пищи называли даже русскими терминами — овсяный кисель называли *kiisla*, *kiisel*, творог — *vorok* или *vorong*. В юго-восточной Эстонии употребляли сыр (*sõir*), который был известен как у соседних русских, так и у латышских крестьян. Одной из особенностей южной части древней земли Сакала была «кама» (вид толокна). Название ее русское (комы), но в таком составе, как ее делали на юге Сакала, она была распространена еще только у соседних латышей [51]. Можно отметить также и некоторые особые черты в пище населения островов.

*

Как следует из вышеизложенного, в различных областях старой эстонской народной культуры выявляются в целом те же самые локальные группы, или области, что и в отношении народной одежды. Местные черты, конечно, в одних элементах проявляются более отчетливо, в других менее четко, также не всегда полностью совпадают и территории распространения их локальных особенностей. Это зависит, с одной стороны, от различного характера разнообразных элементов материальной культуры (одежды, построек, орудий труда и т. д.), о чем мы уже упоминали в начале статьи [52], а с другой стороны, также и от того, что каждый элемент этнографического материала содержит в себе многие разновременные напластования. Для того чтобы составить правильное представление об областях народной культуры, следовало бы по возможности выделить и сопоставить между собой элементы какого-нибудь одного определенного периода. В настоящее время мы еще не располагаем всеми необходимыми данными для восстановления культурных областей в разные периоды, а сопоставление разновременных материалов неизбежно влечет за собой неточности в отображаемой ими картине культурных взаимоотношений.

Используя письменные исторические источники, привлекая данные лингвистики, археологии и других смежных дисциплин, можно все же и

---

[50] I. Manninen, Die Sachkultur Estlands II, стр. 71 и сл.
[51] H. Kurrik, Kama. ERM Aastaraamat V, Tartu 1929, стр. 170 и сл.
[52] См. стр. 245.

теперь наметить некоторые разновременные пласты в развитии эстонской народной культуры. Самый древний слой, который сравнительно четко прослеживается в эстонском этнографическом материале, по-видимому, восходит к первым векам нашей эры. В эстонской народной одежде, а также и в остальном этнографическом материале проступают определенные группы, которые характеризуют условия позднего родо-племенного строя (ср. рис. 11). Конечно, сам материал относится к значительно более позднему времени, но он в основных своих чертах все ж отражает древние племенные группы. Это объясняется, по-видимому, тем, что, как мы уже неоднократно отмечали, более поздние элементы распространялись обычно в пределах древних традиционных областей.

Возможно, что уже в I тысячелетии, когда на территории современной северной Латвии еще обитали эстонские племена, в основных чертах сложился тип жилой риги, представлявший в более позднее время общее для Эстонии и для северной Латвии явление.

Можно надеятся, что при дальнейшем углубленном исследовании эстонской материальной культуры появится возможность выделить отдельные явления, относящиеся к еще более раннему периоду. На основании некоторых данных языка и археологического материала можно полагать, что удастся проследить следы более древних культурных взаимоотношений племен западной Эстонии и островов с племенами западной Латвии (т. е. предками ливов) и, с другой стороны, следы связей древнего населения восточной и особенно юго-восточной Эстонии с соседями на востоке.

В эстонском этнографическом материале проступает в некоторой степени слой, сложившийся во второй половине I тысячелетия и в начале II тысячелетия н. э. В этот период у эстонских племен устанавливаются непосредственные связи с восточными славянами, и славянское население проникает даже на территорию современной юго-восточной Эстонии [53]. В это время в материальной культуре славянского и прибалтийско-финского населения складывается ряд общих элементов и явлений, анализом которых предстоит еще заняться этнографам. В Эстонию, особенно на территорию юго-восточной и южной Эстонии, проникло немало славянских элементов, из которых важнейшими были двузубая соха и некоторые другие типы земледельческих орудий; позже, с широким распространением культуры ржи, от славян же был заимствован хлеб на закваске,[54] вероятно, глухая печь и пр.

По всей вероятности, в то время на базе смешанных южноэстонских (чудских) и славянских элементов сложилась этническая основа, на которой в последующее время выросла небольшая, но своеобразная группа эстонцев — сету. Предки сету, по данным археологии, имели некоторые связи также с прибалтийско-финскими племенами, обитавшими к востоку от Псковского и Чудского озер. Известно, что на территорию, занимаемую сету, позже переселились и эстонцы из Ливонии. Однако не представляется достоверным, что группа сету могла образоваться только из пришлых элементов, без основы, состоявшей из местного исконного чудско-эстонского населения.

С начала II тысячелетия н. э., т. е. со времени, когда славяне распространились на территории води и частично смешались с водским населением, русские и русско-водские этнические и культурные элементы проникли и в полосу, расположенную на севере от Чудского озера. На западе от Чудского озера, в позднейшем кихельконде Кодавере, эти элементы

---

[53] См. статью Х. А. Моора в настоящем сборнике, стр. 128.

[54] K. Vilkuna, Brödet och backningens historia i Finland, стр. 15 и сл.

в большинстве своем слились с обитавшими там эстонцами, однако еще долго и в языке, и в материальной культуре населения этого района проступали водские и славянские черты. К северу от Чудского озера, в окрестностях современного Ийсаку, состав населения время от времени пополнялся новыми славяно-водскими поселенцами. Поэтому и русско-водские черты проявляются здесь в материальной культуре гораздо сильнее, чем в Кодавере. Население деревень Причудья, занимавшееся рыболовством, восприняло русский язык и русскую культуру, население же более отдаленных от озера деревень, основным занятием которого было земледелие, восприняло эстонский язык и эстонскую культуру [55].

Во второй половине I тысячелетия началось, по всей вероятности, передвижение северо-эстонского населения в северную часть западной Эстонии и проникновение южноэстонских элементов в южные ее районы (на северо-запад позднейшего уезда Пярнумаа), о чем свидетельствуют соответствующие смешанные явления в языке (рис. 1) и в материальной культуре (рис. 53).

Данные об изменениях, происшедших в эстонской народной культуре в XIII—XVII вв., еще очень недостаточны. Тем не менее, можно отметить некоторые сдвиги, происшедшие в указанный период. В XIII—XIV вв. на побережье северо-западной Эстонии и на прилегающих к нему островах поселились шведские крестьяне. Соприкосновение со шведами оставило известные следы в языке и материальной культуре эстонского населения этих районов. В то же время можно отметить и проникновение в отдельные районы южной Эстонии латышских элементов. Так, представляется возможным, что район Харгла—Карула на юге Эстонии в прошлом был слабо заселен (см. карту, рис. 20). Судя по латышским чертам, проступающим в языке, одежде и вообще в этнографическом материале, а также в народном творчестве населения окрестностей Харгла,[56] можно полагать, что эта часть Эстонии была заселена с юга, с территории современной Латвийской ССР, где обитало смешанное эстонско-латышское население. На территории Латвии у этого смешанного населения победил латышский язык, в окрестностях же Харгла победителем оказался эстонский язык.

Примерно подобным же образом могут быть объяснены различные латышские явления в материальной культуре населения южной части древней земли Сакала, а также и латышское название этой группы населения — «мульгид» (*mulgid*). Известно, что к югу от этой древней земли, в кихелькондах Рухья и Хяргмяэ (на современной территории Латвийской ССР), в XIV—XV вв. латыши жили вперемешку с эстонцами. Эти эстонцы были соплеменниками населения южной Сакала. Пока еще не ясно, проникли ли в окрестности Халлисте — Каркси латышские элементы или просочились сюда на север древней эстонской племенной территории только элементы латышской культуры, следы которой прослеживаются и в последующие периоды. Харгла и Халлисте—Каркси и позже были как бы «мостом», по которому латышские культурные элементы проникали в соседние районы Эстонии.

Элементы, проникшие в эстонскую материальную культуру в XVIII и начале XIX в., образуют следующий, позднейший слой. О явлениях этого периода выше говорилось более подробно, чем о предыдущих, а поэтому останавливаться на них мы больше не будем. Отметим еще лишь, что в этот период, с зарождением капитализма, крестьянское население все более воспринимает разнообразные элементы городской культуры. В ре-

---

[55] См. статью А. Х. Моора, упомянутую в сноске 32, на стр. 280.

[56] См. статью А. Х. Каска, стр. 46, а также статью Х. Т. Тампере, стр. 297.

зультате этого быстрее стираются и границы древних культурных областей.

Как уже отмечено, отдельные разновременные элементы в материальной культуре выделяются не легко. Исследования в этой области должны продолжаться. Это является одной из самых главных задач этнографии, как отрасли исторических наук. С установлением возраста различных явлений материальной культуры вырисовываются также существовавшие в различные периоды историко-этнографические области и процесс их образования. Этим этнография вносит свой вклад и в разработку вопросов этнической истории.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНЦЕВ В СВЕТЕ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Х. Т. ТАМПЕРЕ

В Литературном музее имени Ф. Р. Крейцвальда Академии наук Эстонской ССР хранится богатое наследие духовной культуры эстонского народа, в том числе сокровища поэтического и музыкального народного творчества. На протяжении около 150 лет по всей Эстонии было собрано огромное количество народных песен, сказок, загадок, пословиц и поговорок, а также народных мелодий, описаний народных обычаев и верований, игр и танцев — всего около полутора миллиона записей. Бóльшая часть этих материалов была собрана корреспондентами на местах.

Особые заслуги в почине этой грандиозной собирательской работы принадлежат эстонскому просветителю-демократу Ф. Р. Крейцвальду, использовавшему народное творчество и как оружие в борьбе против феодализма, и как основу для создания служащей интересам народа эстонской литературы. Благодаря литературным трудам самого Крейцвальда, его эпосу «Калевипоэг», «Старинным эстонским народным сказкам» и другим произведениям, дело собирания устного народного творчества стало понятным и близким для широких народных масс. Начиная с последних десятилетий XIX века, Якоб Хурт, а по его примеру и другие фольклористы привлекли к этому делу сотни и тысячи людей во всех частях Эстонии, чтобы исчерпывающим образом собрать культурное наследие прошлого и сделать возможной его научную и художественную обработку.

Весь этот огромный материал изучался до сих пор в известной мере односторонне. Так, устное народное творчество, представляющее собой в основном «отражение... борьбы с природой, отражение социальной жизни в широких художественных обобщениях» (М. Горький), еще мало рассматривалось в качестве исторического источника. Отдельные попытки в этом направлении, сделанные буржуазными фольклористами, были либо явно тенденциозны, либо основаны на антинаучных, идеалистических концепциях. Не было достигнуто сколько-нибудь значительных результатов и в области периодизации и датировки основных этапов развития народной поэзии. В советское время пришлось, в сущности, приступить заново к разработке эстонского фольклора как исторического источника.

Материалы по эстонской народной поэзии и истории обычаев в основной своей части отражают быт народа и его художественное творчество в период феодализма, в условиях ожесточенной борьбы эстонского крестьянства против эксплуататорского гнета немецких захватчиков. Однако уже беглое ознакомление с этими материалами показывает, что в них со-

хранилось весьма много и таких элементов, которые восходят к родовому строю, а также к периоду возникновения классового общества. Причины, способствовавшие сохранению этих древнейших черт на протяжении всего периода феодализма, несомненно, следует искать в особенностях исторического развития эстонского народа в этот период.

Во второй половине прошлого столетия, в условиях развития капитализма, старое народное творчество стало сравнительно быстро исчезать. Только благодаря своевременно начатой интенсивной и систематической собирательской работе мы все же имеем о нем достаточно полное представление. В то же время в более поздних слоях народного творчества можно шаг за шагом проследить историю развития и упадка капитализма, историю героической борьбы трудового народа против эксплуататорского строя.

Не подлежит сомнению, что более подробное освещение долгого пути развития эстонского народного творчества и его отдельных явлений может дать немало важных материалов и для исследования этнической истории эстонского народа, может содействовать выяснению своеобразных черт культуры древних эстонских племен и их взаимоотношений, длительного и сложного процесса образования эстонской народности и, наконец, как буржуазной, так и современной социалистической эстонской нации. Исследования в этой области могут дать много существенных дополнительных материалов и для изучения истории соседних народов, в первую очередь русского и латышского, с которыми у эстонского народа уже с незапамятных времен были весьма тесные связи.

Пройдя долгий и сложный путь развития, эстонское народное творчество вобрало в себя весьма различные элементы. Первой основной задачей исследования истории этого творчества является установление в нем отдельных наслоений различного возраста, а .затем определение состава и происхождения этих наслоений.

Настоящая статья и имеет своей целью выявить древнейшие слои некоторых эстонских народных обычаев, песен и музыки, с тем чтобы использовать этот материал для исследования вопросов этногенеза и вместе с тем рассмотреть отдельные конкретные вопросы ранних периодов этнической истории эстонцев, внеся тем самым посильный вклад в дело изучения этой сложной проблемы.

I

Старинные эстонские народные песни (с аллитерационным стихом) и связанные с ними обряды и обычаи далеко не единообразны по всей территории Эстонии, они имеют целый ряд исторически сложившихся региональных особенностей. Эти особенности формировались в течение очень долгого времени, начиная с первобытно-общинного строя, в результате чего они в значительной мере отражают и своеобразие культуры отдельных древних племен. Можно вообще сказать, что в первой половине XIX века области распространения старой народной песни более или менее совпадали с территориями основных диалектов эстонского языка, хотя колебания в переходных районах между разными фольклорными областями были значительно бóльшими, чем между диалектами, и взаимные влияния проникали глубже за пределы отдельных районов (ср. карты, рис. 1 и 86).

Как в отношении диалектов, так и местных особенностей фольклора эстонская территория распадается на две обширные области: северную и южную (рис. 86, I и II). Песенные репертуары каждой из этих областей,

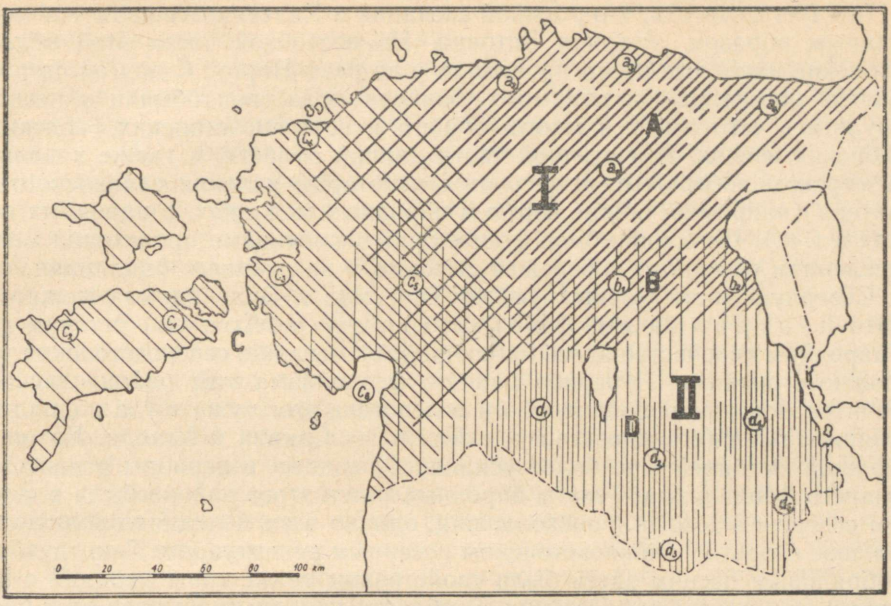


Рис. 86. Фольклорные области и районы в первой половине XIX века. *I* — североэстонская область; *A* — североэстонский район; *B* — центральноэстонский район; *C* — западноэстонский район; *II* — южноэстонская область. a_1, a_2, b_1, b_2 и т. д. — важнейшие подрайоны.

как и связанные с ними обряды, обладают существенными различиями, которые особенно заметны в более ранних слоях. Точно так же и народная музыка обеих областей носит различный характер.

Обширную область североэстонского диалекта с точки зрения распространения фольклора можно, в свою очередь, подразделить на три основных района: северный — в тесном смысле (A), центральный (B) и западный (C).

Северный район (в тесном смысле) охватывал примерно территорию уездов Вирумаа, Ярвамаа и восточную часть Харьюмаа. Для этого района характерно сравнительно большое единство традиций, хотя и здесь довольно легко можно различить старые племенные территории, каковыми являются морское побережье (a_{2-4}) и центральная часть территории, а также северо-восточный подрайон, так называемый Алутагусе (a_4), где сказывается влияние води и характерные черты которого сохранились также на западном берегу Чудского озера, в окрестностях Кодавере (b_2). Песенный репертуар северной Эстонии был весьма богат и разнообразен. Здесь были хорошо представлены почти все виды песен, содержание которых находило выражение в живописных образах и было облечено в классически совершенную форму.

Наиболее важные группы песен получили здесь своеобразное и достаточно богатое музыкальное выражение, тогда как более примитивные типы мелодий сохранились в основном на периферии. Из старых песенных жанров, наряду с жатвенными и лиро-эпическими песнями, обращают на себя внимание качельные песни с их характерным музыкальным ритмом. В позднейших наслоениях песенного репертуара в значительной мере выражен социальный протест, встречаются резкие выступления против феодального гнета (песни, направленные против помещиков, батрацкие и рекрутские песни).

Следует отметить, что родиной сказаний о Калевипоэге является также главным образом северная Эстония. Из восточной части этой области эстонские народные песни проникали и за реку Нарву. С другой стороны, водские поселенцы, по-видимому, занесли сюда свои обычаи и песни, в результате чего имеется много общего в восточноэстонских, водских и ижорских песнях. В восточной части данной области, а также и дальше, на морском побережье, встречаются некоторые явления славянского характера (например, общие черты в народных мелодиях, в народных обычаях и т. д.). Широкий обмен фольклорными мотивами происходил между населением северного побережья Эстонии и населением Финляндии.

Северную часть бывших уездов Тартумаа и Вильяндимаа можно назвать центральным фольклорным районом Эстонии (В). В народном творчестве здесь наблюдается смешение североэстонских черт с южноэстонскими. В период раннего феодализма этот район отличался значительной раздробленностью и вследствие этого уже тогда подпал под влияние больших южноэстонских земель — Сакала и Уганди. Его связи с южной Эстонией еще более усилились позднее, в периоды развитого и позднего феодализма. Тексты народных песен этого района были в основном североэстонского происхождения, однако в их мелодиях наблюдалось большое сходство с южноэстонским песенным репертуаром. Так, трудовым и обрядовым песням здесь были свойственны те же типы мелодий с припевами, что и в южной Эстонии. В области народных обычаев этот район также имеет общие черты с соседними северными и южными районами.

К западному району (С) относились эстонские острова и западная окраина материковой части Эстонии. Восточная граница этого района проходила примерно в западной части уезда Харьюмаа, совпадая в своей южной части с большими лесными массивами между городами Пярну и Вильянди. В качестве фольклорного района эта территория не образует в полной мере единого целого, что обусловлено сравнительно сложным и неравномерным ходом ее заселения, а также различием в основных способах добывания средств к существованию ее населением.[1] Старинные качельные и жатвенные песни, столь характерные для северной Эстонии, были здесь записаны главным образом в наиболее древних населенных пунктах (например, в районе проливов Муху — c_1 и c_3), но и эти записи отличаются малоразвитым текстом и мелодией. Явно более поздними являются песни тех же жанров, бытовавшие в окрестностях г. Пярну. Но особенно видное место занимали здесь свадебные песни, игры и мужской песенный репертуар, вследствие чего музыка часто носила бравурный и отчасти драматический характер. По-видимому, именно здесь ранее всего стала формироваться новая рифмованная народная песня путем постепенного перехода от старой песни с аллитерационным стихом. В фольклоре островной, а в известной мере и соседней материковой части Эстонии (по преимуществу в играх и обычаях) встречаются шведские элементы. Но население о. Сааремаа поддерживало оживленные сношения и с соседними народами. Так, в обрядах здесь много сходства с народными обрядами ливов и латышей, общие черты имеются даже с белорусским фольклором (например, в сказаниях о народном герое Тылле, в обрядах, связанных с Юрьевым днем, и т. д.), что указывает на связи, поддерживаемые по Западной Двине. На народных песнях и обрядах населения окрестностей г. Пярну (c_5 и c_6) сказалось сильное влияние фольклора как северной, так и южной Эстонии. Значительная часть

[1] См. статью Х. А. Моора, стр. 138. Возможно, что результаты дальнейших исследований потребуют разделения этого района в фольклорном отношении, например, на западную Эстонию и острова.

населения этой сравнительно поздно заселенной местности была, по-видимому, южноэстонского происхождения.

Если различия в народном творчестве рассмотренных нами подрайонов северной и западной областей были обычно незначительными и носили едва заметный переходный характер, то каждый из подрайонов южной Эстонии (II) отличался ярко выраженным своеобразием. Это объясняется различными факторами, влиявшими на ход образования этих подрайонов, а в некоторых случаях и различным происхождением их населения. Обращает на себя внимание обилие трудовых и обрядовых песен южной части древней земли Сакала (d_1), где были в большом ходу свадебные песни с припевом *kaske* (песни, называемые *kaasitused*), жатвенные песни с припевом *üle-es-les-les* (так называемые *leesitused*), а также пастушеские песни без слов (*alletamised*) с очень мелодичными напевами. Те же виды песен были хорошо известны в местности между Валга и Отепя (d_2) и в Сетумаа [2] (d_5), однако в каждом из этих подрайонов они прошли своеобразный путь развития. Одной из отличительных черт южной Сакала были также песни и обряды, связанные с коллективным хождением в ночное. Между тем в окрестностях Пыльва и Ряпина (d_4), а также в районе Тарту те же самые группы песен встречались редко и в музыкальном отношении имели мало оригинального. Характерной особенностью Сетумаа является исполнение народных песен многоголосным хором. Здесь записано также много песен повествовательного содержания, тогда как вообще в фольклоре южной Эстонии видное место занимает лирика (множество сиротских песен, в песнях встречаются изображения природы и т. д.). Своеобразным характером отличалось народное творчество подрайона, образуемого окрестностями Харгла (d_3), где мы, по-видимому, имеем дело с особенностями народной поэзии эстонских племен, ранее обитавших в северной части современной Латвии.[3] Некоторые поселения эстонцев в Латгалии и на Псковщине были также южноэстонского происхождения. По сравнению с репертуаром населения северной Эстонии, форма песен, особенно юго-восточных районов, была значительно свободнее и проще; в то же время народные песни сохранились здесь в большей мере в связи с соответствующими обрядами, хотя, с другой стороны, их музыкальное выражение стало гораздо разнообразнее. Славянские элементы встречаются главным образом в народных песнях Сетумаа, однако они достаточно широко распространены и в других районах южной Эстонии. Для народного творчества сету характерно также большое количество сказок, имеющих много общего с русским, особенно же с белорусским и украинским сказочным репертуаром. Устное народное творчество населения южной Эстонии имело весьма тесные связи и с латышским фольклором.

Как указано выше, описанные нами фольклорные районы сложились в результате длительного исторического развития. В последующих главах мы постараемся осветить происхождение и формирование некоторых древних явлений эстонского народного творчества.

---

[2] Восточные части современных Ряпинаского и Вастселинаского районов и часть Печорского района Псковской области.

[3] Как говор, так и фольклор населения окрестностей Харгла обнаруживают большое сходство с говором и народным творчеством остатков эстонского населения (так называемые *leivud*) в Апеском районе современной Латвии.

II

На протяжении первого тысячелетия нашей эры в общественно-экономической жизни эстонских племен произошел ряд коренных изменений. Земледелие, которое наряду с другими отраслями производства (скотоводство, рыбная ловля, охота и т. д.) существовало в зачаточном виде уже ранее, стало в начале нашей эры основой хозяйства. Сначала это было в основном подсечное земледелие, однако уже во второй половине тысячелетия, с проникновением с территории славянских племен двузубой сохи, началось широкое развитие пашенного земледелия. Наряду с земледелием важное место занимало и скотоводство. Прочно вошли в обиход металлы; оживился и торговый обмен не только с соседними племенами, но и между эстонскими землями. Результаты этих коренных изменений в экономике и в соответствующих общественных отношениях эстонских племен отразились, естественно, и на развитии явлений надстроечного характера, в том числе на устном народном творчестве. Получили значительное развитие земледельческие обряды, а также связанные с ними трудовые и календарные песни.

Успехами в области производства были обусловлены и существенные изменения в характере заселения эстонской территории. В предшествующий период, в последнем тысячелетии до нашей эры, население было сосредоточено по преимуществу на морском побережье, а также в бассейнах рек и озер. В первые века нашей эры заселенность страны значительно расширилась, захватывая в первую очередь пригодные для земледелия возвышенности в окрестностях современных городов Раквере, Пайде, Тюри, Вильянди и Тарту. К середине первого тысячелетия уже образовались главные центры, откуда позднее заселение распространялось шаг за шагом и на менее плодородные или труднее возделываемые области (см. карту, рис. 87).[4] Как мы увидим дальше, распространение некоторых групп песен, например жатвенных, ограничилось в основном указанными древними заселенными центрами.

Территория современной Эстонии заселялась в некоторой степени также извне. Так, уже во второй половине первого тысячелетия в юго-восточной Эстонии, в бассейнах рек Ахья, Выханду и Пиусы (Пимжи), поселились в значительном количестве кривичи, которые к началу второго тысячелетия ассимилировались своими соседями — эстонцами. Однако область эта сохранила все же значительные культурные особенности. Поскольку юго-восточная Эстония уже в начале нашей эры занимала в культурном отношении особое положение (см. стр. 114), следует полагать, что некоторые из этих особенностей восходят ко времени до прихода кривичей. В XII веке на северном и западном берегу Чудского озера появились водские поселения, а вместе с ними в некотором количестве и русские.

Народная поэзия области, заселенной когда-то кривичами, имела свои отличительные черты. Здесь была богато представлена разнообразная в музыкальном отношении бытовая лирика, но отсутствовали или были слабо развиты некоторые виды старинных трудовых и обрядовых песен (например, пастушеские и качельные песни), традиция которых сложилась у соседних эстонских племен, по-видимому, еще до эстонизации поселившихся здесь кривичей (см. карты, рис. 90 и 93). Некоторые различия в обрядности и образе жизни продолжали существовать и позднее, что препятствовало полной консолидации устного творчества. Специфика

[4] На карте показан ход заселения примерно до середины XIII века. В некоторые, в то время еще не заселенные местности население проникло позднее (окрестности Пярну и Валга, о. Хийумаа, северное побережье Чудского озера и т. д.).

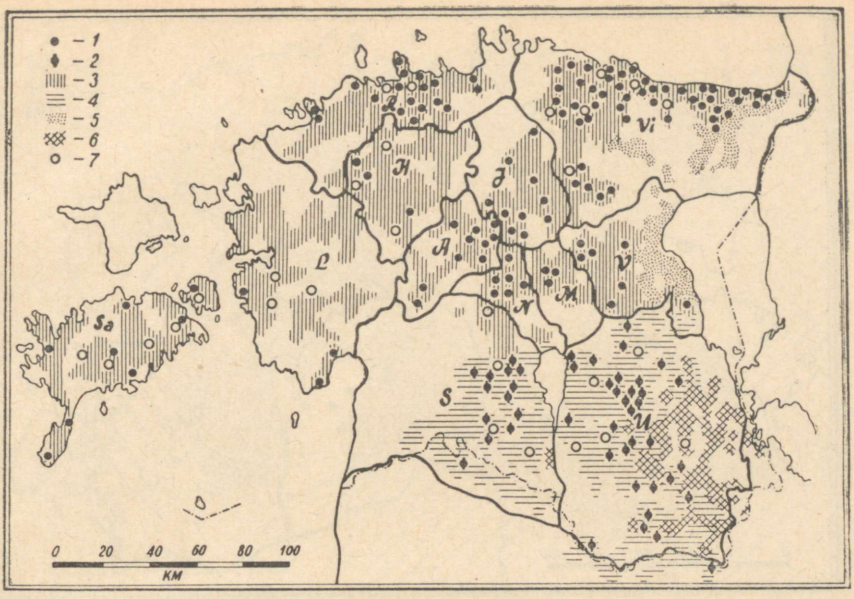


Рис. 87. Распространение эстонских поселений с начала нашей эры до XIII столетия. *1* — североэстонские племена в I—IV вв.; *2* — южноэстонские племена в I—IV вв.; *3* — североэстонское население в начале XIII в.; *4* — южноэстонское население в начале XIII в.; *5* — население водского происхождения в начале XIII в.; *6* — население, происходящее от кривичей, в начале XIII в.; *7* — городища. *A*, *H*, *J* и др. — мааконды (ср. рис. 20).

фольклора областей, заселенных в древности кривичами и водско-русским населением, требует еще дальнейшего, более детального изучения.

Вообще археологический материал, относящийся к первым векам нашей эры, ясно показывает характерные черты культуры отдельных древних племен. Многие племенные особенности сохранились до настоящего времени в эстонских диалектах и бытовали, по крайней мере, до середины XIX века в устном народном творчестве, а также в целом ряде народных обрядов (как на это уже указывалось в предыдущей главе). На территории современной Эстонской ССР в этот период можно ясно различить две большие группы эстонских племен — северную и южную. От них заметно отличалась племенная группа, обитавшая на о. Сааремаа и на западе материковой части Эстонии.

Во второй половине первого тысячелетия быстрый рост производительных сил привел к разложению родо-племенного строя, к возникновению частной собственности и позднее к образованию классовых отношений. Прежние общины, основанные на родовых связях, уступают место территориальным сельским общинам, которые, в свою очередь, объединяются в более крупные единицы — «кихельконды» и в их союзы — «мааконды», или «земли». В условиях новых отношений, не основанных на родственных связях, на данном историческом этапе начался процесс постепенного смешения эстонских племен, их ассимиляции и тем самым зарождения новой этническо-исторической категории — народности. Процесс формирования народности сопровождался значительным прогрессом в области народной культуры, в развитии которой в большой мере сказалось воздействие различных культур. Это развитие протекало весьма интенсивно одновременно с распадом родового строя и смешением и слиянием различных племен, с образованием эстонской народности.

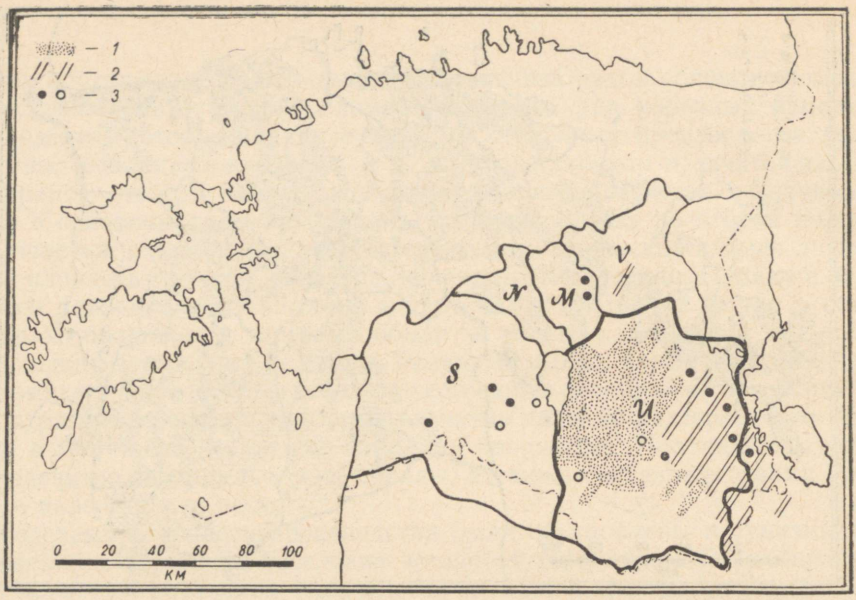


Рис. 88. Отношение племени Уганди с соседями. *1* — племенная область Уганди; *2* — «угаловец» как имя нарицательное, пренебрежительное; *3* — «угаловец» в народной песне «Жатвенное пиво».

Территориальные объединения в основном продолжали существовать и в период раннего феодализма (X—XII вв.), хотя в это время стали возникать новые, феодальные владения. На территории Эстонии образовалось 8—9 крупных земель, кихельконды которых были более или менее тесно связаны между собой; кроме того, в центральной Эстонии существовал ряд отдельных кихелькондов, которые еще не были объединены с соседними землями. Население каждой такой территории либо восходило к какому-либо древнему племени, либо образовалось в результате слияния элементов различных племен. Так, например, в крупный мааконд (землю) Уганди, помимо угаловцев (как бывшего племени) окрестностей Отепя и Тарту, входила на юге этническая группа, близкая к эстонцам земли Адсела в современной северной Латвии, а на востоке территория (по-видимому, названная Генрихом Латышским Валгатабалве), население которой образовалось в результате слияния эстонцев с кривичскими элементами.

В связи с этим интересно отметить, что еще в наше время в восточной части бывшей земли Уганди, а также в других местностях восточной Эстонии, которые ранее не были заселены племенами угаловцев, бытует слово «угаловец» (эст. *ugalane)* в качестве имени нарицательного с пренебрежительным значением «непонятливый, простак, злой, строптивый, косноязычный человек» или даже «разбойник» (см. карту, рис. 88). Примерно в тех же местах хорошо известна одна редакция жатвенной песни («Жатвенное пиво»), где говорится о возможности разбойничьих нападений угаловцев на соседей (см. карту, рис. 88).[5] В этой песне участники жатвы призываются к скорейшему окончанию работы, так как на краю

[5] Полные варианты обозначены на карте точками. Кружками обозначены фрагментарные варианты с искаженным текстом, распространение которых относится отчасти к более позднему времени.

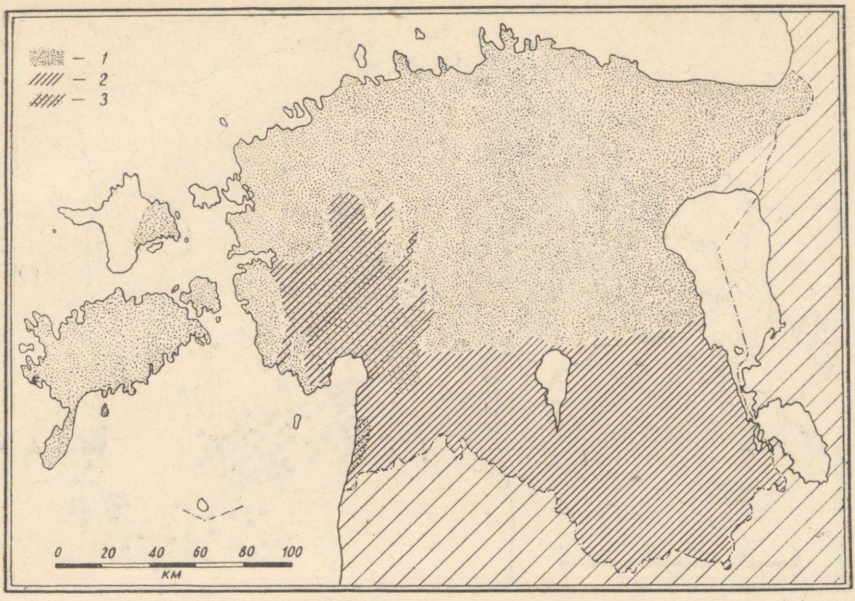


Рис. 89. Периоды качания на качелях. *1* — в праздник троицы и позднее; *2* — на пасхе или начиная с пасхи; *3* — соблюдаются оба периода.

поля их уже ждут домашние со жбанами пива. Однако тут же добавляется, что в конце поля ждут, может быть, «угаловцы, что там пьют, может быть, кровь». В той же области встречаются также песни со следующими стихами:

Olli orjan, käve karjan,
Olli orjan Uga rajal...

(«Я был рабом, пас скот, я был рабом в Уганди»).

Подобные песни могли получить распространение в восточной части Уганди именно потому, что эта область первоначально не входила в состав этого мааконда, и между ее населением и исконными угаловцами существовал известный антагонизм. Можно думать, что зарождение этого антагонизма относится к началу II тысячелетия, когда феодализирующаяся знать земли Уганди начала устанавливать здесь свое господство. В то же время в некоторых песнях этой области указывается на родственные и дружественные связи с угаловцами: певец говорит, например, что его дядя живет в Уганди и т. п. Отметим тут же, что после завоевания Эстонии немцами и учреждения Тартуского епископства название «Уганди» быстро вышло из употребления и сменилось впоследствии названием «Тартумаа».

В северной части земли Сакала, вокруг замка Лыхавере (у Генриха Латышского — Леоле), образовался кихельконд, население которого было, по-видимому, североэстонского происхождения. В этой местности (впоследствии Сууре-Яниский, отчасти также Вильяндиский и Кыпуский приходы) говорят в настоящее время на североэстонском диалекте, хотя и с некоторыми особенностями западных говоров, тогда как в этнографическом и фольклорном отношениях данная область примыкает скорее к центральной Эстонии.

Племена земель Сакала и Уганди были весьма близки друг к другу по своему происхождению, языку и культуре. Целый ряд сохранившихся

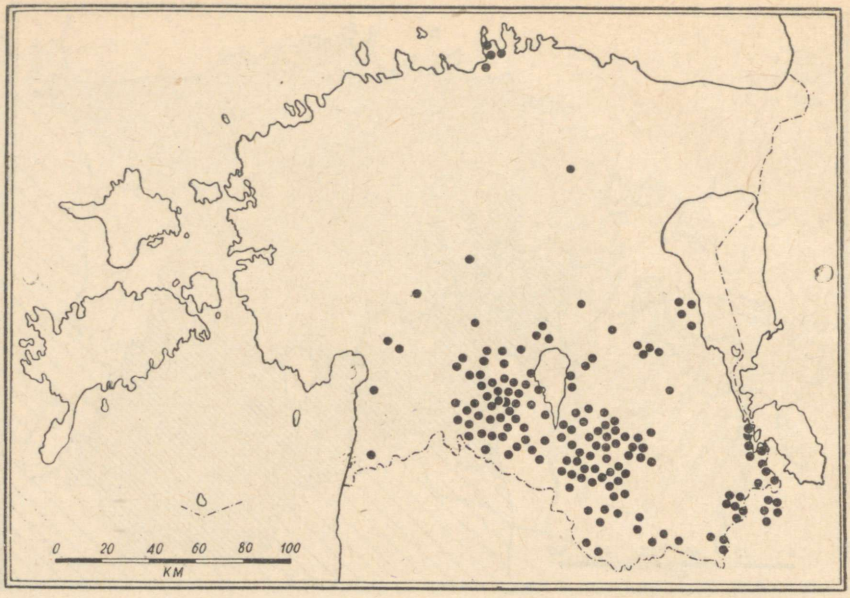


Рис. 90. Пастушеские песни-переклички.

до нашего времени старинных народных обрядов и мотивов фольклора являются общими для обеих названных племенных областей и не распространились далее на север (их нет и в окрестностях Лыхавере). В то же время многие из них обнаруживают сходство с соответствующими обрядами у латышей, русских и белоруссов, что указывает на весьма древние, восходящие ко временам родового строя, связи этих народов, как и на взаимное влияние их культур.

Один из таких древних обычаев — это качанье молодежи на качелях во время весеннего праздника.

Весенний праздник, которым первоначально отмечалось начало весенних полевых работ и который впоследствии был связан с христианским праздником пасхи, занимал особенно важное место в древнем славянском и балтийском аграрном календаре. Поскольку с этого праздника начинался период полевых работ, его празднование сопровождалось различными обрядами, имевшими целью повысить плодородие; но он был связан и с культом предков, а также с многочисленными развлечениями. В числе этих последних видное место принадлежало хороводам и качелям. В Эстонии, на всей территории южного диалекта, также качались на качелях в весенний праздник, но только в это время года.

Существенно иной характер носила эта народная традиция в северной и западной Эстонии. Здесь качанье на качелях происходило не во время весеннего праздника, а позднее — по большей части в праздник троицы, но также еще в Иванов день и вообще в продолжение всего лета в свободное время. Этим календарным различиям в традиции обеих областей соответствовало различие и в устройстве качелей. На юге они устраивались обычно между двумя деревьями и имели неподвижную перекладину. Такой же тип качелей был распространен у русских и у латышей. Непрочное устройство этих качелей объяснялось их кратковременным использованием в связи с весенним праздником. Между тем на севере большие и прочно сделанные качели стояли годами. Как уже сказано, границы этой традиции отличаются четкостью и совпадают не столько с границами ста-

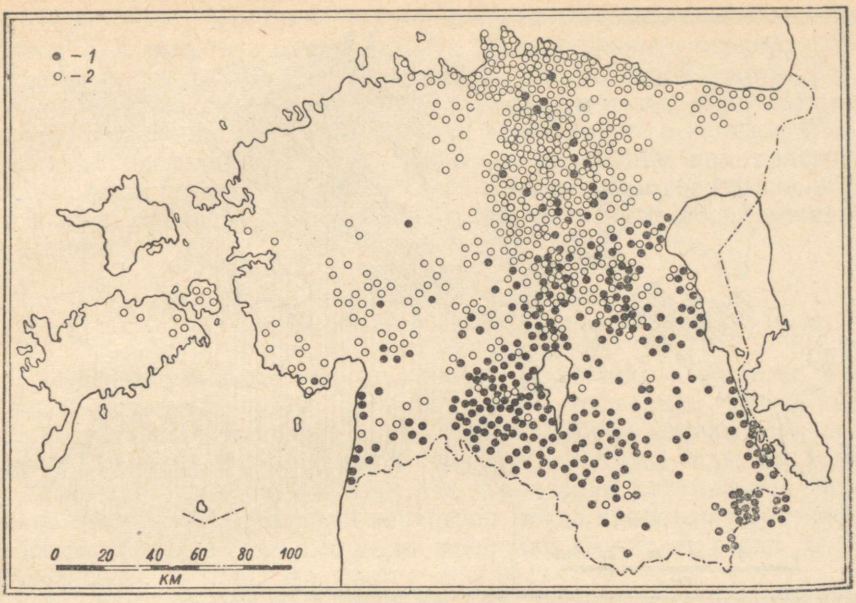


Рис. 91. Область распространения эстонских жатвенных песен. *1* — южноэстонские типы и редакции; *2* — североэстонские типы и редакции.

рых маакондов (земель), сколько с границами племенных территорий (см. карту, рис. 89). Исключением в этом отношении является лишь одна, позднее заселенная местность в западной Эстонии, где известны два периода качанья на качелях (ранневесенний и поздне-весенне-летний), причем в ранний период устраиваются легкие, временные, а в более поздний период — большие, прочные качели. В той же местности как в народных обрядах, так и в песнях скрещиваются южные и северные элементы. Вопрос о том, чем обусловлены указанные различия в периодах качанья и в устройстве качелей, по-видимому, может быть выяснен лишь в результате сравнительного исследования соответствующей обрядности как эстонского, так и соседних народов.

Области распространения многих других народных обрядов также сравнительно четко ограничены и совпадают с древними племенными областями. Несколько меньшей определенностью отличаются обычно пределы бытования явлений поэтического народного творчества, однако и здесь распространение некоторых трудовых и обрядовых песен представляет сходную картину. Это говорит о том, что традиция того или иного фольклорного явления восходит к тем отдаленным временам, когда отдельные племена или племенные группы, из которых впоследствии сложился народ, жили еще достаточно самостоятельной культурной жизнью и имели многообразные внешние сношения.

III

Начиная с конца I тысячелетия нашей эры, археологические данные уже не показывают сколько-нибудь резких племенных различий в эстонской материальной культуре, как это наблюдалось ранее. Экономическое и культурное общение крепнет, отдельные племена начинают сливаться в эстонскую народность. Приведем некоторые примеры из устного народ-

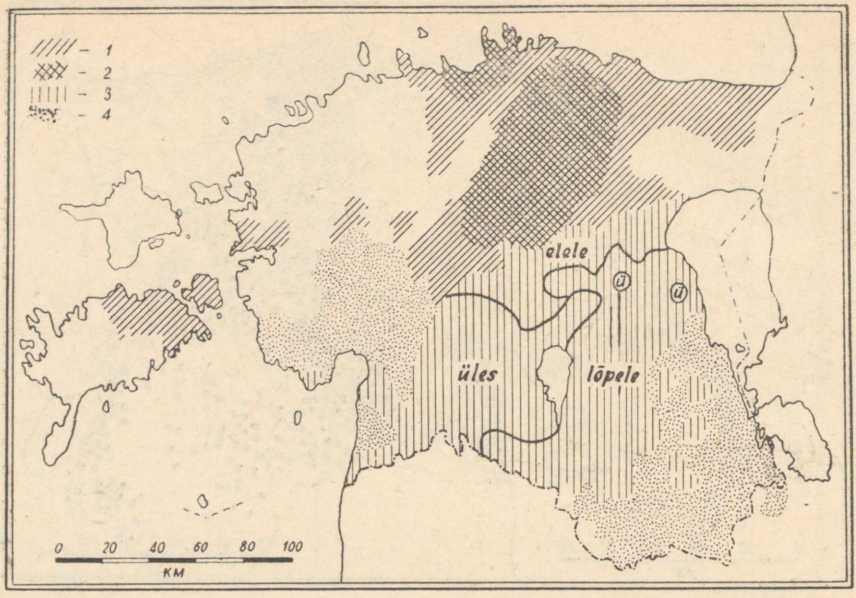


Рис. 92. Область распространения различных типов мелодий жатвенных песен. *1* — североэстонские речитативные мелодии; *2* — североэстонские напевные мелодии; *3* — старые южноэстонские мелодии с припевом; *4* — новые южноэстонские типы мелодий (без припева или с вторичным припевом — *kaske*, *talgo*, *lelo* и т. д.)

ного творчества центральной Эстонии, указывающие на то, что в этот период начинается скрещивание и фольклорных явлений.

По данным хроник и других источников начала XIII века, на территории средних североэстонских племен к этому времени еще не образовалось крупных земель, или маакондов, а существовали в основном лишь так называемые кихельконды. Сравнительно небольшие земли, включавшие в себя ряд кихелькондов, представляли собой лишь Ярвамаа и Вагья (Вайга). В земле Вагья имелось население также водского (откуда, по-видимому, и ее название) и отчасти даже элементы южноэстонского происхождения. Часть среднеэстонских племен объединилась с землей Вирумаа, а другая часть, как мы уже видели, — с Сакала. Из числа кихелькондов, расположенных южнее, Нурмекунд и Мыху, так же как и Вагья, по-видимому, уже в это время находились в сфере влияния земель Уганди и Сакала, как об этом ясно свидетельствуют и более поздние фольклорные и этнографические материалы. Особенно показательны в этом отношении старинные трудовые и обрядовые песни.

В предыдущей главе было отмечено, что главная область распространения жатвенных песен в общих чертах совпадает с основными эстонскими земледельческими районами в первой половине I тысячелетия (см. карту, рис. 91). Особенно сильна была традиция этой группы песен, с одной стороны, в Ярвамаа и западной Вирумаа, с другой же стороны, в центральной Сакала, — как в исконных земледельческих центрах. Отсюда, вместе с постепенным заселением страны, эти песни проникли и в соседние области, например в бассейн реки Пярну. Однако в тех местностях, где земледелие развивалось медленнее, они не получили такого широкого распространения.

Старейшие жатвенные песни были по большей части связаны с различными обрядами, выполняемыми в начале и конце жатвы и в основ-

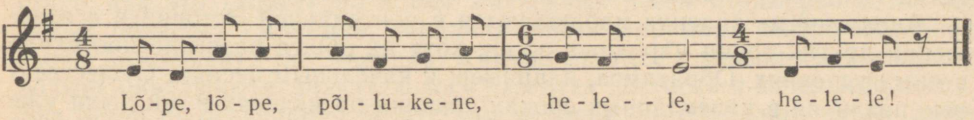
ном имели целью облегчить труд и добиться хорошего урожая. Еще в середине XIX века был распространен обычай хранить первый сноп «на счастье» в клети до праздника рождества или до новой жатвы. Тот, кто сжинал этот сноп, пел или исполнял речитативом песни, в которых высказывались пожелания успешной работы. Точно также в конце жатвы тот, кто сжинал последние колосья, поднимал их серпом над головой и в песне выражал пожелание, чтобы хлеба́ в следующем году выросли высокими и дали обильный урожай. Почти все жатвенные песни начинаются пожеланием:

Lõpe, lõpe, põllukene!
(«Кончайся, кончайся, полюшко!»)
или: Üles, üles, põllukene! (то же значение)

Реже встречаются обращения со словами ободрения к жницам. Таковы общие и основные черты всех эстонских жатвенных песен, несомненно восходящие к глубокой древности. Но другие мотивы этих песен в северной и южной Эстонии значительно различались или, по крайней мере, получили иное содержание. На территории центральной Эстонии бытовал обширный смешанный репертуар, тогда как южноэстонские, особенно сакаласские, жатвенные песни проникли далеко на север, за прежние племенные границы (см. карту, рис. 91).

Если могли параллельно существовать песенные тексты различного происхождения (разумеется, при условии их переложения на местный диалект), то их пение неизбежно требовало наличия единой мелодии для всей группы песен в данной местности. Так, в северных частях уездов Тартумаа и Вильяндимаа были усвоены южноэстонские типы мелодий (см. карту, рис. 92). Это по большей части речитативные мелодии в диапазоне кварты, охватывающие один стих, с характерным восклицательным припевом в конце каждого стиха (мел. 1). Припевы повторяют ту

Мелодия 1 Колга-Яани



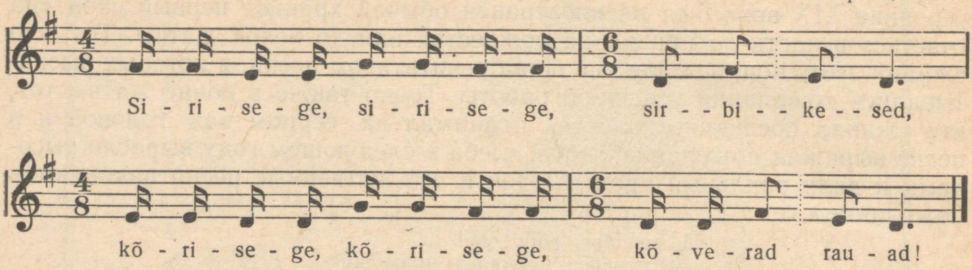
же основную мысль, которая выражена в самой песне, т. е. обращение к полю, чтобы оно скорей кончилось [припевы: *lõpele* («к концу») — главным образом в бывшей земле Уганди, *üles* («вверх») — главным образом в бывшей Сакала, *elele* [6] — в центральной Эстонии и т. д.]. Следует отметить, что традиция припевов этого рода свойственна также трудовым и обрядовым песням славянских и балтийских народов и особенно хорошо сохранилась у южных эстонцев и латышей, а из славянских народов, по-видимому, у болгар.

В северной Эстонии мелодии жатвенных песен носили иной характер. На периферии в XIX и отчасти в XX веке здесь еще бытовали весьма архаичные речитативы без припева. Их своеобразной особенностью является выдерживаемый конечный звук, что вместе со скачка́ми в мелодии придает ей также восклицательный характер (мел. 2).

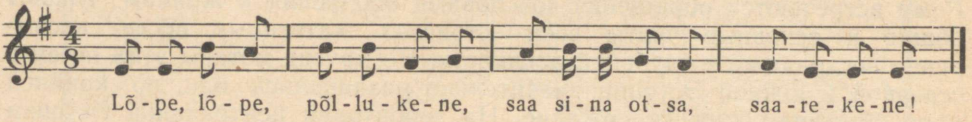
В Ярвамаа и в западной части Вирумаа развитие текстов и мелодий жатвенных песен было наиболее интенсивным. К основным мотивам здесь присоединилось много новых лирических и сатирических элементов, служащих часто выражением протеста против феодальной эксплуатации. Здесь и мелодии развились далее в сторону большей напевности (мел. 3).

[6] Припев *elele* образовался из слова *elejad*, что значит «сжатый хлеб», «жито».

Мелодия 2 Ярва-Яани



Мелодия 3 Пеэтри



Старые речитативы постепенно исчезли, тогда как напевные типы мелодий стали со временем преобладающими. На основе собранных народных мелодий можно проследить шаг за шагом этот процесс развития. По-видимому, и в южных частях центральноэстонской племенной области бытовали ранее примитивные речитативы, замена которых мелодиями южноэстонского типа с припевами означала известный прогресс.

В тех областях, где не было прочной традиции жатвенных песен, в мелодиях этих песен отсутствуют присущие им специфические черты. Так обстоит дело в юго-западной и юго-восточной Эстонии, где мелодии их по большей части заимствованы из других песен, а припевы, поскольку таковые имеются, не вырастают непосредственно из содержания жатвенных песен (например, припев *kaske* в окрестностях Пярну).

Аналогичные явления наблюдаются в центральной Эстонии и в отношении других групп народных песен, хотя их общее развитие протекало в иных условиях. Обратимся, например, к качельным песням. Существенные различия в календарных сроках качания на качелях нами были уже отмечены. В соответствии с этим имеются некоторые своеобразные черты и в традиции качельных песен. Наибольшее развитие они получили в древних центрах северной Эстонии, где наряду с жатвенными песнями они образуют одну из самых видных групп старых народных песен (см. карту, рис. 93). Сравнивая между собой области распространения качельных и жатвенных песен, мы видим, что первые из них пелись также в окрестностях Таллина и в основных культурных центрах восточной части о. Сааремаа, где еще до захвата страны немцами и скандинавами успешно развивались торговля и мореплавание. В южной Эстонии сравнительно богата качельными песнями была земля Сакала. В других же областях репертуар этих песен был беден или совершенно отсутствовал, например в восточной части Уганди. В своих основных чертах тематика качельных песен была повсюду сходной, независимо от того, пелись ли они в более ранние или в более поздние календарные сроки. Эти песни обычно содержат в себе приглашения на качели, в них идет речь о подарках строителям качелей, восхваляется или порицается местоположение качелей, восхваляются качели, сделанные «своим братом», и порицаются сделанные «чужаком», качающиеся предостерегаются от «недоброго качания» и т. п. Вопрос о южном или северном происхождении отдельных песен, а также об их связи с латышскими качельными песнями еще требует ближайшего изучения. Есть основания думать, что бóльшая часть эстонских качельных песен,

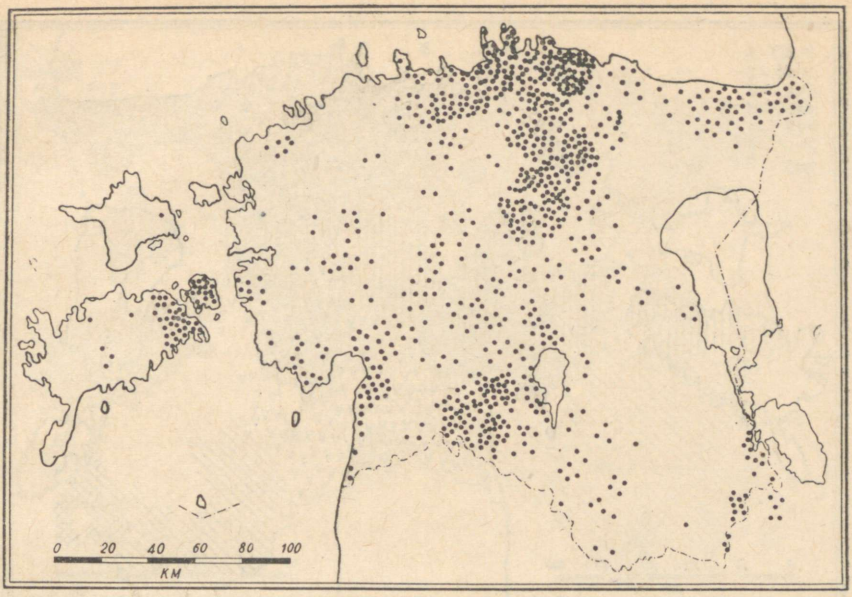


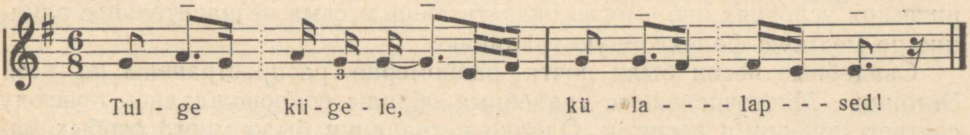
Рис. 93 Область распространения эстонских качельных песен.

как и соответствующий репертуар води и ижорцев, происходит из северной Эстонии.

Для качельных песен характерны в общих чертах те же типы мелодий, что и для жатвенных песен; совпадают также и области их распространения (см. карту, рис. 94). На периферии северной Эстонии преобладал речитативный тип мелодии с долго выдерживаемыми окончаниями стиха, как это характерно и для жатвенных песен. Примерно в тех же самых областях (Ярвамаа, западная часть Вирумаа, северо-восточная часть Харьюмаа), где мелодии жатвенных песен развились в сторону бóльшей напевности, значительного развития достигли и качельные песни. Эти песни не отличаются богатством мелодий, но обладают весьма своеобразным ритмом, согласованным с ритмом движения качелей. Таким образом, качельные песни именно этой области носят наиболее специфический характер (мел. 4). Несколько переходных ступеней связывают этот тип мелодий с мелодиями, имеющими протяжные окончания.

Мелодия 4 Куусалу

Протяжно



Южноэстонские качельные песни в отношении музыкальной формы не отличаются от жатвенных песен. Для них также характерны припевы: в южных частях Уганди распространен припев *häde ää kägo*!, а в Сакала — *kiigele*! («на качели!»). Этот последний припев проник в центральную Эстонию и известен даже на побережье Чудского озера (мел. 5). Аналогичное раннее распространение явлений песенного репертуара земли Сакала вплоть до Кодавере и особенно в кихелькондах Уганди, располо-

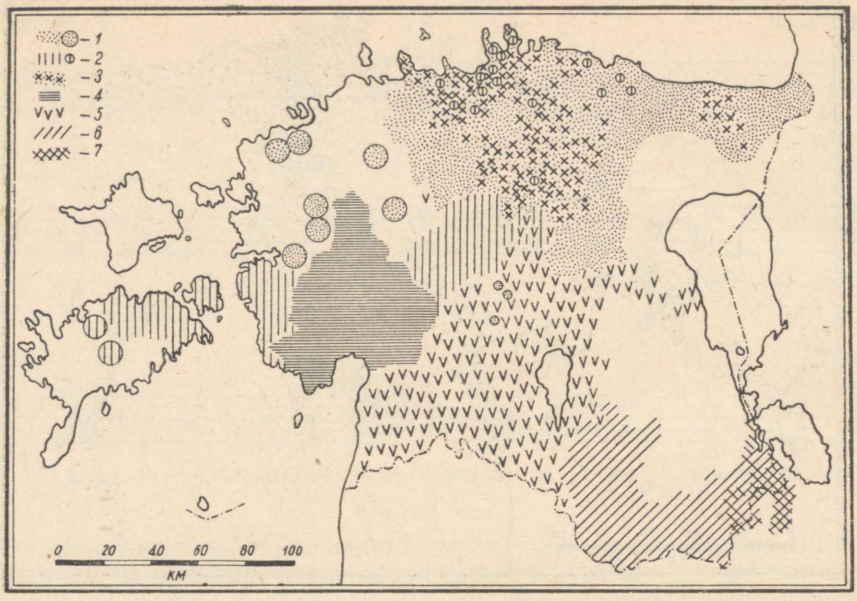
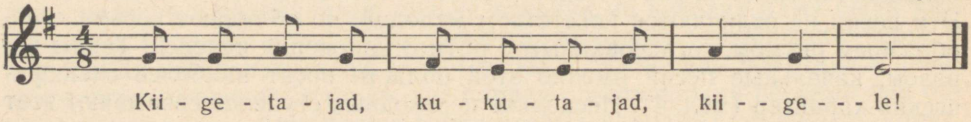


Рис. 94. Области распространения различных типов мелодий качельных песен. *1* — североэстонские напевные мелодии качельных песен; *2* — североэстонские речитативные мелодии качельных песен (с долго выдерживаемым окончанием стиха); *3* — североэстонские мелодии качельных песен со специфическим ритмом; *4* — южноэстонские мелодии качельных песен с припевом *kaske*; *5* — южноэстонские мелодии качельных песен с припевом *kiigele*; *6* — южноэстонские мелодии качельных песен с припевом *häde ää kägo*; *7* — южноэстонские мелодии качельных песен без припева.

женных у озера Выртсъярв, можно констатировать и в ряде других случаев (ср., например, жатвенные песни).

Мелодия 5 Кодавере



В XIX веке, в результате массового переселения населения южной части древней земли Сакала в уезд Тартумаа, здесь получило широкую известность сакалаское устное народное творчество, однако в новых исторических условиях оно смогло оказать лишь весьма незначительное влияние на местную фольклорную традицию.

Свадебные песни были почти равномерно распространены по всей Эстонии. Многочисленные свадебные обряды сопровождались повсюду соответствующими песнями. Однако в традиции было много особых местных черт, унаследованных еще от родового строя. Но общее формирование мелодий пошло и здесь более или менее тем же путем, что и в ходе развития жатвенных и качельных песен (см. карту, рис. 95). На севере и на западе страны свадебные песни не имели припева, причем на периферии сохранялся по большей части старый речитативный тип, а в центральных областях и на о. Сааремаа получили распространение напевные типы более позднего происхождения. В южной и центральной Эстонии преобладали мелодии с припевами (*kaasike kaanike*; *kaske kanke*; *kaske*). При-

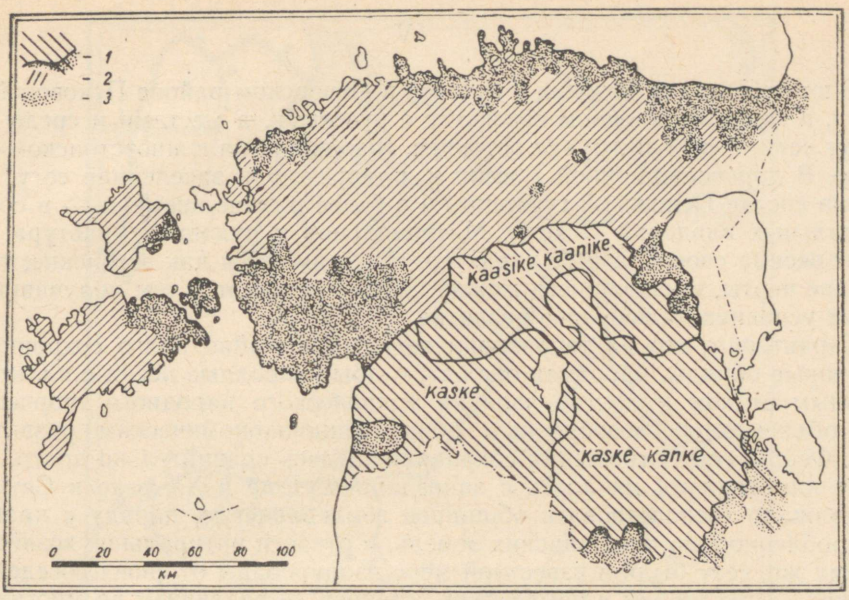


Рис. 95. Области распространения различных типов мелодий свадебных песен. *1* — южноэстонские мелодии свадебных песен с припевом; *2* — напевные мелодии свадебных песен; *3* — речитативные мелодии свадебных песен без припева.

певы этого рода распространились и к западу от Пярну, однако не со свадебными, а с различными другими песнями (жатвенными, качельными и т. д.).

Записи рассмотренных нами трудовых и обрядовых песен и их мелодий были сделаны также в старых эстонских поселениях Латгалии и отдаленных местностей Псковской губернии. Эти поселения возникли не позднее первой половины XVII века, но, возможно, являются и значительно более древними. К XVII веку относятся и отдельные записи текстов и фрагментарных мелодий в центральной Эстонии. Эти данные показывают, что уже в то время такие же южноэстонские типы мелодий бытовали примерно в тех же местностях, что и в середине XIX века. Таким образом, их распространение и тем более возникновение не может быть отнесено к более поздним периодам эпохи феодализма. Учитывая особенности содержания и словесного оформления рассмотренных здесь трудовых и обрядовых песен, мы имеем основания предполагать, что в своих основных чертах они сложились уже в первые века текущего тысячелетия. Только в некоторых областях, особенно в окрестностях Пярну, а также в юго-восточной Эстонии, в музыке этих песен можно установить значительно более поздние наслоения.

Мы указали здесь лишь на одно явление консолидации прежних племенных областей. Формирование народности представляет собой сложный процесс, и его культурное единство вырастает на основе слияния весьма разнообразных элементов. Не подлежит, однако, сомнению, что в формировании старой эстонской народной песни наиболее важную роль играли те воздействия, которые на протяжении веков исходили из земли Вирумаа, из окрестностей Раквере, и в большей или меньшей мере определяли пути развития песенной традиции во всех частях Эстонии.

IV

В юго-восточной Эстонии и отчасти в Печорском районе Псковской области, в непосредственном соседстве с русскими, а местами и среди них, живут сету — особая группа эстонцев, говорящих на южноэстонском диалекте. В дореволюционной России вся территория, заселенная сету, входила в состав Псковской губернии, а в более ранние времена — в состав феодальных владений Пскова. Материальная и духовная культура сету носит весьма своеобразный характер: в ней имеются как эстонские, так и русские черты, смешавшиеся между собой, но вместе с тем получившие в новых условиях дальнейшее развитие.

Характерно, что на территории сету чрезвычайно долго сохранялись старинные обряды, народная одежда, старые народные песни с аллитерационным стихом и другие явления архаического народного творчества. Это объясняется своеобразным общественно-экономическим развитием сету. Феодальные отношения сохранялись здесь сравнительно долго, развитие капитализма началось с запозданием. Еще в XX веке в Сетумаа продолжало господствовать общинное землевладение, наряду с крайней раздробленностью крестьянских земель, и отчасти натуральное хозяйство. К тому же, сету были в известной мере изолированы от своих соседей: от русских — различием в языке, а от эстонцев — различием во многих обрядах и в вероисповедании. А последнее в условиях того времени было равнозначно принадлежности к другой национальности. Грамотность среди сету была распространена крайне слабо, вследствие чего для них были мало доступны достижения как эстонской, так и русской культуры. Как в хозяйственном, так и в культурном отношении сету были обречены на прозябание и в буржуазной Эстонии. Консолидация с эстонской нацией и ее культурой, а местами и с русскими происходит в окончательной форме лишь теперь, в советский период.

Перед исследователями этнической истории встал вопрос о том, эстонского или русского происхождения этническая группа сету.

Археологическая карта конца первого и начала второго тысячелетия нашей эры показывает, что современная территория сету, малоплодородная или трудно возделываемая лесистая и песчаная область между славянскими поселениями в бассейне р. Великой и по рекам Пиусе (Пимже), Выханду и Ахья, была в это время почти незаселенной.[7] Она представляла собой, по-видимому, общий хинтерланд этих славянских поселений, однако впоследствии отошла целиком к Псковщине (см. карту, рис. 96).

Дальнейшая история сетуских поселений до сих пор еще мало исследована. Возможно, что в этих местах уже с древнейших времен существовали отдельные поселения эстонцев. Однако исторические данные указывают на то, что после завоевания эстонской территории немецкими рыцарями и установления здесь жестокой системы феодальной эксплуатации происходило постоянное переселение эстонцев из Уганди и других, более отдаленных областей в русские владения. Это переселение продолжалось в течение веков и принимало все более массовый характер по мере усиления крепостнического гнета в Эстонии. Далеко проникшие группы переселенцев рано или поздно утрачивали при этом свои этнические черты. Но в Сетумаа, где осело довольно многочисленное и плотное население в

---

[7] Археологические памятники, указывающие на поселения кривичей, обнаружены на современной территории сету у деревни Обиница в южной части Сетумаа и на берегу залива Вярска. Часть этих поселений эстонизировалась, по-видимому, одновременно с эстонизацией кривичей в восточной части земли Уганди. Современные русские поселения на территории сету существовали по большей части уже в конце первого тысячелетия н. э.

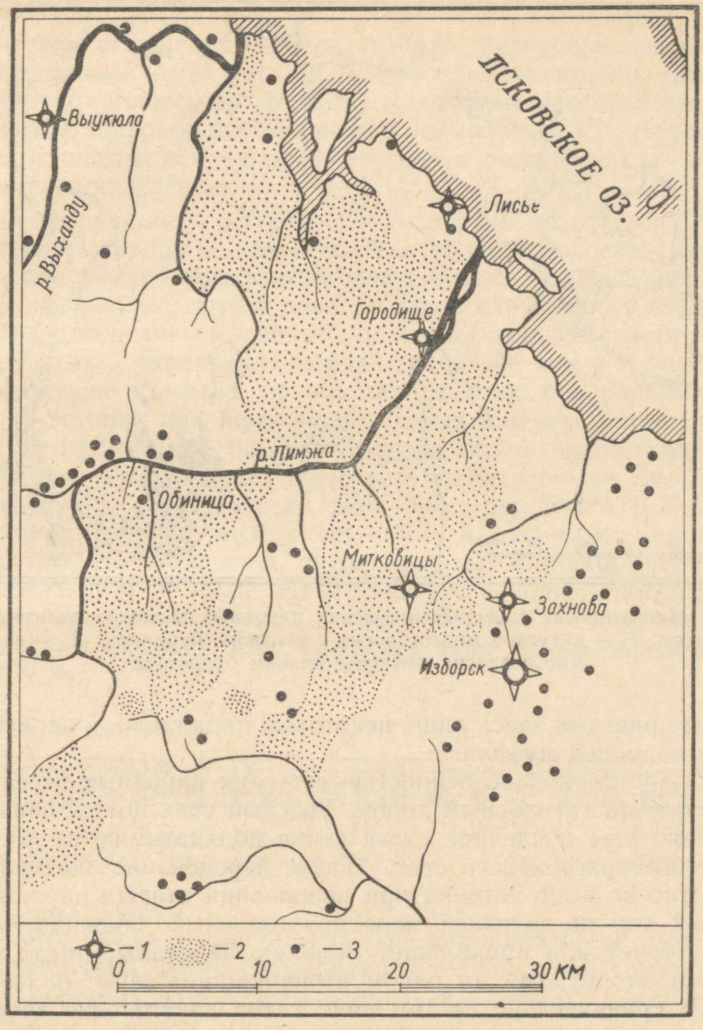


Рис. 96. Заселение области сету и окружающих земель во второй половине I тысячелетия и в начале II тысячелетия н. э. *1* — городища; *2* — современная область сету; *3* — могильники кривичей.

соседстве с эстонской территорией, прежде всего с южной частью земли Уганди, эти переселенцы сохранили основные черты своего языка и культуры. Именно древнейшие слои народного творчества сету явно эстонского происхождения. На значительно более позднюю иммиграцию преобладающей части сету указывает и то обстоятельство, что, хотя они и приняли православие, все же имена важнейших святых, а также названия календарных дат и связанные с ними обычаи сохранились в их народных верованиях в той же форме, какую они получили у эстонцев-католиков (например, *tuumapäiv* — Фомин день, *jaanipäiv* — Иванов день, *mihklipäiv* — Михайлов день и т. д., т. е. названия эти произведены не от соответствующих русских имен собственных — Фома, Иван, Михаил и т. д.).

С фольклором каких именно областей Эстонии имеет больше всего общих черт народное творчество сету? Решение этого вопроса требует еще основательной и многосторонней проработки всех соответствующих мате-

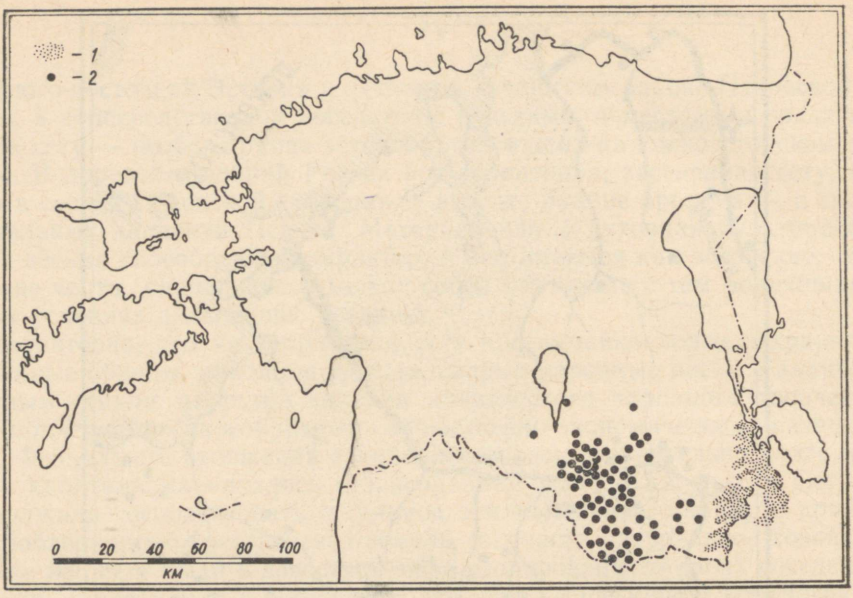
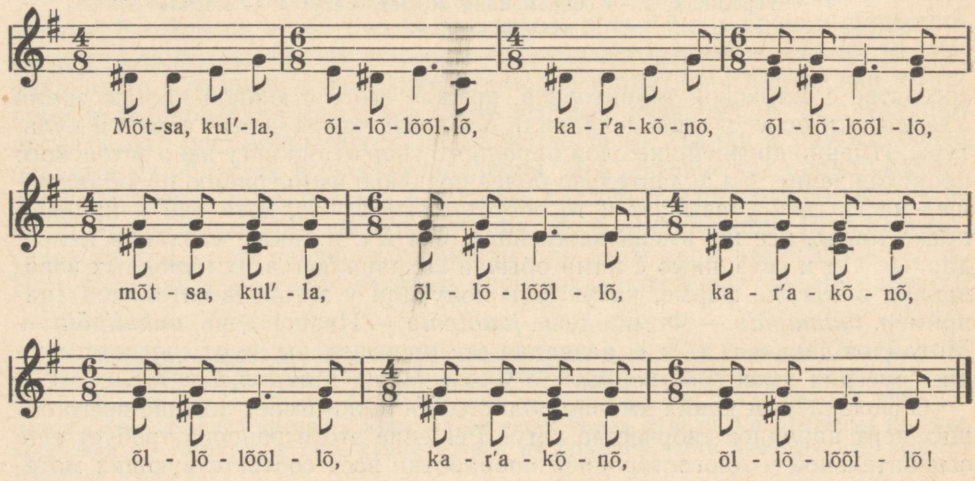


Рис. 97. Многоголосие в старых эстонских народных песнях с аллитерационным стихом. *1* — сетуское многоголосие с высоким бурдоном; *2* — западное многоголосие обычно с низким бурдоном.

риалов. Мы приведем здесь лишь некоторые параллели, в первую очередь из области народной музыки.

Весьма характерной особенностью сетуских народных песен является их исполнение многоголосным хором. Каждый стих поется сначала запевалой, однако уже последние слоги стиха подхватываются хором, который затем повторяет и весь стих. Такое чередование запевалы и хора было известно во всей Эстонии при исполнении старых народных песен. Но сетуский хор по меньшей мере двухголосный: бóльшая часть хора (*torrõ*) повторяет или продолжает мелóдию запевалы, тогда как один певец (*killõ*) вторит ему на одном выдержанном звуке более высоким голосом. В сравнительно чистом виде такое двухголосие «бурдонного» типа встречается в трудовых и обрядовых песнях (см. мел. 6).

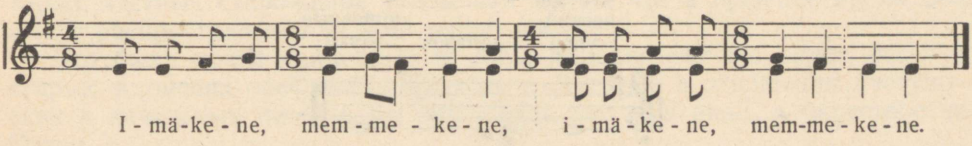
Мелодия 6 Мяэ



В позднейших песнях (особенно лирического характера) партия *killõ* в мелодическом отношении становится более разнообразной и часто связывается с партией *torrõ* уже на основе простых правил гармонии. Из применения гармонического принципа в сетуском многоголосии вытекает, по-видимому, и широкое использование повышенной VII ступени минора, что чуждо эстонским и латышским народным песням, как и песням окрестного русского населения.

По своему принципу сетуское многоголосие отличается от русского многоголосия Псковщины, как и вообще от многоголосия северных русских областей. Северорусское многоголосие представляет собой подголосочную полифонию: каждый голос в большей или меньшей степени варьирует основную мелодию. Явления бурдонизма можно встретить в некоторых белорусских и украинских народных песнях, как и в более отдаленных южнорусских областях, но особенно широко они распространены у латышей. В Эстонии при исполнении старых народных песен многоголосие находило применение, помимо Сетумаа, еще в одной компактной области, а именно в пограничных приходах от Сетумаа до Валга и отсюда к северу, вплоть до окрестностей Отепя (см. карту, рис. 97). Единственное существенное различие между сетуским и западным многоголосием состояло в том, что в областях, расположенных к западу, партия голоса-бурдона пелась обычно ниже. Но и здесь мы находим иногда зачаточное образование мелодии в бурдоне и примитивные отношения гармонии между голосами (мел. 7). Еще не вполне ясно, каким образом возникли

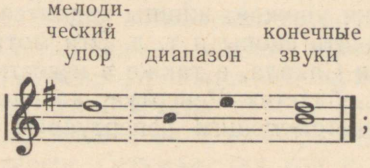
Мелодия 7 Канепи



явления многоголосия в старой эстонской народной песне, но в ходе развития их различных форм, несомненно, имелись точки соприкосновения.

Однако многоголосие — не единственное явление, связывающее народную музыку Сетумаа с вышеназванными западными, а иногда через их посредство и с более отдаленными эстонскими и, возможно, латышскими областями. Сюда относятся, например, и те два тетрахорда, на которых построено большинство старых сетуских речитативных мелодий. Это:

1) верхний тетрахорд натурального минора или лежащий в его основе пентатонический трихорд;



2) тетрахорд, который по диапазону и ступеням исходит из верхнего тетрахорда мажора или лежащего в его основе пентатонического трихорда, однако в звуковом отношении носит минорный характер (см. карту, рис. 98).

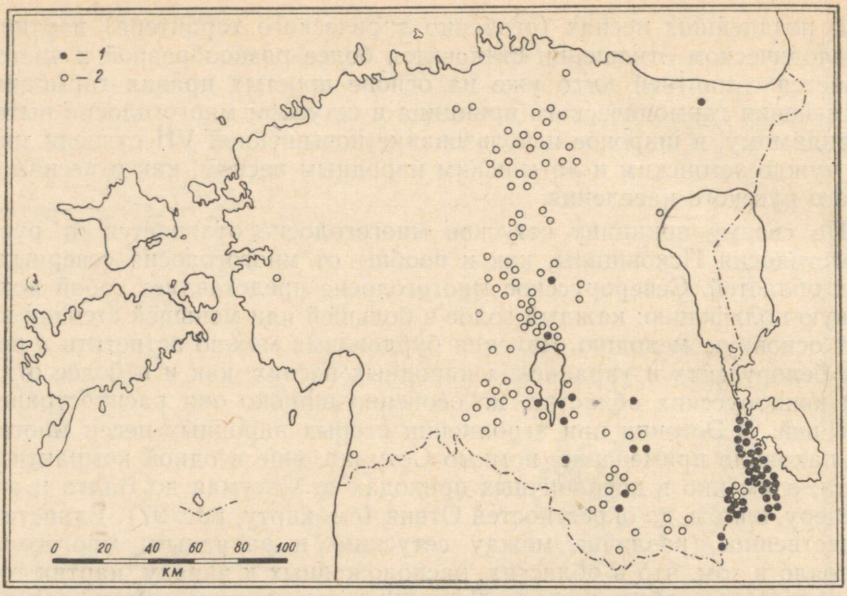
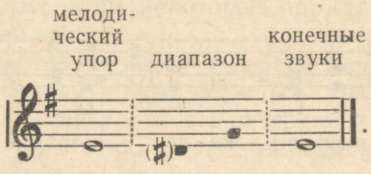


Рис. 98. Минорный тип мелодии, образовавшийся на основе верхнего тетрахорда мажора, в эстонских речитативных народных песнях. *1* — с повышенной VII ступенью минора; *2* — с низкой VII ступенью минора.



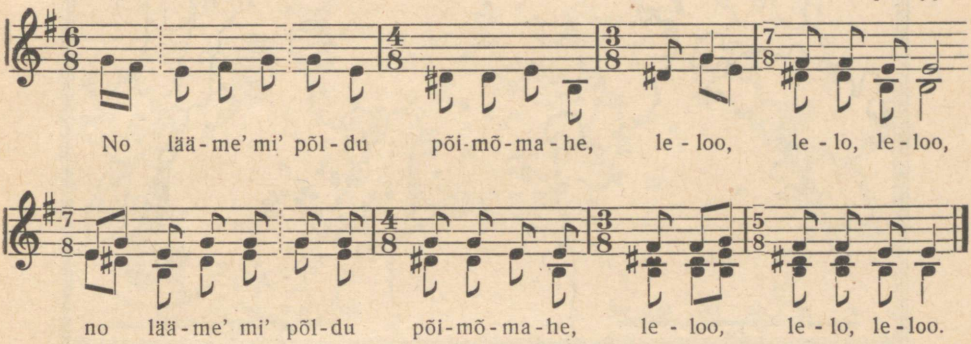
Как уже было указано выше, в Сетумаа VII ступень минора обычно повышена, т. е. господствует гармонический минор, тогда как в областях, расположенных к западу, это явление становится все более редким. В мелодиях с бóльшим диапазоном оба типа тетрахорда нередко контаминированы.[8]

Указанные тетрахорды господствуют в сетуских жатвенных, пастушеских, качельных и свадебных песнях, а также и в других видах трудовых и обрядовых песен. Эти виды песен получили разностороннее развитие в Сетумаа, и основные мотивы их содержания вообще те же, что и в других частях южной Эстонии. Так, например, в жатвенных песнях здесь восхваляют брата, который тщательно вспахал пожог, где теперь рожь растет, как тростник; в них говорится также об обширных нивах брата, которые требуют быстрой уборки урожая; жницы хвалятся своей выносливостью, своим уменьем складывать снопы и т. д. Эти мотивы часто встречаются в песнях древней земли Сакала, а также в известной мере и в промежуточных южноэстонских областях. Репертуар качельных и пастушеских песен сету сходен с соответствующим репертуаром на юге и юго-западе земли Уганди.

[8] В речитативах окрестностей Ряпина и Пыльва доминировал нижний тетрахорд минора, который получил широкое распространение во всей южной Эстонии и отчасти на морском побережье. Но здесь были известны и мажорные мелодии, совершенно чуждые народной музыке сету.

В напевах сетуских трудовых и обрядовых песен можно различить старые и новые типы мелодий. Старые типы мелодий представляют собой в большинстве случаев речитативы с припевами. В середине и в конце стиха пастушеских песен часто встречается припев *õllõlõõlõ* (см. мел. 6), в жатвенных песнях каждый стих заканчивается своеобразным по ритму троекратным *lelo* (мел. 8), а в качельных песнях — близким в ритми-

Мелодия 8 Ярвесуу



ческом отношении припевом *häde ää kägo*. Эти типы мелодий сохранились в той или иной мере на севере Сетумаа, однако названия отдельных видов песен (*lelotaminõ*, *õllõtaminõ* и т. д.), произведенные от соответствующих припевов, песенные диалоги в сказках, а также воспоминания некоторых местных старожилов указывают на то, что в прежнее время они имели распространение на всей территории сету.

Это были почти единственные типы мелодий тех же видов песен в старых эстонских поселениях Краасна и Лутси, а в отношении пастушеских и качельных песен и на юго-западе земли Уганди, в окрестностях Отепя.

Мы уже видели, как в Ярвамаа и в западной части Вирумаа многие виды трудовых и обрядовых песен утратили с течением времени свои первоначальные функции и характер и стали приближаться к бытовой лирике. Вместе с тем их мелодии приобретали все бóльшую напевность. Аналогичный процесс происходил и в юго-восточной Эстонии, где музыкальное различие между трудовыми песнями, с одной стороны, и песнями о сиротстве и крепостничестве — с другой, стало постепенно исчезать. В трудовых песнях получили преобладание мелодии, отражавшие лирические настроения и чувства (жалобы на тяжелую жизнь и социальную несправедливость, печаль, тоска и т. д.). В музыке песен это находило выражение в разного рода метрических удлинениях, особенно в области конечных слогов стиха (см. мел. 9, ср. также мел. 7). Восклицательный припев вышел при этом из употребления.

Этот процесс музыкального обновления трудовых (а в известной мере и обрядовых) песен охватил сначала южные районы юго-восточной Эстонии, а затем постепенно распространился в северном направлении. Мелодии старого типа и в первую очередь напевы пастушеских песен сохранились, в конце концов, лишь в виде изолированных островков в окрестностях Отепя и на севере Сетумаа, так как в восточной части земли Уганди, населенной в древности кривичами, песенная традиция, как уже отмечалось выше, носила иной характер (см. карту, рис. 99). Новые, лирического склада мелодии имеют немало общих черт с народными мелодиями восточных латышей, русских и белоруссов. Нашей же задачей было показать, что как более ранние, так и многие сравнительно поздние

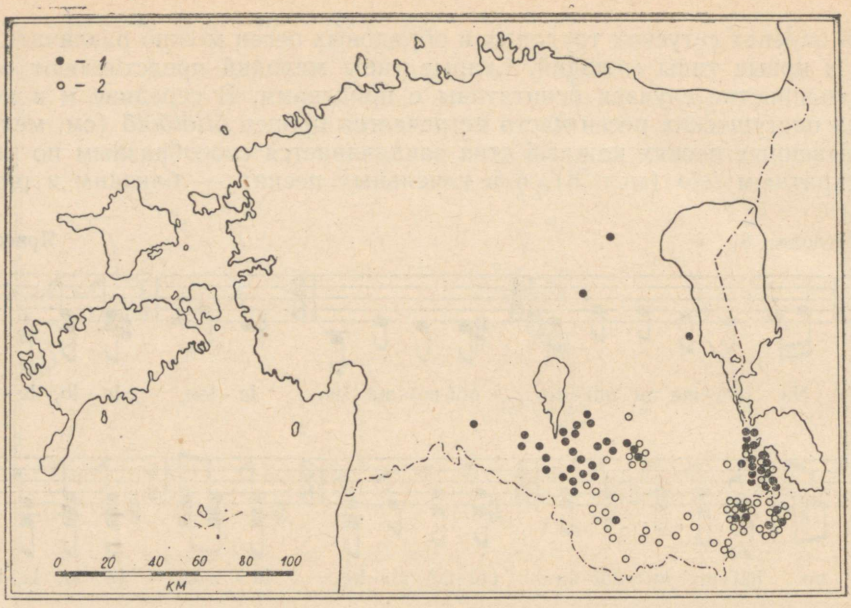
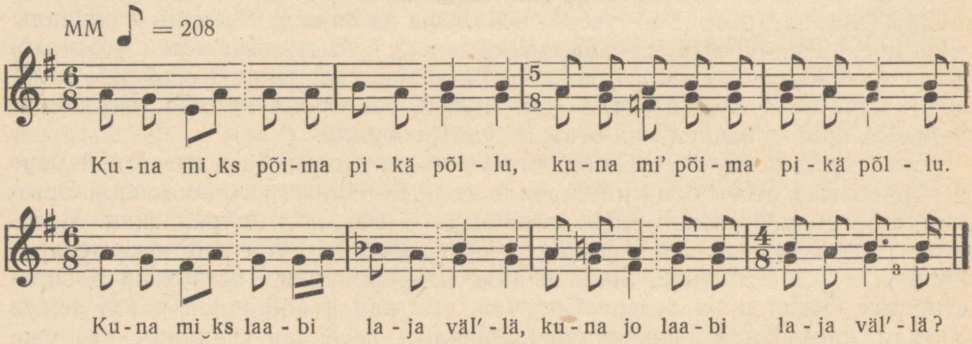


Рис. 99. Старые и новые мелодии трудовых песен в юго-восточной Эстонии. *1* — жатвенные песни с припевом *lelo* и пастушеские песни с припевом в середине и в конце стиха; *2* — те же группы песен без припева, последний такт:

явления в фольклоре сету и других эстонцев, населяющих юго-восток Эстонии, сложились в результате общего культурного развития этого края.

Уже на основе представленных здесь материалов можно сказать, что Сетумаа, несмотря на большое своеобразие этой области, нельзя рассматривать в отрыве от остальной Эстонии. В народном творчестве сету мы видим ряд общих черт с фольклором соседней западной области, в которую входят приходы: Вастселийна, Рыуге, Харгла, Карула, Сангасте, Отепя, западные части Урваете и Канепи, а также в известной мере Рынгу и Хельме. Сюда следует отнести старинные поселения Краасна и Лутси и остатки населения бывшей эстонской земли Адсела в Латвии (так называемые лейвы — *leivud*).

Мелодия 9 Меремяэ



Население Сетумаа имело, однако, сношения и с другими частями Эстонии. Так, за последние два-три столетия заметным образом окрепли его связи с областью Ряпина—Пыльва (хотя здесь народная поэзия и

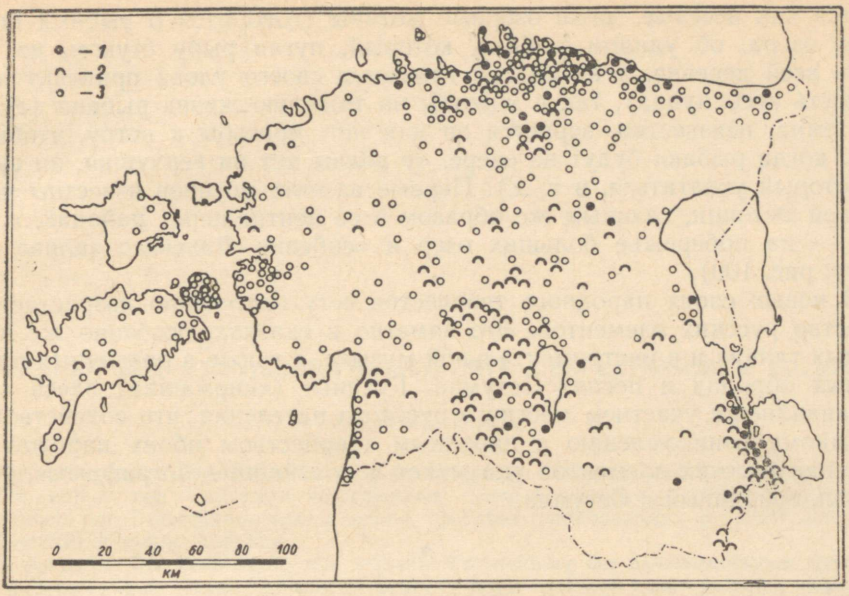


Рис. 100. Область распространения эстонских рыбацких песен. *1* — известные и в Сетумаа песни, изображающие тяжелую жизнь рыбаков и моряков; *2* — известные и в Сетумаа рыбацкие песни оптимистического характера; *3* — рыбацкие песни, не встречающиеся в Сетумаа.

музыка обнаруживают значительное сходство с фольклором расположенных к северу районов). В результате оживившегося общения образовался целый ряд общих элементов, особенно в новом мужском песенном репертуаре обеих областей. Однако и некоторые старые сетуские песни (например, бытовые баллады) стали известны в окрестностях Ряпина, тогда как отсюда в северную часть Сетумаа и далее на юг проникли, например, обряды и песни, связанные с Мартыновым и Катерининым днем. Сравнительное исследование показывает, что в фольклоре сету имеется немало общих явлений и с народным творчеством северных областей, в первую очередь с районом Кодавере. Главным образом через посредство Кодавере в народную поэзию сету проникли и такие черты, которые свойственны северо-восточной Эстонии и отчасти даже всему морскому побережью и водской области. Из множества относящихся сюда явлений мы остановимся на некоторых народных песнях, связанных с рыболовством.[9]

В Сетумаа записан сравнительно богатый репертуар рыбацких песен, которые пелись либо на озере во время рыбной ловли, либо на берегу при чистке рыбы, либо по воскресеньям во время прогулок на лодках по озеру и рекам, а также при развозке товара по водным путям или по дороге на сенокос и т. д. В соответствии с этим в рыбацких песнях встре-

[9] На берегу Псковского озера расположен ряд сетуских рыбацких деревень, принадлежавших в свое время Печорскому монастырю и связанных с ним натуральными повинностями. Эти рыбаки выходили на лов рыбы в Чудское озеро, останавливались на о. Пийрисааре и на побережье у Кодавере. Можно, однако, думать, что юго-восточная Эстония имела уже старые племенные связи с населением северо-восточной части территории и даже с жившей по ту сторону Чудского озера водью. Следует отметить, что, например, в русской деревне Лезги, в непосредственной близости от сетуских поселений, найдены в могильниках предметы водского типа, связанные с материальной культурой населения восточного побережья Чудского озера. В районе Ряпина часть деревни Раадама носила ранее название *Vadilaste küla*, что значит «деревня води», и в настоящее время возвышенность на берегу реки Раадама называется «островом води».

чаются как веселые, даже озорные мотивы (говорится о рыбных богатствах озера, об удалом рыбаке, который, пугая рыбу стуком, не дает спать всей деревне, а на базаре тяжестью своего улова приводит в негодность весы купца), так и жалобы на тяжелую жизнь рыбака (судьба его темна, неизвестно, вернется он или нет; просьбы к ветру, чтобы он утих, когда рыбаки будут на озере, «у волны нет ни верхушки, ни сука», за который ухватиться, и т. д.). Первые из этих мотивов известны почти во всей Эстонии, главным же образом в ее центральных районах, а вторые — на побережье больших озер и особенно Финского залива (см. карту, рис. 100).

В новых слоях народного творчества сету постепенно возрастает количество русских элементов. Это заметно в сказках, особенно же в народных танцах и в инструментальной музыке, а также в различных праздничных обрядах и песнях Сетумаа. Гулянья («кирмаши») здесь часто устраивались с участием местного русского населения, что содействовало взаимному ознакомлению с народным творчеством обоих народов. На усиление русских элементов указывает и новейший этнографический материал, собранный в Сетумаа.

*

Мы сделали попытку осветить некоторые вопросы этнической истории эстонцев, касающиеся прежде всего границ южноэстонской племенной области, а также частичного усиления связей между центральной и южной Эстонией, которое произошло, по-видимому, в результате распада родоплеменных отношений и формирования народности; наконец, мы рассмотрели вопрос о происхождении и культурных связях этнической группы сету. Автор статьи не ставил перед собой задачи дать сколько-нибудь исчерпывающее решение этих вопросов, ни тем более всей проблемы этногенеза эстонцев в целом, — он стремился в первую очередь показать, что при решении вопросов этногенеза вполне возможно и необходимо учитывать также и духовное народное творчество. Примеры были взяты преимущественно из области народной музыки, так как автор занимался исследованием именно этих материалов. Основная задача настоящей статьи — показать, что необходимо приступить к систематической и комплексной разработке всего фольклорного наследия в данном аспекте и что рассмотрение поставленных проблем должно быть согласовано с работой исследователей в области смежных дисциплин, как и с достижениями фольклористики у соседних народов. Что касается собирательской работы, то здесь следует по возможности заполнить некоторые пробелы в области раннего народного творчества, однако особое внимание необходимо уделить собиранию материалов, отражающих развитие и изменение фольклорной традиции в новейшие исторические периоды, в первую очередь в советское время.

FRAGEN DER ETHNISCHEN GESCHICHTE DES ESTNISCHEN VOLKES

Zusammenfassung

Im vorliegenden Sammelbande wird die Frage der Herkunft und Entstehung des estnischen Volkes von Vertretern verschiedener Wissenschaftszweige gemeinsam erörtert, wobei auch der Entstehungsprozess seiner nächsten Nachbarvölker gestreift wird. Der Band enthält folgende Aufsätze.

P. Ariste. **Die Entstehung und früheste Entwicklung der ostseefinnischen Sprachen.** Zur gegenwärtigen ostseefinnischen Sprachgruppe gehören die livische, estnische, wotische, finnische, izhorische (ingrische), karelische und wepsische Sprache. Verf. referiert anfangs die bekanntesten früheren Theorien über die Herkunft und das gegenseitige Verwandtschaftsverhältnis der ostseefinnischen Sprachen, von denen insbesondere die Ansichten E. N. Setäläs und L. Kettunens weite Verbreitung und Anerkennung gefunden haben. Diese früheren Ansichten werden indessen dem heutigen Tatsachenbestand nicht mehr gerecht.

Entgegen dem früheren Standpunkt, demgemäss die Ostseefinnen erst im I. Jahrtausend v. d. Zw. in ihre heutigen Sitze gerückt wären, nimmt Verf. an, dass ihre Vorfahren viel früher, schon im III. Jahrtausend an der Ostseeküste ansässig gewesen seien. Im II. Jahrtausend v. d. Zw. drangen baltische Stämme von Süden her in das ostseefinnische Gebiet ein. Im Süden des Ostbaltikums assimilierten die baltischen Stämme die ostseefinnischen Elemente, nördlicher wurden sie aber selbst von den Ostseefinnen aufgesogen. Die engen Berührungen mit den baltischen Stämmen haben in den ostseefinnischen Sprachen tiefe Spuren hinterlassen. Im letzten Jahrtausend v. d. Zw. kamen die Ostseefinnen mit germanischen Stämmen in Berührung. Der germanische Einfluss auf die ostseefinnischen Sprachen war weniger tiefgreifend, als der baltische, am nachhaltigsten machte er sich in den finnischen Dialekten geltend. Desgleichen kamen die Ostseefinnen schon im letzten Jahrtausend v. d. Zw. mit den Slawen, zuallererst mit den Vorfahren der Westslawen, in Beziehungen. Die Verbindungen mit den Ostslawen entstanden um einiges später, in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends unserer Zeitrechnung.

Innere Entwicklung und äussere Einwirkungen führten zur Ausbildung verschiedener ostseefinnischer Stammesgruppen und ihrer Dialekte oder Sprachen. Das Vorhandensein verschiedener Stämme lässt sich bereits im I. Jahrtausend v. d. Zw. mehr oder minder deutlich feststellen. Die ältesten Stammesgruppen mit selbständigen Sprachen bildeten die Liven, Südesten, Nordesten, Karelier und Wepsen. Sowohl im Wortschatz wie im grammatischen Aufbau ihrer Sprachen finden sich sehr alte Eigentümlichkeiten, die Verf. kurz aufzählt. Die tawastische Sprache (die Sprache von Häme) ist im allgemeinen jünger. Der tawastische Stamm entstand offenbar durch Überschichtung früher in Finnland eingedrungener otseefinnischer Elemente durch Auswanderer aus Nordostestland. Die Woten hält Verf. für einen ursprünglich nordestnischen Stamm, dessen Entwicklung später, besonders als er unter starken nowgorodischen Einfluss geriet, seine eigenen Wege gegangen ist. Die Izhoren haben sich etwa seit dem Ende des I. Jahrtausends u. Z. von der Kareliern abgezweigt.

A. Kask. **Über die Entstehung und Gliederung der estnischen Dialekte.** Unter den Dialekten der estnischen Sprache lassen sich alte Stammesdialekte und später entstandene Mundarten unterscheiden. Der Grund zur wissenschaftlichen Erforschung der estnischen Dialekte wurde bereits im vorigen Jahrhundert, insbesondere durch F. J. Wiedemann und M. Veske gelegt. In den letzten Jahrzehnten ist durch systematische Sammeltätigkeit im ganzen estnischen Sprachgebiet ein reiches und vielseitiges dialektologisches Material zusammengebracht worden. Die Bearbeitung dieses Materials hat erwiesen, dass die bisher geltende Einteilung der estnischen Mundarten in zwei Hauptdialekte oder Dialektgruppen nicht genügend begründet ist. Es müssen vielmehr drei Hauptdialekte unterschieden werden: 1. der nord- bzw. nordostestnische Küstendialekt, 2. die nordestnischen

Dialekte und 3. die südestnischen Dialekte. Alle drei Hauptdialekte sind auf verschiedener Grundlage entstanden und weisen in ihrer Struktur sehr alte Eigentümlichkeiten auf.

Der nordestnische Küstendialekt (Abb. 1 : R) hat viele gemeinsame Züge mit den finnischen Mundarten.

Im nordestnischen Hauptdialekt lassen sich ein östlicher, ein mittlerer und ein westlicher Dialekt unterscheiden; der letztere zerfällt wiederum in zwei Dialekte: in den westlichen nordestnischen Dialekt und den nordestnischen Inseldialekt. Im ganzen gliedert sich die nordestnische Dialektgruppe somit in vier grössere Dialekte (Abb. 1 : I, K, L, S). Der östliche nordestnische Dialekt (Abb. 1 : I) kommt in mehreren Beziehungen dem Wotischen nahe.

Der südestnische Hauptdialekt zerfällt in drei Dialekte: in den westlichen, den mittleren oder Tartuer und den östlichen oder Võruer Dialekt (Abb. 1 : M, T, V). Der westliche südestnische Dialekt hat bedeutende nordestnische Einwirkungen empfangen. Der östliche hat wiederum viele russische Bestandteile in sich aufgenommen.

H. Moora. **Die Enstehung des estnischen Volkes und seiner Nachbarvölker im Lichte der Archäologie.** Die ethnische Zugehörigkeit der frühesten Bevölkerung des Ostbaltikums, der Träger der Kundakultur, ist vorläufig unbekannt. Gegen Ende des Mesolithikums oder im Frühneolithikum erfolgte ein Bevölkerungszustrom von Osten. Auf diese Einwanderung lassen östliche Züge in der frühesten neolithischen Keramik sowie das Vorhandensein eines gewissen mongoliden Einschlages im anthropologischen Material jener Zeit schliessen (s. die Artikel von L. Jaanits und K. Mark). Es ist möglich, dass diese Einwanderung das Erscheinen der Finnougrier im Ostbaltikum bedeutet.

Es ist sehr wahrscheinlich, dass die Vorfahren der Ostseefinnen bereits im Vollneolithikum, im III. Jahrtausend v. d. Zw., im Ostbaltikum und in Finnland ansässig waren. Seit dieser Zeit lässt sich bis auf unsere Tage in den genannten Gebieten die Stetigkeit der Besiedelung und eine ununterbrochene Kulturentwicklung verfolgen. Im Spätneolithikum, am Anfang des II. Jahrtausends, dringt aus Mitteleuropa ins Ostbaltikum und von hier weiter nach Südwestfinnland die Bootaxtkultur ein (zur Verbreitung der Funde der Bootaxtkultur s. Abb. 2, 3). Gewisse Elemente der Bootaxtkultur dürften das Ostbaltikum von Südosten her, aus dem Dnjepr- oder Wolgagebiet erreicht haben. Verf. glaubt, in den Trägern dieser Kultur frühe baltische Stämme erblicken zu dürfen, die in den ostseefinnischen Sprachen bedeutende Spuren hinterlassen haben. Im heutigen Litauen und in Südlettland gewannen die baltischen Stämme über die frühere Bevölkerung die Oberhand, in Nordlettland, Estland und Südwestfinnland gingen sie aber selbst allmählich in dieser auf.

In der Bronze- und frühen Eisenzeit (in der zweiten Hälfte des II. Jahrtausends u. im I. Jahrtausend v. d. Zw.) setzt sich die Kulturentwicklung im allgemeinen auf alter Grundlage fort. Eine neue Erscheinung bilden die Grabanlagen — Steinhügel mit Kisten —, die in Südwestfinnland, Estland und Nordlettland auftreten (Abb. 7 : 1). Sie stellen einen skandinavischen Grabtypus dar. Rein skandinavisch sind die vereinzelt in den Küstengebieten erscheinenden schiffförmigen Steinsetzungen (Abb. 7 : 4). Verf. nimmt an, dass das Auftreten dieser und einiger anderer nach Skandinavien weisenden Erscheinungen durch die Ansiedlung nordgermanischer Bevölkerungselemente in Südwestfinnland und an den Küsten Estlands und Lettlands zu erklären sei. Von diesen dürften auch die älteren germanischen Entlehnungen in den ostseefinnischen Sprachen ausgegangen sein.

Im letzten Jahrtausend v. d. Zw. treten im heutigen Estland, Lettland und Südwestfinnland gewisse lausitzische Typen, darunter lausitzische Keramik, auf (Abb. 9). Verf. bringt diese Erscheinung mit den ältesten slawischen Entlehnungen in den ostseefinnischen Sprachen in Zusammenhang.

Im nordöstlichen Teil Lettlands, in Südostestland, Mittel- und Ostfinnland, sowie im Gebiet um den Ladoga- und den Onegasee, weicht in dieser Periode die materielle Kultur von der Kultur der westlicher liegenden Landstriche in mancher Hinsicht ab. Aus diesen östlichen Gebieten kennt man keine Gräber, für die Siedlungen dort ist die Textilkeramik (Abb. 8a) kennzeichnend, während westlicher die sog. Binsenstrichkeramik (Abb. 8b) vorherrscht.

Die Kultur aller ostseefinnischen Stämme weist gewisse Verbindungen mit dem Wolga-Oka-Becken auf; in besonders engen Beziehungen zum letztgenannten Nachbargebiet stand die Bevölkerung der erwähnten östlichen Zone.

Auf Grund der geographischen Verbreitung der Altertümer sowie ihrer lokalen Eigentümlichkeiten können einige Hauptgruppen der ostseefinnischen Stämme angedeutet werden. Im heutigen Estland und Nordlettland sassen estnisch-livische Stämme, im Südwesten Finnlands die Vorfahren der Westfinnen, im Inneren und Osten Finnlands sowie im Ladoga-Onega-Gebiet die Nordostgruppe der Ostseefinnen, die man die karelische Gruppe nennen könnte; in den Gebieten um Pskow und Welikije Luki siedelte die Südostgruppe der Ostseefinnen, die Verf. bedingungsweise die tschudische Gruppe nennt.

Im Süden des Ostbaltikums hatten sich die baltischen Stämme konsolidiert. Ihr Gebiet

wird durch eigenartige Grabtypen (Hügel mit Massenbestattungen oder Leichenbrand in Urnen) gekennzeichnet (vgl. Abb. 7 : 3,6).

Für die vier ersten Jahrhunderte u. Z. sind für die estnischen, livischen und westfinnischen Stämme aus Steinen gebaute Grabanlagen besonders charakteristisch, während im Gebiet der östlichen Ostseefinnen Gräber weiterhin unbekannt sind. Die Grabformen entwickeln sich sowohl im Baltikum wie in Finnland aus denen der vorhergehenden Zeit und bezeugen somit die Bevölkerungskontinuität. Die Karte Abb. 10 zeigt die Verbreitung der verschiedenen Grabtypen des I.—IV. Jh. (Die Zeichen 1 u. 2 geben Steinsetzungen der estnisch-finnischen Stämme, 3—5 — Hügel- und Flachgräber der baltischen Stämme an.)

In dieser Periode lassen sich sowohl nach der geographischen Verbreitung der Altertümer, wie auf Grund ihrer lokalen Sonderzüge eine Reihe von Kulturgruppen umreissen, die mit ziemlicher Sicherheit bestimmten Stämmen der Ostseefinnen zugewiesen werden können. In Estland kann eine nördliche, eine südliche und eine westliche Gruppe unterschieden werden (Abb. 11 : I—III). Diese Gruppen decken sich ihrer Verbreitung nach im allgemeinen mit den Verbreitungsgebieten der verschiedenen Dialekte der estnischen Sprache (Abb. 1), sowie mit den lokalen Gruppen des ethnographischen Materials (Abb. 53) und bezeichnen somit sicher alte Stammesgebiete. Der südestnischen Gruppe schliesst sich eine nahverwandte Gruppe in Nordlettland an. Die kleine Gruppe, die das nördliche Westlettland (Kurzeme) umfasst, kann mit den Liven in Verbindung gebracht werden. Die Altertümer Südwest- und Westfinnlands vertreten die westfinnischen Stämme. Die Grabtypen dieses Gebietes lassen sich im allgemeinen von den finnländischen Grabanlagen der vorhergehenden Zeit herleiten. Somit erweist sich die frühere Annahme, dass der Hauptteil der Westfinnen in dieser Periode aus Estland eingewandert sei, als unbegründet. Es kann nur von einem gewissen Zustrom der Bevölkerung aus Estland die Rede sein. Im Inneren Finnlands ist diese Periode nur durch verhältnismässig wenige Altertümer vertreten. Wenngleich diese im allgemeinen westfinnische Züge aufweisen und teilweise von westfinnischen Einwanderern zeugen, muss dort auch eine ortsansässige ältere Bevölkerungsschicht vorausgesetzt werden.

In der ersten Hälfte des 1. Jahrtausends standen die estnischen und die übrigen ostseefinnischen Stämme mit denselben Nachbarstämmen, wie in der vorhergehenden Periode, in Verbindung: mit den Balten, Westslawen und Germanen. Der Verkehr mit den Germanen ist im Ostbaltikum in dieser Zeit weniger spürbar als früher, nur in Finnland war sein Einfluss weiterhin stark.

In der folgenden Periode, die das V. bis IX. Jahrhundert umfasst, erreichten die Esten eine Entwicklungstufe, auf der sich die Stammesorganisation auflöste und an ihre Stelle territoriale Verbände traten. Die territorialen Einheiten bildeten sich meistens auf der Grundlage der vorhergehenden Stammesverbände, in manchen Fällen aber entstanden sie auf der Basis von mehreren Stämmen. Die territoriale Einteilung erhielt sich bis zum Anfang des XIII. Jh. (Abb. 20; die verschiedenen Landschaften sind mit den Buchstaben *A*, *H*, *J* usw. bezeichnet).

Etwa um die Mitte des I. Jahrtausends verbreiteten sich in der östlichen Nachbarschaft des Ostbaltikums, unter den tschudischen Stämmen, die Ostslawen. Ihr Erscheinen in diesen Gebieten, aus denen wir bis dahin fast keine Gräber kennen, wird durch das Auftreten von Hügelgräbern slawischer Art gekennzeichnet (Abb. 17 : 3,4; die Zeichen 1 und 2 geben Gräber von estnischen bzw. baltischem Typus an). Der unmittelbare Kontakt mit den Ostslawen ist seither für die wirtschaftliche, soziale, kulturelle und ethnische Weiterentwicklung der ostseefinnischen Völker von grosser Bedeutung gewesen. Einige slawische Elemente drangen in den Südostteil des heutigen Estlands ein. Sie gingen in der Folgezeit in den Esten auf, während östlicher die Tschuden von den Slawen aufgesogen wurden. Die erwähnten slawischen Elemente haben in den südöstlichen Dialekten des Estnischen sowohl lexikalische wie phonetische Eigentümlichkeiten hinterlassen (Abb. 19).

Im XI.—XII. Jahrhundert sickerten in die Waldzone nördlich und nordwestlich vom Peipsisee von Osten her gemischte wotisch-slawische Elemente ein. Ihr Erscheinen ist sowohl im archäologischen wie im anthropologischen Material erkennbar (insbesondere Hügelgräber vom Nowgoroder Typus). Auch in den Mundarten und im volkskundlichen Material dieses Teiles von Estland haben sie Spuren hinterlassen.

Somit haben die estnischen Stämme und folglich auch das auf ihrer Grundlage entstandene estnische Volk im Laufe der Zeiten recht verschiedene ethnische Bestandteile in sich aufgenommen.

L. Jaanits. **Zur Frage nach der völkischen Zugehörigkeit der neolithischen Bevölkerung in Estland.** Die mesolithische Kundakultur dürfte mit der Swidrykultur in Nordpolen und Weissrussland in Zusammenhang stehen (Abb. 21 : 1, 3, 4). Die weiter östlich liegenden Teile der osteuropäischen Waldzone dürften ihre früheste Besiedelung ebenfalls vom Süden her erhalten haben. Mesolithische Funde im Wolga-Oka- und Kama-Becken deuten die Gebiete an, von denen aus wahrscheinlich die Besiedelung der nördlicher liegenden Landstriche erfolgt ist (Abb. 21 : 5). Etwa gleichzeitig sind aber in die

Waldzone auch von Osten Bevölkerungsströmungen eingedrungen. Die früheste Bevölkerung der osteuropäischen Waldgebiete war demnach in ethnischer Hinsicht offenbar uneinheitlich.

Seit dem Neolithikum kommt den lokalen Eigentümlichkeiten der Keramik eine besondere Bedeutung für die Feststellung von ethnischen Zusammenhängen zu. In weiten Gebieten der Waldzone Osteuropas war im Neolithikum die Kammkeramik verbreitet, welche eine Reihe lokaler Gruppen bildete (Abb. 22). Die frühesten neolithischen Keramikarten, die Sperringskeramik in Südfinnland und im Ladogagebiet und die Narvakeramik in Ostestland weisen Beziehungen zur Tonware des Uralgebietes und Westsibiriens auf.

Im Vollneolithikum (III. Jahrtausend v. d. Zw.) ist für die östlichen Ostseeländer die sog. typische Kammkeramik kennzeichnend (Abb. 23 : 3). Östlicher, an der oberen Wolga, Oka und am Onegasee sowie im Uralgebiet treten andere Keramikarten auf (Abb. 23 : 1, 2). Da das Verbreitungsareal der typischen Kammkeramik die Landstriche umfasst, in denen in späterer Zeit die Ostseefinnen ansässig waren, und auf Grund der in diesem Gebiet vom Neolithikum an feststellbaren Besiedelungsstetigkeit nimmt Verf. an, dass die neolithische Bevölkerung hier aus frühen ostseefinnischen Stämmen bestanden habe. Seit dem Beginn des II. Jahrtausends v. d. Zw. kann in der späten Kammkeramik die Entstehung mehr oder minder deutlich hervortretender lokaler Gruppen beobachtet werden (Abb. 24). Darin kommt scheinbar eine Vertiefung der Spaltung der Ostseefinnen in verschiedene Stammesgruppen zum Ausdruck.

Am Anfang des II. Jahrtausends tritt im Ostbaltikum und in Südwestfinnland die Bootaxtkultur oder die Kultur der Schnurkeramik auf (Abb. 25 u. 3). Diese Kultur lässt sich nicht aus der vorhergehenden Kultur der Kammkeramik herleiten, sondern muss von aussen, und zwar aus Mitteleuropa, herstammen. Ihre Träger waren vermutlich frühe baltische Stämme. Sie verschmolzen allmählich mit den Ostseefinnen, in Südlettland und Litauen sogen sie aber selbst die vorhergehende Bevölkerung auf. Der Wortschatz und der grammatische Aufbau der ostseefinnischen Sprachen hat bedeutenden Einfluss seitens der baltischen Sprachen erfahren, aber auch in den baltischen Sprachen sind gewisse Spuren ostseefinnischer Einwirkung zu verzeichnen, die aus jener Zeit stammen dürften.

Um einiges später als die Schnurkeramik tritt im Ostbaltikum die frühe Textilkeramik auf, die von Verbindungen mit dem Wolga-Oka-Becken zeugt. Falls von dort zu jener Zeit oder auch noch später irgendwelche Zuwanderer ins Ostbaltikum gekommen sein sollten, so haben sie die Gestaltung der ethnischen Verhältnisse hier nicht mehr wesentlich zu beeinflussen vermocht.

M. Schmiedehelm. **Die nordostestnischen Stämme in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends v. d. Zw. und in der ersten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z.** Im nordöstlichen Teil Estlands, der ehemaligen Landschaft Virumaa, ist die Siedelungsstetigkeit am archäologischen Material mindestens bis in die Mitte des I. Jahrtausends v. d. Zw. zu verfolgen. In der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends v. d. Zw. spielte die Viehzucht in der Wirtschaft der Bevölkerung eine grosse Rolle. Die Besiedelung konzentrierte sich auf einige engbegrenzte Gebiete, hauptsächlich an Flussläufen (Purtse, Pada u. a.), s. Abb. 28.

Zu Beginn unserer Zeitrechnung wird der Ackerbau zum grundlegenden Wirtschaftszweige. Die Entwicklung des Getreidebaues hatte eine starke Zunahme der Besiedelung zur Folge. Neben den alten Siedelungszentren entstanden auch neue. Ein Vergleich der Verbreitung der Bodenaltertümer und Funde der ersten Hälfte des I. Jahrtausends u. Z. (Abb. 29) mit einer nach der Estlandliste des Liber Census Daniae zusammengestellten Karte der Gaue und Dörfer zu Beginn des XIII. Jh. (Abb. 30) zeigt, dass die Grenzen der fünf dort genannten Gaue im wesentlichen mit den Grenzen der einzelnen Siedelungsgruppen der ersten Hälfte des I. Jahrtausends zusammenfallen.

Diese Siedelungsgruppen waren zugleich Stammesgruppen. Dies ergibt sich aus dem Vergleich der Verbreitung dieser Gruppen mit den Verbreitungsgebieten der nordostestnischen Mundarten. Die vier nördlichen Gaue des Liber Census Daniae (*Repel, Maum, Askaelae, Allentagh*) decken sich im allgemeinen mit dem Verbreitungsgebiet des nordestnischen Küstendialektes (Abb. 31 : R), wobei die Grenzen der einzelnen Mundarten (R_1, R_2, R_3) dieses Dialekts mit den Grenzen der genannten Gaue und somit mit denen der uralten Siedelungsgruppen zusammenfallen. Eine besonders deutliche Grenze zweier Mundarten des nordestnischen Küstendialektes besteht z. B. zwischen den Flussgebieten Purtse und Pada; die Grenze geht auf eine der ältesten Siedelungsgrenzen zurück. Im südwestlichen Teil der Landschaft Virumaa (im Gau *Lemmun* des Liber Census Daniae), der sich auch archäologisch von dem Küstengebiet unterscheidet, ist der mittelnordestnische Dialekt verbreitet, was auf eine Herkunft seiner Bevölkerung aus der mittelestnischen Landschaft Järva hinweist. Somit ergibt sich, dass die estnischen Gaue in der zweiten Hälfte des I. Jahrtausends im wesentlichen auf der Grundlage der ehemaligen Stammesgebiete entstanden sind, während aber ihre Verbände — die Landschaften — auch verschiedenartige ethnische Elemente umfassen konnten.

A. Vassar. **Beiträge zur Erforschung der west- und südwestestnischen Stämme des I.—IV. Jh.** Von den Inseln sowie aus dem westlichen Teil des estnischen Festlandes kennt man im Vergleich mit Mittelestland nur wenige Altertümer der ersten Hälfte des

I. Jahrtausends u. Z. Dieser Umstand ist bisher dahin ausgelegt worden, dass die genannten Teile Estlands in dieser Periode entvölkert gewesen seien. Diese Annahme kann jedoch nicht der Wirklichkeit entsprechen.

In letzter Zeit sind auf der Insel Saaremaa, in Randvere und Karuste, zwei Steingräber untersucht worden, deren Funde auf die Verhältnisse der genannten Periode neues Licht werfen. Sie gestatten u. a. einige bisher undatierte Funde (Abb. 32) in diese Periode zu setzen. Dieser Zeitabschnitt erscheint hiernach nicht mehr so fundarm wie vorher (vgl. Abb. 43). Verf. beschreibt den Aufbau der Steinsetzung von Karuste (Abb. 33, 34) und die Grabungsfunde (Abb. 35—37). Sowohl dem Aufbau wie ihrem Inventar nach schliesst sich diese Steinsetzung des I.—II. Jh. u. Z. den älteren Grabanlagen auf den Inseln und in Westestland an. Für die genannten Landesteile sind in dieser Periode Hirtenstabnadeln (Abb. 32 : 1), Schläfenzierden (Abb. 16 : 3) und Keramik mit Schnurabdrücken (Abb. 35) kennzeichnend. Es sind meistenteils aus der vorhergehenden Periode überlieferte Typen, während in den übrigen Teilen Estlands neue Formen vorherrschen (verschiedene Bügelfibeln, neue Hals- und Armringarten). Die Sonderzüge der Grabform wie des Fundstoffes heben die Inseln und Westestland als eine besondere Kultur- und Stammesgruppe heraus. Diese Gruppe deckt sich ihrer Verbreitung nach mit den westlichen Dialekten der estnischen Sprache (Abb. 1 : S, L) und den westlichen ethnographischen und folkloristischen Gruppen (Abb. 53, 86).

Eine besondere Stellung nimmt im I.—IV. Jh. auch der südwestliche Teil des estnischen Festlands, das Höhengebiet von Sakala, ein. Die Altertümer dieses Landesteils sind bisher wenig erforscht, man kennt von dort vorwiegend Zufallsfunde. Neues Material lieferte eine vom Verf. im J. 1941 untersuchte Steinsetzung. Es war die nordwestlichste von den fünf auf dem Acker des ehem. Gehöftes Ülpre, Distr. Abja, gelegenen Steinsetzungen (Abb. 38), die bereits auf alten Plänen des Grundstücks (Abb. 39) angegeben sind. Es war eine typische sog. Tarandgrabanlage, die aus mehreren rechteckigen, mit grossen Feldsteinen umgebenen Taranden (Kammern) bestand (Abb. 40) und Leichenbrand enthielt. Das Fundinventar war verhältnismässig spärlich (Abb. 41).

Auf der Karte des Höhengebietes von Sakala (Abb. 42) sind alle dem Verf. bekannten Fundorte des I.—IV. Jh. eingetragen. Diese Fundgruppe ist nicht nur geographisch von den Nachbargruppen abgegrenzt (vgl. Abb. 11 u. 43), sondern hebt sich von diesen auch durch gewisse Sonderzüge ab. Von ihren Eigentümlichkeiten seien hervorgehoben: die Spärlichkeit des Grabinventars, das Fehlen gewisser für die Nachbargruppen bezeichnender Fibel- und anderer Schmuckformen, dafür aber verhältnismässig zahlreich auftretende Eisengegenstände u. dgl. m. Im XII.—XIII. Jh. bildete dieses Gebiet den Kern der südestnischen Landschaft Sakala. Die Bevölkerung dieses Gebietes spricht einen ausgeprägt eigenartigen Dialekt (Abb. 1), auch tritt uns dieser Landesteil als ein besonderes ethnographisches und volkskundliches Gebiet entgegen (Abb. 53 u 86). Auf Grund alles dessen nimmt Verf. an, dass dieser Teil Estlands am Anfang unserer Zeitrechnung ein eigenes Stammesgebiet gebildet habe.

K. Mark. **Einige Fragen der ethnischen Geschichte des estnischen Volkes im Lichte der Paläoanthropologie.** Die Waldzone Osteuropas, darunter auch das ostbaltische Gebiet, ist ursprünglich aus zwei Richtungen, von Süden und Osten her, besiedelt worden. Die ältesten anthropologischen Funde im Ostbaltikum, zwei in Litauen gefundene Schädel, stammen wahrscheinlich aus dem Mesolithikum (VIII.—VII. Jahrtausend v. d. Zw.). Sie vertreten einen frühen langköpfigen europäiden Typus und dürften somit als Beweis dafür dienen, dass die ersten Siedler dieses Gebietes südlicher Herkunft gewesen sind. Denselben Typus trifft man auch in der Folgezeit, im Neolithikum (III. Jahrtausend), in Estland sowie im östlichen Nachbargebiet bis zum Onegasee an (s. die Rekonstruktion Abb. 46, links). Schon sehr früh, im späten Mesolithikum oder Frühneolithikum (IV.—III. Jahrtausend) tritt daneben aber auch ein anderer Typus auf, der einen gewissen mongoliden Einschlag aufweist. Er zeichnet sich durch Kurzköpfigkeit, verflachtes Gesicht und breite Nase aus (s. die Rekonstruktion Abb. 46, rechts). Dieser Typus muss sich irgendwo in den Gebieten um das Uralgebirge ausgebildet haben, von dort ist er bis an die Ostsee, ja bis an ihre Südküste vorgedrungen.

Die Karte Abb. 45 veranschaulicht die Verbreitung dieser beiden anthropologischen Typen im Neolithikum (III.—II. Jahrtausend) in der Waldzone Osteuropas. Die Funde von europäiden Schädeln sind durch schwarze Zeichen (Nr. 2, 4, 6, 7) angegeben, die Funde von kurzköpfigen Schädeln, die gewisse mongolide Züge aufweisen, sind durch unausgefüllte Kreise oder Vierecke (Nr. 1, 3, 5) bezeichnet. Auch in Estland sind auf den neolithischen Siedlungsplätzen der kammkeramischen Kultur dieselben beiden anthropologischen Typen angetroffen worden, wobei die Schädel mit mongolidem Einschlag zahlenmässig überwiegen. Es ist sehr wahrscheinlich, dass das Eindringen einer Bevölkerung mit gewissen mongoliden Zügen das Erscheinen der Finnougrier, der frühen Vorfahren der Esten, Liven, Finnen und der anderen ostseefinnischen Völker, im ostbaltischen Gebiet anzeigt.

Im Spätneolithikum, am Anfang des II. Jahrtausends v. d. Zw., drang von Südwesten, aus dem Weichselgebiet, ins Ostbaltikum und nach Südwestfinnland die sog.

Bootaxtkultur ein, die von einer neuen Bevölkerungswelle getragen wurde. Die meisten der in den Bootaxtgräbern angetroffenen Skelette sind von ausgeprägt europäidem Typus. Sie sind massiv und zeichnen sich durch Langköpfigkeit, hohes und zugleich breites Gesicht und schmale Nase aus (s. die Rekonstruktionen Abb. 47, 48). Etwa der gleiche Typus war in den südlichen Teilen Osteuropas weit verbreitet, die nächsten Formen treten aber im Süden des Ostbaltikums auf. Das Eindringen der Bevölkerung der Bootaxtkultur trug wesentlich dazu bei, dass in der Folgezeit besonders in den westlichen Teilen Estlands (und Lettlands) der europäide Typus vorherrschend wurde. Die Träger der Bootaxtkultur waren höchstwahrscheinlich frühe baltische (litauisch-lettische) Stämme. Die Karte Abb. 44 gibt die Verbreitung der beiden erwähnten anthropologischen Typen im Neolithikum, einschliesslich des Spätneolithikums, wieder (1, 2 — kurzköpfige Schädel mit einigen mongoliden Zügen; 3, 4 — langköpfige Schädel von rein europäidem Typus).

Soweit aus der Bronze- und frühen Eisenzeit, d. h. dem I. Jahrtausend v. d. Zw., anthropologisches Material aus Estland vorliegt, gehört es vorwiegend demselben europäiden Typus an, der hier bereits im Spätneolithikum vertreten war. Ein dem I. Jahrtausend u. Z. entstammender Schädel aus Nordostestland ist jedoch kurzköpfig und zeigt, dass sich neben den langköpfigen, ausgeprägt europäiden Formen, wenigstens in Ostestland, auch der andere Typus mit östlichen Zügen erhalten hatte.

Während sich aus dem I. Jahrtausend u. Z. infolge der damals vorherrschenden Leichenverbrennung fast kein brauchbares anthropologisches Material erhalten hat, besitzen wir aus dem II. Jahrtausend wieder zahlreichere Skelettfunde. Am Anfang des II. Jahrtausends (XI.—XIII. Jh.) lassen sich in Estland im allgemeinen zwei verschiedene anthropologische Typen unterscheiden: 1. langschädelige Formen mit hohem und breitem Gesicht, die in ganz Estland vorwiegend in Flachgräbern auftreten; 2. mittelschädelige Formen, die sich durch ein breiteres und niedrigeres Gesicht auszeichnen und graziler als die ersten sind. Dieser Typus ist in Hügelgräbern im Nordosten Estlands in einer schmalen, der Nordküste des Peipsisees entlang verlaufenden Zone angetroffen worden. Er entspricht dem anthropologischen Typus der gemischten wotisch-russischen Bevölkerung im benachbarten Nowgoroder Gebiet (Abb. 49 : 5, 6). Die erstgenannten Formen haben wiederum nahe Analogien in den westlichen Teilen Lettlands und Litauens (Abb. 49 : 1, 2); sie gehen zweifellos auf den obenerwähnten spätneolithischen langköpfigen Typus zurück.

Die Schädel des XIV.—XVIII. Jahrhunderts weisen im Vergleich mit den älteren bereits geringere Typenunterschiede auf, was die Folge sowohl von dauernder gegenseitiger Mischung als von innerer Entwicklung war. Immerhin lassen sich in der genannten Zeit zwei Typen von Schädeln unterscheiden, von denen die einen mittelköpfig sind und ein relativ schmales Gesicht haben, während die anderen ebenfalls mittellang sind, aber ein breiteres Gesicht haben. Der erstere Typus tritt öfter in den westlichen Teilen Estlands auf und schliesst sich ähnlichen Schädelformen im Westen Lettlands und Litauens an (Abb. 51 : 1). Der zweite Typus ist in grösserer Anzahl in Ostestland vertreten und steht mit ähnlichen Formen in den östlichen Nachbargebieten Estlands in unmittelbarer Verbindung (Abb. 51 : 3).

Unter der gegenwärtigen Bevölkerung Estlands überwiegt in den westlichen Teilen des Landes der sog. westbaltische Typus (auch nordischer Typus genannt, Abb. 52 : 1, 2), während im Osten der ostbaltische Typus vorherrschend ist (Abb. 52 : 3, 4). In vielen Landesteilen halten sich beide Typen etwa das Gleichgewicht (Abb. 52 : 5). Der westbaltische Typus geht letzten Endes auf die obenerwähnten frühen langköpfigen Europäiden, der ostbaltische auf die aus dem Osten stammende neolithische kurzköpfige Bevölkerung mit mongoliden Zügen zurück.

A. Moora. **Über die historisch-ethnographischen Gebiete Estlands.** Die estnische Sachkultur ist nicht einheitlich, sondern bildet mehrere örtliche Gruppen oder Gebiete, die wiederum in eine Reihe von Untergebieten zerfallen. Bis vor kurzem war man der Ansicht, dass die volkstümliche Kultur der Esten ursprünglich einheitlich gewesen sei und dass ihre lokalen Eigentümlichkeiten sich verhältnismässig spät, vorwiegend seit dem XVII.—XVIII. Jahrhundert ausgebildet hätten. Dabei versuchte man die Entstehung der lokalen Sonderzüge in erster Linie durch Einwirkung verschiedener Nachbarkulturen — der schwedischen, finnischen, russischen und lettischen Sachkultur — zu erklären. Eine nähere Untersuchung der örtlichen Eigentümlichkeiten der Sachkultur und ihrer Verbreitung hat erwiesen, dass diese frühere Ansicht unbegründet ist. Wenngleich gewisse äussere Einflüsse am Entstehen mancher örtlicher Sonderzüge mitgewirkt haben mögen und wenn auch das ethnographische Material meistenteils verhältnismässig jungen Ursprungs ist, so gehen die in diesem zum Vorschein kommenden Gruppen auf uralte lokale Traditionen zurück, die letzten Endes auf den kulturellen Eigentümlichkeiten der verschiedenen estnischen Stämme beruhen. Dies ergibt sich vor allem aus der Übereinstimmung der ethnographischen Gebiete und ihrer Untergebiete mit der geographischen Verbreitung der Dialekte und Mundarten der estnischen Sprache, sowie mit den lokalen Gruppen des geistigen volkskundlichen Stoffes und nicht zu allerletzt auch mit den archäologischen Kulturgruppen der ersten Jahrhunderte u. Z. (vgl. die Karten Abb. 53, 1, 86 u. 11).

Die Eigentümlichkeiten der verschiedenen historisch-ethnographischen Gebiete Estlands kommen fast in allen Elementen der materiellen Kultur mehr oder minder deutlich zum Ausdruck, besonders gut lassen sie sich aber an der Volkstracht beobachten. In den örtlichen Sonderzügen der estnischen Volkstrachten spiegeln sich vier ethnographische Hauptgebiete wider, nämlich das süd-, nord- und westestnische, sowie das Inselgebiet, die ihrerseits einige Untergebiete aufweisen.

Im südestnischen Gebiet (Abb. 53 : D) zeichneten sich die Volkstrachten insbesondere durch zähes Fortbestehen vieler altertümlicher Erscheinungen aus. So trugen z. B. die Frauen dort in manchen Gegenden noch am Anfang des vorigen Jahrhunderts keinen Rock, sondern ein an der Seite offenes Umlegetuch und ein Lendentuch (Abb. 59 u. 60), desgleichen erhielt sich dort lange das viereckige Manteltuch. Altertümliche Formen erhielten sich sowohl in der Frauen- wie in der Männertracht, besonders in der Gegend südwestlich vom Võrtsjärv-See (Südsakala, vgl. Abb. 57, 58). Die verheirateten Frauen trugen in vielen Gegenden auf alte Weise verschiedenartige Kopfbinden (Abb. 54, 55 u. 59). Später verbreiteten sich im allgemeinen jüngere Kleidungsformen von gleicher Art wie in den übrigen Teilen Estlands. Die spätere Frauentracht bestand z. B. aus einem längsgestreiften bunten Rock, einer schnurverzierten Jacke und einer kleinen Haube (Abb. 56). Die südestnische Tracht wies einige gemeinsame Züge mit der lettischen und russischen bzw. weissrussischen Volkstracht auf.

Recht abweichend von der Tracht der übrigen Südesten war die Kleidung der südöstlichsten Gruppe der Esten, der sog. Setukesen (Abb. 64). Die Tracht der Setukesen, die dauernd unter Russen gelebt hatten, wies bedeutende russische oder weissrussische Entlehnungen auf. Die setukesische Frauentracht zeichnet sich besonders dadurch aus, dass zu ihr kein Rock, wie im übrigen Estland, sondern ein weisses Hemd mit überlangen Ärmeln gehörte. Im übrigen trugen die Setukesinnen gleich den südestnischen Frauen ein Lendentuch und eine lange handtuchartige Kopfbinde.

In Südestland herrschte das geometrische Ornament vor. Soweit in einem begrenzten westlichen Teil des Gebietes geometrisierte Pflanzenmuster vorkamen (Abb. 59), ist dies offenbar auf Verbindungen mit dem lettischen Gebiet zurückzuführen.

Im nordestnischen Gebiet (Abb. 53 : A) war für die Frauentracht eine über dem Hemde (Abb. 69) getragene kurze Bluse bezeichnend (Abb. 66, 67). In früheren Zeiten trugen die verheirateten Frauen eine eigenartige Kopfbedeckung mit Rückenlatz (Abb. 67, 68). Seit dem Ende des XVIII. Jh. wurde diese durch die „Korbmütze" auf Pappunterlage verdrängt. Für die nordestnische Frauentracht waren neben den älteren geometrischen Ornamenten gestickte Pflanzenmuster eigentümlich, mit denen die Blusen und Kopfbedeckungen verziert wurden (Abb. 68). Die Fussbekleidung — Lederpasteln oder Bastschuhe — wurde in Nordestland anders als im Süden und Westen des Landes gebunden (vgl. Abb. 70 u. 63, 72).

Der nördlich von den Städten Tartu und Viljandi gelegene Teil Mittelestlands bildete inbezug auf die Volkstracht eine Übergangszone zwischen dem nord- und dem südestnischen Gebiet.

Völlig abweichend war die Volkstracht in einem begrenzten Landstrich nördlich und nordwestlich des Peipsisees. Dieser Teil Estlands hatte ehemals eine gemischte russisch-wotische Bevölkerung gehabt, von der sich entsprechende Elemente in der Tracht erhielten.

Einige Sonderzüge der Frauentracht im westestnischen Gebiet gibt die Abb. 71 wieder. Zur Frauenkleidung gehörten hier ausser einem mit Stickereien verzierten Hemde (das im allgemeinen den im übrigen Estland getragenen Hemden glich) ein längsgestreifter Rock, ein buntes Brusttuch und dazu noch öfters ein Mieder. Die Kopfbedeckung bestand aus einer sog. Hufmütze auf Pappunterlage. Im Norden des westestnischen Gebietes machten sich in der Volkstracht manche nordestnische, im Süden dagegen südestnische Züge bemerkbar. Neben dem üblichen geometrischen Ornament traten auf den Kopfbedeckungen der Frauen im mittleren Teil des Gebietes Pflanzenmuster auf.

Auf den Inseln trugen die Frauen ein mit Stickereien verziertes Hemd, einen plissierten schwarzen Rock, der im unteren Teil quergehende bunte Streifen hatte, ein kurzes Mieder und oft auch noch ein buntes Brusttuch (Abb. 73). Auf den Inseln Muhu und Hiiumaa wurde früher über dem Hemde eine Bluse getragen. Die Kopfbedeckungen der Frauen waren recht verschiedenartig. Eine ältere traditionelle Kopfbedeckung bildete eine sich nach oben erweiternde Mütze mit hohem Rande (Abb. 73 u. 74). Neben dem allgemein üblichen geometrischen Ornament trat im westlichen Teil der Insel Saaremaa auf den Frauenmützen auch ein eigenartig stilisiertes Pflanzenornament auf (Abb. 74). Während auf dem Festland seit dem Anfang des XIX. Jh. die wollenen Langröcke und Jacken sowohl der Frauen wie der Männer meistenteils blau gefärbt wurden, blieben sie auf den Inseln weiterhin grau oder bräunlich.

Es sei noch bemerkt, dass die in der Volkstracht zum Vorschein kommenden Untergebiete (Abb. 53 : a, a_1, b, c ...) sich im allgemeinen mit der Verbreitung der örtlichen estnischen Mundarten und Untergruppen der Volksdichtung und -musik (Abb. 86) decken.

Die örtlichen Verschiedenheiten, die in den übrigen Elementen der estnischen Sach-

kultur beobachtet werden können, verteilen sich geographisch im ganzen ähnlich den verschiedenen Gruppen der Volkstracht. Als ein Beispiel führt Verf. die Verbreitung der Dorftypen an. Auch in dieser Beziehung hebt sich Südestland scharf vom Norden und Westen des Landes ab. In Südestland herrschen kleine Streudörfer vor (Abb. 76 u. 81 : 7). In Mittelestland, im Übergangsgebiet, treten oft Reihen- oder Kettendörfer auf (Abb. 77 u. 81 : 5, 6). Für Nordestland sind undichte Haufendörfer typisch (Abb. 78 u. 81 : 3, 4), während für die äusserste Westküste und die vorlagernden Inseln dichte Haufendörfer eigentümlich sind (Abb. 80 u. 81 : 1, 2). Die russischen Dörfer am Peipsisee und ein Teil der setukesischen Dörfer waren Strassendörfer (Abb. 81 : 8).

Als ein weiteres Beispiel wird die Verbreitung der verschiedenen Ackergeräte, speziell die der Pflugtypen angeführt.

Den einfachsten und ältesten Pflugtypus stellt der aus einem Tannenstock bestehende Stockpflug dar (Abb. 82 : 1). Er scheint bereits um die Zeitrechnungswende im ganzen Ostbaltikum und bei den südlich benachbarten slawischen Stämmen in Gebrauch gewesen zu sein. Der Stockpflug wurde ursprünglich anscheinend von Ochsen gezogen. In vervollkommneter Form, mit verstellbarem Scharstück und Eisenschar, hat er sich bis vor kurzem stellenweise in Nordwestestland erhalten (Abb. 82 : 2, u. 85 : 1). An der Westküste und auf den Inseln Estlands, für welche flache, steinige Böden charakteristisch sind, wurde der Stockpflug durch den Hakenpflug mit Krümel und flachliegendem Scharstück ersetzt (Abb. 82 : 3 u. 85 : 2), der auch in Südwestfinnland auf steinigen Böden benutzt worden ist. Auch der Hakenpflug mit Krümel war vorwiegend ein Ochsenpflug. In den meisten Teilen des Festlandes aber, wo tiefere Böden vorherrschen, trat an die Stelle des einscharigen Stockpfluges etwa gegen Ende des I. Jahrtausends der Stockpflug mit gegabelter Schar. Man hat diesen Pflug auch den Gabelpflug vom Polesjetypus genannt (nach seinem Vorkommen in Polesje, Weissrussland). Auch diese Art von Pflügen konnte man noch kürzlich in Nordwestestland antreffen (Abb. 85 : 4).

Noch später (vielleicht im XII.—XIV. Jh.) wurde dieser Pflug aus dem grössten Teil des Ostbaltikums durch den sog. russischen Gabelpflug (Abb. 84 : 1) verdrängt, der von einem Pferde gezogen wurde. In Süd- und besonders in Südostestland, wo die Sachkultur so manche gemeinsame Elemente mit der russischen und lettischen Kultur aufwies und wo vorwiegend das Pferd als Zugtier diente, fand der russische Gabelpflug mit zwei kurzen Deichselstangen ohne weiteres Eingang (Abb. 85 : 5). In Mittel- und Nordestland aber, wo Ochsen als Zugtiere vorherrschten, entstand zwischen dem älteren Gabelpflug, dem der Tannenstock zugrunde lag, und dem russischen Gabelpflug eine Mischform, der Gabelpflug mit Sterzen, der eine (als Ochsenpflug) oder zwei Deichselstangen (als Pferdepflug) hat (Abb. 83, 85 : 3). Schliesslich gelangte in den äussersten Nordosten Estlands, in die von einer gemischten russisch-wotischen Bevölkerung bewohnten Gebiete, aus dem benachbarten Teil Nordrusslands noch eine dritte, nordrussische Variante des Gabelpfluges, die sich durch ein stark gekrümmtes Scharstück und messerartige schmale Schareisen auszeichnet (Abb. 84 : 2, 85 : 6).

Obgleich wir vorläufig die geschichtliche Entwicklung der estnischen Sachkultur nur mangelhaft kennen, lassen sich in ihr einige Schichten verschiedenen Alters nachweisen, von denen die älteste bis um die Zeitrechnungswende zurückreichen dürfte. Verf. versucht in aller Kürze die Entstehung einiger der wesentlichsten Eigentümlichkeiten der estnischen Kulturgebiete zeitlich festzustellen und anzudeuten, was von diesen auf innerer Entwicklung beruht, und was durch Verbindungen mit den Nachbarvölkern zu erklären ist.

H. Tampere. **Einige Fragen der ethnischen Geschichte der Esten im Lichte der Volkskunde.** Die ältere estnische Volksdichtung und die alten Bräuche, wie sie aus der ersten Hälfte des vorigen Jahrhunderts überliefert sind, haben sich im wesentlichen im Zeitalter des Feudalismus ausgebildet. Doch haben sich in ihnen auch bedeutend ältere Elemente erhalten. Um den volkskundlichen Stoff als Geschichtsquelle benutzen zu können, müssen zuallererst seine verschiedenen Schichten zeitlich gegliedert werden. Erst danach wird man Schlüsse über die Entstehung und Herkunft der einzelnen Schichten ziehen können. Im vorliegenden Aufsatz wird der Versuch gemacht, in den estnischen Volksbräuchen sowie in der älteren Volksdichtung und -musik einige der ältesten Ablagerungen festzustellen und die Ergebnisse der Untersuchung derselben zur Beleuchtung einiger Fragen der ethnischen Geschichte des estnischen Volkes heranzuziehen.

Der volkskundliche Stoff verteilt sich nach seinen lokalen Eigentümlichkeiten im allgemeinen ebenso wie die estnischen Dialekte (vgl. die Karten, Abb. 86 u. 1). Es lassen sich dieselben beiden Hauptgebiete unterscheiden: das nordestnische und das südestnische (Abb. 86 : I, II). In beiden weisen sowohl die Volkslieder wie die mit diesen verbundenen Bräuche wesentliche Verschiedenheiten auf, die besonders in ihren älteren Schichten zum Vorschein kommen. Auch die volkstümliche Musik ist in beiden Gebieten verschiedenen Charakters. Das weite nordestnische Hauptgebiet zerfällt in drei enger begrenzte Gebiete: das nordestnische im engeren Sinn (Abb. 86 : *A*), das mittelestnische (*B*) und das westestnische (*C*).

Im engeren nordestnischen Gebiet (*A*) ist die volkskundliche Überlieferung im allgemeinen recht einheitlich. Immerhin treten in diesem Gebiet ziemlich deutlich einige auf alte Stammesgruppen zurückgehende Untergebiete hervor, so z. B. der Küstenstrich (Abb. 86 : $a_{2,3}$), das Binnenland (a_1) und der wotisch beeinflusste Ostteil (a_4). Von den älteren Liederarten zeichnen sich neben den Ernte- und lyroepischen Liedern ganz besonders die Schaukellieder aus, für die ein besonderer musikalischer Rhythmus charakteristisch ist. Das nordestnische Gebiet war die eigentliche Heimat der Kalevipoeg-Sagen. Die nordestnischen Lieder haben viel Gemeinsames mit dem wotischen, ingrischen und finnischen Liederrepertoire. In den nordestnischen Volksmelodien und Bräuchen finden sich auch manche slawische Züge.

Der Landstrich nördlich von Tartu und Viljandi bildete das mittelestnische Gebiet (*B*). In diesem Gebiet treten nebeneinander nord- und südestnische Erscheinungen auf.

Zum westestnischen Gebiet (*C*) gehörten die Inseln und der westlichste Teil des estnischen Festlandes. Die alten Schaukel- und Erntelieder, die für Nordestland bezeichnend waren, hatten sich hier nur wenig entwickelt. Dagegen nahmen hier die Hochzeitslieder, verschiedene Spiele und Männerlieder eine hervorragende Stellung ein. Dementsprechend zeichneten sich hier auch die Melodien durch einen schwunghaften, gewissermassen dramatischen Zug aus. In den Spielen und Bräuchen der Inselbevölkerung fanden sich schwedische Elemente; ihre Bräuche waren in vielem auch denen der Liven und Letten ähnlich, sie hatten manchen gemeinsamen Zug sogar mit dem weissrussischen Brauchtum. In der Umgebung von Pärnu machte sich in den Volksliedern und -bräuchen sowohl nord- wie südestnischer Einfluss geltend. Diese Gegend war übrigens zu einem wesentlichen Teil von Südestland aus besiedelt worden.

Während die nord- und westestnischen volkskundlichen Gebiete meistenteils nur geringe Verschiedenheiten aufwiesen und die Übergänge zwischen ihnen fliessend waren, waren die einzelnen Teile des südestnischen Hauptgebietes (II) bedeutend schärfer durch örtliche Eigentümlichkeiten gekennzeichnet. Daraus ergibt sich, dass die Entwicklung des volkskundlichen Stoffes jedes dieser Untergebiete auf eigenen Wegen verlaufen ist und dass ihm zum Teil verschiedene Elemente zugrunde liegen. Beachtenswert war die Fülle der Arbeits- und Hochzeitslieder im westlichen Teil des südestnischen Hauptgebiets (des sog. Mulgimaa, Abb. 86 : d_1). Typisch für dieses Gebiet waren insbesondere Hochzeitslieder mit dem Refrain *kaske*, Erntelieder mit dem Refrain *üles-es-les-les* und gewisse Hirtenlieder (sog. *alletamised*), mit sehr melodischen Weisen. Dieselben Liederarten fanden sich auch in der Gegend zwischen Otepää und Valga (d_2) und bei den Setukesen (d_5), aber in jedem dieser Untergebiete in sehr eigentümlicher Form. In der Umgebung von Põlva und Räpina (d_4) sowie von Tartu waren diese Lieder nur schwach vertreten, auch wiesen ihre Melodien dort wenig Eigenart auf. Ein Sonderzug des setukesischen Gebiets kam darin zum Ausdruck, dass dort Volkslieder von mehrstimmigen Chören vorgetragen wurden. Auch waren dort epische Lieder verbreitet, während im übrigen Südestland lyrische Lieder durchaus vorherrschten. Die Setukesen verfügten ausserdem über ein reiches Repertoire von Volksmärchen, das viele Übereinstimmungen mit der russischen, insbesondere aber mit der weissrussischen und ukrainischen Märchenwelt aufwies. Ein eigenes Untergebiet bildete die Gegend von Hargla (d_3), wo im volkskundlichen Stoff gewisse Eigentümlichkeiten auftraten, die vermutlich für die einst in Nordlettland ansässigen Estenstämme bezeichnend gewesen waren.

Die Karte Abb. 87 veranschaulicht auf Grund des archäologischen Materials den Gang der Besiedlung Estlands im I. Jahrtausend und am Anfang des II. Jahrtausends; durch schwarze Kreise (Abb. 87 : 1, 2) sind die in den ersten Jahrhunderten des I. Jahrtausends besiedelten Landesteile bezeichnet, durch Schraffur oder Punktierung (Abb. 87 : 3—5) die später besiedelten Gebiete. An der Besiedlung Südostestlands nahmen auch slawische Elemente teil (Abb. 87 : 6), in den Nordosten drangen kleinere Gruppen einer gemischten russisch-wotischen Bevölkerung ein. Seit dem Anfang des II. Jahrtausends konsolidierten sich die estnischen Stämme sowie die von aussen hinzugekommenen Elemente zur estnischen Völkerschaft. Die ihm zugrundeliegenden alten Stämme lassen sich gleich den von aussen hinzugekommenen Elementen im volkskundlichen Stoff recht gut verfolgen. In den ehemaligen Gebieten der süd- und nordestnischen Stämme erhielten sich auch weiterhin verschiedenartige Bräuche und Lieder sowie Melodien. Als Beispiel werden die Verschiedenheiten angeführt, die in Süd- und Nordestland sowohl in den Schaukelliedern selbst, als in der Zeit, während welcher das Schaukeln von der Dorfjugend ausgeübt wurde, zum Ausdruck kommen (Abb. 89). In Südestland war das Schaukeln, ebenso wie in den benachbarten Gebieten Nordlettlands und Russlands, nur auf das Frühjahrsfest (Ostern) beschränkt, während es im Norden den ganzen Sommer hindurch andauerte. Im Zusammenhang damit waren auch in Nordestland die betreffenden Bräuche und Lieder viel mehr entwickelt, als im Süden. In einem Teil Westestlands, in der Gegend von Pärnu, die sowohl von Norden wie von Süden aus besiedelt worden war, treten die mit dem Schaukeln verbundenen Bräuche in gemischter Form auf. Im östlichen Teil Südestlands, in dem ehemals slawische Volkselemente gesiedelt hatten, waren die Schaukellieder nur schwach vertreten.

Die mittelestnischen Landschaften nördlich von Tartu und Viljandi, die nach der Mundart der Bevölkerung zu Nordestland gehörten, scheinen im Laufe des Konsolidierungsprozesses der estnischen Völkerschaft im allgemeinen in engere Verbindungen mit Südestland gekommen zu sein. Das zeigt sich zum Beispiel in der Ausbreitung vieler südestnischer Typen von Ernteliedern (Abb. 91) sowie ihrer eigentümlichen Melodien (Abb. 92) nach Mittelestland. In derselben Weise haben sich die südestnischen Melodien der Schaukel- (Abb. 94) und Hochzeitslieder (Abb. 95) verbreitet.

Zum Schluss wird die Frage nach der Herkunft der südöstlichsten Gruppe der Esten, der Setukesen, gestreift. Aus der ersten Hälfte des I. Jahrtausends kennt man bisher aus dem setukesischen Gebiet keine Altertümer. In der Mitte des I. Jahrtausends treten dort Hügelgräber von slawischem Typus auf (Abb. 96 : 3), die davon zeugen, dass dorthin, ebenso wie in die übrigen südöstlichen Teile Estlands, Slawen eingedrungen waren. Immerhin besteht die Möglichkeit, dass dort auch eine ältere estnische Bevölkerungsschicht vorhanden war. Im Mittelalter ergänzte sich die estnische Bevölkerung Setukesiens durch den Zustrom von estnischen Bauern aus Livland. Dieser Zustrom muss recht beträchtlich gewesen sein. Dies geht aus der Tatsache hervor, dass den orthodoxen Setukesen eine Reihe von katholischen Heiligen und Begriffen bekannt war, die aus Livland herübergebracht sein müssen. Dem setukesischen Volkssplitter scheinen somit sowohl estnische als slawische ethnische Elemente zugrunde gelegen zu haben. Schon in älterer Zeit müssen dennoch die estnischen Elemente den Grundstock gebildet haben. Die ältere Liederüberlieferung der Setukesen stimmt nämlich mit der des südlichen Teiles der übrigen südöstlichen Esten gut überein (vgl. Abb. 97—99). In der jüngeren Schicht des Liederrepertoires sowie in der übrigen Volksdichtung macht sich aber in zunehmendem Masse russischer Einfluss geltend.

Die setukesische volkskundliche Überlieferung weist auch einige Züge auf, die sie mit dem entsprechenden Stoff der nördlichen Nachbargebiete bis an den Finnischen Meerbusen und das Wotenland hinauf verbinden. So enthalten z. B. die Fischerlieder in diesem ganzen Gebiet gemeinsame Motive (Abb. 100). Auf Grund dieser Erscheinung dürfte man annehmen, dass auch die ostseefinnischen Stämme, die nördlicher um den Peipsisee ansässig waren, irgendeinen Anteil an der Entstehung der kleinen setukesischen Volksgruppe gehabt haben.

СОКРАЩЕНИЯ

ИИ = Институт Академии наук Эстонской ССР

ИМ = Исторический Музей Академии наук Эстонской ССР

ЭМ = Этнографический музей Академии наук Эстонской ССР

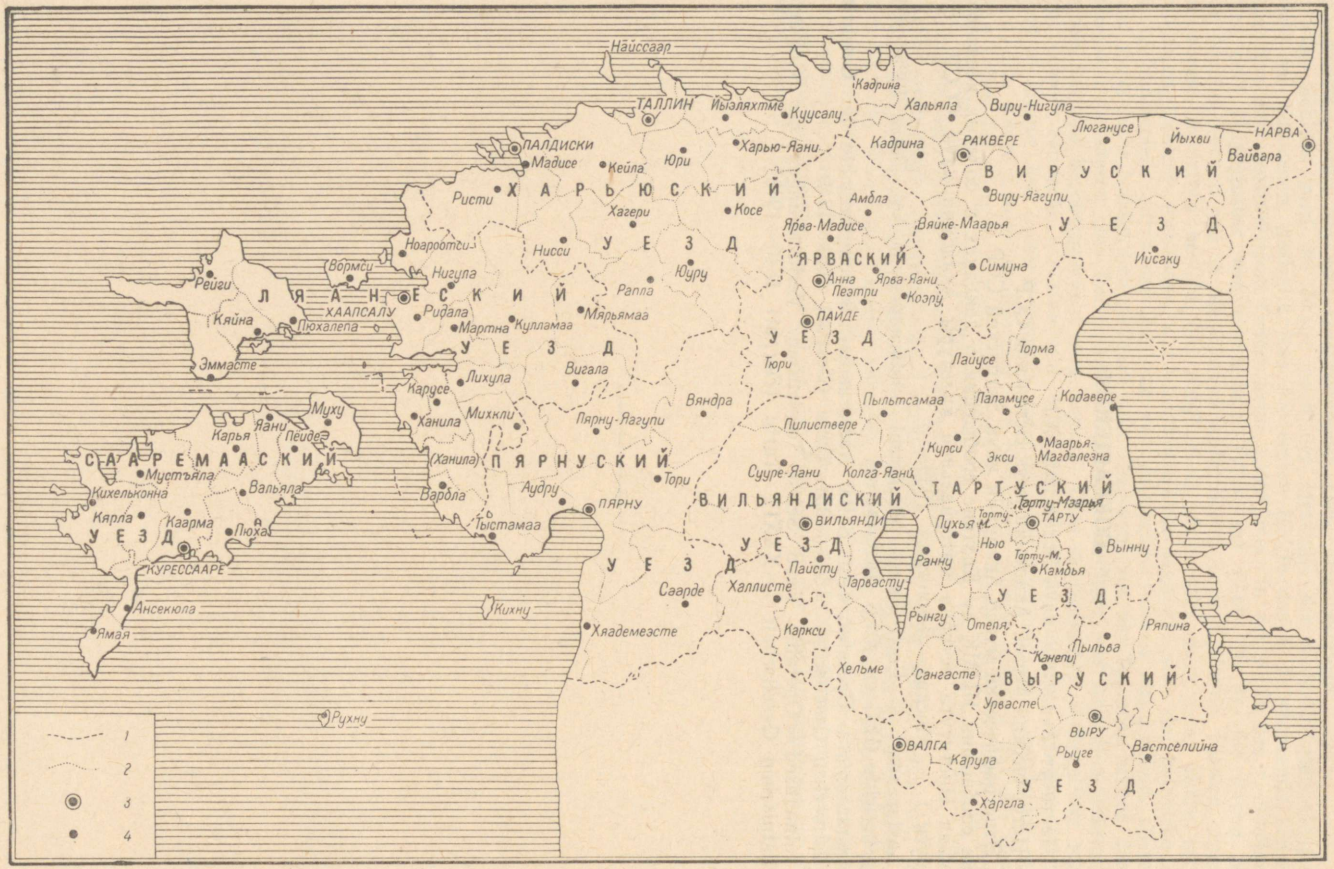
Краткие сообщения ИИМК = Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Выпуск I —, Москва—Ленинград, 1939—

ERM Aastaraamat = Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat I—XV. Tartu 1925—1947.

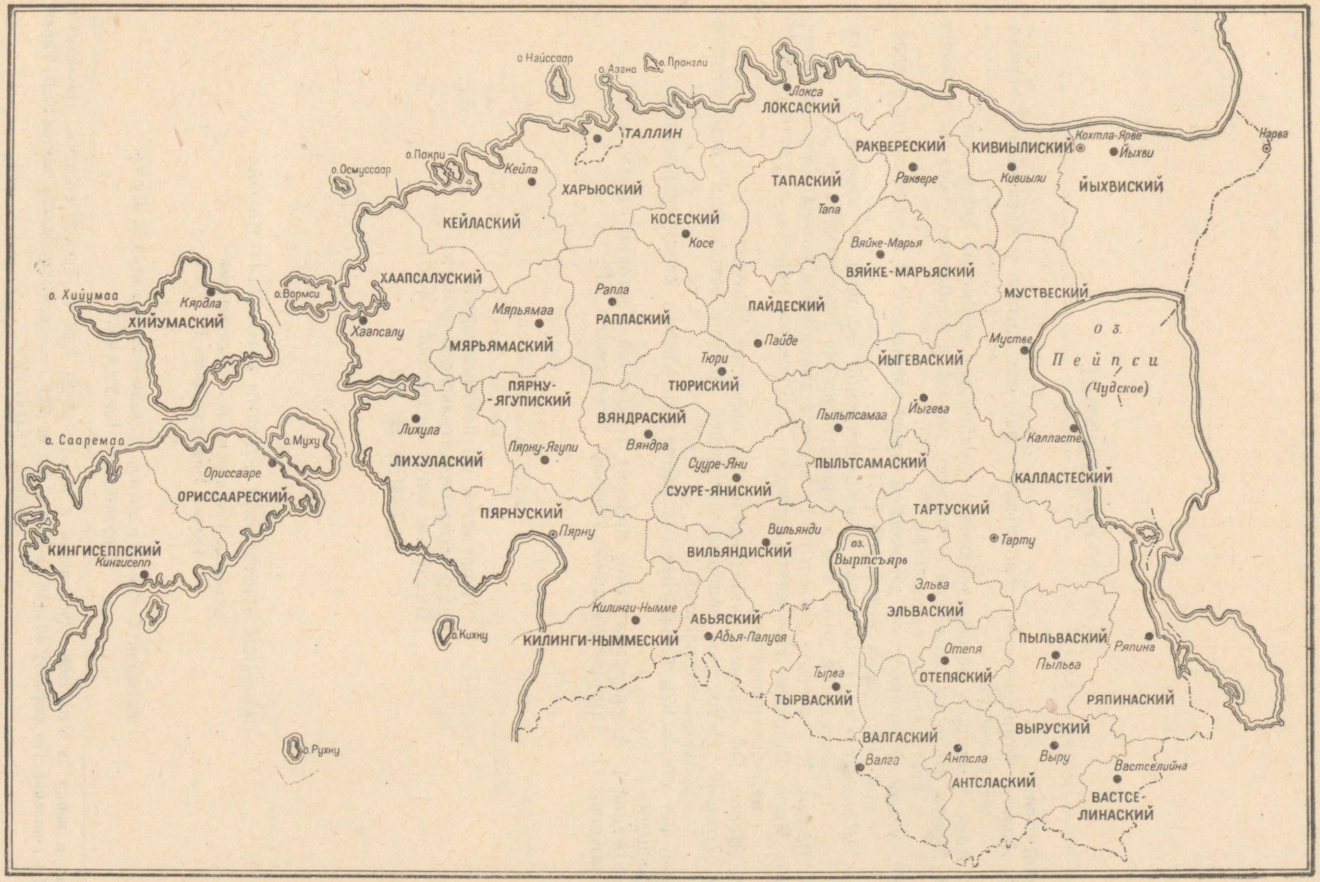
Sitzungsberichte GEG см. ÕES Aastaraamat

ÕES Aastaraamat = Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1861—1938. Tartu (Dorpat) 1861—1940

ÕES Toimetused = Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft I—XXXIV. Tartu (Dorpat) 1840—1943.



Административное деление территории Эстонии в XIX веке. *1* — границы уездов; *2* — границы кихелькондов; *3* — города; *4* — центры кихельконда.



Административное деление Эстонской ССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
П. А. Аристэ. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития 5
А. Х. Каск. К вопросу об образовании и группировке эстонских диалектов 28
Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии 49
Л. Ю. Янитс. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР 142
М. Х. Шмидехельм. О племенах северо-восточной Эстонии во второй половины I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. 172
А. К. Вассар. К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии 187
К. Ю. Марк. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии 219
А. Х. Моора. Об историко-этнографических областях Эстонии 243
Х. Т. Тампере. Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества 293
Fragen der ethnischen Geschichte des estnischen Volkes. Zusammenfassung . . . 319
Сокращения 329
Приложение I. Административное деление территории Эстонии в XIX веке . . . 330
Приложение II. Административное деление Эстонской ССР 331

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Эстонской ССР
РИСО № 231

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярну маантеэ, 10

*

Редактор А. Скворцова. Технический редактор Х. Коху
Корректор Н. Круглова

Сдано в набор 28 VIII 1956. Подписано к печати 14 XI 1956. Бумага 70 × 108, 1/16. Печатных листов 20 75 + 1 вклейка. По формату 60 × 92 печатных листов 28,6. Учетно-издательских листов 27,41. Тираж 2000. МВ-07953. Заказ 2570.

Типография имени Ханса Хейдеманна, г. Тарту, Валликраави, 4.

Цена 17 р. 95 к.

1—9

Исправления и опечатки

С р.	Строка	Напечатано	Должно быть
8	9 сн.	стр. 13.	стр. 93.
14	20 сн.	*kahtę-* ... вепское	*kahte-* ... вепсское
28	3 сн.	Estnishe Sprache, Revale	Estnischen Sprach, Revall
29	7 сн.	1897	1879
32	18 св.	*ük̀s*	*uk̀s*
38	12 св.	*-ze*: *külaze* ... *taluze*	*-Ze*: *külaZe* ... *taluZe*
45	20 св.	словах	слогах
107	1 сн.	104.	105.
119	11 сн.	Хамэ	Хямэ
136	4 сн.	*9* — городища	*9* — клады и *10* — городища
156	5 сн.	ямочки, ... штампом и	ямочки и ... штампом
161	25 св.	бытования	бытования типичной
176	29 св.	эры.	эры.[4]
184	10 св.	говора	города
211	26 св.	Тарту	Тару
227	2 св.	(правый) ... (левый)	(левый) ... (правый)
255	12 сн.	покрывалом	покрывалам
256	4 сн.	saulote	saulutė
272	9 сн.	Gränö	Granö

Зак. 2570.

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярну маантеэ, 10

*

Редактор А. Скворцова. Технический редактор Х. Коху
Корректор Н. Круглова

Сдано в набор 28 VIII 1956. Подписано к печати 14 XI 1956. Бумага 70 × 108, 1/16. Печатных листов 20 75 + 1 вклейка. По формату 60 × 92 печатных листов 28,6. Учетно-издательских листов 27,41. Тираж 2000. МВ-07953. Заказ 2570.

Типография имени Ханса Хейдеманна, г. Тарту, Валликраави, 4.

Цена 17 р. 95 к.

1—9

7.- kr.

Alates 1. I 1961. a.
Hind 1 rbl. 80 kop.
Hind 70 kop.

TÜ RAAMATUKOGU
10300014352688

XIII
1B-142